Библіотека Н. П. Малютина.

Отдѣлъ VIII

Шкафъ 16.

№ 1026

3 т.

JUN 1925

ВОСПОМИНАНІЯ

И

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ

П. В. Анненкова.

1849—1868 гг.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ Книжномъ Складѣ Типографіи М. Стасюлевича,
Вас. Остр. 2 л., 7.

1877

СОЧИНЕНІЯ П. В. АННЕНКОВА

891
А. 68.

ВОСПОМИНАНІЯ

и

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ

П. В. Анненкова.

ПРОВЕРЕНО 1923 г.

1849—1868 гг.

Московский Библиотека имени Н. В. Гоголя Красно-Просп.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л., 7.

1877

(309)

Въ теченіи двадцати лѣтъ (1849—1868 гг.) П. В. Анненковъ (род. въ 1813 г.) принималъ участіе въ нашей журналистикѣ, главнымъ образомъ въ „Современникѣ“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Изданіе имъ Пушкина (1854—57 г.), остающееся и до сихъ поръ образцовымъ, въ сравненіи съ послѣдующими изданіями нашего поэта, собраніе матеріаловъ для біографіи Пушкина, вмѣстѣ съ историческимъ очеркомъ его жизни въ Александровскую эпоху, а также біографія Станкевича—всѣ эти труды давно дали П. В. Анненкову почетное мѣсто въ ряду изслѣдователей исторіи нашей новѣйшей литературы. Къ числу такихъ же видныхъ работъ слѣдуетъ отнести и его „Воспоминанія о Гоголѣ“, которыя составляютъ собственно цѣльный біографическій очеркъ; бывъ напечатанъ въ журналѣ, этотъ очеркъ хотя и обратилъ въ свое время вниманіе на себя, но затѣмъ подвергся общей участи журнальныхъ статей, такъ что въ настоящее время онъ, будучи, можно сказать, единственнымъ полнымъ и обстоятельнымъ очеркомъ жизни Гоголя — извѣстенъ однимъ спеціалистамъ. Журнальныя работы П. В. Анненкова, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, начались въ „Современникѣ“: онѣ были посвящены нашему провинціальному быту, какъ онъ сложился наканунѣ пятидесятыхъ годовъ. Авторъ избралъ мѣстомъ для своихъ наблюденій Волгу и ея населеніе. Въ то время, одною изъ новыхъ попытокъ въ нашей литературѣ было—озна-

комить общество съ культурнымъ положеніемъ нашей народной массы; и теперь подобныя наблюденія не утрачиваютъ значенія историческаго памятника своей эпохи, который даетъ возможность сравнить недалекое прошлое съ настоящимъ. Заграничныя путешествія въ сороковыхъ годахъ представили П. В. Анненкову случай быть очевидцемъ февральскихъ и мартовскихъ дней въ Парижѣ 1848 года; въ печати воспоминанія объ этихъ дняхъ явились только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Публицистическая дѣятельность П. В. Анненкова и ограничилась почти этими вышеупомянутыми наблюденіями и воспоминаніями; его гораздо болѣе интересовала литературная критика, чему много способствовали его тѣсныя отношенія къ главнымъ литературнымъ кружкамъ того времени, — и литературной критикѣ была посвящена потому главная часть его журнальной дѣятельности.

Послѣднія десять лѣтъ П. В. Анненковъ былъ вынужденъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, проводить почти постоянно за-границею; сколько мы знаемъ, онъ посвящаетъ свободное отъ болѣзни время на составленіе литературныхъ воспоминаній объ эпохѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ; дружба и знакомство его со многими изъ писателей этой эпохи ручаются за интересъ подобнаго труда, образчикъ котораго онъ далъ намъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, вошедшихъ въ составъ настоящаго перваго отдѣла, вмѣстѣ съ прочими воспоминаніями.

Критическія статьи составятъ второй отдѣлъ; быть можетъ, затѣмъ явится и третій, если справедливо сообщенное нами выше извѣстіе объ обработкѣ литературныхъ воспоминаній автора и приведеніи имъ въ порядокъ своей литературной корреспонденціи.

С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1877.

С.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛА.

стр.

I. — Наканунѣ пятидесятыхъ годовъ. Письма изъ провинціи (1849 г.). 1

II. — Николай Васильевичъ Гоголь въ Римѣ, лѣтомъ 1841 года (1857 г.) 161

III. — Февраль и мартъ въ Парижѣ, 1848 г. (1862 г.) . . . 241

IV. — Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Біографическій очеркъ (1868 г.) 329

НАКАНУНѢ

ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

I.

Много, очень много было говорено въ недавнее время о необходимости изученія родного края; но до тѣхъ поръ, пока мы будемъ только переѣзжать изъ Москвы въ деревню и обратно, до тѣхъ поръ, покуда всякій городъ на пути *къ мѣсту назначенія* будетъ для насъ имѣть единственно интересъ станціи, а само *мѣсто назначенія* глубокимъ успокоеніемъ послѣ многихъ станцій,—цѣль будетъ всегда убѣгать отъ насъ. Напрасно и правительство, и частные люди *de bonne volonté* на нашихъ глазахъ соединяютъ усилія для ознакомленія русскихъ съ прошедшею и современною жизнью ихъ отечества: свѣдѣнія, сообщаемыя ими, драгоцѣнны для науки, выводовъ и соображеній, но живой обликъ страны остается все еще подъ покрываломъ, какъ Изида. На городахъ нашихъ лежитъ какая-то безличность, а между тѣмъ всякій, кто ближе присматривался къ нимъ, очень хорошо знаетъ, что если не всѣ, то по-крайней мѣрѣ главные города губерній имѣютъ свое особенное выраженіе, свою нравственную физіономію. Яснымъ типическимъ характеромъ въ сознаніи русскаго народа надѣлена послѣ Москвы и Петербурга только Одесса, да имъ же надѣленъ, можетъ быть, еще Кіевъ. А отчего? Оттого, что въ европейской Россіи мы только къ этимъ городамъ *и путешествуемъ*. Спрашиваю всѣхъ,

невыѣзжавшихъ изъ Петербурга, какой образъ, какое понятіе соединено у нихъ съ городами Владиміръ, Рязань, Калуга? Во всѣхъ нашихъ городахъ, по нашей ненаблюдательности, не доищешься никакой опредѣленной формы. Возвратить жизнь этой галереѣ живыхъ существъ, разобрать облики ихъ съ родовыми качествами и родовыми недостатками,—все это можетъ сдѣлать только путешествіе. Итакъ, начнемъ же преслѣдовать наше «открытіе». Будь у меня знакомый милліонеръ, я предложилъ бы ему учредить премію въ пользу перваго человѣка, который составитъ живописное и нравоописательное путешествіе по Россіи...

Собственно путешествіе, по моему мнѣнію, есть просто-за-просто *procès verbal*, слѣдственное дѣло о личности въ данную минуту—будь это личность человѣка, города или цѣлой страны. Личность никакъ не можетъ быть одинакова. До сихъ поръ я еще не находилъ ни одного человѣка, который похожъ былъ бы не только на другого, но даже на собственный портретъ: такъ всегда капризна и неуловима казалась мнѣ каждая личность...

Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу одинъ примѣръ, самый маловажный. Я предпочитаю маловажные примѣры великолѣпнымъ потому, что они лучше запечатлѣваются въ памяти, и на нихъ не смотрятъ какъ на тэмы, развиваемыя преимущественно въ пользу воспитывающагося юношества. Итакъ, вотъ мой примѣръ. Вы, конечно, не будете оспаривать, что люди у насъ, кромѣ развѣ *киргизскаго человѣка*, живутъ въ домахъ, и притомъ огромное большинство людей въ домахъ деревянныхъ. Теперь, случалось ли вамъ замѣтить, что почти каждый городъ имѣетъ одинъ любимый рисунокъ для внутренняго расположенія комнатъ? О наружномъ видѣ не говорю. Только съ 1825 года стали появляться чистенькіе одноэтажные домики, вытянутые въ линію; до тѣхъ поръ властвовалъ и теперь еще никакъ не хочетъ отойти въ преданіе—мезонинъ, поддерживаемый колонками, съ венеціанскимъ окномъ и балкончикомъ. Мезонинъ уступилъ духу времени однѣ колонки, но самъ еще держится почти всюду, несмотря ни на какія протесты вкуса и архитектурныхъ рисунковъ, доставляемыхъ Петербургомъ. Скажите же, отчего одинъ городъ влюбляется въ подъѣздикъ съ улицы, въ длинный корридорчикъ, который идетъ отъ него ко множеству чуланчиковъ, такъ-что передъ ними посѣтитель всегда стоитъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, соображая, которая же изъ этихъ дверей есть дверь въ переднюю, и ошибается иногда самымъ жестокимъ образомъ? Скажите же, отчего другой городъ всей душой своей ненавидитъ подъѣздики съ улицы, требуетъ, чтобъ непремѣнно вы катили въ ворота всѣхъ его домовъ и вылѣзали изъ

своего экипажа при лаѣ всѣхъ собакъ, находящихся въ услуженіи на дворѣ? Кто объясняетъ подобныя явленія случайностью, тому не надобно брать никогда подорожной: въ немъ нѣтъ и не будетъ качествъ настоящаго путешественника. Замѣтьте еще, что у дома съ подъѣздомъ на улицу первая комната изъ передней всегда почти столовая; у дома съ подъѣздомъ на дворъ первая комната изъ передней всегда почти кабинетъ хозяина. Послѣ этихъ объясненій вы легко догадаетесь, что дома, устроенные по одному изъ двухъ образцовъ, уже перестаютъ быть домами: взятые всѣ вмѣстѣ, они уже восходятъ на степень вопросовъ, перерождаются въ психологическую задачу и помогаютъ объяснить неуловимую, задушевную мысль самаго города, его общежительность или его сосредоточенность, и проч. и проч. и проч.

Я и далѣе продолжалъ бы мой разборъ, еслибы не боялся той же штуки, какая произошла съ однимъ чудакомъ, излишне предавшимся разбору (*L'esprit des bêtes, Toussenel*). Описывая вліяніе планетъ на творческую производительность земли, онъ прибавляетъ: „открытіе новой планеты г. Леверрье насъ нисколько не удивило: мы уже давно ожидали появленія ея, потому что не знали, кому приписать зарожденіе курительнаго и нюхательнаго табаковъ».— Бѣда, правду сказать, съ анализомъ!

Продолжаю, однакожъ, замѣтки о домахъ. Не могу не выразить здѣсь глубокаго моего удивленія при видѣ многихъ деревенскихъ домовъ. Вы проѣзжаете, напримѣръ, мимо помѣщичьей усадьбы, смотрите на хоромы съ неизбѣжнымъ мезониномъ, еще не покрытыя тесомъ, видите палисадникъ, обсаженный тощими акаціями, погнувшіяся служилыя избы съ ихъ соломенными крышами. Въ памяти моей еще живо сохранилось представленіе о великолѣпномъ жилищѣ, измѣнившемъ три раза въ продолженіи какого-нибудь полу-вѣка свое назначеніе. Я вамъ разскажу цѣлую исторію о каменномъ домѣ одного весьма богатаго помѣщика вблизи отъ нѣкоего губернскаго города. Съ дороги вела къ нему большая липовая аллея, на концѣ которой красовался онъ съ пиластрами, круглыми окнами, желѣзнымъ балкономъ. До сихъ поръ можно видѣть прихотливые завитки пиластровыхъ капителей его, каменное плетеніе надъ окнами, прикрывающее ихъ словно гигантскими бровями, узоры желѣзной рѣшетки балкона, за полными, круглыми и запутанными линіями которыхъ глазъ слѣдитъ съ трудомъ, и, наконецъ, сплюснутое окно фронтона, обвитое, какъ и окна фасада, каменнымъ кружевомъ. Домъ этотъ былъ страненъ, противохудожественъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпенъ и богатъ,—другими словами, имѣлъ всѣ качества того стиля, который извѣстенъ подъ

именемъ *рококо*. При жизни стараго владѣльца его онъ былъ наполненъ безчисленнымъ множествомъ фарфоровыхъ игрушекъ, которыя совсѣмъ не имѣли сантиментальнаго характера, какъ нынѣшнія неловкія подражанія имъ: напротивъ, это были веселые анекдоты, переведенные въ искусство. Въ домѣ также находились картины Вато, Буше, Ланкрене со всѣмъ обществомъ временъ Людовика XV, переряженнымъ только въ пастушекъ и пастуховъ; въ домѣ были зеркала въ серебряныхъ рамахъ, гдѣ амуры, женскія головки, птицы и цвѣты составляютъ пышную вереницу; наконецъ, въ немъ была зала для баловъ съ куполомъ и колоннами—и очень замѣчательная. Плоскій куполъ ея былъ разрѣзанъ золотыми полосками на нѣсколько отдѣловъ, и въ каждомъ отдѣлѣ помѣщалась картина миѳологическаго содержанія. Тогда еще не подозрѣвали, что миѳологія есть вѣчная дума, а воображали, что миѳологія есть вѣчный праздникъ. Въ этомъ смыслѣ были и картины плафона. Выступной карнизъ подъ куполомъ упирался на множество бѣлыхъ алебастровыхъ колоннъ, а простѣнки между колоннами выложены были зеркалами. Въ каждомъ изъ нихъ стояло по статуѣ, которая двоилась въ зеркалѣ и, казалось, двигалась за вами, когда вы проходите. Выступной карнизъ наполненъ былъ богинями и геніями, которые лежали на немъ въ разныхъ возможныхъ и невозможныхъ позахъ, иные упираясь на руку, другіе спустивъ внизъ обнаженныя ноги... И въ этой залѣ хозяинъ давалъ пышные балы окрестнымъ жителямъ далеко за полночь, далеко на слѣдующій день. По смерти старика явился въ помѣстье единственный его сынъ и наслѣдникъ, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, который съ перваго разу возненавидѣлъ отцовскій домъ. Прежде всего онъ заперъ на-глухо обольстительную залу баловъ, потомъ мало-по-малу всѣ другія залы и комнаты, и жилъ подъ конецъ въ маленькомъ кабинетѣ, обращенномъ окнами въ садъ и принадлежавшемъ камердинеру прежняго владѣльца. Но и тутъ какая-то тревожная мысль не давала ему покоя и какъ-будто гнала вонъ. Онъ выстроилъ себѣ небольшой домикъ, нѣчто въ родѣ скита въ одной изъ рощъ, окружавшихъ деревню, почти въ ямѣ, и переселился туда съ камердинеромъ и поваромъ. Послѣдній оказался вскорѣ совершенно безполезнымъ, потому что въ это время баринъ его уже пересталъ есть мясо и питался только овощами и плодами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ жаромъ предался любимому своему чтенію, состоявшему изъ сочиненій Бема, Штиллинга, Сведенборга, Экартсгаузена, г-жи Гвіонъ и С.-Мартэна. Затихли балы въ великолѣпномъ домѣ, который сталъ облетать и разрушаться: я видѣлъ его въ послѣдній разъ грустнымъ и мрачнымъ, словно онъ предчувствовалъ печальную участь, его ожидавшую.

Между тѣмъ владѣлецъ его отыскалъ себѣ и общество, помогавшее ему переносить тяжесть добровольнаго заточенія. Общество это состояло изъ стараго, отставного екатерининскаго унтеръ-офицера и какого-то страннаго человѣка съ рыжей бородой, который ходилъ съ остроконечной шапкой на головѣ, съ длиннымъ посохомъ въ рукѣ, и называлъ себя Авессаломомъ. Между ними завязывались глубокія, таинственныя пренія, длившіяся, какъ прежде пиры, по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ ночамъ. Наконецъ, затворникъ нашъ дѣйствительно сошелъ съ ума и, по просьбѣ родныхъ, препорученъ былъ попеченію докторовъ, а имѣніе его отобрано было въ опеку. Вскорѣ послѣ того онъ и умеръ—помѣстье и домъ перешли во владѣніе къ племяннику его (третье поколѣніе), молодому человѣку, только-что кончившему курсъ въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній. Лѣтъ пять спустя я проѣзжалъ его владѣніями. Надъ знакомымъ мнѣ домомъ пристроена была огромная безобразная кирпичная труба, и черный дымъ валилъ изъ нея клубомъ. Въ великолѣпной бальной залѣ, которой соотвѣтствовалъ наружный балконъ со своей чудной рѣшеткой, раздавались шумъ, визгъ, грохотъ нестерпимые. Боги, богини ея, почернѣли и растрескались. О-бокъ съ филатурой красовался чистенькій деревянный домикъ въ одинъ этажъ, съ зелеными ставнями у оконъ и палисадничкомъ, наполненнымъ цвѣтами. Домикъ какъ двѣ капли воды походилъ на жилище зажиточнаго голландскаго фабриканта и былъ обитаемъ самимъ владѣльцемъ. Что касается до скита въ лѣсу, тамъ, какъ я узналъ послѣ, обжигаютъ теперь уголь, и живетъ лѣсничій. Чудные перевороты, между которыми иностранецъ положилъ бы столѣтія, а они пробѣжали въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. И часто задаю я себѣ вопросъ: каковъ-то будетъ четвертый переворотъ въ дому и дождусь ли я его?

Не могу никакъ оторваться отъ описанія нашихъ дачъ и нашихъ домашнихъ построекъ! Знаете ли вы, напримѣръ, что такое *Ямберда?* Я скажу вамъ нѣсколько словъ о Ямбердѣ, чтобъ дать нѣкоторое понятіе объ оригинальной русской дачѣ. Когда-нибудь я вамъ опишу изящныя сельскія постройки въ приволжскихъ помѣстьяхъ, которыя памятны мнѣ по многимъ хорошимъ часамъ, проведеннымъ въ нихъ. И почему бы вамъ не знать изящныхъ построекъ на Волгѣ, когда вы знаете готическіе зàмки на Рейнѣ, зàмки стиля королевы Елисаветы въ Англіи и зàмки стиля короля Франциска во Франціи. Тѣмъ болѣе вамъ нужно знать наши постройки, что онѣ представляютъ оригинальную смѣсь всѣхъ этихъ стилей—только приложенную къ деревяннымъ домикамъ, которые должны прожить столько, сколько, говорятъ, живутъ розы—*l'espace d'un matin.* Правда, есть еще постройки, любопытнѣе даже щеголеватыхъ при-

волжскихъ дачъ: это постройки фантастическія, въ которыхъ воображеніе и произволъ владѣльца, не связанные уже требованіями городского порядка и подчиненности какимъ бы то ни было архитектурнымъ правиламъ, отдались вполнѣ самимъ себѣ и породили ордена, подробности и орнаменты, еще нигдѣ не виданные. Это уже предметъ высокой занимательности, и о немъ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о Ямбердѣ.

Дача въ Казанской губерніи, извѣстная подъ этимъ именемъ, отличается тѣмъ отъ другихъ дачъ, что она безъ забора и теряется въ пространствѣ. На опушкѣ глухого лѣса стоитъ двухъэтажный щеголеватый домъ съ бѣлой крышей, съ широкимъ сплошнымъ балкономъ по двумъ сторонамъ—смѣсь крестьянской избы, на которую онъ походитъ рѣзнымъ своимъ навѣсомъ, и тирольской хижины, которую напоминаетъ внѣшней галереей.

Значеніе всей дачѣ даетъ лѣсъ, находящійся за ней, и который не могли истребить всѣ окрестныя селенія. Вы не можете представить себѣ неимовѣрныхъ трудовъ, подъятыхъ ими, для истребленія этого лѣса. До сихъ поръ всѣ усилія ихъ къ достиженію этой цѣли никакъ не могутъ увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ. Еще и теперь вы не иначе можете углубиться въ чащу лѣса, какъ съ топоромъ въ рукѣ.

Вечеромъ, при заходящемъ солнцѣ, когда вы сидите на галереѣ дома, съ лягавой собакой у ногъ и ружьемъ у стѣны, журналомъ или книгой въ рукѣ, вы часто принуждены отводить глаза, чтобъ наблюдать, какъ поверхъ, но подъ ружейнымъ выстрѣломъ вашимъ, летитъ дикая утка съ вытянутой шеей или плавно тянется пестрый вальдшнепъ на зовъ самки. И Ямберда такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ два характера. Это палатка переселенца, и это дача съ петербургскихъ острововъ; уютность и, такъ сказать, придуманность европейской жизни здѣсь соединились съ свободой и раздольемъ русской мѣстности.—Не нужно и прибавлять, что Ямберда не мнѣ принадлежитъ, а также и того, что она на дѣлѣ можетъ превратиться въ контору скупщика лѣсныхъ дачъ.

Но если гдѣ преимущественно чувствуется польза и необходимость путешествія, какъ мы его понимаемъ, такъ это при столкновеніи съ народомъ. Русскій человѣкъ во всемъ государствѣ, но особенно на Волгѣ и большихъ рѣкахъ, втекающихъ въ нее, занятъ вмѣстѣ съ другими дѣлами своими постоянной, безпрерывной импровизаціей, которая теряется, никѣмъ не усмотрѣнная и не подмѣченная. Когда потомъ, послѣ долгаго процесса творчества, выходитъ цѣлая, полная, *въ себѣ замкнутая*, если хотите, пѣсня, имѣющая все содержаніе поэмы и всю ея округлость, пѣсня записывается, попадаетъ въ сборникъ, а предшествовавшій трудъ, начальное ея раз-

витіе откидываются и забываются—если бы еще самимъ народомъ, то это простительно (онъ хозяинъ своего добра), но и любителями народной поэзіи, что́ уже менѣе благовидно. Затѣмъ серьёзно возстаетъ вопросъ на каѳедрахъ и въ книгахъ, какимъ образомъ слагается народная пѣсня — это произведеніе безъ автора, безъ корня, распространяющееся какъ воздухъ, и которому, какъ воздуху, нельзя указать начала; а между тѣмъ разрѣшеніе вопроса у насъ въ рукахъ. Кто знаетъ, сколько времени, напримѣръ, слагалась на Волгѣ въ тиши и мракѣ пѣсня о коноводной машинѣ и машинистѣ ея, которые въ отношеніи къ старой расшивѣ были успѣхомъ и поразили народное воображеніе, какъ всякое нововведеніе. Теперь вы уже знаете по газетамъ сильно начинающееся развитіе пароходства на Волгѣ. Мысль народная видимо одушевлена этимъ явленіемъ, начинаютъ появляться прибаутки, поговорки, замѣчанія, тамъ-и-сямъ попадается вамъ уже настоящій стихъ, иногда фигуральный, иногда насмѣшливый — и чрезъ нѣсколько времени на Волгѣ будетъ пѣсня о Фультоновомъ или чьемъ другомъ изобрѣтеніи, о пароходѣ. Но если бы кому-нибудь угодно было заняться исключительно этимъ предметомъ, прослѣдить народную мысль въ развитіи ея, онъ бы могъ сдѣлаться причастникомъ прелюбопытной тайны, онъ могъ бы застать творческую способность народа на самомъ дѣлѣ, видѣть собственными глазами, какъ кристаллизируется пѣсня у насъ, и, такъ сказать, руками ощупать постепенно возрастающіе слои ея. И тѣмъ занимательнѣе были бы его наблюденія, что за исключеніемъ Италіи простой народъ въ Европѣ уже утерялъ мало-по-малу способность непосредственнаго творчества, и что фактъ этотъ только у насъ и наблюдаться можетъ.

Какъ не поблагодарить отъ души Даля и Кирѣевскаго за превосходныя ихъ собранія пословицъ и пѣсенъ, которыя пользуются уже *заслуженнымъ* успѣхомъ, хотя вполнѣ еще и не выходили въ свѣтъ; но есть пословицы и пѣсни, которыя не могутъ попасть въ сборники. Есть пѣсни, напримѣръ, представляющія почти-что безсмыслицу или по-крайней-мѣрѣ рѣшительную пошлость, но чрезвычайно замѣчательныя въ другомъ отношеніи. Въ проѣздъ нашъ отъ устья Камы внизъ по Волгѣ до Симбирска, гребцы наши послѣ многихъ извѣстныхъ пѣсенъ, но съ неизбѣжными, весьма любопытными варіантами, запѣли слѣдующую, по-истинѣ великолѣпную пѣсню:

Еще разъ, еще разикъ, еще разъ!
О-охъ-немъ! О-охъ-немъ!
Еще разъ, еще разикъ, еще разъ!
О-охъ-немъ! О-охъ-немъ!
Еще разъ...

И такъ далѣе до безконечности. Конечно, она вамъ можетъ показаться куплетомъ изъ иностраннаго либретто, переведеннаго для русской сцены, и съ тѣмъ счастіемъ, которое нѣкогда сопутствовало въ подобныхъ переводахъ г. Зотову и его сотрудникамъ; но если бы вы слышали, какъ она пѣлась! Вся поэзія, какую слѣдуетъ ожидать отъ пѣсни, перешла здѣсь въ мотивъ. Колѣна перваго стиха: *еще разъ*, *еще разикъ*, брались аккордами, который сливался въ униссонъ, при второмъ *о-охъ-немъ*, а этотъ снова переходилъ въ аккордъ, оканчивающійся по прежнему унисономъ на четвертомъ стихѣ. И долгая нота унисона такъ превосходно выражала усиліе гребцовъ, тяжело упирающихся на весло, и мѣрное колебаніе аккордовъ такъ ловко ставило передъ глазами вѣчно игривую и бѣгущую струю, что Фелисьенъ Давидъ, прославившійся чужими народными мотивами, дорого бы далъ и за этотъ. Рѣдко музыкантъ, не пренебрегающій живописью въ музыкѣ, могъ бы встрѣтить что-нибудь свѣжѣе, проще и выразительнѣе этой пѣсни. Гребцы видимо упивались ею, работа шла дружно, и они долго колебали мотивъ при тихомъ плескѣ, при ровномъ паденіи веселъ, которыя составляли ему достойный и совершенно однохарактерный аккомпаньементъ. Сколько наберется подобныхъ пѣсенъ игривыхъ, серьёзныхъ, полуигривыхъ, полусерьёзныхъ на пространствѣ нашего отечества! И слѣдуетъ ли пренебрегать ими, потому-что онѣ не представляютъ собой назидательности для литературнаго чтеца, не щекотятъ воображенія кабинетнаго любителя народной поэзіи? И если нѣкоторыя изъ нихъ и попадаютъ въ сборники, то слѣдуетъ ли помѣщать ихъ тамъ какъ-будто для одной полноты, какъ-будто ужъ одно къ другому, безъ опредѣленія напередъ ихъ физіономій, ихъ внутренняго значенія, характера ихъ напѣва, безъ разбора? и не есть ли все это настоящее дѣло путешествія, его прямая задача?

Помню, какъ удалось мнѣ нечаянно подсмотрѣть весьма оригинальную хороводную игру дѣвушекъ въ одномъ сельцѣ Нижегородской губерніи. Сцѣпясь по обыкновенію руками, хоръ пѣлъ нижеслѣдующую анти-поэтическую строфу:

Ты скажи, скажи, воробушко,
Ты скажи, скажи, молоденькій:
Какъ бара-то ходятъ, большіе гуляютъ.
Они этакъ
И вотъ этакъ,
И вотъ такъ!

Съ послѣдними стихами одна изъ дѣвушекъ выступала на середину круга и начинала похаживать, то закидывая руку за спину, подъ припѣвъ, то покачивая головой, то выкидывая ножками. Хоръ

заливался добродушнымъ смѣхомъ и переходилъ къ другой антипоэтической строфѣ, и другая дѣвушка передразнивала старосту, потомъ кунца, и т. д. Въ нѣсколько минутъ хоръ осмотрѣлъ всѣ сословія, извѣстныя въ сельскомъ быту, посредствомъ той же чрезвычайно игривой и мѣткой, такъ сказать, мимики, которая имѣла еще и другое достоинство, именно была не подготовлена, а рождалась вмѣстѣ съ игрой и въ минуту игры. Когда хоръ обошелъ съ помощью одной и той же фразы циклъ всѣхъ своихъ представленій, онъ возвратился снова къ первой строфѣ, и другая дѣвушка начала то же представленіе, но уже въ новыхъ формахъ, съ новыми подробностями. Неизмѣненъ былъ только ребяческій, добродушный хохотъ собранія. Эта мимическая импровизація, длившаяся довольно долго, такъ много выказывала зоркости, наблюденія и способности передачи, вѣрной своему предмету, что можетъ быть поставлена на ряду съ живописнымъ мотивомъ, о которомъ выше говорено. Это одна и та же сторона народной психеи, проявляющаяся въ двухъ различныхъ формахъ искусства—врожденный даръ лиризма тамъ, и врожденный даръ комедіи здѣсь. Чтобъ ужъ не походить совершенно на розоваго воздыхателя *по сельской жизни* и отклонить всякое подозрѣніе отъ себя въ идиллической настроенности духа, скажу, что не всѣ подробности мимической игры, мною описываемой, отличались граціозностью и чистотою вкуса; но вотъ мое горе! именно эти отклоненія отъ правилъ изящнаго вкуса и были наиболѣе проникнуты смѣтливостію, лукавствомъ и настоящимъ комическимъ элементомъ.

Какъ тутъ быть? Впрочемъ, это не мое дѣло: пусть развязывается съ этимъ эстетика, какъ ей угодно!...

Былъ у меня знакомый,—человѣкъ удивительный! Прозывался онъ Нилъ Иванычъ, носилъ длинный сюртукъ, ходилъ прямо какъ фельдфебель, говорилъ однообразно и протяжно и на правомъ глазу имѣлъ повязку, потому-что тутъ у него вмѣсто глаза, по какому-то случаю, образовалась страшная пустота. За то лѣвый глазъ блестѣлъ за двоихъ и прыгалъ изъ стороны въ сторону съ необычайной скоростью. Я по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на одинъ лѣвый глазъ его: такъ рѣзовъ и шаловливъ казался мнѣ онъ. Но, кромѣ всѣхъ этихъ качествъ, Нилъ Иванычъ имѣлъ еще другія, гораздо важнѣйшія; именно, онъ слылъ мудрецомъ своего околотка. Когда я прибылъ въ городъ, гдѣ процвѣталъ Нилъ Иванычъ, одна знакомая моя молодая дама, только-что пріѣхавшая изъ Петербурга съ мужемъ, сказала мнѣ тотчасъ, послѣ первыхъ минутъ свиданія:

— А познакомились ли вы здѣсь съ Ниломъ Иванычемъ П***?

Пожалуйста, поскорѣе познакомьтесь. Это чрезвычайно *замѣчательный человѣкъ!*

Ужъ я же и поторопился, разумѣется. Нилъ Иванычъ поразилъ меня. Я и прежде слыхивалъ стороной о глубокой его начитанности, но что *представилось взору моему,* превзошло всякое ожиданіе. Нилъ Иванычъ обладалъ отечественнымъ языкомъ своимъ настолько, чтобъ свободно изъясниться на немъ устно и понимать читаемое, а французскимъ настолько, чтобъ понимать читаемое, и эти два таланта, пріобрѣтенные имъ еще въ молодости, не оставались у него въ бездѣйствіи. Съ помощью ихъ онъ поглощалъ всѣ современныя извѣстія съ жадностію, примѣры каковой и звѣрь представить не можетъ. Иногда происходило это въ безпорядкѣ, который нисколько не вредилъ однакожъ его вниманію и правильности его взглядовъ. Такъ ему случалось читать старыя статьи въ *Journal de Débats* послѣ новыхъ, „Сѣверную Пчелу" въ разбивку, смотря потому, какой изъ трехъ № №, присланныхъ по почтѣ, попадетъ первый подъ руку, и даже разъ прочелъ, какъ самъ сознавался, по разсѣянности, „Московскія Вѣдомости" 1820 года, принимая ихъ за новѣйшія, и потомъ цѣлый день разсказывалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, какъ французы, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, вступили въ Испанію! Особенный оттѣнокъ современности получилъ Нилъ Иванычъ отъ прочитанныхъ имъ романовъ Гюго, Дюма́, Сю и др. Такъ-какъ они уже лежали третичнымъ слоемъ на воображеніи его, а первозданную породу и переходные пласты составляли Бова, Еруслан и потомъ романы Клаурена, Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, Радклифъ и Вальтеръ-Скотта, то рѣшительно и нельзя было разобрать, подъ чьимъ вліяніемъ онъ находится преимущественно. Невинно-ужасное г-жи Радклифъ мѣшалось въ головѣ его съ невинно-неистовымъ г. Сю; онъ самъ нисколько не различалъ трогательное у Клаурена отъ трогательнаго у Дюма́, шуточное у Шписса отъ шуточнаго у Поль-де-Кока, а Гюго и Вальтеръ-Скотта, просто, признавалъ въ изображеніи историческихъ характеровъ атлетами и тѣмъ начиналъ и оканчивалъ критическое сравненіе между ними. Не подумайте однакожъ, чтобъ романы составляли его любимую умственную пищу. Онъ читалъ ихъ не столько изъ любопытства, сколько по другой, и совершенно матеріальной, причинѣ. Нилъ Иванычъ терпѣть не могъ брошюръ, отдѣльныхъ статей, небольшихъ сочиненій, всего короткаго, легкаго, удобо-пробѣжимаго. „Не стоитъ и приниматься—говорилъ онъ при видѣ какой-нибудь крохотной книжонки—только-что разчитаешься, а тутъ—смотришь, и конецъ!" Длинный романъ однимъ своимъ видомъ уже погружалъ его въ

пріятное состояніе, близко подходящее къ тому, какое испытываетъ усталый человѣкъ, собирающійся купаться въ жаркій лѣтній день. По той же самой, чисто-физической, причинѣ, Нилъ Иванычъ прочелъ почти все, что только выходило въ русской литературѣ *in-folio* или въ 15, 20, 25 и 100 томахъ. Путешествіе Лепехина, Собраніе Лѣтописей, Ролленеву Исторію, Записки Академіи, Всемірное путешествіе, Сводъ запрещеній и проч. Нельзя положительно сказать, чтобъ всякая брошюра была непремѣнно имъ отвергаема. Счастливый случай могъ втолкнуть и брошюру въ ненасытныя руки Нила Иваныча. Такъ, въ деревнѣ онъ съ удовольствіемъ прочелъ: *Наставленіе о оборонѣ крѣпостей для молодыхъ офицеровъ;* у одного пріятеля видѣли его съ книжонкой въ рукахъ и узнали, что то былъ *Способъ леченія засореній въ желудкѣ;* и разъ онъ продержалъ почтовыхъ лошадей цѣлый часъ въ своей коляскѣ, потому-что непремѣнно хотѣлъ дочитать на станціи попавшуюся ему книжку *Тригонометрическое исчисленіе высотъ,* хотя въ жизнь свою никогда въ математикѣ далѣе простого тройного правила не заходилъ.... Не забудьте, что все это онъ дѣлалъ посредствомъ только одного лѣваго глаза, къ которому я вскорѣ почувствовалъ неопреодолимое, суевѣрное уваженіе.

Вмѣстѣ съ огромнымъ чтеніемъ развивалось рядомъ все болѣе и болѣе чудное свойство въ Нилѣ Иванычѣ — оставаться совершенно равнодушнымъ къ тому, что уже разъ прочитано. Какъ только добирался онъ до конца и закрывалъ книгу, все дѣло было кончено, и онъ ложился спать или торопился одѣваться, чтобъ неопоздать визитомъ, или къ обѣду, или на карточный вечеръ. Прочитанная книга была для него то же, что уплаченный вексель, умершій человѣкъ, проданное съ аукціона имѣніе: онъ развязывался съ нею на всю жизнь. Въ послѣднее время пришла ему охота полюбоваться заморскими умствованіями. Онъ пробѣжалъ книжки Рейбо о французскихъ теоріяхъ, посредствомъ книжки Баршу ознакомился съ нѣмецкою мудростію и, проглотивъ ихъ съ обычной скоростью, произнесъ только: вишь какъ! Эта была обычная эпитафія надъ всѣми жертвами его ненасытнаго любопытства. Удивляться надобно было стойкости и Зевсову хладнокровію Нила Иваныча, котораго цѣлая библіотека не могла даже ни на минуту привести въ разсѣяніе въ домашнемъ быту его. Между двумя листами онъ отдавалъ приказанія повару; на половинѣ періода посылалъ дрожки за дѣтьми, учившимися въ гимназіи, и на катастрофѣ романа — распекалъ кучера за подозрѣваемую покражу овса. Если бы кто видѣлъ, съ какою аккуратностію исполнялъ онъ обрядъ отданія визитовъ, неисполненіе котораго въ провинціи ведетъ къ изгнанію изъ общества и

чуть-чуть не къ потерѣ добраго имени;—если бы кто видѣлъ, какъ неизбѣжно правильно каждый вечеръ садился онъ за карты въ преферансъ по 5 коп. сер., а въ вистъ по 15 коп.; какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ необходимо маленькій домикъ его въ городѣ окрашивался снаружи и внутри,—если бы кто видѣлъ и многое другое, свидѣтельствовавшее о его распорядительности и умѣньи, при случаѣ, извлекать всевозможную пользу изъ обстоятельствъ, тотъ и не подумалъ бы, что въ головѣ этого человѣка лежитъ нѣсколько тысячъ убіенныхъ имъ „увражей“!

Однакожъ постоянное повтореніе безчисленнаго количества фразъ и періодовъ русскихъ и французскихъ не могло же пройти даромъ въ мозгу Нила Иваныча, не оставивъ въ немъ-какой-нибудь колен. Какъ ни была здорова эта часть организма его, но все же и мраморъ и гранитъ уступаютъ безпрерывному дѣйствію струи или дождевой капли. Дѣйствіе одинаковаго книжнаго паденія періодовъ отразилось на Нилѣ Иванычѣ тѣмъ, что языкъ, которымъ онъ изъяснялся, пріобрѣлъ мучительную правильность, невыносимую искусственность и пошлость. Если когда-нибудь, на-подобіе числительной машины, недавно изобрѣтенной, выдумаютъ машину элоквенціи, она будетъ непремѣнно изъясняться точь-въ-точь какъ Нилъ Иванычъ, сперва разумѣется пошипѣвъ и поурча внутренно. Нилъ Иванычъ тоже передъ началомъ каждой рѣчи глухо кашлялъ и слегка мычалъ. Потомъ начиналась у него самая рѣчь, въ которой напрасно бы вы искали живописной ошибки, неправильности, происшедшей отъ быстроты внутренняго чувства, неожиданнаго перерыва или уклоненія въ сторону отъ внезапно набѣжавшей мысли. Съ однообразіемъ парового колеса падало у него слово за словомъ: можно было бы получить головокруженіе, посидѣвъ часокъ подлѣ него. Всѣ искусственныя замашки, придуманныя для распространенія безцвѣтной рѣчи,были ему хорошо извѣстны. Онъ восклицалъ часто въ серединѣ разсказа: „И чтожъ? каково было мое удивленіе.... и проч. и проч., а иногда приступалъ къ разсказу, фальшиво отказываясь отъ него: „Если бы я захотѣлъ разсказывать этотъ случай, то ни моей силы, ни вашего терпѣнія не достало бы“. И потомъ уже разсказывалъ все по порядку... Такой чудакъ!

Второе качество, пріобрѣтенное Ниломъ Иванычемъ по милости печатныхъ строкъ, было довольно странно. Онъ иначе не говорилъ, иначе не обсуживалъ предмета, какъ съ помощью вѣковѣчныхъ, математическихъ, несомнѣнныхъ истинъ, о которыхъ разговора быть не можетъ. Правда, одинъ волосокъ раздѣлялъ ихъ отъ крайней пошлости, но Нилъ Иванычъ всю свою жизнь умѣлъ сохранить этотъ волосокъ и не переступить за него. Объ обаятельномъ дѣйствіи

ловкаго софизма въ общественномъ разговорѣ, о возбудительномъ свойствѣ невѣрной, но блестящей мысли на умы собесѣдниковъ, онъ, разумѣется, понятій не имѣлъ. Разговоръ съ нимъ пріобрѣталъ съ первой же минуты характеръ какой-то школьной непогрѣшительности, какой-то тривіальной солидности и особенно весьма дешевый оттѣнокъ порядка. Многіе молодые и даже немолодые люди, весьма умные и образованные, были совершенно запутаны манерой Нила Иваныча выставлять рѣзко истины, не подлежащія никакому сомнѣнію. Они не знали, считать ли его за геніальнаго человѣка, или за пошлаго дурака. Я самъ приведенъ былъ втуникъ, когда въ первый мой визитъ, заставъ Нила Иваныча за какимъ-то описаніемъ германскихъ походовъ Наполеона, услыхалъ отъ него слѣдующее разсужденіе. „Не хочу спорить, что Наполеонъ былъ великій полководецъ, но замѣчу одно: если бы у австрійцевъ тогдашняго времени нашелся полководецъ, равный по способностямъ французскому военачальнику, и войско его одушевлено было бы такимъ же соревнованіемъ, какъ и бонапартовы легіоны, то неизвѣстно еще, на чью сторону склонилась бы рѣшительная побѣда“... Я сидѣлъ какъ окаменѣлый, и, признаюсь, такъ велико бываетъ на насъ вліяніе репутаціи, что, подумавъ съ минуту, я уже находилъ въ основаніи этого разсужденія какую-то глубину и, право, отъ души испугался бы, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда: да это нелѣпость!

Но какъ бы то ни было, званіе *замѣчательнаго человѣка* окончательно утвердилось за Ниломъ Иванычемъ въ городкѣ, гдѣ онъ процвѣталъ. Человѣкъ этотъ составлялъ истинное мое наслажденіе, когда я ближе распознавалъ его. Я имъ любовался, осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, трогалъ различныя струны его души, и всегда получалъ одну и ту же глухую, басовую ноту, состоящую изъ несомнѣнной истины. Наконецъ, мнѣ пришло въ голову разспросить *замѣчательнаго человѣка* о состояніи городка, гдѣ онъ жилъ безвыѣздно лѣтъ тридцать слишкомъ, и который, по всей вѣроятности, былъ ему знакомъ какъ свои карманы. Вотъ я и началъ разъ вечеромъ въ гостяхъ, улучивъ удобную минуту, когда онъ не игралъ въ карты.

— Скажите, Нилъ Иванычъ, — спросилъ я его:—вашъ городъ стоитъ на крутой горѣ и рѣчка бѣжитъ у него внизу. Не нуждается ли онъ въ водѣ?

— Не замѣтно,—отвѣчалъ Нилъ Иванычъ:—вотъ если бы совсѣмъ рѣчки не было, или пропала бы она по какой-нибудь игрѣ природы, нерѣдкой въ иныхъ мѣстахъ, тогда, вѣроятно, городъ нашъ и дѣйствительно почувствовалъ бы нужду, о которой вы упоминаете.

— Совершенная правда! Но все же добываніе воды сопряжено теперь съ нѣкоторой трудностью, особливо для бѣднаго класса жителей.

— Трудъ есть условіе человѣческой жизни, и жизни безъ труда вообразить себѣ нельзя. Вода добывается зажиточными людьми посредствомъ лошадей, нарочно къ одной этой должности и предназначенныхъ. Тѣ же, кои лошадей не имѣютъ, добываютъ ее или сами, или посредствомъ людей, коими располагать могутъ.

— Иначе и быть не можетъ; но не можете ли вы мнѣ объяснить, Нилъ Иванычъ, почему городъ вашъ и именно бѣдная часть его жителей распространяются по горѣ, а не спускаются внизъ, гдѣ они могли бы найти болѣе удобствъ? Развѣ есть какія-нибудь особенныя препятствія?

— Никакихъ особенныхъ препятствій до моего слуха не доходило. Гора имѣетъ то преимущество, что собственнымъ своимъ возвышеніемъ способствуетъ человѣческому глазу обнять гораздо бо́льшее пространство, чѣмъ то, которое ему доступно на плоской поверхности. Вотъ почему мы и пользуемся здѣсь видомъ, не уступающимъ ни одному изъ тѣхъ, какими гордятся иностранные кээнсаки.

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на „кээнсаки“ и пріостановился.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я, сколько возможно серьёзнѣе:— но, вѣроятно, не красота же природы удерживаетъ здѣшнихъ мѣщанъ на горѣ.

Нилъ Иванычъ блеснулъ единственнымъ своимъ глазомъ и прибавилъ:

— Чтобъ понимать красоту природы, надо имѣть сильно-развитое эстетическое чувство и воспріимчивость души, какія не во всякомъ человѣкѣ встрѣчаться могутъ.

Я уже ничего не отвѣчалъ, и нѣсколько времени мы молчали.

— Послушайте, Нилъ Иванычъ, началъ я потомъ:—сколько у васъ въ городѣ купеческихъ капиталовъ?

— Въ подробности не знаю, отвѣчалъ онъ,—но торговля безъ участія капитала процвѣтать не въ-силахъ, потому-что капиталъ есть, такъ сказать, живительная роса промышленности, электрически дѣйствующая на всѣ отрасли ея.

— Справедливо; но мнѣ хотѣлось бы знать, чѣмъ преимущественно торгуетъ ваше купечество, добрѣйшій Нилъ Иванычъ?

— Въ гостиномъ дворѣ нашемъ почти столько же разнообразія, сколько въ московскомъ: у насъ есть товары панскіе, москательные и всякіе другіе. Разнообразіе требованій всегда влечетъ за собой разнообразіе предложеній въ коммерческой сферѣ: это вѣсы,

прямое или косвенное стояніе коихъ обнаруживаетъ бо́льшую или меньшую степень...

— Очень, очень хорошо, Нилъ Иванычъ, сказалъ я съ нѣкотораго рода досадой, отъ которой удержаться не могъ:—да мнѣ не то нужно.

— А что же вамъ нужно? возразилъ Нилъ Иванычъ, посмотрѣвъ на меня блестящимъ своимъ окомъ. — Я всегда готовъ вамъ служить по мѣрѣ моихъ слабыхъ способностей.

— Вотъ что́ мнѣ нужно, произнесъ я, подумавъ съ минуту. — Я хочу знать, какъ велики средства вашего дворянства, каковъ вообще образъ его жизни и степень развитія большинства: это вамъ должно быть извѣстно.

— Совершенно! Я могу сообщить вамъ любопытныя подробности, которыхъ тщетно стали бы вы искать въ другихъ источникахъ. Какъ всякое установленіе съ годами измѣняетъ свою форму, такъ уже и благородное дворянское сословіе, съ самой Индіи и до нынѣшняго времени, въ различныхъ государствахъ, много разъ измѣняло свое направленіе. Нынѣ и у насъ одна часть сего сословія подвизается на службѣ государственной, а другая совершенно предалась успѣхамъ земледѣлія. Хотя обработка земли и не сдѣлала тѣхъ огромныхъ шаговъ, какихъ по всей справедливости ожидать слѣдуетъ, но можно надѣяться, что...

Тутъ я всталъ и, ласково подавая руку Нилу Иванычу, сказалъ:

— Ну, спасибо вамъ, Нилъ Иванычъ. — Я именно въ этомъ только и хотѣлъ убѣдиться. Прощайте покуда.

Мы разстались.

Все это долгое повѣствованіе затѣмъ только и сдѣлано было, чтобъ показать какъ иногда бываетъ трудно собирать мѣстныя извѣстія о странѣ у самихъ ея обитателей, и какъ должны мы быть благодарны за всякое сообщеніе...

Добрый Нилъ Иванычъ! Мѣсяца два съ небольшимъ назадъ, онъ скончался, и послѣднее его слово была еще несомнѣнная истина. „Смерть есть успокоеніе отъ житейскихъ треволненій“, сказалъ онъ, испуская духъ....

Именно такъ!

II.

Если есть у васъ подъ рукою карта Россіи, то прошу, полуостровъ, образуемый рѣками Волгой, Камой и Большимъ-Черемшаномъ, покрыть краснымъ колеромъ или помѣтить какимъ-нибудь другимъ любимымъ вашимъ цвѣтомъ: это самый любопытный уголокъ Казанской и Симбирской губерній, между которыми онъ дѣлится почти по-ровну.

Извѣстно, что обѣ упомянутыя нами губерніи представляютъ любопытную смѣсь разноплеменнаго населенія: но на полуостровѣ, о которомъ идетъ дѣло, образчики народовъ, ложившихся слоями на всю эту почву, столпились и живутъ, что называется, рука-объ-руку. Вы безпрестанно переѣзжаете изъ деревни, населенной мордвой, въ татарскую деревню, изъ татарской въ русскую, а за русской вонъ уже виднѣются грязныя избёнки чувашъ... Еще не пропалъ на горизонтѣ крестъ сосѣдняго села, какъ впереди уже вырѣзывается на небѣ шпицъ мечети; едва оставили вы за собой какой-нибудь фантастическій барскій домикъ, какъ передъ вами или правильная, чистая ферма удѣльнаго имѣнія, или совершенная путаница заборовъ и закоулковъ, весьма похожая на сбродъ внезапно остановившихся кибитокъ и свидѣтельствующая объ азіатскомъ происхожденіи обитателей самаго мѣста. Кто ѣздилъ только по Великоруссіи, тотъ и представить себѣ не можетъ удовольствія одинъ разъ мѣнять лошадей тамъ, гдѣ всѣ избы поглядываютъ на васъ исподлобья, прислонясь другъ къ другу, словно строй бабъ, идущихъ за грибами, а другой разъ мѣнять лошадей въ татарской деревнѣ, гдѣ почти нѣтъ избъ на улицѣ, а большая часть стоятъ, укрываясь за заборами, словно провинившіеся мальчишки. Ужъ не говорю объ успокоительномъ дѣйствіи различнаго говора на ухо, о занятіи, которое предстоитъ вамъ сличать звуки разныхъ азіатскихъ діалектовъ, наконецъ о прелести русскихъ провинціализмовъ, встрѣчающихся здѣсь въ изобиліи. Въ этомъ уголкѣ всѣ племена мѣняются фразами, но на вымѣненную фразу каждое изъ нихъ кладетъ тотчасъ же свой штемпель. Какъ ни странны русскія заимствованія этого рода, но они еще обличаютъ особенную сноровку, а въ необходимой передѣлкѣ ихъ ярко выступаетъ какъ характеръ народа, такъ и духъ его языка. Замѣчаніе это также справедливо и въ отношеніи самихъ нравовъ. Обычай имѣть, напримѣръ, одну отдѣльную, чистую комнату для гостей здѣсь равно общъ и татарину, и

русскому крестьянину; но русская чистая комната съ бѣлой печью, голыми стѣнами и скамейками, всегда почти пуста и имѣетъ какое-то выраженіе холодной суровости. Отдѣльная комната у татарина, его женская половина, гдѣ онъ принимаетъ *знатныхъ посѣтителей*, т.-е. проѣзжающихъ,—тепла, уютна, устлана циновками, и въ углу ея, на широкой постели, вы всегда увидите первую причину разслабленія всего магометанскаго міра—гору пуховиковъ и подушекъ. Изба чуваша или мордвина ничѣмъ не отличается отъ избы небогатаго русскаго мужика: но вы тотчасъ понимаете, что послѣдняя способна къ развитію, а первыя приговорены къ вѣчной неподвижности. У русскаго человѣка, вмѣстѣ съ достаткомъ, являются художественныя потребности, и онъ тотчасъ же, если нѣтъ случайныхъ помѣхъ, начинаетъ сообщать жилищу своему узорчатость украшеній и оригинальныя вычуры. Чувашъ или мордвинъ считаетъ все это крайне легкомысленнымъ и безполезнымъ: онъ продолжаетъ жить въ грязной избёнкѣ своей, вмѣстѣ съ домашними животными, какъ бы богатъ ни былъ. Можно представить себѣ великолѣпную русскую деревню, и никакъ нельзя вообразить порядочной чувашской деревни. Не малую занимательность также сообщаетъ этому краю, вмѣстѣ съ разностію костюмовъ, разность обликовъ: вы безпрестанно переѣзжаете отъ одного лицевого угла къ другому и наблюдаете безчисленные варіянты глазъ, носовъ, ушей. Можно сказать съ весьма малымъ и дозволеннымъ путешественнику преувеличеніемъ, какъ дозволяютъ мелкія дроби въ большихъ итогахъ, что, минуя каждую деревенскую околицу, вы минуете одну изъ историческихъ эпохъ этой страны, и часто въ каждомъ шалашѣ изъ соломы и сучьевъ, прислоненномъ къ воротамъ, сидитъ историческій документъ, то въ образѣ татарскаго мальчишки въ бѣлой остроконечной шляпѣ и синей рубахѣ до пятокъ, то въ образѣ неуклюжаго чувашина въ бѣломъ балахонѣ съ шерстяными красными швами, и наконецъ въ образѣ нашего отечественнаго шалуна, съ бѣлой какъ ленъ головой, волосы которой падаютъ ему на лицо, когда онъ вамъ кланяется на проѣздѣ.

Нескоро исчерпаешь всѣ достопримѣчательности этого любопытнаго полуострова. Между прочимъ тутъ же обрѣтаются валы, рвы и окопы двухъ знаменитыхъ городовъ приволжской Болгаріи—Биларска и Болгаръ. Развалинъ ихъ, собственно, нѣтъ. Иногда кажется, право, что русская земля не терпитъ развалинъ и какъ-только можно сбрасываетъ ихъ съ себя тайкомъ. Болгарская стѣнная башня, на которую еще всходилъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ тому девятьдесятъ лѣтъ, уже сравнялась съ почвой, Богъ-знаетъ какимъ образомъ, чуть ли не сама собой. Но обоимъ городамъ обща прелесть другого

рода — прелесть запустѣнія, полной и совершенной нѣмоты. Развалина—все-таки живое слово: его можно разбирать; сборъ развалинъ — это уже почти цѣлая рѣчь; но ровъ, валъ, земляной окопъ — это какъ-будто скобки, въ которыхъ мысль стерта, фраза сглажена. Представьте книгу, въ которой время оставило только знаки препинанія, и вы получите впечатлѣніе грусти и недоумѣнія, какія объемлютъ здѣсь человѣка. За то *поэзія запустѣнія* рѣдко гдѣ выказывается съ такой силой, съ такимъ могуществомъ, какъ въ подобныхъ мѣстахъ: возьмите примѣромъ окрестности Билярска. Древній городъ этотъ былъ расположенъ на горѣ, омываемой рѣкою Малымъ-Черемшаномъ. Передовыя крѣпости и самые контуры города весьма ясно обозначены насыпями и рвами, но они уже начинаютъ поростать боромъ. Внутренность города занята теперь пахатной землей сосѣдняго села, на которое перешло имя Билярска; изъ глубины его траншей и окоповъ высятся дубы. Всѣхъ счастливѣе взысканъ судьбою валъ, тянувшійся по скату горы: онъ весь покрылся едва проходимымъ лѣсомъ. Съ трудомъ можете вы пробраться къ нему, сквозь густую чащу кустовъ, сучьевъ березняка и липы, натыкаясь безпрестанно на уединенные пчельники окрестныхъ жителей и по временамъ любуясь, сквозь случайные промежутки, рѣкой, змѣеобразно извивающейся на далекое пространство. Вы идете въ лѣсу по остаткамъ царства, отжившаго свой вѣкъ, и если припомните, что племена, вращающіяся теперь около него, состоя всѣ подъ однимъ благодѣтельно связующимъ ихъ правленіемъ, имѣютъ свои особенныя легенды, повѣрья, сказанія и думаютъ про себя, каждое порознь, свою собственную неясную думу,—если вы сообразите все это, то поймете, какой неуловимый оттѣнокъ сказочной прелести лежитъ на всей странѣ.

Около Билярска же есть мѣсто, куда въ извѣстные дни іюня мѣсяца сходится все окрестное населеніе. Это огромное *rendez-vous*, этотъ миролюбивый *meeting*, или, чтобъ сказать по-русски, эта разнохарактерная ярмарка, бываетъ у такъ-называемаго Св. Ключа. Мѣстность Святого-Ключа до такой степени напоминаетъ нѣкоторые тирольскіе пейзажи, что обмануться можно и подумать, что вы перенесены въ *Меранскую* долину или въ окрестности *Кенигъ-Зее*. На крутомъ берегу рѣки Малаго-Черемшана вдругъ образуется широкая площадка, съ трехъ сторонъ запертая горами, покрытыми великолѣпнымъ дубовымъ лѣсомъ, который тяжело сходитъ къ самой подошвѣ ихъ. Одна превосходная аллея съ южной стороны выводитъ васъ изъ лѣсу прямо на площадку, и передъ вами открывается весь этотъ природный амфитеатръ въ полномъ блескѣ своей растительности и густой зелени. Въ углу его стоитъ православная

часовня надъ Ключомъ, бьющимъ изъ скалы, красиво оттѣнясь въ зеленой рамѣ лѣса. Надо вамъ сказать, что мѣсто это чрезвычайно уважается также и всѣмъ татарскимъ населеніемъ: на одной изъ горъ похороненъ какой-то великій мугамеданскій хаджи, къ которому поклонники стекаются даже изъ отдаленныхъ странъ, изъ Персіи напримѣръ, какъ я слышалъ. По врожденному отвращенію татаръ говорить о предметахъ своей вѣры, я не могъ узнать его имени,—но это не отговорка. Чего не узнаешь, когда захочешь! Въ извѣстные дни іюня мѣсяца возобновляется здѣсь, въ маломъ видѣ, смѣшеніе языковъ и *шатаніе народовъ*; даже окрестные помѣщики съ женами и дочерьми принимаютъ участіе въ общемъ гуляньѣ. Утромъ изъ сосѣдняго села Билярска тянется торжественный крестный ходъ къ часовнѣ, гдѣ послѣ молебствія многія сотни людей припадаютъ къ освященному источнику; вечеромъ при закатѣ солнца въ разныхъ мѣстахъ площадки разстилаются ковры, на которыхъ возсѣдаютъ татары въ чалмахъ и погружаются въ благоговѣйную молитву, опустивъ голову на сторону. Если бы вы могли, петербургскій мой читатель, подняться нѣсколько на гору въ полдень, то увидали бы нѣчто такое, отчего драгоцѣнныя впечатлѣнія Сатаніеллы, Эсмеральды и Катарины, разбойничьей дочери, были бы въ васъ сильно потрясены; именно, вы увидали бы картину, которая въ дикой свѣжести своей превосходитъ всѣ балетныя картины. Надо вамъ сказать, что въ этомъ сборищѣ женская половина каждаго племени имѣетъ непремѣнно свой любимый цвѣтъ: русскія женщины видимо предпочитаютъ синій, татарскія — красный, мордовки—бѣлый, и площадка въ полдень пестрѣетъ словно итальянскій мозаиковый полъ. Тутъ выскакиваетъ красная чадра хаными, тамъ бѣлый балахонъ мордовки съ затѣйливыми узорами изъ красной шерсти по всѣмъ швамъ, по всѣмъ оконечностямъ, и чуть не по всѣмъ членамъ (грудь у многихъ, напримѣръ, вышита большими кругами); здѣсь стучатъ и блещутъ цѣпи чувашенокъ, составленныя изъ цѣлковыхъ и талеровъ, повѣшенныя въ нѣсколько рядовъ, на шеѣ и даже пришитыя на спинѣ и груди! Неподдѣльное умиленіе объемлетъ вашу душу, когда между ними промелькнетъ въ глазахъ вашихъ соломенная или тюлевая шляпка, родомъ изъ Москвы, покрывающая головку сосѣдней барышни или молодой помѣщицы; а ужъ съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и наслажденіемъ глазъ вашъ останавливается на малоросломъ хлопцѣ, слѣдующемъ за госпожами своими въ синей ливреѣ и *бѣломъ эксельбантѣ!* Ахъ, какъ хорошъ здѣсь бѣлый нитяный эксельбантъ — трудно и повѣрить! Говоря однакожъ безъ шутокъ, невозможно найти гдѣ-либо въ

Европѣ картины болѣе пестрой, болѣе оригинальной, странной, почти неимовѣрной...

Если бы я смѣлъ указывать предметы для творческой дѣятельности нашимъ молодымъ талантливымъ пейзажистамъ и жанровымъ живописцамъ, я бы пригласилъ ихъ сюда, а на всякій случай довожу до ихъ свѣдѣнія, что я встрѣтилъ здѣсь великую красавицу изъ мордовокъ.

Кому удалось видѣть персидскіе манускрипты съ миніатюрами въ Парижской Библіотекѣ и одинъ великолѣпнѣйшій ихъ образчикъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, тотъ легко пойметъ родъ красоты, свойственной азіатскимъ племенамъ, и которымъ, въ полномъ смыслѣ слова, отличалась шестнадцатилѣтняя мордовка, встрѣченная мною. Смугловатость ея имѣла чрезвычайно нѣжный, блестящій оттѣнокъ: видно было, что она получена не отъ загара или внѣшняго вліянія воздуха, а составляла природный цвѣтъ молодой кожи, изъ-подъ которой, казалось, сейчасъ выступитъ горячая кровь... Замѣтное развитіе скулъ удивительно смягчалось остроконечной книзу формой лица, мастерски очерченнаго. Черные глаза ея были, какъ и слѣдуетъ, продолговаты и узки, но правильность ихъ рисунка и тонина линій поражали невольно, а крайніе углы ихъ, нѣсколько поднятые кверху, сообщали всему лицу неописанное выраженіе нѣги и сладострастія. Небольшой ротъ, но съ сильными дрожащими губами, находился, какъ по рисунку, такъ и по выраженію, въ совершенной гармоніи съ глазами; тонкій, острый носъ превосходнѣйшей моделировки довершалъ общее впечатлѣніе, производимое этою азіатскою Рекамье. Мордовка въ бѣломъ балахонѣ перепоясана была пестрымъ кушачкомъ и вся расшита узорами изъ красной шерсти, вся покрыта мѣдными бляхами и цѣлковыми: видно было, что она принадлежала къ богатому семейству. Ей недоставало только босыхъ крошечныхъ ногъ, закованныхъ въ браслеты, и восточныхъ шальваровъ, чтобы походить вполнѣ на Сакунталу или на какой угодно любой типъ восточной поэзіи.

Обвороженный моей красавицей, я и не замѣтилъ старой чухонки, сидѣвшей почти подъ ногами у меня и занимавшейся тѣмъ занятіемъ, которое Мурильо передалъ во многихъ чудныхъ картинахъ съ поразительнымъ увлеченіемъ. Старая чухонка именно... да какъ бы это сказать поприличнѣе?.. нынче такъ всѣ нѣжны и у всѣхъ такой тонкій вкусъ... именно, она искала въ головѣ у ребенка, почти совершенно нагого. Ну, сказалъ, дѣло сдѣлано. Нельзя не порадоваться впрочемъ, какъ подумаешь, какъ облагородились искусства вообще со временъ Мурильо и какіе неимовѣрные успѣхи сдѣлала художническая разборчивость въ особенности!... Попробуй нынче

кто-нибудь полюбоваться явленіемъ этого рода или сдѣлать ему эскизъ—принимать не станутъ, повѣрьте. Впрочемъ, по старой памяти, я было уже намѣревался отдаться вполнѣ созерцанію этой грязной картины, когда неожиданное обстоятельство спасло воображеніе мое отъ порчи: не-вдалекѣ отъ себя, за группой деревьевъ я вдругъ услыхалъ французскій діалектъ.

Никто меня не увѣритъ, что большинство говорящихъ у насъ по-французски говорятъ по-французски. Это мистификація. Франкское нарѣчіе, господствующее у насъ, по бо́льшей части есть только новое видоизмѣненіе русскаго языка, на которое еще не обратили должнаго вниманія наши филологи. Мнѣ всегда казались странными упреки, дѣлаемые преимущественно нашимъ дамамъ за пренебреженіе родного слова, да онѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ, никогда не переставали говорить по-русски. Правда, въ нихъ замѣтна дурная привычка—употреблять французскія слова вмѣсто общеупотребительныхъ, всероссійскихъ, но фраза, но ея построеніе, но духъ—остались наши. При внимательномъ историческомъ изученіи, можно даже посредствомъ ихъ прослѣдить развитіе отечественнаго разговорнаго языка. Какъ бы то ни было, я неожиданно услыхалъ родное наше слово, облеченное во французскіе звуки, которыми оно, впрочемъ, видимо тяготилось и потому весьма скоро сбросило съ себя эту помѣху. Разговаривали мужчина и дама, и, сколько можно было судить по голосу, не самой первой юности, а скорѣй юности промежуточной, начинающейся, какъ извѣстно, въ 30 и кончающейся въ 40 лѣтъ. Послѣдняя, крайняя юность начинается въ 40 лѣтъ и длится до 55 года и даже далѣе.

— Et comment la pièce était-elle appelée?—спрашивала дама.

— La récompense de la... constance, то-есть „Юлинька или награда твердости“,—отвѣчалъ мужской голосъ.—Зевянская была удивительна въ роли Юлиньки, а Кадыковъ превосходно игралъ молодого графа Галлоу!

— Въ чемъ же состояла завязка? драма или комедія это?

— Драма. Вотъ въ чемъ дѣло. Молодой графъ Галлоу, разорившійся отъ стеченія обстоятельствъ, влюбляется въ бѣдную дѣвушку Юлиньку. Но прежде надобно замѣтить, что Юлинька, желая облегчить участь престарѣлыхъ родителей, дала слово богатому банкиру барону Плесеньбургу отдать ему свою руку. Преимущественно же побудило ее одно обстоятельство: отецъ Юлиньки, желая дать ей приличное воспитаніе, сдѣлалъ фальшивый вексель, такъ что участь всей фамиліи находится въ рукахъ Плесеньбурга, къ которому вексель дошелъ по передачѣ. Теперь, когда графъ Галлоу, нечаянно заблудившійся въ лѣсу, встрѣчаетъ Юлиньку въ отцов-

скомъ домѣ, то и она влюбляется въ него безъ памяти. Но воспоминаніе объ обѣщаніи выдти за-мужъ за барона Плесеньбурга и тѣмъ спасти несчастнаго родителя останавливаетъ ее. Борьба между любовью и честнымъ благороднымъ словомъ выражена здѣсь превосходно авторомъ. Зевянская была удивительна, а Кадыковъ, можно сказать...

— Чѣмъ же кончилась вся эта исторія, скажите поскорѣй.

— Кончилась благополучно, будьте спокойны. Баронъ Плесеньбургъ, увидавъ благородство души Юлиньки, отдаетъ все свое имѣніе графу Галлоу и самъ устраиваетъ ихъ свадьбу. Тутъ же открывается неожиданно, что отецъ Плесеньбурга во время безпокойствъ ограбилъ отца графа Галлоу, пустивъ его по-міру. Самъ же нынѣшній Плесеньбургъ, не имѣя, что́ называется, ни роду, ни племени, проситъ у молодой четы позволенія остаться у нихъ жить до конца дней своихъ. Вексель онъ, разумѣется, разрываетъ. Родитель падаетъ къ ногамъ его, Юлинька протягиваетъ ему руку, баронъ схватываетъ и цѣлуетъ ее, то-есть руку—картина вышла преэффектная. Публика была въ восторгѣ и три раза вызывала Зевян...

— Скажите, это русское сочиненіе?

— Нѣтъ-съ, это переводъ съ французскаго, но петербургскій сочинитель приспособилъ ее къ нашимъ нравамъ... Какъ вамъ кажется поступокъ Юлиньки, Софья Васильевна?

Наступила минута молчанія, послѣ которой Софья Васильевна произнесла задумчивымъ голосомъ:

— Немного Юлинекъ на свѣтѣ, да и тѣ, которыя встрѣчаются, не находятъ въ свѣтѣ признанія своихъ жертвъ.

— Однакожъ, согласитесь, возразилъ необычайно настойчиво мужской голосъ:—поступокъ Юлиньки былъ необдуманъ, легкомысленъ, скажу, даже дерзокъ... Не будь барона Плесеньбурга, она могла бы разорвать связь двухъ сердецъ... Какое же она имѣла право? Неужто вы можете одобрить такое жестокое поведеніе, Софья Васильевна?

— Все на свѣтѣ искупается страданіемъ, Петръ Петровичъ. Вамъ можетъ казаться это со стороны холодностію и разсчетомъ; а сосчитали ли вы слезы Юлиньки? А знаете ли, сколько у ней было безсонницъ и душевныхъ терзаній? Вы не заглядывали въ душу женщины, Петръ Петровичъ, а то были бы поснисходительнѣе къ Юлинькѣ.

— Да зачѣмъ же страдать-то по-пустому, Софья Васильевна? И губить себя! Ну, куда ужъ не шло съ графомъ Галлоу: онъ мужчина и, стало быть, по общему мнѣнію, не можетъ чувствовать сильно, хотя есть мужчины, которые... Но себя погубить, себя,— лучшее произведеніе природы, образецъ...

— Боже мой! Да что же дѣлать, если между ними существовала непреодолимая преграда... честное слово...

— Да что-жъ такое честное слово, когда грозитъ всеобщая гибель, такъ сказать... Развѣ для непреодолимой страсти есть препоны на свѣтѣ? развѣ истинная любовь не все попираетъ ногами? Зачѣмъ ей было ждать позволенія барона Плесеньбурга, когда уже пламенное влеченіе ума и сердца...

— О! никогда! Вспомните стихъ Пушкина: „я предана ему судьбою и останусь ему вѣрна на-вѣки". Такъ бы отвѣчала и Юлинька на домогательства графа Галлоу. Онѣгинъ былъ не хуже его!

— Прекрасно! Такъ, по-вашему, Софья Васильевна, оставалось имъ обоимъ страдать, что называется, до свѣтопреставленія, поглощать свой собственный пламень!.. Славная жизнь, нечего сказать! нѣтъ, ужъ, по-моему, лучше пулю въ лобъ!..

Голосъ дамы сдѣлался необычайно строгъ и величественъ:

— А вы забываете, Петръ Петровичъ, что у нихъ было утѣшеніе въ самомъ страданіи. Каждый изъ нихъ могъ сказать, въ минуту горести: я поступилъ великодушно, я сохранила уваженіе къ себѣ. Такое страданіе отрадно, Петръ Петровичъ! Оно поддерживаетъ жизнь, которая безъ того была бы невыносима, и оно же доставляетъ тайныя, благородныя удовольствія, неизвѣстныя многимъ грубымъ людямъ. Кто познакомился съ такимъ страданіемъ, тотъ уже съ нимъ не разстанется. Онъ не промѣняетъ его ни на какія блага въ свѣтѣ, потому-что каждое біеніе сердца, каждое душевное потрясеніе напоминаетъ ему собственное достоинство, возвышаетъ его въ своихъ глазахъ. Повѣрьте, можно прожить безъ всего, о чемъ вы говорите, безъ сочувствія, безъ радостей, только съ однимъ благороднымъ страданіемъ, Петръ Петровичъ!

— Послушайте, да это ужасно!—воскликнулъ мужской голосъ.

— Что́-жъ дѣлать, Петръ Петровичъ,—возразилъ ему женскій:— если такъ опредѣлено судьбою въ нашей жизни.

Въ это время показался изъ-за кустовъ рыжій, малорослый и плотный дѣтина въ длинномъ сюртукѣ, полы котораго цѣплялись за кусты и влачили по землѣ порядочную кучу сору и сучьевъ. Къ лѣвому плечу его пристегнутъ былъ бѣлый эксельбантъ. Дѣтина направился, видимо, къ бесѣдующей четѣ, которая тотчасъ же прекратила разговоръ и пошла ему на встрѣчу—только я и видѣлъ ее!

Возвращаясь домой, по красивымъ извивамъ Черемшана, я раздумывалъ о разговорѣ, нечаянно мною подслушанномъ, и о театральномъ представленіи, составлявшемъ, какъ вы видѣли, его содержаніе.

Сценическія удовольствія въ провинціи отличаются необъятною

многосторонностью. То, что исполняется въ столицахъ двумя-тремя труппами, воспроизводится здѣсь цѣликомъ небольшой ассоціаціей въ 20—25 человѣкъ. Нѣмецкая трагедія въ переводѣ, французская драма, петербургскій фарсъ, московская опера—провинціальный актеръ не отступаетъ ни передъ чѣмъ. Часто случается, что актриса, исполнявшая съ успѣхомъ, при началѣ спектакля, роль Луизы въ „*Коварствѣ*“, при концѣ его, съ такимъ же успѣхомъ, пляшетъ качучу. Справедливая гордость Петербурга—итальянская опера и великолѣпный балетъ, не устрашаютъ нисколько губернскаго артиста. Онъ тотчасъ же овладѣваетъ ими, низводя ихъ съ великимъ искусствомъ до собственныхъ средствъ. Такъ, на одномъ провинціальномъ театрѣ давали „*Роберта*“, *оперу Мейерберга, безъ музыки;* такъ, на другомъ, исполняли „*Дѣву Дуная*“, *балетъ г. Тальони*, но переложивъ его сперва въ прозу. По мѣрѣ того, какъ растетъ смѣлость актеровъ, возрастаетъ нетерпѣніе публики, требующей все новыхъ пьесъ. Каждый день является афиша съ необходимыми словами: *въ первый разъ, въ первый разъ;* и драматическія произведенія скачутъ передъ вами въ какомъ-то галопадѣ, способномъ произвести головокруженіе. Образчики пониманія нѣкоторыхъ драматическихъ характеровъ, оставляемые заѣзжими столичными актерами, еще болѣе запутываютъ дѣло. Туземный артистъ начинаетъ играть въ комедіи, какъ Мочаловъ игралъ въ драмѣ, а въ большой драмѣ, какъ игралъ Щепкинъ въ большой комедіи, и проч. Притомъ же все исполняется съ какою-то одинаковой отчаянной бойкостью, даже тѣ иностранныя драмы и водевили, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго смысла на русской сценѣ, потому и на столичныхъ театрахъ идутъ вяло и плохо. Происходитъ неимовѣрная путаница, хаосъ, котораго разобрать невозможно, такъ-что опустишь только руки да скажешь: „ля-иль-Аллахъ!“

Однакожъ мнѣ случилось разъ присутствовать на весьма оригинальномъ представленіи, но оно происходило въ балаганѣ и носило такой удивительный семейный характеръ, что, по моему мнѣнію, заслуживаетъ описанія.

Балаганъ содержался старымъ итальянскимъ солдатомъ, взятымъ въ плѣнъ въ 1812 году и послѣ того оставшимся въ Россіи, отставнымъ русскимъ служилымъ и какимъ-то худенькимъ мѣщаниномъ, который представлялъ въ этомъ обществѣ капиталъ: ему принадлежали первое обзаведеніе балагана, куклы, собаки и ихъ костюмы. У входа сидѣла довольно толстая женщина, жена мѣщанина, и раздавала билеты, но весьма оригинально. За право входа посѣтители платили различно, смотря по требованію толстой женщины, которая пріобрѣла необычайный навыкъ узнавать съ перваго взгляда, сколь-

кими копейками каждый изъ приходящихъ можетъ пожертвовать для своего удовольствія: замѣчательнѣе всего, что ни малѣйшей протестаціи на самовольные ея приговоры я не слыхалъ: народъ подчинялся ей, какъ-будто дѣйствительно она угадывала финансовыя предположенія своихъ гостей. Мальчиковъ и дѣвочекъ толстая женщина выпускала за горсть орѣховъ, за нѣсколько пряниковъ, а иныхъ и просто даромъ, но всегда съ сопровожденіемъ легкаго толчка или малой брани. При мнѣ закричала она на дѣвочку, смотрѣвшую съ завистью на грязное полотно, за которымъ собиралась публика: „что разинула ротъ, пошла или *туда*, или вонъ!“ Дѣвочка проскользнула за полотно какъ мышонокъ. Когда мы подошли къ конторѣ, толстая женщина окинула насъ взглядомъ и оцѣнила въ двугривенный каждаго, что́ крайне польстило нашему самолюбію.

Амбаръ, куда мы вошли, былъ уже порядкомъ наполненъ народомъ. Старый итальянецъ, съ всклокоченными волосами, стоялъ посреди партера и раздавалъ приказанія. Онъ пересаживалъ большихъ на заднія скамейки, малорослыхъ ближе къ сценѣ, однимъ приказывалъ стоять, другихъ унималъ и даже одного мальчика поставилъ на колѣни, въ ожиданіи спектакля,—словомъ, онъ гораздо болѣе походилъ на школьнаго учителя передъ дѣтьми, чѣмъ на фокусника передъ почтенной публикой. Появленіе наше видимо смутило его, но черезъ минуту онъ возвратился снова къ своимъ распоряженіямъ. Вскорѣ подъ самымъ моимъ ухомъ раздались звуки оркестра; онъ весь состоялъ изъ одной особы худенькаго мѣщанина, который сидѣлъ возлѣ меня съ аккордіономъ въ рукѣ и по знаку итальянца принялся разыгрывать на гнусливомъ инструментѣ плясовыя пѣсни. Собачье представленіе прошло благополучно—вѣдь не стóитъ же упоминать объ одной сучкѣ съ чернымъ хвостикомъ и въ красномъ салонѣ, которая въ самой серединѣ вальса покатилась на земь, точно какъ-будто она танцовала съ образованнымъ кавалеромъ. Нѣсколько фокусъ-покусовъ итальянца прошли тоже благополучно—вѣдь не считать же большимъ несчастіемъ, что, прихвативъ замкомъ щеку какого-то парня, выбраннаго имъ изъ публики, итальянецъ потомъ не могъ уже снять замка, несмотря на всѣ свои усилія. Парень рисковалъ остаться вѣчно съ этимъ символомъ осторожности на щекѣ, но мастеръ рѣшился пожертвовать нѣсколько эпидермой своей жертвы и тѣмъ спасти ее отъ ненужной прикрасы. Освобожденный малый съ хохотомъ возвратился къ товарищамъ и на вопросъ ихъ: „не больно ли?“ отвѣчалъ: „ничаго, только царапина осталась, а замокъ, пра, съ пудъ будетъ“. Наконецъ явилась кукольная комедія, и веселое расположеніе публики достигло неимовѣрныхъ границъ. Отставной служивый за ширмами трещалъ

за пальяса, перекрещеннаго имъ въ Ивашку-дурака, говорилъ разными голосами и подбиралъ сцены, одну уморительнѣе другой. Каждое слово Ивашки встрѣчалось оглушительнымъ хохотомъ, многія изъ его замѣчаній вызывали поясненія и отвѣты изъ партера: завязывался разговоръ между дѣйствующими лицами и партеромъ, при чемъ пальма остроумія и ѣдкости всегда почти оставалась за послѣднимъ. Такъ прошелъ рядъ сценъ, связанныхъ однимъ только присутствіемъ Ивашки: сцена съ жидомъ, котораго Ивашка обсчитываетъ; сцена съ солдатомъ, который учитъ Ивашку артикулу; сцена съ мужикомъ, у котораго Ивашка крадетъ лошадь и заставляетъ еще приплатить за оказавшіеся въ ней пороки; сцена съ нѣмцемъ-управляющимъ, который убиваетъ Ивашку, и проч., и проч. Чтобъ дать приблизительное понятіе о тонѣ, господствовавшемъ въ этой неписанной фантазіи, и о родѣ остроумія, ей свойственнаго, привожу одно изъ первыхъ явленій ея, гдѣ Ивашка встрѣчаетъ совершенное свое подобіе, другого Ивашку, который вскорѣ оказывается, однакожъ, подложнымъ:

Ивашка настоящій. Трала-трала—хо, хо... кто идетъ?

Ивашка подложный. Ивашка-дуракъ идетъ; *скидавай* шапку.

Настоящій. Трала, хо, хо; двухъ Ивашекъ не бываетъ, а ты хлѣбъ у меня сталъ отбивать. Это, господа, обманщикъ, вы ему не вѣрьте... а вотъ мы его на чистую воду выведемъ. Говори, чѣмъ ты дуракъ?

Подложный. А меня жена бьетъ какъ только у сосѣдей ребенокъ закричитъ. А?

Настоящій. Велика важность, господа! Трала, хо, хо. А я на такой женился, что и бить не можетъ.

(Взрывъ хохота въ партерѣ).

Подложный. Ну, положимъ, ты женой перещеголялъ, да вотъ я ни къ чему рукъ приложить не смыслю, работать ничего не умѣю.

Настоящій. Ну, вотъ это плохо, хо, хо! а бываетъ еще плоше. Я такъ все смыслю, да ни къ чему не приступаюсь... Трала, трала! (Вторичный взрывъ хохота въ партерѣ).

Подложный. Хитеръ же ты братъ, нечего сказать; а вотъ что́ на это скажешь: меня ребятишки бьютъ и малыя дѣти обижаютъ.

Настоящій. Хо, хо, ты ротозѣй, а не дуракъ! Трала, трала! Меня хоть до смерти убей, не обидишь... Пошелъ, проваливай... хо, хо!... (Третій взрывъ хохота въ партерѣ; настоящій Ивашка бьетъ подложнаго и прогоняетъ его).

И долго еще по выходѣ изъ балагана на улицѣ слышались толки посѣтителей и громкій смѣхъ ихъ; что́ касается до меня, то, таоборотъ, я покинулъ спектакль совершенно задумчивый и серьёз-

ный, какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, быть послѣ задушевной трогательной идилліи, къ которой причисляю все это представленіе.

III.

Кому не случалось, хоть разъ въ жизни, наблюдать за молодымъ человѣкомъ, который добродушно мотаетъ отцовское наслѣдіе, полными руками бросаетъ свое имущество на-право и на-лѣво, и все это съ такимъ увлеченіемъ....

Такъ можно мотать и самое время, самую жизнь. Заключеніе это вывожу я изъ необычайной снисходительности, которую встрѣчалъ вездѣ, ко всякому, кто потратился въ конецъ чѣмъ-нибудь: деньгами, временемъ или здоровьемъ. Иногда случалось мнѣ думать: ужъ не находятся ли люди, окружающіе мота, еще подъ вліяніемъ процесса, которымъ онъ шелъ къ своему разоренію; а иногда думалось: не видятъ ли они въ каждомъ мотѣ начало своей собственной исторіи, правильному развитію которой помѣшали только непредвидѣнныя обстоятельства?... Совершенно полнаго опредѣленія этому явленію я еще не отыскалъ.

Разорившійся человѣкъ почти вездѣ въ Европѣ есть человѣкъ, умершій преждевременно. Для общества это не болѣе какъ сновидѣніе мертвеца, подземный бредъ скелета, о которыхъ говоритъ Гамлетъ. Если бы я смѣлъ продолжить сравненіе, я сказалъ бы даже, что разорившійся человѣкъ въ иныхъ мѣстахъ менѣе мертвеца. Это общественное положеніе сохраняетъ онъ до тѣхъ поръ, пока не представитъ *положительныхъ* доказательствъ возвращенія своего къ жизни; но и тутъ какъ мало еще вѣрящихъ въ возможность его возрожденія, и какой долгій розыскъ завязывается для разузнанія всей истины! Совсѣмъ наоборотъ иногда случается у насъ, и особенно въ провинціи.

Трогательное снисхожденіе къ бѣдѣ собрата доходитъ иногда въ подобныхъ случаяхъ до невѣроятности. Разорившійся человѣкъ неожиданно вступаетъ въ права домашняго друга. Онъ дѣлается судьей домашнихъ распрей, причастникомъ семейныхъ тайнъ, совѣтникомъ въ предпріятіяхъ, по правилу—что человѣкъ, разстроившій собственныя дѣла, уже этимъ самымъ пріобрѣлъ нужную опытность для управленія чужими. Вмѣстѣ съ тѣмъ образуются въ пользу разорившагося особенныя привилегіи, права, ему одному присвоенныя. Такъ, напримѣръ, за нимъ утверждено право играть по какой угодно цѣнѣ, получать выигрышъ, а проигрышъ возла-

гать цѣликомъ на хозяина дома, который и принимаетъ его съ великодушной готовностію и со всѣми признаками неподдѣльной радости. Одна изъ самыхъ заманчивыхъ выгодъ, предоставленныхъ разорившемуся человѣку, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ имѣть какія угодно претензіи, требованія и капризы. Трудно представить себѣ, что́ за огромную сумму непріятностей и притѣсненій выдерживаютъ фанатики гостепріимства и деликатности обращенія отъ несчастнаго человѣка, мало-мальски своеобычнаго. Люди, совсѣмъ не отличающіеся уступчивостію характера, считаютъ преступленіемъ остановить порывы неосновательной раздражительности неимущаго гостя своего, храбро выдерживаютъ его нападки и только вздыхаютъ про себя, приговаривая: „а нечего дѣлать—не выгнать же его на улицу!“ Я зналъ одного скрягу, который ссужалъ деньгами не иначе, какъ подъ тройной залогъ и который не могъ отказать разорившемуся въ займѣ *на слово*. Ужъ не говорю, что для него прерывается теченіе свободной бесѣды изъ опасенія *какъ-нибудь проговориться;* что хозяйка трепещетъ за каждое слово и часто рѣшается на ненужныя издержки, лишь бы не возбудить подозрѣнія о недостаткѣ радушія и маломъ уваженіи своемъ къ несчастію!

Какъ ни велика уже разница между подобнымъ воззрѣніемъ на случайную бѣдность и чужимъ, мною упомянутымъ, но существуетъ еще одна черта, довершающая противоположность ихъ....

Мнѣ пришлось разъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при самомъ началѣ весенней распутицы, заѣхать въ глухую деревеньку, только-что возникшую. Деревенька состояла душъ изъ пятидесяти, прислонена была къ лѣсу, однимъ концомъ упиралась въ оврагъ и представляла видъ сиротства и одиночества, изъ которыхъ впослѣдствіи время извлекло ее. Правда, я разсчитывалъ возвратиться на обыкновенное мое мѣстожительство еще до прекращенія пути, но весна наступила какъ-то ранѣе обыкновеннаго. Въ одинъ день, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, сорвало мостъ на оврагѣ, снесло плотину и разливомъ рѣчки затопило всѣ окрестныя дороги. Деревенька была отрѣзана отъ всего живого свѣта по-крайней-мѣрѣ на полторы недѣли.... Это случается весной и не съ деревнями. Я принужденъ былъ жить затерянный на этомъ неожиданномъ островѣ и, признаюсь, первое время невольнаго карантина встрѣтилъ не совсѣмъ философски. Въ отчаяніи ходилъ я по совершенно пустому флигелю, состоявшему изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ преогромною печью, и не встрѣчалъ ничего—ни книги, ни картинки, ни лоскута обоевъ: все было на-чисто голо и пусто. Какъ ни старайся быть наблюдательнымъ (а наблюдательность, по-моему, есть родимое дѣтище скуки), но присматриваться къ деревянному лоснящемуся столу,

къ деревяннымъ скамьямъ, гладкимъ какъ стекло, нѣтъ никакой возможности. Хоть бы лежанка парадной комнаты покрыта была изразцами и представляла какія-нибудь полосы и фигуры: все было бы легче на душѣ; да нѣтъ: кирпичъ, обмазанный толстымъ слоемъ глины,—вотъ и все. На третій день заключенія я уже обошелъ всѣ избы и поглотилъ, казалось мнѣ, все количество идей, соображеній и требованій, въ нихъ находившихся, и снова очутился въ пустомъ флигелѣ. Ломая руки, стоялъ я по цѣлымъ часамъ на крыльцѣ и смотрѣлъ вверхъ, наблюдая, почти безъ сознанія, какъ безпрестанно перемѣняющійся порывистый вѣтеръ то разрывалъ тучи, то собиралъ ихъ въ комъ, то гналъ ихъ съ бѣшенствомъ въ одну сторону, то вдругъ разметывалъ во всѣ концы горизонта. Весна рождалась въ мученіяхъ. Вечеромъ, при заходящемъ солнцѣ, на небѣ шли разнообразнѣйшіе цвѣта: темный, голубой, красный, желтый, сталкиваясь другъ съ другомъ и пропадая одинъ въ другомъ. На все это смотрѣлъ я въ нѣмомъ отчаяніи, какъ Робинзонъ, выброшенный на скалу, какъ послѣдній матросъ пресловутой Медузы. Къ довершенію картины, сзади меня мучительно и страшно вылъ лѣсъ на всѣ голоса; по идти ему на встрѣчу не было возможности. Глыбы подтаявшаго снѣга и грязные потоки, во всѣхъ направленіяхъ вырывавшіеся оттуда, возбраняли къ нему доступъ лучше всевозможныхъ драконовъ. Чего! вскорѣ отъ ручьевъ и слякоти нельзя было сдѣлать двухъ шаговъ и по улицѣ.

Только на пятый день я неожиданно услыхалъ звонъ дорожнаго колокольчика подъ самыми ушами, т.-е. у подъѣзда. Пріѣздъ кого-либо въ такое время казался мнѣ дѣломъ несбыточнымъ, невозможнымъ, однакожъ, *бытство* то было. У подъѣзда стоялъ тарантасъ, наполненный водой, и изъ тарантаса вылѣзалъ пожилой человѣкъ, мокрый до костей. Только человѣкъ, испытавшій несчастіе и совершенно не берегущій себя, могъ рѣшиться на такую штуку. Съ перваго взгляда я узналъ въ пріѣзжемъ почтеннаго Карнія, наполнявшаго нѣкогда три уѣздныхъ города шумомъ своей славы и подвиговъ, а теперь, послѣ несчастія, сдѣлавшагося въ этихъ же городахъ чѣмъ-то въ родѣ публичнаго друга и совѣтника.

— Лёванька! ты ли это?—воскликнулъ я ласково, между тѣмъ какъ Карній высвобождался изъ тарантаса, дрожа всѣми членами,—а Лёванькой назвалъ я его потому, что Карній и самъ потерялъ надежду вырости когда-либо до Леонтія Иваныча.

— Это я, мой другъ!—отвѣчалъ Лёванька:—здравствуй! Сдѣлай одолженіе, прикажи дать мнѣ поскорѣй бѣлья, да сперва вели погрѣть его хорошенько у огня. Совсѣмъ было утонулъ въ вашей рѣчкѣ; къ счастію, что по близости еще случилась деревня. Я со-

гналъ всѣхъ отъ мала до велика спасать меня; вотъ ужо придутъ они къ тебѣ всѣмъ міромъ за водкой: смотри же, не обидь! Кстати ужъ и кучеру прикажи заплатить прогоны; онъ, плутъ, взялъ съ меня за тридцать верстъ чуть не по рублю за каждую, какъ я съ нимъ ни торговался; да оно, впрочемъ, и понятно, братецъ: дорога, знаешь, опасная!..

Тутъ Карпій зорко оглянулся вокругъ себя, какъ-бы отыскивая еще коммиссій, но, увидавъ, вѣроятно, что самыя нужныя, нетерпящія отлагательства, уже переданы, обратился снова ко мнѣ и прибавилъ:

— А вѣдь не всякій способенъ на такой подвигъ? По первому слуху о твоемъ прибытіи, прикатить къ тебѣ изъ города, за пятьдесятъ верстъ, въ такую пору, на выручку: вотъ это дружество!

Перемѣнивъ бѣлье и усѣвшись передъ печкой, Карпій оказался, къ великому моему удовольствію, въ словоохотливомъ расположеніи. Можно было подумать, что вязанка березовыхъ дровъ, горѣвшая въ печкѣ, особенно благотворно дѣйствовала на его языкъ. Онъ благодарилъ меня за деревянный стулъ, на которомъ помѣстился, говоря, что уже давно диванчики провинціальныхъ гостиныхъ и креслица, двумя дугами возлѣ нихъ, сдѣлались ему нестерпимы. По сцѣпленію понятій, Карпій объявилъ мнѣ, что и сами люди, обыкновенно сидѣвшіе на нихъ, мочи нѣтъ надоѣли ему, хотя, съ другой стороны, надо имъ отдать справедливость—они всѣ любили Карпія безъ памяти. Вслѣдъ за тѣмъ, Карпій принялся рисовать портреты своихъ друзей и знакомыхъ, безъ памяти любившихъ его, но такими густыми красками, что я сталъ подозрѣвать въ немъ намѣреніе задобрить меня злословіемъ, какъ это бываетъ иногда и не въ провинціи. Галерею оригиналовъ онъ открылъ фигурой купца, великаго хлѣбосола, собиравшаго въ извѣстное время весь городъ на пиры свои, но который имѣлъ привычку, передъ началомъ обѣда, запирать ворота и спускать цѣпныхъ собакъ на дворѣ, съ явной цѣлью помѣшать собесѣдникамъ разойтись преждевременно. Далѣе перешелъ онъ къ изображенію добродушнаго господина, который завелъ у себя домашній квартетъ. Первая скрипка этого квартета, имѣвшая, по словамъ Карпія, необычайно свирѣпый видъ, отличалась прежде музыкальнаго своего образованія простосердечіемъ и только съ успѣхами въ меломаніи постепенно дичала и ожесточалась, въ противность всѣмъ предположеніямъ о смягчительномъ дѣйствіи музыки на сердца и нравы. Забавнѣе всѣхъ былъ портретъ дамы, только-что вышедшей замужъ и недавно пріѣхавшей въ городъ. Она спутала на нѣкоторое время всю провинціальную жизнь привычкой ложиться спать въ пять ча-

совъ утра. Усилія общества подчиниться этому новому порядку вещей были разсказаны Карніемъ довольно забавно; забавенъ былъ также и разговоръ дамы, состоявшій преимущественно изъ воспоминаній безчисленныхъ французскихъ романовъ, прочитанныхъ сю ночью, причемъ она ставила себя въ положеніе всѣхъ героинь, измѣняла развязки, придуманныя авторами, сообщала свои собственныя, и пр. Очень оригиналенъ былъ также юный мужъ: онъ еще не пришелъ въ себя отъ счастія обладать такой дамой, никогда во-время не ѣлъ, не пилъ, не спалъ и ходилъ какъ шальной. Перебравъ такимъ образомъ половину своихъ добрыхъ знакомыхъ, Карній перешелъ къ событію, недавно свершившемуся въ стѣнахъ города, имъ обитаемаго. Съ первыхъ словъ его, вниманіе мое было сильно возбуждено и постоянно возрастало, такъ-что весь разсказъ Карнія могу я теперь передать почти слово-въ-слово.

— Года два тому назадъ исторія Зинаиды Лущевской надѣлала у насъ много шуму,—сказалъ Карній;—да, вѣроятно, она ужъ и до столицъ дошла, и ты ее знаешь.

— Нѣтъ, не дошла,—отвѣчалъ я:—да и какъ дойти? время еще такое короткое!..

— А происшествіе точно удивительное,—замѣтилъ Карній:—разсказать, что́ ли?

— Непремѣнно разсказать,—отвѣчалъ я.

— Вотъ, видишь ли, пріѣхалъ къ намъ позапрошлую зиму скрипачъ Лебеусъ—извѣстный музыкантъ; ты, я думаю, слышалъ его (я отрицательно кивнулъ головой). Это европейская слава, что́ называется; а между тѣмъ человѣку врядъ ли и тридцать лѣтъ насчитаешь; да, впрочемъ, онъ ужъ на пятомъ году отъ рожденія былъ отмѣнно аттестованъ во всѣхъ академіяхъ.

— Когда же онъ учился?

— А Господь его знаетъ.—Должно быть, онъ ужъ родился скрипачомъ. Не то, чтобы онъ очень чисто игралъ: знатоки говорили мнѣ, что онъ иногда фальшивитъ; да не въ правильности дѣло, а вотъ—чувство у него такое, что развѣ только цыгане съ нимъ потягаются. Повѣришь ли, что когда Лебеусъ примется за скрипку, такъ, зажмурясь, ты ужъ никакъ не различишь, на какомъ онъ инструментѣ играетъ: я самъ это испробовалъ, братецъ. Совсѣмъ не слышно скрипки, ей-Богу, такое искусство, а только и слышишь плачъ, визгъ, скрежетъ зубовъ, и тому подобное. Да и какъ играетъ-то. Со стороны подумаешь, что онъ на токарномъ станкѣ работаетъ; весь перегнется, изломается, потъ льетъ градомъ, глаза закатятся кверху и дышетъ такъ тяжело, какъ-будто ему операцію дѣлаютъ. Нервному человѣку, какъ я, почти смотрѣть нельзя на

него въ это время. О дамахъ нашихъ и говорить нечего: онѣ отворачивались, какъ только Лобеусъ бралъ скрипку, откидывалъ фракъ назадъ и подымалъ смычокъ надъ головой. А потомъ, какъ жилы на лбу у него вытянутся да пѣна у рта покажется, такъ того и гляди, что вынесутъ кого-нибудь за-мертво. Я самъ едва отъ истерики удерживался. Иногда Лобеусъ придетъ въ восторженность, какъ говорятъ артисты, перегонитъ оркестръ, спутаетъ всю пьесу и завершитъ концертъ совершеннымъ хаосомъ, да только все такъ эффектно, что сказать трудно. Потомъ Лобеусъ разбранитъ музыкантовъ, дирижера и уѣдетъ къ себѣ домой. Истинно геніальный человѣкъ! Да, извини, братецъ, что я такъ долго описываю тебѣ мои впечатлѣнія.

— Помилуй, другъ мой,—отвѣчалъ я:—ты такъ хорошо разсказываешь, что, право, совѣтую тебѣ попробовать написать музыкальную статейку для одного изъ нашихъ журналовъ.

— О, нѣтъ,—возразилъ Карпій:—гдѣ ужъ мнѣ разсказывать объ артистахъ. Про нихъ цѣлыя книги написаны, да и какими людьми! и все еще не высказано и сотой доли всего, что́ надобно: это ужъ извѣстно. Вѣдь артистъ не то, что́ ты, я или другой человѣкъ. Это человѣкъ особенный, братецъ! Да оно и понятно. Знаешь, кто разъ предался искусству, тому все земное должно казаться прахомъ...

Карпій, видимо, начиналъ горячиться, но я остановилъ его восклицаніемъ:

— Да ты съ ума сошелъ, Лёванька! Съ какой стати ударился ты въ похвальное слово артистамъ: предоставь это имъ самимъ и вернись къ разсказу, мой другъ.

— И въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Лёванька, какъ-будто внезапно озаренный новой мыслью:—ты правъ. Не стóитъ долго останавливаться на этомъ предметѣ. Итакъ, Богъ съ ними, съ художниками, и перейдемъ къ Зинаидѣ Лущевской, которую ты знаешь...

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ не знаешь? Такъ-таки совсѣмъ не знаешь?

— Такъ-таки не знаю.

— А впрочемъ какъ же и знать тебѣ: вѣдь ты у насъ никогда не бывалъ.

Послѣ этого глубокомысленнаго замѣчанія, Карпій откашлялся и принялся за исторію.

— Зинаида Лущевская была, братецъ, дѣвушка, какъ дѣвушка. Ничего особеннаго. Ну, собой недурна; да въ нашемъ вѣкѣ это не рѣдкость. Надо тебѣ сказать, что мать у нея чуть-чуть не сумасшедшая и въ дочкѣ души не чаетъ. Весь вѣкъ свой прожили онѣ

въ деревнѣ. Зинаида училась по-французски, музыкѣ, и танцмейстеръ пріѣзжалъ къ нимъ изъ города по четвергамъ. Все шло своимъ порядкомъ, братецъ, и какъ нельзя лучше, да на бѣду прикатилъ къ нимъ сосѣдъ, не то кузенъ, не то племянникъ ихъ, изъ дальняго вояжа. Онъ, разумѣется, сблизился съ дѣвушкой и тотчасъ же отыскалъ въ ней особенныя какія-то способности. Ни мало не мѣшкая, сталъ онъ водить ее по окрестнымъ лѣсамъ и объяснять ей въ уединеніи весь ужасъ ея положенія, какъ мнѣ сказывали. А въ чемъ ужасъ состоялъ, Господь его знаетъ. Зина, по правдѣ сказать, дѣлала у себя въ домѣ, что̀ хотѣла, и женихов множество очень порядочныхъ, братецъ, имѣла... Все пошло на выворотъ съ тѣхъ поръ. Зина принялась читать разныя книжки, которыя доставлялъ ей кузенъ, сидѣла съ нимъ по цѣлымъ часамъ на пруду, а онъ училъ ее, какъ себя и другихъ презирать, какъ ни онъ самъ, ни она существовать недостойны, и какъ криво течетъ жизнь у нихъ. Право, братецъ, мнѣ это Наташа, первѣйшій другъ Зины, разсказывала по секрету. Въ такихъ разговорахъ прошло у нихъ все лѣто, а съ наступленіемъ весны, въ одно прелестное утро, проклятый кузенъ сѣлъ въ свою вѣнскую коляску, да и удралъ въ Питеръ—оперу смотрѣть. Зина осталась, что̀ называется, на-мели, только съ одной идеей, что ей слѣдуетъ искупить всѣ свои старые грѣхи какой-нибудь великой жертвой. Поди же ты! Я, братецъ, ее видѣлъ вскорѣ послѣ того и ужаснулся, какая перемѣна въ ней сдѣлалась. Прежде она была такая хохотунья, дѣлала разныя глупости и, право, была очень хорошенькій ребенокъ, а тутъ всю прелесть потеряла, и одѣваться стала неряхой, и ходитъ розвальнемъ, и все ѣдкости говоритъ: матери, сосѣдямъ, гостямъ. Характеръ совсѣмъ испортился, по милости кузена.

— Да скажи пожалуйста,—продолжалъ Карпій, послѣ нѣкотораго молчанія:—хотѣлъ я у тебя спросить, что̀ это, мода что̀ ли состоялась какая—ни съ того, ни съ другого приступать къ первому попавшемуся человѣку и требовать, чтобъ онъ публично призналъ себя дуракомъ? Вотъ, братецъ, недавно и ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ и говоритъ: „съ вашимъ умомъ и опытностью, вы должны согласиться, что жизнь ваша мелка, презрительна, не соотвѣтствуетъ человѣческому назначенію“. Да я его спровадилъ порядкомъ. Говорю ему: „мое назначеніе, сударь, быть Карпіемъ, жить и умереть въ нашемъ городкѣ во всеобщемъ уваженіи всѣхъ моихъ друзей, которые и оплачутъ меня послѣ смерти, чего и вамъ желаю отъ искренняго сердца“.

Я не могъ удержаться отъ смѣху и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, братецъ, это не всеобщая мода, какъ ты говоришь, а

особенный видъ праздности, который ужъ и надоѣдать начинаетъ.

— Ну, можетъ быть,—отвѣчалъ Карпій:—только у Зинаиды голова была не такъ крѣпка, какъ у меня. Она не въ шутку вообразила, что предназначена на какіе-то подвиги, и совсѣмъ запуталась. Мать ея, какъ ни глупа, а видитъ, что дѣло плохо и надо выѣхать изъ деревни да пожить между людьми: авось Зиночка и образумится. Вотъ они и пріѣхали въ городъ на зиму. Что́-жъ ты думаешь? хуже вышло. Пошла такая путаница, что разсказать невозможно. Черезъ мѣсяцъ и старуха и дочка перессорились со всѣмъ городомъ. Молодая Лущевская кого ни увидитъ, тому и закатитъ урокъ, несмотря ни на званіе, ни на положеніе лица; даже сѣдинъ не уважала и многихъ нашихъ почтенныхъ старушекъ оскорбила до глубины души. Увидитъ картину, да и говоритъ: „а лучше бы сироту вамъ взять на воспитаніе“; придерется къ фарфору и начнетъ спрашивать: „а изъ чего пили ваши дѣды, скажите, изъ чего пили дѣды ваши?“ Кто же помнитъ, изъ чего они пили? Особенно сверстницъ своихъ она допекала безчеловѣчно: почти ни одна и не возвращалась отъ нея безъ слезъ. Пристанетъ, бывало, зачѣмъ онѣ наряжаются, зачѣмъ стараются быть лучше, чѣмъ есть, зачѣмъ природу украшаютъ. На балы, разумѣется, Лущевская не ѣздила, и по этому случаю такія фразы отпускала, что дыбомъ волосъ становился. Насъ, мужчинъ, называла указательными столбами, на которыхъ ничего не написано; о собраніяхъ нашихъ отзывалась, что это школа взаимнаго пустословія... Вотъ до чего дошло! Вмѣстѣ съ тѣмъ и подурнѣла она ужасно въ это время. Ротъ какъ-то у ней перекривился отъ насмѣшливой улыбки, желчь разлилась по лицу и глаза покраснѣли: страшно было смотрѣть на нее!

— Бѣдная Зинаида!—замѣтилъ я:—ну, разумѣется, вы возненавидѣли ее всѣми силами и способностями вашими?

— Кромѣ меня, братецъ. Я по прежнему оставался другомъ ихъ дома, а остальной народъ дѣйствительно не взлюбилъ ее. Съ Лущевскими прекратили всѣ сношенія, двери всѣхъ домовъ были заперты для нихъ, и сдѣлались онѣ у насъ притчей во языцѣхъ, что́ называется. Все общество ждало только случая отмстить имъ за претерпѣнныя оскорбленія. Онъ вскорѣ и представился.

— Такъ я и думалъ. Какой же случай?

— Вотъ видишь ли: въ эту же самую зиму пріѣхалъ къ намъ Лобеусъ. На первомъ же концертѣ, какъ напали на него артистическія судороги, такъ сказать, Зинаида тотчасъ и догадалась, что передъ ней стоитъ *великій человѣкъ!* Надо отдать ей справедливость, она всегда имѣла пылкій умъ и съ перваго разу проникла

въ душу Лобеуса и поняла его. Тутъ же сказала она во всеуслышаніе: *это геній* и *неслыханное явленіе*, и уѣхала съ концерта разстроенная. Мы, разумѣется, замѣтили впечатлѣніе, произведенное на нее Лобеусомъ, и всѣмъ міромъ положили поддерживать и развивать обоюдную страсть.

— Зачѣмъ же это?

— Узнаешь послѣ, погоди немного. Съ этого же вечера Лобеусъ приглашенъ былъ въ домъ къ Лущевскимъ и вскорѣ сталъ у нихъ дни и ночи проводить. Мы ему не мѣшали. Зинаида сама шла навстрѣчу общему желанію. Я часто тогда бывалъ у нихъ, во-первыхъ, по старому знакомству, а во-вторыхъ, и по обязанности... Надо тебѣ сказать, что многія весьма почтенныя и весьма уважаемыя семейства отрядили меня къ Лущевскимъ наблюдать за ходомъ происшествія, и въ случаѣ нужды помогать успѣшному дѣйствію интриги; да мнѣ почти никакого дѣла не было: все шло само собой. Поразило меня только поведеніе Лобеуса во все это время. Я тогда еще не свыкся, знаешь, съ манерой артистовъ. Лобеусъ, напримѣръ, часто сидѣлъ въ гостиной Лущевскихъ со шляпой на головѣ. Старуха не смѣла слова вымолвить, а Зинаида смотрѣла на него съ участіемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ очнется и сниметъ шляпу. Случалось, что онъ ноги положитъ на стулъ; мнѣ это дико покажется, а Зинаида придетъ въ восторгъ: сама натура и простота, говоритъ мнѣ. Бывало, за обѣдомъ разбранитъ всѣхъ, что не умѣютъ сервировать порядочно, и вино выльетъ въ тарелку, а Зинаида смиренно подастъ ему свой стаканъ и проситъ нѣжнымъ голосомъ снисхожденія для нея: онъ и смилуется. Всего хуже приходилось, какъ попросятъ его играть на скрипкѣ. Какихъ уже тутъ капризовъ не было, да Зинаида мнѣ растолковала, что безъ капризовъ и таланта быть не можетъ. То вдругъ Лобеусъ потребуетъ, чтобъ затушили свѣчи: весь домъ погружается въ темноту; а мы сидимъ по угламъ, слушаемъ и двинуться съ мѣста не смѣемъ; а иногда случалось наоборотъ: велитъ освѣтить всѣ комнаты, какъ на балъ, станетъ въ залѣ подъ люстрой и начинаетъ фантазировать, и ужъ бѣда, если кто-нибудь войдетъ въ это время въ комнату! Замѣтилъ я, однакожъ, что чѣмъ болѣе онъ дурачился по влеченію своего таланта, тѣмъ сильнѣе влюблялась въ него Лущевская. Все это передавалъ я кому слѣдуетъ. Иногда, правду сказать, проказы Лобеуса превосходили всякую мѣру, но я утѣшалъ себя мыслію, что никогда еще не видалъ геніевъ и такого случая упускать не слѣдуетъ.

— Справедливо, братецъ. Стало, и тебѣ доставалось отъ него порядкомъ?

— Какже,—отвѣчалъ Карпій протяжно:—онъ и меня бранилъ не разъ; но, кромѣ уваженія къ таланту, о чемъ я тебѣ говорилъ, мнѣ слѣдовало сносить его грубости и по другой причинѣ. Я принялъ на себя обязанность наблюдать за ними и хотѣлъ исполнить ее добросовѣстно. Взялся за гужъ, не говори, что недюжъ. Большимъ вознагражденіемъ за всѣ оскорбленія считалъ я разговоры, которые вели при мнѣ влюбленные. Это точно было поучительно. Надо тебѣ сказать, что Лобеусъ, по увѣреніямъ многихъ, былъ совершенный неучъ, едва грамотѣ зналъ, а нѣкоторые даже просто говорили, что онъ ни о чемъ понятія не имѣетъ; но тутъ, когда онъ бывалъ въ духѣ и начиналъ говорить,—по чистой совѣсти,—можно было заслушаться. Зинаида, что́ называется, таяла отъ мыслей его и сама не отставала. Такъ выражали они взаимную любовь. Это было удивительно.

— Да о чемъ же они говорили?

— Врядъ ли теперь и припомню, братецъ. О толпѣ, о мірѣ звуковъ, гдѣ разрѣшаются страданія, о высшей природѣ, поглощающей низшія ступени, о...

— И ты понималъ все это?

— Я ничего не понималъ; да не въ томъ и дѣло состояло, а вотъ какъ они заговорятъ, на сердцѣ дѣлается такъ пріятно, такъ пріятно... будто тебя качаютъ въ мягкихъ креслахъ, или плаваешь ты по небу въ воздушномъ шарѣ. Словомъ, не могу тебѣ изъяснить этого порядкомъ, но только пріятно. Такъ продолжалось у насъ цѣлую зиму. Къ концу ея открылось неожиданно, что я былъ совершенный дуракъ со всѣми своими рапортами и наблюденіями. Ты, можетъ быть, не повѣришь, а я тебя честію могу завѣрить: дуракъ и дуракъ. Въ доказательство привожу слѣдующія причины...

— Да въ чемъ дѣло, сперва скажи.

— Вотъ въ чемъ дѣло. Судя по наружности, я увѣрилъ всѣ семейства, которыя почтили меня своей довѣренностію, что Лобеусъ, по геніальности своей природы, совершенно опуталъ Зинаиду, а на повѣрку-то вышло, что великій артистъ самъ состоитъ подъ башмакомъ Лущевской. Каково это покажется тебѣ? Въ извиненіе свое могу только сказать, что нельзя же намъ было войти въ ихъ тайныя сношенія... Открылась же неожиданность эта слѣдующимъ образомъ. Лобеусъ, кромѣ великаго своего искусства, любилъ еще выпить порядкомъ и покутить при случаѣ, что́ называется, на проналую. Вотъ однажды на одномъ холостомъ ужинѣ, гдѣ, впрочемъ, все почти женатые люди были, Лобеусъ, знатно выпивъ, отводитъ меня въ сторону и говоритъ: „я имѣю до васъ крайнюю нужду—спасите, спасите меня. Участь моя въ вашихъ рукахъ“. — Ты легко поймешь,

какъ лестно было для меня, что такой человѣкъ обращается ко мнѣ за спасеніемъ. Я тоже былъ порядочно веселъ и говорю ему: „что вамъ угодно? я готовъ за васъ жизнь положить“. — „Лущевская молодая, говоритъ онъ: — меня преслѣдуетъ. Она не женщина, а демонъ. Наши отношенія вамъ извѣстны. Я зашелъ съ ней слишкомъ далеко и теперь раскаяваюсь, да видно поздно. Жениться я не намѣренъ, да и она объ этомъ не говоритъ, а только хочетъ бѣжать за мной, куда бы я ни поѣхалъ. Я пропалъ! вся моя карьера погибнетъ! Надо имѣть десять жизней, чтобъ возиться съ ней одной! Вы ея не знаете! Объявить же ей наотрѣзъ, что нельзя — я не смѣю. Еще вчера говорила она: „если ты оттолкнешь меня, я прицѣплюсь къ твоимъ колѣнямъ и умру у ногъ твоихъ“. Вы видите, я стою на краю пропасти. Если вы не поможете мнѣ, я заряжу пистолетъ — и бацъ“. Тутъ онъ щелкнулъ пальцемъ. Я обомлѣлъ отъ удивленія, и весь хмѣль вышелъ у меня изъ головы. Подумавъ немного, я объявилъ Лобеусу, что имѣю намѣреніе посовѣтоваться о столь важномъ дѣлѣ съ нѣкоторыми извѣстными лицами въ городѣ, мужского и женскаго пола, и отвѣтъ сообщу ему завтра въ два часа по-полудни.

— Всю эту ночь я глазъ не могъ сомкнуть, — продолжалъ Карпій: — мнѣ безпрестанно мерещились Зинаида и Лобеусъ. То покажется мнѣ Лобеусъ колоколомъ, и Лущевская звонитъ безъ пощады въ него собственнымъ его языкомъ, то... да все этакой же вздоръ. На другой день, какъ возможно ранѣе, отправился я по домамъ извѣщать о неожиданномъ моемъ открытіи. Всюду принимали меня съ упрекомъ, а я былъ чистъ передъ собственной совѣстью: кто же усмотритъ за влюбленными? Ты знаешь, какъ тяжело у насъ бываетъ, когда дѣло дойдетъ до совѣщанія: я совсѣмъ измучился, переѣзжая отъ одного дома къ другому. Наконецъ, послѣ многихъ переписокъ и взаимныхъ сообщеній, удалось мнѣ всѣхъ склонить къ единомыслію. Порѣшили такъ: пусть Лобеусъ увезетъ Лущевскую-дочь.

— Съ какой же цѣлью, Боже мой?

— Неужто ты еще не понялъ? — возразилъ Карпій: — ну, мы ихъ догонимъ на первой станціи и загородимъ дорогу. *Halte-là!* Лобеуса мы, разумѣется, отпустимъ далѣе съ Богомъ. Онъ будетъ освобожденъ и сохранитъ пріятное воспоминаніе о время-препровожденіи въ нашемъ городѣ, а бѣглянку привеземъ обратно назадъ. Ей послужитъ это урокомъ за гордость и презрѣніе къ намъ, который она долго помнить будетъ.

Я невольно отодвинулся отъ разсказчика.

— И вы привели въ исполненіе планъ свой?

— Планъ удался какъ нельзя лучше, — отвѣчалъ Карпій, неза-

мѣтившій моего движенія:—когда сталъ я изъяснять его Лобеусу, онъ кинулся мнѣ на шею, называлъ своимъ благодѣтелемъ, вторымъ отцомъ, и тотчасъ же поскакалъ къ Лущевскимъ уговаривать Зинаиду къ побѣгу. Должно быть онъ не много потратился на краснорѣчіе, потому-что черезъ нѣсколько часовъ вернулся къ себѣ и сталъ укладываться. День побѣга назначенъ былъ самый близкій. Наканунѣ его я провелъ вечеръ у Лущевскихъ. Зинаида была задумчива, блѣдна, все сидѣла подлѣ матери, ластилась къ ней и безпрестанно цѣловала у ней руки. Старуха улыбалась умильнымъ образомъ, сама не зная, чему приписать всѣ эти нѣжности; а я, братецъ, тотчасъ догадался, что Зинаида прощается съ матерью. Съ Лобеусомъ она почти совсѣмъ не говорила, только разъ произнесла, взглянувъ на него украдкой: „чѣмъ тягостнѣе жертва, тѣмъ болѣе силъ она даетъ намъ!“ Мнѣ сдѣлалось жалко Лущевской, но перемѣнить плана не было возможности. На зарѣ другого дня я разбудилъ Лобеуса, посадилъ въ карету и самъ пошелъ смотрѣть издали, какъ выйдетъ къ нему бѣглянка. Она заставила насъ долго ждать на морозѣ: вѣроятно, еще колебалась. Оно и понятно. Знаешь, отеческій кровъ, воспоминанія дѣтства... Наконецъ, какъ ужъ почти совсѣмъ разсвѣло, Зинаида вышла въ шубкѣ, бархатной шляпкѣ и съ ящичкомъ подъ мышкой: точно героиня какого-нибудь романа; да, вѣроятно, и она про себя то же думала. Она прыгнула въ карету очень бодро, а ямщикъ тотчасъ же и помчалъ. Я вернулся домой, позавтракалъ у себя на дорогу, потомъ захватилъ свидѣтелей и нагрянулъ въ домъ Лущевскихъ съ ними, приказавъ сперва разбудить старуху. Какъ ни слабоумна была Лущевская-мать, но при извѣстіи о похищеніи дочери вошла въ превеликую ярость, одѣлась па́-скоро, велѣла заложить возокъ—у насъ лошади уже были готовы—и мы всѣ вмѣстѣ направились къ заставѣ.

— Что́ же произошло у васъ на станціи?—спросилъ я съ безпокойствомъ, котораго не могъ скрыть.

Карній разразился неистовымъ, гомерическимъ смѣхомъ.

— Да не ожидаешь ли чего-нибудь трагическаго? Помилуй, братецъ, слыхано ли, чтобъ на станціи драму разыгрывать. Успокойся, любезнѣйшій: все обошлось какъ нельзя тише и благополучнѣе. Мы, что́ называется, не дали вздохнуть бѣглецамъ и нагрянули почти вслѣдъ за ними. Зинаида сидѣла въ углу, уткнувши носъ въ шубу, Лобеусъ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Видно было, что каждый думалъ о своемъ положеніи. Дѣвушка не ожидала за собой погони такъ скоро. Когда мы вошли всей толпой на станцію, она вскрикнула, бросилась къ Лобеусу, повисла у него на рукѣ и только сказала: вы за мной пріѣхали? Тутъ бы слѣдовало матери

отличиться, да мать, при видѣ дочери, по обыкновенію, сконфузилась и слова никнуть не смѣла. Нечего дѣлать, приходилось мнѣ выступить на сцену. Вотъ я и принялся объяснять учтиво и подробно Зинаидѣ Александровнѣ, что все настоящее дѣло есть только общій нашъ заговоръ, составленный съ благодѣтельной цѣлью отъучить ее отъ разныхъ воображеній и наказать за самонадѣянность,—что въ заговорѣ участвовалъ и самъ Лобеусъ, которому она должна остаться за это по гробъ благодарна, а мы, прочіе, уже и тѣмъ счастливы, что такую услугу могли оказать ей. Я былъ въ ударѣ и говорилъ какъ по писаному. Зинаида выслушала до конца и въ недоумѣніи обратилась къ Лобеусу. Что́ оставалось дѣлать великому артисту? Онъ покраснѣлъ какъ ракъ, закрылъ лицо руками и опустилъ голову, въ знакъ подтвержденія моихъ словъ. Тогда Лущевская взглянула на него съ такимъ презрѣніемъ, что морозъ прошелъ у меня по кожѣ, громко и внятно произнесла: „безсовѣстный“, отчего у всѣхъ насъ въ ушахъ зазвенѣло, братецъ... ей-Богу... потомъ зашаталась и упала къ намъ на руки. Мы ее почти за́-мертво и въ городъ привезли. Тѣмъ все и кончилось. Вотъ и вся трагедія, и больше ничего!

— Какъ же вы не понимаете,—воскликнулъ я, выведенный наконецъ изъ терпѣнія: — что поступили жестоко, нехорошо, дурно?

— Чѣмъ же нехорошо?—отвѣчалъ Карпій весьма добродушно и съ выраженіемъ удивленія:—чѣмъ же нехорошо? ты видно, братецъ, не понялъ всего дѣла. Нехорошо поступилъ кузенъ, который сбилъ съ толку дѣвочку, а самъ укатилъ. Мы же, напротивъ, привели на путь истины заблудшую. Вотъ она живетъ теперь въ деревнѣ, въ совершенномъ уединеніи, и, говорятъ, много благодѣяній производитъ въ околоткѣ... Правда, исторія ея пошла въ огласку, пересудамъ и насмѣшкамъ еще до сихъ поръ нѣтъ конца; но вѣдь нельзя же было оставить безъ наказанія всѣ ея оскорбленія, — согласись самъ!

IV.

Къ числу самыхъ пріятныхъ воспоминаній провинціальной моей жизни, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ нашихъ, принадлежитъ знакомство мое съ мѣщаниномъ Андреемъ Сидорычемъ Бубновымъ, сдѣланное случайно и довольно страннымъ образомъ. Я находился тогда подъ вліяніемъ страсти къ открытіямъ, изслѣдованіямъ, антикварскимъ находкамъ, которая съ годами много поутихла. Всякій

разъ, какъ приходилось мнѣ осматривать въ городѣ что-либо достойное вниманія, я непремѣнно встрѣчалъ сухого пожилого человѣка, съ рѣдкой бородкой, но густыми бровями и въ длиннополомъ кафтанѣ. Несмотря на годы и неуклюжесть самаго костюма, этотъ человѣкъ (а это былъ Бубновъ) отличался вертлявостью и въ совершенствѣ обладалъ особеннаго рода услужливою ловкостью, которая на-вѣки остается у людей, долго занимавшихся торговымъ ремесломъ. Нужно ли было сыскать сторожа, отпереть старое зданіе, или собрать кое-какія свѣдѣнія объ извѣстной мѣстности,—Бубновъ являлся тутъ какъ тутъ, бѣгалъ безъ отдыха и непремѣнно приводилъ кого нужно. Послѣ всякаго подвига въ этомъ родѣ, онъ присоединялся къ нашей бесѣдѣ, слѣдовалъ за нами въ нашихъ осмотрахъ и разговорахъ, со вниманіемъ слушалъ посильныя объясненія чичероне, имъ же выкопаннаго, а иногда и самъ вставлялъ свое слово или догадку, которыя, надо сказать, бо́льшею частію проникнуты были какою-то осторожностью, житейской опытностью, невольно обращавшей на нихъ вниманіе ваше. Денегъ за свои хлопоты онъ не бралъ, и эта безкорыстная услужливость съ перваго же разу заставила меня призадуматься. Я ближе сталъ присматриваться къ замѣчательному человѣку, съ которымъ, какими-то непостижимыми судьбами, встрѣчался почти каждый день; но вмѣсто уясненія этой личности, она съ каждымъ днемъ только затемнялась въ головѣ моей. Сперва, по тайному желанію отдѣлаться отъ благодарности, я относилъ великодушную услужливость Бубнова къ извѣстному добродушію празднаго человѣка, который, не имѣя надобности дѣйствовать для себя, расточаетъ даромъ свою дѣятельность на другихъ, но долженъ былъ перемѣнить это мнѣніе, потому что открылъ въ основаніи его поступковъ корысть особеннаго рода. Я замѣтилъ именно, что онъ подсматриваетъ за мной во время моихъ наблюденій, слѣдитъ на лицѣ моемъ знаки удивленія и удовольствія, и, очевидно, дѣлается веселъ и счастливъ при каждомъ одобрительномъ моемъ восклицаніи, какъ будто оно составляло настоящую плату за всѣ его хлопоты. Дѣло становилось все запутаннѣе. Мысль, что, можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ темныхъ антикваріевъ, которые сами не могутъ отдать отчета въ страсти, пожирающей ихъ, казалась мнѣ одинъ разъ совершенно правдоподобною, а въ другой разъ совершенною нелѣпостью. Я терялся въ догадкахъ на счетъ всегдашняго моего собесѣдника, который, видимо, напрашивался въ добрые геніи ко мнѣ, когда одно мгновеніе вдругъ навело меня на истинный путь, озаривъ необычайнымъ свѣтомъ какъ характеръ, такъ и психическую причину всѣхъ поступковъ мѣщанина Андрея Сидорыча Бубнова.

Городъ нашъ имѣлъ превосходную прогулку на закраинѣ горы,

съ которой открывался видъ на широкую рѣку, бѣгущую внизу, на недальнія деревни и мельницы и на голубую цѣпь горъ за ними, прерывавшуюся въ одномъ мѣстѣ и вдругъ выпускавшую взоръ вашъ, такъ сказать, на безконечный просторъ... Скатъ горы густо заросъ фруктовыми деревьями разныхъ владѣльцевъ и во время цвѣтенія яблонь бѣлѣлъ, точно разсыпалось по немъ стадо мерциносовъ тончайшаго руна. Мѣсто на горѣ сдѣлалось, разумѣется, любимой прогулкой всѣхъ жителей, и здѣсь можно было, навѣрное, встрѣтить Бубнова или рано утромъ, или при наступленіи вечера. Часто вмѣстѣ съ нимъ любовались мы окрестностью, и тогда на сильныя и нелицепріятныя мои похвалы онъ отвѣчалъ, къ великому моему удивленію, не подтвержденіемъ похвалъ природѣ, а похвалами лично мнѣ, о чемъ я не сталъ бы и упоминать, разумѣется, если бы все это не служило къ характеристикѣ самого Бубнова. „Славный ты баринъ, говорилъ онъ обыкновенно въ это время:—знатный баринъ; ну, спасибо же тебѣ. Ну, вотъ же бываютъ на свѣтѣ такіе добрые люди, ахъ ты, Господи мой, милостивый! Право, спасибо“, и проч. Въ первый разъ, какъ посыпалась на меня эта лавина неожиданныхъ похвалъ, я, признаюсь, не зналъ, что́ и дѣлать; но къ чему человѣкъ не привыкаетъ? можно и къ похваламъ привыкнуть, особенно незаслуженнымъ. Вскорѣ я понялъ, что весь панегирикъ былъ не что иное, какъ способъ выражать свое сочувствіе къ изложенной мысли, и предоставилъ Бубнову полную свободу разливаться въ гиперболахъ и преувеличеніяхъ, чѣмъ онъ и пользовался при всякомъ удобномъ случаѣ. Однакожъ, дѣло разгадки этого характера не подвигалось. Разъ вышелъ я на вѣнецъ, какъ называли гулянье, въ полдень, и еще издали замѣтилъ Бубнова не совсѣмъ въ обыкновенномъ положеніи. Онъ сидѣлъ по скату горы на корточкахъ, упираясь локтями въ колѣни и положивъ нечесаную голову свою въ широкія руки. Шапка его валялась возлѣ. Я подкрался къ нему сзади и заглянулъ въ лицо... Трудно описать, какое выраженіе безотчетнаго упоенія представляло оно въ эту минуту. Глаза его остановились въ какомъ-то тупомъ созерцаніи, а полураскрытый ротъ обнаруживалъ какъ будто болѣзненное ощущеніе. Весь онъ, въ согнутой своей позиціи, такъ и просился въ картину, на типъ человѣка, одержимаго сильнымъ, но не вполнѣ яснымъ чувствомъ. Въ головѣ моей мелькнула мысль: не принадлежитъ ли Бубновъ къ разряду людей, влюбляющихся въ небо, почву, всю обстановку извѣстнаго уголка земли?... Едва остановился я на этой мысли, какъ весь характеръ и все поведеніе Бубнова сдѣлались для меня понятны, словно рѣшенная загадка. Предо мной былъ меньшой братъ тѣхъ героевъ, образы которыхъ, подъ

перомъ Куперовъ и Сисфильдовъ, возросли до величественныхъ размѣровъ, неизгладимыхъ въ памяти читателя. Внутренно убѣжденный въ справедливости моего предположенія и довольный открытіемъ, разоблачавшимъ передо мной одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ, я подошелъ къ Бубнову и, осторожно дотрогиваясь до плеча его, спросилъ: о чемъ задумался, Андрей Сидорычъ? Бубновъ поднялся на ноги, встряхнулъ головой, какъ-бы сбрасывая думу, еще недавно угнетавшую его, и отвѣчалъ: „да и не помню порядкомъ, баринъ. А вотъ сію минуточку думалъ, что я умру и всѣ мы умремъ, а горы все будутъ стоять, а рѣчка все будетъ бѣжать... Тутъ ты и подошелъ". Простая мысль Бубнова напомнила мнѣ стихи великаго поэта, которые я тутъ же невольнымъ образомъ и прочелъ:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Не знаю, насколько понялъ ихъ Бубновъ, но только онъ пришелъ въ неописанный восторгъ, забилъ въ ладоши и, по обыкновенію, принялся за величанія: ахъ, да что же ты за славный такой! и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ проходилъ рѣдкій день, чтобъ мы не встрѣчались. Я узналъ весьма простую исторію Бубнова. Въ молодости онъ прозванъ былъ сиднемъ за неохоту пускаться въ дальніе заработки, чѣмъ обыкновенно промышляетъ у насъ бѣдный классъ, а подъ старость, передавъ небольшое свое имущество внуку и выговоривъ у него кусокъ насущнаго хлѣба и уголъ для ночлега, предался празной бродяжнической жизни, сталъ ходить безъ цѣли по улицамъ, сидѣть на горѣ, спускаться на рѣку и даже пропадать по цѣлымъ днямъ въ окрестныхъ рощахъ и селеніяхъ. Во время пребыванія моего въ городѣ, онъ, однакожъ, не пропадалъ, а напротивъ, пріобрѣлъ навыкъ какъ будто угадывать мои намѣренія и всякій разъ непремѣнно очутиться на пути моемъ. Вѣроятно, мои посильныя объясненія нѣкоторыхъ памятниковъ доставляли ему удовольствіе; особенно замѣтилъ я это въ отношеніи частностей, мелочей, подробности какого-либо предмета. Тутъ Бубновъ безпрестанно говорилъ: „Господи! какъ же это все хитро устроено; чудно, право, чудно, — а вотъ народъ валитъ мимо и ничего не видитъ — Богъ съ нимъ!" — и тому подобныя вещи.

Большая часть старыхъ памятниковъ въ провинціальныхъ городахъ принадлежитъ къ замѣчательному XVII столѣтію нашему, которое, какъ извѣстно, началось, повидимому, совершеннымъ разло-

женіемъ Московскаго царства, и кончилось основаніемъ Петербурга. Въ эту эпоху послѣдней борьбы старыхъ началъ съ новыми потребностями перестроились окончательно въ городахъ храмы и публичныя зданія, и вмѣсто деревянныхъ построекъ на ихъ мѣстахъ воздвиглись каменныя, со всѣмъ величіемъ и со всею затѣйливостью, свойственными архитектурѣ того времени. Время и новыя требованія уничтожили почти всѣ общественныя зданія, но храмы уцѣлѣли. По нимъ можно хорошо судить о возникшемъ архитектурномъ стилѣ, образовавшемся изъ смѣси византійскихъ основаній, пополненныхъ новыми началами эпохи *возрожденія* и облеченныхъ въ безчисленныя украшенія и подробности, заимствованныя изъ двухъ противоположныхъ источниковъ: стараго *романскаго* стиля съ его плетеніями, многоугольниками и пересѣкающимися линіями, и современнаго стиля *рококо*, съ его полными кругами и широкими завитками. Почти нѣтъ у насъ города, нѣсколько замѣчательнаго, который не имѣлъ бы одного, двухъ, а иногда и многихъ памятниковъ этого характера, созданнаго изъ стараго русскаго преданія, творчески соединеннаго со многими другими архитектурными родами. Мнѣ случалось встрѣчать великолѣпные образцы такого стиля даже въ нѣкоторыхъ богатыхъ деревняхъ и тамъ любоваться византійскимъ четвероугольникомъ, достигшимъ непомѣрной вышины и заканчивающимся, какъ въ древнихъ нашихъ храмахъ, дуговыми сводами, но уже нагроможденными прихотливо одинъ на другой. По угламъ и въ простѣнкахъ такого храма тянутся во всю длину его витыя колонки съ причудливыми арабесками, а окна его въ два ряда красуются тяжелыми навѣсами въ нѣсколько обломовъ, упирающимися на столбики, или раздавленные, или прерванные въ нѣсколькихъ мѣстахъ четвероугольниками. Карнизы церкви и главъ, возвышающихся надъ ней, блестятъ узорчатыми украшеніями, между тѣмъ какъ глубокія изсѣченія главнаго и побочныхъ входовъ представляютъ арабески чистѣйшаго стиля *возрожденія*, достойные изученія. Все вмѣстѣ образуетъ замѣчательное цѣлое, способное на долго остановить вниманіе ваше. Когда толковалъ я обо всемъ этомъ съ Бубновымъ, онъ приходилъ въ совершенное умиленіе, потиралъ руки и, обращаясь мыслію къ самимъ строителямъ, часто говаривалъ мнѣ: „а сколько имъ это труда, сердечнымъ, стоило, да видно городъ нашъ имъ былъ любъ: такъ вотъ они на него ничего и не пожалѣли“.

Разъ, послѣ долгой прогулки, Бубновъ шелъ возлѣ меня задумавшись, какъ человѣкъ, еще находящійся подъ вліяніемъ впечатлѣній, только-что испытанныхъ, и вдругъ, остановившись, спросилъ меня совсѣмъ неожиданно:

— А знакомъ ли ты съ Несторомъ Ростиславичемъ Бѣлковатымъ?

— Знакомъ, да не коротко,—отвѣчалъ я:—а ты его знаешь, Андрей Сидорычъ?

— Знаю. Баринъ отличный. Мы съ нимъ тоже много гуляли, и онъ мнѣ все толковалъ, что́ изъ нашего города будетъ. Вотъ набережную, говоритъ, выкладутъ камнемъ, у насъ и будетъ она стоять многіе вѣка. Деревенька на той сторонѣ сдѣлается, говоритъ, корабельной стоянкой, а товары къ намъ въ городъ оттуда по желѣзу будутъ везти. Черезъ рѣку, говоритъ, мостъ протянутъ на проволокахъ: качаться станетъ, а упасть—ни-ни! Народу у насъ, слышь ты, будетъ кишма-кишить, а съ той стороны станутъ ему знаки подавать большими крылами, какъ у мельницы: иди, дескать, твой товаръ пришелъ, или, дескать, ступай домой,—спрашиваютъ. И множество другихъ диковинокъ поразсказалъ, такъ что у меня въ глазахъ потемнѣло,

— Ну, что́-жъ, — отвѣчалъ я, улыбаясь, — все это дѣло возможное.

— А мнѣ, признаюсь, съ перваго разу и чудно́ какъ-то показалось. Вотъ я и не вытернѣлъ, прихожу разъ къ Бѣлковатому и говорю:

— Ну ужъ, Несторъ Ростиславичъ, какъ тамъ тебѣ угодно, а ужъ ты мнѣ нарисуй картинку, какъ это все будетъ по твоему, а то мнѣ все темно и въ-домёкъ взять не могу.

— „Изволь, говоритъ, Сидорычъ, я тебѣ картинку нарисую“.

— Въ самомъ дѣлѣ занерся сердечный, недѣли двѣ работалъ, рукъ не покладывалъ, и картинку написалъ со всякимъ толкованіемъ.

— Гдѣ же эта картинка, Андрей Сидорычъ?

— А у меня. Я затѣмъ и разговоръ началъ, чтобъ спросить тебя: не хочешь ли посмотрѣть?

— Охотно.

— Мы отправились въ квартиру Бубнова, и тамъ, въ небольшой коморкѣ, прямо надъ изголовьемъ убогой постели Андрея Сидорыча, я дѣйствительно увидалъ огромный листъ бумаги, чрезвычайно пестро и ярко раскрашенный...

И въ такихъ бесѣдахъ проходили у насъ дни за днями. Я не имѣлъ знакомства въ городѣ, да и не искалъ его, потому что съ окончаніемъ своихъ дѣлъ долженъ былъ покинуть его надолго. Особенный родъ уединенія, посреди многолюдной толпы, пріобрѣлъ для меня невыразимую прелесть, благодаря тихой, ровной и теплой бесѣдѣ съ Андреемъ Сидорычемъ, которая вскорѣ сдѣлалась необходима для меня. Несмотря на совершенно одинаковый тонъ нашихъ

разговоровъ, мнѣ ни разу не приходила въ голову мысль разнообразить ихъ: такъ хорошо приспособлены они были къ мѣсту и положенію моему. Раза два попробовалъ я пошутить съ Бубновымъ, опровергая нѣкоторыя изъ его задушевныхъ вѣрованій, но тотчасъ же и прекратилъ шутки, потому что онѣ дѣйствовали болѣзненно на Андрея Сидорыча. Въ подобныхъ случаяхъ, онъ не возражалъ мнѣ, но въ ту же минуту удалялся, какъ будто внезапно раненый или глубоко потрясенный человѣкъ. На другой день онъ заботливо освѣдомлялся: въ какомъ состояніи дѣла мои и не получилъ ли я печальныхъ извѣстій, видимо относя вчерашнія мои противорѣчія къ случайностямъ внѣшней жизни. Такъ прошло у насъ все лѣто и наступила осень. Я сталъ собираться въ дорогу, потому что дѣла мои были кончены, или мнѣ показалось, что они были кончены. Во все время моихъ приготовленій, Андрей Сидорычъ постоянно находился въ какомъ-то безпокойствѣ. Наканунѣ моего отъѣзда, онъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ весьма мрачный и печальный. Зная, какъ облегчительно дѣйствуетъ на простого человѣка чашка чаю съ ромомъ, помогающая выраженію внутренняго чувства, я принудилъ Бубнова принять ее, и старикъ разговорился. Тутъ онъ объяснилъ, что свыкся со мной, и что ему неловко какъ-то думать о моемъ отъѣздѣ, а впрочемъ, прибавилъ онъ, какъ же тебѣ и оставаться здѣсь, когда тебѣ и жить еще много.

— А вотъ что́ баринъ,—продолжалъ онъ съ разстановкой:— помыкавшись по свѣту, ты вѣрно сюда же пріѣдешь на покой; меня, старика, тогда уже не будетъ; я ужъ чувствую, что мы не увидимся на семъ свѣтѣ, такъ ты меня, мужика безграмотнаго, вспомни и панихиду мнѣ отпой... да еще: картинку возьми себѣ, я ужъ объ этомъ и внуку на смертномъ одрѣ прикажу—и сбереги ее, пожалуйста!

Слезы полились ручьемъ изъ глазъ Бубнова; я успокоилъ его, какъ могъ. Въ день отъѣзда, онъ пришелъ со мной проститься: мы дружески поцѣловались; Андрей Сидорычъ былъ совершенно спокоенъ. Выѣзжая изъ воротъ дома, я махнулъ ему рукой и помчался, но Бубновъ прицѣпился какъ-то на запятки и выскакалъ вмѣстѣ со мной за заставу. У самой рощицы, показавшейся на второй верстѣ отъ города, онъ остановилъ ямщика и, радуясь сюрпризу, сдѣланному имъ мнѣ, простился еще разъ, сказавъ только:

— Ну, Богъ съ тобой!

Отъѣхавъ нѣкоторое пространство, я выглянулъ изъ тарантаса и увидѣлъ, что Бубновъ сидитъ у дороги, на срубленномъ деревѣ, точно въ томъ положеніи, въ какомъ я уже имѣлъ разъ случай любоваться имъ: положивъ локти на колѣни и опустивъ голову въ широкія руки свои...

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся я, по предсказанію Бубнова, снова въ городъ, Бубнова уже не было. Я отыскалъ на городовомъ кладбищѣ погнувшійся крестъ его могилы и долго раздумывалъ о благородномъ человѣкѣ, который покоился въ ней. Картинку, мнѣ завѣщанную, я получилъ отъ внука его во всей исправности и тутъ же узналъ, что составитель ея, Несторъ Ростиславичъ Бѣлковатый, женился, поселился въ городѣ и процвѣтаетъ въ немъ уже съ давнихъ поръ. Я постарался съ нимъ сблизиться какъ можно скорѣе.

Будто сквозь сонъ помнилъ я Нестора Ростиславича живымъ и бойкимъ, съ легко воспламеняющимся чувствомъ и съ небольшою примѣсью мечтательности, которая для всѣхъ его знакомыхъ имѣла неуловимую, увлекающую прелесть. Онъ былъ не великъ ростомъ, но полонъ и сложенъ весьма крѣпко. Можетъ быть, именно эта противоположность сильной физической организаціи и природнаго мягкосердія и придавала ему тотъ оригинальный характеръ, который невольно задобривалъ всѣхъ въ его пользу. При вторичномъ моемъ знакомствѣ, я нашелъ въ немъ нѣкоторую перемѣну. Онъ значительно потолстѣлъ, и мускулистое лицо его округлилось какъ-то удивительно ровно. Пріятно мнѣ было замѣтить также, что старая его горячность и придирчивость утеряли почти всю свою энергію; но я относилъ это не столько къ побѣдѣ надъ самимъ собой, сколько къ успокоительному дѣйствію провинціальной жизни вообще. Исторія превращенія заѣзжаго прихотливаго человѣка въ человѣка разсудительнаго повторяется въ провинціи очень часто, и это одна изъ лучшихъ сторонъ ея. Всякій заѣзжій выдерживаетъ родъ искуса; появленіе его нарушаетъ какъ будто равновѣсіе въ обществѣ: оно начинаетъ колыхаться, обвивается около заѣзжаго, осматриваетъ его и потомъ затягиваетъ въ мирную среду свою неизбѣжно, какъ приговоръ судьбы. Напрасно заѣзжій отбивается сначала, увертывается: обаятельное дѣйствіе неизмѣннаго спокойствія неукоснительно произведетъ свое дѣйствіе. Человѣкъ постепенно умиряется, и остатки его тревожныхъ волненій все болѣе и болѣе сглаживаются и наконецъ совсѣмъ пропадаютъ... Тяжело мнѣ только было привыкнуть къ голосу Нестора Ростиславича, который изъ звонкаго и свѣтлаго обратился въ пронзительный постоянный дискантъ, безъ всякаго измѣненія въ тонѣ; но съ теченіемъ времени нервы мои окрѣпли, и голосъ Бѣлковатаго уже ничего на меня не производилъ.

Я былъ предувѣдомленъ, что Бѣлковатый совершенно предался наукамъ, искусствамъ и литературѣ, въ которыхъ, говорили мнѣ, онъ уже и прославился: такъ и должно было ожидать. Воспріимчивая душа этого человѣка какъ будто создана была для благород-

наго служенія всѣмъ музамъ. Касательно же его успѣховъ на этой службѣ единодушный приговоръ не оставлялъ никакого сомнѣнія.

Онъ сдѣлался художникомъ. Въ кабинетѣ Бѣлковатаго стояло по стѣнамъ множество полочекъ въ рамкахъ, съ изображеніемъ разныхъ головокъ, бѣлокурыхъ, черныхъ, пепельныхъ, бо́льшею частію неконченныхъ и поэтому имѣвшихъ нѣсколько чудовищный видъ. Несторъ Ростиславичъ списывалъ ихъ съ дурныхъ списковъ, снятыхъ съ хорошихъ копій Долче, Сассоферрато и др.; такіе списки часто попадаются въ провинціи. Нельзя было рѣшительно имѣть въ дому никакой плохой масляной фигурки, чтобъ Бѣлковатый не попросилъ ея для снятія копіи. Правда, онъ бросалъ картину, едва начавъ и возвращалъ ея оригиналъ хозяину, а безцвѣтную зеленую или желтую фигурку пріобщалъ къ коллекціи такихъ же фигурокъ, приставленныхъ къ стѣнамъ, которая вскорѣ и составила довольно любопытную галерею художническихъ зачатковъ-эмбріоновъ. Измученный живописью, Несторъ Ростиславичъ обращался къ раскраскѣ литографій и обклейкѣ рамокъ, которую дѣйствительно производилъ съ замѣчательной чистотой, и отдыхалъ за этими низшими родами художической дѣятельности. Пріемная зала его была увѣшана расписанными литографіями, выдернутыми изъ разныхъ изданій, въ рамкахъ его собственной работы, синихъ съ черными полосками, черныхъ съ синими полосками и проч. Въ мастерской его, рядомъ съ палитрой, красками и кистями, валялись кисточки для клестера и цвѣтныя бумажки самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. Какъ-бы соревнуя многосторонности старыхъ художниковъ, Бѣлковатый пробовалъ себя въ разныхъ родахъ искусства. Такъ, напримѣръ, онъ мастеръ былъ лѣпить изъ глины—и полъ той же мастерской, гдѣ онъ писалъ картины и обклеивалъ литографіи, пріобрѣлъ мягкую кору грязи, по которой нога скользила. Въ отношеніи лѣпныхъ своихъ работъ, Бѣлковатый отличался странностію, или, лучше, художническимъ капризомъ; онъ лѣпилъ только крестьянскіе домики, тирольскія хижины, швейцарскіе шалэ и т. п. Къ каждому изъ этихъ разныхъ родовъ искусства онъ прилагалъ, что́ называется, всю свою душу и посвящалъ ему, въ извѣстные сроки, математически размѣренные, по нѣскольку часовъ. Трудолюбіе его могло только равняться посредственности, которую онъ оказалъ во всѣхъ родахъ.

Бѣлковатый умѣлъ также починить ножку въ креслахъ, пополнить отвалившуюся рѣзьбу на диванѣ, навести лакъ на столы, пустить въ ходъ испортившуюся мышеловку, и способенъ былъ на множество другихъ столь же хитрыхъ производствъ, за которыми другіе люди тяжело проводятъ всю свою жизнь. Первое мѣсто между ремесленными занятіями занималъ, однакожъ, токарный станокъ,

особенно драгоцѣнный семейству Бѣлковатаго, потому что на немъ вытачивались подарки къ домашнимъ праздникамъ: игольнички, колечки, пуговки. Несторъ Ростиславичъ достигъ извѣстной степени совершенства въ этомъ ремеслѣ, какъ очевидно доказывалъ подарокъ, сдѣланный имъ еще недавно малолѣтнему сыну своему Петрушѣ. Онъ именно вручилъ ему сквозной шарикъ изъ слоновой кости, въ которомъ были запрятаны конфекты такъ, что достать ихъ оттуда не было никакой возможности, къ великому отчаянію Петруши, неумѣвшему оцѣнить всей оригинальности подарка. Впрочемъ, подъ рукой Нестора Ростиславича какимъ-то чуднымъ образомъ все обращалось въ игрушку, что́ должно, разумѣется, отнести къ великой его способности популяризовать предметы, дѣлать ихъ доступными каждому. Такъ, напримѣръ, онъ съ жаромъ сталъ заниматься естественными науками съ тѣхъ поръ, какъ снялъ разъ неудачный портретъ съ дочери своей, и наука тотчасъ сдѣлалась у него младенчески проста и занимательна. У Бѣлковатаго всегда былъ на-готовѣ очень порядочный микроскопъ, въ которомъ знакомыя дамы могли когда угодно видѣть блоху, увеличенную въ тысячу разъ. Всѣ остальныя принадлежности микроскопа, какъ-то: дощечки съ крыломъ мухи, съ жаломъ пчелы, съ цвѣточной пылью, были у него всегда въ великой исправности и могли быть употреблены въ дѣло по первому востребованію. Не говоря уже о коллекціи бабочекъ и раковинъ, разставленныхъ за стекломъ, въ превосходныхъ шкапахъ ясеневаго дерева, рядомъ съ библіотекой, у него сберегалось и множество физическихъ инструментовъ, какъ-то: волшебный фонарь, бутылка съ чертенкомъ, опускающимся на дно при давленіи пробки, электрическая машина, которая при случаѣ способна была производить разныя штуки, вертѣть мельницу, заставлять прыгать иголки на стеклѣ и проч. Кропотливость и серьёзный видъ, съ которымъ Бѣлковатый показывалъ свои опыты, еще возвышали цѣну ихъ. Мало-по-малу Несторъ Ростиславичъ сталъ облекаться въ общественномъ мнѣніи атмосферой всеобъемлющаго знанія, которому не чужды самыя противоположныя проявленія духа человѣческаго. Онъ еще выросъ въ общемъ сознаніи, когда вздумалъ пристроить маленькую лабораторію къ кухнѣ своей и тамъ сталъ проводить цѣлыя утра, у горящихъ углей, бросая на нихъ какіе-то порошки и любуясь огоньками, пробѣгавшими затѣмъ въ очагѣ. Эти химическія занятія, какъ величалъ ихъ Бѣлковатый, всего болѣе способствовали къ утвержденію за нимъ особеннаго рода уваженія, сопутствующаго человѣку, который трудится безъ сильной матеріальной нужды, даромъ, изъ удовольствія или скуки. Оно увеличилось до неимовѣрной степени, когда узнали, что Бѣлковатый въ новой своей лабораторіи

принялся истреблять кроликовъ. Дѣйствительно, Несторъ Ростиславичъ хотѣлъ у себя дома провѣрить опыты Мажанди... Чего, подумаешь, не сдѣлаетъ сильная, исключительная страсть! Неутолимая любознательность вложила ножъ въ руки добродушнаго человѣка; но, впрочемъ, какъ ни взрѣзывалъ онъ ножомъ этимъ бока и черепы бѣдныхъ животныхъ, они никакъ не хотѣли подтвердить показаній парижскихъ своихъ собратій и умирали еще до окончанія операцій. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ, Бѣлковатый могъ только вывести одинъ результатъ, что кролики — смертны, но впечатлѣніе было произведено на окружающихъ, и новый цвѣтокъ привитъ былъ къ лавровому вѣнку, вполнѣ заслуженному имъ.

Репутація образованнаго человѣка, строгаго и многосторонняго, уже не могла быть потрясена ничѣмъ: его заставали за рабочимъ столикомъ жены, вырѣзывающимъ силуэты; два раза снималъ онъ копію съ такъ называемаго портрета Ченчи (головки, мимоходомъ сказать, сильно распространенной въ провинціи) и два раза, по обыкновенію, бросалъ ее; даже приволокнулся онъ за пріѣзжей артисткой, дававшей концерты на віолончели,—что нужды! Репутація его особенно высоко стояла въ ту зиму, когда онъ проводилъ вечера за картами, написалъ повѣсть съ превеликими страстями въ какой-то журналъ, и даже въ благородномъ спектаклѣ игралъ роль старухи въ полномъ женскомъ костюмѣ.

Почти нѣтъ нужды прибавлять, что трудно было удержаться самому Бѣлковатому отъ нѣкотораго рода очарованія, производимаго множествомъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій, валявшихся неразрѣзанными на диванахъ, своими и чужеземными журналами, лежавшими на столѣ въ его кабинетѣ, всеобщимъ говоромъ окружающихъ и видомъ собственныхъ трудовъ, разсѣянныхъ по всему дому. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилась въ Несторѣ Ростиславичѣ похвальная нетерпимость къ беззаботнымъ людямъ, которыхъ, по справедливости, онъ называлъ ничтожными людьми. Онъ сильно возставалъ противъ жизни безъ труда, безъ призванія и безъ цѣли. Тутъ уже не принималось никакихъ извиненій и никакихъ отговорокъ. Лѣность и случайная неудача, неумѣнье найти себѣ дорогу и отсутствіе способностей,—все одинаково подвергалось сатирическому бичу, благородному негодованію его. Стоило только умолчать о своихъ занятіяхъ, и Несторъ Ростиславичъ начиналъ посматривать на васъ уже съ легкимъ презрѣніемъ, которое, смотря по обстоятельствамъ, могло и развиться... Да оно и понятно. Самъ Бѣлковатый такъ много трудился!

Въ такомъ расположеніи духа состоялъ Несторъ Ростиславичъ, когда я познакомился съ нимъ.

Въ первый мой пріѣздъ къ нему онъ повелъ меня осматривать комнаты и различныя художническія, зоо- и геологическія коллекціи свои. Довольно долгое время оставались мы за изящными головками, не принадлежавшими ни къ одному изъ упомянутыхъ родовъ, и потомъ перешли къ бабочкамъ. Тутъ высоко на шкапу увидѣлъ я челюсть какого-то допотопнаго животнаго, превосходно сохранившуюся. Я обратилъ на нее особенное вниманіе и спросилъ Нестора Ростиславича, какъ она досталась ему.

— Мнѣ принесъ ее одинъ изъ здѣшнихъ обывателей, теперь уже покойный—Бубновъ, Андрей Сидоровъ. Не знавали ли вы его?

— Кто же его не зналъ у насъ?!

— Почва наша еще сохраняетъ,—продолжалъ Бѣлковатый:—слѣды первыхъ своихъ обитателей. Иногда случается, что самыя незначительныя рѣчки вымываютъ по веснѣ остовы неизвѣстныхъ животныхъ, которыя потомъ снова погибаютъ отъ равнодушія жителей. Бубновъ, какъ вы знаете, вѣроятно, велъ жизнь почти-что кочевую, подбирая камушки и другую дрянь, и вотъ разъ какъ-то напалъ чуть-чуть не на полный звѣриный остовъ. Съ трудомъ притащилъ онъ ко мнѣ одну пасть его, говоря, что онъ отдариваетъ меня за подарокъ, который я ему прежде сдѣлалъ.

— Какой подарокъ?

— Да вотъ видите, я по просьбѣ его написалъ ему картинку съ изображеніемъ многихъ предположеній по части построекъ. Странный былъ этотъ человѣкъ — Бубновъ. Отчаянный разспросчикъ и любопытенъ до крайности. Видно было, что у него шевелилось что-то въ душѣ. При другихъ средствахъ, онъ бы могъ *отличиться* какъ-нибудь. Одного я не могъ терпѣть въ этомъ человѣкѣ...

— Именно?

— Кочевой, праздной жизни. Въ его года,—а впрочемъ, онъ уже былъ порядкомъ старъ,—поправилъ себя Бѣлковатый:—да все-таки бездѣльная жизнь неприлична разумному существу. Ужъ какъ я ни уговаривалъ его *заняться* чѣмъ-нибудь, усѣсться, приводилъ различныя доказательства: ничто не помогало. Слушаетъ, бывало, долго и смотритъ на васъ пристально—вотъ, вы думаете, будто и сдался на увѣщанія, а онъ покачаетъ головой и примолвитъ: „Добра-то ты желаешь, да только не смыслишь, какъ за него взяться“.

— Это, по крайней мѣрѣ, откровенно.

— Ужъ сколько же и мѣстъ я отыскалъ ему, да ни одно не пришлось по нраву. Сперва я предлагалъ ему мѣсто у себя очень спокойное—смотрителя конюшни; работа легкая и жалованье поря-

дочное—отказался. Я думалъ, что онъ считаетъ его нѣсколько унизительнымъ, и рекомендовалъ сосѣду въ управляющіе—отказался и отъ этого, да еще говоритъ: „ты ужъ, Несторъ Ростиславичъ, обо мнѣ не безпокойся: мнѣ мѣстовъ никакихъ не надо". Такъ и умеръ странствователемъ. Правду говорятъ—привычка вторая натура...

— И праздность—мать пороковъ,—прибавилъ я.

— Да, но самый непріятный родъ праздности,—возразилъ Бѣлковатый съ видомъ знатока:—есть праздность дѣятельная, когда человѣкъ хлопочетъ и занимается весь вѣкъ свой, въ сущности ничего не дѣлая.

Я посмотрѣлъ съ умиленіемъ на Бѣлковатаго, крѣпко сжалъ ему руку и поблагодарилъ за новую, свѣтлую мысль, которая, съ перваго же разу, многое мнѣ пояснила въ немъ самомъ.

V.

Конечно, всѣ мы имѣемъ товарищей дѣтства, но не всѣ мы одинаково понимаемъ значеніе ихъ. Для важнаго человѣка товарищъ дѣтства есть упорный проситель, вѣчно недовольный тѣмъ, что ничего не получаетъ; для богатаго онъ—заемщикъ, никогда не исполняющій своихъ обязательствъ; для дѣльнаго—это праздно-любецъ, мѣшающій всѣмъ его занятіямъ; для свѣтскаго—это докучный знакомецъ, съ которымъ не хочется встрѣчаться; для гуляющаго человѣка—это непрошенный гость, разстроивающій компанію; наконецъ, для остроумнаго и злого человѣка—это неподвижная цѣль насмѣшекъ, анекдотовъ и проч., которая всегда стоитъ передъ нимъ, хотя и прострѣленная, какъ рѣшето. А все-таки настоящее призваніе товарища дѣтства не совсѣмъ угадано. По-моему, оно заключается въ способности товарища встрѣтиться неожиданно въ какомъ-нибудь глухомъ, отдаленномъ углу, куда вы заѣхали, и тамъ предъявить давно забытыя права свои на уваженіе, знакомство и дружество.

За то и съ какимъ радушіемъ принимаются они тогда! Конечно, въ радости встрѣтить стараго собрата не малую роль играетъ иногда собственное ваше безпомощное одиночество, надежды извлечь пользу изъ его опытности, напримѣръ, разспросить его о людяхъ и мѣстности такъ, чтобъ на другой же день не осталось ни малѣйшаго матеріала для разговора у васъ обоихъ, и проч.; но это еще не самая занимательная сторона предмета. Самая занимательная

сторона его, по моему мнѣнію, заключается въ наблюденіи перемѣнъ, произведенныхъ безжалостнымъ, какъ говорятъ, временемъ въ душѣ и привычкахъ друга вашего. Вотъ вы знавали, примѣромъ сказать, маленькаго человѣка, который безпрестанно возился съ деревяннымъ ружьемъ и кричалъ, спуская желѣзную пуговицу, подражавшую выстрѣлу: „убью, убью, посторонись", а черезъ десятокъ-другой лѣтъ встрѣчаете уже большого человѣка, который говоритъ вамъ: „я, братецъ, такую охоту сформировалъ, что зайцевъ арапникомъ бьемъ". Кто подумаетъ, что это одинъ и тотъ же человѣкъ! Да и множество подобныхъ, столь же разительныхъ случаевъ можно бы привесть... Даже физическіе признаки людей претерпѣваютъ такое измѣненіе, что при поздней встрѣчѣ съ старымъ знакомымъ мысль и глаза ваши останавливаются въ недоумѣніи. Я знавалъ здоровыхъ, краснощекихъ мальчиковъ, которые являлись мнѣ впослѣдствіи людьми, едва таскавшими ноги подъ бременемъ тучности, пріобрѣтенной ими совершенно незамѣтно; другіе мальчики, бывшіе худенькими, хотя и остались худенькими людьми, но имѣли уже усы и бакенбарды. Всѣхъ перемѣнъ и описать нельзя, но всѣ онѣ приводятъ къ одному концу: къ печальнымъ разсужденіямъ о томъ, какъ сурово обращается время со всѣми нами вообще и съ *товарищами дѣтства* въ особенности.

Никогда, однакожъ, человѣческія превращенія не поражали меня такъ, какъ въ виду одного человѣка. Звали его Вольдемаромъ, но этимъ пышнымъ именемъ красовался онъ *на сторонѣ*, а между нами извѣстенъ онъ былъ подъ именемъ Володи. На двадцатомъ году своего возраста Володя отличался добродушіемъ, мягкосердіемъ, терпѣніемъ и кротостію, всѣми добродѣтелями прекраснаго молодого человѣка. Его можно было тогда посадить за книгу и оторвать въ какое вамъ угодно время отъ книги; увѣрить, что онъ геніальный человѣкъ и черезъ часъ убѣдить, что онъ пустой человѣкъ; принудить его цѣлую недѣлю ѣсть хлѣбъ и соль, изъ презрѣнія къ расточительности и матеріальнымъ наслажденіямъ, а потомъ въ одинъ день заставить промотать все свое мѣсячное жалованье. Надо сказать, къ стыду товарищей, что послѣднюю штуку они довольно часто повторяли съ нимъ. Въ одну эпоху своей молодости, Володя былъ сильно занятъ вопросомъ: къ какому роду людей принадлежитъ онъ? къ храброму ли десятку, или къ благоразумному отдѣлу ихъ? Не понимаю, для чего нужно ему было знать это, но только онъ навязывался съ вопросомъ ко всѣмъ своимъ собратамъ. Одни увѣряли, что онъ болѣе походитъ на труса, и въ видѣ опроверженія заставляли его спускаться по жолобу съ верхняго этажа, лазить по крышамъ, перескакивать овраги и т. п.

Другіе, наоборотъ, предполагали, что онъ имѣетъ врожденное чувство доблести, которое еще въ немъ не развито, и заставляли его дѣлать то же самое, что́ и первые. Не въ похвальбу сказать, я принадлежалъ къ третьему классу его товарищей, считавшихъ всѣ эти шутки крайне злыми и неприличными, и ограждавшихъ Володю, сколько это было возможно, отъ посягательствъ друзей, слишкомъ расположенныхъ жертвовать чужой личностью для собственной потѣхи. За то какую же и благодарность встрѣтили мы въ признательномъ Володѣ! Судите по одному. Онъ намъ дѣлалъ подарки отъ времени до времени, и я, какъ теперь помню, получилъ отъ него, въ разные сроки, льва изъ шеколада, торжковскій поясокъ и чугунное колечко съ золотымъ изображеніемъ двухъ крѣпко сжатыхъ рукъ на верху. Мы всегда протестовали противъ таковыхъ изъявленій почтительныхъ чувствъ, болѣе потому, что не знали, что́ съ ними дѣлать.

По окончаніи школьнаго воспитанія, Володя скрылся изъ глазъ моихъ, пропалъ безъ вѣсти, и десять лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни духу.

И вотъ, разъ сижу, въ халатѣ, въ нумерѣ грязной гостинницы одного небольшого городка, весьма довольный тѣмъ, что оставилъ за собой безпрерывный рядъ ухабовъ и достигъ цѣли путешествія. Комната, уже на столько просторная, что въ ней можно было свободно сидѣть и свободно сдѣлать шаговъ пятокъ, казалась мнѣ великолѣпною палатой. Вмѣстѣ съ самоваромъ былъ у меня уже и собесѣдникъ, добрый знакомецъ всей нашей фамиліи, ходокъ по дѣламъ, за которымъ я послалъ тотчасъ по пріѣздѣ. Портрета моего знакомца я представлять не намѣренъ; скажу только, что это былъ пожилой человѣкъ, имѣвшій привычку говорить шопотомъ и на ухо почти безпрерывно. Онъ такимъ образомъ разсказывалъ вамъ о житьѣ-бытьѣ своемъ, о дороговизнѣ припасовъ, о цѣнахъ на хлѣбъ и проч. Иногда вырывались у него и звуки поразительной ясности и чистоты, но они держались недолго. Бо́льшею частію случалось это при о́тдачѣ приказанія слугѣ, учтивомъ отказѣ въ предложенномъ угощеніи; молча слушалъ разсказы я знакомца о проживающихъ въ городѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ вдругъ возгласилъ громовымъ голосомъ:

— Здѣсь проживаетъ также Владиміръ Семенычъ Верженцевъ.

Меня какъ молніей освѣтило. Это было имя, отчество и фамилія моего стараго друга, Володи. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, сдѣланныхъ болѣе для формы, уже никакого сомнѣнія существовать не могло. Я не скрылъ радости при этомъ внезапномъ открытіи; но тутъ ходокъ по дѣламъ понизилъ голосъ свой такъ, что нить

его едва дрожала въ воздухѣ, и, придвинувшись къ уху моему на столь малое разстояніе, что я чувствовалъ на лицѣ дыханіе собесѣдника, прошепталъ:

— Однакожъ, вы будьте осторожнѣе съ этимъ человѣкомъ.

— Чтó такъ?—отвѣчалъ я точно такимъ же шопотомъ.

— Вотъ видите ли,—журчалъ мнѣ подъ ухо знакомецъ мой:—это суровый человѣкъ! каменное сердце!... желѣзный характеръ!... Его никто здѣсь не любитъ... Отъ него такъ холодомъ и вѣетъ... Никакого расположенія, ни малѣйшихъ привязанностей... Эгоизмъ—и больше ничего... И лицо-то у него точно мраморное: Богъ съ нимъ!

Я сидѣлъ, стыдно признаться, разинувъ ротъ отъ удивленія, и едва могъ выдти изъ состоянія каталепсіи, наведенной на меня этимъ извѣстіемъ. Однакожъ, подъ конецъ, собравъ силы, я поручилъ знакомцу увѣдомить Владиміра Семеныча о моемъ прибытіи и о намѣреніи моемъ посѣтить его завтра же, на чтó тотъ согласился весьма неохотно. „Чтó за чудо, чтó за чудо?“ думалъ я, отправляясь на другой день, по адресу, данному мнѣ почтеннымъ ходатаемъ по дѣламъ.

Вышло чудо, еще бóльшее, чѣмъ я ожидалъ. Вообразите себѣ, Володя,—тотъ Володя, къ которому я чувствовалъ родъ нѣжнаго влеченія, принялъ меня какъ нельзя хуже... Онъ сбилъ меня совершенно съ толку. На первый мой порывъ связать нить нашего знакомства, порванную временемъ, Володя отвѣчалъ холодно; къ воспоминаніямъ молодости, которыми думалъ я задобрить его, онъ остался совершенно равнодушенъ, и наконецъ всякое теплое слово мое (а какъ удержаться отъ него при встрѣчѣ съ пріятелемъ Богъ знаетъ гдѣ?) удостоивалъ явнымъ презрѣніемъ, которое даже старался и выразить такъ положительно, чтобъ никакого сомнѣнія не осталось въ умѣ моемъ. Сколь ни обидна была для меня подобная встрѣча, но я замѣтилъ одну легкую, едва видимую черту, заставившую меня продлить посѣщеніе, безполезность котораго начинала проявляться довольно ощутительно. Мнѣ показалось именно, что Володя заранѣе приготовилъ всю эту холодную маперу, которая должна была сказать мнѣ: «Ты и не воображай поддѣть меня чувствованіями; я ужъ не тотъ слабый человѣкъ, который прежде дорожилъ всякими пустяками»... Всего болѣе убѣдили меня въ этомъ предположеніи нѣсколько истинныхъ движеній, пробившихся сквозь поддѣльную наружность и обличавшихъ его добрую душу. Поспѣшность, съ которою старался онъ сгладить ихъ потомъ, доказала мнѣ и присутствіе въ немъ прежнихъ качествъ, и то, что онъ теперь стыдится ихъ. Я вздумалъ-было свести его понемногу на болѣе истинный путь,

гдѣ бы могли сойтись мы какимъ-нибудь образомъ; но едва замѣтилъ онъ попытку мою, какъ вооружился всѣмъ своимъ остроуміемъ, всѣми колкостями и поразилъ насмѣшками такъ-называемыя самозванныя, сантиментальныя посягательства друзей. Впрочемъ, тутъ досталось не мнѣ одному, но, какъ всегда бываетъ, затронуто было и чувство расположенія и доброжелательство вообще. Володя былъ неприступенъ со всѣхъ сторонъ. Надоѣвъ собственными усиліями смягчить его, я рѣшился изъ потѣхи повернуть совершенно въ противную сторону и поддѣлаться подъ тонъ, который онъ съ перваго же разу хотѣлъ сообщить разговору. Это удалось мнѣ какъ нельзя болѣе. Мы ѣдко и чрезвычайно тонко принялись разбирать нравственныя качества насъ самихъ. Володя оживился и говорилъ какъ книга. Всѣ крупныя и мелкія черты собственныхъ характеровъ разобрали мы удивительно тонко и съ великимъ знаніемъ самого предмета. Къ концу засѣданія, каждый изъ насъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что въ собесѣдникѣ его не остается ни свѣжаго чувства, ни свѣтлой мысли и ничего потребнаго для составленія искренней, продолжительной связи. На томъ мы и разстались.

По выходѣ на улицу я не могъ удержаться отъ громкаго, судорожнаго смѣха, который, по закону симпатіи, сообщился невольно и наемному кучеру моему.

Я думалъ, что тѣмъ и кончились всѣ наши сношенія съ Володей; вышло наоборотъ. Вмѣсто постоянной, хотя и заученной холодности, какой *я имѣлъ право* ожидать отъ него, я замѣтилъ, къ немалому удивленію моему, что, напротивъ, онъ выискиваетъ случая со мной встрѣчаться и говорить. Разумѣется, я сталъ искать причину столь любезнаго для меня противорѣчія, и нашелъ ее—совѣстно сказать—въ желаніи Володи прихвастнуть передо мной оболочкой, которую носилъ онъ съ такимъ успѣхомъ. Изъ желанія сдѣлать ему угодное и крошечку изъ любопытства, я встрѣтилъ весьма снисходительно его попытки, сохраняя, впрочемъ, видъ человѣка, который своими знакомствами не очень-то дорожитъ. Эта уловка, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣла на Володю всегда неукоснительное дѣйствіе, и чѣмъ болѣе встрѣчалъ онъ съ одной стороны холодности, тѣмъ говорливѣе дѣлался онъ самъ и тѣмъ нужнѣе была ему душевная исповѣдь.

Родъ какой-то странной, ежедневной комедіи сталъ развиваться передо мной съ этой минуты, — комедіи, полной самыхъ забавныхъ, самыхъ чудныхъ монологовъ. Я никогда не думалъ, чтобъ такъ много было у Володи содержанія для нихъ, но вѣдь коротко только испытанное, а заимствованіе и подражаніе безграничны какъ

жизнь. То приходилъ ко мнѣ Володя мрачнѣе ночи, въ недужномъ состояніи головы и сердца, и отъ наморщенныхъ бровей его вѣяло печалью, какъ отъ плакучей ивы, колеблющейся надъ свѣжей могилой. Всякое слово его повито было крепомъ и звучало мѣрно, словно погребальный колоколъ. Удививъ меня способностію совершенно предаться задуманному чувству, такъ что на нѣкоторое время оно дѣлается чувствомъ дѣйствительнымъ, Володя уходилъ отъ меня, не требуя утѣшеній и не принимая соболѣзнованій. И какъ же онъ былъ доволенъ успѣхомъ сыгранной роли, и съ какимъ добродушіемъ говорилъ на другой день: «а вчера я былъ въ порядочной хандрѣ»! Черезъ нѣсколько дней, словно желая удивить многосторонностью ощущеній своихъ, онъ являлся въ общество и былъ уже ясенъ и блестящъ, но ясенъ и блестящъ, какъ ледъ на зимнемъ солнцѣ. Съ иронической улыбкой смотрѣлъ онъ кругомъ себя, снисходительно отзывался о подозрительныхъ людскихъ дѣйствіяхъ, съ недовѣріемъ о тѣхъ, которыя были похваляемы, и вообще былъ страшенъ въ холодномъ спокойствіи своемъ. Только взоръ, искоса брошенный на меня—добрый Володя!—объяснялъ, что все это говорено было собственно съ одной цѣлью: показать мнѣ разницу между старымъ и новымъ Володей. Къ несчастію, общество маленькаго городка принимало слова запутаннаго моего пріятеля въ буквальномъ смыслѣ и составило ему репутацію какого-то нравственнаго носорога, чешую котораго не беретъ и желѣзо, совсѣмъ не обращая вниманія на подкладку страшилища, которая, напротивъ, была самаго нѣжнаго цвѣта, самой нѣжной ткани и самыхъ радужныхъ оттѣнковъ.

Никогда, однакожъ, ни въ минуты меланхолической, ни въ минуты саркастической своей настроенности, не былъ такъ забавенъ Володя, какъ въ моменты поддѣльной откровенности. Это было что-то до такой степени странное, причудливое, фантастическое, что походило на сцену изъ нѣмецкой сказки... Представьте голосъ, старающійся найти тонъ истины и выражающій обманъ, который безобразно сжимается и изворачивается, чтобъ походить на правду. Ничѣмъ другимъ объяснить нельзя впечатлѣнія, производимаго тогда Володей, какъ сравненіемъ его съ тѣмъ, какое можетъ произвесть горбатый карликъ, переодѣвающійся въ платье шестнадцатилѣтней дѣвушки. Въ минуты такого душевнаго настроенія Володя обыкновенно садился небрежно въ кресла, сжималъ голубые глазки свои, придавая имъ выраженіе дѣтскаго добродушія и самымъ умильнымъ голосомъ начиналъ повѣствовать, какъ не существуетъ для него ни радостей, ни огорченій въ жизни, какъ убилъ онъ въ себѣ всѣ безпокойныя стремленія, всѣ душевные и сердечные порывы, какъ счастливъ онъ одинъ съ самимъ собой, какое чудное одиночество

образовалось у него въ груди, и прочее и прочее, вплоть и включительно до гораціевскаго стиха, по которому, какъ извѣстно, хорошій стоикъ не моргнетъ, когда и міръ вокругъ него разрушаться станетъ... Таковъ былъ Володя!

Несмотря, однакожъ, на все, что́ было забавнаго и даже поучительнаго въ признаніяхъ Володи, постоянное, однообразное теченіе ихъ стало мнѣ надоѣдать. Притомъ же нѣчто досадное лежитъ невольно на сердцѣ у всякаго, котораго безпрестанно угощаютъ выдумкой, и одной выдумкой, какъ бы, впрочемъ, ни былъ онъ расположенъ къ принятію ея и къ веселости. Вѣроятно, я совсѣмъ бы уклонился отъ бесѣдъ Володи, если бы новое обстоятельство не заставило меня еще пристальнѣе, чѣмъ прежде, устремить глаза на больного друга моего. По минованіи довольно долгаго промежутка съ пріѣзда моего въ городокъ, я неожиданно открылъ... перо не подымается написать... что Володя влюбленъ безъ памяти, и притомъ еще въ дѣвушку, по многимъ отношеніямъ весьма замѣчательную.

Звали ее m-lle Anne, и было ей тогда около семнадцати лѣтъ. Всякій, кто былъ въ провинціи, согласится со мной, что каждый нѣсколько оригинальный характеръ стоитъ тамъ удивительно одиноко, точно дорогая картина, въ полномъ освѣщеніи, и какъ картина неизбѣжно захватываетъ ваше вниманіе. Вотъ почему и m-lle Anne обращала на себя глаза всѣхъ, кто только умѣлъ смотрѣть, и даже тѣхъ, кто не умѣлъ этого, какъ напримѣръ почтеннаго нашего Володи.

Не то, чтобъ она была красавица писаная—совсѣмъ нѣтъ; но высокій ростъ, стройный станъ, проницательный глазъ, ослѣпительная бѣлизна кожи и чистый, свѣтлый лобъ равняли ее съ любой красавицей. Нельзя сказать, чтобъ она была превосходно образована—совсѣмъ нѣтъ: она получила довольно поверхностное, домашнее воспитаніе, подъ управленіемъ какой-то миссъ Лелли; но вся физіономія ея выражала сосредоточенную мысль, какъ будто провѣряющую старыя впечатлѣнія по новымъ, приносимымъ свѣтомъ. Утверждать, что она была блестяща, остроумна и любезна, я также не стану, ради истины. Она совсѣмъ не имѣла способности къ насмѣшкѣ, къ быстрому, поражающему отвѣту, совсѣмъ не обладала даромъ ѣдкаго выраженія мысли, но замѣщала всѣ эти качества какой-то врожденной мягкостію всѣхъ своихъ сужденій, какой-то зоркостію, невольно удивлявшей васъ. На моихъ глазахъ самые заклятые поклонники внѣшняго блеска, ослѣпительной яркости красокъ останавливались невольно передъ m-lle Anne и обыкновенно съ чувствомъ смущенія, за которое потомъ и бранили сперва себя, а тамъ ужъ непремѣнно и ее.

Дѣло въ томъ, что на всемъ ея существѣ лежала печать особенной, врожденной, такъ сказать, женской прелести, которую пріобрѣсть нельзя, да и объяснить весьма трудно. Въ то время, какъ я познакомился съ m-lle Anne, увлеченный всеобщимъ одобрительнымъ и неодобрительнымъ говоромъ, она, конечно, была существо еще очень не полное, но со всѣми зачатками для пышнаго цвѣтенія. Видно было, что если обстоятельства счастливо сложатся вокругъ нея, она способна понять и собственное богатое содержаніе и все богатство жизни, туманно разстилающейся теперь передъ нею. Залогомъ этихъ надеждъ служили особенно ея постоянныя усилія узнать настоящій смыслъ каждаго явленія и потомъ ея постоянная бодрость, когда истина убѣгала отъ нея, оставляя ее съ собственной неразрѣшенной мыслію... Къ такимъ характерамъ, рано или поздно, приходитъ все то, что составляетъ полную, дѣйствительную жизнь: плодотворное горе и великія отрады, благородное увлеченіе и мужественная опытность.

Разумѣется, Володя съ первой же минуты своего знакомства почелъ за нужное показать дѣвушкѣ, полной вниманія ко всему окружающему, холодную, безстрастную маску, которой украшалось его чело и которую она еще не видала ни на комъ. Разумѣется такъ же, что первое впечатлѣніе дѣвушки было удивленіе. Нѣсколько времени она колебалась, не зная что́ и думать про новое лицо, смѣло требовавшее ея вниманія, во имя собственнаго безобразія. Ей уже случалось читать описанія подобныхъ характеровъ въ книгахъ; но свѣжая и неопытная мысль ея никакъ не могла представить себѣ яснаго образа ихъ, несмотря на весь издержанный талантъ авторовъ. Встрѣтивъ живьемъ одну изъ такихъ личностей, m-lle Anne естественно испугалась. Въ сношеніяхъ ея съ Володей наступила та минута отчужденія, нерѣшимости, которая предшествуетъ иногда самымъ близкимъ, короткимъ связямъ, но врожденное любопытство дѣвушки, составлявшее основную черту ея характера, превозмогло первое впечатлѣніе. M-lle Anne принялась затрогивать одну по одной разныя струны въ душѣ Володи, единственно изъ желанія узнать, какой звукъ издаютъ онѣ, и прислушаться къ нимъ. Сперва, разумѣется, приступила она къ дѣлу весьма робко; по чѣмъ далѣе шло, тѣмъ дѣвушка становилась смѣлѣе. Вѣроятно, въ этихъ звукахъ не было ничего раздирающаго и болѣзненнаго, потому что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ m-lle Anne знала свой инструментъ въ совершенствѣ и играла на немъ такъ бойко, какъ будто записная концертистка.

Володя въ это время сдѣлалъ ошибку, которой нельзя было и ожидать отъ извѣстной его жизненной опытности. Всѣ послѣдующія

его ошибки произошли отъ одной, первоначальной ошибки. Онъ принялъ именно чисто-любознательную попытку m-lle Anne за чувство, начинающее развиваться въ его пользу, и пустился съ отмѣннымъ прилежаніемъ, достойнымъ лучшаго предмета, приводить въ ея глазахъ фантастическую цѣпь своихъ сомнѣній, болѣзней души и колебаній ума. Чтó онъ наговорилъ на себя въ эту несчастную эпоху своей жизни, какихъ небылицъ взвелъ неповинно на свою голову,—повѣрить трудно. Злѣйшій врагъ его не высказалъ бы и сотой доли того, чѣмъ онъ наградилъ самого себя добровольно. Можно было подумать, что онъ находитъ удовольствіе марать себя и одержимъ умопомѣшательствомъ одного изъ героевъ Аріоста, который безъ пощады билъ себя по щекамъ. И совсѣмъ тѣмъ Володя не могъ достигнуть цѣли, имъ задуманной. Одинъ изъ самыхъ яркихъ недостатковъ его состоялъ въ полномъ отсутствіи *чувства мѣры*, а безъ него нѣтъ правдоподобности, нѣтъ истины ни въ жизни, ни въ искусствѣ. Вышло и тутъ, чтó съ нимъ почти всегда выходило. Чѣмъ сильнѣе клалъ онъ различныя краски на лицо свое, тѣмъ легче было угадать настоящій его цвѣтъ; чѣмъ суровѣе хотѣлъ казаться, тѣмъ добродушнѣе казался въ самомъ дѣлѣ; чѣмъ хитрѣе выдумывалъ способы оковать чужое воображеніе, тѣмъ, наоборотъ, дѣлался менѣе любопытенъ. И никакъ, вдобавокъ, не могъ онъ подмѣтить, идетъ ли вверхъ его вліяніе на посторонняго, или слѣдуетъ нисходящему пути... Онъ все еще съ жаромъ разыгрывалъ трагедію свою, совсѣмъ не замѣчая, что вниманіе единственнаго его зрителя, m-lle Anne, принимаетъ какое-то странное выраженіе, какъ-будто хочется ему извлечь изъ трагедіи совсѣмъ не то, чтó говоритъ трагедія.

Запасъ странностей, которыми сталъ отличаться въ поздніе года свои Володя, былъ, по истинѣ, неистощимъ. Извѣстна нелѣпость, по которой человѣкъ полъ-вѣка домогается какого-либо предмета и отталкиваетъ его, когда предметъ уже подъ рукой; извѣстна другая, по которой человѣкъ съ восторгомъ принимаетъ вещь, полъвѣка имъ ненавидимую. Володя обладалъ обѣими нелѣпостями въ самыхъ гигантскихъ размѣрахъ. Онъ, напримѣръ, спалъ и думалъ о счастіи взаимной любви. Это былъ его дневной и ночной домовой, давившій его во всякое время, и о которомъ болталъ онъ почти походя; но никто не умѣлъ такъ мастерски портить всего процесса любви, какъ онъ. Любовь, въ началѣ ея цвѣтенія, можно истребить одной каплей яда, одной насмѣшкой или ироническимъ замѣчаніемъ, а Володя всегда имѣлъ эту каплю на-готовѣ; иронія и насмѣшка были ему необходимы для прикрытія нравственной бѣдности своей. По странному извращенію природы, впрочемъ, весьма понятному въ ха-

рактерахъ такого рода, Володя и начиналъ тогда только тяжело волноваться и мучительно страдать, когда растеніе, имъ погубленное, стояло уже поблекшее, безъ цвѣта и безъ жизни. Онъ тотчасъ влюблялся въ существо, въ которомъ прежде истребилъ всякую возможность любви.

Всякій знаетъ, что человѣку, который подобно Володѣ велъ болѣе уединенную жизнь и не испорченъ свѣтомъ, нельзя безнаказанно оставаться слишкомъ долго въ атмосферѣ молодой дѣвушки, особливо если дѣвушка полна жизни и стремленій. У Володи закружилась голова,—это бы еще ничего, но она закружилась не во́-время, и слѣдствіемъ этого была совершенная перестановка лицъ. Между тѣмъ какъ у дѣвушки и самое чувство любопытства начинало видимо потухать въ отношеніи къ нашему пріятелю,—въ это самое время Володя вдругъ нѣмѣлъ, терялъ всю свою увѣренность, дѣлался робокъ и изъ наставника, какимъ считалъ себя, обращался въ бѣднаго просителя... Съ этой минуты открылся для меня новый рядъ признаній его, любопытный и комическій не менѣе того, какой мы уже видѣли.

Случилось, что я какъ-то долго не видалъ Володи и разъ вечеромъ спокойно сидѣлъ за картами у сосѣда, когда человѣкъ подалъ мнѣ клочокъ бумажки, съ слѣдующими лаконическими словами, начертанными карандашомъ:

„Если старое знакомство даетъ мнѣ какое-либо право на ваше „вниманіе, то умоляю васъ его именемъ немедля пріѣхать ко мнѣ.

В. В.“

Я докончилъ роберъ и отправился къ Владиміру Семенычу, предчувствуя что-то необыкновенное.

И, дѣйствительно, необыкновенная вещь ожидала меня на самомъ порогѣ Володина кабинета. Куда дѣвался холодный человѣкъ, пріучившій насъ къ суровой важности въ обращеніи? Едва завидѣлъ онъ меня, какъ бросился ко мнѣ со всѣми признаками истинной радости, схватилъ меня за руки, притащилъ къ камину и, усаживая, умолялъ забыть всѣ глупости, надѣланныя имъ изъ ребяческаго тщеславія, по собственному его выраженію. Онъ сталъ увѣрять меня, что въ сущности нѣтъ человѣка добрѣе его, въ чемъ я никогда и не сомнѣвался, и предлагалъ, уничтоживъ умственно два, три мѣсяца нашего послѣдняго знакомства, возвратиться посредствомъ фантазіи къ первой минутѣ нашего свиданія въ городѣ, начать, безъ затѣй, говорить ему *ты*, какъ слѣдуетъ съ старымъ, испытаннымъ другомъ, а потомъ и правду-матку рѣзать, когда только вздумается. По тому же недостатку чувства мѣры, о которомъ я говорилъ, Володя къ концу уже просилъ меня ругать его

безъ пощады, не выбирая и не смягчая выраженій. „Каковы бы они ни были—замѣтилъ онъ—все же они будутъ ниже моихъ слабостей“. Разумѣется, я на все согласился безъ труда, за исключеніемъ послѣдняго пункта; но въ продолженіи разговора не могъ удержаться, чтобъ не замѣтить внутренно, какъ бѣда вообще цѣлительно дѣйствуетъ на людей.

— Ну, а что-жъ тебѣ нужно, Владиміръ Семенычъ? спросилъ я въ заключеніе.

— Мнѣ нужно многое отъ тебя, и я сейчасъ скажу, что̀ именно, отвѣчалъ онъ, принимаясь ходить по комнатѣ въ сильномъ волненіи.

Наступило молчаніе, котораго я не хотѣлъ сперва прерывать; но какъ оно стало продолжаться долѣе, чѣмъ позволяется въ приличномъ обществѣ, то я и обернулся къ Володѣ съ цѣлью узнать настоящую причину его. Володя пересталъ ходить, стоялъ теперь нѣсколько минутъ въ глубокой задумчивости передъ турецкимъ диваномъ своимъ, потомъ закрылъ лицо руками и вдругъ грохнулся на него всей тяжестью своего тѣла. Я думалъ: ужъ не апоплексія ли? но особенный звукъ, очень похожій на рыданье, успокоилъ меня. Тихонько подошелъ я къ нему, отнялъ руки отъ лица (Володя сдѣлался мягокъ какъ ребенокъ) — и совершенно умилился, усмотрѣвъ обильные токи слезъ, лившихся изъ *очей* Володи.

— Да что это съ тобой, Владиміръ?

— Ничего, отвѣчалъ онъ, продолжая *испускать* слезы:—я влюбленъ—вотъ и все; только пожалуйста не смѣйся надо мной.

— До смѣху ли теперь! возразилъ я, придвигая стулъ къ дивану и усаживаясь въ него.—Вотъ видишь ли, Володя: я зналъ, или, лучше, догадывался о твоей страсти, и повѣришь ли, душевно порадовался за тебя. Въ наши года, братецъ, любовь—это повѣрка насъ самихъ. Она тебѣ сейчасъ покажетъ, на что̀ ты способенъ, что̀ переросъ и до чего не доросъ. Вообще это чувство чѣмъ-нибудь да заплатитъ за себя. Если ты немножко исхитрился—оно тебя упроститъ; если сбился съ дороги—выведетъ на истинный путь. Вотъ почему тебѣ и печалиться не слѣдуетъ. Понялъ ли ты меня?

— Какъ не понять, отвѣчалъ Володя, приподымаясь съ дивана и отирая слезы. Да мое несчастіе въ томъ и состоитъ, что я и этой пользы извлечь не могу. Я люблю безъ взаимности, другъ мой, и самъ въ томъ виноватъ. Болѣе полугода старался я всѣми силами поселить въ Аннѣ Александровнѣ отвращеніе къ себѣ, рисовалъ себя, Богъ знаетъ для чего, такими чертами, что постыдился бы, честное слово, употребить ихъ во вредъ постороннему лицу, будь онъ мой личный врагъ. Теперь и расхлебывай кашу,

которую самъ заварилъ, да и жизни моей недостанетъ, чтобъ расхлебать ее. На бѣду же мою, она, кажется, и повѣрила всему, въ чемъ я увѣрялъ ее. Да и какъ не повѣрить, когда я чуть-чуть не клятвенно битыхъ шесть мѣсяцевъ подтверждалъ справедливость всего, что́ безсовѣстно выдумывалъ на себя?... И не она бы поколебалась!... О, глупецъ! глупецъ!

— Вотъ это, конечно, ужъ худо, другъ мой,—возразилъ я:— но есть еще возможность поправить все дѣло. Поступи съ ней какъ нынче со мной поступилъ; результатъ полученъ удовлетворительный, какъ видишь. Другими словами, соберись съ силами, улучи минуту, да передъ ея же глазами рѣшительно и повали все зданіе, которое ты построилъ въ припадкѣ сумасшествія.

— Ну, то-есть, какъ же повалить?—спросилъ онъ.

— Ну, то-есть, объяви откровенно, что языкъ нашъ — врагъ нашъ, и что все это ты па... напуталъ, что́ ли.

— Никогда!—воскликнулъ Володя, вдругъ выпрямляясь.—Какъ же ты не понимаешь, другъ мой, что послѣ такого признанія она непремѣнно должна презирать меня.

— Эхъ, братецъ,—возразилъ я:—стыдно тебѣ ребячиться. Развѣ ты не видишь, что въ твоемъ положеніи надо приниматься за сильныя лекарства? Нажилъ болѣзнь—умѣй и лечиться. Конечно, дѣло весьма возможное, что она почувствуетъ презрѣніе къ тебѣ, а можетъ быть, появится въ ней и удивленіе къ чистосердечному поступку, и—тогда все возможно. Ты такъ много проигралъ, что только отчаяннымъ рискомъ и отыграться можешь, да притомъ же другого выхода и нѣтъ для тебя.

Минутъ пять Володя молчалъ какъ убитый, потомъ поднялъ голову и, протягивая мнѣ руку, произнесъ:

— Спасибо, другъ мой. Ты меня успокоилъ и освѣжилъ. Я принимаю твой совѣтъ и принесу ей повинную голову, тотчасъ же, какъ случай представится. Пусть дѣлаетъ съ ней, что́ хочетъ; мнѣ и самому она не очень нужна. Но у меня есть условіе: позволь мнѣ явиться къ тебѣ послѣ нашего объясненія и просить опять—совѣта о помощи.

— Когда тебѣ вздумается и въ какое тебѣ угодно время, отвѣчалъ я.

Слѣдовало предполагать, что Владиміръ Семенычъ не заставитъ дожидаться себя: дѣйствительно, такъ и случилось. Не прошло и двухъ дней, какъ онъ явился ко мнѣ разъ утромъ и засталъ меня еще въ постели. Съ просонья мнѣ показалось, будто онъ похорошѣлъ, но, промывъ глаза, я увидѣлъ, напротивъ, что лицо его покрылось желтизною, вокругъ глазъ образовалась синева, и что

весь онъ представлялъ довольно печальный видъ усталости и изнеможенія. Видно было, что дни и ночи его прошли шагъ за шагомъ, обыкновенной походкой несчастія.

— Ну что, какъ дѣла наши?—спросилъ я его съ участіемъ.

— Дѣла наши очень плохи,—отвѣчалъ онъ, и въ голосѣ его слышались такая безпомощность, такое отчаяніе, что мнѣ сдѣлалось больно на сердцѣ.

— Опять преувеличеніе!... возразилъ я шуточно. — Глазъ у тебя, Володя, устроенъ весьма порочнымъ образомъ; я ужъ давно это замѣтилъ. То показываетъ онъ тебѣ предметы вверхъ ногами, то вытягиваетъ ихъ непомѣрно. Тутъ каждый день необходима операція... Мы сейчасъ же къ ней и приступимъ. Ну, разсказывай: вѣрно, ты еще не сыскалъ случая объясниться съ Анной Александровной? Признавайся!

Притворная веселость моя нисколько на него не подѣйствовала, и онъ отвѣчалъ также уныло и безнадежно:

— Въ томъ и бѣда, другъ мой, что незачѣмъ было объясняться; она давно уже не вѣрила ни одному моему слову.

— Быть не можетъ.

— А вотъ какъ можетъ быть, что когда, по твоему совѣту, приступилъ я слегка и осторожно къ исповѣди, она остановила меня на первыхъ словахъ и съ убійственной улыбкой, которая у меня изъ памяти не выходитъ, сказала: „Я давно знала, Владиміръ Семенычъ, что вы неспособны ни къ чему, о чемъ говорили... и передъ другими всегда за васъ заступалась„ — прибавила она вполголоса.

Я едва успѣлъ подавить улыбку и только замѣтилъ: „это плохо“.

— Дослушай остальное,—возразилъ Володя, внезапно проникнутый какой-то непостижимой для меня радостью:—дослушай остальное. Остальное превзойдетъ всѣ твои ожиданія... Я, разумѣется, обомлѣлъ, но не совсѣмъ утерялъ присутствіе духа. Собравъ послѣднія силы, рѣшился я оставить замѣчаніе Анны Александровны въ сторонѣ и продолжать свое дѣло, какъ будто этого замѣчанія не было. Авось, думалъ, что-нибудь и выйдетъ. Вотъ и принялся я опять, по твоему совѣту, за исповѣдь и говорилъ довольно долго. Она меня слушала внимательно: я ужъ сталъ надѣяться, какъ вдругъ — ни съ того, ни съ другого, въ самой серединѣ разсказа, она покатилась со смѣху и только успѣла проговорить: „если и это новая хитрость, то вы, просто, неистощимы, Владиміръ Семенычъ!“ —потомъ повернулась и убѣжала отъ меня...

Я уже не могъ владѣть собой; но Володя, не обращая ни ма-

лѣйшаго вниманія на шумную веселость мою, продолжалъ съ тѣмъ же неизъяснимымъ восхищеніемъ, которое удивило меня и прежде:

— Какого же она мнѣнія обо мнѣ послѣ этого? Какъ она смотритъ на меня? Чтó такое я въ глазахъ ея? Разсуди, пожалуйста, самъ. Я просто для нея нуль, ничто, менѣе чѣмъ ничто—я для нея привидѣніе съ того свѣта... сонъ... оптическій обманъ зрѣнія: не такъ ли?

— Совершенно такъ.

— Хорошо, но совсѣмъ тѣмъ,—говорилъ Володя съ возрастающимъ жаромъ:—чѣмъ болѣе показываетъ она мнѣ презрѣнія, тѣмъ сильнѣе я привязываюсь къ ней. Никогда не бываетъ она такъ обольстительно хороша, другъ мой, какъ именно, когда смѣется надо мной. Я бы желалъ, чтобы она вѣчно дурачила меня, если бы съ этимъ можно было и любить, да нельзя, на бѣду мою... Я чувствую, что дѣвушка эта погубитъ меня; я ужъ безумный по милости ея, а можетъ быть и сумасшедшій буду. Однакожъ, чтóжъ мнѣ теперь дѣлать?—прибавилъ онъ гораздо хладнокровнѣе.

— Вопросъ затруднительный. Признательно сказать, я и вообразить не могу, чтó тебѣ дѣлать теперь. Подумай-ка самъ!

— Думать... Вотъ чтó я сдѣлаю. Я снова улучу минуту и прямо объяснюсь въ любви, въ самой безграничной любви, а потомъ буду требовать отъ нея взаимнаго признанія.

— Да, помилуй братецъ, неужто ты еще не убѣжденъ, что она весьма мало думаетъ о твоей персонѣ?

— Я объ этомъ только догадываюсь, а навѣрное ничего не знаю. Мнѣ нужно *положительныхъ* доказательствъ. Безъ положительныхъ доказательствъ я шагу ступить не могу.

— Хорошо, за положительными доказательствами, кажется, дѣло не станетъ. Ну, а когда ты самымъ достовѣрнымъ образомъ узнаешь, что она тебя въ грошъ не ставитъ—чтó тогда?

— Думалъ и объ этомъ. Тогда я предложу ей мою дружбу и вмѣстѣ съ ней мою опытность, знаніе свѣта, мой совѣтъ и разсудокъ...

Я пожалъ плечами и сказалъ:

— Попробуй.

Владиміръ Семенычъ уѣхалъ отъ меня нисколько не успокоенный и не облегченный въ страданіяхъ своихъ. Сомнѣніе мое въ успѣхѣ послѣднихъ умирающихъ попытокъ, которыми хотѣлъ онъ остановить убѣгающій предметъ страсти, породило въ немъ враждебное чувство къ совѣтнику—участь, впрочемъ, неизбѣжная для всякаго совѣтника. Нѣсколько разъ потомъ встрѣчалъ я его въ обществѣ, но онъ избѣгалъ разговора со мной. Между тѣмъ m-lle Anne во

все это время была спокойна и серьёзна. Лицо ея нисколько не омрачилось, когда несчастный искатель ея благорасположенія не пропускалъ случая подходить къ ней и завязывать разговоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было постоянно строго и холодно. Къ концу недѣли Владиміръ Семенычъ вдругъ пропалъ. Я ждалъ его къ себѣ со дня на день для передачи всего случившагося, но онъ не являлся. Такъ прошло еще нѣсколько дней—никто не видалъ его въ городѣ. Наконецъ разнесся слухъ, что Владиміръ Семенычъ боленъ и никого не принимаетъ. Я тотчасъ же и отправился къ нему.

Подъѣхавъ къ маленькому деревянному домику, занимаемому Володей, я былъ удивленъ непроницаемымъ мракомъ, который царствовалъ во всѣхъ окнахъ его. Мнѣ сдѣлалось страшно за бѣднаго Володю, и съ невольнымъ трепетомъ взялся я за деревянную ручку звонка, мотавшуюся на веревкѣ. Въ передней встрѣтилъ меня со свѣчой старый слуга Володи, котораго я зналъ и прежде. Онъ ужасно обрадовался моему пріѣзду, засуетился, поставилъ свѣчу на полъ и, снимая шинель, говорилъ:

— Пожалуйте, батюшка, пожалуйте. Съ Владиміромъ Семенычемъ что-то нехорошее дѣлается. Вотъ уже четвертый день изволятъ лежать на диванѣ, не вставая, и пищи почти никакой не принимали. Велятъ всѣмъ отказывать, а за дохтуромъ посылать не приказываютъ.

— Да что́ съ нимъ такое?

— Въ хандрѣ, батюшка, обрѣтаются. Съ ними и прежде это бывало, а нынче ужъ такой припадокъ сдѣлался, какого и не было.

Вслѣдъ затѣмъ онъ повелъ меня въ кабинетъ Володи, и, при *томномъ* блескѣ свѣчи, я увидѣлъ бѣднаго моего друга, лежащаго ничкомъ на диванѣ, въ состояніи апатіи, такого отсутствія всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, какого я не ожидалъ. Онъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ показался свѣтъ, и, завидѣвъ меня, протянулъ, молча, руку. Воспаленные глаза его распухли отъ слезъ и безсонницы; по истомленному лицу проходили синія полосы, свидѣтельствовавшія о сильныхъ душевныхъ треволненіяхъ.

Мы молчали во все время, покуда старый слуга ставилъ свѣчи и зажигалъ лампу.

— Ну, что́,—спросилъ я наконецъ:—какъ кончилось признаніе въ любви?

Володя, не отвѣчая, махнулъ рукой.

— Этого и ожидать слѣдовало, другъ мой. Вотъ съ *дружбой*, вѣроятно, лучше было?

— Лучше?.. А вотъ какъ лучше: „я и не воображала, чтобъ по контракту можно было дружбу заключать“.

— Суровый отвѣтъ, нечего сказать.

Мы замолчали опять.

— Послушай, мой другъ,—началъ я самымъ строгимъ голосомъ, какой только могъ принять: — я хочу говорить съ тобой серьёзно и въ послѣдній разъ объ этомъ предметѣ. Если ты теперь и тотчасъ же не примешь совѣта, который я намѣренъ предложить тебѣ, то уже прошу не разсчитывать болѣе на мою помощь и содѣйствіе ни въ какихъ случаяхъ.

— Говори, я все готовъ исполнить.

— Итакъ, вотъ мой послѣдній совѣтъ: брось все и уѣзжай отсюда.

— Куда?

— Куда хочешь, мнѣ до этого дѣла нѣтъ; только чтобъ завтра же тебя не было въ городѣ.

— Легко сказать! а какъ же я оставлю m-lle Anne?

Кровь подступила у меня къ сердцу. Я чувствовалъ, что могу взбѣситься и наговорить грубостей пріятелю; но, подавивъ однакожъ первое волненіе, я продолжалъ спокойно:

— Очень хорошо! Такъ, стало-быть, ты еще чего-нибудь надѣешься отъ Анны Александровны?

— Помилуй, рѣшительно ничего.

— Не думаешь ли ты унизиться до преслѣдованій, до навязчивости противъ воли ея и наклонностей?

— Сохрани меня Богъ!

— Такъ чего же ты ожидаешь, несчастный?

— Чего мнѣ ожидать? Я кромѣ болѣзни, отчаянія, консиліума докторовъ и стклянокъ съ лекарствами ничего въ будущемъ и представить себѣ не могу.

— Какое же средство осталось тебѣ выдти изъ этого положенія?

— Никакого!..—отвѣчалъ Володя, къ величайшему моему изумленію.

Вся досада моя разлетѣлась какъ дымъ. Глубокое сожалѣніе заступило мѣсто враждебнаго чувства. Я рѣшился на послѣднюю попытку, чтобъ спасти погибающаго пріятеля.

— Пойми же ты меня, ради Бога, и согласись со мной,—сказалъ я:—разберемъ дѣло твое по пальцамъ. Сношенія твои съ Анной Александровной приняли такой неблагопріятный оборотъ, что, по чистой совѣсти, тебѣ нельзя даже и подойти къ ней. Такъ ли?

— Совершенно такъ.

— Далѣе. Что остается дѣлать въ такомъ случаѣ всякому порядочному человѣку? Оставаться ли на зло людямъ, наперекоръ очевидности, на позоръ самому себѣ, или уйти?

— Непремѣнно уйти.

— Слава Богу, вотъ и договорился. Такъ уходи же, заклинаю тебя собственнымъ достоинствомъ, уходи поспѣшнѣй. Одна недѣля пребыванія въ деревнѣ отрезвитъ тебя, возвратитъ разсудокъ, остальное додѣлаетъ время: и ты будешь спасенъ.

— Какъ же ты до сихъ поръ не понимаешь,—возразилъ мнѣ Володя:—что если я не могу подойти къ Аннѣ Александровнѣ, то и уйти отъ нея рѣшительно не въ силахъ!

Разговоръ прекращался самъ собою. Послѣднія страданія Володи истребили въ немъ всякую волю, энергію и характеръ, совершенно выжгли его душу и опустошили ее. Страсть, крѣпительная для многихъ, была для него роковымъ ударомъ и повалила на землю. Я взялъ шляпу и простился съ нимъ на долгое время, припомнивъ ему условіе, заключенное нами въ началѣ бесѣды. Нельзя же жить рядомъ съ человѣкомъ нравственно умершимъ. Напрасно останавливалъ онъ меня, умолялъ продлить свиданіе, не покидать его: я былъ непреклоненъ. При самомъ выходѣ моемъ изъ кабинета онъ даже обѣщалъ подумать о моемъ предложеніи; но я махнулъ рукой и покинулъ комнату, домъ, поспѣшно, какъ покидаютъ больницу... Мнѣ нуженъ былъ свѣжій воздухъ и просторъ.

Прямо отъ Володи отправился я на званый вечеръ, и, признаюсь, съ такимъ чувствомъ удовольствія, какого давно не испытывалъ, посѣщая собранія наши. Шумъ толпы заранѣе доставлялъ мнѣ наслажденіе, которое нисколько не было ослаблено существенностію. Я имѣлъ потребность веселья, и, какъ всегда бываетъ, отыскалъ его. Меня радовало, что люди ходятъ, говорятъ, что есть на свѣтѣ плохая музыка и уголокъ, гдѣ подъ нее суетятся, бѣгаютъ и танцуютъ. Тутъ же встрѣтилъ я и покойнаго Пила Иваныча, съ которымъ читатель мой уже знакомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и своими отборными фразами, выражавшими столько аксіомъ, сказалъ:

— При проѣздѣ сюда я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ. Выходя отъ Владиміра Семеныча, вы меня не замѣтили; но у меня пробѣжала въ головѣ мысль, которую сообщить вамъ считаю за долгъ. Короткое знакомство съ людьми непремѣнно имѣетъ вліяніе на собственный нашъ образъ мыслей. Вотъ почему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ съ Владиміромъ Семенычемъ. Конечно, ни я и никто въ нашемъ городѣ не усомнится во врожденной твердости его характера: это его неотъемлемое качество; но, къ сожалѣнію, сухость души и холодность сердца мѣшаютъ ему заслужить то уваженіе, на которое онъ могъ бы имѣть право, владѣя даромъ, отъ природы даннымъ ему.

Я пробылъ на балѣ чуть не до семи часовъ утра.

VI.

Разъ засталъ меня одинъ изъ превосходнѣйшихъ лѣтнихъ вечеровъ на дорогѣ, въ глыбахъ песку, посреди густого сосноваго бора, и засталъ неожиданно. Я разсчитывалъ, что успѣю еще захватить частичку пріятнаго вечера *на мѣстѣ*, у пріятеля, къ которому ѣхалъ, но вышло не такъ. Ямщикъ мой, человѣкъ среднихъ лѣтъ, тронулся съ мѣста очень хорошо, именно въ скачъ. Всю деревню проѣхалъ такъ, что надежда застать пріятеля еще *на ногахъ* цвѣла во мнѣ наипріятнѣйшимъ образомъ; но, миновавъ околицу, ѣзда наша дѣлалась постепенно все благоразумнѣе и, наконецъ, поровнявшись съ сосновымъ лѣсомъ, приняла нестерпимый характеръ флегмы. Тарантасъ мой качался въ пескѣ, какъ колыбель. Не то сонъ, не то разслабленіе оковали всѣ члены мои, и воображеніе припялось рисовать весьма печальную картину въ будущемъ, именно: темный домъ пріятеля, запертый наглухо, гдѣ мнѣ придется стучать во всѣ двери, вой собакъ, удивленіе ночного караульщика, который и самъ не знаетъ, откуда лучше пробраться въ барскія хоромы, потомъ сонное лицо хозяина, напрасно старающееся выразить одобреніе, и въ довершеніе всего—пустую кухню и повара, изыскивающаго средство накормить голоднаго путешественника, не употребляя никакихъ матеріаловъ, служащихъ обыкновенно пособіемъ въ такихъ случаяхъ! Мнѣ уже были отчасти знакомы подобные ужины, и сердце мое сжималось отъ предчувствія неминуемой бѣды. Однакоже, дѣлать было нечего: не плакать же въ самомъ дѣлѣ! Призвавъ на помощь все мое благоразуміе, я принялся любоваться наступающимъ вечеромъ. Понукать ямщика было бы совершенно безполезно. Заключеніе это вывелъ я частію изъ состоянія дороги, а всего болѣе изъ выраженія насмѣшливой хитрости, съ которымъ, отъ времени до времени, ямщикъ мой поглядывалъ на меня. „Такія физіономіи—подумалъ я—не скоро сдаются на резоны“. Сказать правду, я нѣсколько побаивался моего ямщика: того и гляди, отпуститъ сарказмъ или прибаутку, и еще глубже погрузитъ тебя въ смутное состояніе духа. Вечеръ казался мнѣ гораздо сговорчивѣе, любезнѣе, общежительнѣе моего ледяного кучера, и я рѣшился умственно побесѣдовать съ вечеромъ.

Солнце еще далеко стояло на небѣ, но лучи его уже начинали краснѣть и одну сторону бора обливали яркимъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ другая все болѣе синѣла и покрывалась тѣнью. Удиви-

тельная тишина царствовала въ воздухѣ. Шумъ экипажа, совершенно почти пропадавшій въ зыбкой почвѣ, позволялъ слышать ясно стукъ дятла въ древесную кору и перекличку птицъ. Съ лѣса вѣяло на васъ запахомъ смолы и тѣмъ особымъ свѣжимъ ароматомъ, который чувствуется всегда вечеромъ въ каждой, даже самой бѣдной рощицѣ. Иногда вдругъ наѣзжали вы на новую благоуханную полосу въ воздухѣ и догадывались, что гдѣ-нибудь въ сосновомъ бору есть укромное семейство липъ, встрѣчающихъ лѣто между чуждыми растеніями, какъ затерянные друзья отечественный праздникъ на чужбинѣ. Извилины и повороты лѣса представляли всякій разъ новое освѣщеніе, новую картину; а иногда боръ уходилъ вдаль и открывалъ перспективу какой-то безконечной декораціи... Вѣроятно я забесѣдовался бы съ лѣтнимъ вечеромъ до мирнаго и глубокаго сна, чѣмъ обыкновенно такія бесѣды кончаются, если бы не услыхалъ мягкій, вкрадчивый голосъ ямщика, обращавшагося ко мнѣ съ вопросомъ. Первая мысль моя была: „а! вѣрно и тебѣ опротивѣло тащиться шагомъ по песку“, но оказалось совсѣмъ не то. Ямщикъ нисколько не намѣренъ былъ перемѣнять медленнаго темпа, принятаго лошадками его на ходу, а только желалъ воспользоваться досугомъ... Былъ этотъ ямщикъ человѣкъ хитрый и любознательный вмѣстѣ!

— Смѣю спросить твою милость,—сказалъ онъ:—не изволилъ ли ты проѣзжать у насъ съ мѣсяцъ тому назадъ, аль можетъ твой братецъ, коль есть у твоей милости?

— Нѣтъ, любезный, не проѣзжалъ, и братецъ у меня не ѣздилъ тутъ; да что это тебѣ такъ вздумалось?

— Похожъ ты больно на барина, котораго я везъ съ мѣсяцъ тому назадъ по этому же тракту... И усы такіе же и цыгарку также курилъ, однако и разница есть. Ты вотъ молчаливъ что-то и по сторонамъ все смотришь, а тотъ былъ пребезпокойный такой.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ. Пріѣхалъ онъ къ намъ на станцію и сталъ покрикивать: лошадей поскорѣй, лошадей поскорѣй! Вывели ему лошадей, а онъ смотрителя принялся разспрашивать: чье имѣнье это? какія тутъ художества знаютъ? куда ходятъ на заработку? а самъ все оконца отворяетъ да понукаетъ: „а что вы копаетесь, мнѣ къ спѣху, вы поворачивайтесь живѣй“. Смотритель-то... да виноватъ, смотрителя совсѣмъ и не было: отлучился куда-то съ женой, а въ дому оставалась ихняя бабка, хворная, прехворная старушка: почитай, говорить разучилась. Вотъ ее-то проѣзжій баринъ и сталъ допытывать о томъ, о семъ, а самъ все въ книжку записываетъ: даже старухѣ-то и жутко сдѣлалось. Вотъ, какъ мы все

кончили, докладываемъ ему: лошади готовы, онъ схватилъ шапку, двугривенный старухѣ далъ: „спасибо, говоритъ, бабушка, что ничего отъ меня не утаила“, выбѣжалъ на улицу, да и прыгъ въ кибитку. Я было и лошадей хотѣлъ тронуть, кричитъ: „постой, братецъ, спросить еще надо“. У насъ ужъ таковъ обычай, что кругомъ проѣзжаго всегда народу много. „Что́, братцы, какъ у васъ избы строятъ?—спрашиваетъ онъ у народа—съ одной свѣтлицей или съ двумя черезъ сѣни?“ Одинъ изъ нашихъ ротозѣевъ ему въ отвѣтъ:—„Да что же ты, баринъ, къ намъ въ избу самъ не зайдешь? все бы очами своими увидалъ“.—„А у васъ въ избахъ тараканы“.—„Точно — отвѣчаютъ — тараканы есть“. — „Ну — говоритъ проѣзжій—такъ зачѣмъ же мнѣ туда ходить? Скажи на словахъ, какъ у васъ избы строятся“.—„Ну, изволь—отвѣчаютъ—одни строятъ избы съ двумя свѣтлицами, а другіе попроще — съ одной: одно на одно не приходится“. Баринъ записалъ это въ книжку и говоритъ мнѣ: „ну, теперь, пошелъ съ Богомъ“.

— Чудакъ же былъ порядочный проѣзжій твой!—замѣтилъ я.

— И не говори! Вотъ, какъ мы поравнялись съ лѣскомъ,—продолжалъ ямщикъ, посматривая на меня:—сталъ онъ больно безпокоиться, что тихо ѣдемъ.

— Тебѣ—говоритъ—торопиться некуда, пріѣхалъ домой, да и спать завалился, а мнѣ еще много надо всего изъѣздить.

Я ужъ промолчалъ, будто мнѣ дома только и дѣла, что спать завалиться, а ему отвѣчаю:

— Коль твоей милости много ѣздить надо, такъ экипажецъ заведи полегче: лучше будетъ...

На томъ и остановились, помолчали, да какъ вдругъ примется онъ меня допытывать:

— Гдѣ у васъ хорошія мѣста есть? Какія у васъ тутъ есть *видности?* Куда вы гулять ѣздите?...

Я ему въ отвѣтъ:

— У насъ много хорошихъ мѣстъ. Вотъ, примѣромъ, Бирюковское урочище. Господа изъ города пріѣзжаютъ, и съ горы внизъ на рѣчку смотрятъ, и чай тутъ кушаютъ. Тамъ у насъ и праздникъ бываетъ по осени.

— А гдѣ же это Бирюковское урочище?—спрашиваетъ проѣзжій.

— А верстъ десять въ сторону будетъ.

— Жаль, что въ сторону, говоритъ:—будь Бирюковское урочище на большой дорогѣ, посмотрѣлъ бы его безпремѣнно.

— Э, вы, ну, соколики!—прибавилъ ямщикъ, потряхивая возжами и шевеля кнутомъ, что́ все, къ великому удивленію моему, не

произвело ни малѣйшаго вліянія на скромныхъ животныхъ, продолжавшихъ идти мѣрнымъ шагомъ. Показалось мнѣ также, что этимъ внезапнымъ восклицаніемъ хотѣлъ онъ скрыть улыбку, выступившую у него на лицѣ, но это не достовѣрно.

— Вотъ,—началъ онъ снова, опуская возжи и затыкая кнутъ за поясъ:—вижу я, что проѣзжій охотникъ до росказней: дай же, думаю, потѣшу я его сказками, какія у насъ на селѣ сказываются. Оно же и хорошо—дорогу коротитъ и безпокойство отымаетъ, что шагомъ ѣдемъ.

— Вотъ какъ теперь,—замѣтилъ я.

— Пожалуй хоть какъ теперь,—отвѣчалъ ямщикъ прехладнокровно:—только тому сердечному была работа вдвое: ты только слушаешь, а тотъ все слушалъ, да еще въ книжкѣ писалъ. У тебя нѣтъ книжки?

— Нѣтъ.

— Точно ли нѣтъ?

— Повѣрь честному слову,—отвѣчалъ я, сконфузясь.—Зачѣмъ мнѣ она? Богъ съ ней? Никогда и не было... Я бы тебѣ сказалъ...

— Ну да хорошо!... Вотъ я и началъ со старой притчи о Животовѣ-купцѣ.

— Какая притча? Что такое? Никогда не слыхивалъ!

— А развѣ и тебѣ хотѣлось бы знать ее?—спросилъ ямщикъ, бросая лукавый взглядъ на меня исподлобья.

— Мнѣ зачѣмъ?—отвѣчалъ я, стараясь подражать собственному его хладнокровію.—Не распѣвать же мнѣ ее на перекресткахъ, а спросилъ я такъ, чтобъ знать, о чемъ вы калякали съ проѣзжимъ.

— И то правда, сказалъ онъ:—да и у меня языкъ не отвалится, если, въ угоду тебѣ, еще разъ придется разсказать *притчу*. Вѣдь я ее не закабалилъ же себѣ, да и отъ этого, чай, отъ нея и не убудетъ нисколько.

— Ну, разскажи, пожалуй, отвѣчалъ я какъ-бы разсѣянно, но внутренно сгорая нетерпѣніемъ услыхать любопытную „притчу“.

— Изволь. Притча эта наша, деревенская, простая, барнпъ. „Жилъ-былъ парень, по имени Животовъ Иванъ. И захотѣлось ему больно разбогатѣть, да только принялся онъ за это дѣло не съ того конца. Другіе, знаешь, разживаются потихоньку, копейку къ копейкѣ прикладываютъ, а ему вздумалось такъ, чтобъ лечь голышомъ, а проснуться богачомъ. Бывали, правда, и такіе примѣры, да кончались-то они плохо: все судомъ да расправой... Думалъ, думалъ Животовъ, какъ бы разбогатѣть съ размаху, и надумалъ

себѣ бѣду: спознался съ вражьей силой, на помочь нечистаго призвалъ.

„— Дай мнѣ, говоритъ нечистому:—великое богатство, а съ меня возьми, что хочешь.

„Въ тѣ поры лукавый добрымъ притворился:

„— Богатство тебѣ дамъ, отвѣчаетъ:—а съ тебя мнѣ ничего не надо; только если мнѣ какая надобность случится и приду я къ тебѣ съ просьбицей—отказать не смѣй.

„— Ладно, сказалъ Животовъ,—и по рукамъ ударили.

„А на другой день, что ни купитъ Животовъ, то тутъ же втрое дороже продаетъ; шлютъ ему деньги со всѣхъ сторонъ: кто долги отдаетъ, какихъ никогда и не бывало; кто даритъ ему за любовь, въ глаза его не видавши; да и у себя на дворѣ, въ колодцѣ, бадьей кладъ вытащилъ пребольшой. Вышелъ Животовъ въ купцы первостатейные и зажилъ въ хоромахъ по княжески. Ночи у него нѣтъ—все огни горятъ да гости пируютъ. И хозяйкой завелся, красавицей писаной: осталась она сиротой послѣ матери, а мачиха, за пригоршню золота, Животову ее выдала. Вотъ, баринъ, однихъ горе на злое наводитъ, а другихъ то же горе въ небо приводитъ. Молодая Животова не похожа была на мужа. Тотъ все пьетъ да опохмѣляется, а она храмы и нищихъ надѣляетъ, деньденьской на молитвѣ стоитъ, — только тѣмъ отъ бѣдной братіи и отличается, что добро у нея изъ рукъ ручьемъ течетъ. Вотъ такъ-то и жили они каждый по-своему не то десять, не то больше лѣтъ. Животовъ-купецъ уже совсѣмъ и о договорѣ съ нечистымъ забылъ, да однажды вечеркомъ сидитъ онъ у себя передъ воротами и о новыхъ затѣяхъ помышляетъ, а къ нему шасть и подсаживается на скамеечку непрошеный гость. Узналъ его Животовъ, поблѣднѣлъ какъ полотно и встать не можетъ; а гость ему рѣчь держитъ:

„ — Ну, братъ, пришелъ я къ тебѣ съ просьбицей, исполни по договору.

„— А что тебѣ нужно? — спрашиваетъ Животовъ, еле-живой.

„— Да бездѣлицу, братецъ, малое дѣло. Слышалъ я, что у тебя жена красавица и хотѣлось бы полюбоваться ею, а доступа мнѣ къ ней никакого нѣтъ. Сослужи мнѣ, братецъ, службу, приведи ее ко мнѣ въ дремучій лѣсъ, покажи мнѣ ее въ темную ночь.

„Стыдно и горько стало на душѣ Животова, а дѣлать было нечего. Опять приниматься за нищенскую суму — отвыкъ и подумать страшно. Пошелъ уговаривать жену, а та какъ овечка послушна:

„— Веди меня, говоритъ,—куда хочешь,—вездѣ Божья власть!

„Вотъ и пошли они въ урочный часъ къ дремучему лѣсу, а

на самой опушкѣ его стоитъ часовенька, пенёкъ, а на пенькѣ образъ Божьей Матери подъ крышечкой. Тутъ жена остановилась и проситъ мужа:

„— Позволь минуточку передъ образомъ помолиться.

„— Молись!—говоритъ Животовъ.

„А самъ сѣлъ подъ деревомъ чернѣе зги кромѣшной и бора, куда ему дорога лежала. Долго ли, мало ли сидѣлъ онъ такъ, только слышитъ за спиной голосъ, точь-въ-точь женнинъ:

„— Ну, теперь пойдемъ!

„Не оглядываясь, пошелъ онъ въ лѣсъ, въ самую дебрь, и вышелъ къ оврагу, гдѣ ужъ нечистый его ждалъ, посвистывая въ кулаки. Да только какъ завидѣлъ лукавый, кого ведетъ Животовъ, завылъ благимъ-матомъ, скорчился весь какъ рыба на сковородѣ, лицо закрылъ руками, на землю палъ, сгибъ и исчезъ. Одурѣлъ Животовъ отъ ужаса, оглядывается назадъ—никого нѣтъ,—что есть мочи бросился вонъ изъ лѣса къ пеньку, гдѣ жена молилась, а пенька ужъ нѣтъ. Вмѣсто пенька расцвѣло тутъ деревцо красное и качается такъ, какъ будто пѣсню поетъ. Онъ искать жену—и жены—и нѣтъ. Сердечная опустила голову па грудь и Богу душу въ молитвѣ отдала. Глянулъ кверху онъ, образокъ въ небо несется, а за нимъ свѣтлая полоска...“

Тутъ ямщикъ остановился, придержалъ лошадей, спрыгнулъ съ козелъ и сталъ поправлять сбрую своей тройки. Простая поэзія его разсказа сильно подѣйствовала на меня. Я погрузился въ раздумье объ ея происхожденіи, не слыхалъ, какъ ямщикъ опять вскочилъ на козлы, и ужъ мы давнымъ-давно ѣхали, когда я очнулся отъ забытья и спросилъ его:

— А какъ показалась притча твоя проѣзжему?

— Какъ показалась? Не понравилась!

— Чтó такъ?

— Говоритъ: „не такъ разсказываешь, какъ слѣдуетъ. На все, говоритъ, надо причину. У тебя никакой причины нѣтъ, отчего Животовъ со врагомъ спознался“. И много еще онъ поправлялъ, а я про себя думаю—брешешь—притча вѣрная—такъ она у нашего попа на картинкѣ написана.

— Взыскательный же человѣкъ былъ проѣзжій!

— Такой взыскательный, что страхъ! Заставилъ онъ меня потомъ пѣсни наши деревенскія пѣть, да на второй и остановилъ. „Будетъ, говоритъ, пѣсни у васъ всѣ безграмотныя. Какъ у тебя слово пришлось, такъ оно и ложится; ничего ты не обсудишь и никакой поправки не сдѣлаешь; а у насъ, говоритъ, въ городахъ, пѣсня гладкая: какъ ни поворачивай ее, никакой порухи не най-

дешь. Такимъ бы вы пѣснямъ учились".—„Поучи, если милость твоя будетъ", говорю я. Вотъ онъ и сталъ мнѣ читать городскія пѣсни: точно знатныя и не нашимъ чета! Должно быть, въ городахъ это дѣло лучше нашего смыслятъ. Про дѣвушку сложили пѣсню, чтобъ на зарѣ ее не будили, покуль сама не проснется, а у ней сердце болитъ и сна по ночамъ у нея нѣтути. Про нашего брата ямщика пѣсню сложили, что ѣхалъ онъ по трахту, и сдѣлалось ему грустно—вѣрно лошадки были заморены у него—и сталъ про глаза красной дѣвушки вспоминать, бѣдняга. Про кисейный рукавъ пѣсню сложили, какъ дѣвушки оттого и кисейные рукава любятъ, что слезы ими утираютъ. Много и еще пѣсенъ сложили, и все такія знатныя: слушаешь, не наслушаешься.

— Чтó-жъ, ты не заучилъ какой-нибудь, если ужъ такъ онѣ понравились тебѣ?

— Да нѣжны онѣ больно, баринъ, коль правду сказать. Того и гляди, какъ-нибудь помнешь или перепортишь ее: слово въ ней забудешь—и поминай какъ звали. Наши пѣсни не больно нѣжныя, да за то ужъ и конца имъ нѣтъ. Весь вѣкъ таскаешь ее по свѣту, а все какъ будто новая, съ иголочки. И хмѣльной ее поешь, и съ-сердцовъ поешь, и съ радости поешь—нѣтъ изъяна, да и только.

Тутъ, какъ-бы воодушевленный собственными словами, онъ вдругъ выпрямился, шапку передвинулъ на правое ухо, свистнулъ, прикрикнулъ и на весь лѣсъ голосъ пустилъ:

А и тотъ ли мигачъ
Въ Москвѣ-городѣ бывалъ,
Въ Москвѣ-городѣ бывалъ,
Три вещинушки видалъ.
А какъ первая вещина—
Зелено вино пивалъ;
А вторая-то вещина—
Изъ-за улицы дѣвчина;
А какъ третья-то вещина,—
Изъ проулка молодецъ!..

Мнѣ показалось, что окрестность вздрогнула отъ этой пѣсни, и стали происходить въ ней чудныя вещи. Ночь уже лежала на всемъ небѣ, за исключеніемъ одного конца его, гдѣ еще довольно ярко горѣла долгая лѣтняя заря. Очертанія предметовъ сгладились, пропали, уступивъ мѣсто какимъ-то фантастическимъ образамъ и неопредѣленнымъ контурамъ. Кусты, молодыя деревья, группа отдѣльныхъ сосенъ, мимо которыхъ мы ѣхали, точно получили новую жизнь, вытягивались передъ обманутыми глазами, цѣплялись за тарантасъ, отходили и снова загораживали дорогу. Наступила минута

того полу-дѣйствительнаго, полу-мечтательнаго быта, какой всегда бываетъ въ лѣсу передъ закатомъ солнца и внезапно наполняетъ окрестность на нѣкоторое время новымъ, страннымъ, прихотливымъ существованіемъ... Чудно неслась въ одушевленномъ сумракѣ веселая пѣсня ямщика, дробясь на множество отголосковъ и какъ водопадъ, встрѣчающій груду камней на пути своемъ, разлетаясь на мелкіе пересѣкающіеся звуки. Я не зналъ, на что́ смотрѣть, что́ слушать: такъ все было полно жизни кругомъ меня, и, признаюсь, былъ весьма непріятно пораженъ, когда пѣсня вдругъ норвалась и ямщикъ обратился ко мнѣ съ самымъ неожиданнѣйшимъ изъ всѣхъ вопросовъ:

— А что́, баринъ, видѣлъ ли ты, какъ лѣса горятъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не случалось,—отвѣчалъ я въ недоумѣніи:—а ты развѣ видѣлъ?

— Богъ помиловалъ—еще не видалъ.

— Такъ что́-жъ тебѣ на умъ взбрело объ этомъ?

— Да проѣзжій натолковалъ. Разсказывалъ онъ, будто въ дальнихъ земляхъ, за моремъ, есть такіе же лѣса, какъ у насъ, али еще и пуще. Вотъ и загорится лѣсъ самъ по себѣ, а какъ загорится лѣсъ, такъ удержу нѣтъ никакого. Побѣгутъ оттуда всѣ звѣри, полетятъ оттуда всѣ птицы: тутъ ихъ или стрѣляй, или руками бери. Тамошніе люди ужъ и знаютъ, какъ тушить надо: противъ огня другой огонь пускаютъ, зажигаютъ лѣсъ по вѣтру съ другого конца, а какъ сойдутся оба огня, начнутъ драться какъ голодные волки, и оба издохнутъ вмѣстѣ... Правда ли это?

— Но какъ у васъ рѣчь объ этомъ зашла?

— А вотъ какъ: жаловаться сталъ проѣзжій, что ничего такого съ Москвы не видалъ. „Скучно, говоритъ, по дорогамъ ѣхать... Вторую, говоритъ, недѣлю скачу, а никакого со мной случая не было, самому разсказать не о чемъ, и другимъ подивиться не на что“.

Я разсмѣялся и спросилъ ямщика:

— А куда ѣхалъ проѣзжій, не знаешь ли?

— А никуда!—отвѣчалъ ямщикъ.

— Что́ ты?

— Истинно такъ. Самъ повинился. Я было сперва не повѣрилъ и говорю:—какъ же это, баринъ? Все же надо куда-нибудь пріѣхать.

— Никакой надобности нѣтъ,—отвѣчаетъ:—завтра можетъ сверну назадъ, а можетъ все прямо буду скакать. Я ѣзжу по дорогамъ безъ надобности, изъ своей потѣхи.

— Ну, если ѣздишь изъ своей потѣхи, зачѣмъ же ты торопишься?

— А вотъ,—отвѣчаетъ,—хочу по лѣту безпремѣнно пять тысячъ верстъ сдѣлать, такъ надобно, самъ знаешь, нагонять ихъ поскорѣй.

Портретъ забавнаго проѣзжаго дѣлался все яснѣе и все болѣе привлекалъ мое вниманіе.

— Да ты бы его надоумилъ, что съ такой ѣздой и не о чемъ ему будетъ поразсказать.

— Говорилъ—не слушаетъ и мнѣ же выговоръ сдѣлалъ.—Это ты по неразумію своему такъ разсуждаешь, да съ тебя и взять нечего. Гдѣ же тебѣ свѣдать было, что тупой человѣкъ на всемъ останавливается и ко всему приглядывается, а рѣзвый человѣкъ до всего умомъ доходитъ. Рѣзвому человѣку и науки никакой не надо. Онъ зажмуря глаза все видитъ, да рѣзвому человѣку иной разъ и глядѣть опасно: съ толку собьется! Вотъ я кажись съ почтой ѣду, а ужъ сколько перемѣнъ надумалъ!

— Перемѣнъ?... И онъ тебѣ разсказалъ про свои перемѣны?

— Такое множество разсказалъ перемѣнъ, что я и забылъ ихъ почитай всѣ, а три помню хорошо.

— Пожалуйста... одолжи!

— Первая перемѣна, говоритъ, надо бы по деревенскимъ околицамъ башенки строить, а то издали никакой *видности* на деревню нѣтъ; а въ большой башнѣ надо часы устроить: теперь никто часовъ въ деревняхъ не знаетъ.

— Знатная выдумка!—ну, далѣе!

— Вторая перемѣна похитрѣй будетъ. „Вотъ у васъ, говоритъ, только лѣтомъ пляшутъ, а настоящая пляска безпремѣнно зимой должна быть. Лѣтомъ всякій занятіе найдетъ: кто въ полѣ гуляетъ, кто на охоту, говоритъ, идетъ, рыбу ловить или что́ такое, а зимой-то и надо обществомъ собираться. Для этого большой домъ выстроить слѣдуетъ и учредить хороводы не то два, не то три раза въ недѣлю, а кто не пойдетъ, съ тѣхъ штрафъ править.

Третьей перемѣны я уже слышать не хотѣлъ, да и не могъ. А откинулся въ тарантасъ, одержимый смѣхомъ, который во все время разсказа старался подавить въ себѣ. Ямщикъ не смѣялся; онъ по прежнему сталъ шевелить возжами и покрикивать на лошадей, не производя на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; но вдругъ, послѣ какого-то особеннаго жеста его и особенной интонаціи въ голосѣ, вся тройка подняла головы и побѣжала рысью. Мы были уже на проселочной дорогѣ, которая вела въ деревню моего пріятеля.

— Ну, вотъ мы и рысью ѣдемъ,—сказалъ ямщикъ.

— Да, когда уже не болѣе пяти верстъ осталось,—замѣтилъ я.

— Точно, не болѣе пяти верстъ осталось,—отвѣчалъ онъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ:—да, кажись, ты не скучалъ дорогой, и мнѣ съ тобой не обидно было и лошадкамъ на насъ жаловаться нельзя будетъ.

Бодро подкатились мы къ самому крыльцу помѣщичьяго дома и застали какъ хозяина, такъ и супругу и всѣхъ домашнихъ его еще въ полномъ состояніи бдѣнія и бодрости.

Вотъ тутъ-то развернулся особенно Кузьма Тугой—такъ звали необыкновеннаго ямщика. Неожиданность моего пріѣзда породила въ домѣ пріятеля, во-первыхъ, изумленіе, а во-вторыхъ, ту добродушную суетливость, которою выражается обыкновенно въ деревенской жизни удовольствіе и расположеніе всѣхъ членовъ семейства. Отъ хозяйки до послѣдней дѣвочки, все страшно принялось хлопотать. Пользуясь неожиданной суетой въ домѣ пріятеля, Кузьма Тугой принялся обдѣлывать собственныя дѣла свои съ зоркостію самаго опытнаго биржевого игрока. Кто станетъ заботиться о прогонахъ, когда по милости ихъ вы достигли благополучно цѣли своихъ странствованій: и Кузьма Тугой снялъ съ меня прогоны баснословные. Деньги на водку онъ очень искусно разложилъ и на того, кто доставилъ семейную радость своимъ посѣщеніемъ, и на того, кому она доставлена. Всѣ подчинялись его требованіямъ съ охотой, на которую онъ заранѣе разсчитывалъ. Сверхъ денежныхъ вознагражденій, онъ еще выхлопоталъ себѣ право накормить лошадей на барской конюшнѣ и даже взять запасъ сѣна на обратный путь,—словомъ, онъ получилъ все, что́ только можно было получить, и остановился только тогда, какъ уже далѣе некуда было идти. На другой день едва успѣлъ я открыть глаза послѣ безпокойнаго сна, какъ человѣкъ доложилъ, что вчерашній ямщикъ меня спрашиваетъ. Мнѣ сдѣлалось досадно не на шутку, при мысли объ этой настойчивости, и вышелъ я къ нему съ весьма пасмурнымъ лицомъ; но едва завидѣлъ онъ меня, какъ, угадавъ неблагопріятное состояніе моего духа, сталъ говорить весьма бѣгло:

— Я къ тебѣ не съ просьбой. Будетъ съ меня: пора и честь знать. Не бойся ничего. Я проститься съ тобой пришелъ и поблагодарить твою милость и Петра Никитича (такъ звали моего пріятеля) за все добро: дай Богъ вамъ еще веселья на мѣсяцы.

— Спасибо и тебѣ,—отвѣчалъ я, смягченный:—что мастеръ возить господъ и дорогу росказнями коротать.

— А все же есть у меня малая докука къ твоей милости.

— Какая?

— Вотъ что́: заставилъ я того проѣзжаго, о которомъ мы тол-

ковали съ тобой, записать въ книжкѣ, что первый ямщикъ на нашей станціи Кузьма Тугой, что лошади у него такія, какихъ лучше не надо, и чтобъ вольныхъ всѣ проѣзжіе ни у кого не брали, кромѣ его... Много у него тамъ вздору написано, а это подѣльнѣе будетъ... Такъ вотъ не мѣшало бы и тебѣ... да у тебя вѣдь книжки нѣтъ?

— Сказалъ, что нѣтъ.

— А жалко! теперь пригодилась бы. Я затѣмъ и дорогой о ней у тебя вывѣдывалъ.

— Можно и безъ книжки запомнить.

— А коль можно, то и дѣлу конецъ. До свиданья же, батюшка, прощенія просимъ.

Онъ поклонился и вышелъ. Въ это время подоспѣлъ въ переднюю Петръ Никитичъ, одѣтый въ превеликолѣпный турецкій халатъ съ большими узорами, посмотрѣлъ въ слѣдъ удаляющемуся ямщику, и улыбаясь, произнесъ:

— Я его знаю: мужикъ хитрѣющій!

— Знатный мужикъ,—отвѣчалъ я.

И началъ я въ гостяхъ у Петра Никитича Хоботова весело ту мирную деревенскую жизнь, отъ которой такъ спокойно бываетъ на сердцѣ. Первые дни, разумѣется, мы провели въ осмотрѣ всѣхъ хозяйственныхъ заведеній Петра Никитича. Надо правду сказать, они были у него въ большомъ порядкѣ. Деревня его представляла видъ благоустройства и довольства, который кидался вамъ въ глаза съ перваго разу. Ни одного покачнувшагося плетня, ни одной ужъ слишкомъ ветхой избы, и нѣкоторыя изъ нихъ даже, напротивъ, щеголевато выставляли тесовыя кровли свои и оконныя рамы, вымазанныя краской кирпичнаго цвѣта. Оттѣнокъ бодрости, сообщенный благосостояніемъ, чувствовался вездѣ: работа, въ различныхъ ея хозяйственныхъ вѣтвяхъ, шла съ какимъ-то веселіемъ и особенною ловкостію; отвѣты и разговоры крестьянъ были какъ-то тверды и прямы. Петръ Никитичъ занятъ былъ круглый день: ѣздилъ въ поле, сводилъ счеты въ конторѣ, разрѣшалъ недоумѣнія начальниковъ, дѣлалъ свои распоряженія и находилъ еще время посвящать меня въ тайны своего хозяйства. Я былъ пораженъ необычайной бойкостію ума его: никто не заставалъ его врасплохъ, и на каждый вопросъ онъ тутъ же отвѣчалъ мѣтко и рѣшительно, безъ малѣйшихъ признаковъ сомнѣнія или колебанія. Какъ ни старался я подмѣтить въ немъ капризъ, вспышку гнѣва, что-нибудь необдуманное—нѣтъ! онъ всегда былъ насторожѣ противъ себя, противъ вліянія другихъ и во всякое время дня въ полномъ вооруженіи разсудка и осторожности, какъ слѣдуетъ старому, опытному хозяину.

Я начиналъ уже чувствовать родъ невольнаго уваженія къ господину Хоботову. Не столько удивлялся я его знанію дѣла, безъ котораго, разумѣется, никакія природныя качества не пособятъ, сколько его знанію окружающихъ людей: на немъ опирались у него всѣ хозяйственныя мѣры и распоряженія. Прибавьте къ этому, что поведеніе Петра Никитича и самый образъ его управленія, вытекали какъ-то просто и естественно изъ собственной его опытности и нисколько не носили на себѣ признаковъ тяжелой запутанности и невѣрнаго шага, какими отличаются вычитанныя системы или усиленно придуманныя идеи,—и вы поймете, сколько было для меня неожиданной прелести въ изученіи этого характера. По мѣрѣ того, какъ Хоботовъ жилъ въ деревнѣ (а жилъ онъ въ деревнѣ давненько), росло его частное благосостояніе и благосостояніе всѣхъ окружающихъ его. Въ эпоху моего посѣщенія Хоботовъ стоялъ на высотѣ благосостоянія: помѣстье его сдѣлалось образцовымъ въ уѣздѣ, и я самъ, послѣ долгой внутренней борьбы, долженъ былъ согласиться, что, несмотря на малую вѣру мою въ идилліи, я дѣйствительно нашелъ нѣчто въ этомъ родѣ.

Я еще не кончилъ съ пріятелемъ моимъ. Помѣстье Петра Никитича Хоботова было расположено на горѣ, со всѣхъ сторонъ окружено рощами, исключая той, гдѣ бѣжала довольно шумная рѣчка, и, куда бы вы ни обратились, вездѣ представляло удивительную прогулку. Бываютъ же такіе счастливые участки на свѣтѣ! Въ самой усадьбѣ Петра Никитича Хоботова соединено было множество роскошныхъ затѣй богатой жизни, какихъ онъ не могъ бы держать въ городѣ, потому что Хоботовъ относительно былъ не изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ. Въ усадьбѣ его процвѣтали и оранжерея, и цвѣтникъ, и конскій заводъ, и тонкій, хорошо составленный погребъ! Лѣтъ пять тому назадъ, помѣстье, усадьба и домъ Петра Никитича озарились прибытіемъ молодой хозяйки, Натальи Александровны. Пріятель мой женился на бѣдной дѣвушкѣ, дочери умершаго губернскаго чиновника, круглой сиротѣ, которая жила у какой-то почтенной госпожи. Дѣвушка была такъ робка, что долго въ собственномъ дому не смѣла свободно ходить и говорить. Свадьба моего пріятеля надѣлала много шуму въ городѣ, и толковали о ней различно. Петръ Никитичъ любилъ свою Наташу безъ памяти и только сожалѣлъ, что поздно узналъ ее. Въ отношеніяхъ Наташи къ Петру Никитичу было довольно любопытное смѣшеніе чувствъ, не похожихъ другъ на друга: любви, признательности, уваженія... Жизнь ихъ была очень полна въ эту эпоху.

По всему этому, смѣю надѣяться, вы крайне удивлены будете, если я скажу, что къ концу недѣли удалось мнѣ открыть стран-

ную, невѣроятную вещь, именно—что Петръ Никитичъ несчастливъ, что Петръ Никитичъ страдаетъ, что у Петра Никитича есть, какъ у всякаго смертнаго, своя Ахиллова пята!

Какъ ни удивительно было само по себѣ такое открытіе, но причина страданій бѣднаго моего пріятеля должна показаться всякому еще удивительнѣе. Добрый Хоботовъ болѣлъ неудержимой страстію къ шумной столичной жизни, и страсть эта составляла отраву его блаженнаго существованія.

Съ самаго начала я былъ нѣсколько изумленъ упорствомъ, съ какимъ онъ разспрашивалъ меня о малѣйшихъ подробностяхъ увеселеній дальняго города, въ которомъ онъ началъ служебное свое поприще и въ которомъ уже потомъ никогда не бывалъ, но я относилъ разспросы эти къ тонкому чувству общежитія, повелѣвающему говорить съ гостемъ о предметахъ, наиболѣе ему знакомыхъ. Вскорѣ, однакожъ, я долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе. Въ любопытствѣ Петра Никитича проявлялось такъ много жару, такъ много увлеченія, что и слѣпой догадался бы о присутствіи страсти въ вопросахъ его. Впрочемъ, чѣмъ болѣе шло время, тѣмъ менѣе возможно было сомнѣніе. Хоботовъ безпрестанно приносилъ мнѣ программы балетовъ, либретто русскихъ и итальянскихъ оперъ и заставлялъ меня объяснять, что́ дѣлала въ такомъ-то мѣстѣ извѣстная танцорка, какъ выпутался изъ дѣла въ другомъ извѣстный пѣвецъ и на что́ поднялась въ третьемъ извѣстная пѣвица. Посильныя мои толкованія онъ слушалъ съ сильнымъ вниманіемъ и часто восклицалъ:

— Вотъ какія вещи! а мы здѣсь только прозябаемъ, можно сказать.

Трудно выразить, сколько нѣжности придавалъ онъ иногда вопросамъ о самыхъ мелкихъ подробностяхъ городского быта.

— А что́, я думаю, у васъ и цыганскій хоръ есть?—спрашивалъ онъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто съ первой же буквы собственной фразы переносился на третье небо.

— Есть,—отвѣчалъ я.

И Хоботовъ потиралъ руки и посматривалъ на меня съ робостію.

Чрезъ два-три дня послѣ моего прибытія, у насъ уже не было другого разговора, кромѣ житья-бытья въ большомъ городѣ, составлявшемъ мечту и мученіе моего пріятеля. Онъ носился съ планомъ города въ карманѣ и при первомъ удобномъ случаѣ, то-есть когда вы всего менѣе ожидали, развертывалъ его у васъ подъ носомъ и въ сотый разъ начиналъ свои разспросы. Вскорѣ, однакожъ, роли наши перемѣнились. Вмѣсто должности отвѣтчика, я перешелъ

въ должность слушателя, и—что всего забавнѣе—слушателя моихъ же собственныхъ разсказовъ. Петръ Никитичъ беззаботно передѣлывалъ свѣдѣнія, полученныя имъ наканунѣ, и возвращалъ мнѣ добытое въ новомъ, оригинальномъ видѣ. Одну только подробность онъ никогда не измѣнялъ, именно замѣчаніе свое о преимуществахъ городской жизни передъ жизнью деревенской. Эту послѣднюю мысль развивалъ онъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ формахъ, въ видѣ отрывистыхъ восклицаній, въ образѣ ироническаго повѣствованія о сельскихъ занятіяхъ, въ формѣ добродушной насмѣшки надъ окружающими предметами, и проч. и проч. Когда подавали на столъ плоды его оранжереи, Хоботовъ непремѣнно говорилъ:

— Извини, братецъ: вы привыкли къ роскоши, и чай, на Рождество ѣли персики, а у насъ и теперь это рѣдкость.

Когда для прогулки Натальи Александровны подъѣзжала къ крыльцу колясочка, запряженная парой весьма добрыхъ лошадей, Хоботовъ неминуемо замѣчалъ:

— *Тамъ* и выѣхать бы нельзя въ такомъ старомодномъ экипажѣ, а здѣсь за красоту считается.

Признаюсь, иногда приходила мнѣ въ голову мысль, что пріятель мой просто находитъ удовольствіе дурачить заѣзжаго гостя, какъ уже случалось тому нѣсколько примѣровъ въ деревняхъ; но постоянно выдержанное, одинаковое направленіе отдаляло всякое подозрѣніе о возможности такого притворства. Признаюсь также, иногда бывало мнѣ и досадно на Петра Никитича. А помню одинъ случай, гдѣ я чуть-чуть было не разсердился на него.

Это случилось утромъ. Мы вышли на террасу, съ которой открывался видъ на помѣстье и дальнюю окрестность. Воздухъ былъ свѣжъ, густой садъ шумѣлъ отъ утренняго вѣтра, а съ окружныхъ рощъ подымался прозрачный туманъ, свидѣтельствовавшій о приближеніи знойнаго дня. Оживленныя ночной росой, рощи отражались на горизонтѣ въ ослѣпительной красотѣ и, казалось, манили къ себѣ. Я тотчасъ же выразилъ намѣреніе одѣться и убѣжать въ лѣсъ до самаго обѣда.

— Охота же тебѣ ребячиться,—возразилъ Петръ Никитичъ:—конечно, въ такой день хорошо бы прогуляться, да не здѣсь, а вонъ *тамъ*, по большой-то улицѣ, знаешь. Есть на что посмотрѣть по крайней мѣрѣ... Кругомъ зеркальныя стекла, а за стеклами фарфоры, бархаты!... Гулъ стоитъ, экипажи такіе, что самихъ за стекло надо поставить!.. Дамы встрѣчаются въ нарядахъ... Какіе наряды! Что ни есть лучшаго во всемъ свѣтѣ!... А на что ты будешь глядѣть въ рощахъ? На деревья, что ли?... Въ рощу ѣздятъ для того, чтобъ порядокъ наблюдать.

Вотъ тутъ-то почувствовалъ я безпокойное чувство досады на пріятеля, но, скрывъ его, спросилъ только:

— Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, скучаешь въ деревнѣ, Петръ Никитичъ?

— Сохрани меня Богъ,—отвѣчалъ Хоботовъ:—ты съ ума сошелъ. Какъ же можно скучать въ деревнѣ? Помилуй, братецъ! А вотъ тянетъ меня въ городъ, такъ тянетъ, и самъ не знаю отчего...

Дѣйствительно, это была болѣзнь, и притомъ, какъ всѣ душевныя болѣзни, болѣзнь неизлечимая. Къ счастію, крѣпкая организація головы Петра Никитича не позволяла ей переходить далѣе извѣстныхъ границъ. Съ изумленіемъ замѣтилъ я, что какъ только покидалъ онъ меня и обращался къ обыкновеннымъ своимъ хозяйственнымъ занятіямъ, вдругъ возвращались къ нему и твердый разсудокъ, и зоркость наблюденія, и умная распорядительность, — всѣ качества, которыми онъ отличался...

Наконецъ наступила пора отъѣзда. Мы узнали другъ друга, что называется, до послѣдней порошинки, и оставаться долѣе значило бы начать тѣ отношенія, когда человѣкъ живетъ возлѣ другого, совсѣмъ не замѣчая его и не заботясь о немъ. Немногіе понимаютъ, сколько бываетъ иногда истиннаго, нѣжнаго расположенія въ добровольной разлукѣ людей. Разумѣется, и Петръ Никитичъ и супруга его выдумывали всевозможныя препятствія къ отъѣзду моему, но я настоялъ.

Наканунѣ послѣдняго дня, вечеромъ, сидѣли мы, по обыкновенію, въ саду, за чаемъ. Кругомъ насъ, въ многочисленныхъ клумбахъ высились георгины—любимый цвѣтокъ провинціи, и разнообразнѣйшіе отливы и краски ихъ представляли пеструю, но великолѣпную картину, которая превосходно оттѣнялась на густой зелени березъ, окружавшихъ поляну, гдѣ онѣ были насажены. Сама хозяйка, повязанная краснымъ платочкомъ и изрѣдка освѣщенная косвеннымъ лучемъ солнца, пробивавшимся сквозь деревья, казалась мнѣ только новою подробностію картины. Я не спускалъ глазъ со всей этой сцены, а между тѣмъ безпрестанно отвѣчалъ на замѣчанія пріятеля, внушенныя ему единственной его мыслію. Никогда еще я не видалъ его въ такомъ расположеніи. Казалось, странная страсть сильнѣе мучила его въ тѣ минуты, когда онъ долженъ былъ чувствовать себя вполнѣ довольнымъ и счастливымъ. Въ самомъ пылу его изліяній мнѣ пришелъ на умъ вопросъ, который, по какому-то странному случаю, не былъ тронутъ въ разговорахъ нашихъ.

— Скажи, братецъ, перебилъ, я Петра Никитича:—человѣкъ ты достаточный и средства у тебя порядочныя: что бы тебѣ, посовѣтовавшись съ Натальей Александровной и благословясь, махнуть

въ добрый часъ *туда-то*, знаешь... людей посмотрѣть и себя показать?

Петръ Никитичъ обомлѣлъ, и нѣсколько времени не могъ вымолвить ни слова. Я не на шутку испугался, когда по минованіи пароксизма началъ онъ робкими прерывистыми фразами говорить Богъ знаетъ что́...

— Поѣду, братецъ, непремѣнно поѣду... Вотъ только дождусь снѣга... У насъ есть казанская кибитка... Иванъ подножку оторвалъ... Сѣрую можно теперь и на пристяжку... и починятъ на скорую руку у насъ же дома... съ собой можно все взять... только новая рига останется, жалко... а можно и не брать, пожалуй, самовара...

Я сидѣлъ, не зная что дѣлать, и только уставивъ глаза на пріятеля. Громкій, веселый смѣхъ Натальи Александровны вывелъ меня изъ затрудненія.

— Не вѣрьте ему, — сказала она, обращаясь ко мнѣ: — онъ никогда и никуда не поѣдетъ.

Ударъ былъ нанесенъ въ самое больное мѣсто и образумилъ Хоботова. Петръ Никитичъ вскочилъ на ноги, тряхнулъ головой, какъ-бы сбрасывая пелену, покрывшую на мгновеніе умственныя его способности, и принялся говорить съ запальчивостію, какой я въ немъ до сихъ поръ и не видалъ:

— Отчего же ты думаешь, что я не поѣду, Наташа?... Всѣ другіе ѣздятъ же, почему же мнѣ запрещено? Развѣ нѣтъ у меня экипажа?... Поди-ка, посмотри, сколько у меня ихъ наготовлено!... Или думаешь, можетъ, что денегъ не достанетъ?... Не безпокойся: станетъ на весь вѣкъ нашъ!... Или, можетъ, я ужъ такой провинціалъ, что мнѣ никуда въ порядочное мѣсто и показаться нельзя?

— Я этого не говорила, Пьеръ, — отвѣчала Наташа съ замѣтной робостію: — ты меня извини, что я засмѣялась, да ты хотѣлъ и самоваръ, и новую ригу въ казанской кибиткѣ увезти... мнѣ и показалось...

— Не въ чемъ извиняться — возразилъ Хоботовъ, начиная конфузиться: — почему же не посмѣяться? Развѣ смѣяться запрещено?.. Да я и точно, кажется, тамъ какую-то глупость отпустилъ... Именно отпустилъ!.. А вотъ, скажи-ка мнѣ по совѣсти, Наташа, ка́къ сама ты думаешь о поѣздкѣ?

— Я! — отвѣчала быстро Наташа: — я отсюда никуда не хочу.

— То-то же! — вскрикнулъ Хоботовъ въ неописанной радости, ударивъ въ ладоши и даже подпрыгнувъ нѣсколько. — Видишь, братецъ, сама не хочетъ, а на меня все взваливаетъ. Всѣ женщины одинаковы, братецъ: хитрость — пища ихъ. Да я же сыграю съ тобою штуку, Наташа. Когда-нибудь велю подвезти карету къ

крыльцу, запру тебя въ ней, да и валяй что́ есть мочи! Хоть раскричись, не послушаю!

Онъ снова усѣлся подлѣ меня и принялся уже разспрашивать о поѣздкахъ, о лучшемъ способѣ ѣзды, прослѣдилъ весь маршрутъ отъ мѣста до мѣста, и притомъ съ такою подробностію, какъ будто и дѣйствительно собирался на-дняхъ въ дальній вояжъ. Въ этихъ разговорахъ провели мы весь вечеръ, весь ужинъ и разошлись по своимъ комнатамъ.

На другой день, день моего отъѣзда, хозяинъ и хозяйка были на ногахъ вмѣстѣ съ солнцемъ. Начались безконечныя прощанья и проводы. Такъ какъ я хотѣлъ пройти деревню пѣшкомъ, то Петръ Никитичъ сопутствовалъ мнѣ до самой околицы, ведя подъ руку супругу свою, съ которой наканунѣ было-поссорился. Въ обращеніи его замѣтна была усугубленная нѣжность, словно выпрашивалъ онъ у Наташи прощенія за минуту вчерашней вспыльчивости. У воротъ околицы ждали меня лошади. Тутъ въ послѣдній разъ облобызалъ я пріятеля, поцѣловалъ ручку у Натальи Александровны и сѣлъ въ тарантасъ. Покуда кучеръ подбиралъ возжи, я слышалъ, какъ Петръ Никитичъ, наклонясь къ женѣ, спрашивалъ:

— И мы также поѣдемъ съ тобой, Наташа?

Я еще успѣлъ подмѣтить улыбку на лицѣ Натальи Александровны и услыхать отвѣтъ ея:

— Поѣдемъ, непремѣнно!

Вотъ уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ гостепріимный кровъ Хоботова, а онъ еще до сихъ поръ и не думалъ трогаться изъ деревни своей.

Пріѣхавъ на станцію, я тотчасъ же, по обѣщанію, потребовалъ къ себѣ Кузьму Тугого. Кузьма Тугой явился какъ изъ земли, съ тройкой уже извѣстныхъ мнѣ сѣрыхъ лошадокъ, и принялся хлопотать около экипажа. Намъ слѣдовало ѣхать въ противоположную сторону отъ той, съ которой пріѣхали, и по лучшей дорогѣ. Черезъ четверть часа я снова увидалъ на козлахъ рыжую фигуру моего собесѣдника, сохранявшую свое обыкновенное, нѣсколько насмѣшливое выраженіе.

— Весело ли было у Петра Никитича?—спросилъ онъ, когда мы были уже въ полѣ.

— Разумѣется, весело.

— Я то и думалъ. Петръ Никитичъ—баринъ хитрѣющій!

— Ба! онъ о тебѣ то же самое говоритъ.

Кузьма Тугой усмѣхнулся и произнесъ:

— Онъ меня знаетъ и я его знаю, и мы очень другъ друга любимъ.

Больше Кузьма Тугой уже ничего не говорилъ. Онъ торопился на ближайшую станцію по какому-то важному дѣлу, ѣхалъ всю дорогу рысью и былъ не въ духѣ.

VII.

Считаю нужнымъ предувѣдомить, что нынѣшній разъ я буду говорить о *Барышѣ;* но не пугайтесь: дѣло будетъ идти не о томъ экономическомъ явленіи, которое, полагаю, отчасти всякому извѣстно и очень походитъ на каплю благороднаго вина, добытаго изъ грубаго и кислаго гроздія, но о *Барышѣ* совсѣмъ другого рода. Этотъ послѣдній Барышъ просто течетъ въ Симбирской губерніи, принимая начало въ Сызранскомъ уѣздѣ ея, впадая въ Суру въ Алатырскомъ, изъ чего уже легко видѣть, что я говорю о рѣкѣ, носящей столь значительное прозвище.

Вы понимаете, что если бы рѣка Барышъ не оправдывала имени своего, она никогда не попала бы въ это письмо; но дѣло вотъ въ чемъ. Край, гдѣ пробѣгаетъ она, буквально оплодотворяется этимъ маленькимъ Ниломъ своего рода, разумѣется не въ смыслѣ физическаго явленія, а принимая слова мои въ значеніи коммерческаго факта. Какимъ образомъ происходитъ это, разскажу сейчасъ, но прежде дозволю себѣ маленькую оговорку. Нѣтъ сомнѣнія, гораздо пріятнѣе описывать высокія горы, глубокія пропасти и т. п.: что́ тутъ ни говори, все будетъ хорошо. Нѣтъ такой лести, чудовищной фразы и неясной мысли, которыя не покрылись бы важностію самихъ географическихъ и этнографическихъ предметовъ и не пропали бы въ тѣни ихъ. Гораздо труднѣе, по-моему, говорить съ уваженіемъ о малыхъ предметахъ, сохраняя умѣренность въ оцѣнкѣ и не поддаваясь увлеченію. Можетъ быть, вы усомнитесь въ томъ, что такіе предметы могутъ порождать увлеченіе, а между тѣмъ нѣтъ ничего справедливѣе. Я съ своей стороны никогда не могъ встрѣтить безъ сильнаго внутренняго ощущенія человѣка, озеро, ручей, скромно дѣлающихъ свое дѣло добра и пользы. Есть что-то заманивающее, неудержимо привлекательное въ самой безвѣстности ихъ. Правда, человѣкъ еще можетъ получить достодолжную награду: вы обнимете его, прижмете къ груди своей, сдѣлаете своимъ другомъ; но жалко, что неодушевленные предметы не могутъ распознавать тайныхъ друзей своихъ. Какимъ бы вы ни были записнымъ поклонникомъ горы или озера, все вы можете опрокинуться на первой и потонуть въ послѣднемъ; а это поселяетъ холодность и недовѣрчивость, весьма вредныя истинной дружбѣ.

Извѣстно, что въ средней полосѣ Россіи приближеніе къ Волгѣ ощутительно на весьма далекомъ радіусѣ. Верстъ за двѣсти отъ благодатной рѣки народонаселеніе дѣлается сплошнѣе и живетъ большими группами: отсюда происхожденіе богатыхъ частныхъ и казенныхъ имѣній. Деревни, села начинаютъ тянуться длинными рядами, а за ними во весь объемъ глаза разстилаться поля, удивительно тщательно обработанныя. Все, что́ можетъ сдѣлать соха и деревянная борона, сдѣлано вполнѣ и такъ, какъ эти простые инструменты, можетъ быть, нигдѣ не дѣлали. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается и одна изъ важнѣйшихъ причинъ, мѣшающихъ вводу раціональнаго хозяйства. Мастеръ, достигшій превосходства въ извѣстномъ ремеслѣ, разучивается неохотно. Кромѣ того, есть и другія причины: обиліе и естественное плодородіе почвы, требующей малаго удобренія, рынки, преимущественно доставляющіе сбытъ только извѣстнымъ родамъ хлѣба, и проч. По всѣмъ этимъ причинамъ, трехъ-польная система, достигшая здѣсь, относительно, самаго высокаго развитія, вѣроятно, еще удержится надолго, и самый переходъ къ новой системѣ начнется еще съ бо́льшаго усовершенствованія старой, составляющей славу и гордость приволжскаго земледѣльца. Приведенныя нами подробности могутъ показаться скучными городскому читателю, но они очень интересны для проѣзжаго, передъ которымъ всякій разъ, какъ выйдетъ онъ изъ деревенской околицы, открывается необозримое пространство густо растущаго хлѣба, колеблемаго вѣтромъ, какъ огромная скатерть, потрясаемая съ двухъ концовъ, и разливающагося волнами разнаго цвѣта въ различныя эпохи своего цвѣтенія — свѣтло-зеленымъ отливомъ въ раннее время, серебристымъ и ярко-золотымъ при приближеніи жатвы. Картина это такъ хороша, что сто́итъ спросить о способѣ, которымъ произведена она.

Вмѣстѣ съ густотой и смѣсью народонаселенія, необозримыми полями, покрытыми хлѣбомъ, близость Волги возвѣщается и особеннымъ движеніемъ, царствующимъ въ краѣ. Хлѣбная торговля, существующая на складочныхъ пристаняхъ, на берегу судоходныхъ рѣкъ, въ огромныхъ размѣрахъ, оживляетъ всѣ многочисленные деревенскіе базары, гдѣ эта же торговля идетъ въ мелкую. Всѣ и каждый заняты состояніемъ урожая вообще, колебаніемъ цѣнъ на разныя почвенныя произведенія и спекуляціей на нихъ до установленія настоящихъ по зимѣ. Начиная съ прикащика богатаго купца, пріѣзжающаго съ петербургскихъ торговъ для закупки 30 или 50 тысячъ четвертей ржи и овса въ январѣ мѣсяцѣ, до послѣдняго содержателя постоялаго двора и наконецъ до бѣднѣйшаго татарина, тянущагося на базаръ съ кулемъ поташа, — все слѣдитъ за повы-

шеніемъ или пониженіемъ курса на какой-либо видъ хлѣба, и притомъ съ тѣмъ же вниманіемъ, какое бываетъ замѣтно на европейскихъ биржахъ. О зимѣ говорить нечего: зимой къ пристанямъ и мельницамъ тянутся нескончаемыя цѣпи обозовъ, достаточныя для прокормленія порядочной арміи въ теченіи нѣсколькихъ недѣль; но и лѣтомъ многочисленные возы одного извѣстнаго здѣсь товара—хлѣба—стоятъ на базарахъ, пригнанные или нуждой, или разсчетомъ на прибыль. Въ каждой избѣ, и въ каждой комнатѣ, и въ каждомъ углу вы встрѣчаете одну только мысль, вокругъ которой вращается все существованіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей. Куда вы ни обернетесь—посмотрѣть ли на поле, поговорить ли съ человѣкомъ,—и здѣсь и тамъ хлѣбъ и хлѣбъ. Кажется, одно только небо свободно отъ него; но проѣзжающему нельзя смотрѣть на него, такъ оно бываетъ знойно на востокѣ Россіи въ короткую лѣтнюю пору. Туземный житель не спускаетъ, однакожъ, съ него глазъ въ это время, потому что отъ количества выпадающаго дождя зависитъ весь успѣхъ хозяйства... Если взглянуть на все это движеніе въ полномъ его объемѣ, то оно представитъ картину величавую и поразительную столько же, сколько и картина дѣятельности, царствующей вокругъ манчестерскихъ и бёрмингамскихъ стальныхъ, ружейныхъ и бумажныхъ фабрикъ.

Слѣдя далѣе за признаками приближенія къ знаменитой рѣкѣ, мы встрѣчаемъ очень понятное географическое явленіе. Множество рѣчекъ, ручьевъ и притоковъ бѣгутъ въ нее или въ извѣстныя рѣки, въ нее впадающія, Суру, Оку, Каму. Всѣ эти мелкія водяныя линіи отличаются тѣмъ, что текутъ въ разсѣлинахъ овраговъ, очень похожихъ на старыя рѣчныя ложа, да еще тѣмъ, что почти именъ не имѣютъ. Что́ за имя, которое въ 10 верстахъ почти неизвѣстно! а между тѣмъ потеря какой-либо изъ нихъ была бы бѣдствіемъ для многихъ и многихъ людей. Иной разъ, право, любо бываетъ смотрѣть, какъ бѣдный безыменный ручеекъ выбивается изъ силъ на выгоду деревушкѣ, поселившейся на берегу его, работаетъ всѣмъ ея обитателямъ по мѣрѣ возможности и силъ своихъ неусыпно, и ничего не получаетъ въ награду, кромѣ насмѣшекъ вѣтренныхъ столичныхъ вояжеровъ.

Но изо всѣхъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ, о которыхъ теперь говоримъ, нѣтъ благодѣтельнѣе и вмѣстѣ нѣтъ живописнѣе рѣчки Барыша. Когда спускаетесь вы по отлогости, идущей отъ Суры по направленію къ Симбирску, сверните вправо съ большой дороги, и черезъ нѣсколько верстъ вы встрѣтите рѣчку, живо бѣгущую въ кустахъ ракиты, ивы и осинника. Это—Барышъ. Быстрота ручья и относительное обиліе водъ его поразятъ васъ съ перваго же раза,

но удивленіе ваше возростетъ, когда вы узнаете, что эти качества позволили основать по всему его протяженію непрерывную цѣпь великолѣпныхъ водяныхъ мельницъ. Зиму и лѣто Барышъ ворочаетъ милліоны, превращая ихъ въ новые увеличенные капиталы и цѣнностію своей работы (принявъ, разумѣется, въ соображеніе величину пробѣгаемаго имъ разстоянія), превосходя почти всѣ рѣки, впадающія въ Волгу. Не довольствуясь одной выгодой, приносимой перемоломъ хлѣба, хозяйственная промышленность связала во многихъ мѣстахъ съ великолѣпными мельницами Барыша еще крупчатки, пильныя заведенія и, вѣроятно, связала бы даже фабричныя предпріятія, если бы въ этомъ краѣ существовали для нихъ руки и рынки. Можно безбоязненно предложить всякому самому взыскательному туристу сдѣлать прогулку вдоль извилистыхъ береговъ Барыша, начиная съ устья его до истока, и спокойно ждать отъ него душевной признательности. На всемъ этомъ пространствѣ туристъ слышалъ бы неумолкающій грохотъ мельничныхъ колесъ, глухой, внутренній шумъ жерновыхъ камней, увидалъ бы землю, покрытую легкимъ бѣлымъ слоемъ мучной пыли и облака той же пыли, несущіяся въ воздухѣ. Безпрерывно переходя отъ одного центра хозяйственной дѣятельности къ другому, онъ долженъ былъ бы сознаться къ концу путешествія, что вмѣстѣ взятые они представляютъ какую-то колоссальную фабрику невиданныхъ размѣровъ, работающую подъ открытымъ небомъ, и что самъ Барышъ походитъ на нервъ, крѣпко бьющій въ сердцѣ края и свидѣтельствующій о силѣ и жизни въ немъ присутствующихъ.

Но это одна только сторона замѣчательной рѣки—промышленная; другая ея сторона—поэтическая, тоже заслуживаетъ упоминовенія. Извѣстно, какую роль играетъ мельница въ крестьянскомъ быту: это своего рода *кафе* или собраніе. Къ ней съѣзжаются люди со всѣхъ сторонъ и обмѣниваются розсказнями, замѣтками и предположеніями. Въ праздничные дни она служитъ мѣстомъ гулянья для окрестныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Такое мѣсто, разумѣется, не можетъ остаться безъ всякаго украшенія. И дѣйствительно, кромѣ пруда, уже неизбѣжно тутъ существующаго, вокругъ мельницы всегда есть или нѣсколько паръ березъ, или группа ивъ и много кустовъ, любящихъ влажность. Изукрашенная такимъ образомъ мельница мнѣ всегда казалась небольшимъ, дикимъ садикомъ, запущеннымъ по небреженію владѣльца. Вы понимаете, что довольно большое собраніе такихъ садиковъ по всему протяженію рѣки сообщаетъ ей уже видъ огромнаго запущеннаго сада, сквозь который глядятъ деревни, расположившіяся по берегу ея, амбары, плетни и отдѣльныя хижины. Къ тому же, на Барышѣ столько извилинъ, рукавовъ, заливовъ и

черезъ нихъ плотинъ съ прудами, кустами и деревьями, что можно затеряться въ этомъ лабиринтѣ, какъ въ старомъ паркѣ, гдѣ давно не было посѣтителей. Прибавьте еще, что въ близьлежащихъ озерахъ, образующихся отъ весеннихъ разливовъ рѣки, въ высокой травѣ живутъ многочисленныя семейства разной дичи. Такимъ образомъ, промышленникъ, и охотникъ, и человѣкъ, любящій бродить безъ цѣли, какихъ я много знаю, могутъ сойтись на Барышѣ, каждый съ запасомъ своихъ впечатлѣній и съ собственнымъ воззрѣніемъ на самый предметъ.

Вѣроятно, пейзажисты наши скоро обратятъ вниманіе на русскую мельницу и на множество превосходныхъ подробностей, какія она дать можетъ. Извѣстно, что́ сдѣлали съ мельницами своихъ сторонъ геніальные художники голландской и фламандской школъ. Та же работа предстоитъ и нашему отечественному искусству. Нигдѣ такъ полно не выражается мѣстность всей страны, какъ въ господствующемъ характерѣ ея мельницъ, и нигдѣ, по-моему, нельзя собрать такъ ловко различныя черты національнаго быта, какъ вокругъ мельницъ. Все это давно уже подтверждено первоклассными картинами, которыя могутъ служить указаніемъ современнымъ художникамъ. Не знаю, правъ ли я, предлагая этотъ еще не тронутый мотивъ новѣйшему искусству, но знаю достовѣрно, что произведенія русской національной школы пейзажа, если она появится, будутъ высоко цѣниться во всемъ образованномъ мірѣ, именно потому, что въ образованномъ мірѣ недостаетъ художнической характеристики нашей страны, для полной идеи о поэзіи европейскаго материка. Извините, однакожъ, за отступленіе.

Покуда край глубоко занятъ однимъ дѣломъ, такъ что нѣтъ у него ни времени, ни мысли для другихъ предпріятій (подробное статистическое описаніе его вышло бы чрезвычайно просто, однообразно и несложно), онъ снабжается предметами, находящимися внѣ его производительности, изъ другихъ торговыхъ губерній Россіи. За исключеніемъ фабрикъ низшаго сорта сукна да нѣкоторыхъ домашнихъ производствъ на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей, все остальное получаетъ онъ извнѣ. Не говоря уже о Нижегородской ярмаркѣ, наполняющей магазины и лавки его городовъ, но въ извѣстныя эпохи года ходятъ по деревнямъ купцы съ косой и серпомъ, купцы съ шапками и кушаками, купцы съ пряниками. Костромитяне, ярославцы, ростовцы, каждый съ своимъ товаромъ, и, наконецъ, владимірцы съ издѣліями московской фабричной промышленности. Мы остановимся нѣсколько на послѣднихъ, какъ наиболѣе оригинальныхъ торговцахъ этого края.

Владимірскіе торговцы дѣлятся на два класса: собственно раз-

нощиковъ и такъ называемыхъ *лукошниковъ*. Разнощикъ есть, разумѣется, высшій представитель этого рода промышленности. На двухъ, трехъ, пяти повозкахъ разъѣзжаетъ онъ по всѣмъ закоулкамъ губерніи и предлагаетъ провинціальнымъ барышнямъ, домосѣдамъ-помѣщикамъ и экономнымъ ихъ хозяйкамъ произведенія московской индустріи: ситцы, лино-батисты, трико новѣйшія,—фуляры самые послѣдніе, валентины, муслины и проч. Разнощикъ всегда продаетъ по фабричной цѣнѣ; но мнѣ случалось видѣть въ повозкахъ разнощика такихъ превосходныхъ лошадей и въ такой щегольской сбруѣ съ колокольчиками и *разговорами* (какъ здѣсь называютъ бубенчики), что онѣ съ честью могли бы красоваться на любомъ столичномъ бѣгѣ. Товаръ этотъ не продается у разнощика, но составляетъ лучшую часть его подвижного магазина и доходами съ послѣдняго содержится и пріобрѣтается. Изъ одного этого уже легко можно заключить, что подъ именемъ фабричной цѣны разнощикъ разумѣетъ и процентъ за доставленіе товара, и процентъ съ бо́льшаго или меньшаго знанія дѣла у покупателя, и множество другихъ вещей, доселѣ еще неопредѣленныхъ въ политической экономіи. Съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что разнощикъ имѣетъ дѣло по бо́льшей части съ особами женскаго пола, которыя отъ постояннаго обращенія съ такими купцами пріобрѣли необычайную зоркость взгляда и навыкъ торговаться. Тогда начинается между ними жаркая борьба, полное драматическое представленіе со всѣми его перипетіями и катастрофой; успѣхъ колеблется, пока у торговца не появится и не разовьется новая сила, тоже еще неизвѣстная наукѣ,—именно *сноровка*, посредствомъ которой онъ наконецъ и побѣждаетъ всѣ непреклонныя воли. И если посмотрѣть, какъ иногда разнощикъ битыхъ часъ или два стоитъ передъ опытной молодой дѣвушкой или передъ нерѣшительной маменькой, торгуясь за кусокъ кисеи съ разводами, говоря безъ умолку, но всегда съ изысканной учтивостію, о каковой и въ Версали понятія не имѣли, быстро и ловко свертывая и развертывая свои товары, отличающіеся, какъ извѣстно, размашистымъ рисункомъ, полнымъ юношеской отваги, между тѣмъ какъ у крыльца дома превосходныя лошади того же разнощика нетерпѣливо бьютъ копытами и рвутся на дорогу,—если посмотрѣть на все это, то непремѣнно приходитъ въ голову мысль о томъ, что всякое ремесло имѣетъ свои особенные пріемы и свои завѣтныя тайны.

Разнощикъ *высшаго полета*, о которомъ говоримъ, бо́льшею частію бываетъ прикащикомъ какого-нибудь богатаго купца. Онъ выбирается изъ молодыхъ смышленыхъ парней, отличается щеголеватостію наряда, вкрадчивостію обращенія, утонченною вѣжливостію,

ловкостію своихъ пріемовъ, изукрашенныхъ какими-то особенными вывертами, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ еще достоинство, превышающее всѣ поименованныя нами. Это самый свѣдущій этнографъ той полосы Россіи, которую разработываетъ, но этнографъ совершенно нѣмой. Постоянное сообщеніе съ обыкновенными своими заказчиками, или покупателями, домосѣдами-помѣщиками и съ ихъ семействами, ночлеги по деревнямъ, дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ зажиточнымъ крестьянамъ, разспросы обо всемъ происходящемъ въ краѣ и, наконецъ, естественный обмѣнъ свѣдѣній въ народѣ, который проходитъ у него передъ глазами и за которымъ онъ долженъ слѣдить по обязанности,—все это доставляетъ ему множество свѣдѣній о состояніи жителей, ихъ потребностяхъ, обычаяхъ, нравахъ. Разнощикъ владѣетъ даже нѣкоторымъ количествомъ домашнихъ секретовъ и вообще множествомъ данныхъ малоизвѣстныхъ кому-либо другому; но все это добро онъ бережетъ про себя. Самое положеніе требуетъ отъ него скромности, и въ добродѣтели этой достигъ онъ высокой степени совершенства. Никогда сосѣдъ не узнаетъ отъ него, что́ происходитъ у сосѣда; никогда еще не былъ онъ инструментомъ въ рукахъ враждующихъ между собой интересовъ, никогда не только сплетня, но и простое свѣдѣніе о домѣ, откуда онъ вышелъ, не перенесутся въ домъ, куда, онъ вошелъ. Только весьма прилежный наблюдатель можетъ угадать по нѣкоторымъ невольнымъ, отрывистымъ замѣчаніямъ его, о важности собранныхъ имъ свѣдѣній; а добровольной уступки ихъ съ его стороны нечего и ожидать. Есть одно средство воспользоваться его сокровищемъ: именно—застать разнощика, послѣ объѣздовъ, гдѣнибудь въ углу Владимірской губерніи, дома, въ кругу родныхъ его или братьевъ по ремеслу; да и то ненадежно. Пожалуй, заподозритъ васъ и снова замолчитъ.

Такъ-называемый лукошникъ составляетъ низшую степень того же ремесла, и прозваніе свое получилъ, какъ легко догадаться, отъ корзины величиною немного поболѣе квадратнаго аршина, которую на ремянныхъ помочахъ таскаетъ по всѣмъ проселкамъ и деревнямъ. Зимой сваливаетъ онъ ношу свою на тощую клячёнку и, подобно знаменитому своему брату, разнощику, тоже служитъ каналомъ, по которому московскія издѣлія стекаютъ внутрь Россіи; однако же между тѣмъ и другимъ есть большая разница. Первый, какъ мы видѣли, имѣетъ дѣло съ людьми зажиточными, помѣщикомъ, богатымъ крестьяниномъ, чиновникомъ; второй преимущественно разсчитываетъ на потребность комфорта, проявляющуюся у крестьянской дѣвочки, у дочери конторщика, у грамотнаго лакея или деревенскаго мальчика. Если первый отличается щегольствомъ и *свѣт-*

скостію, за то второй бываетъ или добродушный старичокъ, крѣпкій на ноги, которыя ему особенно нужны, или молодой ходокъ, неистощимый на прибаутки и вообще распревеселаго нрава. Помню, газеты какъ-то увѣдомляли съ изумленіемъ публику о хитрецѣ, который умѣлъ на клочкѣ бумажки, величиной съ платокъ, вписать четко весьма длинный гимнъ: нѣчто подобное этому чуду обрѣтается въ корзинѣ лукошника. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что цѣнность вещей, въ ней находящихся, конечно, не превышаетъ тридцати рублей сереб.; но—Боже мой!—чего вы только въ ней не найдете! Это нѣчто въ родѣ рога изобилія, и если бы кому пришло въ голову, закрывъ глаза, опускать туда руку и вынимать цѣлый часъ разныя попадающіяся подъ нее вещи, онъ былъ бы вѣроятно всякій разъ изумленъ наипріятнѣйшимъ образомъ. Одно за однимъ сталъ бы онъ вытаскивать костяныя пуговки для манишекъ, *одеколонъ изъ погребовъ Терпухова,* мотокъ снурковъ, крестики, отличную ваксу, азбуки и прописи, утку съ дудочкой на хвосту, русскій водевиль, крючки для кафтанчика, наконецъ литографіи и наконецъ даже ноты доселѣ здравствующихъ романсеровъ, со всѣми ихъ французскими посвященіями: *à Madame XX, à M-lle J. J.*, чѣмъ только вообще наши романсы и любопытны... Вотъ уже въ отношеніи послѣднихъ трудно и сказать, кому они сбываются; а сбываются же! Совсѣмъ тѣмъ, весьма неблагоразумно сдѣлалъ бы тотъ, кто предался бы удовольствію насмѣшки надъ бѣднымъ владѣльцемъ всѣхъ этихъ сокровищъ. По многимъ причинамъ онъ заслуживаетъ уваженія. Во-первыхъ, прибытіе его есть праздникъ для деревни, которая торопится посмотрѣть въ лукошко, какъ другіе торопятся попасть въ театръ на первый дебютъ новой танцорки; во-вторыхъ, это проводникъ, по-своему, столичной образованности. Вы найдете у него копеечныя ножницы напримѣръ, которымъ старались дать видъ завьяловскихъ издѣлій этого рода; но Завьяловъ, кажется, землякъ владимірскому торговцу. Возьмите другую вещицу, хоть оловянныя серьги, положимъ. Онѣ изукрашены двумя огромными цвѣтными каменьями, которые могли бы идти въ опасные соперники пресловутой *Горѣ Свѣта*; но въ грубой отдѣлкѣ ихъ нельзя не замѣтить подражанія рисунку, который вы гдѣ-то давно видѣли у петербургскихъ мастеровъ. Всего яснѣе замѣтно это направленіе въ пестрыхъ, раскрашенныхъ литографіяхъ: тутъ есть и мадонны *à la Seddia,* и корреджіевы „Ночи“ и рубенсовы „Снятія“ — и все очень ярко, очень упрощено и вмѣстѣ очень бойко. Малая опытность художника тутъ идетъ какъ нельзя болѣе къ дѣлу, потому что, благодаря только ей, публика можетъ сочувствовать вышеупомянутымъ классическимъ произведеніямъ. Процессъ, котораго дер-

жатся артисты, работающіе на лукошника, при снятіи своихъ копій, весьма ясно видѣнъ въ литографіи: *„Послѣдній день Помпеи“*. Съ картиной Брюлова художникъ поступилъ точно такъ же, какъ было поступлено другими съ ножницами и серьгами: это отдаленный намекъ на что-то знакомое вамъ. Правда, всѣ лица картины сохранены, но всѣ они на одномъ планѣ и, во избѣжаніе трудностей, представляемыхъ копировкой различныхъ положеній, всѣ постановлены на ноги. Образовался какой-то фронтъ, гдѣ вы видите и старика, опирающагося на двухъ воиновъ, и мать, разговаривающую съ сыномъ, и даже всадника, галопирующаго рядомъ съ ними... Не пропущенъ ни одинъ мотивъ картины: добросовѣстность художника идетъ въ ровень съ его талантомъ. Правда, литографія очень походитъ на каррикатуру; но я видѣлъ ее въ избахъ деревенскихъ старостъ и торгующихъ крестьянъ, которые мнѣ говорили: *это господинъ Брюловъ написалъ*. Спрашиваю теперь: и ножницы, и серьги и эта каррикатура—развѣ все это не заслуги?

Всего менѣе надѣлены какимъ-либо смысломъ книжки, азбуки и прописи лукошника, и это, конечно, его собственная вина или вина его хозяина, что́ все равно. Зачѣмъ не заведутъ они точно такихъ литераторовъ, какіе есть у нихъ художники?

Перехожу снова къ Барышу.

Полагаю, что симпатія моя къ этой рѣчкѣ уже достаточно оправдана всѣмъ мной сказаннымъ, но, для полноты описанія и совершеннаго убѣжденія невѣрующихъ, упомяну здѣсь еще объ одномъ качествѣ ея. Въ извѣстное время года на Барышъ собирается каждый день такъ много людей разнаго состоянія, разныхъ образованностей и разныхъ *взглядовъ*, что встрѣчи, происходящія на берегахъ рѣки, принадлежатъ къ числу новыхъ подробностей, которыми она отличается отъ другихъ сестеръ своихъ и которыми должна, рано или поздно, снискать себѣ почетную извѣстность. Нѣкоторыя изъ знакомствъ, сдѣланныхъ мной въ округѣ, составляютъ лучшую часть жизненныхъ моихъ воспоминаній. Для примѣра разскажу вамъ одинъ случай.

Разъ, по обыкновенію, я ѣхалъ на Барышъ (а надо знать, я всегда ѣзжу на Барышъ, если только представляется какая-нибудь возможность включить его въ маршрутъ), и принужденъ былъ остановиться въ близьлежащей деревенькѣ, по весьма простой причинѣ: не оказалось лошадей подъ мой тарантасъ. Крестьянскія лошади были всѣ въ полѣ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно употребляется часа два или три на отыскиваніе ихъ, покормку овсомъ и запряжку. Я не очень былъ разстроенъ этой помѣхой, оставилъ тарантасъ въ деревнѣ съ человѣкомъ, а самъ отправился версты за

три отъ деревеньки, на мельницу. Дорога мнѣ была совершенно извѣстна, и при самомъ выходѣ въ поле я уже видѣлъ верхушку большой знакомой мнѣ ивы и тесовую крышу самой мельницы,

Медленно добрался я до пункта, гдѣ намѣренъ былъ, сидя у пруда, дожидаться экипажа своего, но у поляны, примыкавшей къ плотинѣ, увидалъ толпу мальчиковъ и дѣвочекъ и передъ ними человѣка на колѣняхъ, который безпрерывно вынималъ разныя вещи изъ лукошка, стоявшаго возлѣ него. Я тотчасъ же своротилъ по направленію къ толпѣ и наткнулся на довольно занимательную картину.

Высокій, худощавый и чрезвычайно блѣдный человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рѣдкой, русой бородкой раскладывалъ на травѣ всѣ свои лучшія вещи. Это былъ лукошникъ, но нѣсколько отмѣнный отъ типа, который мы недавно представили. Онъ ничего не продавалъ, а безкорыстно показывалъ свой товаръ на утѣшеніе дѣтямъ, которыя и прильнули къ травѣ, словно мухи къ меду. Передъ мальчиками разложилъ онъ всѣ свои пестрыя картинки, передъ дѣвочками собралъ обаятельное сокровище изъ серегъ, ожерельевъ, гребешковъ и проч. Поодаль стояли два-три крестьянина, пріѣхавшіе съ помоломъ, и, казалось, подобно мнѣ любовались происходящимъ. Между тѣмъ сухощавый и блѣдный лукошникъ, поминутно выкладывая новыя вещи, держалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какой-то особенный курсъ морали. Онъ строго выговаривалъ мальчикамъ, которые, забывъ естественное свое предназначеніе, хватались за ожерелья, не покидая картинъ, и останавливалъ дѣвочекъ, которыя съ гребешками въ рукахъ бросались на изображенія *страженій*. Всѣмъ этимъ противозаконнымъ инстинктамъ лукошникъ противился со всею энергіею строгаго и опытнаго воспитателя.

— А ты куда ползешь въ сторону?—говорилъ онъ одной любопытной зрительницѣ.—Тамъ парень смотритъ, какъ козаки Ванданму въ плѣнъ берутъ; а тебѣ какое дѣло? Ты вотъ лучше примѣрь-ка бусы... Идутъ, очень хорошо... словно для тебя дѣлали. Вотъ какъ работать выучишься, купи себѣ такія непремѣнно.

— А сколько надо работать, дядюшка, для бусъ-то?—спросила дѣвочка.

Крестьяне, стоявшіе поодаль, засмѣялись и одинъ сказалъ:

— Знать ихъ къ бусамъ-то съ молоду тянетъ.

— Немного,—отвѣчалъ лукошникъ на вопросъ.—Выдешь замужъ, бусы сами явятся. А ты руками-то картину незамай, продолжалъ онъ, обращаясь къ бѣлокурому мальчику:—видишь, руки у тебя какія черныя: чай, на дворѣ у себя лужу прудилъ, чего добраго.

— А что́ это за картинка, дядюшка? — спросилъ мальчикъ, закидывая руки на спину. — Народу-то сколько тутъ! у-у!

— Это похороны свѣтлѣйшаго князя Кутузова-Смоленскаго, братецъ. — Онъ французовъ побѣдилъ, изъ предѣловъ Россіи изгналъ и Бонапарту погибель уготовалъ. Коль будешь солдатомъ, много о немъ услышишь.

Въ словахъ лукошника замѣтна была не только грамотность, но и нѣкотораго рода начитанность. Любопытство мое, сильно возбужденное, внушило мнѣ мысль завязать съ нимъ знакомство самымъ естественнымъ образомъ, такъ какъ знакомства насильственныя, замѣтилъ я, рѣдко удаются съ русскимъ человѣкомъ. Я подошелъ къ сельской выставкѣ, которую онъ затѣялъ, купилъ пятокъ картинокъ, пару-другую сережекъ и роздалъ ихъ тутъ же, по принадлежности, мальчикамъ и дѣвочкамъ. Нельзя умолчать о томъ, что, получивъ эти неожиданные подарки, они пустились бѣжать опрометью въ деревню, словно опасаясь, чтобъ я не одумался и не испортилъ раскаяніемъ великодушнаго поступка своего. Крестьяне, наблюдавшіе всю сцену, переглянулись съ нѣкоторымъ изумленіемъ и учтиво сняли шапки. Лукошникъ не показалъ ни малѣйшаго удивленія; онъ только пристально взглянулъ на меня, и тутъ-то я увидѣлъ истинно прекрасные голубые глаза, которые вмѣстѣ съ блѣднымъ лицомъ его составляли замѣчательную физіономію, по выраженію кротости и особенной мягкой задумчивости, на ней написанныхъ. Онъ вынулъ изъ-за пазухи длинный кошель и, опуская въ него мелкую мою монету, сказалъ:

— Хорошо ты сдѣлалъ, баринъ, что купилъ у меня товаръ, да хорошо и то, что роздалъ его дѣтямъ... А для себя не купишь ли чего-нибудь?

— Что́-жъ у тебя есть, любезный другъ, для меня? — спросилъ я, кичась совершенно по столичному, коварно улыбаясь и проч. — Духовъ твоихъ я не возьму, помады не нужно, а остальное я все въ городѣ купилъ...

— Да это и видно, что изъ города изволишь ѣхать... Любишь ли ты старыя вещи?

— Какъ не любить старыхъ вещей!

— И денегъ на нихъ не жалѣешь?

— И денегъ на нихъ, когда бываютъ, не жалѣю.

— Хорошо еще, что бываютъ; да это все равно... Найду я, можетъ, чѣмъ и тебя на время занять.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынулъ изъ лукошка мѣдный, тщательно завернутый въ бумажку складной образокъ съ двумя закрывающимися дверцами. Наружная его отдѣлка уже обращала на себя вни-

маніе превосходнымъ витымъ ободочкомъ, шедшимъ по краямъ и сдѣланнымъ выпукло, между тѣмъ какъ рѣзные на мѣди узоры внизу его похожи были на упрощенные древніе арабески. Несмотря на это, стиль ихъ, а также и верхняго завитка былъ ровенъ, твердъ и полонъ. Внутренняя отдѣлка поражала еще болѣе. На небольшомъ пространствѣ, раздѣленномъ на квадратные отдѣлы, чрезвычайно мелко и чрезвычайно тщательно изображенъ былъ, рельефомъ, евангельскій разсказъ о страданіяхъ. Свобода рисунка, при нѣкоторой условной манерѣ, глубокое чувство и художническій разсчетъ, проявлявшіеся въ самомъ ограниченіи, положенномъ узаконенной методой, заставляютъ невольно отнести это произведеніе къ лучшей эпохѣ византійскаго русскаго искусства. Особенно замѣчательны были наимельчайшія подробности, отдѣланныя съ великою любовью, съ несомнѣннымъ вкусомъ и на разсмотрѣніе которыхъ употребилъ я, разумѣется, довольно долгое время. Лукошникъ предоставлялъ мнѣ полную волю любоваться драгоцѣннымъ памятникомъ и, наконецъ, произнесъ:

— Здѣсь никто ему цѣны не знаетъ и чуть ли не ты первый такъ пристально на него смотришь; а въ городѣ, можетъ быть, съ него кто-нибудь и поучился бы.

...Я переговорилъ съ нимъ объ уступкѣ, и когда дѣло было слажено, онъ, закрывъ крышку корзины, связалъ ее веревкой, потомъ сѣлъ на нее, скинулъ шапку и отеръ голову платкомъ. Выраженіе усталости было крупно написано на сухомъ лицѣ его и во всей фигурѣ.

— Вотъ какъ правда, баринъ,—сказалъ онъ съ разстановкой:—что ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Иногда въ корзинѣ, какъ и въ человѣкѣ, найдешь чего и не ожидаешь.

Эта мысль изъ курса практической философіи уже нисколько не удивила меня. Мыслящее выраженіе глазъ и физіономіи торговца уже достаточно убѣдили меня, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ несовсѣмъ простымъ. Я расположился на травѣ, почти у ногъ его, и спросилъ!

— А какъ зовутъ тебя, любезный другъ?

— Семеномъ зовутъ.

— Отчество и прозваніе?

— Зачѣмъ тебѣ отчество мое?... Величать меня хочешь какъ на свадьбахъ бываетъ, что́ ли? А фамиліи у меня и совсѣмъ нѣтъ. Да если посудить хорошенько, такъ большой нужды нѣтъ тебѣ и въ имени моемъ, чаю.

— Не все же только о нуждѣ и по нуждѣ толковать, Семенъ. Иногда просто съ человѣкомъ поговорить хочется, слово съ нимъ

обмѣнять. Нехорошо дѣлаетъ, кто весь вѣкъ только по разсчету говоритъ. Всѣ мы, по милости Божіей, нашимъ языкомъ связаны и держать его только для торговли—не годится.

— Правда,—отвѣчалъ Семенъ, покачивая головой:—это правда! Да было бы еще о чемъ говорить!

— Самъ же ты сейчасъ сказалъ, что въ человѣкѣ встрѣтишь иной разъ, чего и не думаешь. Всегда найдется о чемъ слово сказать между людьми. Только надо, чтобъ люди беззлобиво другъ къ другу подходили, другъ друга не дичились и взаимно добра желали. Тогда слово бываетъ, Семенъ, великимъ утѣшеніемъ и для того, кто говоритъ, и для того, кто слушаетъ.

Семенъ молчалъ.

— Да,—сказалъ онъ потомъ:—никакая книга не облегчаетъ души, какъ разсказъ въ пору о томъ, что́ тебя ворочаетъ.

— Ты самъ выучился грамотѣ, Семенъ, или въ школѣ гдѣ-нибудь?

— Грамоту я знаю съ малолѣтства, а какъ выучился, того теперь почти и сказать не умѣю. Отецъ былъ у меня человѣкъ простой и говаривалъ мнѣ:—Ты сперва, Сеня, дѣлу поучись, а ужъ грамотѣ потомъ...—Видно онъ зналъ, каковъ я буду. Я не послушался. Въ школу ходить нельзя было, такъ, бывало, на лугу играючи у школьниковъ что-нибудь вытянешь, у дьячка помаленьку стащишь мудрости, въ церкви къ чтенію прислушаешься, ну, да ужъ Богъ знаетъ ка́къ, только черезъ годъ-другой грамотѣ я зналъ... Что́ меня тогда тянуло къ ней, и самъ не знаю,.. въ тѣ поры чудныя дѣла творились надо мной!

— У всякаго есть такія чудныя дѣла, Семенъ, только у иныхъ они сорной травой поростаютъ и пропадаютъ.

— Нѣтъ ужъ, мои были изъ рукъ вонъ бойки,—отвѣчалъ Семенъ, улыбаясь.—Съ тѣхъ поръ, какъ себя сталъ помнить, не жилось мнѣ на одномъ мѣстѣ. Все бы бѣгать по чужимъ деревнямъ. Мальчишкой еще отлучался я изъ дому дня по три: гдѣ утро проведешь, гдѣ вечеръ или ночи захватишь, только бы людскіе розсказни слушать. Сосѣди уже меня за такого и знали, кормъ и ночлеги давали; но отцу моему продѣлки эти были не понутру. Журилъ онъ меня часто и долго; плакалъ я вдоволь, а не унимался. Какъ подросъ я и пересталъ прута бояться, одумался самъ: сталъ жить дома безвыходно,—но чѣмъ болѣе въ года входилъ, тѣмъ болѣзнь сильнѣе дѣлалась. Хожу какъ сонный день-деньской, работа изъ рукъ валится; все смотришь, бывало, на край неба и думаешь: „Хорошо бы поглядѣть, что́ за нимъ дѣлается“, но воли себѣ не давалъ. Однѣ только ночи шибко одолѣвали: вотъ это ужъ была

сущая напасть. Какъ только заснешь, и нойдетъ бѣсовское навожденіе. Въ ушахъ у тебя шумитъ море и передъ глазами разливается, острова стоятъ стеклянные и прозрачные, что́ на сквозь видны, деревья съ золочеными яблоками, люди ходятъ и тебя манятъ. Ну, словомъ, мученіе. Разъ пять вскочишь и опять заснешь — и все та же притча. Сталъ я хилѣть, и ѣда мнѣ опротивѣла. Отецъ мой былъ человѣкъ зоркій—даромъ, что простой. Ворчалъ онъ на меня безъ умолку за плохую работу, а случалось часто, что смотритъ на меня пристально, покуда я задумавшись въ углу сижу или надъ тоноромъ въ бредъ попаду, и не прерываетъ... Вотъ какъ уже подвинулся къ двадцатому году, выросъ не въ мѣру, а здоровьемъ и силами съ порядочнымъ мальчикомъ не сравнялся, зоветъ онъ меня разъ, послѣ обѣдни, къ себѣ и говоритъ: „Послушай, Сеня. Вижу я, сколоченъ ты не такъ, какъ намъ надобно. Знавалъ я на своемъ вѣку такихъ парней. Мать твоя говоритъ, чтобъ тебя женить поскорѣй; да она не видитъ, въ чемъ дѣло. Смекаю я это дѣло иначе. Вотъ съ завтрашняго же дня начну я выправлять тебѣ паспортъ, а повинности за тебя буду платить исправно самъ. Ступай на заработку на всѣ четыре стороны, гуляй по свѣту, людей смотри и добру учись; только сперва уговоръ. Коль умаешься, ноги подкосятся и силъ больше не станетъ на такое житье, иди прямо къ намъ, не завертывай никуда. Если будемъ живы со старухой, будешь ты у насъ дорогой гость“. Старикъ захныкалъ. Я залился горькими слезами, какими врядъ ли больше когда и плакалъ въ жизни, однакожъ, какъ выправили паспортъ, въ тотъ же день и покинулъ своихъ родныхъ... — Ба! прибавилъ онъ вдругъ:—никакъ я тебѣ свою исторію разсказываю!

— И не останавливайся, Семенъ,—отвѣчалъ я:—исторія твоя поучительна и разсказываешь ты ее человѣку, который такія исторіи понимать умѣетъ.

— Да ужъ какъ началъ, такъ нечего дѣлать, придется окончить. Земли я подъ собой не взвидѣлъ, какъ очутился на просторѣ. Я думаю, тогда и четырехъ часовъ въ сутки я не спалъ, а устали никакой не чувствовалъ, даромъ что хворый былъ: словно заворожили меня. Придешь въ городъ или въ село большое — глянешь кругомъ, покажется все видѣлъ—и впередъ, впередъ! Люди спрашивали меня на дорогѣ: „куда ты такъ торопишься, молодецъ?“ Я махну, бывало, рукой и отвѣчаю: „землю новую искать“. Надо тебѣ сказать, баринъ, что въ тѣ поры въ глазахъ у меня мерещились все небылицы, какія въ сказкахъ слышалъ да на лубочныхъ картинахъ и въ дрянныхъ книжкахъ потихоньку отъ отца прочелъ: и рѣки огненныя, и птицы, которыя почеловѣчьи говорятъ, и

дѣвушки съ золотыми волосами, которыя въ водѣ живутъ и сладкія пѣсни поютъ, и много другихъ пустяковъ. Мнѣ все казалось, что гдѣ-нибудь наткнусь на новое чудо, какого еще никто не слыхивалъ, и бѣжалъ я все прямо передъ собой. Долго бы тебѣ разсказывать бредъ мой цѣликомъ, да и скучно... только промахнулъ я въ горячкѣ чуть не полъ-Россіи и очутился за Ураломъ. Чуда я никакого не встрѣтилъ, а люди и земля пролетѣли мимо меня какъ сонъ: не добылъ я себѣ знанія, ни на волосъ мудрости не прибавилъ въ головѣ. Правда, мало о нихъ тогда и думалось мнѣ... помню только, что мнѣ было привольно и хорошо, рѣзво бѣжали ноги и бойко сердце стучало... Очнулся я уже тогда, какъ былъ за горами, одинъ-одинёшенекъ въ чужой сторонѣ и безъ гроша денегъ...

— Остановился я на минуту, да и опять за свое дѣло. Въ той сторонѣ работа у тебя подъ ногами, стóитъ только наклониться и поднять ее. Сталъ я наниматься въ промыслы съ разными купцами и разъѣзжими промышленниками. Житье пришлось мнѣ по праву — разгуляться было гдѣ. Завелась у меня и копейка, да на бѣду зародился во мнѣ новый бѣсъ тогда и позлѣе того, который прежде мутилъ. Искалъ я чуда по землѣ, а теперь вообразилъ, что настоящее чудо во мнѣ гнѣздится. Не знаю, кáкъ это сдѣлалось, вѣрно лукавый забирался ко мнѣ въ душу исподоволь. Принялся я себя разбирать, и съ каждымъ днемъ любовался собой смѣлѣе и смѣлѣе. Чудилось мнѣ, будто и кровь у меня шибче играетъ, чѣмъ у другихъ, и голова крѣпче на плечахъ поставлена, и глазъ дальше беретъ... Сталъ я безъ устали раздумывать, какимъ бы способомъ себя отличить, чтобъ прошла обо мнѣ вѣсть по землѣ и люди передо мной разступились бы... Ужъ чего же я тогда и не надумалъ! Смѣшно теперь и разсказывать, а въ тѣ поры было не до смѣху. Привязалась ко мнѣ новая затѣя и грызетъ мнѣ сердце не хуже старой. Отошло отъ меня прежнее веселіе, сдѣлался я молчаливъ и угрюмъ. Работу выбираю такую, чтобъ поменьше людей вокругъ было, а самъ думаю: „вотъ если бы откупить всѣ промыслы одному, былъ бы я важный человѣкъ“. Иной разъ думалось и хуже: „Попусту я здѣсь время теряю; надо такую штуку сдѣлать, чтобъ великую славу и великое богатство однимъ разомъ зашибить“. Много и другихъ нелѣпостей перебралъ я въ головѣ, а все сводило на то, что запросто мнѣ жить не приходится. Одинъ грѣхъ выведетъ за собой цѣлую веревку ихъ. Опротивѣли мнѣ товарищи, и сталъ я ихъ въ душѣ порицать и въ умѣ надъ ними тѣшиться: „и ни о чемъ-то они не думаютъ, и только бы имъ копейку зашибить, и веселятся-то они не по-людски, да и умрутъ-то какъ дождевой

червь, про котораго никому дѣла нѣтъ". Дьявольская гордость заѣдала меня совсѣмъ. Нарочно, бывало, сойдусь съ однолѣтками и говорю имъ недобрыя слова: „что́ вы-де копошитесь?... Не для васъ Божій міръ сдѣланъ... Вотъ дайте время: услышите вы обо мнѣ!... покажу я вамъ, какъ жить на свѣтѣ слѣдуетъ!" Нечего сказать, терпѣливы же были и товарищи у меня. Долгое время они только смѣялись надо мной и образумливали, ненавидѣть же и убѣгать стали уже подъ конецъ. А мнѣ и горя мало: окрѣпло у меня сердце отъ гордости и высокомѣрія. Кинулъ я наконецъ промыслы и съ нажитыми деньгами переѣхалъ въ городъ и тамъ заперся въ одной клѣтушкѣ, какъ звѣрь. Странное дѣло! Прежде четыре угла какой хочешь палаты казались мнѣ тюрьмой, а теперь съ трудомъ вытянуть меня можно было на бѣлый свѣтъ. Замкнулъ я свои двери на замокъ и одинъ съ самимъ собой принялся читать днемъ и ночью... читалъ, читалъ все, что́ въ руки валилось, а какъ въ изнеможеніе приду, ложусь и начинаю думать, какимъ бы способомъ отличиться и въ знатные люди выдти. Много плановъ, одинъ другого смѣшнѣе, перебывало у меня тогда въ головѣ; но остановился я на такомъ, который всѣхъ другихъ чуть ли былъ не уморительнѣе...

— Попались мнѣ сочиненія въ стихахъ нашего брата крестьянина или мѣщанина, прасола воронежскаго, да чудныя такія!... Помутилось у меня въ глазахъ, кровь пришибло къ головѣ, словно кто молотомъ ударилъ меня по головѣ. Показалось мнѣ, будто все съ этой минуты ясно и больше ни о чемъ думать не надо. Присѣлъ я за столъ, принялся работать стихи, пóтомъ обливался, надъ бумагой засыпалъ и чуть ли не въ обморокѣ лежалъ надъ ней. Цѣлую зиму трудился, скропалъ басню съ риѳмами и вышелъ я—стихотворецъ...

Тутъ Семенъ поднялъ голову, которую во все время разсказа держалъ опущенною внизъ, и взглянулъ на меня, какъ-бы желая узнать, какое впечатлѣніе произвела его исповѣдь и не отзовусь ли я смѣхомъ на горькія его признанія; но я лежалъ на травѣ бокомъ, смотрѣлъ въ землю и сказалъ весьма серьёзно:

— Все, что́ ты говоришь теперь, Семенъ, я какъ будто уже слышалъ гдѣ-то прежде. Видно повѣсть, которую разсказываешь, и въ нашемъ быту точно также сказывается. Вездѣ одинаковы людскія заблужденія, а разница только въ обстановкѣ, Семенъ.

— Великое дѣло и обстановка,—возразилъ Семенъ....—У иного горесть — болячка, которая внутри тѣла растетъ, а у другого — пятнышко на платьѣ, которое онъ и отряхнетъ, какъ только люди укажутъ.

— Правда и это. Но что́ ты сдѣлалъ со стихами своими?

— Понесъ я ихъ къ господамъ, которые тогда въ городѣ проживали. Лихорадка меня била, какъ въ первый разъ пошелъ я показывать себя людямъ; но меня приняли ласково. Господа передавали мою басенку изъ рукъ въ руки другъ другу и стали къ себѣ на домъ и на вечера приглашать. Полюбились мнѣ ихъ пиры и бесѣды, пришлось по сердцу житье это, и грудь вздулась безъ мѣры: „вотъ ты и важный человѣкъ“, говорилъ я себѣ по вечеру, ложась спать. Правда, за обѣдами и ужинами ихъ просиживалъ я иногда молча, многаго недоразумѣвалъ, о чемъ при мнѣ говорили, а когда самъ свое слово помѣщалъ, такъ вдругъ всѣ, бывало, замолчатъ, выслушаютъ внимательно, да и снова за свой разговоръ примутся. „Не безъ вѣсу видно, слова мои!“ — думалъ я въ простотѣ души. Написалъ я и еще басенку (какихъ мнѣ трудовъ стоила — вѣдаетъ Богъ!): пошла она опять по рукамъ; но похвалъ было поменѣе. „Нужды нѣтъ, думаю, попривыкли они ко мнѣ“, а между тѣмъ со словами своими и замѣчаніями сталъ я навязываться чаще. Молчатъ по прежнему и проходятъ мои разсужденія, какъ будто ихъ совсѣмъ не было. Разъ въ одномъ домѣ зашелъ пиръ далеко за ночь. Жены и дочки разошлись давно. Завязался между господами ученый споръ: силился я что́ есть мочи смекнуть въ чемъ дѣло, и потѣлъ попапрасну. Какъ вдругъ баринъ какой-то беретъ меня за руку и отводитъ въ сторону на пару словъ. Какъ теперь на него смотрю — небольшой ростомъ, сутуловатый, сухой, съ горбатымъ носомъ и сѣрыми да такими умными и добрыми глазами! Часто встрѣчалъ я его въ домахъ и всегда, бывало, ходитъ онъ задумчивый или ужъ какъ разговорится — удержу нѣтъ никакого: такъ и пѣнится! Вотъ онъ теперь сталъ рѣчь держать...

— Семенъ Логинычъ, говоритъ онъ мнѣ, брось ты проклятые стихи. Знаю я, что́ тебя мучитъ, и самъ я, можетъ, черезъ худшее прошелъ. Послушайся меня, ради Бога. Человѣкъ ты умный, а таланта къ писанію въ тебѣ нѣтъ, — повѣрь мнѣ! Перешелъ ты года, когда учиться надобно, а ты еще не только стихосложенія не знаешь, да и правильной рѣчи не умѣешь составить. Да нѣтъ у тебя и мыслей, потому что мимо тебя жизнь прошла и ты въ ней только свою персону видѣлъ, и то не такъ, какъ слѣдуетъ! Не посѣтуй за слова мои: люблю я тебя больно и жалко мнѣ тебя какъ сына. Придутъ еще къ тебѣ всякія блага, какихъ ищешь, а придутъ не оттуда, гдѣ теперь ищешь. Выбери ты себѣ истинное ремесло, о кичeніи и шумѣ не думай, а думай только какъ бы *человѣкомъ* сдѣлаться. Брось ты и собранія наши..,. Не хорошо тебѣ въ нихъ.... покамѣстъ послушайся меня, Семенъ Логинычъ...

— Держалъ онъ мою руку какъ въ тискахъ, покуда говорилъ

все это, и жалъ ее такъ крѣпко... А я—я потерялъ всякій умъ, сбившись съ дороги! — друга своего не узналъ, честнаго человѣка заподозрилъ. „Какой это злой и завистливый баринъ“, думаю про себя: „отдѣлаюсь отъ него какъ-нибудь поскорѣе“, и ужъ не знаю какъ отдѣлался, только больше онъ со мной не разговаривалъ никогда. Правда, недѣли непрошло, какъ я вспомнилъ о немъ, да ужъ поздно... Сидимъ мы опять вечеромъ и на сердцѣ у меня было тяжело больно: казалось мнѣ, будто тяготятся мной люди и съ усмѣшкой на меня посматриваютъ; хотѣлъ я разогнать черныя мысли, да слышу толстая барыня за мной (тоже сочинительница была и повѣсти какому-то купцу ставила по условію) разговариваетъ съ молодымъ проѣзжимъ господиномъ и ему гостей описываетъ.

— А это кто? спрашиваетъ господинъ, на меня указывая.

— Это самоучка-стихотворецъ, отвѣчаетъ сочинительница у меня за плечами, и голосу даже не сбавила. — Таланту въ немъ не видно, образованности взять ему негдѣ было, да по моему и человѣкъ-то онъ тупой. Здѣшнее общество къ себѣ его припустило, чтобъ понатерся маленько. Давно онъ между нами живетъ, а успѣху, какъ изволите видѣть, мало.

— Точно ножомъ кольнули меня подъ грудь. Обернулся я и посмотрѣлъ назадъ такъ, что сочинительница маковымъ цвѣтомъ покраснѣла, побылъ еще немного въ собраніи, да и вонъ, домой поскорѣе. Спала у меня пелена съ глазъ.... Бросился я въ постель, долго ворочался и подушку грызъ (гордость, знаешь, отъ крѣпкой раны во мнѣ корчилась), но съ тѣхъ поръ никто меня въ городѣ не видалъ, и стихи я пересталъ писать.

— Чудное дѣло, Семенъ Логинычъ,—замѣтилъ я:—откуда намъ спасеніе приходитъ. Вотъ примѣромъ сказать: отринулъ ты наставленіе умнаго и добраго человѣка, а два-три слова вздорной бабы повернули тебя точно рычагомъ.

— И самъ я дивился этому немало,—отвѣчалъ Семенъ Логинычъ:—да видно уроки-то намъ по-отечески распредѣляются: сперва легкій, а тамъ, какъ не возьметъ, и погрубѣе.... Но сказать ли правду? Не разгадалъ меня и тотъ благородный человѣкъ, который мнѣ первый руку протягивалъ. Сталъ я, по совѣту его, искать себѣ честнаго ремесла, и скоро отыскалъ. Въ городѣ проживалъ тогда нѣмецъ, который всякую столярную работу дѣлалъ и рисунки сочинялъ на мебели, рамы и иконостасы. Онъ же и золотаремъ былъ. Приглянулись мнѣ больно рисунки его, позавидовалъ я его искусству: „вотъ бы такимъ мастеромъ сдѣлаться—думалъ—это не то, что поденную работу нести“. Явился я къ нѣмцу, а тотъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Художество наше трудное, любезный

другъ, а ты ужъ на возрастѣ, кажись; однакожъ, коль смертная охота есть, можетъ, и старыхъ учениковъ перегонишь; только надо сначала начинать". — Не зналъ нѣмецъ, что въ этомъ-то и вся бѣда заключалась. Отвыкъ я ходить ровнымъ шагомъ и трудиться за азбукой низко мнѣ казалось. Вмѣсто того, чтобъ плапочки къ планочкамъ приклеивать да на бумагѣ линіи вести, я прямо взялся фигурныя украшенія чертить. Останавливалъ меня нѣмецъ и по цѣлымъ часамъ доказывалъ, что это пустая работа, и что нельзя мнѣ за рисунки приниматься, когда карандашъ въ рукахъ еле-держится. Не унимался я: все мнѣ хотѣлось что-нибудь такое сдѣлать, чтобъ съ перваго же разу мастера удивить. Чуть какой-нибудь пріемъ узнаю, ужъ тотчасъ на немъ цѣлый планъ строю: „остальное — думаю — само собой придетъ. Зачѣмъ же на свѣтѣ и умницей родиться, если такъ же работать надо, какъ послѣдній дуракъ?" Хотѣлось мнѣ, видишь, перескочить черезъ науку, да видно прыжокъ не по силамъ былъ. Какъ я ни бился, мнѣ ничего даромъ не доставалось: все выходило у меня нелѣпостію, которую, повѣришь ли, спустя немного я и самъ вижу лучше другого. На первыхъ порахъ и остынешь немного, а потомъ за старую пѣсню примешься. Маялся со мной нѣмецъ долго, усталъ подъ конецъ. Призываетъ меня разъ, какъ я вздумалъ какой-то планъ на большую раму составить, и говоритъ: „будетъ! полно! — Ни тебѣ отъ меня пользы нѣтъ, ни мнѣ отъ тебя пользы нѣтъ; нельзя намъ жить вмѣстѣ. Ступай съ Богомъ". И сказавъ это, вывелъ меня изъ комнаты и заперъ дверь. Остался я на улицѣ, опять безъ пристанища и безъ куска хлѣба. И на этотъ разъ не могъ я уже сыскать и работы. Все мнѣ опротивѣло; а по правдѣ сказать, вѣдалъ я безсиліе свое и неспособность къ труду: обронилъ я его на дорогѣ и найти никакъ не могъ. Пришла ко мнѣ нищета, а я лежалъ ничкомъ на землѣ и нечѣмъ было отогнать ее. Не простая была и нищета у меня: много кой-чего шумѣло въ сердцѣ, еще болѣе въ головѣ. Гордость и стыдъ, досада и раскаяніе такъ и ломились другъ на друга. Пропускаю это время.... горько и теперь вспомнить.... да и разсказать бы порядкомъ не умѣлъ; знаю только, что много силъ и жизни унесло оно у меня.

— Какъ же выпутался ты изъ бѣды, Семенъ Логинычъ? — спросилъ я съ неподдѣльнымъ участіемъ.

— Ахъ, баринъ ты мой, отвѣчалъ онъ ласково, обращаясь ко мнѣ: — выпутался я изъ бѣды, почитай, чудомъ. Получилъ я вдругъ большой капиталъ по нашему, который въ другихъ рукахъ вывелъ бы человѣка въ первостатейные люди. — 10,000 рублей, легко сказать!

— Какъ!... откуда?

— Разскажу тебѣ все подробно, а другому бы не разсказалъ, повѣрь слову. Вотъ какъ это случилось. Въ то время, какъ я еще промыслами занимался, нанялся я въ работники къ одному вдовому купцу, у котораго всей семьи только и было, что дочка—дѣвушка умная, собою красавица. Жила она почти одинехонька, съ старой своей няней, въ домѣ хозяйничала, покуда батюшка по дѣламъ ѣздилъ, и думала про себя свою дѣвичью думу. Полюбилась она мнѣ, скажу тебѣ баринъ, сильно. Не смѣлъ бы я на нее и глазъ поднять, да Марья Васильевна сама меня отыскала и отъ другихъ отличила. Замѣтила она, что не такъ я и говорю, какъ другіе, поодаль отъ другихъ стою, тоже свою думу думаю; только моя была похитрѣе ея дѣвичьяго гаданья. Это ей вѣрно и полюбилось. Сошлись мы другъ съ другомъ, по зимѣ часто видѣлись; отецъ ничего не зналъ. Грѣшно мы это дѣлали, но ужъ теперь слово въ оправданіе себѣ скажу—чиста наша любовь была не по сказочному. Ни разу мнѣ злого помысла не приходило съ ней въ голову, а болталъ я болѣе о своихъ затѣяхъ, какъ въ люди выйду и себя высоко поставлю. Слушала она меня, и смѣялась и одобряла: новы были для нея такія слова! Не было у меня мысли оскорбить ее, а присвататься и еще менѣе. Куда же мнѣ! Жили мы, баринъ, какъ будто для того, чтобъ не наговориться другъ съ другомъ, и какъ теперь еще вспомню о бесѣдахъ нашихъ, точно рай земной у меня внутри создается. Дѣло это ты, чай, понимаешь не хуже моего. Знаю навѣрное, что не считала и она меня своимъ суженымъ, потому что часто со страхомъ о немъ загадывала, а видно подходилъ я къ молодымъ ея мечтательствамъ. Зиму-другую прожили мы такъ, плетя другъ съ другомъ золотую нитку, которая въ нашихъ рукахъ и порваться должна была...

— Пріѣхалъ на третью зиму въ домъ ея молодой купецъ, статный, высокій, волосы въ кудряхъ—красавецъ писаный! И душа у него по тѣлу была: прямо и гордо держался онъ какъ тополь. Вотъ тогда-то впервые замутило у меня въ душѣ и туча на лицо набѣжала, впервые также поблѣднѣла и Маша: дѣло становилось серьёзнѣе, приходилъ между нами разсчетъ за прошлое счастіе. На другія же сутки догадался купецъ обо всемъ; любилъ онъ Машу давно да и поболѣе моего, какъ я теперь разсуждаю. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончилось бы,—кончилось же оно просто...

— Сижу у себя разъ, вечеромъ, въ коморкѣ, слышу, стучатъ крѣпко въ дверь.—Кто тамъ? спрашиваю я.—„Это я!“ отвѣчаетъ купецъ-женихъ. Словно варомъ меня обдало; отворяю дверь.

— Какъ это вы, батюшка Владиміръ Александрычъ, ко мнѣ въ коморку пожаловали?

— Дорога извѣстная, Семенъ Логинычъ,—отвѣчалъ купецъ, встряхивая кудрями:—и къ такому человѣку, какъ вы, ходить никому не совѣстно, чаю.

Обошелъ онъ мою комнату, приперъ дверь, кафтанъ разстегнулъ навспашь, сѣлъ на мою кровать, мнѣ на стулъ показалъ, господиномъ распорядился у меня въ домѣ!

— Садись-ка, братецъ, говоритъ, порѣшимъ мы теперь важное дѣло. Между нами стоитъ дѣвушка.... сокровище.... не правда ли? (Вскинулъ онъ черными глазами, словно прожечь меня хотѣлъ). Ну, а разорвать намъ ее пополамъ нельзя... Собрался я жениться на ней, такъ тебѣ ужъ надо отступиться, Семенъ Логинычъ: въ томъ все и дѣло.

— Ого! отвѣчалъ я, смѣясь:—скоро вы дѣло рѣшаете, Владиміръ Александрычъ:—знать, въ торговлѣ научились!

— Не время теперь шутокъ, Семенъ, остановилъ онъ меня:—пустяки переговорить послѣ успѣемъ... Давно я о тебѣ слышалъ, а теперь самъ присмотрѣлся—потягаться можешь со всякимъ!... Не низшій ты мнѣ, а товарищъ! Одна у насъ мысль съ тобой. Обоимъ намъ жизнь Машеньки дороже всего на свѣтѣ, и готовы мы сложить головы за нее. Ну, теперь и пришла пора узнать, кому изъ насъ, для спасенія ея, себя загубить слѣдуетъ... Понимаешь ли?

— Понялъ. А почему же мнѣ непремѣнно?

— Вотъ почему, Семенъ. Не можешь ты жениться, а если бы и могъ, пропадетъ она съ тобой. Маша тебя любитъ, и если позовешь, пойдетъ куда хочешь. Отецъ ее броситъ и вины ей никогда не отпуститъ: это уже вѣрно. Останетесь вы вдвоемъ съ бѣдностью... ну, бѣдность куда еще ни шло! Бѣдность можно на плечахъ поднять и за заборъ на дорогу выкинуть, а вотъ посмотри-ка на себя попристальнѣе. Не знаешь ты хорошенько самъ своей любви. Игрушка для тебя эта дѣвушка, Семенъ, и любишь ты себя больше ея. Постороннее она для тебя дѣло, Семенъ, а главное—ты самъ. Остановился ты передъ ней на минуту, а глаза у тебя все на гору глядятъ, куда тебѣ путь лежитъ... Опротивѣетъ тебѣ жена, какъ помѣха, надоѣстъ какъ лишняя тяжесть: оставишь ты ее посередь дороги!

— Запомнилъ я урокъ, баринъ, и пересказываю его слово въ слово. Сидѣлъ я словно школьникъ передъ молодымъ купцомъ, который былъ мнѣ ровесникъ по лѣтамъ. Сердце у меня ныло отъ досады, что говоритъ онъ со мной точно прирожденный командиръ; бороться же съ нимъ не хватало силъ. Зло посмотрѣлъ я на него и спросилъ:

— Любитъ ли она тебя?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ твердо.

— Такъ какъ же ты жениться хочешь?—воскликнулъ я радостно.

— Постарайся выслушать меня, Семенъ Логинычъ, безъ гнѣва и злобы. Рѣшился я жениться на ней потому, что знаю навѣрное: никто кромѣ меня не составитъ ея счастія. Съ малолѣтства еще видѣлъ я ея тревоги и самъ въ десять лѣтъ зерна не потерялъ изъ страсти, которая гораздо раньше до тебя началась. Пріѣхалъ я сюда поглядѣть, что́ дѣлаетъ она, и вижу, бѣжитъ ребенокъ подъ оврагъ... Гуляй онъ смирно, по ровной дорогѣ — только вы бы меня и видѣли: жалко мнѣ сдѣлалось смертельно... Ворочу его назадъ, успокою, дамъ отдохнуть на рукахъ своихъ. Не нужно мнѣ покамѣстъ ни любви, ни ласки его,—лишь бы ожилъ, въ себя пришелъ, кругомъ оглядѣлся, а тамъ... а тамъ, Семенъ Логинычъ, что́ Богъ дастъ.

— Не могу разстаться съ такимъ сокровищемъ,—сказалъ я:— не могу.

— Это твое послѣднее слово, Семенъ? подумай.

Подумалъ я и опять отвѣчаю:

— Не могу, Владиміръ Александрычъ, не могу.

Опустилъ онъ голову внизъ, руку на спинку кровати положилъ и говоритъ:

— Ну, стало, моя очередь... очень хорошо... мнѣ же къ этому и не привыкать. Будь по твоему, Семенъ; но теперь условіе, братецъ... Рѣшился ты загубить одну душу — дѣлай, твой отвѣтъ! Только добывай поскорѣй себѣ позволеніе, выправляй свои бумаги, ломи къ концу, какъ знаешь,—это твое дѣло, но чтобъ была она твоей женой. Поиграть же ею и забросить какъ мячикъ... нельзя этого, Семенъ!

— Молчалъ я—и подумать о женитьбѣ страшно было. Всталъ купецъ на ноги блѣдный, преблѣдный, и все говоритъ:

— Если замыслилъ ты другое, встрѣтишь ты человѣка, который не отступитъ... Съ этого дня прикованъ ты ко мнѣ лучше чѣмъ цѣпями, и нельзя тебѣ пошевелиться безъ моего спроса. Срослись мы, Семенъ. Нажилъ ты себѣ пару глазъ и пару рукъ, которые поправятъ, что́ неловко другія двѣ пары сдѣлаютъ. Помни это, и затѣмъ прощай!

— Заговорила наконецъ во мнѣ совѣсть, и купецъ, правду сказать, дѣло мое по ниткѣ разобралъ, такъ что страшно и совѣстно самому сдѣлалось.

— Помедли, батюшка Владиміръ Александрычъ, — молвилъ

я:—дай подумать мнѣ... въ головѣ у меня такая путаница... сообразить ничего не могу.

— Подумай, ради Бога, Семенъ Логинычъ, подумай! — отвѣчалъ онъ, хватая меня за руку:—завтра рано утромъ къ тебѣ за отвѣтомъ приду.

— Какъ я эту ночь провелъ, не нужно тебѣ и говорить, баринъ. Ходилъ я по комнатѣ до зари, плакалъ и руками голову билъ; а на зарѣ пришелъ ко мнѣ купецъ... глаза мутные и синіе такіе. Видно и онъ эту ночь не спалъ.

— Что́?—спросилъ онъ.

— Твоя!—отвѣчалъ я.—Не приходится мнѣ съ нею жить, а наперекоръ совѣсти жить не хочу... Бери ее себѣ, а я отсюда, завязавъ глаза, убѣгу.

— Нѣтъ, этого мало,—возразилъ купецъ:—сперва надо дѣло дѣлать. Ступай ты къ ней и самъ скажи, что́ теперь придумалъ.

Ноги у меня подкосились, застоналъ я и пощады сталъ просить у него.

— Сжалься, батюшка Владиміръ Александрычъ, помилуй меня, сними съ меня эту должность. Силъ моихъ не хватитъ и не переживу я этого.

— Нельзя, нельзя, Семенъ Логинычъ,—говорилъ купецъ ласково и твердо.—Заслуга твоя не въ заслугу будетъ, если на половинѣ дороги остановишься. Хочешь ты спасти человѣка, а за аршинъ до берега тяжело становится и опять его въ воду бросаешь... И усталость твоя не въ великой цѣнѣ будетъ предъ людьми и собственной совѣстью. Доплывай, Семенъ Логинычъ, доплывай... для тебя же прошу!

— Точно привороженъ я былъ къ этому человѣку, и дѣлалъ онъ изъ меня все, что́ хотѣлъ. Поплелся я вечеромъ въ домъ купца. Что́ у насъ было съ Марьей Васильевной, не приходится разсказывать. Привязалась она ко мнѣ, плакала у меня на рукахъ, оттолкнулъ я ее и ушелъ: все сдѣлалъ, какъ молодой купецъ приказывалъ. Выбѣжалъ я изъ дому самъ не свой; врагъ мой уже ходилъ по улицѣ взадъ и впередъ, и прямо ко мнѣ, какъ только завидѣлъ:

— Не боишься ты подходить ко мнѣ?—спросилъ я его сурово.

— Не боюсь,—отвѣчалъ купецъ:—и прощу, если бы что́ со мной и приключилось теперь... Помни, Семенъ, нажилъ ты друга, а еще болѣе великую себѣ отраду на всю жизнь...

— Я убѣжалъ отъ него что́ было мочи въ ногахъ.

— Теперь ты понимаешь, баринъ, откуда я деньги получилъ По первому извѣстію, я уже догадался, отъ кого идетъ посылка. Смо-

трѣлъ я на пакетъ долго,—адресъ мой: крестьянину Семену Логинову Ведрову; распечаталъ его: ничего нѣтъ, кромѣ бѣлой бумаги, въ которую деньги были завернуты. Его дѣло! Загорѣлась у меня опять голова, вспомнилось мнѣ все прошлое, поднялась гордость наверхъ и старая язва заболѣла по прежнему. Сталъ я мять деньги и говорить себѣ: „Отошлю ему назадъ іудино серебро! Кто его просилъ денегъ мнѣ слать? Злой онъ человѣкъ! унизить меня онъ хочетъ и послѣднее утѣшеніе въ горѣ отнять. Назадъ ему деньги! Милостыни, кажись, я еще не просилъ, а то, что́ сдѣлалъ — не продается!“ Однако, баринъ, кричалъ я: назадъ! денегъ же не отсылалъ; стали онѣ у меня выходить помаленьку. Нужда къ намъ крысой подкралась и теребила по клочкамъ: „вотъ, думаю, сколько уже годовъ старики мои и братья за меня всѣ повинности справляютъ,—отошлю имъ добрую часть: пусть знаютъ, что я у нихъ не нищій. Да и что́ же, въ самомъ дѣлѣ? и богатъ, и славно женатъ купецъ... Взялъ же онъ мое добро, не дрогнувъ,—беру его деньги“. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Оставилъ я за собой капиталъ, который и утащилъ меня ужъ совсѣмъ въ пропасть, на самое дно омута... Лучше бы я сдѣлалъ, если бы по первой мысли отослалъ его назадъ и остался при своей бѣдности.

— Ну—началъ я гадать—теперь поживу же я хоть годикъ на всемъ своемъ хотѣніи, потѣшусь я жизнью, которой еще не пробовалъ. Молодость моя уходитъ; недалеко время, когда о ней и помина не станетъ; а не видалъ я цвѣта ея, надо мнѣ узнать, сколько у свѣта радостей и потѣхъ; со стороны я ихъ еще только видѣлъ. Покуда я тормошилъ свой мозгъ, другіе веселились и будетъ имъ о чемъ вспомнить при старости. Нагоню же я ихъ, верну назадъ потерянное время: богачъ я на цѣлый годъ!

— Искуситель не могъ бы лучше этого совѣтъ дать.

— Вотъ и затѣялъ я нескончаемый пиръ. Растворилъ ворота своего дома настежъ: милости просимъ. Налѣзло ко мнѣ народу множество; а друзей, баринъ, друзей-то!... Господи Боже сколько!... Пошли у насъ съ ними шумные дни, а ночи еще шумнѣе. Весело было на сердцѣ не по-человѣчески, что сожигаю свое добро, которое и мнѣ на добрый вѣкъ стало бы. Надо тебѣ сказать, что развернулся я въ ту пору - какъ и самъ не ожидалъ: удаль взяла меня безумная. Снялъ я съ себя всякій надзоръ, очертя голову бросился въ омутъ и радовался, что вертитъ меня до обморока. Ничѣмъ не могъ я залить въ себѣ лихорадочнаго жару; только кончалась потѣха, выростала новая, покрѣпче стеблемъ и зерномъ погрубѣе. Нашло на меня сущее умапомраченіе! Ужъ мнѣ надобенъ былъ туманъ въ головѣ и сердцѣ, какъ роса полевымъ цвѣтамъ, и

дошелъ бы я до того непремѣнно, что понадобилась бы мнѣ и кромѣшная ночь, но Господь въ милосердіи своемъ наслалъ мнѣ тяжкую болѣзнь. Горячка повалила меня въ постель и прекратила новыя затѣи.

— А какъ поднялся я съ одра болѣзни, не было у меня болѣе друзей, не было, по прежнему, ремесла, не было твердой почвы подъ ногой, да не было уже и здоровья. Горько заплакалъ я и молиться сталъ. Чудное дѣло! Только тогда и вспомнилъ я отцовскій затѣтъ: „коль умаешься и устанешь не въ мѣру, никуда не ходи, а иди прямо къ намъ“. Только-что позволили мнѣ силы, собралъ я послѣднія свои крохи, котомку взвалилъ на плечи и отправился въ обратный путь во-свояси по той же дорогѣ, по которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодымъ парнемъ шелъ.

— Только разница была уже большая. Не прыгалъ я болѣе на пути, а еле-еле плелся; не задиралъ я проѣзжихъ и прохожихъ, а робко поглядывалъ на сторону; не игралъ у меня румянецъ на щекахъ, а крѣпко грудь побаливала. Не знаю, какъ я дотащился до дому, къ концу едва ноги передвигалъ, кашель замучилъ, однакожо дотянулъ кой-какъ. Помню, что пришелъ я къ отцовской избѣ къ вечеру, стучусь въ окно и ночлега прошу—впустили. Вошелъ я въ избу, лучина горитъ, старикъ мой съ костылемъ на скамейкѣ сидитъ, мать прилегла къ углу. „Да что́ же вы, родимые—сказалъ я—сына-то своего не встрѣчаете?“ Услыхала мой голосъ старуха (а она въ то время совсѣмъ ослѣпла), взвизгнула, кинулась мнѣ на шею, да такъ и замерла. Отецъ схватилъ меня одной рукой за руку, а другой за лучиной тянется. Добылъ лучину, обвелъ мнѣ лицо свѣтомъ, а лицо было у меня страдное тогда,—бросилъ лучину и заплакалъ: „ну—говоритъ—сдержалъ ты зарокъ: замаялся до смерти.—„Полноте плакать, родимые—отвѣчалъ я—пришелъ къ вамъ добрый сынъ и хорошій работникъ, а съ этого не плачутъ!“ Прибѣжали съ села братья и сестры мои, съ женами и мужьями... у иныхъ уже и подросточки были. Обступили меня всѣ кругомъ и какъ на чудо смотрятъ... Былъ я точно чудо, только никогда не мыслилъ я о такомъ!

— Прожилъ я безъ малаго три года со стариками своими, отъ работы не отказывался и потруднѣе какая выбиралъ. Отецъ останавливалъ, да мнѣ работа нужна была, чтобъ память притупить... На третій годъ старики одинъ за другимъ примерли; положилъ я ихъ вмѣстѣ. Еще при жизни ихъ женился я: жена у меня женщина скромная, тихая, добрая... Дѣтей намъ Богъ не далъ съ нею. Послѣ смерти родимыхъ пусто сдѣлалось у насъ въ домѣ; я было хотѣлъ налечь на работу, такъ вотъ силъ нѣтъ. Видно здоровье

ушло отъ меня навсегда. А надо же что нибудь дѣлать! За землей ходить—много, домашнимъ трудомъ заниматься—мало: вотъ и выбралъ я себѣ ремесло, какъ видишь, баринъ.

— Ремесло это хорошее. Сказать ли тебѣ правду, баринъ? Еще и теперь отъ времени до времени заходятъ ко мнѣ вздорныя мысли, не улеглась еще проклятая кровь и иной часъ подыматься начинаетъ, словно молодость помянуть хочетъ, а корзина моя тутъ какъ пугало для ребенка. Накину ее на плечи, верстъ пятнадцать безъ присѣста сдѣлаю,—уляжется кровь, отупѣетъ мозгъ и голова сама на покой запросится. Ломаю я себя прилежно и такъ вѣкъ мой помаленьку доживаю, чай немного и хлопотать осталось. Вотъ тебѣ моя глупая исторія, которую ты такъ слышать хотѣлъ. Коротко я разсказалъ ее, а все больно длинна оказалась... Вотъ ужъ твой тарантасикъ подъѣзжаетъ...

— Неужто мы такъ разстанемся съ тобой, Семенъ Логинычъ? сказалъ я, подымаясь съ травы...

— А чего же еще ждать намъ? отвѣчалъ онъ.—Спасибо, что терпѣливо выслушалъ мои розсказни; мнѣ и самому отъ нихъ легче сдѣлалось: давно, знаешь, не болталъ. И ты не въ обидѣ: заняло это тебѣ часокъ времени, а можетъ и польза какая будетъ, хоть примѣромъ узнаешь, какія нелѣпицы могутъ забрести въ голову и самому простому человѣку... Прощай, баринъ, будь здоровъ.

Онъ принялся за корзину.

— Послушай, Семенъ Логинычъ, возразилъ я, взявъ его за руку:—у меня есть мѣсто въ тарантасѣ; позволь мнѣ предложить...

— А развѣ ты знаешь, куда мнѣ надобно? Нѣтъ ужъ, сызнова знакомства начинать, баринъ, мнѣ не приходится... И нельзя совсѣмъ, прибавилъ онъ мягкимъ голосомъ:—я такъ привыкъ къ пѣшему хожденію, что въ вашихъ экипажахъ, господа, голова у меня кружится.

— Ну, хоть до первой деревни, Семенъ Логинычъ, упрашивалъ я его:—до первой только деревни: тамъ мы напьемся чаю, а потомъ и разойдемся въ разныя стороны.

Семенъ Логинычъ взвалилъ корзины на плечи, взялъ мои руки своими, крѣпко потрясъ ихъ и, не отвѣчая, повернулся отъ меня, направляясь быстрымъ шагомъ къ кустамъ, окружавшимъ поляну, гдѣ мы бесѣдовали. Не успѣлъ я послать ему мое прощальное привѣтствіе, какъ онъ уже скрылся въ густой зелени ракитника и полевой вишни.

Я бросился къ тарантасу, вскочилъ на козла и видѣлъ, какъ лукошникъ пробирался черезъ лугъ на проселочную дорогу. Наступалъ вечеръ. Сухая фигура Ведрова, окрашенная румянымъ свѣ-

томъ, чрезвычайно ясно вырѣзывалась на чистомъ горизонтѣ... Онъ шелъ быстро, размахивая руками и опустивъ голову внизъ, по своему обыкновенію... Долго провожалъ я его глазами, до тѣхъ поръ, пока онъ все мелѣлъ въ пространствѣ, обратился въ точку... и наконецъ исчезъ изъ виду—навсегда для меня!

VIII.

Всякій, кто бывалъ въ провинціяхъ нашихъ, вѣроятно, сохраняетъ пріятное воспоминаніе о добродушныхъ ласкахъ, которыми окружали его, о всей готовности веселиться съ вами и даже для васъ исключительно. По-истинѣ, нигдѣ такъ *легко* не живется, какъ въ провинціи. Въ большихъ городахъ нравственныя способности человѣка какъ-то безпрестанно натянуты, здѣсь онѣ совершенно распускаются, не теряя, однакожъ, нисколько ни достоинства своего, ни сущности своей. Тамъ умственныя качества—только средства къ разнымъ далекимъ цѣлямъ и едва замѣтны самому себѣ; здѣсь человѣкъ уже начинаетъ ими наслаждаться, убаюкиваемый ровнымъ теченіемъ жизни. Столько свободнаго времени передъ нимъ, столько спокойствія кругомъ, что онъ незамѣтно выходитъ впередъ и развертываетъ всѣ природныя и пріобрѣтенныя духовныя богатства свои, самъ первый любуясь ими! Есть даже особеннаго рода любезность. Враги, напримѣръ, добродушно разсказываютъ о враждѣ своей всякому встрѣчному и даже о намѣреніяхъ поддѣть непріятеля, что́—трудно повѣрить! — и удается даже. Я убѣжденъ, что при напряженномъ состояніи духа отдыхъ въ провинціи долженъ всегда оказать цѣлительное дѣйствіе на человѣка.

Самыя удовольствія общества, почти не разнясь во внѣшней обстановкѣ со столичными, много отходятъ отъ нихъ въ сущности. Теченіе ихъ какъ-то своенравнѣе, причудливѣе, исполнено неожиданностей, часто весьма увлекательныхъ. Это похоже на импровизацію, гдѣ все заученное иногда вдругъ заслоняется одной мыслію, подсказанной вдохновеніемъ. Не рѣдкость встрѣтить здѣсь на самыхъ торжественныхъ вечерахъ простую дѣтскую рѣзвость,—не рѣдкость также повстрѣчаться съ цѣпью фантастическихъ мыслей, неимѣющихъ ничего общаго съ настоящею жизнью, но основательно продуманныхъ какой-нибудь пылкой головкой въ деревенской тиши. Да и какъ не быть здѣсь пріятнымъ эпизодамъ и отступленіямъ? Нѣкоторая часть молодыхъ дѣвицъ, вездѣ составляющихъ украшеніе общества, пріѣзжаетъ въ городъ изъ деревень своихъ въ эпоху

баловъ и продажи хлѣба родителями ихъ. Извините за послѣднюю черту; но статистика и поэзія всегда идутъ рядомъ въ провинціи. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ жажда обмѣна мыслей, встрѣчи съ новыми лицами, повѣрки самой себя другими чувствуется сильнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ она легко можетъ удовлетвориться. Отсюда живой, теплый оттѣнокъ, какой носятъ на себѣ почти всѣ вечера, и отсюда же множество превосходныхъ, оригинальныхъ выходокъ, которыя долго помнятся съ наслажденіемъ людьми, видѣвшими ихъ: такъ прелестны и такъ неожиданны бываютъ онѣ по бо́льшей части!

Немаловажную роль въ провинціальной жизни играютъ заѣзжіе господа. Заѣзжій господинъ съ самой умѣренной репутаціей встрѣчается какъ находка и особенно какъ явленіе, пріятно нарушающее однообразный ходъ жизни. Беззаботно можетъ онъ отдаться увлеченію похвалы даже самой преувеличенной, потому что если иногда и открывается подлогъ въ репутаціи, то открывается очень поздно — къ концу жизни, или когда заѣзжій господинъ поселился уже въ провинціи и, стало быть, потерялъ весь *интересъ*. До тѣхъ поръ самолюбіе его можетъ спокойно питаться роскошнѣйшей и сладчайшей пищей, отъ которой оно непремѣнно пуститъ ростокъ глубоко въ сердце и иногда совершенно переработаетъ человѣка. Бывали примѣры, что люди, считавшіеся всегда за молчаливыхъ и погруженныхъ въ себя людей, дѣлались въ провинціи говорунами и чуть-чуть не ораторами, — что люди, отличавшіеся прежде упорною застѣнчивостью, превращались здѣсь въ бойкихъ и развязныхъ. Пріятели, оставленные ими въ столицахъ, получая извѣстія объ ихъ успѣхахъ, нѣмѣли отъ удивленія. Что́ касается до истинно дѣльныхъ заѣзжихъ, приберегающихъ свою мысль и свои способности на случай настоящей надобности, ссылаюсь на нихъ самихъ. Какимъ вниманіемъ награждались ихъ общія мѣста, какъ блеклые цвѣты ихъ будничной одежды принимались еще за щегольской нарядъ! Это безкорыстное желаніе доставить удовольствіе другому совершенно трогательно.

И потомъ — нигдѣ нѣтъ столько свѣжести въ первыхъ проявленіяхъ дружбы и привязанности между молодыми людьми. Какъ хотите, но чувство въ большихъ городахъ разорвано всѣми предметами общей занимательности, которые тамъ встрѣчаются: здѣсь — оно сосредоточено на себѣ самомъ. Спросите объ этомъ любого молодого человѣка, бывавшаго въ провинціи, — онъ вамъ скажетъ, что первая и лучшая его любовь зачалась... и увы! осталась *тамъ*. Да оно и понятно. Сюда пріѣзжаютъ обыкновенно въ свой домъ, чтобъ видѣть предупредительныя ласки родныхъ и близкихъ, — въ свой го-

родъ—родину, чтобъ не имѣть никакой другой заботы, кромѣ заботы отвѣчать признательностію на тысячи добродушныхъ привѣтствій,—въ среду семействъ, извѣстныхъ вамъ съ малолѣтства, и гдѣ пріемъ тѣмъ проще и откровеннѣе, чѣмъ короче срокъ вашего пребыванія на мѣстѣ. Половина дороги сдѣлана, прежде чѣмъ сердца успѣли подать голосъ. А тамъ, когда обнаружится взаимное расположеніе, надо торопиться быть счастливымъ, надо успѣть отдать другъ другу всѣ свои мысли, свои надежды, свои мечты...

Въ жизни моей числится одна провинціальная зима, драгоцѣнная для меня по множеству подробностей, весьма наставительныхъ и служащихъ какъ-бы поясненіемъ или продолженіемъ мыслей, сейчасъ высказанныхъ мной. Она глубоко врѣзалась въ мою память, и я прошу позволенія подѣлиться съ вами частію тѣхъ впечатлѣній, которыя она во мнѣ оставила.

Начать съ того, что въ нѣкоторомъ губернскомъ городѣ жила у меня старая и дальняя родственница, съ дочкой Соничкой, приходившейся мнѣ внучатной... не то сестрой, не то племянницей, но которую въ обыкновенномъ разговорѣ именовалъ я, для краткости, кузиной. Кузину свою я видѣлъ въ послѣдній разъ ребенкомъ, который, входя въ комнату, останавливался нѣсколько, отдвигалъ ножку и чинно присѣдалъ, а теперь встрѣтилъ уже взрослой дѣвушкой, смотрѣвшей на меня нѣсколько испытующимъ взоромъ. Впрочемъ, эта разница, произведенная годами, не существовала для ея матери. Съ перваго же нашего свиданія старушка воскликнула:

— Ахъ, батюшка, что́ ты это вздумалъ ей *вы* говорить. Прошу съ нами запросто—на *ты* быть. Ей еще можно, а ужъ тебѣ не слѣдъ. Ты ее на рукахъ таскалъ...

И такъ далѣе.

Разумѣется, я не послушался старухи. Начать знакомство прямо съ *ты* значило добровольно остановить все естественное развитіе знакомства, да, вѣроятно, и кузина встрѣтила какое-нибудь нравственное препятствіе въ исполненіи строгихъ предписаній своей матери,—только сперва мы избѣгали мѣстоименій, а потомъ уже говорили, какъ хотѣли. Это само по себѣ ничтожное обстоятельство поселило въ кузинѣ нѣкотораго рода довѣріе къ моей особѣ. Никогда не сблизилась бы она со мной такъ скоро, если бы мѣстоименіе, преимущественно относящееся къ высокому слогу, стучало ей безпрестанно въ уши какъ мѣдный млатъ.

Второю ступенью для начинающейся дружбы нашей послужили рондо, варіяціи, ноктурны, фантазіи, въ изобиліи лежавшія на фортепьянахъ и этажеркахъ. Всегда предполагается, что человѣкъ, внимательно слушающій музыку, находится въ одинаковомъ душев-

номъ настроеніи съ виртуозомъ. Изъ этого уже само собой слѣдуетъ, что человѣкъ, каждый день слушающій музыку отъ одного и того же артиста, обязанъ съ нимъ обрѣтаться въ совершенно родственныхъ душевныхъ сношеніяхъ. Иначе зачѣмъ же бы ему сидѣть, задумавшись, у фортеньяно, и довольно долгое время. Мало-по-малу музыка теряетъ свое собственное значеніе, дѣлается служительницей земныхъ цѣлей, становится проводникомъ дружбы, предлогомъ для уединенныхъ бесѣдъ, облегчительнымъ средствомъ для всякаго рода признаній. Нѣтъ сомнѣнія, музыка унижается; задушевныя связи много выигрываютъ отъ униженія ея.

Въ порядкѣ возобновленія стараго моего знакомства съ кузиной, тотчасъ за фортеньяно начинаетъ играть немаловажную роль большой красный альбомъ съ бронзовыми застежками. Онъ заключалъ въ себѣ всѣ ея рисунки акварелью, разноцвѣтными карандашами, сухими красками, и былъ мнѣ выданъ съ многозначительнымъ видомъ, который говорилъ: „Понимаете ли, что́ я для васъ дѣлаю?“ Вѣроятно, я принялъ его съ выраженіемъ глубокой признательности, потому что альбомъ оставили у меня въ рукахъ и позволили любоваться имъ во всякое время. И было чѣмъ. Тамъ находился безподобный *Андернахъ!* На берегу рѣки осьмиугольная башня, четыре стѣны замка безъ крыши, надъ ними какая-то перекладина — вѣроятно, насосъ для снабженія города водою, — вдали нѣсколько домовъ и фабрикъ! *Гибралтаръ ночью* — былъ, можетъ быть, еще замѣчательнѣе. Онъ представлялъ родъ небеснаго и земного амфитеатра, чрезвычайно эффектнаго. Море, надъ моремъ тучи, надъ тучами высокая скала, надъ скалою крѣпость, надъ крѣпостью луна въ полномъ своемъ блескѣ! Кромѣ того, въ альбомѣ находились карикатуры, смягченныя, впрочемъ, тонкимъ женскимъ вкусомъ, нѣсколько шалостей, такъ сказать, таланта, и между ними двѣ-три фантазіи собственнаго изобрѣтенія художницы. Фантазіи эти открывали тайную ея мысль, направленіе *мечтательныхъ* идей, и были, вѣроятно, главною причиною, почему альбомъ вручался только посвященнымъ, и то уже послѣ нѣкотораго искуса.

Наконецъ, вся эта выставка талантовъ, способствующая развитію близкихъ отношеній, довершилась послѣднимъ талантомъ кузины, предъ которымъ не всякій устоитъ. Она умѣла приготовлять грибы какъ никто... Разъ утромъ я не нашелъ Софьи Павловны въ ея рабочемъ кабинетѣ и по указанію старой родственницы долженъ былъ отыскивать ее, къ великому моему изумленію, на кухнѣ. Тамъ засталъ я ее въ платьицѣ съ коротенькими рукавами и въ бѣломъ передничкѣ за блюдомъ грибовъ, о которыхъ я проговорился накапунѣ и которые она сама очень жаловала... Грибы вышли объ-

яденіе, а что́ еще болѣе—они окончательно установили между нами прочную дружбу. Съ тѣхъ поръ мы уже рѣшительно не имѣли ни малѣйшей тайны другъ отъ друга!

Я совсѣмъ не убѣжденъ, что роль наперсника даже и въ трагедіи такъ пошла, какъ обыкновенно у насъ говорятъ о ней. Въ дѣйствительности же я просто не знаю ничего пріятнѣе и важнѣе участи наперсника при хорошемъ человѣкѣ, или при молодой, много обѣщающей женщинѣ. Сдѣлавшись наперсникомъ своей кузины, я съ постоянно возрастающимъ наслажденіемъ слѣдилъ за первыми искрами пробужденной ея наблюдательности, за первыми проявленіями практическаго смысла! Впрочемъ, если говорить безъ лести, то Софьѣ Павловнѣ не на чемъ было изощрить свой взглядъ и свой вкусъ. Дѣвушка эта просто походила на бѣлую тетрадь бумаги, куда можно было вписать все, что́ угодно. Она любила читать комедіи и смѣяться до слезъ; трогательныя повѣсти составляли ея наслажденіе,—отъ ужасной драмы оторваться не могла. Сидѣть дома за работой называла блаженствомъ, исходить нѣсколько верстъ пѣшкомъ называла тоже блаженствомъ. Танцовать умѣренно почитала наслажденіемъ—и черезъ минуту прибавляла, что если танцовать, такъ ужъ до упаду. Поутру она пила то чай, то кофе, и всякій разъ говорила, что поутру надо непремѣнно чай пить, или непремѣнно кофе пить. Наконецъ, при оцѣнкѣ красоты, она признавалась, что смуглый цвѣтъ лица составляетъ ея очарованіе—и тотчасъ же поправляла себя замѣчаніемъ, что бѣлый цвѣтъ врядъ ли еще не сильнѣе дѣйствуетъ на ея воображеніе... Понятно, что обо всѣхъ этихъ предметахъ бывали у насъ весьма долгіе и весьма подробные разговоры, которые подъ конецъ меня совсѣмъ и съ толку сбили. Не было никакой возможности дознаться истинныхъ ея наклонностей! Я принужденъ былъ, для успокоенія собственной пытливости ума, вывести заключеніе, что кузинѣ все на свѣтѣ нравится... Счастливая кузина!

Но, увы! не бываетъ на землѣ полнаго совершенства. Въ характерѣ Софьи Павловны обрѣталась одна смѣшная и странная черта, сводившая ее до ряда обыкновенныхъ провинціалокъ, которыя нѣсколько уже разъ въ комедіяхъ и повѣстяхъ выставляемы были. Софья Павловна именно питала неизъяснимое, суевѣрное уваженіе, смѣшанное съ ребяческимъ страхомъ, къ лицамъ, имѣвшимъ счастіе родиться и пребывать въ столицахъ. Ей казалось, что умъ, образованность и всевозможныя достоинства должны быть исключительнымъ удѣломъ такихъ счастливцевъ. Какъ ни старался я объ искорененіи этого предразсудка, но всѣ усилія мои остались тщетны.

Она выслушивала мои опроверженія, сомнительно качала головой и при особенно рѣзкихъ чертахъ, произносила:

— Какъ же можно? *Тамъ* этого не потерпятъ!

Полагать надобно, все несчастіе произошло оттого, что у ней никого знакомыхъ *оттуда* не было.

Право, стоило бы послушать, что́ она такое говорила о блестящемъ молодомъ человѣкѣ, который лучшій свѣтъ видѣлъ, а на остальной долженъ смотрѣть съ горестнымъ сожалѣніемъ. По ея словамъ, если сложить всю любезность, всю ироницательность и ловкость провинціи, такъ это еще не можетъ дать ни малѣйшаго понятія *о немъ*. Она добродушно сознавалась, что даже робѣетъ при одной мысли встрѣтиться когда-нибудь съ такимъ человѣкомъ: онъ разомъ угадаетъ всѣ ея мысли и задастъ такіе вопросы, такіе вопросы, на которые она никакъ отвѣчать не съумѣетъ. Наконецъ, Софья Павловна просто говорила, что умретъ отъ стыда и страху, лишь только онъ заговоритъ съ ней.

Огорченный разъ всѣмъ этимъ вздоромъ, я спросилъ ее съ досадою:

— Да отчего же вы меня не боитесь, Софья Павловна? Я, кажись, тоже прибылъ изъ столицы!... Отчего же вы передо мной не робѣете, позвольте спросить?

— Во-первыхъ,—отвѣчала она:—вы не красавецъ, а потомъ—въ васъ нѣтъ никакой хитрости: чего же васъ бояться?

Я, разумѣется, огорчился еще болѣе, но промолчалъ.

Впрочемъ, обсудивъ дѣло хладнокровнѣе, я вскорѣ совершенно примирился съ Соничкой. Вѣдь съ перваго разу ясно было, что блестящій человѣкъ, предъ которымъ слѣдовало трепетать, былъ не что иное, какъ *идеалъ*. Требовать, чтобъ молодая дѣвушка не имѣла идеала, значило обнаружить въ одно время и много жестокости, и много ребячества. Какъ же ей жить безъ идеала? Опровергать идеалъ—тоже работа довольно пустая: можетъ явиться другой, еще несообразнѣе. Я уже былъ и тѣмъ доволенъ, что *идеалъ* Сонички, по крайней мѣрѣ, принадлежалъ сему свѣту, а не состоялъ изъ пара, воздушнаго видѣнія и другихъ пустяковъ, какъ у многихъ.

По всему этому я оставилъ кузину свою въ покоѣ и занялся съ нею преимущественно разспросами о жителяхъ города, и отвѣты ея были по бо́льшей части весьма удовлетворительны: я узналъ имена всѣхъ обывателей и обывательницъ, съ приблизительнымъ обозначеніемъ ихъ годовъ и съ замѣтками объ ихъ характерахъ, упрощенными до крайности: „эта очень веселая, тотъ скучный и говоритъ въ носъ,—преумная, но нехороша собою,—гордъ и любитъ

вино за столомъ“ и т. п. Въ такихъ бесѣдахъ провели мы добрую часть осени; подходила зима со всѣми ея удовольствіями, и никто изъ насъ тогда не воображалъ, что въ теченіи ея мы встрѣтимъ каждый по находкѣ: Соничка—свой *идеалъ* въ дѣйствительности, а я—знакомаго по Петербургу.

При самомъ началѣ *сезона*, какъ говорятъ здѣсь, разнесся слухъ о скоромъ прибытіи Александра Алексѣича Хвостикова. Извѣстіе это, въ сущности весьма маловажное, получило довольно сильное значеніе отъ побочныхъ обстоятельствъ. Александръ Алексѣичъ родился въ губерніи и покинулъ ее въ такомъ возрастѣ, когда еще нельзя распознать, будетъ ли изъ человѣка дѣльный человѣкъ, или шалунъ никуда негодный. Онъ оказался дѣльнымъ человѣкомъ и ѣхалъ на родину уже послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ въ обществѣ и въ службѣ. Само собой разумѣется, что земляки Хвостикова не могли оставаться равнодушными къ счастливому обороту, принятому его дѣлами, и говорили объ особѣ его съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

Пошли продолжительные толки о будущемъ гостѣ.

Чѣмъ болѣе шли продолжительные толки о будущемъ гостѣ, тѣмъ сильнѣе и яснѣе овладѣвало Соничкой какое-то безпокойство. Ни съ того, ни съ сего, начала она вдругъ тосковать по деревнѣ и спокойной жизни въ ихъ старомъ домѣ. Причины внезапнаго расположенія къ старому дому, впрочемъ, были самыя основательныя: городскіе вечера и собранія, увѣряла она, требуютъ много издержекъ, а еще болѣе хлопотъ и приготовленій: ни одной минуты нѣтъ для самой себя! Противъ этого не могло быть возраженій, и участь кузины дѣйствительно становилась жалка; вотъ почему, вѣроятно, ни она сама и никто въ семействѣ не подумали объ отъѣздѣ въ степь. Скажу болѣе: чѣмъ сильнѣе росла въ Соничкѣ любовь къ уединенію, тѣмъ внимательнѣе дѣлалась она ко всему, что́ говорилось вокругъ нея. Относительно предмета, занимавшаго умы въ ту эпоху, она вела себя превосходно. Любопытство ея не обнаружилось ни однимъ вопросомъ; но она не пропускала мимо ушей, какъ я замѣтилъ, ничего, что́ носилось по стогнамъ нашего города объ отличныхъ качествахъ Хвостикова. Мнѣ показалось даже, что съ нѣкотораго времени Соничка какъ будто вдумывается во что нибудь—словно хочетъ изъ набраннаго матеріала составить чью-нибудь фигуру. Это родъ игры, свойственный очень молодымъ дѣвушкамъ.

— Неужто вы ничего не слыхали объ Александрѣ Алексѣичѣ Хвостиковѣ въ Петербургѣ?—спросила она меня разъ.

— Какъ же не слыхать-съ!... Вѣдь я веду съ нимъ шапочное знакомство.

— Вы знакомы съ нимъ!... воскликнула кузина съ такимъ выраженіемъ удивленія, какъ будто у меня изъ головы ракета вылетѣла:—зачѣмъ же вы до сихъ поръ не сказали этого?

— Это потому, что я не люблю хвастаться, Софья Павловна. Теперь ужъ какъ секретъ открытъ, могу вамъ сказать, что Александръ Алексѣичъ удостоивалъ меня прежде своихъ милостей...

— Ну, полноте... А каковъ онъ?

— То-есть наружными примѣтами... Высокъ, бѣлокуръ, глаза голубые, лицомъ чистъ, бороду...

— Я васъ спрашиваю, какъ вы находите толки о немъ у насъ въ городѣ... что́ съ вами сдѣлалось?

— Всѣ толки о немъ у васъ въ городѣ гораздо ниже того, чего сто́итъ Александръ Алексѣичъ.

— Такъ, стало быть, онъ очень, очень уменъ?

— Онъ очень, очень уменъ.

— И совершенно *свѣтскій* человѣкъ?

— И совершенно *свѣтскій* человѣкъ.

Соничка замолчала и болѣе уже ни слова не говорила о Хвостиковѣ, до самаго его пріѣзда, воспослѣдовавшаго, какъ теперь помню, 1 декабря, въ среду, поздно вечеромъ.

А замѣчательный былъ человѣкъ этотъ Хвостиковъ! Начиная съ костюма и до способности держать себя въ людяхъ, что́ за благородство, что́ за умѣнье! Извѣстно, что костюмъ, какъ тлѣнная вещь, есть дѣло пустое; но у нѣкоторыхъ онъ пріобрѣтаетъ значеніе почти наравнѣ съ физіономіей. Хвостиковъ, напримѣръ, и въ нравственномъ отношеніи былъ точно какъ платье его—передуманъ весь основательно до малѣйшей подробности: ничего выдающагося, ничего замѣтнаго, все вмѣстѣ эффектно, хорошо, прилично. Касательно послѣдняго можно было назвать Александра Алексѣича энтузіастомъ приличія. За то и присутствіе его чувствовалось вездѣ, и, такъ сказать, чувствовалось физически. Онъ былъ великій мастеръ говорить тихо и ровно, когда всѣ вокругъ его орали; онъ умѣлъ не смѣяться именно въ то время, какъ всѣ хохотали до упаду... Въ самое первое время молодости онъ уже былъ изгнанъ изъ общихъ потѣхъ товарищами, утверждавшими, что онъ способенъ на одну забаву — уничтожать всѣ другія. Печальная участь всякаго превосходства! Рано освободясь отъ заблужденій молодости, Хвостиковъ весь углубился въ осмотръ и выдѣлку собственной персоны и дѣйствительно пріобрѣлъ оригинальную физіономію, полную достоинства и спокойствія! Вторымъ его кумиромъ, послѣ приличія и благовидности, были свободныя искусства. Съ какой душевной теплотой, хотя и воздержно по обыкновенію, говорилъ онъ объ искус-

ствахъ и художествахъ! Онъ называлъ ихъ единственной забавой избранныхъ людей, одаренныхъ нѣжною, артистическою организаціею. Понятно, что все это, при счастливой наружности (онъ былъ недуренъ собой и очень хорошо сложенъ), при неизмѣнной учтивости его со всѣми и съ каждымъ, располагало къ нему чрезвычайно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ пугаломъ людей неосмотрительныхъ, живущихъ какъ живется, гуляющихъ по свѣту па-распашку. Умѣренность выраженій его, строгое воздержаніе отъ осужденія постороннихъ, хладнокровное молчаніе при ихъ уклоненіяхъ, а потомъ чистота мысли и языка, достоинство въ обращеніи,—все клонилось къ тому, чтобъ сдѣлать изъ Александра Алексѣича страшилище для всякаго черезчуръ живого проявленія мысли или чувства. Въ его присутствіи удовольствіе безразсчетное невольно смущалось, и излишняя горячность и увлеченіе къ чему бы то ни было притихали сами собою.

На первомъ же вечерѣ всѣ высокія достоинства Хвостикова проявились блестящимъ образомъ. Сдержанность всѣхъ его рѣчей и поступковъ, изящная простота обращенія поразили даже тѣхъ, которые не расположены были стремглавъ летѣть въ объятія къ нему. Хвостиковъ былъ просто героемъ бала и тутъ же перезнакомился со всѣмъ собраніемъ. Онъ подошелъ также къ Соничкѣ. Я видѣлъ, какъ она покраснѣла, смѣялась и что-то говорила. „Ну,—подумалъ я,—вотъ и здѣсь происходитъ встрѣча *Мечты и Жизни*:.. дай Богъ въ добрый часъ!“

Хвостиковъ вскорѣ оставилъ мою бѣдную кузину и усѣлся возлѣ г-жи Яицкой, старой своей знакомой, покровительству которой вручилъ себя по прибытіи въ городъ. Г-жа Яицкая была у насъ прежде *модной* дамой, но съ годами изъ модной сдѣлалась сердитой и желчной дамой, что́ легко можетъ случиться.

На другой день, давъ себѣ и всѣмъ другимъ выспаться, я отправился сперва къ Хвостикову, чтобъ узнать его мысли о прошломъ балѣ, а потомъ къ Соничкѣ, чтобъ узнать ея мысли о Хвостиковѣ.

Послѣднюю я засталъ въ рабочей комнатѣ и послѣ первыхъ привѣтствій тотчасъ же спросилъ:

— Ну, вотъ вы вчера познакомились съ Хвостиковымъ: какъ онъ вамъ показался?

— Я ничего не замѣтила,—отвѣчала Соничка.—Я только и думала, что́ буду отвѣчать, когда онъ подойдетъ знакомиться. Помню, что у меня чуть-чуть слезы не выступили отъ замѣшательства, когда онъ подошелъ, а что́ я ему отвѣчала—не помню. Я должна была показаться ему ужасной простофилей. Я просто осрамилась передъ нимъ.

— Въ утѣшеніе вамъ скажу, кузина, что я смотрѣлъ на васъ въ это время: замѣшательство къ вамъ очень идетъ.

— Покорно благодарю... да Богъ съ нимъ! А вотъ что́ впередъ будетъ—не могу я подумать безъ ужаса. Переломить своей робости я не въ состояніи: это сверхъ силъ моихъ; между тѣмъ Александръ Алексѣичъ къ намъ непремѣнно явится,—скоро явится. Что́ я буду дѣлать? Не оставаться же мнѣ навсегда провинціальной дурочкой въ его глазахъ... Это ужасно!

— Да кто вамъ сказалъ, что у него такіе злые глаза. Я, напримѣръ, сейчасъ только отъ Александра Алексѣича и знаю, что онъ въ восхищеніи отъ нашего бала.

— Что́ онъ говоритъ?—спросила Соничка съ особенною живостью.

— Много говоритъ хорошаго. Спрашивалъ меня, гдѣ мы могли достать такихъ отличныхъ сардинъ на ужинъ. Объ оркестрѣ отзывался снисходительно: и въ „Петербургѣ—замѣтилъ—трудно найти хорошій бальный оркестръ, часто и тамъ требуютъ одного, чтобъ уши не дралъ и не сбивался съ такта, а на все прочее смотрятъ сквозь пальцы“. Костюмы дамъ нашелъ очень удовлетворительными. Почти никакихъ несообразностей—все какъ нельзя приличнѣе. Наконецъ, онъ меня поздравлялъ...

— Это съ чѣмъ!

— Да вы, говоритъ, кажется, числитесь съ родни одной молодой дѣвушкѣ... забылъ фамилію. Замѣчательная, говоритъ, дѣвушка! Несмотря на застѣнчивость, манеры ея очень благородны, и въ глазахъ много ума. Я ей, говоритъ, предрекаю блестящую будущность со временемъ...

Соничка вспыхнула, наклонилась къ работѣ и ничего не отвѣчала. Наступила минута тяжелаго молчанія, которую я прервалъ, взявъ извѣстный красный альбомъ и сказавъ при одномъ изъ его рисунковъ:

— А знаете ли, Софья Павловна, вамъ это очень удалось. *Искія* у васъ тутъ отличная. Тонъ воздуха, прозрачность воды, перспектива горъ,—все очень хорошо.

— Покажите-ка,—сказала Соничка, взяла альбомъ, поглядѣла на картинку и прибавила:—точно, вамъ нравится?

— Какъ честный, благородный человѣкъ!... Очень, очень хорошо.

Тогда, безъ всякаго сожалѣнія къ великолѣпной книгѣ, Соничка взяла листикъ сверху и выдрала его однимъ разомъ.

— Вотъ вамъ *Искія*,—замѣтила она:—можете любоваться ею сколько угодно.

Я принялъ *Искію* медленно и, свернувъ ее, хладнокровно по-

ложилъ въ карманъ. Легко было догадаться, что подарокъ былъ сдѣланъ не мнѣ, а добрымъ вѣстямъ, принесеннымъ мной, отъ которыхъ и лицо кузины замѣтно повеселѣло, къ моему удовольствію.

И вотъ какимъ образомъ зарождается иногда на свѣтѣ *первая любовь*.

Предсказаніе Софьи Павловны сбылось совершенно. Александръ Алексѣичъ не замедлилъ явиться въ домъ ея матери, чтобъ довершить побѣду, которая, по-истинѣ, ему ничего не стоила. Онъ явился блестящій, какъ и всегда. Надо вамъ сказать, разговоръ Хвостикова отличался крайней обыкновенностью и поэтому самому имѣлъ особенное значеніе. Такъ ловко говорить вседневныя вещи, сообщать имъ лоскъ ума и тонкаго намѣренія — никто не могъ. Простое „здравствуйте", имъ сказанное, выходило столь значительно, что могло бы служить эпиграфомъ къ любой повѣсти. Нельзя было сыскать человѣка во всемъ мірѣ, который запомнилъ бы какое-нибудь замѣчаніе, слово, какую-нибудь мысль изъ бесѣдъ Хвостикова — и, однакожъ, по всеобщему признанію, бесѣды его были необыкновенно пріятны и занимательны. Какъ это дѣлалось — неизвѣстно. Пожалуй и можно было замѣтить, что онъ отдѣлывался отъ многихъ вопросовъ тѣми общими приговорами, которые и на улицѣ легко подобрать; что другіе, особенно затрогивающіе съ какой-либо стороны чувство благовидности, онъ проходилъ холоднымъ молчаніемъ, и пр.; но что́ же это значитъ? Талантъ сложить всѣ эти пріемы и посредствомъ ихъ произвести одинъ превосходный рисунокъ все-таки оставался за нимъ. Нельзя пропустить также и его отличной способности разработывать всѣ виды молчанія. Извѣстно, какое злоупотребленіе сдѣлалъ одинъ почтенный мужъ изъ *краснорѣчиваго* молчанія. Хвостиковъ пошелъ гораздо далѣе его. Молчаніе Хвостикова было не только краснорѣчиво, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно было цѣлая поэма, глубоко и разнообразно какъ море. Такого мастера молчать я и не видывалъ болѣе. И это еще не все.

Хвостикову чрезвычайно удавались средства, которыя другого привели бы непремѣнно къ погибели.... Онъ выигрывалъ, напримѣръ, расположеніе людей и ихъ удивленіе посредствомъ скуки. Понятно, что надо быть рожденнымъ для подобныхъ мѣръ, и что онѣ въ рукахъ подражателя или ученика послужатъ только къ ихъ паденію. Хвостиковъ былъ уже опытный человѣкъ въ этомъ дѣлѣ. Чѣмъ чаще сталъ онъ ѣздить въ домъ кузины, чѣмъ важнѣе и скучнѣе становился каждый вечеръ, — тѣмъ болѣе привязывалась къ нему Соничка, тѣмъ сильнѣе росли въ ней любовь и ослѣпленіе. Какъ ни странно покажется это съ перваго разу, но, поду-

мавъ хорошенько, можно отыскать психологическую причину явленія. Будь скука простая, незатѣйливая Соничка не выдержала бы и часу; но тутъ была чрезвычайная, великолѣпная скука, которая совершенно сковала молодое воображеніе дѣвушки.

Не прошло недѣли какъ она мнѣ говорила:

— Александръ Алексѣичъ большой знатокъ въ искусствахъ! Онъ разсуждаетъ о нихъ какъ книга. Мнѣ совѣстно теперь дѣлается смотрѣть на рояль: мы все такіе пустяки играемъ изъ оперъ, романсовъ. Не будь еще симфоніи, не стоило бы покупать инструмента! Музыка теперь пропала. Въ шестнадцатомъ столѣтіи была музыка! И живопись также нынче очень плоха. Чтó мы такое рисуемъ? Если бы я не боялась maman, право — бросила бы свой альбомъ въ печку. Въ тринадцатомъ, или, кажется, четырнадцатомъ, не помню хорошенько, столѣтіи была живопись отличная. Тогда привезли ее въ Италію изъ Греціи. Тутъ она развивалась удивительно. Рисовали не по нашему: художники всѣ были съ душой; отъ этого выходило спокойствіе на картинахъ и такая глубина.... Страстей совсѣмъ не было.... чистый взглядъ на все.... вездѣ *созерцаніе!*... А мы чтó дѣлаемъ?

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ; но будущее готовило мнѣ еще сильнѣйшіе сюрпризы.

Вскорѣ послѣ этого составился у насъ концертъ изъ благородныхъ любителей. Всѣ подобныя предпріятія въ провинціи имѣютъ видъ семейнаго праздника, гдѣ артистъ всегда робѣетъ ужасно, хотя похвала и радушные аплодисменты тутъ неизбѣжны, какъ люстра, освѣщающая залу. Судей въ такихъ случаяхъ собственно нѣтъ, а если и есть, то на лицахъ ихъ царствуетъ умиленіе, способное окрылить самое нерѣшительное дарованіе! Самъ концертъ даже не есть необходимость для успѣха концерта: можно было бы выпустить только афишку и тѣмъ доставить полное удовольствіе публикѣ. И право, становится досадно, когда подумаешь, что провинціальные литераторы могли испортить своими печатными описаніями эти домашнія увеселенія. По милости ихъ случается, что участники какого-либо удовольствія стоятъ передъ изображеніемъ своихъ подвиговъ въ такомъ же изумленіи, какъ если бы ихъ перенесли прямо въ Египетъ, передъ самую большую пирамиду! Впрочемъ, классъ провинціальныхъ литераторовъ заслуживаетъ уваженіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и особенно въ отношеніи скромности. Имена многихъ изъ нихъ неизвѣстны даже редакторамъ газетъ, гдѣ печатаются ихъ статьи: это несправедливо!

Нашъ концертъ былъ очень удаченъ. Хвостиковъ участвовалъ въ немъ наравнѣ съ другими; именно — онъ пѣлъ въ финалѣ вто-

рого акта „Фенеллы“, въ хорѣ, состоявшемъ изъ всѣхъ наличныхъ любителей. Это былъ послѣдній и самый эффектный нумеръ концерта; а покуда длились предшествующіе, Хвостиковъ стоялъ у самаго оркестра, лицомъ къ дамамъ, и отходилъ въ сторону при началѣ каждой пьесы. Онъ стоялъ и отходилъ равно хорошо. Въ стоячей позѣ его было много свободы, въ походкѣ—много мягкости. Въ залѣ находилась особа, для которой онъ былъ любопытнѣе всего концерта и которая слѣдила за всѣми его движеніями,—именно Соничка. Она просто не спускала съ него глазъ, какъ, впрочемъ, ни старалась показаться занятой музыкальными впечатлѣніями. Подавленная одной мыслію, Соничка почти и не замѣчала, что возлѣ нея, въ пустомъ креслѣ, тихонько присѣла бывшая модная дама, сдѣлавшаяся, по неумолимому закону времени, изъ модной—сердитой дамой. Кузина очнулась тогда, какъ madame Яицкая прошептала ей на ухо (всѣ подробности слышалъ отъ Сонички):

— M-lle Sophie! Вы слишкомъ долго смотрите на Хвостикова. Не сердитесь на меня: я вамъ желаю добра.

— Я не понимаю, что́ вы хотите сказать,—отвѣчала Соничка въ замѣшательствѣ;—смотрѣть можно на всѣхъ.

— Но не такъ! вы очарованы этимъ человѣкомъ; но вы не знаете, кто онъ. Выслушайте друга, который хочетъ васъ остановить... Я знаю его лучше васъ! Это ужаснѣйшій эгоистъ! Онъ бы рѣшился принесть въ жертву всѣхъ, кто здѣсь есть, если бы это нужно было только, чтобъ прибавить ему волосокъ въ бакенбардахъ. Хорошо еще, что онъ этого сдѣлать не можетъ. Это фальшивый человѣкъ! Онъ вамъ будетъ говорить о чувствахъ своихъ, а чувствъ у него никакихъ нѣтъ... Это чудовище! Втайнѣ онъ способенъ на всякій порокъ, а по наружности, посмотрите, какъ все на немъ пристойно... Одно это показываетъ, что́ онъ за человѣкъ. Я вамъ говорю отъ истиннаго сердца, ma bonne m-lle Sophie; мнѣ иногда страшно дѣлается смотрѣть на него. Онъ способенъ на преступленіе... и кто знаетъ?... Всѣ эти артисты съ блѣдными лицами...

— Но, madame Яицкая, зачѣмъ же мнѣ все это знать?—спросила Соничка въ негодованіи, не проронивъ, однакожъ, ни одного слова.

— Затѣмъ, что я хочу спасти васъ противу васъ самихъ. Сердитесь на меня сколько угодно; но долгъ, старая дружба, расположеніе къ вамъ...

Соничка едва дождалась конца. Какъ только прогремѣлъ финалъ второго акта „Фенеллы“, она увлекла мать свою изъ залы,

отказалась отъ всѣхъ приглашеній и, подъ предлогомъ болѣзни, заперлась у себя въ комнатѣ на цѣлыхъ два дня.

На третій день меня допустили къ кузинѣ, и я нашелъ ее въ состояніи вдохновенія, которое едва ли и описанію подлежать можетъ.

— Что́ это за человѣкъ,—говорила она:—что это за удивительный человѣкъ! Представьте: кругомъ его злые люди, клевета, самые дурные слухи, а онъ остается спокоенъ и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія! Скажите ему, что́ говорятъ про него; поручиться можно, онъ пожметъ плечами и шагу не сдѣлаетъ, чтобъ оправдаться. Другой бы на его мѣстѣ пришелъ въ ужасъ; но онъ!.. Онъ такъ выше всего, что ничѣмъ его оскорбить нельзя. За что́ же такъ привязываются къ нему люди? Боже мой! что́ онъ имъ сдѣлалъ? Развѣ не могутъ они выносить никакого благороднаго характера? На что́ они могутъ жаловаться? Вѣдь онъ съ ними вѣжливъ, добръ, снисходителенъ—точно съ дѣтьми! И ни однимъ знакомымъ не покажетъ, что сердце у него должно быть растерзано, что онъ обиженъ ихъ коварствомъ... Это удивительный, удивительный человѣкъ!

Просто сказать, я приросъ къ полу отъ изумленія. Въ голову мнѣ не приходило, что въ кузинѣ моей можетъ таиться великій ораторскій талантъ. Модная дама Яицкая оказала Соничкѣ великую услугу, подавъ ей поводъ выказать свои способности и разжечь любовь, которая и то хорошо горѣла безъ топлива, воздуха и понужденія.

Однако же, состояніе кузины начинало обезпокоивать меня! Я полагалъ всю мою надежду на Хвостикова. Къ несчастію, Хвостиковъ оказался человѣкомъ слабымъ и впечатлительнымъ, какъ нельзя было ожидать. Да гдѣ же это скрываются люди въ нашъ вѣкъ?

Надо васъ предувѣдомить, никто такъ не былъ способенъ къ интимнымъ задушевнымъ сношеніямъ, какъ Александръ Алексѣичъ: не потому, чтобы онъ могъ сочувствовать всякому душевному настроенію; не потому, чтобы онъ могъ уяснить другому его чувство или вывести нетвердую мысль на чистый и открытый путь, а потому, что внѣшность и привычки его сложены были какъ-то особенно удобно для такихъ сношеній. Во-первыхъ, онъ былъ усидчивъ: а это дѣло первой важности въ подобныхъ обстоятельствахъ. Хвостиковъ могъ просидѣть на одномъ стулѣ утро, полдень и нѣсколько часовъ ночи. Во-вторыхъ, онъ былъ неизмѣнно ровенъ въ обхожденіи: ни рѣзкаго жеста, потрясающаго нервы, ни повышенія голоса, непріятно дѣйствующаго на организацію, и никогда желанія

бѣжать вонъ, какое нападаетъ на другихъ въ самой серединѣ бесѣды. Въ-третьихъ — и это главное — все было хорошо и плавно въ рѣчахъ его. Тутъ уже не могла проскочить софистическая мысль, дѣйствующая на насъ раздражительно, не могло появиться сужденіе, или замѣчаніе, требующее сильнаго опроверженія и возбуждающее умственныя способности. Въ сложности, всѣ эти качества доставляли значительную выгоду: какъ передъ райской птичкой, можно было просидѣть передъ Александромъ Алексѣичемъ парочку-другую вѣковъ совсѣмъ незамѣтно.

Какъ только начались задушевныя сношенія между Соничкой и Хвостиковымъ, поощряемыя самой старушкой maman, да и всѣмъ городомъ, говорившимъ: „славная парочка!“, я тотчасъ понялъ, что все пропало. Хвостиковъ былъ непобѣдимъ на этомъ полѣ! Въ первое время я еще хотѣлъ ослабить впечатлѣніе, производимое имъ, моими посильными замѣтками,—вмѣшивался въ разговоръ и часто его перепутывалъ; но все осталось тщетно. Соничка только разсердилась, сдѣлалась ко мнѣ недовѣрчива, холодна и стала убѣгать меня. Видя *безполезность моего существованія* въ этомъ домѣ, я принялъ намѣреніе рѣже являться въ него, что́, разумѣется, не укрылось отъ глазъ кузины, которая разъ сказала мнѣ съ живѣйшимъ упрекомъ:

— Отчего вы чуждаетесь Александра Алексѣича и рѣдко проводите у насъ вечера? Неужели и вы тоже—завидуете ему?

— Нѣтъ, Софья Павловна, я не столько ему завидую, сколько, знаете, боюсь его.

— Это шутки, а онѣ ничего не доказываютъ... Не стыдно ли вамъ? Вы не знаете этого человѣка и не хотите съ нимъ сблизиться. А между тѣмъ онъ могъ бы вамъ быть очень полезенъ. Я, напримѣръ, каждый день учусь у него. Послѣ каждаго вечера я сама чувствую, что дѣлаюсь лучше. Я ему много, много обязана!... Часто мнѣ приходитъ въ голову, откуда пріобрѣлъ онъ столько правилъ, столько степенности въ сужденіяхъ?... Въ немъ нѣтъ ни одной мысли неприличной, никакого сомнительнаго вкуса: все благородно, *художественно!* Сказать ли вамъ, между нами: онъ меня почти на каждомъ шагу останавливаетъ, бранитъ меня, исправляетъ. Это не то, что́ другіе, которымъ мало заботы до васъ: дѣлай, что́ хочешь! Съ нимъ я совершенствуюсь каждый день!

Таковы уже были самые первые плоды задушевныхъ сношеній съ Хвостиковымъ. Послѣднія слова, прямо на меня направленныя, пронзили мое сердце.

— Пріѣду учиться, Софья Павловна,—сказалъ я:—пріѣду на первую лекцію, которую онъ вамъ будетъ давать.

Къ концу зимы, однакожъ, я совершенно лишился довѣренности кузины. Обходилась она, правда, вѣжливо со мною, но уже перестала говорить о себѣ, а мысли, внушенныя ей Хвостиковымъ, берегла какъ сокровище, которое не слѣдуетъ расточать понапрасну. Я замѣтилъ въ ней также великую нравственную перемѣну. Она какъ-то притихла, сдѣлалась строга къ себѣ, весьма осмотрительна въ словахъ и выраженіяхъ. Молчаніемъ осуждала она забавныя выходки, какія случалось при ней дѣлать постороннимъ, и вообще смотрѣла на окружающую ея жизнь съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. Я совсѣмъ пересталъ ѣздить къ нимъ въ домъ, потому что суровый тонъ, начинавшій царствовать въ немъ, наступилъ слишкомъ быстро, и привыкать къ нему казалось мнѣ тяжело.

Съ другой стороны, отзывы Хвостикова о Соничкѣ были какъ-то строги и выражались въ нѣкотораго рода *педагогической* формѣ; но сквозь нея ясно проглядывала искра чувства и душевнаго умиленія.

— Софи Степикова,—говорилъ онъ въ минуты откровенности:—удивительно понятливая дѣвушка! Ей стóитъ намекнуть о чемъ-нибудь, и она уже сама развиваетъ остальное. Конечно, въ ней еще много живости, много увлеченія; но это пройдетъ: у нея фундаментъ отличный! Она скоро пріобрѣтетъ твердый взглядъ на вещи. Это не то, чтó Яицкая. Впрочемъ, и Яицкая имѣетъ свои достоинства! М-lle Степикова поражаетъ меня иногда своими вопросами. Я принужденъ удивляться ея способностямъ!

Самъ Песталоцци не могъ бы вѣрнѣе опредѣлить ученика своего; а если кому-нибудь покажется страннымъ этотъ новый языкъ любви, то прошу подумать: любовь для проявленія своего принимаетъ многообразнѣйшія формы. Уже не говорю объ „Энеѣ“ и „Отелло“, которые разсказами плѣнили двухъ истинно очаровательныхъ женщинъ; но въ жизни моей я зналъ чету, гдѣ взаимное сочувствіе развилось отъ одновременнаго чтенія статей въ Revue des deux Mondes“. Средства, принимаемыя рождающимся чувствомъ, для прокормленія своего на бѣломъ свѣтѣ, столь же разнообразны, какъ средства питанія, свойственныя необъятному классу животнаго царства нашей планеты.

Съ теченіемъ зимы расположеніе Хвостикова къ Соничкѣ обнаружилось яснѣе. Правда, оно нисколько не измѣнило его физіономіи и нисколько не имѣло вліянія на ровный и твердый ходъ мыслей. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на скалу, у подножія которой свирѣпѣющія волны съ брызгами отскакиваютъ назадъ; но присутствіе какого-то посторонняго чувства высказывалось въ немъ нѣкоторыми колебаніями воли, легкой нерѣшительностію въ намѣреніяхъ.

Сохраняя сходство свое со скалой, онъ отчасти походилъ и на перышко, носимое волнами. Такъ наступало время его отъѣзда, а онъ еще и не думалъ о немъ. Когда его спрашивали: „скоро ли мы будемъ имѣть несчастіе лишиться васъ?“, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ уже давно пора въ дорогу; но я такъ обласканъ здѣсь всѣми... Впрочемъ, у меня есть дѣла, нетерпящія отлагательства! Хотя, съ другой стороны, надо признаться, что весной ѣзда гораздо пріятнѣе. Правда, дѣла прежде всего... никогда не должно забывать обязанностей за удовольствіями; но согласитесь, я такъ рѣдко бываю на родинѣ... Притомъ же, меня зовутъ и откладывать отъѣзда почти невозможно; но и покинуть такъ скоро всѣхъ добрыхъ и любезныхъ людей, съ которыми здѣсь познакомился, очень, очень тяжело...“ — и такъ далѣе.

Лучъ надежды не совсѣмъ оставилъ меня. Я имѣлъ право предполагать съ нѣкоторою основательностію, что колебанія Александра Алексѣича могутъ продолжиться еще долгое время. Никакой особенной причины не было, почему бы имъ не продолжаться ровно столько, сколько нужно, чтобъ потухла всякая страсть и чувство разлетѣлось какъ дымъ. Немало назидательныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ уже извѣстно свѣту. Однакожъ, всѣ мои предположенія были уничтожены по милости состоявшихся у насъ *живыхъ картинъ*. Мы неслыханно веселились, надо вамъ сказать, въ ту зиму!

Хвостиковъ чрезвычайно любилъ живыя картины, хотя и говорилъ, что это самый низшій родъ искусства. Постоянно встрѣчая съ новымъ удовольствіемъ всякія живыя картины, онъ постоянно утверждалъ, что онѣ могутъ нравиться только тѣмъ людямъ, которые предпочитаютъ свѣтъ лампы мастерски написанному солнечному лучу, кусокъ цвѣтной матеріи сзади всей перспективѣ Пуссеновъ и Лорреновъ, яркія полосы свѣта и мрака всей игрѣ тѣней у лучшихъ художниковъ. Взыскательность его не простиралась, однакожъ, до самоотверженія, и гдѣ можно было взглянуть на хорошенькое личико, оттѣняемое щеголеватымъ головнымъ уборомъ, или вообще на женскую красоту, впечатлѣніе которой дѣлалось сильнѣе отъ хорошо выбраннаго, живописнаго костюма, тамъ онъ смотрѣлъ весьма внимательно, какъ и всѣ.

У насъ поставлены были три картины: испанка на балконѣ, хоть нѣсколько и низменномъ, но бросающая цвѣтокъ гидальго, только-что кончившему серенаду; молодая цыганка, предсказывающая будущее, положивъ палецъ на ротъ, высокому господину въ красныхъ башмакахъ и пунцовой мантіи,—наконецъ Гретхенъ, обрывающая листики цвѣтка и загадывающая по нимъ: „любитъ, не любитъ, да, нѣтъ, любитъ...“ Едва открылась послѣдняя картина,

какъ въ ту же минуту раздались въ залѣ апплодисменты и всеобщія похвальныя восклицанія. Соничка, въ костюмѣ нѣмочки, съ распущенной косой, въ коротенькой юбочкѣ, и шнурованная на славу, была, дѣйствительно, очень интересна. Притомъ же, она съ такой любовью держала передъ собой цвѣтокъ и на лицѣ ея такъ вѣрно изображались ожиданіе и томленіе, что публика не могла насытиться этой картиной и отдала ей предпочтеніе предъ двумя другими. Когда Хвостиковъ увидалъ Соничку подъ лучезарнымъ свѣтомъ лампъ, въ нарядѣ, возвышавшемъ природную красоту ея формъ, молодая кровь его разыгралась и шибко прилила къ сердцу. Онъ былъ взволнованъ.

Послѣ картинъ тотчасъ составился балъ, въ которомъ мужчины и дамы картинъ сохранили характерные свои костюмы. Соничка была еще очаровательнѣе на балу, чѣмъ на подмосткахъ. Всѣ ея физическія качества крупно бросались въ глаза Хвостикову: будь она въ обыкновенномъ бальномъ платьѣ, Александръ Алексѣичъ, можетъ быть, и не замѣтилъ бы ихъ; но теперь уже не требовалось ни вниманія, ни наблюденія. Маленькая и превосходно обутая ножка, гибкая талія, длинная коса,—все это само собой напрашивалось на удивленіе. Въ глазахъ у Хвостикова начинало темнѣть. Онъ не могъ оторваться цѣлый вечеръ отъ Сонички. Послѣдняя была вдвойнѣ счастлива: и успѣхомъ въ картинахъ, и волненіемъ Хвостикова, котораго онъ не могъ скрыть. Лучшія ея слова, лучшія ея мысли, всѣ тонкія ласки,—все это было ею отдано Хвостикову въ незабвенный этотъ вечеръ. Александръ Алексѣичъ не выдержалъ; да и кто бы выдержалъ на его мѣстѣ!.. Онъ, можно сказать, сѣлъ ужинать совершенно потерянный, отличился своею развязностію, обратилъ вниманіе всѣхъ и уѣхалъ съ бала тотчасъ, какъ поднялись Степиковы.

„Чѣмъ же все это кончится?“—подумалъ я.

На другой день я еще сидѣлъ за кофеемъ, когда влетѣлъ ко мнѣ, впопыхахъ, курьеръ отъ старой моей родственницы, съ приказаніемъ явиться немедленно къ барынѣ и съ запиской отъ нея самой. Старая родственница писала, что, считая меня членомъ своего семейства, проситъ поторопиться пожаловать къ ней, дабы принять участіе въ общей ихъ радости, такъ какъ сегодня утромъ Соничка помолвлена за Александра Алексѣича Хвостикова, по собственному и настоятельному его прошенію и предложенію. Я бросился стремглавъ въ домъ родственницы, полагая еще застать какую-нибудь торжественную сцену; но сцены и не было совсѣмъ. Получивъ согласіе Сонички и маменьки ея, Хвостиковъ съ чувствомъ произнесъ: „я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ“—и больше ничего. Когда я

прибылъ, кузина и Александръ Алексѣичъ сидѣли у окна молчаливо, задумчиво, какъ слѣдуетъ людямъ, участь которыхъ рѣшилась недавно.

Послѣ радушныхъ моихъ привѣтствій и поздравленій (я, просто, не помнилъ, что́ говорилъ: такъ все сбилось у меня въ головѣ отъ быстроты и неожиданности происшествій) мы приступили къ совѣщанію о дѣлахъ... Извѣстно, что о дѣлахъ всегда совѣщаются уже послѣ того, какъ ихъ предварительно запутали. Мы много говорили на конгрессѣ нашемъ и наконецъ рѣшились на весьма сильную мѣру, именно: мы положили немедленно отправить Хвостикова назадъ въ Петербургъ, для устройства своихъ дѣлъ, послѣ чего онъ обязанъ былъ снова къ намъ явиться и тогда только огласить сватовство свое и вступить во всѣ права жениха. До тѣхъ поръ предписано все держать въ глубочайшемъ секретѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Черезъ два дня Хвостиковъ уже скакалъ по большой почтовой дорогѣ на сѣверъ, напутствуемый всякими желаніями и обѣтами. Городъ былъ удивленъ внезапностію его отъѣзда. Яицкая сказала:

— Онъ отступилъ, чтобъ сильнѣе напасть.

Однакожъ, судьбѣ угодно было, чтобъ одна только первая половина нашего приговора исполнилась.

Сонички осталась на моихъ рукахъ, о прежней короткости нашей и помину не могло быть. Въ послѣдніе четыре или пять мѣсяцевъ она совершенно перемѣнила взглядъ свой на людей и на вещи, и простой разговоръ безъ цѣли, безъ поученія уже не могъ занимать ее. Мы старались говорить преимущественно о предметахъ, ближайшихъ къ настоящему дѣлу, и особенно объ одномъ бѣломъ, чрезвычайно чистомъ каменномъ домѣ, съ зеленой крышкой и съ надписью: Губернская Почтовая Контора.

Разсчитавъ съ глубочайшею математическою точностію дни, числа и самые часы, когда, по нашему предположенію, бѣлый домъ могъ намъ сообщить пріятную вѣсточку, мы отправились къ нему вмѣстѣ съ Соничкой; но домъ на этотъ разъ *промолчалъ*. Впрочемъ, домъ могъ быть совершенно правъ: *онъ* еще въ дорогѣ. Прошла еще недѣля. Мы подъѣзжали къ дому съ надеждой и ожиданіемъ—и, признаюсь, были оскорблены упорствомъ дома, который и въ этотъ разъ не издалъ ни малѣйшаго голоса. Конечно, можно было и теперь отыскать законныя причины его безмолвія: *онъ* только что пріѣхалъ и не успѣлъ осмотрѣться; но все же горько отзывалась нѣмота эта на сердцѣ бѣдной Сонички. И еще прошла недѣля и еще... Домъ молчалъ по прежнему безжалостно... Всѣ законныя причины были уже истощены. Страданія Сонички росли вмѣстѣ съ

уходившими днями: „не сдѣлалось ли чего съ *нимъ*, не боленъ ли *онъ*... не умеръ ли?“ Кузина моя становилась блѣднѣе, и въ глазахъ ея все болѣе росло воспаленіе отъ безсонныхъ ночей. Мучительное подозрѣніе волновало меня неутомимо; но я боялся сообщить свои догадки. Наконецъ, когда тоска и отчаяніе сдѣлались уже хозяевами въ семействѣ моей родственницы, бѣлый домъ вдругъ прервалъ убійственное безмолвіе свое и выдалъ письмо. Это было первое письмо съ отъѣзда Хвостикова; но оно стоило десятка ихъ, если бы онъ только написанъ былъ.

Я всегда считалъ Александра Алексѣича за человѣка очень даровитаго; но въ первомъ и послѣднемъ письмѣ своемъ, онъ, можно сказать, превзошелъ самого себя. Рѣдко случалось мнѣ встрѣтить въ ограниченной формѣ письма столько мыслей, жару и краснорѣчія. Я тотчасъ же перебѣлилъ эту образцовую вещь, которую и теперь еще, въ минуты нравственнаго упадка силъ, читаю съ пользою и наслажденіемъ, для укрѣпленія духа. Особенно *художникъ* выразился въ ней ярко и глубоко, какъ вы сами можете судить.

Образцовое письмо А. А. Хвостикова къ С. П. Степиковой.

„Софья Павловна! Я возвращаю вамъ и маменькѣ вашей *слово*, полученное отъ васъ, и возвращаю его съ растерзанной душой, но съ твердой волей, какъ человѣкъ, повинующійся голосу чести и разсудка.

„Выслушайте меня въ послѣдній разъ. Я заслуживаю эту милость, по жертвѣ, которую приношу въ сію минуту.

„Обаянія молодости имѣютъ увлекающую силу, предъ которой иногда падаютъ характеры самые твердые, испытанные. Сопротивляться имъ часто невозможно, и жалокъ тотъ человѣкъ, который ни разу не могъ остановиться передъ красотой, умомъ и добродѣтелью въ трепетѣ и невольномъ смущеніи: эту дань я заплатилъ передъ вами, Софья Павловна! До конца моей жизни буду я вспоминать сладостныя минуты, доставленныя мнѣ однимъ вашимъ появленіемъ! Такъ солнце, едва восходя на горизонтъ, уже привѣтствуется благословеніями многихъ милліоновъ людей!

„Но благоговѣйное созерцаніе имѣетъ свои границы, и когда оно перерождается въ жажду обладанія, тутъ является разумъ и ведетъ свою суровую, но спасительную рѣчь.

„Вы не можете быть счастливы со мной, Софья Павловна, не можете, потому что слишкомъ чисты, слишкомъ святы для человѣка, подобнаго мнѣ. Вамъ ли, ангелу кротости, понять тяжелыя волненія мужского честолюбія? вамъ ли, генію, едва касающемуся кры-

ломъ своимъ до земли, присутствовать при работѣ страстей и холоднаго разсчета? вамъ ли, душѣ, постоянно стремящейся въ высь, видѣть безсонныя ночи, усилія откинуть преграды и побѣдить обстоятельства? Одно зрѣлище этихъ тревогъ, чуждое нѣжной природѣ вашей, уже должно убить васъ, на подобіе тѣхъ волшебныхъ существъ, которыя наказываются смертію за сочувствіе къ гробовому сыну земли! Нѣтъ, оставьте его одного влачить свое бѣдное существованіе, исполненное горечи и радостей, вамъ непонятныхъ, не марайте лазореваго хитона своего соприкосновеніемъ съ человѣкомъ, покрытымъ пылью и тяжелымъ пóтомъ, не заражайте благоуханной атмосферы цвѣтовъ и небесной росы, въ которой вращаетесь, его тлетворнымъ дыханіемъ! Но если, по неудержимому чувству жалости къ несчастному созданію, вы хотите протянуть ему руку помощи и утѣшенія, хотя бы то стоило вамъ болѣе чѣмъ жизни—хотя бы то стоило поэзіи вашего существованія—тогда не удивляйтесь, что несчастное созданіе вдругъ горделиво возстаетъ передъ вами, не хочетъ принять отъ васъ жертвы, отталкиваетъ васъ отъ себя, разрывая, можетъ быть, собственное сердце, и, глубоко раненое, погружается снова въ суровое свое одиночество!

„Я открываю вамъ самые тайны изгибы души моей, которыхъ никому въ мірѣ не открылъ бы, но въ эту минуту считаю безграничную довѣренность за священный долгъ и единственное оправданіе въ моемъ поступкѣ. Пусть горькая исповѣдь будетъ моимъ ходатаемъ передъ вами! Только изъ нея можете вы понять, что если когда либо соединю я судьбу свою съ судьбой другого существа, выборъ мой падетъ не на хрупкое, нѣжное твореніе, живущее любовью и радостью окружающихъ, какъ вы, но на женщину твердую и суровую, какъ самъ. Пусть будетъ она холодная и непреклонна какъ мраморъ и бронза, которые она должна принести съ собой: но въ судорожной, неусыпной дѣятельности мы, можетъ быть, оба найдемъ забвеніе и отраду...

„Еще разъ возвращаю вамъ слово и умоляю о прощеньи: я и безъ того наказанъ, много наказанъ.

„Да позволено мнѣ будетъ заключить горестныя строки эти въ послѣдній разъ совѣтомъ друга. Примите его, какъ принимаютъ слова умирающаго, выслушайте его, какъ выслушиваютъ голосъ съ того свѣта! Не останавливайте въ теченіи вашей жизни небеснаго взора своего на сложномъ, мрачномъ и погруженномъ въ себя человѣкѣ! Какъ ни заманчивъ можетъ показаться этотъ образъ, но долгое смотрѣніе на него бываетъ гибельно. Оно лишаетъ спокойствія, стираетъ румянецъ съ лица, проводитъ морщины по лбу, тушитъ огонь въ глазахъ. Бѣгите его!... Но если вамъ встрѣтится

добродушный, простой и бѣдный молодой человѣкъ, жаждущій только сочувствія и ободренія, подайте ему руку и скажите: „я беру жизнь твою подъ свое сохраненіе и проценты за капиталъ этотъ выплачу тебѣ счастіемъ, любовью и радостью“.

„Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть покорнѣйшій слуга

Александръ Хвостиковъ“.

С.-Петербургъ,
Марта 1-го дня 18...

Здѣсь бы, по настоящему, слѣдовало и кончиться пустенькому провинціальному анекдотцу, который разсказываю вамъ; но нельзя умолчать о послѣдствіяхъ письма.

Подъ вліяніемъ неудержимаго краснорѣчія вышеприведеннаго образцоваго посланія, Соничка ходила какъ будто къ смерти приговоренная цѣлую недѣлю. Сама старушка-мать ея, какъ ни мало смыслила толку въ литературѣ, подчинилась дѣйствію великаго таланта и втихомолку плакала довольно часто. Немалымъ утѣшеніемъ служило для той и другой убѣжденіе, что въ городѣ еще ничего не подозрѣваютъ; но все-таки ударъ былъ силенъ, и, по моему совѣту, они отправились въ деревню лечить его на просторѣ и въ уединеніи.

Спустя добрыхъ полъ-мѣсяца я послѣдовалъ за ними. Первое правило въ душевныхъ болѣзняхъ—предоставлять человѣка самому себѣ на нѣкоторое время. Повѣрьте, нѣтъ лекаря въ такихъ случаяхъ искуснѣе самого больного, если онъ еще молодъ разумѣется и прежде не былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ романтизмомъ. Я пріѣхалъ въ деревню вечеромъ, былъ встрѣченъ на крыльцѣ кузиной, и притомъ съ такимъ радостнымъ лицомъ, на какое не имѣлъ ни малѣйшаго права разсчитывать. Не позволивъ даже мнѣ прихорошиться, она увлекла меня, послѣ перваго поклона и привѣтствія съ матерью, къ себѣ въ кабинетъ и тутъ осыпала меня лестнѣйшими знаками своего вниманія. Непривыкшій вообще къ такому баловству, я конфузился какъ школьникъ и мысленно спрашивалъ себя: „вѣрно какой-нибудь добрый человѣкъ натолковалъ имъ чудеса обо мнѣ?“ Соничка держала мою руку въ своей и чуть не со слезами на глазахъ говорила:

— Я передъ вами виновата. Простите меня! Я васъ не поняла... Я оскорбила васъ подозрѣніемъ... я предпочла вамъ... Забудьте о всѣхъ моихъ глупостяхъ—простите меня!,.. Я готова теперь стать передъ вами на...

— Да помилуйте же! бормоталъ я: да что́ же это такое? да

какъ же это можно? Ручку!... ручку вашу!... пожалуйте вашу ручку!

Поцѣловавъ насильно ея ручку, я оправился отъ смущенія и спросилъ, улыбаясь:

— Да какъ же это вы такъ скоро опять сдѣлались доброй и очаровательной кузиной?

— Э, отвѣчала она весело—вѣдь все это время я только и дѣлала, что читала письмо Александра Алексѣича!

Попросивъ Соничку объяснить мнѣ подробнѣе таинственное свойство этого письма, я узналъ, къ изумленію моему, что и сама она не можетъ сказать, отчего по прочтеніи письма всякій разъ какъ-то легче становилось на сердцѣ ея, и горе отпадало. Мы принялись за работу вдвоемъ—и послѣдствія были точно тѣ же. Бесѣды наши дѣлались веселѣе и замѣтно оживлялись. Правда и то: мы изучили такъ подробно документъ нашъ, какъ будто онъ имѣлъ честь быть составленъ за 2,000 лѣтъ. Софья Павловна дошла до того, что благодарила судьбу за полученіе его, и сознавалась, что счастливѣе этого обстоятельства и быть не могло.

Но я ужасно, ребячески ошибся въ мѣрѣ той крѣпительной силы, какую получила Соничка отъ полезнаго чтенія документа и внимательнаго его анализа. Мы уже были почти при концѣ нашего труда, когда я разъ спросилъ кузину: довольна ли она названіемъ крылатаго генія, какимъ почтилъ ее Хвостиковъ въ письмѣ?

— Все же лучше быть геніемъ, чѣмъ душой въ лазоревомъ хитонѣ, отвѣчала она весьма основательно.

— Совершенно справедливо! замѣтилъ я. — А вотъ скажите: какъ вы поняли то мѣсто, гдѣ Александръ Алексѣичъ говоритъ о суровой женщинѣ, которая ему мраморъ и бронзу должна принесть?...

— Повѣрите ли, это самое затруднительное мѣсто въ письмѣ. Одинъ разъ я какъ будто понимаю его, а въ другой — ничего не понимаю. Онъ собирается работать по мрамору и бронзѣ и ищетъ для этого женщину—Богъ знаетъ, что́ это такое!

— Неужто въ самомъ дѣлѣ, Софья Павловна, вы не добрались тутъ до настоящаго смысла?

— Клянусь же вамъ!... Я хотѣла даже нарочно васъ спросить.

— Ну, я вамъ объясню, въ чемъ дѣло. Мѣсто это означаетъ, что Александръ Алексѣичъ желаетъ имѣть невѣсту съ хорошимъ приданымъ, какое рѣдко бываетъ у геніевъ вообще—вотъ и все.

— Да, можетъ быть, и это, произнесла Соничка глухимъ, едва внятнымъ голосомъ и тотчасъ же обернулась къ окну...

Вскорѣ послѣ того случилось мнѣ быть въ нашей Сѣверной Пальмирѣ. Не знаю почему, напало на меня неудержимое стре-

мленіе видѣть Александра Алексѣича въ его домашней обстановкѣ, at home, въ средѣ, такъ сказать, его привычекъ и наклонностей. Казалось бы, уже достаточно и того, что́ мнѣ было извѣстно по пребыванію его въ нашихъ краяхъ; но оставалось узнать, въ какомъ отношеніи провинціальный Хвостиковъ находился къ Хвостикову столичному. Уѣхать, не объяснивъ себѣ этого пункта, не было никакой возможности. „Однако же — раздумывалъ я — какъ же и явиться къ человѣку безъ всякой основательной причины.“ Но любопытство побѣдило гласъ разсудка. Я рѣшился на все и разъ утромъ ни съ того, ни съ сего, явился у дверей квартиры Хвостикова и вѣжливо попросилъ слугу доложить о себѣ.

Отказа, котораго я боялся, не воспослѣдовало, а напротивъ — Александръ Алексѣичъ самъ выбѣжалъ мнѣ на встрѣчу, смущенный нѣсколько, правда, но учтивый, радушный. Онъ взялъ меня за руку, ввелъ въ свою пріемную и, усаживая тутъ, сказалъ:

— Очень радъ васъ видѣть. Вы изъ нашихъ краевъ? Ну, скажите — вы на меня сердитесь? тамъ на меня очень сердятся?

— Помилуйте, нисколько, Александръ Алексѣичъ! отвѣчалъ я. — Напротивъ, вамъ всѣ чрезвычайно благодарны за урокъ. Вы поступили совершенно какъ Онѣгинъ съ Татьяной. Разница только въ томъ, что онъ прочелъ свое наставленіе, а вы изложили его письменно. Впрочемъ, благородство и безкорыстіе тутъ, по моему мнѣнію, совершенно одинаковы.

Хвостиковъ улыбнулся и возразилъ:

— Меня стали было здѣсь поздравлять съ побѣдами въ провинціи; но я прекратилъ всѣ эти выходки холоднымъ молчаньемъ... Вы понимаете, что репутація молодой дѣвушки для меня священная вещь, и я ничего не позволю ни себѣ, ни другимъ, что́ могло бы повредить ей.

Послѣ этого предварительнаго объясненія, я окинулъ внимательнымъ окомъ комнату, и мнѣ показалось, что я нахожусь, такъ сказать, въ храмѣ музъ. Квартира Александра Алексѣича состояла изъ чистой передней, большой комнаты, гдѣ мы сидѣли, и будуара, обложеннаго коврами, съ каминомъ, обтянутымъ бархатомъ, и съ письменнымъ столомъ, походившимъ на выставку бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещицъ. Въ большой комнатѣ самонадѣянно бросался въ глаза открытый рояль съ развернутыми нотами на пюнитрѣ; скрипичный футляръ и щегольской гобой лежали вокругъ на стульяхъ; а почтенная віолончель съ сѣдой пылью подъ струнами красовалась въ углу. Квартетъ былъ всегда на лицо у Александра Алексѣича, и только стоило пригласить музыкантовъ; а нотъ, нотъ!... Грудами возвышались онѣ на окнахъ и этажеркахъ, тая въ себѣ

неисчислимыя волны звуковъ! Нѣсколько поодаль отъ рояля длинный столъ былъ заваленъ тѣми огромнѣйшими книгами, на которыя любитель искусствъ не можетъ смотрѣть безъ трепета удовольствія. Тутъ были изданія Монфокона, Кэйлю, Египетской Экспедиціи, Дрезденская, Вѣнская, Парижская Галерея. Наконецъ, стѣны большой комнаты украшены были великолѣпными гравюрами съ ватиканскихъ фресковъ, съ ложъ, сикстинской часовни, палаццовъ римскихъ. Александръ Алексѣичъ жилъ, такъ сказать, между колоссальными произведеніями духа человѣческаго, какъ между домашними своими! Будуаръ и вмѣстѣ спальня его покрыты были видами древнихъ памятниковъ: Пароеономъ, Пантеономъ, Колизеемъ, Помпеей. Каждое утро первый взглядъ его падалъ на эти образцы творческой силы и художническаго могущества. Онъ отдѣлилъ цѣлую стѣну въ будуарѣ для ликовъ великихъ дѣятелей на поприщѣ искусства: тутъ висѣли рядомъ Рафаэли, Бетховены, Сафо, Бахи, Корреджіо!... Онъ находился въ безпрестанномъ духовномъ сообщеніи съ портретами, и портреты дружески смотрѣли на него во всякое время. Когда, истинно пораженный всей этой роскошью художественной обстановки, свидѣтельствовавшей объ изящныхъ, эстетическихъ потребностяхъ хозяина, я выразилъ ему мое нелицемѣрное удивленіе, Хвостиковъ вдругъ принялся развертывать всѣ свои богатыя изданія. Тутъ я испыталъ феноменъ, еще не упомянутый ни въ одной физіологіи. Разорванный во всѣ стороны, глазъ мой все видѣлъ и никакого впечатлѣнія не могъ передать мозгу. Я принужденъ былъ отвернуться отъ художническаго богатства этого, которымъ съ перваго же разу чуть-чуть не захлебнулся, и сказалъ:

— Вы составили себѣ, Александръ Алексѣичъ, завидную жизнь и должны быть очень счастливы въ такомъ обществѣ и въ такихъ занятіяхъ.

— Да,—отвѣчалъ Хвостиковъ, положивъ руку на одинъ изъ великолѣпныхъ развернутыхъ рисунковъ:—сюда убѣгаю я отъ всѣхъ житейскихъ непріятностей. Повѣрите ли, нѣтъ такого оскорбленія и горя, которыхъ бы я не забылъ, поглядѣвъ на мою коллекцію. Она меня освѣжаетъ, и черезъ часъ я готовъ опять на что вамъ угодно.

— Хорошо, что у васъ есть такая нравственная, смѣю сказать, ванна!... А дорого вамъ все это стóитъ?

— Ужъ не говорите!—замѣтилъ Хвостиковъ со вздохомъ:—и все еще мнѣ кажется мало! Мнѣ бы хотѣлось имѣть вмѣсто снимковъ, какъ они, впрочемъ, ни превосходны, настоящія статуи, настоящія картины... Можно бы завести галерею... уставить лѣстницу ими... сдѣлать залу съ куполомъ!

— А гдѣ же средства?

— Въ томъ и бѣда! Человѣкъ безъ средствъ почти и наслаждаться искусствами не можетъ. Какое уже наслажденіе, согласитесь, смотрѣть на вещь, когда она не моя! Вотъ почему, полагаю, всякій истинный любитель долженъ стараться всѣми способами о пріобрѣтеніи средствъ. Это для него дѣло первой важности! Вся его жизнь тутъ замѣшана! Онъ обязанъ...

И долго разговаривали мы такимъ образомъ объ искусствахъ съ Хвостиковымъ; но я васъ увольняю отъ необходимости выслушивать нашу бесѣду вполнѣ. Скажу только, что къ концу ея я совершенно примирился съ Хвостиковымъ, и мы разстались друзьями. Черезъ недѣлю я уже ѣхалъ обратно въ провинцію.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ—считать даже не хочется! Слухи доходятъ до меня, что Хвостиковъ уже потолстѣлъ значительно, что сѣдина начинаетъ пробиваться въ бакенбардахъ и на головѣ его; но страсть его къ искусству нисколько не уменьшилась съ годами. Одно приводитъ меня въ недоумѣніе: до сихъ поръ онъ все еще ищетъ женщину, которая принесла бы ему мраморъ и бронзу.... и безполезно!... Какъ бы, кажись!...

IX.

Не могу удержаться отъ желанія разсказать вамъ объ одной изъ самыхъ неудачныхъ моихъ попытокъ въ провинціальныхъ изслѣдованіяхъ. Я думаю, всякому извѣстно, что иногда весьма простая мысль, ясная и положительная, принимается къ свѣдѣнію безпрекословно, но хранится въ памяти вашей какъ ненужная или чужая вещь. Только случайный, мало-ожидаемый *опытъ* превращаетъ ее въ настоящую собственность вашу,—и тогда наступаетъ довольно забавное зрѣлище. Послѣ многихъ заключеній, досадныхъ препятствій, неловкихъ похожденій, человѣкъ выводитъ изъ нихъ, какъ послѣдній результатъ, ту же самую мысль, какую онъ зналъ прежде и какая была извѣстна міру сему за-долго до рожденія того человѣка.... Не обидно ли это? Къ числу такихъ *обидныхъ* случаевъ принадлежитъ и тотъ, который теперь предлагается любопытству вашему. Скажите, напримѣръ, что̀ можетъ быть яснѣе и убѣдительнѣе слѣдующей мысли: для успѣха всякаго дѣла потребно предварительное обсужденіе предмета, а затѣмъ трудъ и терпѣніе? Вѣроятно, нѣтъ существа въ мірѣ, которое бы не знало этого правила наизусть; да также вѣроятно и нѣтъ существа въ мірѣ, которое *не почувствовало*

бы впервые всю его справедливость уже послѣ предварительной необдуманности и оскорбительной неудачи. Цѣпь досадныхъ и смѣшныхъ приключеній, посредствомъ которыхъ и я пришелъ къ полному обладанію этимъ общимъ мѣстомъ, излагаю здѣсь съ поучительной откровенностію. И такія орудія избираетъ судьба для нравственнаго нашего воспитанія! Даже человѣкъ, присутствующій теперь на Лондонской выставкѣ, не можетъ имѣть понятія о разнообразіи ихъ. Напримѣръ, чтобъ открыть мнѣ глаза на мою ошибку, судьба долго хранила въ тиши и наконецъ употребила въ дѣло прикамскаго татарина Караша Абдуловича Бахтыева. Это странно; но это такъ и перемѣнить тутъ ничего нельзя.

Для полноты исповѣди слѣдуетъ взять предметъ сколь возможно подалѣе отъ настоящаго дѣла.

Весьма любопытное явленіе въ народной русской жизни составляетъ извѣстное соединеніе нѣсколькихъ разнородныхъ промышленностей въ одной крестьянской семьѣ и оно гораздо менѣе обслѣдовано, чѣмъ другое, тоже весьма замѣчательное явленіе, именно: промышленная община, съ которой первое находится въ совершенной противоположности. Промышленная община, гдѣ всѣ члены заняты производствомъ одного предмета по образцу, издавна установленному, уже обратила вниманіе своихъ и иностранныхъ наблюдателей, особенно мирнымъ, спокойнымъ характеромъ, ей свойственнымъ. Мастеровому тамъ почти не нужно долгаго искуса, предварительнаго труда: человѣкъ тамъ почти родится мастеровымъ. Это по преимуществу естественное распредѣленіе занятій по лицу имперіи, порожденное соображеніемъ и потребностями самого народа, имѣетъ свою прекрасную сторону, но ничѣмъ, къ сожалѣнію, не защищено отъ торговыхъ случайностей. Не одна столичная фабрикація, сшибаясь съ сельскою производительностію, всегда плохо вооруженной, уничтожаетъ ее весьма скоро; но случается, что вѣтвь промышленности, перенесенная изъ одной губерніи въ другую, прививается еще лучше по мѣстнымъ удобствамъ въ новой колоніи и старую свою метрополію подрываетъ въ нѣсколько годовъ. Промышленная община почти никогда не приготовлена къ натуральному измѣненію въ требованіяхъ и вкусахъ, и всякій поворотъ ихъ застаетъ ее непремѣнно врасплохъ. Еще хуже бываетъ, когда съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пропадаютъ самые способы производства въ общинѣ—уничтожается, напримѣръ, лѣсъ и первый матеріалъ, прежде даровой и едва входившій въ опредѣленіе цѣнности предмета, теперь долженъ подняться и тѣмъ самымъ остановить сбытъ продукта. Во всѣхъ случаяхъ, приведенныхъ нами, обѣдненіе начинаетъ приближаться къ жителямъ общины, къ ве-

ликому ихъ удивленію; но промышленность еще долго и упорно держится тутъ на старыхъ основаніяхъ, не принимая, впрочемъ, никакихъ мѣръ къ спасенію своему. Цѣлые годы колеблется она въ замирающемъ видѣ, пока не перейдетъ къ полной смерти. Промышленныя общины, составляющія блестящее исключеніе изъ этого порядка вещей, извѣстны всѣмъ на-перечетъ.

Совсѣмъ наоборотъ дѣйствуютъ отдѣльныя, семейныя, такъ-сказать, торговыя и ремесленныя крестьянскія общества. Поставленныя въ необходимость быть безпрестанно на-сторожѣ всего, что происходитъ вокругъ ихъ, они даютъ просторъ личному соображенію, и отсюда происходитъ замѣчательное разнообразіе въ употребленіи силъ и дѣятельность, представляющая много живоносныхъ и характеристическихъ сторонъ.

Хозяйственный составъ избы таковъ, что первыя потребности для жизни крестьянинъ получаетъ дома и могъ бы отчасти сказать, какъ многопомѣстный Сциніонъ: „Я ничего не покупаю себѣ". Бѣдная привилегія, если бы на ней остановиться; но почти каждая изба ведетъ еще торговлю, ведетъ свое особенное ремесло, которое часто имѣетъ весьма мало общаго съ главнымъ производствомъ — земледѣліемъ. Въ деревенскомъ быту образуются, такъ-сказать, летучая коммерція и летучая промышленность, соображающіяся съ обстоятельствами, требованіями и подчиняющіяся разсчету, смѣтливости и догадкѣ. Не рѣдкость, напримѣръ, встрѣтить, что тотъ, кто прошлый годъ гналъ скупленныхъ барановъ на извѣстный рынокъ, сегодня везетъ туда купленные же пряники, а на будущій годъ разсчитываетъ явиться съ оглоблями и дугами. Въ отношеніи промышленности рядомъ съ неизмѣнными, крѣпкими землѣ, каковы: мельницы, крупчатки, поташные и другіе заводы и проч., существуютъ группы промышленностей, мѣняющихся по личнымъ предположеніямъ и разсчетамъ производителей. Конечно, тутъ есть также своя темная сторона: напримѣръ, можно указать на недостатокъ сосредоточенности въ ремеслѣ, который мѣшаетъ его полному и успѣшному развитію. Но за то уже при такомъ направленіи, требующемъ постояннаго возбужденія силъ и способностей, если человѣкъ разъ серьёзно взглянетъ на себя, на свое занятіе, онъ далеко переступаетъ границы успѣха, свойственнаго деревнѣ и селу. Всѣ наши почетныя народныя имена, всѣ наши самородные фабриканты, механики, астрономы, писатели—принадлежатъ, за малыми исключеніями, именно этому порядку вещей. Зажиточная изба въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи походитъ на безыменную земледѣльческую, купеческую, промышленную контору, направляющую свою дѣятельность въ разныя стороны и безсознательно слѣдующую тѣмъ же

экономическимъ законамъ, какіе открыты наукой во всѣхъ производительныхъ обществахъ.

При такомъ развитіи практической дѣятельности, странно было бы не встрѣтить въ селахъ чего-нибудь похожаго на банкира, на элементъ кредита. И банкиръ дѣйствительно существуетъ, иногда одинъ для извѣстнаго округа, иногда болѣе; но все это банкиры *особливаго рода*. Обладая часто довольно обширной практикой, они не имѣютъ ни конторъ, ни агентовъ, ни векселей, ни акцій, а производятъ всѣ операціи свои сами и притомъ съ помощью *голословной сдѣлки*.

Голословная сдѣлка находится въ большой чести у многихъ наблюдателей народной жизни, и отозваться о ней безъ особеннаго уваженія—дѣло рискованное. Есть закоренѣлыя привычки въ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ, какъ есть онѣ въ наружныхъ формахъ жизни. Къ нимъ слѣдуетъ отнести постоянныя похвалы, встрѣчаемыя читателями той сдѣлкѣ на-слово, гдѣ нѣтъ никакого письменнаго обязательства, а есть только убѣжденіе во взаимной честности, въ нерушимость даннаго увѣренія, въ крѣпость обѣщаній, обмѣненныхъ за чайнымъ столомъ или за другимъ чѣмъ-нибудь. Съ перваго раза черта эта можетъ показаться добродушною чертою; но при ближайшемъ разсмотрѣніи поэтическая и моральная сторона факта претерпѣваютъ значительный ущербъ. Не говоря уже о томъ, что всякое несправедливое посягательство или способность къ уверткѣ невольно сдерживаются самою публичностью контракта, отстраняя даже предположеніе о частомъ неравенствѣ нравственнаго развитія между двумя соглашающимися на-вѣру лицами, но даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, когда обѣ стороны равно одержимы чувствомъ уваженія къ себѣ и другъ къ другу, бываютъ еще голословныя сдѣлки невѣжественнаго, безобразнаго характера, который только письменнымъ процессомъ уясненъ и отстраненъ быть можетъ.

Сельскій банкиръ обмѣниваетъ обыкновенно денежный свой капиталъ на капиталы, цѣнность которыхъ или совсѣмъ неопредѣлена, или опредѣлена только приблизительно, какъ, напримѣръ, на отдачу извѣстнаго участка земли въ срочное его владѣніе, на нѣкоторое число дней полевой работы и т. п. Рѣдко нисходитъ онъ до простыхъ, общеупотребительныхъ процентовъ; да по причинамъ, довольно уважительнымъ, и сами заемщики неохотно приступаютъ къ займу въ этомъ видѣ. Такимъ образомъ составляются обязательства, въ которыхъ иногда не встрѣтишь никакой цифры, никакой мѣры, кромѣ, разумѣется, цифры ссуды, всегда хорошо опредѣленной. Кому, напримѣръ, не случалось слышать въ деревнѣ объ обязательствѣ сжать въ лѣтнюю пору *нѣкоторый загончикъ* ярового

хлѣба, въ которомъ, по признанію заемщика, можетъ и болѣе осьминника—кто его знаетъ!—и который, по климатическимъ условіямъ, потребуетъ *неизвѣстное* число дней—какъ придется! Положительно можно сказать, что самъ кредиторъ имѣетъ только смутное понятіе о своихъ выгодахъ, а вполнѣ отдать отчета въ томъ, что дѣлаетъ, также не въ состояніи. Между тѣмъ голословная сдѣлка, порождающая всѣ эти явленія, получаетъ иногда свою, совершенно произвольную часть почти на всей производительности заемщика. Вотъ почему благодѣтельныя усилія многихъ лицъ вытѣснить ее посредствомъ сельскихъ ссудныхъ кассъ заслуживаютъ полнаго сочувствія. Правда, съ развитіемъ ихъ пронадутъ интересные банкиры, съ ихъ ловкостью, умѣньемъ выбирать обстоятельства и обращать въ свою пользу; но нельзя же имѣть всѣ удовольствія въ одно время, какъ говорится.

Прошу великодушнаго вашего отнущенія за всѣ эти скучныя подробности, которыя показались мнѣ необходимы. Прибавлю къ нимъ нѣсколько послѣднихъ словъ. Извѣстно, что описаніе обычая и повѣрка его какой-нибудь личностью суть двѣ вещи совершенно разныя. Можно собрать очень много свѣдѣній и данныхъ о предметѣ—и знать предметъ все-таки поверхностно. Только живое лицо, какъ бы оно ограниченно ни было, вноситъ яркій свѣтъ въ ваше описаніе и собственнымъ пониманьемъ дѣла разъясняетъ его болѣе, чѣмъ самый тщательный разспросъ. Для меня даже и цифры, которыя, по общему признанію, сами за себя говорятъ, только тогда говорятъ что-нибудь, когда прикоснется къ нимъ теплое дыханіе дѣйствительной жизни... Но это уже слабость, полагаю, и за правило не можетъ быть постановлено. Несомнѣнно одно: свѣдѣніе вообще какъ-то легче подпускаетъ къ себѣ, чѣмъ личность человѣческая, пугливая по самой природѣ своей. Свѣдѣніе падаетъ въ руку всякому, кто только протянулъ руку, не разбирая, крѣпка или слаба рука; но подстеречь знакомую черту въ самомъ ходу жизни и подмѣтить, какъ она тамъ ложится—для этого нужны талантъ, умъ и настоящій, истинный трудъ. Вотъ, напримѣръ, сказать по сущей правдѣ: немного было потрачено усилій и всего другого на сборъ тѣхъ замѣтокъ, которыя предложены были читателю выше, но когда уже онѣ приведены были совсѣмъ въ порядокъ, я замѣтилъ, къ немалому своему изумленію, что собственно я еще не видалъ ни одной избы въ процессѣ ея дѣятельности и ни одного сельскаго банкира живьемъ за своими операціями.

Огорченный—можете себѣ представить!—этимъ открытіемъ, я далъ себѣ слово исправить недостатокъ, ближе изучить оба явленія, начавъ съ банкира, какъ съ рода болѣе простого. Превосходный

его образчикъ былъ уже у меня на примѣтѣ: именно, при-камскій татаринъ Карашъ Абдуловичъ Бахтыевъ.

Надо вамъ сказать, ухо мое уже попривыкло къ этому благозвучному монгольскому прозвищу: я то-и-дѣло слышалъ о Бахтыевѣ. При мнѣ говорили о лошадкахъ, которыя онъ добываетъ прямо изъ косяковъ и которыя поражаютъ глаза крутизною бедръ, шириною груди, постановкой ушей и другими качествами. Не мало разсуждали въ моемъ присутствіи объ его торговыхъ соображеніяхъ и находили ихъ достойными изумленія. Онъ всегда снималъ водяную мельницу, когда водяная мельница имѣла сходство съ Перу; онъ попадалъ доброй частію въ содержаніе винокуреннаго завода, именно въ то время, когда винокуренный заводъ ничѣмъ не отличался отъ Калифорніи, и проч. Кромѣ подобныхъ извѣстій, безпрестанно носились слухи о ссудахъ, учиненныхъ имъ подъ условія не только не отяготительныя для крестьянина, но—какъ бы вамъ сказать?—почти фантастическія. Онъ требовалъ, напримѣръ, вмѣсто уплаты долга, нѣсколько бревенъ изъ общаго лѣсного участка деревни, и заемщикъ расквитывался съ нимъ чрезвычайно бодро и скоро. Вообще, Бахтыевъ, повидимому, владѣлъ необычайнымъ талантомъ обязывать людей во-время и потомъ приводить ихъ въ восторгъ уплатой обязательства. Какъ бы то ни было, но эта деревенская слава, выросшая по базарамъ, рынкамъ, избамъ и большимъ дорогамъ, весьма сильно заинтересовала меня. Въ моихъ глазахъ всѣ славы—родныя и равно прелестныя сестры.

Разъ, весной, случилось мнѣ ѣхать по важному дѣлу къ одному пріятелю за Каму, туда, гдѣ за два столѣтія были вооруженныя владѣнія Строгоновыхъ, воевавшія съ черемисой и съ Сибирью, и гдѣ теперь въ каждомъ порядочномъ домѣ исполняютъ „Пророка“, хотя еще и дурно, но и это придетъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ моего пути лежала деревня, гдѣ процвѣталъ Бахтыевъ. Мнѣ тотчасъ же пришла мысль своротить въ сторону, познакомиться съ знаменитымъ татариномъ, переговорить съ нимъ чистосердечно и откровенно, а потомъ спокойно продолжать мое слѣдованіе далѣе. О нѣсколькихъ лишнихъ верстахъ объѣзда нечего было и думать, когда дѣло шло о такомъ человѣкѣ. Я взялъ лошадей въ первой татарской деревнѣ и своротилъ въ сторону.

Мы ѣхали по чудной дорогѣ, по берегу Камы, поросшему осокой, ивой и ветлой, которыя, благодаря влажной почвѣ и разливамъ рѣки, достигаютъ здѣсь весьма почтенныхъ размѣровъ. При соединеніи съ Волгой, Кама потопляетъ весной пространство верстъ въ двадцать и болѣе: тогда всѣ эти рощи, уже зеленѣющія, выходятъ изъ воды, точно гигантскія растенія, поднявшіяся со дна моря.

Мелкіе ихъ листья на толстыхъ корняхъ и широко раскинувшихся вѣтвяхъ трепещутъ отъ малѣйшаго теченія воздуха, дробятъ лучи солнца и гонятъ на насъ струю теплаго весенняго воздуха. Вода уже сошла, когда я ѣхалъ, но почва сохраняла еще иловатую сырость, оставленную разливомъ. Колесо въ ней вязло и разбрасывало по сторонамъ. Мы то-и-дѣло пробирались черезъ рощи, гдѣ, замкнутый деревьями, стоялъ еще послѣдній холодъ зимы, и потомъ выѣзжали на открытое мѣсто подъ дѣйствіе нѣжной, ласкающей атмосферы. Окрестность была подернута свѣтлымъ туманомъ, поднимавшимся съ тающей земли. Безпрестанная перемѣна температуръ съ безпрестаннымъ измѣненіемъ красокъ волновали кровь и раздражали глазъ. Кама текла въ берегахъ своихъ, широкая, полная и пышная, въ истинно-царственномъ и вмѣстѣ пустынномъ величіи. Еще не было замѣтно на ней никакого движенія: тамъ и сямъ бездѣйственно стояли высокія росшивы-барки съ поднятыми веслами. Рѣка катила пѣнистыя и мутныя волны свои, только-что освободившіяся отъ льду, между уединенными берегами, словно Миссиссипи и рѣка Амазонокъ, которыя невольно приходили на умъ при взглядѣ на нее. Иногда мы оставляли въ сторонѣ Каму съ ея рощами и ѣхали кустарникомъ, сквозь который она свѣтилась то прямо, то вправѣ: такъ извилиста была дорога. Кустарникъ имѣлъ свою особенность, безчисленное количество птицъ рѣяло группами надъ головой вашей, перерѣзывало экипажъ, слѣдило за вами, перегоняло васъ, пропадало вверху и являлось снова. Это былъ какой-то огромный и звонкій птичникъ, въ которомъ ни къ чему нельзя было прислушаться, ни къ чему присмотрѣться отдѣльно, и который покидалъ васъ на опушкѣ новой рощи. Пейзажъ былъ очень полонъ и матеріально весьма богатъ. Мнѣ показалось вмѣстѣ съ нимъ, что и я чѣмъ-то особеннымъ преизобилую: извѣстный оптическій обманъ, производимый красотами природы! Вскорѣ мы свернули круто на проселочную дорогу и оставили Каму за собой.

Впрочемъ, впечатлѣнія, которыми я осмѣлился утруждать читателя, получены были мною, такъ-сказать, на-лету, въ вихрѣ самой бѣшеной ѣзды, и потому не знаю, насколько они способны выдержать строгую критику. Вотъ какъ это случилось. На послѣдней станціи, мѣсто кучера у меня занялъ татарченокъ, лѣтъ четырнадцати, въ одной тюбетейкѣ, или ермолкѣ, и въ синей блузѣ, надѣтой въ рукава, которая отъ вѣтра раздувалась на немъ какъ парусъ. Съ самаго мѣста отправленія, онъ пустилъ свою тройку крѣпкихъ степныхъ лошадокъ что есть мочи, во всю прыть, и такъ продолжалъ скакать всю дорогу, не обращая почти никакого вниманія на пни, рытвины и тому подобныя мелочи. Тарантасъ мой

стучалъ о деревья, ложился на бортъ, кряхтѣлъ и стоналъ весьма жалобно. Напрасно старался я умѣрить невообразимую рьяность татарченка: онъ уже вышелъ изъ повиновенія. Разъ только, почти на половинѣ пути, онъ вдругъ остановился, спрыгнулъ съ козелъ и скрылся впереди за своими лошадками. Я полагалъ, что онъ, подъ предлогомъ поправки сбруи, дастъ, какъ водится, вздохнуть бѣднымъ животнымъ, но вышло совсѣмъ не то. Татарченокъ сѣлъ наземь подъ самымъ рыломъ коренной лошади, подогнулъ подъ себя ноги, опустилъ головку на правую сторонку и въ нѣсколько секундъ сотворилъ вечерній намазъ свой. Онъ кинулся потомъ весьма поспѣшно на козлы и снова пустился что есть мочи, словно за нимъ гнался самъ ангелъ смерти. Въ жизнь свою я не видалъ болѣе рѣзваго представителя всѣмъ извѣстной неподвижности восточныхъ племенъ. Не имѣя надобности стегать разгоряченныхъ животныхъ, татарченокъ уже стегалъ по деревьямъ, сучьямъ, наконецъ по птицамъ; а когда выѣхали мы на лугъ, гдѣ я предоставилъ ему полную волю, онъ выкинулъ еще новую штуку. Козлы экипажа, вѣроятно, показались ему мѣстомъ слишкомъ спокойнымъ: онъ спустился внизъ, на самую подножку, гдѣ и помѣстился въ необозримо-насильственномъ положеніи, перегибаясь къ колесамъ, и, на пути, подымая кнутомъ съ земли камешки, щепочки, лычки и проч. Только у околицы бахтыевской деревни онъ придержалъ лошадей, поднялся на ноги и, стоя, перегнулся ко мнѣ. Потъ текъ съ него градомъ, лицо горѣло, дышалъ онъ тяжело, и всѣ зубы, достойные красоваться за стекломъ дантиста, были наружи.

— Тебѣ къ Бахтыеву гулять?—спросилъ онъ на языкѣ собственнаго изобрѣтенія.

Я отвѣчалъ утвердительно:

— Гуляй къ Бахтыеву, любезнѣйшій!

Есть предметы, располагающіе къ пріятнымъ ощущеніямъ и самоувѣренности: такова была деревенька, въ которую мы пріѣхали. Одна половина ея, вслѣдствіе недавняго пожара и начальническихъ распоряженій, была, что́ называется, съ иголочки. Два ряда красивыхъ избъ, совершенно схожихъ между собою, тянулись длинной аллеей до оврага. За оврагомъ начиналась другая половина деревни, находившаяся въ первобытномъ состояніи и представлявшая такой хаосъ деревянныхъ домовъ, заборовъ, переулковъ, что могла дать понятіе о хивинской или бухарской столицѣ. Каждый домъ стоялъ посреди двора, окруженный заборомъ. Проходы, образуемые заборами, ломались, выходили уступами, часто совсѣмъ замыкались и только какимъ-нибудь крутымъ поворотомъ выпускали въ другую цѣпь переулковъ безъ конца и почти безъ выхода. Нѣкоторыя при-

стройки выходили на улицу, но всегда глухой своей стороной, гдѣ не видать было ни окна, ни двери, а одни сплошныя бревна. Нѣкоторые заборы врѣзывались углами въ чужіе дворы и содержали съ ними сообщеніе посредствомъ тѣсныхъ калитокъ. Въ этомъ лабиринтѣ новому человѣку нельзя было никакъ найти дорогу безъ проводника. Теремки нѣкоторыхъ избъ выглядывали изъ дворовъ своихъ на проулки, словно сторожевые пункты. Тутъ была бездна романтизма, безъ всякаго признака самого романа. Вы могли предполагать что угодно и спокойно идти, зная напередъ, что предположеніе не исполнится: этотъ безопасный просторъ для фантазіи имѣетъ свою прелесть. Въ одномъ изъ такихъ домовъ, ожидая преобразованія и новой планировки, жилъ крестьянинъ Карашъ Абдулычъ Бахтыевъ, котораго русскіе величали княземъ, а соплеменники—мурзой. Бахтыевъ, слышно было, принималъ эти титулы какъ нѣчто должное ему.

Я былъ нѣсколько смущенъ, не встрѣтивъ на дворѣ его ни души. Какое-то длинное существо въ бѣломъ армякѣ съ красными шерстяными разводами на спинѣ, наложенными по швамъ, стояло, не двигаясь, у крыльца чистой избы. Длинное существо слѣдовало за мной, когда я по инстинкту отыскалъ извѣстную татарскую парадную комнату, служащую пріемной и молельной. Парадная комната Караша красовалась изразцовой печью, устлана была коврикамн и носила явный характеръ домашней сокровищницы. Два сундука, обитые желѣзомъ, стояли въ одномъ углу ея; въ другомъ возвышалась широкая постель, съ горой пуховиковъ, подушекъ и одѣялъ. Въ особенныхъ шкапахъ сіяли чашечки съ золотыми ободочками и надписями въ родѣ: „кого люблю, того дарю“. Между шкапами ярко кидалась въ глаза величавая бѣлая чалма, повѣшенная на гвоздикѣ и употребляющаяся обыкновенно при выходѣ въ мечеть. Много особенной пріятности сообщали комнатѣ горшки съ вялыми полевыми цвѣтами на окнахъ и въ простѣнкѣ оконъ стѣнные часы съ черной эѳіопской головой наверху, которая за всякимъ ударомъ маятника страшно поводила бѣлыми глазами изъ стороны въ сторону. Пріемную свою Карашъ держалъ отмѣнно чисто.

Осмотрѣвъ комнату, я обратился къ длинному человѣку и съ перваго внимательнаго взгляда узналъ въ немъ чувашанина. Безъ преувеличенія можно было сказать, что онъ весь состоялъ изъ угловъ, образуемыхъ отвсюду выступившими костями. Крупныя и вмѣстѣ какъ-то пухлыя и обвислыя черты лица находились въ противоположности съ сухой конструкціей его тѣла, но очень хорошо шли къ выраженію самой физіономіи. Всякій бы распозналъ на ней доброту и наивность въ неимовѣрно сильномъ градусѣ; но это даже

были не дѣтскія доброта и наивность, а скорѣе человѣка разбитаго параличомъ или очень стараго. Чувашанинъ стоялъ у двери, сложивъ руки на животѣ. Сѣрые глазки его не выражали любопытства и, казалось, потому только смотрѣли, что иначе нельзя.

— Князь дома?—спросилъ я, подходя къ нему.

Чувашанинъ заморгалъ глазами и началъ болтать:

— Ты подожди... надо садиться... мурза сюда будетъ... Вотъ, вотъ мурза халатъ беретъ... Только взялъ—тутъ и будетъ...

„Сильно сказано!“ подумалъ я и хотѣлъ продолжать разговоръ, чтобы долѣе прислушаться къ этому лепету, въ которомъ мысль едва могла держаться, какъ съ послѣднимъ его словомъ вошелъ въ комнату приземистый и толстый человѣкъ, въ широкомъ халатѣ поверхъ куртки, въ сапогахъ съ длинными голенищами и съ цвѣтной ермолкой на головѣ. Это былъ самъ Карашъ. Рѣзкія морщины покрывали словно сѣткой одутловатое лицо его, на которомъ лежала печать глухого, сосредоточеннаго упорства. Узкіе глаза его смотрѣли пытливо и подозрительно, а за рѣдкими подстриженными усами и сѣдой бородой его видны были толстыя губы, явно выражавшія соединеніе страсти и хитрости... Переступивъ порогъ, онъ сѣлъ на скамью, показалъ мнѣ мѣсто и, видимо подражая утонченности коренного русскаго обхожденія, произнесъ:

— Пожаловать просимъ! гостямъ рады! Смѣю безпокоить: тебѣ что надо?

— Лошадокъ надо до ближайшей станціи, Карашъ Абдулычъ, отвѣчалъ я довольно опрометчиво.

— Это хорошо, возразилъ князь, поглядѣвъ на меня искоса:— вѣдь ты за прогонами не постоишь?

— Конечно, не постою.

— Ну, такъ лошадки будутъ. А смѣю безпокоить: ты какъ сюда попалъ? большой дорога у насъ двадцать-пять верстъ; господъ здѣсь никакихъ нѣтъ—развѣ ты съ нашимъ братомъ татаромъ знакомъ?

Бахтыевъ говорилъ довольно чисто по-русски, но безпрестанно ошибался въ родахъ, что производило особенный видъ комизма, отлично извѣстный читателю по драматическимъ писателямъ нашимъ. Желая исправить первую мою оплошность, я принялся откровенно объяснять ему, какъ ѣхалъ за Каму, къ пріятелю, по дѣлу и какъ свернулъ съ дороги нарочно, чтобы съ нимъ, Карашемъ Абдулычемъ, повидаться.

— За это тебѣ мое спасибо, отвѣчалъ онъ хладнокровно:—да не нужно ли тебѣ чего продать?

— Я не за продажей пріѣхалъ, Карашъ Абдулычъ: — а если бы что́ и было продать, такъ нельзя: далеко живу отсюда.

— Нужды нѣтъ: мы вездѣ бываемъ, покупаемъ всякое хозяйство, мы люди торговый — не знаешь, куда далеко заѣдешь... Да ты не чиновникъ ли какой?

— Нѣтъ, у меня свои дѣла и досугу много: захотѣлось съ тобой познакомиться, Карашъ Абдулычъ, я и дѣло бросилъ...

— За это тебѣ мое спасибо! Только угощать мнѣ нельзя теперь: не въ такой пору пріѣхалъ. У насъ ныньче постъ. Когда у насъ постъ, мы цѣлый день не кушаемъ; кушаемъ только какъ солнце зашло. Это такъ у насъ положено... Да ты не за описью ли къ намъ присланъ?

— Да нѣтъ же,—отвѣчалъ я съ досадой: — говорю же тебѣ, Карашъ Абдулычъ, что просто пріѣхалъ навѣстить тебя и ничего мнѣ не нужно.

— За это тебѣ спасибо! Правду говорить: въ деревнѣ что́ описывать? Живемъ тихо, повинность у насъ исправна, себѣ кой-что сработаешь. А лошадокъ я тебѣ дамъ рѣзвыхъ и кучера, вонъ какого кучера: будешь меня благодарить.

И при послѣднихъ словахъ онъ показалъ на чувашанина, который во все время нашего разговора стоялъ неподвижно у двери.

— Что́ онъ у тебя въ наймахъ, что́ ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не въ наймахъ. Деньгу бралъ, десятокъ пятокъ задолжалъ; а платить нечѣмъ. А надо же дать мужику раздѣлаться. Я отъ деньги отказался, а взялъ его на заработки. Мнѣ бы и не нужно; много своихъ просятся, а взялъ: надо дать мужику раздѣлаться.

— Давно онъ у тебя на заработкѣ?

— Другой годъ есть.

Въ этомъ мѣстѣ онъ былъ прерванъ неожиданнымъ восклицаніемъ чувашанина, который вдругъ замялся какъ-то на ногахъ, передернулъ плечами, поднялъ брови ко лбу и промычалъ:

— Заработка прошла... деньга заработалъ... деньгѣ конецъ — денегъ ничего... денегъ вотъ что́...

И съ этимъ словомъ онъ дунулъ что есть мочи на воздухъ.

— Точно, Юра, долгъ свой ты заработалъ: это точно. Господинъ нашихъ дѣлъ не разберетъ, а только долгъ свой онъ заработалъ, господинъ. Теперь, Юра, ты мнѣ *польза* служишь: это такъ.

Лучъ гордости блеснулъ въ глазахъ чувашанина, и въ голосѣ его послышалась явная нота торжества.

— Я тебѣ *польза* служу!—сказалъ онъ самодовольно.

— Развѣ у него нѣтъ семьи и своей работы, что ты такъ долго держишь его у себя?—спросилъ я у князя.

— Общество позволило. Семья у него большая — продавать у ней добро нехорошо, общество сдѣлало приговоръ. Онъ живетъ по приговору.

— Это другое дѣло; да зачѣмъ онъ бралъ такую кучу денегъ?

— Зачѣмъ бралъ?—отвѣчалъ Карашъ съ выраженіемъ необычайнаго презрѣнія. — Смѣю безпокоить: спроси его! Разорился мужикъ на шайтана!

Лицо чувашанина искривилось страхомъ и огорченіемъ.

— Не говори о шайтанѣ, мирза,—забормоталъ онъ съ горячностію.—Онъ твою деньгу унесетъ, домъ унесетъ, тебя унесетъ совсѣмъ... Руки длинныя у шайтана... Не надо говорить о шайтанѣ... шайтанъ силенъ.

— Онъ у васъ, чуваша, силенъ,—отвѣчалъ мирза съ тѣмъ же презрѣніемъ. — Здѣсь ему шалить не позволяютъ. Разорился, баринъ, мужикъ на шайтана, по ихнему—кереметь! Кереметямъ кланяется чуваша больше, чѣмъ тору, а это значитъ добрый богъ; только онъ у нихъ не одна: тору и керемети у нихъ не сочтешь. Каждый деревня своихъ держитъ. Торамъ молятся, а почету никакого нѣтъ—чука идетъ имъ по праздникамъ. Вотъ кереметямъ у нихъ хорошее житье: лучше не надо чука.

— Да что́ значитъ чука?—спросилъ я.

— Значитъ жертва по-ихнему. Чука идетъ кереметямъ часто, только и думаютъ, чтобы чуку справить керемети, деньгу на него занимаютъ, добро свое продаютъ, да и суму на себя надѣваютъ.

— А тору что́ служить? — воскликнулъ чувашанинъ: — тора терпитъ!

— Это точно! — возразилъ Бахтыевъ съ насмѣшкой. — Подождать, аль еще забудетъ. У керемети много памяти: ему всяка день тащи корову, барана, въ лѣсъ ступай, жги скотину, самъ ѣшь, муллу угощай, за дерево деньги клади. У керемети животъ здоровъ и карманъ здоровъ—никогда не скажетъ: будетъ! Іомзы ваша его не учили этому!

Разговоръ дѣлался все горячѣе. Мурза Бахтыевъ пришелъ въ нѣкотораго рода одушевленіе. Желаніе блеснуть своимъ образованіемъ, которое уже было замѣтно съ самаго начала, нашло, по милости чувашанина, спокойное ложе и полилось рѣкой. Въ словахъ мурзы сквозило такъ много національной гордости и чувства своего превосходства передъ Юрой, что онъ, повидимому, самъ наслаждался своими словами. Рѣдкіе, бѣглые взгляды, брошенные на меня Бахтыевымъ, породили во мнѣ даже мысль, что онъ нарочно поддразнивалъ чувашанина, съ намѣреніемъ занять пріѣзжаго гостя на чужой счетъ. Я охотно поддался обману, такъ какъ бесѣда ихъ казалась мнѣ весьма занимательной.

— Ты не знаешь, баринъ, что́ іомза значитъ? — продолжалъ мурза.—Значитъ мужикъ-ворожей, а бываетъ и баба тоже ворожей, только оба первый плутъ. Заболѣетъ какой чуваша—къ іомзѣ; сгони болѣзнь. Въ бѣду попался—кланяется іомзѣ: вышли вонъ бѣду. А у іомзы одинъ отвѣтъ: кереметь виноватъ!... Купи, говоритъ, корову пѣгую, другой коровы не покупай, а покупать будешь, не торгуйся: кереметь этого не любитъ. А какъ купилъ, въ лѣсъ веди, да пива еще захвати: безъ пива ничего не будетъ: кереметь это любитъ. Іомза наѣстся, напьется и деньгу возьметъ. Не помогла чука отъ бѣды: значитъ, кереметь не сытъ,—веди теленка. А коль нѣтъ у тебя болѣзни и бѣды нѣтъ, все иди къ іомзѣ и зови къ керемети. Другой чуваша всю избу такъ перетаскалъ къ нимъ.

Юра покраснѣлъ, сильно замахалъ руками и принялся говорить со всѣми признаками живѣйшаго негодованія:

— Что́ же ты это, мурза? Какъ же ты это?... Іомза первый человѣкъ. Іомза зубы поправилъ... вора открылъ... Воръ ушелъ за горы—самъ воротится—іомза вернетъ. Воръ лапти въ колодезь бросилъ, іомза пришелъ, бадьѣ сказалъ: вытащи—тащитъ. Ты зачѣмъ же такъ говоришь?... Іомза дождь на поле притянулъ, градъ въ оврагъ загналъ, оттуда не пустилъ—ни... Іомзу кереметь слушается, ирихи у него спрашиваются. А ты какъ же это, мурза? Тебѣ не надо... не... не...

— Да вотъ еще,—продолжалъ неумолимый мурза:—ты можетъ, баринъ, не знаешь, что́ значатъ ирихи чуваша? Видѣлъ рябину, пара-другой сучьевъ съ рябины въ кувшинъ поставятъ, а кувшину надо быть изъ свинца, повѣсятъ кувшинъ въ клѣти—вышелъ у нихъ ирихъ. Кланяться ему начинаютъ: онъ скотину бережетъ. Другого ириха въ амбаръ повѣсятъ—хлѣбъ бережетъ, въ чуланъ повѣсятъ—добро бережетъ. Весна придетъ, старую рябину бросаютъ, новой берутъ; молодыхъ ириховъ дѣлаютъ... Имъ такой же поклонъ: глупый это народъ!

Чувашанинъ съ яростію топнулъ ногой и произнесъ:

— Чуваша первый народъ... Чуваша былъ *тутъ* прежде всѣхъ... Чуваша жилъ тутъ давно, дѣтей много было, никого не было... Онъ видѣлъ, какъ твоя сюда пришла, чуваша видѣлъ, какъ онъ сюда пришла.

И съ этимъ словомъ Юра указалъ перстомъ на мою смиренную особу.

— Да что́-жъ въ томъ, что она была здѣсь давно, чуваша?—возражалъ неотвязчивый князь.—У насъ большой камень въ лѣсу прежде чуваша здѣсь былъ, а уваженія ему не дѣлаютъ. Чуваша только яйца переводилъ,—больше ничего.

— Это какъ?—спросилъ я.

— Много у нихъ вздору, баринъ,—отвѣчалъ Бахтыевъ:—помнить нельзя, тебѣ слышать наскучитъ... А яйца чуваша попусту переводитъ, за всякій разъ. Баба ли родитъ, умретъ ли кто, или ты жену взялъ, давай яйца. Іомза приходитъ, палочка изъ рябины беретъ, у тебя на головѣ яйцо, колетъ и въ сторону бросаетъ: кереметю подачку сдѣлалъ. Кереметь такого ужъ не тронетъ и души у мертваго не унесетъ: задатокъ взялъ. Видно, онъ у чуваша до всего охотникъ, а собственная скотина не держитъ!

Сказавъ эту остроумную ѣдкость, мурза уперся руками въ колѣни и засмѣялся глухимъ внутреннимъ смѣхомъ. Къ великому изумленію моему, чувашанинъ, еще незадолго столь горячій и разсерженный, послѣдовалъ его примѣру. Вѣроятно, замѣчаніе мурзы показалось ему до крайности забавно. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на смѣющагося хозяина, онъ вдругъ разразился великолѣпнѣйшимъ хохотомъ. Любители *здороваго* смѣха нашли бы тутъ превосходный образчикъ. Конечно, онъ дѣйствовалъ отчасти раздражительно на ваши нервы, но за то уже каждый звукъ его былъ полонъ, добродушенъ и добросердеченъ. Приходъ новаго, четвертаго лица внезапно прервалъ его,—и, по-моему, довольно кстати.

Это новое лицо была женщина небольшого роста и чрезвычайно молодая—лѣтъ шестнадцати, въ чадрѣ, или головной весьма богатой повязкѣ, концы которой падали на спину и блестѣли шолковыми своими узорами. Платье ея, по татарскому обыкновенію, состояло изъ широкаго цвѣтного балахона, похожаго на утренній женскій капотъ; верхъ его около шеи и низъ обложены были кругомъ разноцвѣтными квадратными кусочками изъ шерстяныхъ, ситцевыхъ и шолковыхъ матерій. Слабо завязанный кожаный поясокъ, съ пришитыми къ нему старыми рублями, бляхами и амулетами, спускался внизъ. Точно такая же перевязь (хасида), съ серебряными рублями, медалями, пластинками, лежала черезъ плечо татарки и звучала при каждомъ ея движеніи. Я замѣтилъ на ножкахъ ея толстые, но щегольскіе башмачки съ краснымъ оторочкомъ и высокими каблучками, которые пристукивали очень эффектно на ходу. Сама молодая особа представляла изъ себя замѣчательный типъ татарской красоты. По выпуклости скулъ, маленькимъ глазамъ и росту она походила на мальчика, съ чѣмъ согласовались и всѣ ея движенія, короткія и рѣзкія. Яркій лоскъ смуглой кожи подтверждалъ сходство,—все вмѣстѣ не лишено было особенной прелести. Опустивъ глаза, прошла она мимо насъ къ шкапу, отыскала въ немъ какую-то вещицу и, не подымая черныхъ рѣсницъ своихъ, возвратилась назадъ. Только въ дверяхъ, когда она запирала ихъ за собой,

замѣтилъ я взглядъ любопытства и дѣтской рѣзвости, брошенный на нашу компанію. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что это, должно быть, или любимая дочь, или молодая, балованная жена мурзы Караша. При входѣ ея, огонь пробѣжалъ въ глазахъ Бахтыева и тотчасъ же потухъ, какъ она скрылась за дверьми.

— Ступай, Юра,—сказалъ онъ:—будетъ намъ спорить, пора закласть лошадей господину.

— А вотъ закладъ тотчасъ,—отвѣчалъ Юра и скрылся.

Теперь-то — подумалъ я—наступило время привести въ исполненіе задуманный планъ и разспросить князя исподволь о всѣхъ коммерческихъ и банковыхъ его оборотахъ.

Съ этой цѣлью я уже намѣревался подсѣсть къ нему поближе и начать изслѣдованіе сколько возможно мягче; но весь этотъ маневръ предупрежденъ былъ Бахтыевымъ. Онъ самъ придвинулся ко мнѣ, наклонился на ухо и спросилъ довѣрчиво:

— Растолкуй мнѣ, баринъ, одна загадка. Какъ это чужой народъ Алжерею за себя взялъ? Ему зачѣмъ это?

Конечно, я всего могъ ожидать отъ тщеславія Бахтыева и страсти его показать себя не простымъ человѣкомъ; но, признаюсь, неожиданная выходка эта сразила меня. Нѣсколько минутъ не могъ я собраться съ отвѣтомъ и смотрѣлъ ему въ глаза, какъ докторъ.

— Не знаю, любезнѣйшій Карашъ Абдулычъ,—сказалъ я наконецъ:—я объ этомъ не справлялся. Да большой надобности въ томъ и нѣтъ. А вотъ скажи-ка мнѣ лучше: много у тебя капиталу роздано по рукамъ?

— Какой у насъ капитала? Капитала наша, баринъ, для мужиковъ держутъ—все гроши и гроши; рубль какой попался, такъ господину отдать. Гдѣ капитала у насъ? Ну, а коль чужой народъ Алжерею...

— Эхъ, Карашъ Абдулычъ, оставимъ Алжерею въ сторонѣ: на что она намъ годится?—прервалъ я, предчувствуя, что отступленіе погубитъ весь мой планъ.—А вотъ я не согласенъ съ тобой, что о грошахъ не стóитъ говорить. Изъ грошей рубли выходятъ, самъ ты знаешь, да и все равно, по-моему, что грошами, что рублями ворочать. Примѣромъ сказать, если ты отдашь сотню пятаковъ въ чужія руки, сколько тебѣ барыша дастъ она въ годъ?.. Разумѣется, тутъ надо принять въ соображеніе...

— Какая барышъ? Наша барышъ такая: дашь деньгу чистую, и получать надо голодна скотиной, хомутъ какой, дрянь всякая. Ты бы не посмотрѣлъ, у тебя такой гниль въ амбарахъ лежитъ, аль можетъ еще сожжешь. Стыдно объ этомъ говорить, брось это. Барину о важныхъ дѣлахъ думать надо. Вотъ, по-моему, чужой

народъ за деньгой пришелъ въ Алжерею, дать бы имъ денегъ — они бы ушли. Какъ по-твоему?

Я понялъ, что сбить его съ *образованнаго разговора* не представлялось возможности, и потому отвѣчалъ уклончиво:

— Мы можемъ объ этомъ послѣ переговорить, Карашъ Абдулычъ, а теперь позволь тебѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Смышленый человѣкъ вездѣ видѣнъ, чтó-бъ онъ ни дѣлалъ. Другой алмазами торгуетъ, а смотрѣть нечего; другой корову продаетъ, а заслушаться надо. Пойдешь и въ сторону, чтобъ только поглядѣть на смышленаго человѣка, вотъ какъ я.

— Это точно! за это тебѣ мое спасибо, — возразилъ мурза, подымаясь: — только какая смышленость наша! Мы въ деревнѣ живемъ и никакихъ вѣстей не знаемъ. Свѣта не видаемъ. Въ городѣ побываешь, только свѣта и узнаешь. Отъ насъ, баринъ, нечему учиться. Кругомъ никто политика не знаетъ и никакого разсужденія не смыслитъ!

Я молчалъ, рѣшительно недоумѣвая, какимъ образомъ прицѣпиться къ настоящему, дѣльному разговору. Мурза порѣшилъ мое недоумѣніе на свой ладъ.

Онъ наклонился къ окну, уперся обѣими руками въ косяки и, помолчавъ немного, проговорилъ:

— А вотъ скоро тебѣ и лошади готовы. Ты прогоны здѣсь платишь иль на мѣстѣ?

— Пожалуй на мѣстѣ, — отвѣчалъ я невольно.

— Ну, на мѣстѣ: я такъ и прикажу.

Потомъ онъ подошелъ къ простѣнку между шкапами, снялъ висѣвшую тутъ чалму и прибавилъ съ тѣмъ видомъ лживо-простодушной откровенности, которую путешественники замѣтили вообще у всѣхъ азіятскихъ племенъ:

— А мнѣ пора на молитву. Ты знаешь, баринъ, мы молимся пять разъ съ сутки. Сперва мы молимся ночью, потомъ ходимъ на молитву утромъ, а потомъ въ полдень, а потомъ вечеромъ.... пять разъ. Колоколовъ у насъ нѣтъ, а башенка у церквей есть; на башнѣ балконъ есть. Когда нужно молиться, на балконъ идетъ...

— Знаю, — отвѣчалъ я съ нѣкоторой досадой: — это я знаю.

— Такъ и быть надо! На то ты и ученья проходилъ, чтобъ знать, чего самъ не смотрѣлъ. Лошади твои готовы. Смѣю безпокоить!

Тутъ онъ вышелъ на крыльцо, куда, разумѣется, и я за нимъ послѣдовалъ. Юра сидѣлъ уже на козлахъ и только махнулъ головой, когда хозяинъ приказывалъ ему получить съ меня прогоны на мѣстѣ. „Славная повозка!“ замѣтилъ мурза, стоя на крыльцѣ.

Распрощавшись съ нимъ такъ дружелюбно, какъ только могъ, я сѣлъ въ тарантасъ. Князь Карашъ подошелъ къ самому колесу, подалъ мнѣ руку и произнесъ съ таинственностію: „Добра путь! Коль запоздаешь на Каму и перевоза не будетъ, скажи: отъ Бахтыева: перевозъ будетъ“. Мы выѣхали со двора, миновали лабиринтъ закоулковъ, о которомъ говорено было, и скоро очутились въ полѣ.

Тутъ только успѣлъ я одолѣть непріятное чувство, оставленное во мнѣ упорнымъ княземъ, чему, вѣроятно, немало способствовалъ и рѣзкій, холодный вѣтеръ, поднявшійся съ сѣвера. Онъ заставилъ меня подумать о самомъ себѣ. Сомнѣнья не могло существовать, что мурза отпустилъ меня ни съ чѣмъ. Напрасно старался я увѣрить себя, что поѣздка эта еще не совсѣмъ пропала, напрасно хотѣлось мнѣ изъ страдательной роли, которую игралъ въ дому Бахтыева, сдѣлать, для собственнаго успокоенія, хитрую и дальновидную уловку... Не гнулось даже самолюбіе, вообще столь гибкое въ человѣкѣ, и обмануть самого себя, что́ почти не представляетъ ни малѣйшей трудности въ обыкновенное время, сдѣлалось теперь совершенной невозможностью. Оставалось одно изъ двухъ: или всю дорогу молча бѣситься на обстоятельства и людей, или, махнувъ рукой, помириться съ ними и съ собой, какъ можно скорѣе. Взвѣсивъ хорошенько выгоды и неудобства обоихъ душевныхъ настроеній, я отдалъ предпочтеніе послѣднему, какъ болѣе спокойному и, главное, не требующему особенныхъ нравственныхъ совершенствъ. Неимовѣрное озлобленіе судьбы, положившей задать мнѣ урокъ наивозможно полный, разрушило всѣ тѣ преимущества, какихъ я имѣлъ право ожидать отъ моего выбора.

Покуда раздумывалъ я такимъ образомъ о своемъ положеніи, спина чувашанина, изукрашенная шерстяными нашивками, безпрестанно мелькала у меня передъ глазами и принудила наконецъ обратить вниманіе на самого *владѣльца оной*. Мы ѣхали маленькой рысцой. Юра опустилъ возжи и покачивался изъ стороны въ сторону съ такимъ видомъ безпечности, что смотрѣть было любо. Другое дѣло, если бы онъ спалъ,—но онъ не спалъ, а разговаривалъ съ самимъ собой вполголоса. Это былъ родъ внутренняго созерцанія, свойственнаго всѣмъ сѣвернымъ народамъ, какъ извѣстно изъ лучшихъ курсовъ литературы. Къ несчастію, Юра бесѣдовалъ съ собой на своемъ отечественномъ языкѣ, и я ничего не могъ понять изъ того глубокаго анализа, который онъ, вѣроятно, производилъ надъ собственными чувствами и ощущеніями. До меня долетали только звуки болѣе или менѣе силлабическіе, ломаные и дикіе. Напрасно ждалъ я, что монологъ Юры превратится, наконецъ, во что-нибудь

живое, одушевленное—въ пѣсню, напримѣръ, или хотя въ декламацію: онъ оставался по прежнему полу-шопотомъ и далѣе не шелъ. Спросить о содержаніи этого длиннаго разсужденія себѣ подъ носъ значило только нарушить занятіе чувашанина, а удовлетворительнаго отвѣта не получить. Къ счастію, Юра самъ пособилъ горю. Прервавъ неожиданно бормотанье свое, онъ обратился въ мою сторону, робко посмотрѣлъ на меня, но, замѣтивъ вѣроятно выраженіе благосклонности на лицѣ моемъ, тотчасъ же началъ:

— Мурза бранилъ кереметь—ты слышалъ? А кереметь въ избѣ у мурзы.

— Кереметь у мурзы!... Какъ же это такъ, Юра?

— Такъ... ты видѣлъ, баба молодая... пришла и ушла. Мурза поглядѣлъ и ты поглядѣлъ... Видѣлъ?... Она—кереметь!

— Можно ли, Юра?

— Можно... Она—кереметь!... Мурза богатъ—мурза *просить* будетъ; у мурзы изба высокая — у мурзы изба пропала; мурза первый человѣкъ—мурза послѣдній человѣкъ скоро сдѣлался.

— Да отчего же такъ, Юра?

— У мурзы кереметь.

— Что́ же она ему—дочь, сестра, жена?

— Кереметь женой обернулся. Старшимъ женамъ себѣ служить велѣлъ... Тащитъ изъ избы запасъ—у мурзы пожаръ завелъ. Давай ему рубаху писанную, а старыхъ много, много; давай платокъ, а платковъ много, много; давай деньгу: все на себя надѣлъ. Мурза рубль заработалъ—кереметь рубль съѣлъ. Самъ не съѣлъ—сестрамъ подарилъ, на улицу бросилъ. Разсердится мурза, а кереметь смѣется, а мурза отойти отъ керемети не можетъ. Видитъ мурза бѣду—самъ идетъ на бѣду. Мурза будетъ послѣдній человѣкъ. Кереметь не шутитъ, кто его бранилъ! У керемети глазъ много: смотритъ на мужика, смотритъ... у!

Чувашанинъ боязливо оглянулся во всѣ стороны, подобралъ возжи и поскакалъ во всю прыть. Мы были въ лѣсу, который буквально кряхтѣлъ отъ вѣтра. Деревья стучали еще голыми своими вѣтвями другъ о друга и пронзительный вой ходилъ по рощѣ вдоль и поперекъ. Чувашаниномъ овладѣло странное безпокойство; онъ то наклонялся впередъ и долго озиралъ далекую перспективу просѣки, по которой мы ѣхали, то всматривался пристально въ чащу бора, то оглядывался назадъ и быстро перекидывался опять къ лошадямъ, которыхъ гналъ безъ устали. По судорожнымъ и суетливымъ движеніямъ его легко было догадаться, что его преслѣдуетъ неодолимый ужасъ и онъ торопится поскорѣе выбраться изъ

лѣсу, обыкновеннаго жилища чувашскихъ злыхъ духовъ. Выѣхавъ на поляну, Юра снова обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Кереметь силенъ!... Лежитъ одна дорога—сдѣлалъ пять дорогъ: мужику некуда ѣхать; срубилъ бревно — поперекъ бросилъ, волкомъ обернулся—лошадей затравилъ: мужику конецъ пришелъ!

Нѣкоторое волненіе не оставляло бѣднаго чувашанина и въ открытомъ полѣ, хотя лошади бѣжали уже тише. Онъ все еще озирался по сторонамъ и, казалось, чего-то искалъ на всѣхъ точкахъ горизонта. Была минута, когда онъ вдругъ вытянулся и нѣсколько времени совершенно неподвижно смотрѣлъ на какой-то предметъ въ необъятной степи, разстилавшейся кругомъ. Послѣ долгаго, напряженнаго вниманія онъ снова опустился на козлы и принялъ обыкновенное положеніе.

— Кереметь хитеръ!—сказалъ онъ опять, обращаясь ко мнѣ:— въ полѣ огонь развелъ, а огня нѣтъ; мельница замахала: пріѣхалъ на мельницу, назадъ ушла; назадъ поѣхалъ, впередъ ушла: мужикъ голову потерялъ!..

Мнѣ самому начинало становиться жутко: бесѣда въ этомъ родѣ могла продолжаться у насъ всю ночь! Чувашанинъ находился подъ такимъ тяжелымъ и полнымъ гнетомъ своихъ вѣрованій, что они уничтожили въ немъ всю энергію и всякую возможность думать о чемъ-либо другомъ. Кереметь не сходилъ у него съ языка, и бѣдному Юрѣ за нимъ ничего болѣе не представлялось. Я съ своей стороны уже достаточно ознакомился съ кереметью и дальнѣйшія подробности о немъ могли бы только отяготить мою память, безъ всякой пользы для керемети. Поэтому съ нѣкоторой радостію замѣтилъ я ошибку въ дорожныхъ моихъ исчисленіяхъ. Гораздо ранѣе, чѣмъ я предполагалъ, показался сырой песокъ на дорогѣ, выступилъ прибрежный кустарникъ, и Кама съ бѣлѣющимися волнами блеснула широкой лентой, освѣщенной полнымъ сіяніемъ мѣсяца.

Только здѣсь можно познакомиться основательно съ холодными весенними ночами, наступающими послѣ теплаго дня, который распустилъ снѣгъ и погналъ множество ручьевъ по скатамъ холмовъ и въ овраги. Съ непривычки, ночи эти кажутся весьма странными. Часто мѣсяцъ стоитъ высоко и въ полномъ блескѣ надъ вами, на небѣ нѣтъ ни облачка, а между тѣмъ что-то очень похожее на бурю гуляетъ по неизмѣримому пространству, покрытому яркой серебряной пеленой... Послѣдняя подробность, кажется, еще только увеличиваетъ холодъ, сырость и дрожь, которыя, при небольшой оплошности, весьма часто случающейся въ это обманчивое время года (я находился именно въ такомъ положеніи), проникаютъ вамъ въ кости. Это не морозный холодъ, а что-то влажное, разъѣдающее,

исполненное простудныхъ болѣзней всѣхъ-возможныхъ видовъ. Надо же было случиться именно такой ночи, когда возвращался я отъ Бахтыева къ старому пункту отправленія. Мурза угадалъ. На берегу рѣки не было ни души, о перевозѣ помина не существовало, только плескались волны, да вдали по Камѣ виднѣлся какой-то движущійся, едва различаемый огонекъ. Мысль, что я могу тутъ заночевать, увѣряю васъ, принадлежала къ разряду самыхъ тяжелыхъ мыслей, когда либо приходившихъ мнѣ въ голову.

— Юра!—сказалъ я, подымаясь на ноги въ экипажѣ:—кричи на ту сторону, чтобъ выслали перевозъ!

Юра соскочилъ съ козелъ, подошелъ къ самой закраинѣ рѣки, приложилъ руки къ губамъ въ видѣ воронки и дикимъ голосомъ закричалъ: „плу-о-тъ!“

Голосъ его разнесся по рѣкѣ, но не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на противоположномъ берегу: тамъ никто не пошевелился, словно никого и не было.

Мнѣ стало казаться, что участь Уголино малымъ чѣмъ печальнѣе моей. Въ отчаяньи я снова сѣлъ въ экипажъ, подозвалъ чувашанина, который все еще ждалъ отвѣта на берегу, и спросилъ:

— Юра! умѣешь ты по-татарски?

— Умѣлъ по-татарски,—отвѣчалъ Юра.

— Можешь ли ты сказать, что мурза Карашъ пріѣхалъ и ждетъ перевоза.

— Сказалъ сейчасъ,—отвѣчалъ онъ снова.

— Такъ скажи это громко, что есть въ тебѣ мочи, любезный другъ Юра.

— Будетъ громко.

Онъ подошелъ къ рѣкѣ и раза три вскрикнулъ такъ сильно, что лошади подняли головы и зашевелили ушами. Не полагаю, чтобъ татарская фраза, вытянутая имъ, была совершенно непогрѣшительной конструкціи, но вѣроятно самый голосъ чувашанина былъ уже знакомъ перевозчикамъ и по милости ея яснѣе обозначился. Чуткій слухъ мой тотчасъ распозналъ движеніе на обѣтованномъ берегу, говоръ поднимающихся людей, и вскорѣ потомъ раздалось оттуда длинное: ау!... которое прилетѣло ко мнѣ, признаюсь, какъ самый радостный вѣстникъ.

Я вздохнулъ свободнѣе. Теперь мнѣ оставалось только ждать; но ждать, покуда соберутся люди, тронутся съ мѣста и къ намъ прибудутъ, приходилось очень порядочно. Я какъ можно крѣпче завернулся въ лѣтнюю шинель, которая болѣе свидѣтельствовала о моей радости при наступленіи весны, чѣмъ объ истинномъ познаніи ея свойствъ. Кому изъ читателей не случалось стоять нѣсколько

минутъ при сильномъ вѣтрѣ въ открытомъ полѣ? Помнитъ ли онъ тотъ весьма негармоническій вой, который образовывался вокругъ его повозки, то усиливаясь, то ослабѣвая, и отъ котораго на душѣ дѣлается такъ странно, какъ будто васъ высадили на пустой островъ и тамъ покинули. Я имѣлъ счастіе попасть еще на болѣе сложную ноктурну въ этомъ родѣ. Бѣглый, но рѣзкій говоръ вѣтра въ кустарникѣ, продолжительный стонъ его, когда онъ набѣгалъ на мою повозку и секунду держался за нее какъ за добычу, наконецъ отрывистый плескъ волнъ, выбрасываемыхъ на берегъ,—все вмѣстѣ составляло *фантазію,* хитро задуманную и весьма учено исполненную. Впрочемъ, условіе, заключенное съ самимъ собой, встрѣчать одобрительно всѣ-возможные физическіе и бытовые феномены, сохранено было на этотъ разъ свято. Я только крѣпче жался въ уголъ повозки, стараясь разобрать составныя части концерта и раздумывая, что переправа можетъ быть не безопасна. Вскорѣ пропала и эта мысль: все вниманіе мое снова обратилось на чувашанина. По мѣрѣ того, какъ разыгрывалась погода, чувашанинъ дѣлался все добрѣе, все нѣжнѣе, великолѣпнѣе, смѣю сказать. Въ часъ, проведенный нами у берега, существо это вдругъ развернуло столько качествъ сердца, столько врожденной мягкости и человѣчности, что мнѣ сдѣлалось его жалко вдвойнѣ. Повернувъ мою повозку задней стороной къ вѣтру, онъ обошелъ ее нѣсколько разъ съ заботливымъ видомъ, потомъ забрался на колесо и однимъ разомъ поднялъ верхъ ея, который оставался опущеннымъ. Я услыхалъ только визгъ скобокъ и голосъ сверху: „это тепло будетъ“. Замѣтивъ, что я начинаю принимать нѣкоторыя мѣры противъ совершенной потери ногъ отъ ревматизма, онъ принялся раздѣваться, желая употребить вмѣсто одѣяла собственный свой бѣлый расшивной армякъ. Послѣ упорнаго моего сопротивленія и отказа, Юра ограничился пустымъ овсянымъ мѣшкомъ и своимъ поясомъ, которымъ перевязалъ мнѣ ноги, какъ пеленками. Мнѣ удалось потихоньку сбросить эти путы, слишкомъ запоздалые для меня. Когда я уже находился въ наилучшемъ дорожномъ комфортѣ, чувашанинъ долго смотрѣлъ на меня и повозку: безкорыстная услужливость не давала ему покоя! Юра открылъ такой предметъ для попеченій своихъ, какого человѣку, менѣе его настроенному на добро, не открыть бы во вѣкъ. Одинъ конецъ повозочнаго фартука, уже давно лишенный своей пуговки, безпрестанно былъ поднимаемъ вѣтромъ; Юра прислонился спиной къ повозкѣ и безпрестанно закрывалъ конецъ фартука, чтобъ не дать вѣтру пробраться внутрь экипажа. Трудно сосчитать, сколько разъ конецъ фартука откидывался и сколько разъ Юра опять закрывалъ его. Казалось, эта игра не могла ему наскучить;

онъ занялся ею съ упорствомъ врожденнаго побужденія и только приговаривалъ: „не хочетъ... вотъ не хочетъ... а, вотъ тебѣ... а, вотъ тебѣ“ и т. д.

И удивительно, какъ иногда природа пересиливаетъ всѣ наши разсчеты! Я расположенъ былъ любоваться этой по-истинѣ весьма добродушной сценой до самаго заключенія ея, и не знаю, право, какъ еще въ половинѣ перешелъ къ дремотѣ и сну. Правда, я очнулся весьма скоро; но тутъ была чисто внѣшняя причина, будь сказано не къ стыду моему. Въ срединѣ именно сладкаго полусна моего я вдругъ заслышалъ свистъ, грохотъ, щелкъ, смѣхъ, точно какъ-будто записной паяцъ или кукольный панталоне выкидываютъ лучшія свои штуки передъ публикой!

Я встряхнулъ головой, желая отогнать странный бредъ, и подумалъ, что въ нынѣшній разъ дремота моя была особенно нелѣпа; но, къ удивленію, свистъ, грохотъ, щелкъ, смѣхъ не умолкали, а напротивъ, становились все яснѣе. Когда уже нельзя было сомнѣваться въ дѣйствительномъ ихъ существованіи, я выглянулъ изъ тарантаса. Чувашанинъ стоялъ какъ окаменѣлый, глядя вдоль рѣки и хлопая глазами съ видомъ ужаса, который составлялъ его любимое препровожденіе времени. Между тѣмъ все ярче и ярче разливалась трескотня, пересиливая шумъ вѣтра и волнъ; вскорѣ сдѣлалась она такъ близка ко мнѣ, какъ-будто я сидѣлъ въ самомъ благоустроенномъ балаганѣ городской масляницы или гулялъ по какой-нибудь народной площади Неаполя!.. А съ приближеніемъ шумливой трещотки уяснилось мнѣ и откуда шло это даровое и столь необычайное, по мѣсту и времени, представленіе.

Оно шло съ лодки, медленно тянувшейся по Камѣ, колыхаясь вверхъ и внизъ, и наполненной тремя молодыми, какъ мнѣ показалось, парнями. Скоро догадался я, что лодка принадлежала, такъ называемой, *коноводкѣ*, которая выслала ее впередъ съ якоремъ. Брошенный якорь, съ прикрѣпленнымъ къ нему канатомъ, составляетъ твердую точку опору для коноводной машины. Посредствомъ весьма простого рычага, устроеннаго внутри ея и приводимаго въ движеніе тридцатью и болѣе лошадьми, она медленно двигалась по канату до своей точки опоры, съ грузомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ и, достигнувъ его, устроивала новый. Огонекъ, виднѣвшійся вдали при самомъ пріѣздѣ моемъ на Каму, принадлежалъ той самой коноводкѣ, лодка которой плыла теперь съ якоремъ мимо насъ. На носу ея стоялъ молодой человѣкъ, положивъ ногу на бортъ и красиво оттѣняясь въ свѣтломъ небѣ. Онъ безпрестанно поправлялъ во рту инструментикъ, порождавшій тѣ дикіе горловые звуки, отъ которыхъ веселіе нисходитъ непремѣнно на вся-

кую публику, къ какой бы націи или къ какому бы классу она ни принадлежала. Слѣдуетъ полагать, что парень добылъ инструментикъ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ, и тамъ, уже за-одно вѣроятно, и новому своему искусству обучился. Изъ потѣхи и собственнаго развлеченія онъ наполнялъ всю окрестность непривычнымъ здѣсь шумомъ, который такъ удивилъ меня, и, думаю, не одного. Чувашанинъ мой, напримѣръ, продолжалъ стоять какъ вкопанный, не сводя глазъ съ лодки, разинувъ ротъ и еще не зная хорошенько, считать ли это потѣхой керемети, или забавой добрыхъ людей, разгоняющихъ тоску своей души.

Когда лодка, державшаяся нашей стороны, совсѣмъ поровнялась съ нами, клокотанье, ржанье и заливная трель вдругъ пресѣклись, и вмѣсто ихъ послышался голосъ, принадлежавшій тому же молодому парню, который все стоялъ на носу якорной лодки. Я уже могъ разглядѣть артиста: онъ былъ въ щегольскомъ дубленомъ тулупѣ и въ городской фуражкѣ съ козырькомъ.

— Чего ты ждешь, молодецъ?—крикнулъ онъ чувашанину:— подымись выше и поищи хорошенько: можетъ, бродъ найдешь!

Громкій хохотъ обоихъ весельщиковъ сопровождалъ остроту; артистъ продолжалъ:

— Да никакъ это чуваши, ребята? Эй ты, чудь бѣлоглазая, не подходи близко къ рѣкѣ; русалка утащитъ.

— Какая русалка за нимъ погонится?—замѣтилъ одинъ гребецъ.

— И у нихъ всякія бываютъ,—воскликнулъ другой:—таскали и хуже его.

— Развѣ водяной его въ дворецкіе возьметъ!—подтвердилъ артистъ, и снова былъ награжденъ одобрительнымъ хохотомъ товарищей.

— Ты купца, что́ ли, везешь? — продолжалъ неугомонный малый.—Съ какимъ товаромъ?

— Должно быть, онъ водой торгуетъ,—сказалъ одинъ.

Хохотъ въ веселой компаніи росъ все болѣе и болѣе.

— Смотри, не продешеви воду-то,—возразилъ другой:—ныньче она въ цѣнѣ.

— По рублю за ведро даютъ, а съ ведромъ назадъ гонятъ,— отвѣчалъ снова первый.

— На суда берутъ хозяева вмѣсто хлѣба,—прибавилъ другой.

— Да слышно, ребята, ее ныньче въ Астрахань спускаютъ: тамъ на нее неурожай сдѣлался,—заключилъ артистъ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Едва кончалась цѣпь замѣчаній, вызванныхъ одною мыслію, какъ появлялась новая съ такой же

свитой затѣйливыхъ остротъ. Обиліе и ровное теченіе ихъ повергли меня въ нѣкоторый родъ изумленія. Богатство фантазіи и изобрѣтательности, заключенныя въ утлой ладьѣ этой, наводили родъ ужаса. Конечно, ладья эта несла самыхъ шумныхъ, веселыхъ и, вѣроятно, самыхъ неутомимыхъ прислужниковъ коноводной машины. Громкій, молодецкій смѣхъ не умолкалъ на ней ни на минуту, и невинная, совершенно беззлобивая насмѣшка безпрестанно перелетала изъ рукъ въ руки, какъ мячъ. Окованный неожиданнымъ явленіемъ, я совсѣмъ и не замѣтилъ, что вокругъ меня стряслась новая бѣда. Чувашанинъ мой находился въ состояніи неописаннаго раздраженія и уже по колѣни стоялъ въ водѣ...

Съ первыхъ же словъ артиста чувашанинъ сталъ показывать признаки негодованія, которое росло все болѣе и кончилось непомѣрнымъ и весьма комическимъ озлобленіемъ. Съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ онъ кинулся за лодкой и остановился, когда вода дошла до колѣнъ его, догадавшись, вѣроятно, что чѣмъ далѣе пойдетъ, тѣмъ рѣка будетъ глубже. Положеніе, въ которое онъ поставилъ себя, разумѣется, возбудило только вящшій напоръ остроумія у разгульнаго народа, отдѣленнаго отъ насъ злобной, впрочемъ, очень мало, стихіей. Напрасно кричалъ я ему: „ради самого Тора, назадъ, назадъ Юра!“—онъ ничего не слушалъ. Стоя въ водѣ и грозя кулаками на лодку, Юра вопилъ что есть мочи, почти заглушая лучшія выходки своихъ минутныхъ непріятелей:

— Ты не смѣй... какъ ты смѣешь?—Не пойду къ водяному! Баринъ ѣдетъ... мурза съ нимъ говорилъ... Воды нѣтъ.—Тройкой вода не ѣздитъ. Хлѣбъ за ведро... рубля не надо... солгалъ объ урожаѣ... не хочу въ Астрахань... пошелъ, пошелъ!

Чѣмъ болѣе надрывался бѣдный Юра, тѣмъ потѣха становилась сильнѣе у лодочниковъ; но—удивительная вещь!—какъ только миновала насъ лодка, хохотъ тотчасъ же прекратился; никто изъ задорныхъ пловцовъ даже не обернулся поддразнить вспыльчиваго, но безсильнаго чувашанина. Исчезъ предметъ, возбудившій веселость, исчезло и воспоминаніе о немъ: такъ все это было просто и не подкрашено жолчью. Юра еще не успѣлъ вылѣзть изъ воды, какъ снова по рѣкѣ неслись свистъ, щелкъ и грохотъ артиста, возвратившагося къ занятію своему.

Много мнѣ стоило труда, чтобы удержаться отъ смѣху, когда бѣдный Юра, отряхивая, на подобіе гуся, ножки свои, подошелъ ко мнѣ, еще преисполненный волненія и негодованія. Тщетно старался я призвать его, посредствомъ увѣщанія, къ хладнокровному воззрѣнію на прошлую сцену—онъ былъ неутѣшенъ. Въ головѣ его образовалась какая-то юридическая формула, которая засѣла тамъ

необычайно крѣпко, какъ все, впрочемъ, что́ туда ни попадало. Юра твердилъ одно: „Мы ихъ не замали—насъ не замай“. Всѣ мои старанія доказать, что формула неприложима въ настоящемъ случаѣ, остались втунѣ, хотя изложеніе мое было самое популярное, какого лучше желать нельзя. Юра не выходилъ изъ своего убійственнаго: „мы ихъ не замали“, и, запертый въ немъ, посмѣивался усиліямъ моимъ. Я уже хотѣлъ предоставить его собственному гнѣву своему, но онъ отрезвился, по милости новаго предмета на рѣкѣ, поразившаго его вниманіе и выгнавшаго досадный афоризмъ, съ которымъ я боролся. „А вонъ тамъ коноводная идетъ“, сказалъ онъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ.

Дѣйствительно, по рѣкѣ, вдали медленно тянулась вслѣдъ за якорной лодкой длинная громоздкая машина, шумѣвшая совершенно по-своему. Шумъ ея походилъ на тяжелый гулъ огромнаго чудовища, пришедшаго въ движеніе. Подъ палубой ея, на верху которой красовалась массивная постройка, похожая на избу, горѣлъ яркій огонь: тамъ ходилъ цѣлый табунъ лошадей по огромному колесу, собиравшему канатъ. Безпрерывные взвизги ватаги мальчиковъ, приставленныхъ къ нимъ, хлопанье бичей, стучанье копытъ, громкія распоряженія приказчика, скрипъ поворачивающагося рычага, — все вмѣстѣ составляло тяжелую массу звуковъ, возвѣщавшихъ издалека о приближеніи машины. Она доползла до насъ съ усиліемъ.... Долго черныя тѣни ея и барокъ, къ ней прикрѣпленныхъ, не могли миновать точки, соотвѣтствовавшей нашему положенію; но когда онѣ передвинулись наконецъ, я увидалъ, къ величайшей моей радости, благодѣтельный перевозъ, высоко забиравшійся по рѣкѣ, въ направленіи къ нашему берегу, и порядкомъ колеблемый волнами. Я смотрѣлъ на разстояніе, еще отдѣляющее его отъ берега, и внутренно радовался, наблюдая, какъ оно все болѣе и болѣе сокращалось. Наконецъ раздался послѣдній плескъ волны, стиснутой между берегомъ и баркой перевоза. „Гдѣ мурза?“ закричалъ начальникъ по-русски, но я уже былъ на баркѣ и употребилъ всѣ усилія, чтобъ примирить его и монгольскихъ его сподвижниковъ съ обманомъ. Во время нашихъ объясненій чувашанинъ лукаво посмѣивался.... хитрый человѣкъ!

„Современникъ“: 1849, 50 и 51 гг.

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ РИМѢ

ЛѢТОМЪ 1841 ГОДА.

I.

Съ самой Вѣны тороиился я въ Римъ, къ страстной недѣлѣ, и наконецъ привелъ свой планъ въ исполненіе! Доѣхавъ до Анконы, я предпринялъ оттуда довольно оригинальное путешествіе, которое покажется баснословнымъ, когда желѣзныя дороги въ Италіи уничтожатъ послѣдній отпрыскъ поколѣнія ветуриновъ. Я нанялъ въ Анконѣ одного такого ветурина, человѣка уже весьма пожилого и обладателя старой кареты, въ которую дуло даже изъ спинки ея, и двухъ тощихъ клячъ. Мнѣ привелъ его *cameriere* трактира, гдѣ я останавливался въ Анконѣ. Мы уговорились сдѣлать путешествіе къ вѣчному городу самымъ ускореннымъ способомъ, именно въ одну недѣлю (200 итальянскихъ миль переѣзда или около 350 верстъ), причемъ попеченіе на прокормленіе меня въ это время и на доставленіе ночлеговъ возложено было тоже на возницу. Такимъ образомъ, за 12 скудъ или 60 франковъ онъ дѣлался въ продолженіи трехъ сутокъ моимъ кучеромъ, дядькой, оберегателемъ и полнымъ хозяиномъ моей воли. Въ этомъ отстраненіи личной свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственности за себя и за свое существованіе, было что-то очень пріятное. Старикъ, весьма суровый съ виду, но плутоватый, какъ всѣ итальянцы, живущіе около трактировъ и большихъ дорогъ, ни разу не измѣнилъ горделивому слову, которымъ онъ возразилъ на мое безпокойное сомнѣніе касательно достоинства будущаго провіанта. „Signor, son ga-

lant'uomo—сказалъ онъ, и все лучшее, что́ найдемъ въ гостинницахъ, будетъ вамъ представлено". И дѣйствительно, онъ былъ порядочнымъ человѣкомъ въ этомъ смыслѣ, но въ другомъ отношеніи никакъ нельзя было его упрекнуть въ излишне-суровомъ пониманіи своего долга. Во-первыхъ, увидавъ на другой день рыхлую карету у подъѣзда гостинницы, я никакъ не могъ вообразить, чтобъ эта была та покойная, хорошая, красивая и *всѣмъ извѣстная* карета, про которую мнѣ говорилъ ветурино наканунѣ, да и лошади не походили на тѣхъ статныхъ, хорошихъ, *любезныхъ* лошадей, какія представлялись моему воображенію, благодаря его описаніямъ. Но дѣлать было нечего. Я сѣлъ въ карету, скрѣпя сердце, и покуда привязывали чемоданъ къ запяткамъ, весьма сурово посматривалъ на мальчишку въ лохмотьяхъ, который, подойдя къ самой дверцѣ, требовалъ милостыни съ какой-то удивительной настойчивостію, съ непостижимымъ выраженіемъ гордости, точно милостыня была казенная пошлина, взимаемая имъ по закону. Я рѣшился не давать милостыни, смотрѣлъ ему прямо въ лицо, и когда карета тронулась, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ, метнувъ свирѣпый взоръ, мальчикъ протянулъ кулакъ и сказалъ въ половину яростно, и въ половину съ недоумѣніемъ: „Вотъ, еще ѣдетъ въ Лоретто, а милостыни не даетъ". Путь нашъ лежалъ черезъ знаменитое Лоретто, славное своимъ соборомъ и драгоцѣнностію, въ немъ хранимой. Но продолжая изложеніе не совсѣмъ твердыхъ нравственныхъ основаній моего ветурина, я долженъ еще прибавить, что наканунѣ я выразилъ ему желаніе ѣхать одинъ-одинёшенекъ въ каретѣ и получилъ на то полное согласіе его, заплативъ предварительно за всѣ три остальныя мѣста условленную плату. Я былъ дѣйствительно одинъ въ каретѣ, когда мы тронулись отъ подъѣзда гостинницы, но вѣроятно ветурино размыслилъ, что желаніе мое принадлежитъ къ числу тѣхъ варварскихъ капризовъ капитала, которые можно не исполнять, хотя бы право на нихъ и было утверждено законнымъ контрактомъ. У самыхъ воротъ города, сынъ ветурино, бойкій мальчикъ лѣтъ 12-ти взятый имъ съ собою для подмоги и для пріобрѣтенія опытности въ ремеслѣ, отворилъ дверцы кареты и впустилъ туда двухъ калабрійскихъ читадиновъ, въ весьма живописныхъ костюмахъ, сказавъ мнѣ съ наглостію, обѣщавшей большіе успѣхи въ будущемъ: „они до перваго города, синьоръ". Оказалось, что въ мысли ветурино и его потомка первый городъ былъ Римъ, какъ впрочемъ и слѣдуетъ думать о немъ всякому поэту и философу. Дѣло еще этимъ не кончилось. У меня было грустное предчувствіе, что и третье пустое мѣсто будетъ вскорѣ занято—такъ и случилось. Едва отъѣхали мы по шоссе нѣсколько саженъ, какъ увидали

на дорогѣ въ желтомъ, весьма не живописномъ и потертомъ городскомъ сюртукѣ молодого человѣка лѣтъ восемнадцати, съ нѣмецкой физіономіей, здороваго, мускулистаго и нѣсколько робко поджидавшаго нашего подъѣзда. Это былъ бѣдный сапожный подмастерье изъ католическихъ кантоновъ Швейцаріи, отправлявшійся въ вѣчный городъ искать мѣста въ папской гвардіи, послѣ неудачныхъ попытокъ прославиться гдѣ-нибудь въ провинціи. Онъ влѣзъ въ карету неуклюже, но уклончиво и стыдливо, словно чувствуя за собой какой-либо проступокъ. Всѣ мѣста были заняты: я посмотрѣлъ въ переднее оконцо на ветурино. Онъ сидѣлъ на козлахъ въ круглой шляпѣ съ большими полями, въ коричневомъ плащѣ, съ откиднымъ капишономъ, и съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ — спокойно, неподвижно и хладнокровно, какъ-будто жизнь и прошедшее его были чище зеркала, но молчаніе и суровость его выражали все-таки нѣкоторую стыдливость и точно говорили: „какъ быть? Мы живемъ этимъ“. Только мальчишка его часто оборачивался назадъ и кидалъ на меня сквозь оконце испытующій взглядъ.

И началось долгое путешествіе. Происходило это въ самой срединѣ итальянской весны, въ концѣ апрѣля мѣсяца. Начало ея я засталъ въ Венеціи, но тамъ она имѣла совсѣмъ другой характеръ. Еще Гёте замѣтилъ, что Венеція городъ по преимуществу красокъ, свѣта, тѣни и яркихъ живописныхъ противоположностей. Въ мое время полное весеннее солнце отражалось и играло на его мраморныхъ, разноцвѣтныхъ дворцахъ и соборахъ, на мозаикахъ ихъ стѣнъ, на заливѣ, на колоннахъ площадей, на флагахъ и памятникахъ его, которые сверкали всей своей массой.... Это было ослѣпительно, почти невыносимо для сѣвернаго глаза. Довольно сказать, что даже и тѣ архитектурныя подробности, которыя находились въ тѣни и вырѣзывались рѣзкими очертаніями на плоскости цѣлаго зданія, залитаго солнцемъ, даже и онѣ были еще пропитаны какимъ-то голубымъ свѣтомъ, словно волновавшимся на поверхности ихъ. Въ Анконѣ характеръ природы измѣнился. Небо покрылось легкими бѣлыми прозрачными тучами. Въ воздухѣ было что-то нѣжное, пахучее и ласкающее, окрестности лежали въ ровномъ, задумчивомъ освѣщеніи и только изрѣдка волны мягкаго свѣта пробѣгали по виноградным и фруктовымъ садамъ. Ничто не раздражало глаза, но и ничто не заслоняло самой дальней точки горизонта. Все пространство покрыто было не туманомъ, а какой-то умѣренно-яркой пеленой, сохранявшей цѣликомъ очертанія и формы предметовъ, но сглаживавшей рѣзкость всѣхъ линій. Первые отпрыски Апеннинъ, вскорѣ показавшіеся намъ, свѣтились какъ перламутръ, а дальніе водопроводы, являвшіеся иногда по сторонамъ на горизонтѣ, словно

были написаны бѣлой краской, нѣсколько поблеклой отъ времени, но бѣлому же, но свѣжему полю неба. Нѣга и томленіе выражались на всемъ, куда вы ни обращали взоръ, и вы невольно чувствовали, что при такихъ дняхъ все должно зрѣть въ землѣ и многое подыматься въ сердцѣ человѣка. Когда около полудня я всходилъ пѣшкомъ на гору, гдѣ красовалась Лоретто со своимъ соборомъ и дворцомъ, долина, которую мы только-что миновали, выступала шагъ за шагомъ передъ глазами, со всѣми ея бѣлыми каменными хижинами, разбросанными такъ, какъ-будто онѣ упали съ неба и разсыпались между виноградныхъ кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Горы составляли окраину долины и все вмѣстѣ погружено было въ такую возбуждающую, томительную тишину, въ такое мертвое и вмѣстѣ страстное молчаніе....

Миновавъ Лоретто, мы стали подыматься у Серравале на Апеннинскія горы. Я бо́льшей частію шелъ пѣшкомъ. Изрѣдка перепадалъ теплый дождь, ужасно пугавшій итальянцевъ, которые, какъ всѣ южные народы, боятся дождя. На всякой покатости ветурино останавливался, оглядывался по сторонамъ, и, завидѣвъ вдали воловъ, уже приготовленныхъ заранѣе для подмоги проѣзжающимъ, кричалъ: buovi.... Мальчикъ-пастухъ издалека выговаривалъ себѣ байокъ (двѣ копѣйки ассигн.) за трудъ, потомъ лѣниво приводилъ воловъ, припрягалъ къ нашимъ лошадкамъ, и мы тащились вверхъ. Случалось, что горы готовились запереть насъ со всѣхъ сторонъ, врѣзывались одна въ другую и загораживали дорогу, но бѣлая шоссейная полоса все тянулась по одному боку скалы и къ вечеру спускалась внизъ — непремѣнно въ цвѣтущую долину и фруктовый садъ, гдѣ мы заночевали. Ночлеги эти и полуденные отдыхи въ ущеліяхъ составляли не послѣднюю прелесть нашего патріархальнаго путешествія. Мы останавливались то въ бѣдной австеріи, уединенно торчавшей при дорогѣ, то въ гостинницѣ какого-либо мѣстечка, имѣвшей притязаніе на пышность, какъ слѣдуетъ горожанкѣ, но вездѣ встрѣчали ту же простоту итальянской жизни. Въ иныхъ мѣстахъ было лишнее блюдо, обыкновенно какая-либо зелень или рыба, подаваемая съ видимой гордостію на столъ самимъ хозяиномъ; въ другихъ фляжка туземнаго вина, легкаго и прозрачнаго, вызывала особенную похвалу собесѣдниковъ; случалось также, что кровать совершенно голой комнаты покрыта была ситцевымъ одѣяльцемъ необычайной и хвастливой пестроты, но вездѣ за столъ нашъ садился вмѣстѣ съ нами первый поселянинъ, возвращавшійся изъ сосѣдняго мѣстечка, да обыкновенно и самъ хозяинъ или главный camerière, поставивъ блюдо, придвигалъ стулъ къ посѣтителямъ, помѣщался сзади кого-либо и опираясь на спинку чужого

сѣдалища, вступалъ въ живой и бѣглый разговоръ, удивительно выражавшій общительность и природное любопытство племени. Ветурино мой почувствовалъ ко мнѣ глубокое уваженіе, какъ только убѣдился, что я не расположенъ дѣлать ему упрековъ за плохое пониманіе святости контракта: рано утромъ, когда послѣ кофе выходили мы продолжать наше слѣдованіе, онъ уже былъ на козлахъ, ласково улыбался мнѣ и даже разъ, поджидая остальныхъ путешественниковъ, указалъ глазами на сына и произнесъ: „Возьмите его съ собой *a Pietroburgo*". — Пожалуй, отвѣчалъ я. — „А что́ онъ будетъ тамъ? продолжалъ ветурино." — Онъ будетъ солдатомъ въ русской гвардіи, сказалъ я. — „Хочешь ты?" — замѣтилъ отецъ, обращаясь къ сыну, который стоялъ у двери тоже улыбаясь, съ свойственнымъ ему лукавствомъ. Мальчикъ сдѣлалъ сильный жестъ рукою и отвѣчалъ: „лучше быть аббатомъ". Старикъ разразился хриплымъ хохотомъ и дернулъ лошадей, прибавивъ: che birbone! Экой разбойникъ! Лаконическая шутка эта окончательно утвердила между нами самыя удовлетворительныя отношенія.

Отношенія мои съ двумя калабрійцами—моими спутниками въ каретѣ—оказались чуть-ли еще не лучше и во всякомъ случаѣ гораздо замѣчательнѣе. Оба спутника были въ коротенькихъ бархатныхъ курткахъ, въ панталонахъ до колѣна, въ чулкахъ и ботинкахъ: классическая круглая шляпа съ огромными полями и широкій плащъ тоже украшали ихъ, но первый знакомецъ, высокій, молодой и красивый мужчина, съ горбатымъ носомъ и черными волосами велъ себя какъ испанскій грандъ. Онъ молча и съ достоинствомъ подавалъ мнѣ руку по-утру, мало говорилъ въ каретѣ, но съ изысканной учтивостію отвѣчалъ на вопросы, почти всегда улыбаясь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдавалъ и принималъ взаимныя услуги, столь обыкновенныя между путешественниками, очень важно и серьёзно. Я часто посматривалъ на него украдкой, стараясь уяснить себѣ свойства и особенности этого изящества въ обращеніи, которое въ торговцахъ кожами, какими оба они были, меня чрезвычайно поражало... Я тогда еще не зналъ этой итальянской природы, носящей въ себѣ самой возможность простого и естественнаго достиженья всѣхъ родовъ красоты и благородства. Гораздо позднѣе ознакомился я съ удивительными типами, которые въ нищенской, прорванной курткѣ, наброшенной на плечо, стоятъ и смотрятъ какъ герои, и съ чудными характерами, которые за обухомъ мясника или за прилавкомъ портного мыслятъ, какъ рыцари. Товарищъ моего испанскаго гранда былъ созданъ иначе. Это былъ живой человѣкъ, нисколько не красивый, широколицый, съ лысиной на головѣ, уже пожилой и необычайно добродушный,—качество весьма ясно свѣтив-

шееся и въ быстрыхъ черныхъ глазахъ его. Не знаю, за что́ онъ привязался ко мнѣ съ перваго раза. Тутъ опять дѣйствовало врожденное итальянское добросердечіе и то непосредственное чувство, которое у свѣжихъ народовъ бываетъ вообще неугомонно. Его видимо взволновало мое положеніе путешественника изъ далекой страны, безъ знакомыхъ и друзей. Угожденіямъ не было мѣры. Предупредительность не знала границъ. Онъ суетился отъ глубокой, сердечной доброты и по дѣйствію живого воображенія, мгновенно и случайно пораженнаго. Всю дорогу смотрѣлъ онъ за мной во всѣ глаза и часто, наклоняясь ласково на мою сторону, спрашивалъ улыбаясь: „а есть ли такія горы у васъ, въ *Рушіи*?“ Вопросы подобнаго рода почти не сходили у него съ языка: — усматривалъ ли онъ признаки вниманія и удовольствія на моемъ лицѣ, какъ тотчасъ же обращался съ запросомъ: есть ли въ *Рушіи* шоссе, рѣки, лошади, австеріи, собаки, деревья, и при моихъ утвердительныхъ отвѣтахъ оставался совершенно счастливъ, словно ему подарили какое-либо помѣстье со всѣми этими предметами. Къ этому надо прибавить самое рѣшительное, абсолютное отсутствіе всякихъ свѣдѣній и ученой образованности, заставившее его разъ спросить: не одну ли вѣру съ турками мы исповѣдуемъ? За то суетливая доброта его не отступала отъ меня ни на шагъ во всю дорогу. Помню, что разъ подъ вечеръ мы достигли высшей точки Апеннинъ: я, вмѣстѣ съ моимъ неотступнымъ провожатымъ, шелъ пѣшкомъ и мы далеко оставили за собой ветурина. Когда открылась передо мной вся панорама этого хребта съ горами, которыя составляли безчисленныя перспективы для глаза, прерывая воздушное пространство своими вершинами и слабѣя въ краскахъ все далѣе и далѣе — я остановился въ невольномъ изумленіи. Тутъ не было ничего ломанаго, угловатаго и хаотическаго, какъ въ Альпахъ, еще недавно мною покинутыхъ; это было просто словно окаменѣлое, широкое море, гдѣ каждая волна пріобрѣла самостоятельность, отразилась живописно на другой, а послѣдняя уже слилась съ бѣлесоватой полосой неба. Оттѣнокъ вечерней зари, пробивавшейся сквозь облака, бросалъ на дальнія вершины яркій, багровый свѣтъ и оттѣнялъ сильнѣе ближайшія къ намъ. Я хотѣлъ что-то сказать сопутнику моему, но его не было возлѣ меня. Въ это время подъѣхалъ ветурино и строгимъ голосомъ приказалъ намъ садиться въ карету, подъ тѣмъ предлогомъ, что теперь мы будемъ спускаться очень скоро, *рысью*. Я тотчасъ же повиновался, а за мной прыгнулъ въ карету и пропавшій мой спутникъ. Онъ съ торжествомъ держалъ въ рукѣ пучокъ полевыхъ цвѣтовъ, набранныхъ имъ въ горахъ, и подавая его мнѣ, сказалъ отлично громкимъ голосомъ, какъ

обыкновенно говорятъ итальянцы иностранцу, на способность пониманія котораго не совсѣмъ надѣются: „Положите, положите — эти цвѣты, эти цвѣты — въ книжку свою, книжку свою — и когда будете въ *Рушіи*, у себя, — вспомните о нихъ“. Я положилъ цвѣтки въ путеводитель Муррая, гдѣ они и теперь у меня покоятся.

Что касается до швейцарскаго подмастерья — то это былъ *паріа* нашего общества. Всѣ мои сопутники чувствовали себя по состоянію и гражданскому положенію выше бѣднаго юноши и оказывали ему совершенное невниманіе; только одинъ я отводилъ ему душу нѣсколькими нѣмецкими фразами, погружавшими его постоянно въ какой-то трепетъ. Застѣнчивость и робость его были непобѣдимы. Онъ не конфузился только тогда, когда спалъ, а спалъ онъ много въ каретѣ и спалъ уже совершенно откровенно. Раскинувшись прямо и по сторонамъ, онъ дѣлался тогда почти единственнымъ хозяиномъ кареты, предоставляя въ ней товарищамъ своимъ, какъ-будто изъ милости, кой-какіе уголки. Вѣроятно, ветурино принялъ его въ число сопутниковъ за совершенную бездѣлицу, потому что смотрѣлъ на него и обращался съ нимъ постоянно съ презрѣніемъ. Слѣдуя привычкамъ своей родины, молодой Швейцарецъ почти никогда не шелъ по шоссе, а бо́льшей частію карабкался цѣликомъ по горамъ и всегда опереживалъ возницу, строго придерживавшагося прямой линіи. Разъ, когда онъ, выскочивъ изъ кареты, прямо полѣзъ на скалу, я видѣлъ какъ ветурино бросилъ на него невыразимо саркастическій взглядъ и произнесъ сквозь зубы, точь-въ-точь какъ Лаблашъ въ „Севильскомъ Цирюльникѣ“: „che bestia!“

Такимъ образомъ за часъ до солнца, когда въ горахъ еще волновалась сырость весенней ночи, начинали мы путешествіе, закутываясь въ свои шинели и прижимаясь къ своимъ уголкамъ; но мало-по-малу съ возрастающей теплотой дня, иногда очень ярко показывавшагося изъ-за вершинъ, сбрасывали шинели, вмѣстѣ съ послѣдними остатками дремоты. Тогда останавливались мы въ какой-нибудь горной котловинѣ, у подъѣзда одной изъ тѣхъ каменныхъ хижинъ, построенныхъ изъ едва обтесаннаго булыжника, гдѣ внизу у очага живетъ семейство хозяина, исправляя тамъ и всѣ свои нужды, — и завтракали. Часто случалось мнѣ смотрѣть, сидя передъ уединенной гостинницей, на клочокъ неба, видимый изъ ущелья, и любоваться облаками, которыя пробѣгали вверху, точно китайскія тѣни, свертываясь на узкомъ полотнѣ и оставляя по скату горъ тамъ и сямъ оторванные куски и точки прозрачнаго тумана. Иногда въѣзжали мы обѣдать и отдыхать въ средневѣковое мѣстечко, съ мрачной башней у моста, перекинутаго черезъ обрывъ, съ романскимъ соборомъ въ серединѣ и съ остатками полуразрушеннаго за́мка

въ концѣ, гдѣ еще иногда сохранялся аристократическій донжонъ... И чѣмъ грознѣе казалась наружность такого мѣстечка, тѣмъ сильнѣе дѣйствовало сонное, мертвое спокойствіе, царствовавшее на его улицахъ. Казалось, шумная средневѣковая жизнь отошла отсюда для того, чтобъ оставить за собой пустоту, изрѣдка наполняемую порывами современной жизни, которая иногда мгновенно и бурно проносится надъ этими мѣстами, позабытыми исторіей, и снова покидаетъ ихъ на сонъ и невозмутимую тишину. Было что-то соотвѣтственное между нашимъ медленнымъ, лѣнивымъ путешествіемъ и этой летаргической жизнью, которая не заботится о времени, не бѣгаетъ за нимъ съ судорожной страстью, какъ остальная Европа, и равнодушно даетъ ему течь мимо себя... Какъ будто самъ переживаешь это душевное состояніе и радуешься, что могъ испытать его. Невыразимое наслажденіе доставляли мнѣ тѣ счастливыя долины, которыми перерѣзываются Апеннины, оставляя въ воображеніи одно воспоминаніе своихъ садовъ. Читатель можетъ найти въ прекрасной книгѣ мистеръ Миттермайера объ Италіи описаніе замѣчательно-человѣческихъ, мягкихъ отношеній между владѣльцами земель въ этой странѣ и ихъ фермерами, между фермерами и ихъ работниками, отношенія, удалившія язву сословной вражды, которою страдаетъ западная Европа. Всѣ эти долины, разбитыя на множество владѣльческихъ кусковъ, съ ихъ загородами, виноградниками, полями, садами—живутъ какъ-будто одновременной жизнію на всѣхъ своихъ точкахъ. При спускѣ съ горы видны на далекое пространство плоскія кровли разбросанныхъ хижинъ; присутствіе человѣка съ его трудомъ, заботами и радостями, чувствуется, такъ-сказать, во всѣхъ сторонахъ картины и даетъ ей совершенно особенный смыслъ. Каждая подробность ея словно говоритъ не только за себя, но и за человѣка, а все вмѣстѣ представляется какъ восхитительный пейзажъ и какъ покровъ, скрывающій мысль. Олицетвореніе само напрашивается здѣсь на каждомъ шагу. Помню необычайное впечатлѣніе, произведенное на меня чудной долиной Фолиньо, которую я видѣлъ случайно въ полномъ блескѣ яснаго солнца, въ самый полдень. Изумительная тишина лежала на всѣхъ поляхъ и огородахъ, блестѣвшихъ первою зеленью весны и еще вдобавокъ омываемыхъ рѣчкой, которая бѣжала, свѣтясь и скрываясь по временамъ за кустами. Благоуханіе лавроваго листа неслось къ намъ на склонъ горы, по которому мы спускались въ долину, развернувшуюся у подошвы ея. Съѣхавъ внизъ, мы остановились. У самой дороги возвышался необычайно граціозный древній храмикъ Діаны, въ чистомъ вкусѣ временъ республики, омываемый рѣкою и чудно отражавшійся бѣлыми колоннами и бѣлыми стѣнами своими на зелени

горы и полей. Нельзя было выбрать лучшаго мѣста для жилища чистой богини, и мертвая тишина, царствовавшая какъ въ долинѣ, такъ и вокругъ самого храмика, казалась еще остаткомъ благоговѣйнаго уваженія и культа, которыми нѣкогда окружали это святилище.

Не стану описывать ни Фолиньо, ни Терни съ его каскадомъ, ни Сполетто, ни другихъ мѣстъ, прежде нами осмотрѣнныхъ; все это находится въ безчисленныхъ описаніяхъ Италіи и обо всемъ этомъ надо говорить много и долго, если уже рѣшиться говорить. Скажу только, что по приближеніи къ Риму разбросанныя деревни все болѣе и болѣе исчезаютъ и появляются каменныя хижины, толпящіяся другъ къ другу, какъ-бы ища защиты отъ враговъ въ общинной и городовой жизни. Средневѣковыя башни и укрѣпленія встрѣчаются чаще. Вскорѣ открылись передъ нами и покинутыя, безплодныя поля Рима, по которымъ Тибръ три раза извился широкой, мутной лентой прежде вступленія своего въ вѣчный городъ. Мы переѣхали его сперва у Боргетъ, затѣмъ черезъ *Ponte Mollo*, мостъ, построенный еще Августомъ. Какое-то подобіе массивнаго темнаго колпака, висѣвшаго на небѣ, указало намъ мѣсто, гдѣ находился Петръ, но мы держались лѣвѣе и черезъ ворота *del Popolo* въѣхали въ Римъ, на великолѣпную площадь, украшенную обелискомъ, имѣя передъ собою три улицы, начинавшіяся церквами, а налѣво отъ себя гору Пинчіо съ ея чудными виллами, въ которыхъ еще не такъ давно, въ XVI-мъ столѣтіи, жители Рима видѣли прохаживающуюся тѣнь Нерона, гдѣ-то тутъ погребеннаго. Мы пріѣхали въ среду на страстной недѣлѣ, 28 апрѣля 1841 года, послѣ однонедѣльнаго счастливѣйшаго, и въ полномъ смыслѣ насладительнаго вояжа.

Старомодная карета наша была однако же замѣчена всѣми носильщиками, факинами и cicerone, которые вьются около трактировъ въ Италіи, какъ досадныя и часто невыносимыя насѣкомыя. Въ трактирѣ Hotel de Russie, на самой площади del Popolo, куда я тотчасъ бросился, не было ни одного нумера, по милости гостей, прибывшихъ къ римскимъ праздникамъ, особенно англійскихъ офицеровъ, смѣщенныхъ на половину жалованья. Они въ фантастическихъ, выдуманныхъ ими самими мундирахъ, наполняли потомъ церкви и капеллы Рима, радуясь дешевизнѣ его жизни и свободѣ носить какіе угодно самозванные титулы. Я нѣсколько разъ изумлялся неутолимому, горячечному любопытству этихъ мирныхъ воиновъ, соединенному съ оттѣнкомъ грубой насмѣшливости и презрѣнія. Не успѣлъ однакожъ я убѣдиться, что не найду пристанища ни въ одномъ изъ сосѣднихъ отелей, какъ какой-то *fachino* под-

хватилъ мой чемоданъ и понесся вдоль Корсо. Волей или неволей я слѣдовалъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не остановился у одного дома на Корсо, гдѣ подхватилъ меня уже поджидавшій хозяинъ квартиры и приказалъ нести чемоданъ вверхъ, въ двѣ пустыхъ и чистыхъ комнатки. Тутъ произошла одна изъ тѣхъ штукъ, которыя такъ чернятъ Италію въ глазахъ людей, привыкшихъ судить о всей странѣ по первому мошеннику, какой имъ попадется на дорогѣ. Хозяинъ потребовалъ 150 франковъ платы за квартиру въ продолженіи одной Святой недѣли, и я думалъ выказать удивительныя познанія мѣстныхъ цѣнъ, предложивъ ту же сумму за весь мѣсяцъ. Это было ровно въ шесть разъ болѣе того, что́ слѣдовало—и едва торгъ состоялся, какъ хозяинъ, полагая, вѣроятно, возможность существованія *vendett*'ы и въ моей славянской крови, явился ко мнѣ съ контрактомъ, обязывавшимъ меня не портить ни дивановъ, ни стульевъ, ни столовъ, ни стѣнъ, ни рамъ, ни половъ и проч. Подписавъ это обязательство, я переодѣлся и тотчасъ же вышелъ на улицу, разспрашивая у всѣхъ, куда пройти къ русскому посольству, гдѣ намѣревался взять адресъ Н. В. Гоголя. Между-тѣмъ облачное небо, сопровождавшее насъ во все время путешествія, разрѣшилось проливнымъ дождемъ, загнавшимъ всѣхъ въ дома и кофейни. Промокши до костей, съ трудомъ отыскалъ я домъ посольства, взялъ адрессъ у швейцара и еще съ бо́льшимъ трудомъ возвратился домой, потому-что ошибся улицей и плуталъ до тѣхъ поръ, пока не наткнулся на извощичью коляску, имѣвшую твердость не убѣжать во-свояси отъ дождя.

На другой день, прежде визита къ Гоголю, я отправился въ соборъ Петра. Говорили нѣкогда, что всѣ дороги ведутъ къ Риму; можно сказать, что всѣ дороги въ Римѣ ведутъ или къ Капитолію, или къ Петру. Легко узналъ я направленіе, перешелъ Тибръ по мосту, украшенному вычурными статуями, поглядѣлъ на колоссальную гробницу Адріана (крѣпость св. Ангела), похожую на громадную пивную стопу, и по прямой линіи достигъ великолѣпной колоннады, пропилей Петра, а затѣмъ вступилъ и въ святилище, которое такъ долго грезилось моему воображенію, но воображеніе ничего подобнаго и нарисовать не могло. Несмотря на несчастныя украшенія пиластровъ, принадлежащія къ упадку вкуса, линіи собора и сочетанія ихъ ясно обозначались и съ перваго шага какъ-будто отнимали возможность измѣрить ихъ глазомъ—такъ огромны были своды надъ головой, такъ страшно тяжело упирались въ землю пиластры и росли къ верху, къ дугамъ потолка, которыхъ принимали на себя. Многимъ знакомо двойное чувство, испытанное путешественниками при входѣ въ этотъ храмъ—чувство бѣдности отдѣльнаго лица въ

виду колоссальной, вѣковой постройки, и чувство гордости за мысль и силу человѣка. Особенно это двойное, смѣшанное чувство нисходитъ на васъ, когда, слѣдуя по главному проходу (*nef*), уже поражающему широтой своего дугообразнаго потолка, вы идете прямо на массу свѣта, которая бьетъ впереди, вступаете подъ самый куполъ и на одно мгновеніе совершенно теряетесь въ этомъ неизмѣримомъ *пространствѣ*, охваченномъ каменнымъ Пантеономъ. Размѣры такъ страшны, что почти уничтожается понятіе о нихъ и нужно какое-либо сравненіе для яснаго ихъ представленія. Колоссальный балдахинъ Бернини въ серединѣ, надъ гробницей Апостола, кажется бесѣдкой, и вы съ напряженнымъ усиліемъ соображаете мѣру его вышины, указываемую обыкновенно дорожниками. Долго бродилъ я по боковымъ отдѣламъ храма, изучая его памятники, бо́льшею частію ухищренной, затѣйливой манеры XVII-го столѣтія, останавливаясь передъ колоссальными мозаическими картинами его и осторожно обходя исповѣдническія ложи, предъ которыми стояли толпы народа, исполняющаго въ эти торжественные дни духовныя свои обязанности. Особенно занимали меня безчисленные эффекты, рождаемые въ пространствахъ этого храма перспективой и взаимнымъ сочетаніемъ каменныхъ и мраморныхъ массъ, различно освѣщенныхъ. То изъ-за угла какого-нибудь пиластра виднѣлась колоссальная дуга главнаго прохода, черная и какъ-бы отрѣзанная на яркомъ грунтѣ пустого пространства, образуемаго куполомъ; то выдвигался какой-либо памятникъ одной частью своей, словно оторвавшейся отъ общаго цѣлаго; то открывался вкось балдахинъ Бернини въ темномъ освѣщеніи, а за нимъ вдали уголъ папской каѳедры, озаренной свѣтлымъ лучомъ изъ окна. Свѣтъ оконъ ложился также на помостъ, перерѣзывался густыми тѣнями массивныхъ пиластровъ, рождая безпрерывные живописные эффекты, которые, благодаря громадности зданія, имѣли колоссальный и грандіозный характеръ. Соборъ жилъ своей особенной жизнью... У одной стѣны я неожиданно наткнулся на моего калабрійскаго, радушнаго знакомца. Мы обрадовались другъ-другу. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ нынѣшнее утро онъ уже исповѣдался, былъ у причастья и завтра, кончивъ все съ Римомъ, ѣдетъ далѣе въ Неаполь. Съ неизмѣнной своей лаской онъ спрашивалъ меня о моихъ похожденіяхъ, глубоко опечалился при разсказѣ о дорогомъ наймѣ квартиры и, узнавъ, что я намѣренъ отсюда идти пѣшкомъ отыскивать одного своего земляка, предложилъ себя въ проводники. Вскорѣ оказалось, что Strada Felice, близъ Monte Pincio, куда мы должны были направлять путь свой, была столь же мало знакома ему, какъ и мнѣ. Онъ безпрестанно разспрашивалъ всѣхъ прохожихъ о дорогѣ и почти всегда

бралъ не въ ту сторону, которую указывали: излишнее желаніе отличиться услугой сбивало его поминутно съ толку. Мы остановили даже одного весьма почтеннаго мужчину съ важной физіономіей и съ зонтикомъ въ рукѣ. Онъ подробно изъяснилъ намъ путь, а когда, по обыкновенію, отойдя нѣсколько шаговъ, проводникъ мой вдругъ повернулъ, ни съ того, ни съ сего, въ переулокъ, совершенно противоположный указанному направленію, почтенный старецъ, позабывъ лѣта и важность, пустился за нимъ вдогонку, крича: Ma dové vada, corpo di Bacco?—Да куда же ты идешь, чортъ возьми?— Запыхавшись, нагналъ онъ проводника, сдѣлалъ ему препорядочный выговоръ, поставилъ на надлежащій путь и, едва обращая вниманіе на мои изъявленія благодарности, спокойно возвратился на свою дорогу. Наконецъ, мы миновали великолѣпную церковь Maria Maggiore, за ней дворецъ Барберини, встрѣчая повсюду народъ въ необычайномъ движеніи и суетѣ, какъ обыкновенно бываетъ передъ праздниками тамъ, гдѣ еще сохранилось понятіе о праздникахъ, и наконецъ очутились въ Strada Felice, у дома, носившаго желанный 126 нумеръ. Тутъ, поблагодаривъ отъ души моего благороднѣйшаго спутника, я крѣпко пожалъ ему руку и мы разстались навсегда.

Въ послѣднемъ этажѣ дома, въ просторной передней, я наткнулся на сухого краснощекаго старичка, почтеннаго владѣльца этажа, г. Челли, съ которымъ такъ дружно жилъ впослѣдствіи, и спросилъ его о квартирѣ Гоголя. Старичокъ объявилъ, что Гоголя нѣтъ дома; что онъ уѣхалъ за городъ, никому неизвѣстно когда будетъ назадъ, да и по прибытіи, вѣроятно, сляжетъ въ постель и никого принимать не станетъ. Видно было, что почтенный старичокъ выговаривалъ затверженный урокъ, который ему крѣпко-на-крѣпко былъ внушенъ Гоголемъ, боявшимся посѣтителей, какъ огня. Но покуда я старался убѣдить его въ своихъ правахъ на свиданіе съ его жильцомъ, дверь прямо передъ нами отворилась, и изъ нея высунулась голова самого Гоголя. Онъ шутливо сказалъ старичку: „Развѣ вы не знаете, что это Жюль изъ Петербурга? Его надо впустить. Здравствуйте. Что-жъ вы не пріѣзжали къ карнавалу?“ прибавилъ онъ по-русски, вводя меня въ свою комнату и затворяя двери. Надо сказать, что около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ, онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по Нѣжинскому Лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами *знаменитыхъ* французскихъ писателей, которыми тогда восхищался весь Петербургъ. Тутъ были Гюго, Александры Дюма́, Бальзаки и даже одинъ скромный пріятель, теперь покойный, именовался Софія Ге. Не знаю, почему я получилъ титулъ Жюль-

Жанена, подъ которымъ и состоялъ до конца. Комната Николая Васильевича была довольно просторна, съ двумя окнами, имѣвшими рѣшетчатые ставни изнутри. О-бокъ съ дверью стояла его кровать, по серединѣ большой круглый столъ; узкій соломенный диванъ, рядомъ съ книжнымъ шкафомъ, занималъ ту стѣну ея, гдѣ пробита была другая дверь. Дверь эта вела въ сосѣднюю комнату, тогда принадлежавшую В. А. Панаеву, а по отъѣздѣ его въ Берлинъ доставшуюся мнѣ. У противоположной стѣны помѣщалось письменное бюро въ ростъ Гоголя, обыкновенно писавшаго на немъ свои произведенія стоя. По бокамъ бюро — стулья съ книгами, бѣльемъ, платьемъ въ полномъ безпорядкѣ. Каменный мозаичный полъ звенѣлъ подъ ногами, и только у письменнаго бюро да у кровати разостланы были небольшіе коврики. Ни малѣйшаго украшенія, если исключить ночникъ древней формы, на одной ножкѣ и съ красивымъ желобкомъ, куда наливалось масло. Ночникъ, или, говоря пышнѣе, — римская лампа, стояла на окнѣ и по вечерамъ всегда только она одна и употреблялась вмѣсто свѣчей. Гоголь платилъ за комнату 20 франковъ въ мѣсяцъ.

Послѣднее мое свиданіе съ Гоголемъ было въ 1839 году, въ Петербургѣ, когда онъ останавливался въ Зимнемъ дворцѣ, у Жуковскаго. Первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ были уже имъ написаны, и однажды вечеромъ, явившись въ голубомъ фракѣ съ золотыми пуговицами, съ какого-то обѣда, къ старому товарищу своему Н. Я. Прокоповичу, онъ засталъ тамъ всѣхъ скромныхъ, безъизвѣстныхъ своихъ друзей и почитателей, которыми еще дорожилъ въ то время... Мы уже узнали, что онъ собирался прочесть намъ новое свое произведеніе, но приступить къ дѣлу было не легко. Гоголь, какъ ни въ чемъ не бывало, ходилъ по комнатѣ, добродушно подсмѣивался надъ нѣкоторыми общими знакомыми, а о чтеніи и помину не было. Даже разъ онъ намекнулъ, что можно отложить засѣданіе, но Н. Я. Прокоповичъ, хорошо знавшій его привычки, вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ подошелъ къ Гоголю сзади, ощупалъ карманы его фрака, вытащилъ оттуда тетрадь почтовой бумаги въ осьмушку, мелко-на-мелко исписанную, и сказалъ по-малороссійски, кажется, такъ: „А що се таке у васъ, пане?“ Гоголь сердито выхватилъ тетрадку, сѣлъ мрачно на диванъ и тотчасъ же началъ читать, при всеобщемъ молчаніи. Онъ читалъ безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока истощился весь его голосъ и зарябило въ глазахъ. Мы узнали такимъ образомъ первыя четыре главы „Мертвыхъ Душъ“... Общій смѣхъ мало поразилъ Гоголя, но изъявленіе нелицемѣрнаго восторга, которое видимо было на всѣхъ лицахъ, подъ конецъ чтенія, его тронуло... Онъ былъ доволенъ. Кто-то сказалъ,

что привѣтствіе Селифана босой дѣвочкѣ, которую онъ сажаетъ на козлы вмѣсто проводника отъ Коробочки—привѣтствіе: „ноздря“—не совсѣмъ прилично. Всѣ остальные слушатели возстали противъ этого замѣчанія, какъ выражающаго излишнюю щекотливость вкуса и отчасти испорченное воображеніе, но Гоголь прекратилъ споръ, взявъ сторону критика и замѣтивъ: „Если одному пришла такая мысль въ голову—значитъ и многимъ можетъ придти. Это надо исправить“. Послѣ чтенія онъ закутался, по обыкновенію, въ шубу до самаго лба, сѣлъ со мной на извощика, и мы молча доѣхали до Зимняго дворца, гдѣ я его ссадилъ. Вскорѣ потомъ онъ опять исчезъ изъ Петербурга.

Гоголь обрадовался нашей новой встрѣчѣ, разспрашивалъ, какимъ путемъ прибылъ я въ Италію, одобрялъ переѣздъ изъ Анконы съ ветуриномъ и весьма сожалѣлъ, что предварительно я не побывалъ въ Парижѣ. Ему казалось, что послѣ Италіи Парижъ становится сухъ и безжизненъ, а значеніе Италіи бросается само собой въ глаза, послѣ парижской жизни и парижскихъ интересовъ. Впослѣдствіи онъ часто развивалъ эту мысль. Между тѣмъ время было обѣденное. Онъ повелъ меня въ извѣстную историческую австерію подъ фирмой Lepre (заяцъ), гдѣ за длинными столами, шагая по грязному полу и усаживаясь просто на скамейкахъ, стекается къ обѣденному часу разнообразнѣйшая публика: художники, иностранцы, аббаты, читадины, фермеры, принчипе, смѣшиваясь въ одномъ общемъ говорѣ и истребляя одни и тѣ же блюда, которыя отъ долгаго навыка поваровъ дѣйствительно приготовляются непогрѣшительно. Это все тотъ же рисъ, барашекъ, курица,—мѣняется только зелень по временамъ года. Простота, общежительность итальянская всего болѣе кидаются тутъ въ глаза, заставляя предчувствовать себя и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. Гоголь поразилъ меня, однако, капризнымъ, взыскательнымъ обращеніемъ своимъ съ прислужникомъ. Раза два мѣнялъ онъ блюдо риса, находя его то переваренным, то недоваренным, и всякій разъ прислужникъ перемѣнялъ блюдо съ добродушной улыбкой, какъ человѣкъ, уже свыкшійся съ прихотями страннаго форестьера (иностранца), котораго онъ называлъ синьоромъ Николо. Получивъ, наконецъ, тарелку риса по своему вкусу, Гоголь приступилъ къ ней съ необычайною алчностью, наклонясь такъ, что длинные волосы его упали на самое блюдо, и поглощая ложку за ложкой со страстью и быстротой, какими, говорятъ, обыкновенно отличаются за столомъ люди, расположенные къ ипохондріи. Въ серединѣ обѣда къ намъ подсѣлъ довольно плотный мужчина, съ красивой, круглой бородкой, съ необычайно умными, зоркими карими глазами и превосходнымъ сла-

вянскимъ обликомъ, гдѣ доброта и серьёзная, проницательная мысль выражалась, такъ сказать, осязательно: это былъ А. И. Ивановъ, съ которымъ я тутъ впервые познакомился. Опорожнивъ свое блюдо, Гоголь откинулся назадъ, сдѣлался веселъ, разговорчивъ и началъ шутить съ прислужникомъ, еще такъ недавно осыпаемомъ строгими выговорами и укоризнами. Намекая на древній обычай возвѣщать первое мая и начало весны пушкой съ крѣпости св. Ангела, и на соединенныя съ нимъ семейныя обыкновенія, онъ спрашивалъ: намѣревается ли почтенный сервиторе *piantar il Magio* (слово-въ-слово—сажать май мѣсяцъ) или нѣтъ? Сервиторе отвѣчалъ, что будетъ ждать примѣра отъ синьора Николо и т. д. По окончаніи разсчета за обѣдъ, Гоголь оставилъ прислужнику, какъ и всѣ другіе посѣтители, два байока, а когда я съ своей стороны что-то переложилъ противъ этой скудной суммы, онъ остановилъ меня замѣчаніемъ: „Не дѣлайте этого никогда. Здѣсь есть обычаи, которые дороже вашей щедрости. Вы можете оскорбить человѣка. Вездѣ васъ поблагодарятъ за прибавку, а здѣсь посмѣются“. Извѣстно, что житейской мудрости въ немъ было почти столько же, сколько и таланта. Прямо изъ австеріи перешли мы на Piazza d'Espagna, въ кофейную „Del buon gusto“, кажется, усѣлись втроемъ въ уголку за чашками кофе, и тутъ Гоголь до самой ночи внимательно и безъ устали слушалъ мои разсказы о Петербургѣ, литературѣ, литературныхъ статьяхъ, журналахъ, лицахъ и происшествіяхъ, разспрашивая и возбуждая повѣствованіе, какъ только начинало оно ослабѣвать. Онъ былъ въ своей тарелкѣ и, по счастливому выраженію гравера Ѳ. И. Іордана, могъ *брать*, что́ ему нужно было или что́ стоило этого, полной рукой, не давая самъ ничего. Притомъ же ему видимо хотѣлось исчерпать человѣка вдругъ, чтобъ избавиться отъ скуки возвращаться къ нему еще нѣсколько разъ. Наслажденіе способностію читать въ душѣ и понимать самого человѣка, по поводу того, что́ онъ говоритъ, способностію, которой онъ, какъ всѣ геніальные люди, обладалъ въ высшей степени, тоже находило здѣсь матеріалъ... Не имѣя никакихъ причинъ размѣрять себя, а напротивъ, считая необходимостью для истины будущихъ сношеній представить полный видъ на самого себя, я говорилъ рѣшительно все то, что́ зналъ, и все то, что́ думалъ. Гоголь прерывалъ иногда бесѣду замѣчаніями, чрезвычайно глубокими, но не возражалъ ни на что и ничего не оспаривалъ. Разъ только онъ обратился ко мнѣ съ весьма серьёзнымъ, настоятельнымъ требованіемъ, имѣвшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ юмористическій оттѣнокъ, удивительно граціозно замѣшанный въ его слова. Дѣло шло о покойномъ Гребенкѣ, какъ о подражателѣ Николая Васильевича, старав-

шемся даже иногда поддѣлаться подъ его первую манеру разсказа. „Вы съ нимъ знакомы,—говорилъ Гоголь,—напишите ему, что это никуда не годится. Какъ же это можно, чтобъ человѣкъ ничего не могъ выдумать? Непремѣнно напишите, чтобъ онъ пересталъ подражать? Что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Онъ вредитъ мнѣ. Скажите просто, что я сержусь и не хочу этого. Вѣдь онъ же родился гдѣ-нибудь, учился же грамотѣ гдѣ-нибудь, видѣлъ людей и думалъ о чемъ-нибудь. Чего же ему болѣе для сочиненія? Зачѣмъ же онъ въ мои дѣла вмѣшивается. Это неблагородно, напишите ему. Если уже нужно ему за другимъ ухаживать, такъ пусть выберетъ кто поближе къ нему живетъ!.. Все же будетъ легче. А меня пусть оставитъ въ покоѣ, пусть непремѣнно оставитъ въ покоѣ“. Но въ голосѣ и въ выраженіи его было такъ много комическаго жара, что нельзя было не смѣяться. Такъ сидѣли мы до самой ночи. Гоголь проводилъ меня потомъ къ моей квартирѣ и объявилъ, что завтра утромъ онъ придетъ за мной и покажетъ кой-что въ городѣ.

На другой день онъ дѣйствительно явился и добродушнѣйшимъ образомъ исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ повелъ меня къ Форуму, останавливалъ излишнюю ярость любопытства, обыкновенные новичкамъ порывы къ частностямъ, и только указывалъ точки, съ которыхъ должно смотрѣть на цѣлое и способы понимать его. Въ Колизеѣ онъ посадилъ меня на нижнихъ градинахъ, рядомъ съ собою, и, обводя глазами чудное зданіе, совѣтовалъ на первый разъ только проникнуться имъ. Вообще, онъ показывалъ Римъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ-будто самъ открылъ его...

Это былъ тотъ же самый чудный, веселый, добродушный Гоголь, котораго мы знали въ Петербургѣ до 1836 г., до перваго отъѣзда за границу. (Мы исключаемъ его быструю поѣздку въ Любекъ въ 1829 г. съ столь же быстрымъ возвращеніемъ назадъ). Правда, нѣкоторыя черты, какъ увидимъ, уже показывали начало новаго и послѣдняго его развитія, но онѣ еще мелькали на поверхности его характера, не сообщая ему одной, господствующей краски. 1841 годъ былъ послѣднимъ годомъ его свѣжей, мощной, многосторонней молодости, и вотъ почему воспоминаніе съ особенной силой привязывается къ этому году. Надо сказать, что въ Петербургѣ около Гоголя составился кругъ его школьныхъ пріятелей и новыхъ, молодыхъ знакомыхъ, которые любили его горячо и были ему по душѣ. Передъ этимъ кругомъ Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный; нѣсколько скрытный характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми не оставляли его никогда. Кромѣ жаркой привязанности, которую

онъ питалъ вообще къ двумъ-тремъ товарищамъ своего дѣтства,— „ближайшимъ людямъ своимъ", какъ онъ ихъ называлъ,—Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузіазмъ, который высказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, не смотря на совершенно короткое, нецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевленныя лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры. За чертой круга Гоголь открывалъ себѣ широкій путь жизни всѣми средствами, которыя находились въ его богатой натурѣ, не исключая хитрости и сноровки затрогивать наиболѣе живыя струны человѣческаго сердца. Онъ сходилъ съ этой арены въ безвѣстный и, такъ сказать, уединенный кругъ своихъ пріятелей, если не отдыхать (въ это время онъ не отдыхалъ почти никогда, но *жилъ* постоянно всѣми своими способностями), то, по-крайней-мѣрѣ, сравнивать его безкорыстныя сужденія о себѣ и рядъ надеждъ, возлагаемыхъ на него, съ тѣмъ, что́ говорилось и дѣлалось по поводу его особы на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ. Онъ былъ простъ передъ своимъ кругомъ, добродушенъ, веселъ, хотя и сохранялъ тонкій, можетъ быть, невольный оттѣнокъ чувства своего превосходства и своего значенія. Мало-по-малу родъ поученія, ободренія и удовольствія, какія онъ почерпалъ въ этомъ кругѣ, становились ему менѣе нужны и менѣе привлекательны; жизнь начала нестись съ такой силой вокругъ него, показались такія горячія, страстныя привязанности, дѣйствовавшія и на общественное мнѣніе, что никѣмъ невѣдомый и запертый въ себѣ самомъ кружокъ долженъ былъ потерять значеніе въ его глазахъ. Притомъ же вскорѣ явились требованія со стороны другихъ приверженцевъ Гоголя, на которыя старый кругъ не могъ отвѣчать, и явленія въ самомъ Гоголѣ, которыя трудно было понять ему; но почти ко всѣмъ его лицамъ Гоголь сохранилъ неизмѣнное расположеніе, доказывавшее теплоту и благородство его сердца. Онъ даже въ минуту развитія самостоятельныхъ, наиболѣе исключительныхъ своихъ мнѣній, еще вопрошалъ мысль прежнихъ своихъ пріятелей и прислушивался къ ней съ большимъ любопытствомъ. Такъ иногда писатель, пресыщенный критикой и разборомъ своихъ произведеній, охотно склоняетъ ухо къ мнѣнію какого-либо оригинальнаго чудака, живущаго вдали партій, литературныхъ вечеровъ и теченія господствующихъ понятій.

Записки о жизни Гоголя, изданныя г. Кулишемъ [1]), оцѣнены публи-

---

[1]) Подъ этими записками подписаны буквы Н. М., заимствованныя г-мъ Кулишемъ у его пріятеля Н. А. Макарова для своего литературнаго обихода.

кой по достоинству. Это одна изъ немногихъ драгоцѣнныхъ книгъ послѣдняго времени, которая исполнена содержанія и способна къ обильнымъ выводамъ. Вообще только тѣ книги и важны въ литературѣ, которыя заключаютъ гораздо болѣе того, что въ нихъ сказано. Вмѣстѣ съ превосходными воспоминаніями гг. Кульжинскаго, Иваницкаго, Лонгинова, Чижова, г-жи Смирновой и С. Т. Аксакова, передающими намъ физіономію Гоголя въ урывкахъ, но удивительно живо и вѣрно; вмѣстѣ съ замѣчательнѣйшими подробностями о жизни Гоголя и обстановкѣ его жизни въ разныя эпохи, наконецъ съ богатой коллекціей писемъ самого Гоголя, стоившей издателю, вѣроятно, не малыхъ усилій,—книга представляетъ запасъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, какого врядъ ли кто и могъ ожидать. Имя издателя ея упрочено въ нашей литературѣ этимъ добросовѣстнымъ и благороднымъ трудомъ. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ съ замѣчательнымъ пониманіемъ своей задачи отказывается отъ роли біографа. Дѣйствительно, біографія Гоголя еще впереди. Вотъ почему замѣтки, которыя слѣдуютъ теперь, относятся совсѣмъ не къ г. Кулишу, исполнившему все свое дѣло, а имѣютъ въ виду тѣхъ будущихъ составителей біографіи Гоголя, которые неизбѣжно воспитаются по „Запискамъ“ г. Кулиша и съ помощью ихъ должны будутъ построить картину жизни и развитія этого, во всѣхъ отношеніяхъ, необыкновеннаго человѣка.

Прежде всего хотѣлось бы намъ, чтобъ навсегда отвергнута была система отдѣльнаго изъясненія и отдѣльнаго оправданія всѣхъ частностей въ жизни человѣка, а также и система гореванія и покаянія, приносимаго авторомъ за своего героя, когда, несмотря на всѣ усилія, не находитъ болѣе словъ къ изъясненію и оправданію нѣкоторыхъ явленій. Направленіе это безплодно. Тамъ, гдѣ требуется изобразить характеръ и характеръ весьма многосложный,— оно замѣщаетъ стараніе понять и представить живое лицо легкой работой вычисленія — насколько лицо подошло къ извѣстнымъ, общепринятымъ понятіямъ о приличіи и благовидности и насколько выступило изъ нихъ. При этой работѣ случается, что авторъ видитъ прорѣху между условнымъ правиломъ и героемъ своимъ тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ, а иногда принимается подводить героя подъ правило безъ всякой нужды, только изъ ложнаго соображенія, что герою лучше стоять на почетномъ, чѣмъ на свободномъ и просторномъ мѣстѣ. Можно весьма легко избѣгнуть всѣхъ этихъ рѣзкихъ недоразумѣній, изобразивъ характеръ во всей его истинѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ той цѣлости, какъ онъ намъ представляется послѣ долгаго обсужденія. Живой характеръ, глубоко обдуманный и искренно переданный, носитъ уже въ себѣ самомъ поясненіе и оправ-

даніе всѣхъ жизненныхъ подробностей, какъ бы разнообразны, противорѣчивы или двусмысленны ни казались онѣ, взятыя врозь и отдѣльно другъ отъ друга. Онъ освобождаетъ біографа отъ необходимости стоять въ недоумѣніи передъ каждымъ пятнышкомъ, придумывая средства, какъ бы вывести его поскорѣе, и отстраняетъ другую, еще важнѣйшую бѣду: видѣть пятно тамъ, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ, и гдѣ только существуетъ игра свѣта и тѣни, порождаемая естественнымъ отраженіемъ характера на другихъ предметахъ и лицахъ. Въ виду цѣльно изображеннаго характера умолкаетъ также и всякая литературная полемика, которая безъ того приведена въ необходимость повѣрять одни свидѣтельства другими, опровергать одну частность другой частностью, сомнительный приговоръ — другимъ, чтó подъ конецъ представляетъ какую-то длинную цѣпь фактовъ, не приводящихъ ни къ какому результату, и гдѣ истина кажется на всѣхъ точкахъ, потому что ни на одной не остановилась окончательно. Глубоко продуманный, поэтически угаданный и смѣло изложенный характеръ, имѣетъ еще и ту выгоду, что онъ точно такъ же и принимается, какъ составился въ умѣ жизнеописателя, т.-е. цѣликомъ. Цѣльно изображенный характеръ можетъ быть только цѣликомъ отвергнутъ или, наоборотъ, цѣликомъ принятъ, на основаніи строгихъ нравственныхъ соображеній. Безъ соблюденія этихъ коренныхъ условій хорошаго біографа, авторъ будетъ походить всегда на человѣка, который стоитъ у вѣсовъ день и ночь и безпрестанно обвѣшиваетъ приходящихъ, задерживая одну чашку съ событіями и обвиненіями слишкомъ тяжелыми, или подталкивая другую съ явленіями, въ моральномъ смыслѣ, нѣсколько легковѣсными. Стрѣлка не придетъ никогда въ свое правильное положеніе и центральной точки никогда не укажетъ.

Если съ самаго дѣтства, съ школьнической жизни въ Нѣжинѣ, мы видимъ, что достиженіе разъ задуманной цѣли или предпріятія приводило въ необычайное напряженіе всѣ способности Гоголя и вызывало наружу всѣ качества, составившія впослѣдствіи его характеръ, то будемъ ли мы удивляться, что вмѣстѣ съ ними появилась врожденная скрытность, ловко разсчитанная хитрость и замѣчательное по его возрасту употребленіе чужой воли въ свою пользу. Станемъ ли мы скрывать, или, еще хуже, искать у читателя *отпущенія* этимъ жизненнымъ чертамъ, которыя болѣе всего предвѣщаютъ не совсѣмъ обыкновеннаго человѣка. Въ школьнической перепискѣ Гоголя съ матерью мы видимъ, по риторическому тону нѣкоторыхъ писемъ, что въ нихъ скрывается какое-то другое дѣло, чѣмъ то, которое излагается на бумагѣ, и имѣемъ историческія, несомнѣнныя свидѣтельства въ подтвержденіе невольныхъ догадокъ,

возбуждаемыхъ ими. Многія мѣста ихъ, наиболѣе пышныя, держатся за фактическія основанія совсѣмъ не того рода, какія молодой ученикъ старается выставить передъ семействомъ. Посредствомъ этихъ пышныхъ фразъ, онъ растетъ въ глазахъ своихъ родныхъ съ одной стороны и исполняетъ свои собственныя намѣренія съ другой. Это раннее проявленіе неколебимой воли, идущей упорно къ своимъ тайнымъ цѣлямъ, по нашему, заключаетъ болѣе поученія и выводовъ, чѣмъ самое прилежное исполненіе задачи, спасать ежеминутно его репутацію, которую ни одинъ человѣкъ, имѣющій смыслъ въ головѣ, никогда не заподозритъ. Приведемъ одинъ примѣръ изъ домашней его переписки, подтверждающей слова наши. Вотъ какимъ способомъ изъясняетъ онъ причину скораго своего возвращенія изъ внезапной поѣздки за границу въ 1829 году: „Не смотря на ваше желаніе, я не долженъ пробыть долѣе въ Любекѣ: я не могу, я не въ силахъ пріучить себя къ мысли, что вы безпрестанно печалитесь, полагая меня въ такомъ далекомъ разстояніи“ (Письмо къ матери. Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 80). Г. Кулишъ принимаетъ это объясненіе, какъ единственно достовѣрное изъ всѣхъ другихъ предположеній о быстромъ возвращеніи его въ отечество. Конечно, никто не станетъ опровергать, что Гоголь могъ испытывать тоску по роднымъ и знакомымъ, какъ и всякій другой человѣкъ; но кто вникъ въ сущность его характера, тотъ никогда не согласится думать, что романтическое, сантиментальное чувство могло измѣнить одно всѣ его намѣренія. Не лучше ли для самой славы Гоголя предполагать, какъ мы искренно убѣждены, что безполезность поѣздки и отсутствіе при этомъ всякой цѣли погнали его назадъ. Менѣе твердый и самостоятельный человѣкъ, сдѣлавъ ложный шагъ, продолжалъ бы слѣдовать далѣе по одному направленію, ожидая помощи, по обыкновенію, отъ судьбы, случая, людей и проч. Гоголь, почувствовавъ, что онъ стоитъ на скользкой тропѣ, тотчасъ же возвращается назадъ и снова принимается отыскивать въ отечествѣ своемъ настоящую почву дѣятельности, которая никакъ не давалась ему. Онъ удвоиваетъ силы и находитъ ее. Такъ всегда поступаютъ необыкновенные люди, предназначенные къ какому-либо роду общественнаго служенія.

Могутъ ли бросить всѣ эти пріемы своеобычнаго молодого человѣка, отводящаго глаза самыхъ близкихъ людей отъ истинныхъ своихъ чувствъ, отъ истинныхъ своихъ намѣреній, могутъ ли они, говоримъ мы, бросить какую-либо тѣнь на извѣстную, страстную привязанность его къ матери, на безграничную любовь къ семейству, котораго онъ былъ всю жизнь нравственнымъ и матеріальнымъ благодѣтелемъ, продолжая ту же самую роль покровителя и

послѣ смерти? Они открываютъ только особенности его характера, форму, какую принимали всѣ его поступки и даже душевныя его побужденія, и ими Гоголь гораздо лучше обрисовывается, чѣмъ посредствомъ приложенія къ нему общихъ, отвлеченныхъ понятій о нѣжности, чувствительности, добротѣ, годныхъ для всѣхъ натуръ, какъ платье, сшитое не по одной извѣстной мѣркѣ, пожалуй, можетъ придти на всякій ростъ.

Съ 1830 по 1836 г., то-есть вплоть до отъѣзда за границу, Гоголь былъ занятъ исключительно одной мыслью—открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности, онъ всегда и вездѣ тѣсенъ для начинающаго. Гоголь перепробовалъ множество родовъ дѣятельности,—служебную, актерскую, художническую, писательскую. Съ появленія „Вечеровъ на Хуторѣ", имѣвшихъ огромный успѣхъ, дорога, наконецъ, была найдена, но дѣятельность его еще удвоивается послѣ успѣха. Тутъ я съ нимъ и познакомился. Онъ былъ весь обращенъ лицомъ къ будущему, къ расчищенію себѣ путей во всѣ направленія, движимый потребностью развить всѣ силы свои, богатство которыхъ невольно сознавалъ въ себѣ. Необычайная житейская опытность, пріобрѣтенная размышленіями о людяхъ, выказывалась на каждомъ шагу. Онъ исчерпывалъ людей такъ свободно и легко, какъ другіе живутъ съ ними. Не довольствуясь ограниченнымъ кругомъ ближайшихъ знакомыхъ, онъ смѣло вступалъ во всѣ круга, и цѣли его умножались и росли по мѣрѣ того, какъ преодолѣвалъ онъ первыя препятствія на пути. Онъ сводилъ до себя лица, стоявшія, казалось, внѣ обычной сферы его дѣятельности, и зорко открывалъ въ нихъ тѣ нити, которыми могъ привязать къ себѣ. Искусство подчинять себѣ чужія воли изощрялось вмѣстѣ съ навыкомъ въ дѣлѣ, и мало-по-малу пріобрѣталось не менѣе важное искусство направлять обстоятельства такъ, что они переставали быть препонами и помѣхами, а обращались въ покровителей и поборниковъ человѣка. Никто тогда не походилъ болѣе его на итальянскихъ художниковъ XVI-го вѣка, которые были въ одно время геніальными людьми, благородными любящими натурами—и глубоко практическими умами. Въ виду этого напряженнаго развитія всѣхъ силъ, направленныхъ къ одной цѣли, будемъ ли мы сомнительно качать головой, когда увидимъ Гоголя, самонадѣянно вступающаго на профессорскую каѳедру безъ нужнаго приготовленія къ ней, безъ качествъ, составляющихъ истиннаго ученаго? Станемъ ли томиться надъ изысканіемъ *облегчающихъ обстоятельствъ*, когда встрѣтимъ въ письмахъ Гоголя къ гг. Максимовичу, Погодину, напримѣръ, увѣреніе, что онъ трудится надъ Исторіей Малороссіи въ

шести томахъ, надъ всеобщей исторіей и географіей, подъ заглавіемъ: „Земля и Люди“, въ трехъ или двухъ томахъ, надъ Исторіей Среднихъ Вѣковъ въ восьми томахъ (всего семнадцать или шестнадцать томовъ), между тѣмъ, какъ онъ трудился надъ „Тарасомъ Бульбою“, надъ статьями и повѣстями Арабесокъ и Миргорода. Намъ все равно—вѣрилъ ли онъ самъ въ эти и подобныя имъ обѣщанія, или нѣтъ:—они составляютъ для насъ только проблески, указывающіе смыслъ тогдашняго его развитія, черты характера, способныя изъяснить его физіономію. Что они не лишены своего рода достоинства и поэзіи — согласится всякій. Въ самомъ дѣлѣ: картина, представляющая намъ геніальнаго человѣка, занятаго устройствомъ своего положенія въ свѣтѣ и литературѣ, изысканіемъ средствъ для труда на обширномъ поприщѣ, куда призываетъ его сознаніе своей силы, не заключаетъ ли въ себѣ гораздо болѣе нравственной красоты, поэзіи и поученія, чѣмъ самое кропотливое разбирательство того, что́ было сказано имъ хорошаго и что́ не такъ-то хорошо сказалось. Какую услугу оказываетъ біографъ своему герою, когда, вмѣсто того, чтобъ пояснить сущность его стремленій и благородство его цѣлей, принимается разрѣшать противорѣчія, неизбѣжныя въ такой жаркой, лихорадочной жизни, и старается связать ихъ скудной ниткой произвольныхъ толкованій, которая еще и рвется ежеминутно въ рукахъ изслѣдователя? Какъ ни рѣдко встрѣчается эта безплодная работа въ превосходной книгѣ г. Кулиша, но онъ не совсѣмъ свободенъ отъ нея. Всякій разъ, какъ покидаетъ онъ роль добросовѣстнаго собирателя матеріаловъ и приступаетъ къ истолкованіямъ—самыя странныя недоразумѣнія, самыя далекія соображенія, совершенно чуждыя дѣлу, накопляются подъ перомъ его, нисколько не поражая его умъ своимъ неправдоподобіемъ. Таковы, между прочимъ, вопросы, задаваемые г-мъ Кулишемъ самому себѣ по поводу одного письма Гоголя въ 1829 г., гдѣ послѣдній рисуетъ собственный портретъ въ такихъ чертахъ: „Часто я думаю о себѣ, зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по-крайней-мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ—чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую странную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія“. Слова эти строги, но изображеніе истиннаго характера Гоголя должно значительно ослабить краски самой исповѣди. Были *законныя* причины для его противорѣчій и переходовъ. Г-нъ Кулишъ прибавляетъ свои поясненія къ портрету, въ которыхъ, между прочимъ, находится слѣдующая мысль: „Большую часть жизни употребилъ Гоголь на анализъ са-

мого себя, какъ нравственнаго, предстоящаго предъ лицомъ Бога существа, *и какъ бы только случайно вдавался иногда въ дѣятельность другого рода, которая составила его земную славу*— зачѣмъ, для чего это?...“ (Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 78). Вторая половина этого періода не совсѣмъ вѣрна въ отношеніи всей вообще жизни Гоголя, но встрѣченная при описаніи первой эпохи его развитія и приложенная къ молодому Гоголю, искавшему земной славы всѣми силами своей души—она, съ мыслію, въ ней заключающеюся, отходитъ къ тому роду толкованій, о которыхъ мы говорили сейчасъ и которыя зиждутся на соображеніяхъ, взятыхъ внѣ сущности самаго предмета.

Вообще, для біографа чрезвычайно важно смотрѣть прямо въ лицо герою своему и имѣть довѣренность къ его благодатной природѣ. Позволено трепетать за каждый шагъ младенца, но шаги общественнаго дѣятеля, отыскивающаго простора и достойной сцены своимъ способностямъ, какъ это было съ Гоголемъ между 1830 и 1836 г., не могутъ быть измѣряемы соображеніями педагогическаго рода. Прежде всего надо знать тутъ, куда человѣкъ идетъ, что́ лежитъ въ основаніи его характера, каковъ его способъ пониманія предметовъ и въ чемъ заключается сущность его *созерцанія* вообще. Здѣсь только и отгадка его физіономіи, и одна неопровержимая истина. Съ другой стороны, охотникамъ до отрицательныхъ данныхъ, до прозаическихъ фактовъ, низводящихъ человѣка къ толпѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ дѣлѣ пониманія характера эта система столь же мало приведетъ къ цѣли, какъ и противоположная ей, система ненужной поддержки и оправданія всѣхъ его поступковъ. Можно употребить, напримѣръ, много времени и много бумаги на перечисленіе всѣхъ доказательствъ его осторожности въ обращеніи съ людьми и снисхожденія къ любимымъ ихъ представленіямъ, посредствомъ котораго Гоголь приковывалъ къ себѣ сердца знакомыхъ въ эту эпоху; можно также исписать порядочный листъ, подбирая черты, въ которыхъ проявляется его врожденная скрытность, наклонность выставлять призраки и за ними скрывать свою мысль, и проч. Но чѣмъ болѣе и чѣмъ остроумнѣе станемъ отыскивать и исторически подтверждать всѣ наши, въ сущности, весьма бѣдныя находки, тѣмъ сильнѣе будетъ затемняться физіономія Гоголя и отходить отъ насъ въ даль и въ туманъ. Оно и понятно. Физіономія его, какъ и физіономія всякаго необыкновеннаго человѣка, должна освѣщаться сама собой, своимъ внутреннимъ огнемъ. Она тотчасъ искажается, какъ подносятъ къ ней со стороны грубый свѣточъ, будь онъ самаго розоваго, или наоборотъ мрачнаго, гробового цвѣта. Примѣръ правильной оцѣнки Гоголя далъ Пушкинъ.

Извѣстно, что Гоголь взялъ у Пушкина мысль „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, но менѣе извѣстно, что Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ ему свое достояніе. Однакожъ въ кругу своихъ домашнихъ Пушкинъ говорилъ смѣясь: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“. Глубокое слово! Пушкинъ понималъ неписанныя права общественнаго дѣятеля. Притомъ же Гоголь обращался къ людямъ съ такимъ жаромъ искренней любви и расположенія, несмотря на свои хитрости, что люди не жаловались, а напротивъ, спѣшили на встрѣчу къ нему. Никогда, можетъ-быть, не употребилъ онъ въ дѣло такого количества житейской опытности, сердцевѣдѣнія, заискивающей ласки и притворнаго гнѣва, какъ въ 1842 г., когда приступилъ къ печатанію „Мертвыхъ Душъ“. Плодомъ его неутомимаго возбужденія и стремленій къ одной цѣли при помощи всякихъ мѣръ, которыя, конечно, далеко отстоятъ отъ идеала патріархальной простоты сношеній, было скоро появленіе „Мертвыхъ Душъ“ въ печати. Тотъ, кто не имѣетъ „Мертвыхъ Душъ“ для напечатанія, можетъ, разумѣется, вести себя непогрѣшительнѣе Гоголя и быть гораздо проще въ своихъ поступкахъ и выраженіи своихъ чувствъ.

Поэтому не удивительно будетъ, если скажемъ, что именно въ эту страстную, необычайно дѣятельную эпоху своей жизни, Гоголь постоянно оставался существомъ высокаго нравственнаго характера, не переставалъ быть ни на минуту по мысли, образу жизни и направленію благороднѣйшимъ человѣкомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Помирить образъ подобнаго человѣка съ тѣми частностями, которыя приводятъ втупикъ поверхностнаго наблюдателя, не искажая и не перетолковывая ихъ, значитъ—именно попять и настоящую задачу біографа.

Мы сказали, что Гоголь часто сходилъ съ шумнаго, трудового своего жизненнаго поприща въ уединенный кругъ своихъ пріятелей—потолковать преимущественно о явленіяхъ искусства, которыя въ сущности одни только и наполняли его душу. Онъ никогда не говорилъ съ пріятелями объ ученыхъ своихъ предпріятіяхъ и другихъ замыслахъ, потому-что хотѣлъ оставаться съ ними искреннимъ и такимъ, какимъ его знали сначала. Гоголь жилъ на Малой Морской, въ домѣ Лепена, на дворѣ, въ двухъ небольшихъ комнатахъ, и я живо помню темную лѣстницу квартиры, маленькую переднюю съ перегородкой, небольшую спальню, гдѣ онъ разливалъ чай своимъ гостямъ, и другую комнату, попросторнѣе, съ простымъ диваномъ у стѣны, большимъ столомъ у окна, заваленнымъ книгами, и письменнымъ бюро возлѣ него. Въ первый разъ, какъ я попалъ на

одинъ изъ чайныхъ вечеровъ его, онъ стоялъ у самовара и только сказалъ мнѣ: „Вотъ, вы какъ разъ поспѣли“. Въ числѣ гостей былъ у него пожилой человѣкъ, разсказывавшій о привычкахъ сумасшедшихъ, строгой, почти логической послѣдовательности, замѣчаемой въ развитіи нелѣпыхъ ихъ идей. Гоголь подсѣлъ къ нему, внимательно слушалъ его повѣствованіе и, когда одинъ изъ пріятелей сталъ звать всѣхъ по домамъ, Гоголь возразилъ, намекая на своего посѣтителя: „Ты ступай... Они уже знаютъ свой часъ, и когда надобно, уйдутъ“. Большая часть матеріаловъ, собранныхъ изъ разсказовъ пожилого человѣка, употреблены были Гоголемъ потомъ въ „Запискахъ сумасшедшаго“. Часто потомъ случалось мнѣ сидѣть и въ этой скромной чайной, и въ залѣ. Гоголь собиралъ тогда англійскіе кипсеки съ видами Греціи, Индіи, Персіи и проч., той извѣстной тонкой работы на стали, гдѣ главный эффектъ составляютъ необычайная обдѣлка гравюры и рѣзкія противоположности свѣта съ тѣнью. Онъ любилъ показывать дорогіе альманахи, изъ которыхъ, между прочимъ, почерпалъ свои поэтическія воззрѣнія на архитектуру различныхъ нравовъ и на ихъ художественныя требованія. Степенный, всегда серьёзный Якимъ состоялъ тогда въ должности его камердинера. Гоголь обращался съ нимъ совершенно патріархально, говоря ему иногда: „Я тебѣ рожу побью“, что́ не мѣшало Якиму постоянно грубить хозяину, а хозяину заботиться о существенныхъ его пользахъ и, наконецъ, устроить ему покойную будущность. Сохраняя практическій оттѣнокъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, Гоголь простеръ свою предусмотрительность до того, что разъ, отъѣзжая по дѣламъ въ Москву, самъ расчертилъ полъ своей квартиры на клѣтки, купилъ красокъ и, спасая Якима отъ вредной праздности, заставилъ его изобразить довольно затѣйливый паркетъ на полу, во время своего отсутствія. Пріятели сходились также другъ у друга, на чайные вечера, гдѣ всякій очередной хозяинъ старался превзойти другого разнообразіемъ, выборомъ и изяществомъ кренделей, прибавляя всегда, что они куплены *на вѣсъ золота*. Гоголь былъ въ этихъ случаяхъ строгій, нелицепріятный судья и оцѣнщикъ. На этихъ сходкахъ царствовала веселость, бойкая насмѣшка надъ низостію и лицемѣріемъ, которой журнальные, литературные и всякіе другіе анекдоты служили пищей, но особенно любилъ Гоголь составлять куплеты и пѣсни на общихъ знакомыхъ. Съ помощью Я. М. Прокоповича и А. С. Данилевскаго, товарища Гоголя по Лицею, человѣка веселыхъ нравовъ, нѣкоторые изъ нихъ выходили дѣйствительно каррикатурно мѣтки и уморительны. Много тогда было сочинено подобныхъ пѣсенъ. Помню, что нѣсколько вечеровъ Гоголь безпрестанно тянулъ (мотивы для купле-

товъ выбирались изъ новѣйшихъ оперъ—изъ Фенеллы, Роберта, Цампы) кантату, созданную для прославленія будущаго предполагаемаго его путешествія въ Крымъ, гдѣ находился стихъ:

И съ Матреной нашъ Якимъ
Потянулся прямо въ Крымъ.

Въ памяти у меня остается также довольно нелѣпый куплетъ, долженствовавшій увѣковѣчить подвиги молодыхъ учителей изъ его знакомыхъ, отправлявшихся каждый день на свои лекціи, на Васильевскій островъ. Куплетъ, кажется, принадлежалъ Гоголю безраздѣльно:

Всѣ *бобрами* завелись,
У Фаге всѣ завелись —
И пошли черезъ Неву,
Какъ чрезъ мягку мураву, и т. д.

Точно то же происходило и на обѣдахъ въ складчину, гдѣ Гоголь самъ приготовлялъ вареники, голушки и другія малороссійскія блюда. Важнѣе другихъ бывалъ складчинный обѣдъ въ день его именинъ, 9-го мая, къ которому онъ обыкновенно уже одѣвался полѣтнему, самъ изобрѣтая какой-то фантастическій нарядъ. Онъ надѣвалъ обыкновенно ярко-пестрый галстучекъ, взбивалъ высоко свой завитой *кокъ*, облекался въ какой-то бѣлый, чрезвычайно короткій и распашной сюртучокъ, съ высокой таліей и буфами на плечахъ, что́ дѣлало его дѣйствительно похожимъ на *пѣтушка*, по замѣчанію одного изъ его знакомыхъ (Бѣлоусова). Какъ далекъ еще тогда онъ былъ отъ позднѣйшей самоувѣренности въ оцѣнкѣ собственныхъ произведеній, можетъ служить то, что, на одномъ изъ складчинныхъ обѣдовъ 1832 г., онъ сомнительно и даже отчасти грустно покачалъ головой при похвалахъ, расточаемыхъ новой повѣсти его „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никофоровичемъ“. —Это вы говорите, сказалъ-онъ,—а другіе считаютъ ее фарсомъ. Вообще сужденіями, такъ-называемыхъ, избранныхъ людей, Гоголь, по благородно высокой практической натурѣ своей, никогда не довольствовался. Ему всегда нужна была публика. Случалось также, что въ этихъ сходкахъ на Гоголя нападала безпокойная, судорожная, горячечная веселость—явное произведеніе матеріальныхъ силъ, чѣмъ-либо возбужденныхъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что природа его имѣла многія изъ свойствъ южныхъ народовъ, которыхъ онъ такъ цѣнилъ вообще. Онъ необычайно дорожилъ внѣшнимъ блескомъ, обиліемъ и разнообразіемъ красокъ въ предметахъ, пышными, роскошными очертаніями, эффектомъ въ картинахъ и природѣ. „Послѣдній день Помпеи“ — Брюллова, привелъ его, какъ и слѣ-

довало ожидать, въ восторгъ. Полный звукъ, ослѣпительный поэтическій образъ, мощное, громкое слово, все, исполненное силы и блеска, потрясало его до глубины сердца. О метафизическомъ способѣ пониманія явленій природы и искусства тогда и въ поминѣ не было. Онъ просто благоговѣлъ передъ созданіями Пушкина за изящество, глубину и тонкость ихъ поэтическаго анализа, но такъ же точно съ выраженіемъ страсти въ глазахъ и въ голосѣ, сильно ударяя на нѣкоторыя слова, читалъ и стихи Языкова. Въ жизни онъ былъ очень цѣломудренъ и трезвъ, если можно такъ выразиться, но въ представленіяхъ онъ совершенно сходился со страстными, внѣшне-великолѣпными представленіями южныхъ племенъ. Вотъ почему такъ же онъ заставлялъ другихъ читать и самъ зачитывался въ то время Державина. Чтеніе его, если уже разъ ухо ваше попривыкло къ малороссійскому напѣву, было чрезвычайно обаятельно: такую поразительную выпуклость умѣлъ онъ сообщать наиболѣе эффектнымъ частямъ произведенія и такой яркій колоритъ получали они въ устахъ его! Можно сказать, что онъ проявлялъ натуру южнаго человѣка даже и свѣтлымъ, практическимъ умомъ своимъ, не лишеннымъ примѣси суевѣрія... Если присоединить къ этому замѣчательно тонкій эстетическій вкусъ, открывавшій ему тотчасъ поддѣлку подъ чувство и ложныя, неестественныя краски, какъ бы густо или хитро ни положены онѣ были, то уже легко будетъ понять тотъ родъ очарованія, которое имѣла его бесѣда. Онъ не любилъ уже и въ то время французской литературы, да не имѣлъ большой симпатіи и къ самому народу за «моду, которую они ввели по Европѣ», какъ онъ говорилъ: «быстро создавать и тотчасъ же, по-дѣтски, разрушать авторитеты». Впрочемъ, онъ рѣшительно ничего не читалъ изъ французской изящной литературы и принялся за Мольера только послѣ строгаго выговора, даннаго Пушкинымъ за небреженіе къ этому писателю. Также мало зналъ онъ и Шекспира (Гёте и вообще нѣмецкая литература почти не существовали для него), и изъ всѣхъ именъ иностранныхъ поэтовъ и романистовъ было знакомо ему не по догадкѣ и не по слухамъ одно имя—Вальтеръ-Скотта. За то и окружилъ онъ его необычайнымъ уваженіемъ, глубокой попечительной любовью. Вальтеръ-Скоттъ не былъ для него представителемъ охранительныхъ началъ, нѣжной привязанности къ прошедшему, какимъ сдѣлался въ глазахъ европейской критики; всѣ эти понятія не находили тогда въ Гоголѣ ни малѣйшаго отголоска и потому не могли задобривать его въ пользу автора. Гоголь любилъ Вальтеръ-Скотта просто съ художнической точки зрѣнія, за удивительное его распредѣленіе матеріи разсказа, подробное обслѣдованіе характеровъ и твердость,

съ которой онъ велъ многосложное событіе ко всѣмъ его результатамъ. Въ эту эпоху Гоголь былъ наклоненъ скорѣе къ оправданію разрыва съ прошлымъ и къ нововводительству, признаки котораго очень ясно видны и въ его ученыхъ статьяхъ о разныхъ предметахъ, чѣмъ къ поясненію стараго или къ искусственному оживленію его... Въ тогдашнихъ бесѣдахъ его постоянно выражалось одно стремленіе къ оригинальности, къ смѣлымъ построеніямъ науки и искусства на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, какія существуютъ, къ идеаламъ жизни, созданныхъ съ помощью отвлеченной, логической мысли—словомъ, ко всѣмъ тѣмъ болѣе или менѣе поэтическимъ призракамъ, которые мучатъ всякую дѣятельную благородную молодость. При этомъ направленіи два предмета служили какъ-бы ограниченіемъ его мысли и предѣломъ для нея, именно: страстная любовь къ пѣснямъ, думамъ, умершему прошлому Малороссіи, что́ составляло въ немъ истинное, охранительное начало и художественный смыслъ, ненавидѣвшій все рѣзкое, произвольное, необузданно-дикое. Они были, такъ сказать, умѣрителями его порывовъ. Въ этомъ соединеніи страсти, бодрости, независимости всѣхъ представленій, со скромностію, отличающей практическій взглядъ, и благородствомъ художественныхъ требованій, заключался и весь характеръ перваго періода его развитія, того, о которомъ мы теперь говоримъ.

Никогда, однакожъ, даже въ средѣ одушевленныхъ и жаркихъ преній, происходившихъ въ кружкѣ, по поводу современныхъ литературныхъ и жизненныхъ явленій, не покидала его лица постоянная, какъ-бы приросшая къ нему, наблюдательность. Онъ, можно сказать, не раздѣвался никогда, и застать его обезоруженнымъ не было возможности. Зоркій глазъ его постоянно слѣдилъ за душевными и характеристическими явленіями въ другихъ: онъ хотѣлъ видѣть даже и то, что́ легко могъ предугадать. Сколько было тогда подмѣчено въ нѣкоторыхъ общихъ пріятеляхъ мимолетныхъ чертъ лукавства, мелкаго искательства, которыми трудолюбивая бездарность старается обыкновенно вознаградить отсутствіе производительныхъ способовъ; сколько разоблачено риторической пышности, за которой любитъ скрываться бѣдность взгляда и пониманія; сколько открыто скуднаго житейскаго разсчета подъ маской приличія и благонамѣренности! Все это составляло потѣху кружка́, которому не малое удовольствіе доставлялъ и тогдашній союзъ денежныхъ интересовъ въ литературѣ со всѣми его изворотами, войнами, тріумфами и побѣдными маршами! Для Гоголя какъ здѣсь, такъ и въ другихъ сферахъ жизни ничего не пропадало даромъ. Онъ прислушивался къ замѣчаніямъ, описаніямъ, анекдотамъ, наблюденіямъ своего круга и, случалось, пользовался ими. Въ этомъ, да и въ свободномъ из-

ложеніи своихъ мыслей и мнѣній, кругъ работалъ на него. Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья рублей въ 200 (асс.). Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу—за добычей, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ-то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ-то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспоминать безъ смертельной блѣдности на лицѣ... Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первой мыслію чудной повѣсти его: „Шинель“, и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ. Поэтическій взглядъ на предметы былъ такъ свойственъ его природѣ и казался ему такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что самая теорія творчества, которую онъ излагалъ тогда, отличалась поэтому необыкновенной простотой. Онъ говорилъ, что для успѣха повѣсти и вообще разсказа достаточно, если авторъ опишетъ знакомую ему комнату и знакомую улицу. „У кого есть способность передать живописно свою квартиру—тотъ можетъ быть и весьма замѣчательнымъ авторомъ впослѣдствіи“, говорилъ онъ. На этомъ основаніи онъ побуждалъ даже многихъ изъ своихъ друзей приняться за писательство. Но если теорія была слишкомъ проста и умалчивала о многихъ качествахъ, необходимыхъ писателю, то критика Гоголя, наоборотъ, отличалась разнообразіемъ, глубиной и замѣчательной многосложностію требованій. Не говоря уже о томъ, что онъ угадывалъ по инстинкту всякое не живое, а придуманное лицо, сознаваясь, что оно возбуждаетъ въ немъ почти такое же отвращеніе, какъ трупъ или скелетъ, но Гоголь ненавидѣлъ *идеальничанье* въ искусствѣ прежде критиковъ, возбудившихъ гоненіе на него. Онъ никакъ не могъ пріучить себя ни къ трескучимъ драмамъ Кукольника, которыя тогда хвалились въ Петербургѣ, ни къ сантиментальнымъ романамъ Полевого, которые тогда хвалились въ Москвѣ. Поэзія, которая почерпается въ созерцаніи

живыхъ, существующихъ, дѣйствительныхъ предметовъ, такъ глубоко понималась и чувствовалась имъ, что онъ, постоянно и упорно удаляясь отъ умниковъ, имѣющихъ готовыя опредѣленія на всякій предметъ, постоянно и упорно смѣялся надъ ними и, наоборотъ, могъ проводить цѣлые часы съ любымъ коннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости *игры въ бабки*, со всякимъ спеціальнымъ человѣкомъ, который далѣе своей спеціальности и ничего не знаетъ. Онъ собиралъ свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ людей, въ свои записочки, которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько ихъ видѣлъ г. Кулишъ—и они дожидались тамъ случая превратиться въ части чудныхъ поэтическихъ картинъ. Для него даже мѣра уваженія къ людямъ опредѣлялась мѣрой ихъ познанія и опытности въ какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ. При выборѣ собесѣдника, онъ не запинался между остроумцемъ, празднымъ, даже, пожалуй, дѣльнымъ литературнымъ судьею и первымъ попавшимся знатокомъ какого-либо производства. Онъ тотчасъ становился лицомъ къ послѣднему. Но, по нашему мнѣнію, важнѣе всего этого была въ Гоголѣ та мысль, которую онъ приносилъ съ собой въ это время повсюду. Мы говоримъ объ энергическомъ пониманіи вреда, производимаго пошлостію, лѣнью, потворствомъ злу съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостію и ничтожествомъ моральныхъ основаній съ другой. Онъ относился ко всѣмъ этимъ явленіямъ совсѣмъ не равнодушно, какъ можно заключить даже изъ напечатанныхъ его писемъ о московской журналистикѣ и объ условіяхъ хорошей комедіи. Въ его преслѣдованіи темныхъ сторонъ человѣческаго существованія была страсть, которая и составляла истинное нравственное выраженіе его физіономіи. Онъ и не думалъ еще тогда представлять свою дѣятельность, какъ подвигъ личнаго совершенствованія, да и никто изъ знавшихъ его не согласится видѣть въ ней намеки на какое-либо страданіе, томленіе, жажду примиренія и проч. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно, и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственной цѣлью: потрясти ее, если можно, въ основаніи. Этотъ родъ одушевленія сказывался тогда во всей его особѣ, составляя и существенную часть нравственной красоты ея. Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи, даже и противъ него самого, если бы нужно было. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства тутъ важнѣе признаній автора, подсказанныхъ другого рода соображеніями и сильнымъ подавляющимъ вліяніемъ новыхъ идей, позднѣе возникшихъ въ его сердцѣ. Мы съ своей

стороны убѣждены, что Гоголь имѣлъ, между прочимъ, въ виду и этого рода дѣятельность, когда наканунѣ 1834 года обращался къ своему генію съ удивительнымъ поэтическимъ дифирамбомъ, вопрошая будущее и требуя у него труда, вдохновенія и подвига. Опубликованіемъ этого документа, какъ и многихъ другихъ, г. Кулишъ получилъ право на долгую признательность исторіи литературы нашей. Чудно и многознаменательно звучатъ послѣднія слова этого воззванія къ генію: „О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мной хотя два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! я совершу, я совершу! *Жизнь кипитъ во мнѣ.* Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество. Я совершу! о, поцѣлуй и благослови меня!“ Но кромѣ вдохновенныхъ часовъ, какихъ Гоголь просилъ у своего генія, и кромѣ положительной дѣятельности, къ какой приводило чувство *кипящей жизни и силы,* онъ еще, по характеру своему, старался дѣйствовать па толпу и внѣшнимъ своимъ существованіемъ; онъ любилъ показать себя въ нѣкоторой таинственной перспективѣ и скрыть отъ нея нѣкоторыя мелочи, которыя особенно на пее дѣйствуютъ. Такъ послѣ изданія „Вечеровъ“, проѣзжая черезъ Москву, гдѣ, между прочимъ, онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ тамошними литераторами, онъ на заставѣ устроилъ дѣло такъ, чтобъ прописаться и попасть въ „Московскія Вѣдомости“ не „коллежскимъ регистраторомъ“, каковымъ былъ, а „коллежскимъ ассесоромъ“.—Это надо...—говорилъ онъ пріятелю, его сопровождавшему.

Такимъ былъ или, по-крайней-мѣрѣ, такимъ представлялся намъ молодой Гоголь. Великую ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто смѣшаетъ Гоголя послѣдняго періода съ тѣмъ, который начиналъ тогда жизнь въ Петербургѣ, и вздумаетъ прилагать къ молодому Гоголю нравственныя черты, выработанныя гораздо позднѣе, уже тогда, какъ свершился важный переворотъ въ его существованіи. Не скроемъ, что такого рода смѣшенія попадаются въ книгѣ г. Кулиша довольно часто. Можно даже сказать, что онъ вообще смотритъ на Гоголя съ конца поприща,— недостатокъ, который смягчается отчасти содержаніемъ представляемыхъ документовъ и догадливостію, возбуждаемою ими неминуемо въ самомъ читателѣ.

Между тѣмъ, трудясь за устройствомъ своей жизни и особенно за наполненіемъ ея обильнѣйшимъ содержаніемъ, какое возможно было добыть, Гоголь встрѣтилъ три обстоятельства, подсѣкшія, такъ сказать, всю эту дѣятельность въ самой срединѣ ея развитія и устремившія его за границу. Мы не намѣрены искать причинъ его отъѣзда за-границу въ психическомъ настроеніи его, потому что, благодаря скрытности Гоголя, это осталось навсегда тайной, и всякое заключеніе

тутъ поражено заранѣе несостоятельностію. Мы также вполнѣ согласны, что собственныя его объясненія, какъ по этому поводу, такъ и по всѣмъ другимъ, заключающіяся въ безымянной запискѣ (Авторская Исповѣдь) и въ другихъ автобіографическихъ документахъ, *буквально вѣрны и истинны.* Это наше убѣжденіе, почерпнутое изъ внимательнаго изученія ихъ; но мы должны сказать, что объясненія Гоголя опираются преимущественно на одну какую-либо поэтическую или моральную черту событія, безъ сомнѣнія, ему присущую, но открытую уже гораздо позднѣе, послѣ долгаго размышленія о событіи. Фактическая, матеріальная основа происшествія, живое впечатлѣніе, произведенное имъ съ перваго раза, цѣпь разнородныхъ ощущеній, имъ вызванныхъ, пропускаются безъ вниманія, какъ и слѣдуетъ быть въ автобіографіи, ищущей показать одинъ только нравственный смыслъ событія. Возстановить пропущенныя подробности, доискаться первыхъ причинъ явленія, дополнить замѣтки автобіографіи вводомъ всѣхъ красокъ дѣйствительности, сообщивъ такимъ образомъ плоть и кровь ея общимъ указаніямъ,—есть уже дѣло жизнеописателя. Одна изъ первыхъ причинъ, оторвавшихъ Гоголя отъ Петербурга, былъ неуспѣхъ его университетскаго преподаванія. Гоголь понадѣялся на силу поэтическаго возсозданія исторіи, на способъ толкованія событій a priori, на догадку и прозрѣніе живой мысли, но всѣ эти качества, не питаемыя постоянно фактами и изслѣдованіями, достали ему на нѣсколько блестящихъ статей, на нѣсколько блестящихъ лекцій, а потомъ истощились сами собою, какъ лампа, лишенная огнепитательнаго вещества. Паденіе было горько для человѣка, возбудившаго столько надеждъ и ожиданій, а вслѣдъ за нимъ послѣдовало то ожесточенное преслѣдованіе новыхъ его книгъ: „Миргородъ и Арабески“, тогдашней критикой, которое возбудило симпатическій отголосокъ въ публикѣ, почти безусловно покорявшейся „Телескопу“, выражавшему ее. Голосъ Москвы былъ сначала заглушаемъ шумомъ петербургской журналистики, и потребно было мощное, энергическое слово Бѣлинскаго въ „Телескопѣ“, чтобъ поддержать автора и ослабить вліяніе, произведенное многочисленными противниками; но это не могло сдѣлаться скоро. Какъ ни странно покажется, что къ числу причинъ, ускорившихъ отъѣздъ Гоголя, мы относимъ и журнальные толки, но это было такъ. Мы намекнули прежде о томъ, что мнѣніемъ публики Гоголь озабочивался гораздо болѣе, чѣмъ мнѣніями знатоковъ, друзей и присяжныхъ судей литературы—черта общая всѣмъ дѣятелямъ, имѣющимъ общественное значеніе, а петербургская публика относилась къ Гоголю, если не вполнѣ враждебно, то, по-крайней-мѣрѣ, подозрительно и недовѣрчиво. Послѣдній ударъ нанесенъ

былъ представленіемъ „Ревизора“. Читатель долженъ хорошо помнить превосходное описаніе этого театральнаго вечера, данное самимъ Гоголемъ. Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей изъ всѣхъ обыкновеній и даже, какъ говорили, изъ всѣхъ приличій, горестно оправдалась водевильнымъ характеромъ, сообщеннымъ главному лицу комедіи и пошло-каррикатурнымъ, отразившимся въ другихъ. Гоголь пострадалъ весь этотъ вечеръ. Мнѣ, свидѣтелю этого перваго представленія, позволено будетъ сказать—что́ изображала сама зала театра въ продолженіи 4-хъ часовъ замѣчательнѣйшаго спектакля, когда-либо имъ видѣннаго. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, ка́къ должно думать о картинѣ, только-что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ-будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, — большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однако же въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было; за то напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что видѣнъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась, но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: „это—невозможность, клевета и фарсъ“. По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднесть ему экземпляръ „Ревизора“, только-что вышедшій изъ печати, со словами: „Полюбуйтесь на сынку“. Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“...

Въ началѣ лѣта 1836 года Гоголь уѣхалъ за границу на па-

роходѣ. Онъ дѣйствительно „усталъ душою и тѣломъ“, какъ самъ говоритъ. Шесть лѣтъ безпрерывнаго труда, разнообразныхъ предпріятій и волненій, даже не принимая въ соображеніе послѣднихъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ всѣмъ его ожиданіямъ — требовали сами собой отдыха. По первымъ письмамъ, полученнымъ отъ него изъ-за границы, видно, что Гоголь скоро отыскалъ покой и ровное настроеніе духа. Это подтверждается и письмами, напечатанными г. Кулишемъ. Извѣстіе о смерти Пушкина въ 1837 г. потрясло Гоголя до глубины души, оставило навсегда незамѣстимую пустоту въ его жизни, но нравственныхъ основаній его нисколько не измѣнило, по-крайней-мѣрѣ — письма его, послѣ жаркихъ выраженій тоски и боли по невозвратимой, общественной и еще болѣе личной для Гоголя утратѣ — принимаютъ снова характеръ тихаго, спокойнаго созерцанія людей, говорятъ о заботахъ, вызываемыхъ плохимъ состояніемъ его здоровья, ясно даютъ подразумѣвать ровный, размѣренный и спокойный трудъ—и во многихъ мѣстахъ носятъ свидѣтельство, что Гоголь еще наслаждался природой и искусствомъ просто, непосредственно, какъ человѣкъ, продолжающій свободно воспитывать мысль. Пелена извѣстнаго однообразнаго цвѣта еще не распростиралась передъ глазами его. Онъ только вошелъ въ себя, но еще не обратился къ самому себѣ съ безпощадно кропотливымъ анализомъ; ограничилъ свою дѣятельность и установился въ ней, но еще не давалъ ей значенія аскетическаго подвига; сличалъ жизнь, обычаи, мнѣнія народовъ и вникалъ въ нихъ, но еще не дѣлался судьей странъ и убѣжденій... Цѣли чисто человѣческія и земныя еще мелькали передъ нимъ со всѣми очарованіями, какія заключаютъ въ себѣ, и это можетъ показать слѣдующій, неизданный отрывокъ изъ общаго посланія его къ пріятелямъ. Оно принадлежитъ къ 1837 г. и писано изъ Парижа, 25 января.

„Да скажи, пожалуйста — съ какой стати пишете вы всѣ про „Ревизора“: въ твоемъ письмѣ и въ письмѣ Пащенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что Ревизора играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что эта за комедія? Я право никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на „Ревизора“ —плевать, а во-вторыхъ... къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дни русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка. И ты! Стыдно тебѣ, ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что-нибудь такое, что́ могло показаться легко меня знавшему тщеславіемъ, то его уже нѣтъ;

пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили *все* то, за что поэтъ слышитъ упреки во глубинѣ души своей... Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора", а съ нимъ „Арабески", „Вечера" и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіи долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова—я бы благодарилъ судьбу. *Одна только слава по смерти (для которой, увы, не сдѣлалъ я до-сихъ-поръ ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копѣйки...*"

Здѣсь, конечно, видѣнъ шагъ впередъ, но по одному и тому же направленію. Онъ только перенесъ жажду славы съ современниковъ на потомство. Если письмо это удивило пріятелей, знавшихъ, какъ всегда дорожилъ онъ современнымъ успѣхомъ и вліяніемъ на публику, то это была ихъ вина: они не поняли обыкновеннаго явленія, замѣчаемаго у всѣхъ геніальныхъ писателей — при началѣ новаго труда смотрѣть съ отвращеніемъ на путь, уже пройденный. Гоголь еще мало измѣнился. Только въ 1839 г. появляются у него фразы въ родѣ слѣдующей: „Германія есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива". Тутъ уже сказалось вліяніе Италіи и особенно Рима, въ которомъ онъ провелъ весну 1837 и потомъ почти безпрерывно два года (съ осени 1838 по осень 1839). Вліяніе начинаетъ все болѣе усиливаться и проявляется отвращеніемъ къ европейской цивилизаціи, наклонностію къ художническому уединенію, сосредоточенностію мысли, поискомъ за крѣпкимъ основаніемъ, которое могло бы держать духъ въ напряженномъ довольствѣ однимъ самимъ собою. Со всѣмъ тѣмъ особенности эти, возникающія мало-по-малу въ характерѣ Гоголя, до такой степени еще слиты съ прежнимъ свободнымъ и многостороннимъ направленіемъ, что указать начало ихъ, первый, такъ-сказать, толчокъ, подвигнувшій умъ въ эту сторону—нѣтъ никакой возможности. Это все равно, что желать подсмотрѣть минуту, когда зарождается болѣзнь въ человѣкѣ или уловить мгновеніе, когда начинается развитіе какой-либо части въ организмѣ его. Мало-по-малу также Гоголь погружается весь въ новый свой трудъ: „Мертвыя Души". Если эта поэма, по справедливости, можетъ назваться памятникомъ его, какъ писателя, то съ не меньшей основательностію позволено сказать, что въ ней готовилъ онъ себѣ и гробницу, какъ человѣку. „Мертвыя Души" была та подвижническая келья, въ которой онъ бился и страдалъ до-тѣхъ-поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея. Я постараюсь далѣе указать связь „Мерт-

выхъ Душъ“ со всею послѣдующей судьбой ихъ автора, а теперь повторю прежде сказанное, что лѣтомъ 1841 г., когда я встрѣтилъ Гоголя, онъ стоялъ на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли, онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художнической независимости—къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и—ея славы!

На третій день моего пріѣзда, Римъ, по случаю наступленія праздниковъ Святой недѣли, отдался весь ликованію. Какъ въ эти дни, такъ и въ предшествовавшіе имъ, я почти совсѣмъ не видалъ Гоголя, будучи занятъ глазѣньемъ на всѣ духовныя процессіи, которыми наполнился городъ. Много времени, бѣготни, стоическаго равнодушія къ своей особѣ потребно было, чтобъ не пропустить какой-либо стороны католицизма, показываемой разъ въ годъ. Могу сказать только, что ни одинъ англичанинъ не опередилъ меня ни въ чемъ. Я присутствовалъ при „Омовеніи ногъ“, которое производилъ папа въ придѣлѣ Петра, при угощеніи имъ бѣдныхъ священниковъ въ одной изъ сакристій того же храма, при исполненіи Stabat Mater въ сикстинской часовнѣ, при крещеніи евреевъ въ Латеранѣ однимъ изъ кардиналовъ св. коллегіи, при общемъ покаяніи въ іезуитской церкви и проч. Гоголь посвящалъ меня въ церемоніи и направлялъ поиски, но самъ не выходилъ изъ дома и не перемѣнялъ образа жизни. Великолѣпна была физіономія города съ наступленіемъ праздниковъ. Ковры и ткани покрыли стѣны домовъ, петарды трещали съ оконъ, съ балконовъ, изъ-подъ ногъ пѣшеходовъ, улицы запестрѣли окрестнымъ народонаселеніемъ, прибывшимъ къ торжеству, въ яркихъ, живописныхъ костюмахъ и съ не менѣе живописными лицами. Въ день самаго праздника я, какъ и слѣдовало ожидать, присутствовалъ при папской литургіи и видѣлъ, какъ съ высоты балкона св. Петра, окруженный кардиналами, папа далъ благословеніе народу и отпустилъ ему грѣхи. Вечеромъ того же дня, мы ходили съ Гоголемъ и двумя русскими художниками по площади собора, любуясь на чудное освѣщенье его купола и перемѣну огней, внезапно производимую въ извѣстный часъ. Куполъ горѣлъ тихо, ровно въ мрачной синевѣ неба, посреди чудной, теплой весенней ночи, подъ шопотъ водопадовъ соборной площади, подъ говоръ народа, двигавшагося во всѣхъ направленіяхъ. Тутъ положено было, между прочимъ, что я перейду въ комнату Панаева тотчасъ, какъ онъ уѣдетъ въ Берлинъ, и сдѣлавшись близкимъ сосѣ-

домъ Гоголя, посвящу одинъ часъ каждаго дня на переписку, подъ его диктовку, уже совсѣмъ изготовленной первой части „Мертвыхъ Душъ“.

II.

Поселившись рядомъ съ Гоголемъ, въ комнатѣ, двери которой почти всегда были отворены, я связанъ былъ съ Николаемъ Васильевичемъ только однимъ часомъ дня, когда занимался перепиской „Мертвыхъ Душъ“. Остальное время мы жили розно, и каждый по-своему. Правда, въ теченіи дня сталкивались мы другъ у друга довольно часто, а вечера обыкновенно проводили вмѣстѣ, но важно было то, что между нами существовало молчаливое условіе не давать чувствовать себя товарищу ни подъ какимъ видомъ. Гоголь вообще любилъ тѣ отношенія между людьми, гдѣ нѣтъ никакихъ связующихъ правъ и обязательствъ, гдѣ отъ него ничего не требовали. Онъ тогда только и давалъ что-либо отъ себя. Въ Римѣ система эта, предоставивъ каждому полную свободу дѣйствій, поставила каждаго въ нравственную независимость, которою онъ всего болѣе дорожилъ.

Гоголь вставалъ обыкновенно очень рано и тотчасъ принимался за работу. На письменномъ его бюро стоялъ уже графинъ съ холодной водой изъ каскада Терни, и въ промежуткахъ работы, онъ опорожнялъ его до-чиста, а иногда и удвоивалъ порцію. Это была одна изъ подробностей того длиннаго процесса самолеченія, которому онъ слѣдовалъ всю свою жизнь. Онъ имѣлъ даже особенный взглядъ на свой организмъ и весьма серьёзно говорилъ, что устроенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе люди и, если не обманываетъ меня память, съ какимъ-то извращеннымъ желудкомъ. Я относился тогда нѣсколько скептически къ его жалобамъ на свои немощи, и помню, что Гоголь возражалъ мнѣ съ досадой и настойчиво: „Вы этого не можете понять, говорилъ онъ, это такъ: я себя знаю“. При наступившемъ вскорѣ римскомъ зноѣ, Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болѣзненной своей природы—никогда не подвергаться испаринѣ. „Я горю, но не потѣю“, говорилъ онъ. Все это не мѣшало ему слѣдовать вполнѣ своимъ обыкновеннымъ привычкамъ. Почти каждое утро заставалъ я его въ кофейной del buon gusto, отдыхающимъ на диванѣ послѣ завтрака, состоявшаго изъ доброй чашки крѣпкаго кофе и жирныхъ сливокъ, за которыя по-часту происходили у него ссоры съ прислужниками кофейни: яркій румянецъ пылалъ на его щекахъ, и глаза свѣти-

лись необыкновенно. Затѣмъ отправлялись мы въ разныя стороны до условнаго часа, когда положено было сходиться домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крѣпче притворялъ внутреннія ставни оконъ отъ неотразимаго южнаго солнца, я садился за круглый столъ, а Николай Васильевичъ, разложивъ передъ собой тетрадку на томъ же столѣ подалѣе, весь уходилъ въ нее и начиналъ диктовать мѣрно, торжественно, съ такимъ чувствомъ и полнотой выраженія, что главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ" пріобрѣли въ моей памяти особенный колоритъ. Это было похоже на спокойное, правильно-разлитое вдохновеніе, какое порождается обыкновенно глубокимъ созерцаніемъ предмета. Николай Васильевичъ ждалъ терпѣливо моего послѣдняго слова и продолжалъ новый періодъ тѣмъ же голосомъ, проникнутымъ сосредоточеннымъ чувствомъ и мыслію. Превосходный тонъ этой поэтической диктовки былъ такъ истиненъ въ самомъ себѣ, что не могъ быть ничѣмъ ослабленъ или измѣненъ. Часто ревъ итальянскаго осла пронзительно раздавался въ комнатѣ, за тѣмъ слышался ударъ палки по бокамъ его и сердитый вскрикъ женщины: Ecco, ladrone (вотъ тебѣ, разбойникъ!)—Гоголь останавливался, проговаривалъ улыбаясь: „какъ разнѣжился, негодяй!"—и снова начиналъ вторую половину фразы съ той же силой и крѣпостью, съ какой вылилась у него ея первая половина. Случалось также, что онъ прекращалъ диктовку на моихъ орѳографическихъ замѣткахъ, обсуживалъ дѣло и, какъ будто не было ни малѣйшаго перерыва въ теченіи его мыслей, возвращался свободно къ своему тону, къ своей поэтической нотѣ. Помню, напримѣръ, что передавая ему написанную фразу, и вмѣсто продиктованнаго имъ слова: „щекатурка"—употребилъ штукатурка. Гоголь остановился и спросилъ: „отъ чего такъ?" —„Да правильнѣе, кажется".—Гоголь побѣжалъ къ книжнымъ шкафамъ своимъ, вынулъ оттуда какой-то лексиконъ, пріискалъ нѣмецкій корень слова, русскую его передачу и, тщательно обслѣдовавъ всѣ доводы, закрылъ книгу и поставилъ опять на мѣсто, сказавъ: „А за науку спасибо". Затѣмъ онъ сѣлъ по прежнему въ кресло, помолчалъ немного, и снова полилась та же звучная повидимому, простая, но возвышенная и волнующая рѣчь. Случалось также, что, прежде исполненія моей обязанности переписчика, я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опрокидывался назадъ и разражался хохотомъ. Гоголь глядѣлъ на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривалъ: „Старайтесь не смѣяться, Жюль". Дѣйствительно, я зналъ, что переписка замедляется подобнымъ выраженіемъ личныхъ моихъ ощущеній и дѣлалъ усилія надъ самимъ собой, но въ тѣ годы усилія эти рѣдко сопровождались успѣхомъ. Впрочемъ, самъ Гоголь иногда слѣдовалъ моему примѣру и вторилъ мнѣ при

случаѣ какимъ-то сдержаннымъ полу-смѣхомъ, если могу такъ выразиться. Это случилось, напримѣръ, послѣ окончанія „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“, первая редакція которой, далеко превосходящая въ силѣ и развитіи напечатанную, только недавно сдѣлалась извѣстна публикѣ. Когда, по окончаніи повѣсти, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смѣялся вмѣстѣ со мною и нѣсколько разъ спрашивалъ: „Какова повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ?“

— „Но увидитъ ли она печать, когда-нибудь?“ замѣтилъ я. „Печать—пустяки“, отвѣчалъ Гоголь съ самоувѣренностью: „все будетъ въ печати“. Еще гораздо сильнѣе выразилось чувство авторскаго самодовольствія въ главѣ, гдѣ описывается садъ Плюшкина. Никогда еще паѳосъ диктовки, помню, не достигалъ такой высоты въ Гоголѣ, сохраняя всю художническую естественность, какъ въ этомъ мѣстѣ. Гоголь даже всталъ съ креселъ (видно было, что природа, имъ описываемая, носится въ эту минуту передъ глазами его) и сопровождалъ диктовку гордымъ, какимъ-то повелительнымъ жестомъ. По окончаніи всей этой изумительной VI-й главы, я былъ въ волненіи и, положивъ перо на столъ, сказалъ откровенно: „я считаю эту главу, Николай Васильевичъ, геніальной вещью“. Гоголь крѣпко сжалъ маленькую тетрадку, по которой диктовалъ, въ кольцо и произнесъ тонкимъ, едва слышнымъ голосомъ: „Повѣрьте, что и другія не хуже ея“. Въ ту же минуту однакожъ, возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ: „Знаете ли что, намъ до *cenare* (ужина) осталось еще много: пойдемте смотрѣть сады Саллюстія, которыхъ вы еще не видали, да и въ виллу Людовизи постучимся.*)“. По свѣтлому выраженію его лица, да и по самому предложенію видно было, что впечатлѣнія диктовки привели его въ веселое состояніе духа. Это оказалось еще болѣе на дорогѣ. Гоголь взялъ съ собой зонтикъ на всякій случай, и какъ только повернули мы налѣво отъ дворца Барберини въ глухой переулокъ, онъ принялся пѣть разгульную малороссійскую пѣсню, наконецъ пустился просто въ

---

*) Римляне зовутъ ужиномъ обѣдъ въ 7 часовъ вечера, около вечерень, когда становится прохладнѣе, а обѣдаютъ ровно въ полдень, послѣ чего или спятъ, или запираются въ домахъ своихъ на все время полуденнаго зноя. Тому же порядку слѣдовалъ и я, когда онъ не нарушался обязанностями туриста. Сады Саллюстія—нынѣ живописный огородъ, въ которомъ разбросаны руины бывшихъ построекъ, а великолѣпная вилла Людовизи замѣчательна тѣмъ, что отворяется для немногихъ посѣтителей, надѣленныхъ особенной рекомендаціей посланниковъ или значительныхъ лицъ города. Въ ней, какъ извѣстно, сохраняются колоссальный бюстъ Юноны и знаменитая статуя: „Арія и Петусъ“. Причину ея недоступности объясняютъ покражей или порчей, произведенной въ ней какими-то англійскими туристами.

плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ на воздухѣ такія штуки, что не далѣе двухъ минутъ, ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону. Онъ быстро поднялъ отломленную часть и продолжалъ пѣсню. Такъ отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновалъ миръ съ самимъ собою, и въ значеніи этого бурнаго порыва веселости, который вполнѣ напомнилъ мнѣ стараго Гоголя, я не ошибся и тогда. Въ виллу Людовизи насъ однакожъ не пустили, какъ Гоголь ни стучалъ въ безотвѣтныя двери ея воротъ; рѣшетчатыя ворота садовъ Саллюстія были тоже крѣпко замкнуты, такъ какъ время сіесты и всеобщаго бездѣйствія въ городѣ еще не миновалось. Мы прошли далѣе за городъ, остановились у первой локанды, выпили по стакану мѣстнаго слабаго вина и возвратились въ городъ къ вечернему обѣду въ знаменитой тогда австеріи: Фалконе (Соколъ).

Важное значеніе города Рима въ жизни Гоголя еще не вполнѣ изслѣдовано. Памятникомъ и свидѣтельствомъ его воззрѣнія на папскую столицу временъ Григорія XVI, можетъ служить превосходная его статья: „Римъ“, въ которой должно удивляться не завязкѣ или характерамъ (ихъ почти и нѣтъ), а чудному противупоставленію двухъ народностей, французской и итальянской, гдѣ Гоголь явился столь же глубокимъ этнографомъ, сколько и великимъ живописцемъ-поэтомъ. Сущность его воззрѣнія на Римъ излагать нѣтъ надобности, такъ какъ статья Гоголя хорошо извѣстна всѣмъ русскимъ читателямъ; но слѣдуетъ сказать, что подъ воззрѣніе свое на Римъ Гоголь начиналъ подводить въ эту эпоху и свои сужденія вообще о предметахъ нравственнаго свойства, свой образъ мыслей и наконецъ жизнь свою. Такъ, взлелѣянный уединеніемъ Рима, онъ весь предался творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что́ дѣлается въ остальной Европѣ. Онъ самъ говорилъ, что, въ извѣстныя эпохи, одна хорошая книга достаточна для наполненія всей жизни человѣка. Въ Римѣ онъ только перечитывалъ любимыя мѣста изъ Данте, Иліады Гнѣдича и стихотвореній Пушкина. Это было совершенно въ ровень, такъ сказать, съ городомъ, который, подъ управленіемъ папы Григорія XVI, обращенъ былъ оффиціально и формально только къ прошлому. Добродушный пастырь этотъ, такъ ласково улыбавшійся народу при церемоніальныхъ поѣздахъ и съ такою любовью благословлявшій его, умѣлъ остановить всѣ новыя почки европейской образованности и европейскихъ стремленій, завязавшіяся въ его паствѣ, и когда умеръ, они еще поражены были онѣмѣніемъ. О томъ, какими средствами достигъ онъ своей цѣли, никто изъ иностранцевъ не спрашивалъ: это составляло домашнюю тайну римлянъ, до которой никому особеннаго дѣла не было. Го-

голь, вѣроятно, зналъ ее: это видно даже по намекамъ въ его статьѣ, гдѣ мнѣніе народа о господствующемъ клерикальномъ сословіи нисколько не скрыто; но она не тревожила его, потому что если не оправдывалась, то, по-крайней-мѣрѣ, объяснялась воззрѣніемъ на Римъ. Вотъ собственныя его слова изъ статьи: „Самое духовное правительство, этотъ странный, уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія... чтобы до времени, въ тишинѣ таилась его гордая народность“. Послѣдующія событія доказали, что народъ не былъ сохраненъ отъ посторонняго вліянія и подтвердили убѣдительнымъ образомъ старую истину, что государство, находящееся въ Европѣ, не можетъ убѣжать отъ Европы. Оказалось и оказывается съ каждымъ днемъ болѣе, что Римъ никогда не находился въ такомъ уединеніи и въ такомъ сиротствѣ, какія признаны были за нимъ наблюдателями. Необычайными мѣрами, еще въ нѣкоторой степени продолжающимися и теперь, съ него была снята только работа, требуемая временемъ и его необходимостями: и благодаря этому обстоятельству, народъ предался однимъ природнымъ своимъ наклонностямъ, артистическому веселью, остроумной безпечности и, столь свойственному ему, художническому творчеству. Сильное развитіе этой стороны его характера заставило предполагать, что въ ней и вся жизнь Рима, но колесо европейской исторіи не можетъ миновать ни одного уголка нашей части свѣта и неизбѣжно захватываетъ людей, какъ бы ни сторонились они. Стремленіе римскаго населенія сдѣлаться причастникомъ общихъ благъ просвѣщенія и развитія, признается теперь законнымъ почти всѣми; но оно жило во многихъ сердцахъ и тогда. Гоголь зналъ это, но встрѣчалъ явленіе съ нѣкоторой грустью. Помню, разъ на мое замѣчаніе, „что вѣроятно въ самомъ Римѣ есть люди, которые иначе смотрятъ на него, чѣмъ мы съ нимъ“,—Гоголь отвѣчалъ почти со вздохомъ: „Ахъ, да, батюшка, есть, есть такіе“. Далѣе онъ не продолжалъ. Видно было, что утрата нѣкоторыхъ старыхъ обычаевъ, прозрѣваемая имъ въ будущемъ и почти неизбѣжная при новыхъ стремленіяхъ, поражала его непріятнымъ образомъ. Онъ былъ влюбленъ, смѣю сказать, въ свое воззрѣніе на Римъ, да тутъ же дѣйствовалъ отчасти и малороссійскій элементъ, всегда охотно обращенный къ тому, что носитъ печать стародавняго или его напоминаетъ. За то ужъ и Францію, которую считалъ родоначальницей легкомысленнаго презрѣнія къ поэзіи прошлаго, начиналъ онъ ненавидѣть отъ всей души. О французскомъ владычествѣ въ Римѣ, въ эпоху первой имперіи, когда дѣйствительно сподвижники Наполеона I, вмѣстѣ съ истребленіемъ суевѣрія, принялись истреблять и коренныя начала народнаго характера,

Николай Васильевичъ отзывался послѣ съ негодованіемъ. Онъ много говорилъ дѣльнаго и умнаго о всесвѣтныхъ преобразователяхъ, неумѣющихъ отличать жизненныхъ особенностей, никогда не уступаемыхъ народомъ, отъ тѣхъ, съ которыми онъ можетъ разстаться, не уничтожая себя, какъ народъ, но упускалъ изъ вида заслуги всей исторіи Франціи передъ общимъ европейскимъ образованіемъ. Впрочемъ, твердаго, невозвратнаго приговора, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, еще не было у Гоголя: онъ пришелъ къ нему позднѣе. Онъ тогда еще составлялъ его и потому довольно часто оглядывался на свои мысли и провѣрялъ ихъ на противоположныхъ взглядахъ и на противорѣчіи, онъ шелъ только къ тому рѣшительному приговору, который съ такой силой раздался пять лѣтъ спустя въ литературѣ нашей. Для подтвержденія нашихъ словъ, приведемъ одинъ маловажный случай: кромѣ маловажныхъ случаевъ, никакихъ другихъ между нами и быть не могло, но именно потому, можетъ быть, всѣ случаи, касающіеся Гоголя, имѣли почти всегда значительную физіономію и сохранили въ памяти моей точное выраженіе. Однажды за обѣдомъ, въ присутствіи А. А. Иванова, разговоръ нашъ нечаянно попалъ на предметъ, всегда вызывавшій споры: рѣчь зашла именно о пустотѣ всѣхъ задачъ, поставляемыхъ французами въ жизни, искусствѣ и философіи. Гоголь говорилъ рѣзко, деспотически, отрывисто. Ради честности, необходимой даже въ застольной бесѣдѣ, я принужденъ былъ невольно указать на нѣсколько фактовъ, значеніе и важность которыхъ для цивилизаціи вообще признаваемы всѣми. Гоголь отвѣчалъ горячо и тѣмъ, вѣроятно, поднялъ тонъ моего возраженія; однакожъ споръ тотчасъ же упалъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ, какъ только сдѣлалась ощутительна въ немъ нѣкоторая степень напряженія. Молча вышли мы изъ австеріи, но послѣ немногихъ задумчивыхъ шаговъ, Гоголь подбѣжалъ къ первой лавочкѣ лимонадчика, раскинутой на улицѣ, какихъ много бываетъ въ Римѣ, выбралъ два апельсина и, возвратясь къ намъ, подалъ съ серьёзной миной одинъ изъ нихъ мнѣ. Апельсинъ этотъ меня тронулъ: онъ дѣлался, такъ сказать, формулой, посредствомъ которой Гоголь выразилъ внутреннюю потребность нѣкотораго рода уступки и примиренія.

Вообще слѣдуетъ помнить, что въ эту эпоху онъ былъ занятъ внутренней работой, которая началась для него со второго тома „Мертвыхъ Душъ,“ тогда же имъ предпринятаго, какъ я могу утверждать положительно. Значеніе этой работы никѣмъ еще не понималось вокругъ него, и только впослѣдствіи можно было разобрать, что для второго тома „Мертвыхъ Душъ“ начиналъ онъ сводить къ одному общему выраженію какъ свою жизнь, образъ мыслей, нрав-

ственное направленіе, такъ и самый взглядъ на духъ и свойство русскаго общества. Результаты этихъ изысканій и трудовъ надъ самимъ собой, и надъ духовнымъ бытомъ нашего общества публикѣ извѣстны, и мы покамѣстъ ихъ не судимъ: мы только повторяемъ, что съ подобными эпохами поворотовъ мысли и направленія неизбѣжно связано колебаніе воли и сужденія, какъ это и было здѣсь. Онъ осматривалъ и взвѣшивалъ явленія, готовясь оторваться отъ однихъ и пристроиться къ другимъ. Такъ, напримѣръ, долго, съ великимъ вниманіемъ и съ великимъ участіемъ слушалъ онъ горячія повѣствованія о Россіи, заносимыя въ Римъ пріѣзжими, но ничего не говорилъ въ отвѣтъ, оставляя послѣднее слово и рѣшеніе для самого себя. Отсюда также и тѣ длинные часы нѣмого созерцанія, какому предавался онъ въ Римѣ. На дачѣ княгини З. Волконской, упиравшейся въ старый римскій водопроводъ, который служилъ ей террассой, онъ ложился спиной на аркаду богатыхъ, какъ называлъ древнихъ римлянъ, и по полу-суткамъ смотрѣлъ въ голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью. Такъ точно было и въ Тиволи, въ густой растительности, окружающей его *каскателли*; онъ садился гдѣ-нибудь въ чащѣ, упиралъ зоркіе, недвижные глаза въ темную зелень, купами сбѣгавшую по скаламъ, и оставался недвижимъ цѣлые часы, съ воспаленными щеками. Разъ послѣ вечера, проведеннаго съ однимъ знакомымъ живописца Овербека, разсказывавшимъ о попыткахъ этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцаніе живописцевъ до-Рафаэлевой эпохи, мы возвращались домой, и я былъ удивленъ, когда Гоголь, внимательно и напряженно слушавшій разсказъ, замѣтилъ въ раздумьи: „Подобная мысль могла только явиться въ головѣ нѣмецкаго педанта“. Такъ еще никому собственно не принадлежалъ онъ, и выходъ изъ этого душевнаго состоянія явился уже послѣ отъѣзда моего изъ Рима. Я засталъ предуготовительный процессъ: борьбу, нерѣшительность, томительную муку соображеній. Письма отъ этой эпохи, собранныя г. Кулишемъ, уже вполнѣ показываютъ, куда стремилась его мысль, но письма эти, какъ магнитная стрѣлка, обращены къ одной неизмѣнной точкѣ, а самъ корабль прибѣгалъ ко многимъ уклоненіямъ и обходамъ, прежде чѣмъ вышелъ на твердый и опредѣленный путь.

Одна только сторона въ Гоголѣ не потерпѣла ничего и оставалась во всей своей цѣлости — именно художническое его чувство. Гоголь не только безъ устали любовался тогдашнимъ Римомъ, но и увлекалъ неудержимо всѣхъ къ тому же поклоненію чудесамъ его. Оффиціальные католическіе праздники Пасхи, на которыхъ, по стеченію иностранцевъ, присутствуетъ чуть ли не болѣе насмѣшливыхъ,

чѣмъ вѣрующихъ глазъ, уже давно миновались. Значительная часть туристовъ разъѣхалась, и настоящій туземный Римъ выступилъ одинъ для новыхъ духовныхъ праздниковъ, совпадающихъ съ лѣтними мѣсяцами. Здѣсь, въ виду итальянскаго народа, Гоголь не чуждался толпы. Онъ предупреждалъ меня о днѣ Вознесенія, когда папа даетъ благословеніе полямъ Рима съ высоты балкона Іоанна Латеранскаго — и зрѣлище, на которомъ мы присутствовали въ тотъ день, было не ниже нашихъ ожиданій. Лѣтнее солнце Италіи освѣтило старыя стѣны Рима, задернувъ голубой, прозрачной пеленой далекія албанскія горы. Ближе къ намъ и въ самую минуту благословенія, оно ударило нестерпимо ярко на бѣлые головные платки колѣнопреклоненныхъ женщинъ, на широкія соломенныя шляпы мужчинъ, на разноцвѣтныя перья войска, тоже преклонившаго колѣно, на красныя мантіи кардиналовъ—и произвело картину ослѣпительнаго блеска и вмѣстѣ превосходной церспективы. Затѣмъ наступили торжества *Corpus-Domini*. Въ семь часовъ вечера, передъ *Ave-Maria*, при самомъ началѣ вечернихъ прогулокъ нашихъ, мы непремѣнно встрѣчали духовную процессію, импровизированный алтарь на углу улицы, аббата подъ балдахиномъ съ дарохранильницей, которою, послѣ краткой молитвы, онъ благословлялъ падающій ницъ народъ. Вечернее солнце играло опять главную роль въ картинѣ, обливая пурпуромъ знамена, огромныя полотна съ фигурами святыхъ, кресты разныхъ величинъ, фонари, рясы нищенствующихъ монаховъ и загорѣлыя лица итальянцевъ, пылавшія нѣсколько мгновеній неизобразимо яркимъ и теплымъ свѣтомъ. О цвѣточныхъ коврахъ Дженсано, раскладываемыхъ по пути такихъ же процессій и составляющихъ подвижной рисунокъ съ изображеніями кардинальскихъ гербовъ, арабесокъ, узоровъ изъ листьевъ и лепестковъ растеній, Гоголь упоминаетъ самъ въ статьѣ о Римѣ. Николай Васильевичъ былъ неутомимъ въ подмѣткѣ различныхъ особенностей этого народнаго творчества, которое окружало тогда духовныя торжества, но могло существовать и помимо ихъ. Такъ, очевидцы происшествій 1848—49 годовъ, разсказываютъ объ удивительныхъ тріумфальныхъ аркахъ, строимыхъ въ одну ночь неизвѣстными архитекторами, да и въ мое время, какъ справедливо замѣтилъ Гоголь, любая лавочка лимонадчика на площади заслуживала изученія по рисунку украшеній изъ зелени, винограда и лавра. Какъ велико было уваженіе Гоголя ко всякому проявленію самородной фантазіи или даже сноровки, покажетъ слѣдующій примѣръ. Въ одной изъ кофейныхъ онъ замѣтилъ, что стѣны и потолокъ ея покрыты сѣткой изъ полосокъ бумаги, перегнутыхъ на-двое и приставленныхъ къ штукатуркѣ. Узнавъ, что этимъ способомъ придумано сохранять

заведенія отъ порчи мухъ, гуляющихъ преимущественно по внѣшней сторонѣ клѣтокъ, Гоголь долго разсматривалъ это хозяйственное изобрѣтеніе и наконецъ воскликнулъ съ чувствомъ: „И этихъ-то людей называютъ маленькимъ народомъ!“ Смѣтливость и остроуміе въ народѣ были для него признаками, свидѣтельствующими даже объ историческомъ его призваніи. Нѣсколько разъ повторялъ онъ мнѣ, что нынѣшніе римляне, безъ сомнѣнія, гораздо выше суровыхъ праотцевъ своихъ и что послѣдніе никогда не знали того неистощимаго веселія, той добродушной любезности, какія отличаютъ современныхъ обитателей города. Онъ приводилъ въ примѣръ случай, имъ самимъ предусмотрѣнный. Два молодыхъ водоноса, поставивъ ушатъ на землю, принялись съ глазу на глазъ смѣшить другъ друга уморительными анекдотами и остротами. „Я цѣлый часъ подсматривалъ за ними изъ окна, говорилъ—Гоголь,—и конца не дождался. Смѣхъ не умолкалъ, прозвища, насмѣшки и разсказы такъ и летѣли, и ничего водевильнаго тутъ не было; только сердечное веселіе, да потребность подѣлиться другъ съ другомъ обиліемъ жизни“. Гоголь былъ не прочь и отъ сильныхъ, необузданныхъ страстей, которыя затемняютъ иногда сердце и умъ этихъ любезныхъ людей. Все естественное, самородное, уже по одному этому имѣло право на его уваженіе. Вотъ какой анекдотъ разсказывалъ онъ юмористически, но не безъ удовольствія. Въ его глазахъ одинъ мальчишка пустилъ чѣмъ-то въ другого, проходившаго мимо, и чувствуя, вѣроятно, важность отвѣтственности за поступокъ, тотчасъ же шмыгнулъ въ двери близъ-лежащаго дома, которыя и приперъ за собою. Обиженный ребенокъ кинулся къ дверямъ, старался выломать ихъ и, видя невозможность одолѣть преграду, сталъ вызывать оскорбителя на личную расправу. Отвѣта никакого, разумѣется, не послѣдовало; ребенокъ истощался въ бранныхъ эпитетахъ, въ самыхъ ядовитыхъ прозвищахъ и въ ругательствахъ, и не слыхалъ ни малѣйшаго отзыва. Тогда онъ легъ у порога двери и зарыдалъ отъ ярости, но и слезы не истощили жажду мщенія, которая кипѣла въ этой дѣтской груди. Онъ всталъ опять на ноги и принялся умолять своего врага хоть подойти къ окну, чтобъ дать посмотрѣть на себя, обѣщая ему за одно это прощеніе и дружбу... Но, оставляя въ сторонѣ анекдоты, скажемъ, что уваженіе Гоголя къ проблескамъ цѣльной и свѣжей натуры не ограничивалось одними людскими характерами: онъ и созданія искусства цѣнилъ еще тогда по признакамъ силы, обнимающей съ разу предметъ, и чѣмъ менѣе замѣтно было въ произведеніи исканія, пробованья и щупанья, тѣмъ болѣе оно ему нравилось, но онъ простиралъ иногда опредѣленія свои до парадокса. Такъ, къ великому соблазну А. А. Иванова, онъ объ-

явилъ однажды, что извѣстная пушкинская сцена изъ Фауста выше всего Фауста Гёте, вмѣстѣ взятаго. Не должно думать однакожъ, чтобъ наслажденіе Римомъ и людьми его сдѣлало самого Гоголя слабымъ и мягкосердечнымъ: напротивъ, онъ обращался весьма строго съ послѣдними—и это по *принципу*. Притворная суровость его была тутъ противодѣйствіемъ римской смѣтливости, народнаго расположенія къ сарказму и природной безпечности итальянца. Онъ былъ взыскателенъ, и надо было видѣть, какъ важно примѣривалъ онъ новые башмаки, сшитые ему молодымъ парнемъ съ блестящими черными глазами и лукавой улыбкой. Онъ его почти измучилъ осмотромъ и потомъ говорилъ мнѣ, смѣясь: „иначе и нельзя съ этимъ народомъ; чуть оплошай—заговоритъ тебя. Подсунетъ мерзость, поставитъ передъ собой башмакъ, отступитъ шагъ назадъ и начнетъ: „о, что за чудная *cosa!* о, какая дивная вещица! Никакой племянникъ папы не носилъ такого башмака. Посмотрите, синьоръ, какая форма каблука! Можно влюбиться до безумія въ такую вещь, и такъ далѣе". Придирчивость Гоголя была лицемѣрна уже и потому, что онъ никогда не сердился на тѣ обыкновенныя итальянскія надувательства, которымъ, несмотря на всю свою строгость и сноровку, подвергался не разъ. Такъ, вздумавъ сдѣлать прогулку за городъ въ обыкновенномъ нашемъ обществѣ, мы подрядили веттурина, дали ему задатокъ и назначили часъ отъѣзда. Но часъ прошелъ, а веттуринъ не являлся, употребивъ, вѣроятно, задатокъ на неотлагательныя свои нужды и забывъ о порученіи. Всѣ присутствующіе оказывали ясные знаки нетерпѣнія и громко выражали негодованіе свое, исключая Гоголя, который оставался совершенно равнодушенъ, а когда одинъ изъ общества замѣтилъ, что подобной штуки никогда бы не могло случиться въ Германіи: тамъ-де никто своего не дастъ и чужого не возьметъ,—то Гоголь отвѣчалъ съ досадой и презрѣніемъ: „Да, но это только въ картахъ хорошо!"

Еще одна черта. Мы, разумѣется, весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинныя галереи, гдѣ Гоголь почти всегда погружался въ нѣмое созерцаніе, рѣдко прерываемое отрывистымъ замѣчаніемъ. Только уже по прошествіи нѣкотораго времени развязывался у него языкъ и можно было услыхать его сужденіе о видѣнныхъ предметахъ. Всего замѣчательнѣе, что скульптурныя произведенія древнихъ тогда еще производили на него сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ про нихъ: „то была религія, иначе нельзя бы и проникнуться такимъ чувствомъ красоты".

Можетъ статься, всего тяжелѣе было для позднѣйшаго Гоголя побѣдить врожденное благоговѣніе къ высокой, непогрѣшительной, идеальной, пластической формѣ, какое высказывалось у него въ мое

время поминутно. Онъ часто забѣгалъ въ мастерскую извѣстнаго Тенерани любоваться его „Флорой“, приводимой тогда къ окончанію, и съ восторгомъ говорилъ о чудныхъ линіяхъ, которыя представляетъ она со всѣхъ сторонъ и особенно сзади: „тайна красоты линій,—прибавлялъ онъ,—потеряна теперь во Франціи, Англіи, Германіи, и сохраняется только въ Италіи“. Такъ точно и знаменитый римскій живописецъ Камучини, воспитанный на классическихъ преданіяхъ, находилъ въ немъ усерднаго почитателя за чистоту своего вкуса, грацію и теплоту, разлитыя въ его картинахъ, похожихъ на оживленные барельефы. Никогда не забывалъ Гоголь, при разговорѣ о римскихъ женщинахъ или даже при встрѣчѣ съ замѣчательной женской фигурой, какихъ много въ этой странѣ, сказать: „а если бы посмотрѣть на нее въ одномъ только одѣяніи цѣломудрія, такъ скажешь: женщина эта съ неба сошла“. Не нужно, полагаю, толковать, что поводомъ ко всѣмъ словамъ такого рода было одно артистическое чувство его: жизнь велъ онъ всегда цѣломудренную, близкую даже къ суровости и, если исключить маленькія гастрономическія прихоти, болѣе исполненную лишеній, чѣмъ довольства. Такъ еще полно и невредимо сохранялъ онъ въ себѣ художническій элементъ, который особенно разыгрывался, когда духота, потребность воздуха и гулянья заставляли прекращать переписку „Мертвыхъ Душъ“ и выгоняли насъ за городъ, въ окрестности Рима.

Первая наша поѣздка за городъ въ Альбано возникла однакожъ по особенному поводу, который заслуживаетъ упоминовенія. Одинъ молодой русскій архитекторъ (фамилія его совершенно вышла у меня изъ памяти) имѣлъ несчастіе, занимаясь проектомъ реставраціи извѣстной загородной дачи Адріана, простудиться въ Тиволи и получить злокачественную лихорадку. Благодаря искусству римскихъ докторовъ, черезъ двѣ недѣли онъ лежалъ безъ всякой надежды, приговоренный къ смерти. Во все время его тяжкой болѣзни, Гоголь съ участіемъ справлялся о немъ у товарища его по академіи и квартирѣ въ Римѣ, скульптора Лугановскаго (теперь тоже покойнаго), но самъ не заходилъ къ умирающему, боясь, можетъ быть, прилипчивости недуга, а можетъ быть, опасаясь слишкомъ сильнаго удара для своихъ разстроенныхъ нервовъ. Бѣдный молодой человѣкъ кончался: я былъ при послѣднихъ минутахъ его и видѣлъ, какъ послѣ одной ложечки прохладительнаго питья, которое безпрестанно подавала ему, по здѣшнему обычаю, женщина, сидѣвшая у его изголовья, онъ вдругъ бодро, необычайно зорко окинулъ большими глазами комнату и людей, въ ней находившихся, но это было послѣднее усиліе молодости: онъ тотчасъ же ослабѣлъ и вскорѣ угасъ. Мы всѣ собирались отдать бѣдному нашему соотечественнику

послѣдній долгъ, но Гоголь, вѣроятно по тѣмъ же причинамъ, о какихъ было упомянуто, боялся печальной церемоніи и хотѣлъ освободиться отъ нея. За день до похоронъ, утромъ, послѣ чашки кофе, я подымался по мраморной лѣстницѣ Piazza d'Espagna и увидѣлъ Гоголя, который задумчиво приближался къ ней сверху. Едва только замѣтили мы другъ друга, какъ Гоголь, ускоривъ шаги и раздвинувъ руки, спустился ко мнѣ на площадку и началъ съ видомъ и выраженіемъ совершеннѣйшаго отчаянія: „спасите меня, ради Бога: я не знаю, что́ со мною дѣлается... Я умираю... я едва не умеръ отъ нервическаго удара ныньче ночью... Увезите меня куда-нибудь, да поскорѣе, чтобъ не было поздно...“ Я былъ пораженъ неожиданностью извѣстія и отвѣчалъ ему: — „Да хоть сію же минуту, Николай Васильевичъ, если хотите. Я схожу за веттуриномъ, а куда ѣхать, назначайте сами“. Черезъ нѣсколько часовъ мы очутились въ Альбано и, надо замѣтить, что какъ дорогой, такъ и въ самомъ городкѣ, Гоголь казался совершенно покоенъ и ни разу не возвращался къ поясненію отчаянныхъ своихъ словъ, точно никогда не были они и произнесены.

Съ горы Альбано, какъ извѣстно, открывается изумительный видъ на Римъ и всю его Кампанью, которому, можетъ быть, только вредитъ самая его обширность и полнота. Далекое, безмолвное поле, усѣянное руинами, по которому, кажется, ходитъ одно только солнце, мѣняя ежечасно краски и цвѣта его въ виду недвижной черты города и синяго купола Петра! Особенно вечеромъ, при закатѣ, когда длиннѣе и гуще ложатся на землю тѣни гробницъ и водопроводовъ, картина эта пріобрѣтала строгое, художественное величіе, почти всегда производившее на Гоголя непостижимое дѣйствіе: на него ниспадалъ родъ нравственнаго столбняка, который онъ самъ изобразилъ въ статьѣ „Римъ“ этими чудными чертами: „долго, полный невыразимаго восхищенія, стоялъ онъ передъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все, когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрѣе потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ“ и проч. Послѣ утренней работы, еще до обѣда, Гоголь приходилъ прямо къ превосходной террасѣ виллы Барберини, господствующей надъ всею окрестностью, куда являлся и я, покончивъ съ осмотрами города и окрестностей. Гоголь садился на мраморную скамейку террасы, вынималъ изъ кармана книжку, читалъ и смотрѣлъ, отвѣчая и дѣлая вопросы быстро и односложно. Надо сказать, что Гоголь перечитывалъ въ то время „Исторію Малороссіи“, кажется, Каменскаго, и вотъ по какому поводу. Онъ писалъ драму изъ казацкаго запорожскаго быта, кото-

рую потомъ бросилъ равнодушно въ огонь, недовольный малымъ дѣйствіемъ ея на Жуковскаго: исторія Малороссіи служила ему пособіемъ. О существованіи драмы я узналъ случайно. Между бумагами, которыя Гоголь тщательно подкладывалъ подъ мою тетрадку, когда приготовлялся диктовать, попался нечаянно оторванный лоскутокъ, мелко-на-мелко писанный его рукою. Я наклонился къ бумажкѣ и прочелъ вслухъ первую фразу какого-то стараго казака (имени не припомню), попавшуюся мнѣ на глаза и мною удержанную въ памяти: „и зачѣмъ это Господь Богъ создалъ бабъ на свѣтѣ, развѣ только, чтобъ казаковъ рожала баба“... Гоголь сердито бросился ко мнѣ съ восклицаніемъ: „это что?“ вырвалъ у меня бумажку изъ рукъ и сунулъ ее въ письменное бюро; затѣмъ мы спокойно принялись за дѣло. Возвращаюсь къ террасѣ Барберини. Болѣе занятый своею мыслью, чѣмъ чтеніемъ, Гоголь часто опускалъ книжку на колѣни и устремлялъ прямо передъ собой недвижный, острый взглядъ, который былъ ему свойственъ. Вообще, всѣ окружающіе Гоголя чрезвычайно берегли его уединеніе и пароксизмы раздумья, находившіе на него, какъ-бы предчувствуя за ними ту тяжелую, многосложную внутреннюю работу, о которой мы говорили. Иногда уходили мы съ нимъ, и обыкновенно въ самый полдень, подъ непроницаемую тѣнь той знаменитой аллеи, которая ведетъ изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо (загородный дворецъ папы), извѣстна Европѣ подъ именемъ альбанской *галереи* и утрудила на себѣ, неисчерпанная вполнѣ, воображеніе и кисти столькихъ живописцевъ и столькихъ поэтовъ. Подъ этими массами зелени итальянскаго дуба, платана, пины и проч. Гоголь, случалось, воодушевлялся какъ живописецъ (онъ, какъ извѣстно, самъ порядочно рисовалъ). Разъ онъ сказалъ мнѣ: „если бы я былъ художникъ, я бы изобрѣлъ особеннаго рода пейзажъ. Какія деревья и ландшафты теперь пишутъ! Все ясно, разобрано, прочтено мастеромъ, а зритель по складамъ за нимъ идетъ. Я бы сцѣпилъ дерево съ деревомъ, перепуталъ вѣтви, выбросилъ свѣтъ, гдѣ никто не ожидаетъ его, вотъ какіе пейзажи надо писать!“—и онъ сопровождалъ слова свои энергическими, непередаваемыми жестами. Не надо забывать, что вмѣстѣ съ полнотой внутренней жизни и творчества, Гоголь обнаруживалъ въ это время и признаки самонадѣянности, которая высказывалась иногда въ быстромъ замѣчаніи, иногда въ гордомъ мимолетномъ словѣ, выдававшемъ тайну его мысли. Онъ еще тогда вполнѣ сберегалъ довѣренность къ себѣ, наслаждался чувствомъ своей силы и полагалъ высокія надежды на себя и на дѣятельность свою. О скромности и христіанскомъ смиреніи еще и помину не было. Такъ, при самомъ началѣ моего пребыванія въ

Римѣ, разгуливая съ нимъ по отдаленнымъ улицамъ его, мы коснулись неожиданно Пушкина и недавней его смерти. Я замѣтилъ, что кончина поэта сопровождалась явленіемъ, въ высшей степени отраднымъ и поучительнымъ: она разбудила хладнокровный, дѣловой Петербургъ и потрясла его... Гоголь отвѣчалъ тотчасъже какимъ-то горделивымъ, пророческимъ тономъ, поразившимъ меня: „что мудренаго? человѣка всегда можно потрясти... То ли еще будетъ съ нимъ... увидите". Въ самомъ Альбано, на одной изъ вечернихъ прогулокъ, кто-то сказалъ, что около шести часовъ вечера передніе всѣхъ провинціальныхъ домовъ въ Россіи наполняются угаромъ отъ самовара, который кипитъ на крыльцѣ, и что само крыльцо представляетъ оживленную картину: подбѣжитъ дѣвочка или мальчикъ, прильнетъ къ трубѣ, освѣтится пламенемъ раздуваемыхъ углей и скроется. Гоголь остановился на ходу, точно кто-нибудь придержалъ его: „Боже мой, да какъ же я это пропустилъ", сказалъ онъ съ наивнымъ недоумѣніемъ: „а вотъ пропустилъ же, пропустилъ, пропустилъ", говорилъ онъ, шагая впередъ и какъ будто попрекая себя. Въ томъ же Альбано, гдѣ мы теперь находимся, вырвалось у Гоголя восклицаніе, запавшее мнѣ въ душу. Два обычные сопутники наши А. А. Ивановъ и Ѳ. И. Іорданъ прибыли въ Альбано, похоронивъ бѣднаго своего товарища. За обѣдомъ Ѳ. И. Іорданъ, сообщая нѣсколько семейныхъ подробностей о покойникѣ, замѣтилъ: „вотъ онъ вмѣсто невѣсты обручился съ римской Кампаніей".—„Отчего съ Кампаніей?" сказалъ Гоголь.—„Да неимущихъ иновѣрцевъ хоронятъ иногда здѣсь просто въ полѣ".—„Ну", воскликнулъ Гоголь, „значитъ надо пріѣзжать въ Римъ для такихъ похоронъ". Но онъ не въ Римѣ умеръ и новая цѣпь идей, подъ конецъ жизни, заслонила передъ нимъ и образъ самаго города, столь любимаго имъ нѣкогда.

Я еще ни слова не сказалъ о существенномъ качествѣ Гоголя, сильно развитомъ въ его природѣ и котораго онъ тогда еще не старался подавить въ себѣ насильственно—о юморѣ его. Юморъ занималъ въ жизни Гоголя столь же важное мѣсто, какъ и въ его созданіяхъ: онъ служилъ ему поправкой мысли, сдерживалъ ея порывы и сообщалъ ей настоящій признакъ истины—мѣру; юморъ ставилъ его на ту высоту, съ которой можно быть судьею собственныхъ представленій, и наконецъ онъ представлялъ всегда готовую повѣрку предметовъ, къ которымъ начинали склоняться его выборъ и предпочтеніе. Распростившись съ юморомъ, или, лучше, стараясь искусственно обуздать его, Гоголь осуждалъ на бездѣйствіе одного изъ самыхъ бдительныхъ стражей своей нравственной природы. Въ то время, которое мы описываемъ, онъ сохранялъ еще

юморъ въ полной свѣжести, несмотря на возникающую потребность идеализаціи окружающаго и приближающійся переломъ въ его жизни. Такъ, мы знаемъ, что онъ смотрѣлъ на господствующее сословіе въ папскомъ Римѣ, какъ па собраніе ограниченныхъ, малосвѣдущихъ людей, склонныхъ къ матеріальнымъ удовольствіямъ, но добродушныхъ и мягкосердечныхъ по натурѣ: лицо каждаго аббата представлялось ему съ житейской, вседневной стороны его и онъ не заботился объ оффиціальной его дѣятельности, гдѣ то же простодушное лицо, лакомка и болтунъ, выростаетъ въ мѣру своихъ обширныхъ правъ и власти, ему данной. Также точно мы знаемъ, по статьѣ „Римъ", что Гоголь нашелъ мѣсто въ картинѣ и для рыжаго капуцина, значеніе котораго, помню, съ жаромъ объяснялъ В. А. Панаеву, ссылаясь на эффектъ, производимый нищенствующимъ братомъ, когда онъ вдругъ появляется въ средѣ пестрыхъ итальянскихъ женщинъ или удалой римской молодежи. Нельзя забыть также, что даже тяжелая красная карета кардинала съ пудренными лакеями назади удостоивалась въ его разговорахъ ласковаго и пояснительнаго слова. Все это представленіе предметовъ было бы очень далеко отъ истины и настоящаго ихъ достоинства, если бы не поправлялось его юморомъ, выводившимъ наружу именно ту рѣзкую, родовую черту предмета, по которой онъ правильнѣе судится, чѣмъ по соображеніямъ и описаніямъ пристрастнаго мыслителя. Когда юморъ, стѣсненный въ своей естественной дѣятельности, замолкъ окончательно, что́ дѣйствительно случилось съ Гоголемъ въ послѣдній періодъ его развитія,—критическое противодѣйствіе личному настроенію ослабѣло само собой, и Гоголь былъ увлеченъ неудержимо и безпомощно своей мыслью... Множество проявленій этого юмора заключено въ самой статьѣ о Римѣ; присутствіе его чувствовалось тогда почти въ каждомъ разговорѣ Гоголя, но собрать проблески этой способности теперь нѣтъ никакой возможности. Большая часть ихъ изгладилась изъ моей памяти, оставивъ только общее представленіе о своемъ характерѣ. Случалось иногда, что это былъ осколокъ цѣлаго драматическаго представленія, какъ, напримѣръ, разсказъ Гоголя о знакомствѣ съ кардиналомъ Меццофанти. Онъ очень любилъ этого кардинала-полиглота, маленькаго, сухощаваго и живого старичка, который при первой встрѣчѣ съ Гоголемъ заговорилъ по-русски. Гоголь объяснялъ способъ его выпутываться изъ филологическихъ затрудненій, такъ сказать, наглядно. Кардиналъ, обдумавъ фразу, держался за нее очень долго, выворачивая ее во всѣ стороны, не дѣлая шагу впередъ, покуда не являлась новая придуманная фраза, и при живости старика это имѣло комическую сторону, передаваемую Гоголемъ весьма живописно. Онъ на-

клонялся немного впередъ, и подражая голосу и движеніямъ президента „Пропаганды“, начиналъ вертѣть шляпу въ рукахъ и говорить итальянской скороговоркой: „какая у васъ прекрасная шляпа... прекрасная, круглая шляпа, также и бѣлая, и весьма удобная — это точно прекрасная, бѣлая, круглая, удобная шляпа“ и проч. Впрочемъ, Гоголь отдавалъ справедливость удивительной способности кардинала схватывать отношенія частей рѣчи другъ къ другу въ чуждомъ діалектѣ, а степень настоящаго познанія нашего языка у Меццофанти можетъ показать слѣдующая стихотворная записка его, буквально списанная мною съ оригинала:

Любя Россійскихъ Музъ, я голосъ ихъ внимаю
И нѣкіе слова ихъ часто повторяю,
Какъ дальный Отзывъ, я не ясно говорю:
Ктожъ можетъ мнѣ сказать что я стихи творю.

I. Меззофанти.

Возвращаемся къ городской нашей жизни. Въ Римѣ не было тогда постояннаго театра, но какая-то заѣзжая труппа давала пьесы Гольдони, Нотте и передѣлки изъ французскихъ водевилей. Спектакль начинался обыкновенно въ десять часовъ вечера и кончался за полночь. Мы довольно часто посѣщали его, ради первой его любовницы, красавицы въ полномъ смыслѣ слова, очень хорошаго jeune premier, а болѣе ради старика Гольдони, который, по весьма спокойному, правильному развитію сложныхъ завязокъ въ своихъ комедіяхъ, составлялъ противоположность съ путаницей и небывальщиной французскаго водевиля. Гоголь весьма высоко цѣнилъ итальянскаго писателя. Ночь до спектакля проводили мы прогулкахъ по улицамъ Рима, освѣщеннымъ кофейнями, лавочками и разноцвѣтными фонарями тѣхъ сквозныхъ балаганчиковъ съ плодами и прохладительными напитками, которые, на подобіе небольшихъ, зеленыхъ храмиковъ, растутъ въ Римѣ по угламъ улицъ и у фонтановъ его. Въ тихую лѣтнюю ночь Римъ не ложится спать вовсе, и какъ бы поздно ни возвращались мы домой, всегда могли имѣть надежду встрѣтить толпу молодыхъ людей безъ куртокъ или съ куртками, брошенными на одно плечо, идущихъ цѣлой стѣной и вполголоса распѣвающихъ мелодическій туземный мотивъ. Бряцаніе гитары и музыкальный строй голосовъ особенно хороши бывали при яркомъ блескѣ луны: чудная пѣсня какъ будто скользила тогда тонкой серебрянной струей по воздуху, далеко расходясь въ пространствѣ. Случалось, однако же, что удушливый *сироко*, перелетѣвъ изъ Африки черезъ Средиземное море, наполнялъ городъ палящей, раскаленной атмосферой: тогда и ночи были знойны

по-своему: жало удушливаго вѣтра чувствовалось въ груди и на тѣлѣ. Въ такое время Гоголь видимо страдалъ: кожа его дѣлалась суха, на щекахъ выступалъ яркій румянецъ. Онъ начиналъ искать по вечерамъ прохлады на перекресткахъ улицъ; опершись на палку, онъ закидывалъ голову назадъ и долго стоялъ такъ, обращенный лицомъ къ верху, словно перехватывая каждый свѣжій токъ, который можетъ случайно пробѣжать въ атмосферѣ. Наскучивъ прогулками и театрами, мы проводили иногда остатокъ вечера у себя дома за бостономъ. Надо сказать, что ни я, ни хозяинъ, ни А. А. Ивановъ, участвовавшій въ этихъ партіяхъ, понятія не имѣли не только о сущности игры, но даже и о начальныхъ ея правилахъ. Гоголь изобрѣлъ по этому случаю своего рода законы, которые и прикладывалъ поминутно, мало заботясь о противорѣчіяхъ и происходившей оттого путаницѣ: онъ даже весьма аккуратно записывалъ на особенной бумажкѣ результаты игры, неизвѣстно для чего, потому что съ новой игрой всегда оказывалась необходимость измѣнить прежніе законы и считать недѣйствительными всѣ старыя пріобрѣтенія и потери. Лучше всего была обстановка игры: Гоголь зажигалъ итальянскую свою лампу объ одномъ рожкѣ, не дававшую свѣта даже столько, сколько даетъ порядочный ночникъ, но имѣвшую достоинство напоминать, что при такихъ точно лампахъ работали и веселились древніе консулы, сенаторы и проч. Затѣмъ Гоголь принималъ въ свое распоряженіе фляжку *орвіетто*, захваченную кѣмъ-нибудь на дорогѣ, и мастерскимъ образомъ сливалъ изъ нея верхній пластъ оливковаго масла, замѣнявшій, тоже по древнему обычаю, пробку и укупорку. Вообще у Гоголя была нѣкоторая страсть къ рукодѣльямъ: съ приближеніемъ лѣта онъ начиналъ выкраивать для себя шейные платки изъ кисеи и батиста, подпускать жилеты на нѣсколько линій ниже и проч., и занимался этимъ дѣломъ весьма серьёзно. Я заставалъ его передъ столомъ съ ножницами и другими портняжными матеріалами, въ сильной задумчивости. Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этомъ сильное безпокойное чувство, которое выразить я однако же не смѣлъ передъ Гоголемъ, а именно, тогдашняя его причуда—проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диванѣ и не ложась въ постель. Поводомъ къ такому образу жизни могла быть, во-первыхъ, опасная болѣзнь, недавно имъ выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторыхъ, боязнь обморока и замиранія, которымъ онъ, какъ говорятъ, дѣйствительно былъ подверженъ. Какъ бы то ни было, но открыть секретъ Гоголя, даже изъ благодушнаго желанія пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Такимъ образомъ Гоголь довольно часто, а

къ концу все чаще и чаще приходилъ въ мою комнату, садился на узенькій плетеный диванъ изъ соломы, опускалъ голову на руку и дремалъ долго послѣ того, какъ я уже былъ въ постелѣ и тушилъ свѣчу. Затѣмъ переходилъ онъ къ себѣ на цыпочкахъ и также точно усаживался на своемъ собственномъ соломенномъ диванчикѣ вплоть до свѣта, а со свѣтомъ взбивалъ и разметывалъ свою постель для того, чтобъ общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла имѣть подозрѣнія о капризѣ жильца своего, въ чемъ однако же успѣлъ весьма мало, какъ и слѣдовало ожидать. Обстоятельство это, между прочимъ, хорошо поясняетъ то мѣсто въ любопытной запискѣ Ѳ. В. Чижова о Гоголѣ 1843 года, гдѣ авторъ касается апатическихъ вечеровъ Н. М. Языкова, на которыхъ всѣ присутствующіе находились въ состояніи полудремоты и послѣ часа молчанія, или рѣдкихъ отрывистыхъ замѣчаній расходились, приглашаемые иногда ироническимъ замѣчаніемъ Гоголя: „не пора ли намъ господа, окончить нашу шумную бесѣду“ (Записки о жизни Гоголя, томъ II, стр. 330). Вечера эти могли быть для Гоголя началомъ самой ночи, точно такъ же проводимой, только безъ друзей и разговоровъ. Конечно, тутъ еще нельзя искать обыкновенныхъ пріемовъ аскетическаго настроенія, развившагося впослѣдствіи у Гоголя до необычайной степени, но путь для нихъ былъ уже намѣченъ. Впрочемъ, все умѣрялось еще тогда наслажденіями художнической, созерцательной жизни, и самая безсонница, вызванная мнительностью, имѣла подъ-часъ поэтическую обстановку. Такъ, однажды во Фраскати мы долго разговаривали, сидя на окнѣ локанды, глядя въ темное голубое небо и прислушиваясь къ шуму фонтана, который журчалъ на дворѣ. Бесѣда шла преимущественно объ отечествѣ: Гоголь по временамъ вдыхалъ въ себя ароматическій запахъ итальянской ночи и при воспоминаніи о нѣкоторыхъ явленіяхъ нашего быта, проговаривалъ задумчиво: „а можетъ быть все такъ и нужно покамѣстъ“. Вообще мысль о Россіи была въ то время, вмѣстѣ съ мыслію о Римѣ, живѣйшей частью его существованія. Онъ вполнѣ былъ правъ, утверждая впослѣдствіи, что никогда такъ много не думалъ объ отечествѣ, какъ вдали отъ него и никогда не былъ такъ связанъ съ нимъ, какъ живя на чужой почвѣ: чувство испытываемое многими людьми съ гораздо меньшими способностями и меньшимъ призваніемъ, чѣмъ Гоголь. Между тѣмъ кроткая свѣжесть ночи, тишина ея и однообразный плескъ фонтана, погрузили меня въ дремоту: я заснулъ на окнѣ въ то самое время, какъ мнѣ казалось, что все еще слышу говоръ фонтана и различаю шопотъ собесѣдника... Вѣроятно, Гоголь также продремалъ всю ночь на

окнѣ, потому что онъ разбудилъ меня поутру точно въ томъ видѣ и костюмѣ, какъ былъ наканунѣ.

Между тѣмъ со мной случилось довольно непріятное происшествіе. Выкупавшись въ Тибрѣ, я захватилъ сильную простуду, которая разрѣшилась опухолью горла или жабой, по простонародному названію. Докторъ никакъ не могъ овладѣть болѣзнію и, не зная что́ дѣлать, потребовалъ кровопусканія. Я сопротивлялся этому общему итальянскому средству; но разъ почтенный докторъ вошелъ ко мнѣ въ сопровожденіи хозяина нашей квартиры, его домашнихъ и фельдшера. По первымъ словамъ я убѣдился, что они рѣшились на насиліе и покорно отдалъ себя въ ихъ распоряженіе. Фельдшеръ быстро перевязалъ мнѣ руку и съ видомъ какого-то свирѣпаго наслажденія приступилъ къ дѣлу. Всего забавнѣе, что самъ докторъ не могъ удержаться отъ восторга при видѣ крови и закричалъ: bel sangue! Ecco-lo (вотъ она, кровь-то́). Затѣмъ, почти прыгая около меня, онъ подтверждалъ фельдшеру не жалѣть моей крови и просилъ о томъ же всѣхъ присутствующихъ, на лицахъ которыхъ было написано душевное удовольствіе. Комическая сцена, поразившая меня своей странностью и неожиданностію!

При первыхъ признакахъ упорнаго недуга, сопротивляющагося медицинскимъ средствамъ, Гоголь уѣхалъ тотчасъ за городъ, написавъ оттуда хозяину нашей квартиры маленькую записочку, въ которой просилъ его заняться больнымъ — nostro povero ammalato, какъ выразился. Кажется, видъ страданія былъ невыносимъ для него, какъ и видъ смерти. Картина немощи если не погружала его въ горькое лирическое настроеніе, какъ это случилось у постели больного графа Іосифа Віельгорскаго въ 1839 году, то уже гнала его прочь отъ себя: онъ не могъ вытерпѣть природнаго безобразія всякихъ физическихъ страданій. Что касается до созерцанія смерти, извѣстно, какъ подѣйствовалъ на весь организмъ его гробъ г-жи Хомяковой, за которымъ онъ самъ послѣдовалъ вскорѣ въ могилу. Вообще при сердцѣ, способномъ на глубокое сочувствіе, Гоголь лишенъ былъ дара и умѣнья прикасаться собственными руками къ ранамъ ближняго. Ему недоставало для этого той особенной твердости характера, которая не всегда встрѣчается и у самыхъ энергическихъ людей. Бѣду и заботу человѣка онъ переводилъ на разумный языкъ добраго посредника и помогалъ ближнему совѣтомъ, заступничествомъ, связями, но никогда не переживалъ съ нимъ горечи страданія, никогда не былъ съ нимъ въ живомъ, такъ сказать, натуральномъ общеніи. Онъ могъ отдать страждущему свою мысль, свою молитву, пламенное желаніе своего сердца, но самого себя ни въ какомъ случаѣ не отдавалъ. Нельзя и требовать отъ

натуры человѣка, чего въ ней не заключается (довольно, что натура была благородная и любящая по-своему), но замѣчаніе это показалось намъ совершенно необходимымъ въ виду тѣхъ безразличныхъ, ничего не выражающихъ фразъ объ «ангельской» душѣ, «необычайномъ» сердцѣ и проч., которыя расточаются біографами Гоголя въ опытахъ изображенія его характера—и характера его нисколько не опредѣляютъ.

Я скоро выздоровѣлъ, а между тѣмъ время отъѣзда моего изъ Рима приближалось. До того мы успѣли сдѣлать цѣлымъ обществомъ прогулку въ Сабинскихъ горахъ, побывать въ Олевано и Субіако, гдѣ нашли толпу русскихъ художниковъ, изучающихъ всѣ эти превосходныя и оригинальныя мѣстности. Гоголь намъ не сопутствовалъ, онъ оставался въ Римѣ *), и потомъ весьма пенялъ на лѣность, помѣшавшую ему присоединиться къ странническому каравану. Особенно сожалѣлъ онъ, что лишился удобнаго случая видѣть тѣ бѣдныя римскія общины, которыя еще въ средніе вѣка поселились на вершинахъ недоступныхъ горъ, одолѣваемыхъ съ трудомъ, по каменистой тропинкѣ, привычнымъ итальянскимъ осломъ. Другого способа ѣзды здѣсь нѣтъ. Многіе живутъ тамъ и доселѣ, связываясь съ государствомъ только посредствомъ сборщика податей и мѣстнаго аббата, ихъ всеобщаго духовника, сходя въ долину для посѣва и сбора маиса и кукурузы, обмѣна своихъ овощей, а иногда, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, для разбоя и грабежа на дорогахъ. Какъ совершеннѣйшее проявленіе той естественной, *непосредственной* жизни, которую такъ высоко цѣнилъ Гоголь, они дѣйствительно заслуживали вниманія его, особенно если вспомнить истинно живописныя стороны, какими они, надо сказать правду, обладаютъ въ изобиліи. Живописность и всякій проблескъ самородной выдумки, какъ бы малозначительна ни была она, находили въ Гоголѣ почти всегда лучшаго и благорасположеннѣйшаго цѣнителя. Помню, что въ одно изъ нашихъ путешествій по дорогамъ между Тиволи, Фраскати и Альбано мы наѣхали на уз-

---

*) Извѣстный нашъ художникъ Ѳ. А. Моллеръ, оканчивавшій свою «Русалку», писалъ въ это же время портретъ Гоголя. По возвращеніи моемъ изъ Субіако, я разъ засталъ въ его мастерской Гоголя за сеансомъ. Вѣроятно сеансы эти и были причиной, помѣшавшей Гоголю принять участіе въ нашей прогулкѣ. Показывая мнѣ свой портретъ, Гоголь замѣтилъ: «писать съ меня весьма трудно: у меня по днямъ бываютъ различныя лица, да иногда и на одномъ днѣ нѣсколько совершенно различныхъ выраженій», что̀ подтвердилъ и Ѳ. А. Моллеръ. Портретъ извѣстенъ: это мастерская вещь, но саркастическая улыбка, кажется намъ, взята Гоголемъ только для сеанса. Она искусственна и никогда не составляла главной принадлежности его лица.

кую лощину, закраины которой такъ густо поросли кустами живой изгороди, что составили надъ тропинкой родъ зеленаго, непроницаемаго свода. Гоголь былъ въ восхищеніи и сказалъ: «Вотъ какими дорогами надо бы обзавестись Европѣ»; но Европа обзавелась дорогами совсѣмъ въ другомъ вкусѣ.

За день до моего отъѣзда изъ Рима, мы перебрались въ Альбано, гдѣ рѣшились ожидать прибытія почтовой кареты Перети, въ которой я взялъ мѣсто до Неаполя. На другой день послѣ прощальнаго дружескаго обѣда въ обыкновенной нашей локандѣ, Гоголь проводилъ меня до дилижанса и на разставаньи сказалъ мнѣ съ неподдѣльнымъ участіемъ и лаской: «Прощайте, Жюль. Помните мои слова. До Неаполя вы сыщете легко дорогу, но надо отыскать дорогу поважнѣе, чтобъ въ жизни была дорога; ихъ множество и стóитъ только выбрать....» Мы разстались. Я ѣхалъ на Неаполь съ тѣмъ, чтобъ осень провести въ Верхней Италіи, а на зиму переселиться въ Парижъ.

Въ октярѣ 1842 года, въ Парижѣ получено было извѣстіе, что Гоголь уѣхалъ въ Россію для печатанія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

Нѣсколько подробностей, касающихся до исторіи появленія этого тома въ печати, мы намѣрены привести здѣсь же, прерывая на время нить воспоминаній нашихъ. С. Т. Аксаковъ въ превосходной запискѣ своей о Гоголѣ, сообщенной г. Кулишемъ и, къ сожалѣнію, раздѣленной имъ на отрывки, въ которыхъ отчасти теряется общій характеръ повѣствованія (см. Записки о жизни Гоголя. Спб. 1856), относитъ къ концу 1840 года замѣчательную перемѣну тона въ письмахъ Гоголя, получившихъ оттѣнокъ торжественности и мистическаго одушевленія. С. Т. Аксаковъ объясняетъ это обстоятельство, во-первыхъ, болѣзнію Гоголя въ Вѣнѣ, осенью того же года, открывшей ему, по собственному его признанію, многое, чтó измѣнило все существованіе его, а во-вторыхъ, причину перемѣны полагаетъ въ великомъ значеніи, какую возымѣли „Мертвыя Души“ для ихъ автора, увидавшаго, какъ подъ рукой его „незначащій сюжетъ выростаетъ въ колоссальное созданіе, наполненное болѣзненными явленіями нашей общественной жизни“. Послѣдняя догадка особенно справедлива. Съ приближеніемъ къ концу своего завѣтнаго труда, Гоголь начинаетъ уже смотрѣть на себя, какъ на человѣка, въ жизни котораго слышатся шаги невѣдомаго, таинственнаго предопредѣленія. Взглядъ этотъ на самого себя все болѣе и болѣе укрѣпляется по мѣрѣ развитія работы и наконецъ переходитъ въ убѣжденіе, которое нераздѣльно сростается со всѣмъ его существованіемъ. При повѣркѣ его писемъ всѣми извѣстными обстоятель-

ствами его жизни, мы видимъ, какъ по мѣрѣ окончанія какой-либо части романа, свѣжихъ, живыхъ отпрысковъ, данныхъ имъ или обогащенія его какимъ-либо новымъ представленіемъ, Гоголь проникается каждымъ изъ этихъ явленій, настраиваетъ душу на высокій ладъ и возвѣщаетъ друзьямъ событіе торжественными, пророческими намеками, приводившими ихъ въ такое недоумѣніе сначала. Онъ смотритъ на самого себя при такихъ случаяхъ со стороны (объективно) и говоритъ о себѣ прямо съ благоговѣніемъ, какое слѣдуетъ питать ко всякому, хотя бы и непонятному, орудію предопредѣленія. Его вдохновенные, лирическіе возгласы, частое провозвѣстіе близкаго и великаго будущаго до того совпадаютъ съ годами и эпохами окончанія разныхъ частей романа, съ намѣреніями автора въ отношеніи ихъ, что могутъ служить несомнѣнными свидѣтельствами хода его работъ и предпріятій. Тонъ писемъ Гоголя измѣняется, какъ замѣчено, къ концу 1840, именно къ тому времени, когда „Мертвыя Души“ (первая часть) были готовы вчернѣ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, наступаетъ окончательная отдѣлка и переписка главъ, и мы видимъ, что въ мартѣ 1841 года, Гоголь зоветъ къ себѣ въ Римъ М. С. Щепкина, Кон. Сер. Аксакова и потомъ М. П. Погодина, возлагая на нихъ обязанность перевезти себя въ Россію. Въ письмѣ его встрѣчаются слѣдующія строки: „Меня теперь нужно беречь и лелеять... Меня теперь нужно лелеять не для меня— нѣтъ... Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара, еле держится, но въ этой вазѣ заключено теперь сокровище. Стало быть, ее нужно беречь“. Когда, въ августѣ того же года, переписка романа была совсѣмъ приведена къ окончанію (т.-е. двѣ недѣли спустя послѣ моего отъѣзда изъ Рима), Гоголь отправляетъ къ одному изъ своихъ лицейскихъ товарищей, А. С. Данилевскому, письмо съ совѣтами, касательно лучшаго устройства его жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ пера его выливаются эти вдохновенныя черты: «Но слушай! теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!... О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово... Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово... Прощай! Шлю тебѣ братскій поцѣлуй мой и молю Бога, да снидетъ на тебя хоть часть той свѣжести, которою объемлется душа моя, восторжествовавшая надъ болѣзнями хвораго моего тѣла и проч.» (Зап. о жизни Гоголя, т. I, стр. 273 и 285). Такъ возвѣщалъ онъ друзьямъ своимъ степени различнаго состоянія своей рукописи, и, конечно, если тутъ есть часть простого авторскаго самолюбія, то

уже въ мѣрѣ, которая пропадаетъ незамѣтно въ другомъ, сильнѣйшемъ настроеніи. Послѣ 1843 года, при работѣ за второю частью „Мертвыхъ Душъ“, настроеніе это пріобрѣтаетъ еще бо́льшее развитіе, и тогда намеки, свидѣтельствующіе о положеніи дѣла, о видахъ, какіе имѣлъ авторъ на свое созданіе, о пути, который приняло его творчество, становятся еще болѣе торжественными и проникаются еще болѣе свойствами мистическаго, восторженнаго созерцанія. Они дѣлаются вмѣстѣ съ тѣмъ чаще, постояннѣе до-тѣхъ-поръ, пока собраніе ихъ въ одну книгу и изданіе въ 1847 г. подъ именемъ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, возвѣщаютъ, по нашему мнѣнію, совершенное окончаніе второй части „Мертвыхъ Душъ“ и скорое ея появленіе въ свѣтъ. Мы еще будемъ говорить объ этой *рѣшительной* эпохѣ въ жизни Гоголя, которая значительно отличается отъ начальной или *предуготовительной*, въ которой находимся, но теперь же скажемъ, что отыскать соотвѣтствіе между подробностями тогдашней его переписки и состояніемъ второй части „Мертвыхъ Душъ“, есть дѣло, конечно, трудное, но не невозможное для будущаго біографа его.

И довольно замѣчательно, что даже простого сомнѣнія въ себѣ, не только христіанскаго смиренія, о которомъ такъ много толковали по поводу Гоголя, нѣтъ и признаковъ въ его перепискѣ вплоть до 1847, т.-е. до страшнаго переворота въ его жизни, послѣдовавшаго за неуспѣхомъ выданной имъ книги. Правда, онъ учитъ всѣхъ наблюдать за собой, радоваться ударамъ, наносимымъ самолюбію, но всякій такой ударъ отражаетъ отъ себя тотчасъ же и весьма рѣшительно. Всѣ его требованія упрековъ, выговоровъ, просьбы о сообщеніи бранчивыхъ критикъ, похвалы несправедливымъ заключеніямъ литературныхъ враговъ его тоже не показываютъ никакого смиренія. Онъ уже стоялъ выше этого, игралъ съ безвреднымъ жаломъ порицателей, даже хвалилъ ихъ, какъ хвалитъ учитель фехтованья мальчика, нанесшаго ему знакомый и предвидѣнный ударъ; но когда ударъ дѣйствительно былъ искусно разсчитанъ и поражалъ его, онъ подымался какъ гроза и съ великою энергіею возвращалъ его противнику. Но въ письмахъ Гоголя, скажутъ намъ, есть, между прочимъ, ясные признаки упадка силъ, есть искреннія жалобы на творческую немощь, наконецъ, есть нелицемѣрная покорность провидѣнію, надежда на него и безпощадная оцѣнка самого себя.—Дѣйствительно есть, и все это уже симптомы самаго труда, самаго процесса работы, столько же, сколько и извѣстнаго нравственнаго состоянія. Всякій разъ, какъ они появляются, можно подразумѣвать, какъ намъ кажется, что Гоголь еще занятъ развитіемъ идеи или представленія, что онъ одолѣваетъ

творческимъ образомъ характеръ или происшествіе, что, наконецъ, онъ еще носится въ открытомъ морѣ созданія, колеблемый всѣми соображеніями писателя и безъ берега въ виду. Эти эпохи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохи самыхъ сильныхъ физическихъ его страданій...

Грозныя, карающія письма Гоголя къ друзьямъ и даже къ семейству, которыя такъ удивили многихъ, поясняются тоже состояніемъ его мысли въ эту эпоху. Такими письмами онъ намекалъ на сокровища, которыя въ ней таятся и, по нашему мнѣнію, они пишутся всякій разъ, какъ труженику, болѣе и болѣе переходившему къ мистическому представленію своего призванія, кажется, что онъ открылъ новую сторону въ литературной задачѣ своей и стоитъ на высшей степени ея пониманія. Съ вершины добытой художнической или мистической истины, что́ уже дѣлалось для него все-равно, онъ свободно бросаетъ перуны внизъ, къ людямъ, еще не просвѣщеннымъ тою благодатью, присутствіе которой онъ сильно чувствуетъ въ себѣ. Подъ обаяніемъ исключительной идеи, Гоголь начинаетъ придавать, особенно съ 1843 года, глубокое значеніе всякому обстоятельству, касающемуся лично до него или до друзей: таинственные, многознаменующіе признаки плодятся вокругъ него; каждый простой случай жизни оживаетъ, олицетворяется, получаетъ вѣщее слово и пропадаетъ, уступая мѣсто другому... Помню одно письмо Гоголя къ поэту Н. М. Языкову, кажется, пропущенное г. Кулишемъ, въ которомъ онъ излагаетъ мистическое значеніе Грефенберговскаго способа леченія холодной водой. Онъ обращаетъ вниманіе друга на поучительную исторію воды, какъ всеобщаго медицинскаго средства, отъ начала вѣковъ предложеннаго человѣку самимъ Промысломъ. Отвергнутое заумничавшимся человѣкомъ, оно вновь открыто, но не академіями, не профессорами и современной наукой, а простымъ и бѣднымъ крестьяниномъ австрійской деревушки! Но когда Гоголь самъ попробовалъ ванны и ду́ши Грефенберга, которыя отчасти разстроили его слабые нервы, онъ забывалъ всѣ свои прежнія толкованія и въ другомъ письмѣ къ Н. М. Языкову откровенно проклиналъ Грефенбергъ и его знаменитаго доктора. Ошибки не исправляютъ страстныя увлеченія: все, что́ какимъ-либо образомъ соприкасается съ задачею его жизни, съ созданіемъ романа, является въ необычайныхъ размѣрахъ... Такъ, порученія его списывать статьи журналовъ и пересылать ему, вмѣстѣ съ замѣтками о нравахъ и обычаяхъ, съ ходячими толками и сужденіями о немъ самомъ, являются, въ свѣтѣ его вдохновенныхъ поясненій, не просто матеріалами для питанія и укрѣпленія его литературной дѣятельности, а почти дѣломъ, приближающимъ великое будущее, и спасеніемъ для

тѣхъ людей, которые займутся имъ. Есть нѣсколько писемъ Гоголя къ г-жѣ Смирновой (женѣ губернатора, урожденной Розетти) въ Калугу, гдѣ порученія этого рода представлены въ видѣ нравственнаго подвига, слѣдствія котораго могутъ быть гораздо важнѣе для того, кто принялъ его на себя, чѣмъ для того, кто прямо ими воспользуется. Иногда даже малѣйшія обстоятельства, какимъ-либо образомъ ускоряющія движеніе романа, облекаются тѣмъ же таинственнымъ свѣтомъ, въ которомъ очертанія всѣхъ предметовъ ложатся громадными, колоссальными линіями. Одинъ сильный примѣръ этого перевода очень обыкновенныхъ потребностей жизни на высокій языкъ прозрѣній, предчувствій и мистическихъ толкованій, мы беремъ изъ переписки покойнаго Н. Я. Прокоповича съ Гоголемъ. Онъ относится къ 1842, къ эпохѣ печатанія „Мертвыхъ Душъ" въ Москвѣ, и такимъ образомъ самъ собою приводитъ насъ къ предмету нашего описанія.

Читатель долженъ вспомнить прежде всего, что въ октябрѣ 1842 года Гоголь жилъ въ Москвѣ, представивъ тамъ и рукопись свою на цензурное одобреніе. По затрудненіямъ, которыя встрѣтились тогда, рукопись переслана была въ Петербургъ и въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года получила полное цензорское одобреніе, за исключеніемъ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ, которую слѣдовало передѣлать. Гоголь приступилъ къ передѣлкѣ повѣсти и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своей рукописи, высланной въ Москву для печатанія, какъ говорили, тоже въ мартѣ, но рукопись пришла только въ началѣ апрѣля, пролежавъ гдѣ-то добрый мѣсяцъ. Все это время Гоголь томился, страдалъ, жаловался друзьямъ на пропажу труда и въ неподдѣльной тоскѣ спрашивалъ у всѣхъ объ участи своей рукописи. Наконецъ, приступлено было къ печатанію. Дѣло такимъ образомъ приходило къ развязкѣ; горизонтъ уяснялся понемногу, и Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ „Сочиненій", но уже въ Петербургѣ, и предоставилъ всѣ хлопоты печатанія покойному Н. Я. Прокоповичу. 15-го мая онъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„Благодарю тебя именно за то, что ты въ день 9 мая *) написалъ письмо ко мнѣ. Это было движеніе сердечное; оно сквозитъ и слышно въ твоихъ строкахъ. Я хорошо провелъ день сей и не можетъ быть иначе: съ каждымъ годомъ торжественнѣй и торжественнѣй онъ для меня становится. Нѣтъ нужды, что не сидятъ за пиромъ пировавшіе прежде: они присутствуютъ со мной неотразимо, и много присутствуетъ съ ними другихъ, дотолѣ не бы-

*) День имянинъ Н. В. Гоголя.

вавшихъ на пирѣ. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновенье осѣнила тебя въ сей день; она была поддѣльная, ложная грусть: ибо ничего, кромѣ просвѣтленія мыслей и предчувствій чудеснаго грядущаго не долженъ заключать сей день для всѣхъ близкихъ моему сердцу. Обманула тебя, какъ ребенка, мысль, что веселье твое уже смѣнилось весельемъ новаго поколѣнія. Веселье твое еще и не начиналось... *Запечатлѣй же въ сердцѣ сіи слова: ты узнаешь и молодость, и крѣпкое разумное мужество, и мудрую старость, постепенно, торжественно-спокойно, какъ непостижимой Божьей властью, я чувствую отнынѣ всѣхъ ихъ разомъ въ моемъ сердцѣ.* Девятаго же мая я получилъ письмо отъ Данилевскаго. Я за него спокоенъ. Три, четыре слова, посланныя еще изъ Рима, низвели свѣжесть въ его душу *). Я и не сомнѣвался въ томъ, чтобы не настало, наконецъ, для него время силы и дѣятельности. Онъ свѣтло и твердо стоитъ теперь на жизненной дорогѣ. *Очередь твоя, имѣй въ меня каплю вѣры, и живящая сила отдѣлится въ твою душу.* Я увижу тебя скоро, можетъ быть черезъ двѣ недѣли. Книга тоже выдетъ къ тому времени, все почти готово. Прощай. До свиданія,—твой Г.".

Торжество писателя и гражданина, достигающихъ послѣдней цѣли своихъ стремленій, звучитъ въ этомъ письмѣ удивительно полнымъ и могучимъ аккордомъ: мысль о близкомъ появленіи романа низводитъ небо въ душу автора и даетъ ему чувствовать за разъ наслажденія всѣхъ возрастовъ, по его словамъ. То же самое обѣщаетъ онъ и пріятелю, для котораго приготовляетъ довольно сложную, хлопотливую, но совсѣмъ не блестящую и нисколько не вдохновенную работу—печатаніе и изданіе своихъ „Сочиненій" въ Петербургѣ. По поводу этой простой коммиссіи, онъ заглядываетъ въ будущее и нѣмѣетъ предъ необычайными наградами, которыя готовятся тамъ за подвигъ, доступный всякому, только-что грамотному и порядочному человѣку. Надобно сказать, что по нашему глубокому убѣжденію, которое желали бы мы сообщить всѣмъ, Гоголь былъ совершенно добросовѣстенъ, когда писалъ эти строки: онъ самъ вѣрилъ въ необъятную важность своего плана! Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ ему подобныхъ, нѣтъ никакой возможности предположить, что рукой его водилъ одинъ только голый, безобразный, мѣщанскій разсчетъ—притянуть къ себѣ чужія силы и ими воспользоваться. Кто знаетъ свойство вообще исключительныхъ идей литературнаго, мистическаго и всякаго другого содержанія, поглощать

*) Отрывокъ изъ этого письма къ Данилевскому приведенъ у насъ нѣсколько выше.

всѣ другія соображенія и становиться всюду на первый планъ, тотъ никогда не придетъ къ подобному заключенію. Самый тонъ подобныхъ писемъ, исполненный теплоты и одушевленія, уже отстраняетъ отъ нихъ подозрѣніе въ сухомъ обдумываніи эгоистическаго замысла. Мы сейчасъ увидимъ, каковъ былъ Гоголь, когда дѣйствовалъ отъ своего лица и по обстоятельствамъ, а не по внушеніямъ своей неизмѣнной мысли: онъ становится другимъ человѣкомъ и выказываетъ новую сторону характера, совершенно противоположную той, которой теперь занимаемся. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ съ нимъ схожихъ, онъ былъ выше или, если хотите, ниже разсчета. Онъ говоритъ съ собесѣдникомъ какъ *власть имущій*, какъ судья современниковъ, какъ человѣкъ, рука котораго наполнена *декретами*, устраивающими ихъ судьбу по ихъ волѣ и противъ ихъ воли.

Но съ этой высоты представленія своей жизненной задачи, Гоголь по временамъ сходилъ въ толпу людей, когда требовала этого необходимость, и становился съ ними лицомъ къ лицу. Тогда обнаруживалась другая сторона его характера, о которой сейчасъ упомянули. Для борьбы съ нерѣшительностью, равнодушіемъ и противодѣйствіемъ, онъ употреблялъ вѣрныя, чисто практическія средства, и притомъ съ разнообразіемъ, энергіей и дальновидностью разсчета, заслуживающими изумленія. Такъ было между прочимъ въ эпоху печатанія перваго тома "Мертвыхъ Душъ". Письмо къ Н. Я. Прокоповичу, приведенное нами выше, имѣло еще приписку слѣдующаго содержанія: „О книгѣ можно объявить; постарайся объ этомъ. Проси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ее. Отправься тоже къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литературныхъ новостяхъ извѣстіе, что скоро выйдетъ такая-то книга—и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ нихъ не имѣетъ права отказать". Это незначительный образчикъ его хлопотъ о книгѣ. Онъ писалъ министру просвѣщенія, покойному графу Уварову, извѣстное письмо, въ которомъ, по глубокой смѣтливости, мелькомъ говоритъ о нравственномъ значеніи новаго своего произведенія и указываетъ преимущественно на бѣдность и безпомощность своего положенія, обнаруживая этимъ немаловажныя познанія въ дѣловой логикѣ и въ матеріяхъ, на которыя она обращаетъ особенное свое вниманіе. Письмо было безъ означенія года, числа и мѣста, откуда послано, и г. Кулишъ въ своей книгѣ (т. I, с. 292) думаетъ, что это произошло, можетъ быть, отъ разсѣянности, но это произошло не безъ умысла. Просьба выражала высшую степень незаслуженнаго страданія, до котораго доведенъ человѣкъ, и могла обойтись безъ всѣхъ формальностей; отсутствіе ихъ, не говоря о другомъ, даже сообщало ей

особенный видъ искренности. Немного далѣе г. Кулишъ (стр. 294) по поводу этого письма и другого къ бывшему попечителю Спб. округа, князю М. А. Дондукову-Корсакову, точно въ томъ же родѣ, замѣчаетъ: „перечитывая эти письма, значительно мною сокращенныя, удивляешься простодушію поэта и его незнанію самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ въ сношеніяхъ съ людьми такого рода, по такому дѣлу и при такихъ обстоятельствахъ. Не думаю, однакожъ, чтобъ эти недостатки понижали его хотя однимъ градусомъ во мнѣніи истинно благородно мыслящаго человѣка. Нѣтъ, зная ничтожество его въ жизни практической, неловкости въ сношеніяхъ съ людьми, мелочныя причуды характера, или какіе бы то ни было нравственные недостатки, мы тѣмъ больше должны почитать пламень его таланта. Глядя такимъ образомъ на поэта, мы не оскорбимъ *его памяти своимъ любопытствомъ, доискивающимся его высокихъ поступковъ или мыслей и самыхъ мелкихъ его слабостей*". Все это мѣсто, какъ и нѣсколько другихъ въ книгѣ г-на Кулиша, слѣдуетъ понимать буквально наоборотъ, и тогда оно будетъ соотвѣтствовать дѣлу и выражать справедливое мнѣніе. Простодушія поэта нѣтъ и признаковъ въ обоихъ письмахъ; нарушеніе обыкновенныхъ условій корреспонденціи вышло, какъ намъ кажется, совсѣмъ изъ другого источника, чѣмъ недостатокъ опытности; практическій смыслъ Гоголя составлялъ его отличительное свойство, пока не пропадалъ въ одной исключительной идеѣ; *къ пламени его таланта* незачѣмъ обращаться благонамѣренному и добросовѣстному изслѣдователю, какъ-бы нѣкоторому облегчительному обстоятельству въ своемъ родѣ; а доискиваться причины его высокихъ поступковъ и мелкихъ слабостей не значитъ оскорблять памяти Гоголя, передъ которой благоговѣетъ всякій образованный русскій, а значитъ только удовлетворить законной потребности въ истинѣ и въ великомъ поученіи, которое представляетъ жизнь каждаго замѣчательнаго человѣка.

Въ дополненіе, мы приводимъ здѣсь изъ переписки съ Н. Я. Прокоповичемъ одинъ листокъ, который окончательно показываетъ, въ какомъ тонѣ и на какихъ условіяхъ требовалъ Гоголь ходатайства друзей передъ людьми, отъ которыхъ зависѣла судьба его рукописи, а стало быть и его собственная. Листокъ подтверждаетъ также, что письма его къ двумъ вліятельнымъ лицамъ эпохи не были произведеніемъ минутной вспышки, а напротивъ составляли часть обдуманной системы. „Москва, февраль.—Я получилъ твое увѣдомленіе, но такое же самое, назадъ тому полторы недѣли, я получилъ уже отъ Плетнева, и съ тѣмъ вмѣстѣ было сказано, чтобъ я готовился къ печати, что на-дняхъ мнѣ пришлется рукопись, а между тѣмъ уже двѣ недѣли прошло... Не затѣялась ли опять ка-

кая-нибудь... исторія? Пожалуйста, зайди къ Плетневу и развѣдай. И попроси его, чтобъ онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ въ квартиру князю Д—К—ву. Послѣдній былъ когда-то благосклоненъ ко мнѣ. Пусть онъ объяснитъ имъ, что все мое имущество, всѣ средства моего существованія заключаются въ этомъ, что я прошу ихъ во имя справедливости и человѣчества, потому что я и безъ того уже терпѣлъ и терплю. Меня слишкомъ истомили, измучили эти исторіи, и что я терплю много уже чрезъ однѣ проволочки, давно лишенный всякихъ необходимыхъ (средствъ существованія). Словомъ, пусть онъ объяснитъ имъ это. Не (ужели) они будутъ такъ безчувственны... Здоровье мое идетъ пополамъ,—иногда лучше, иногда хуже. Но я усталъ крѣпко всѣми силами и что́ всего хуже—не могу совсѣмъ работать. Чувствую, что мнѣ нужно быть подальше отъ всего житейскаго дрязгу, онъ меня томитъ". Конечно, матеріальная сторона предпріятія не могла быть лишена всей своей важности въ глазахъ человѣка, жившаго одними своими литературными трудами, но намѣреніе держаться одной этой стороны, какъ лучшей пособницы въ настоящемъ дѣлѣ, доказываетъ уже само по себѣ сильное познаніе эпохи и не малую практическую зоркость.

И не одни вліятельныя лица того времени вызывали у Гоголя умѣнье приноровляться къ понятіямъ и взгляду общества, но и на самыхъ друзьяхъ своихъ онъ еще испытывалъ способность говорить языкомъ ихъ помысловъ и наклонностей. Зная постоянное желаніе бывшаго издателя „Современника" (Плетнева) украсить свой журналъ его именемъ, Гоголь пишетъ къ старому своему другу и покровителю письмо изъ Москвы отъ 6 февраля 1842. На этотъ разъ Гоголь вдругъ отказывается отъ печатанія „Мертвыхъ Душъ", проситъ возвратить ему рукопись, подъ предлогомъ необходимыхъ исправленій, и только требуетъ откровеннаго мнѣнія друзей на счетъ достоинства и недостатковъ романа. Письмо это, если бы получено было своевременно въ Петербургѣ, конечно поразило бы всѣхъ почитателей его таланта, да, вѣроятно, и разсчитано было на произведеніе этого эффекта, способнаго удвоить ихъ ходатайства по общему дѣлу. Не довольствуясь этимъ, Гоголь, какъ-бы ненарокомъ, бросаетъ еще въ концѣ письма слѣдующія слова:

„P. S. Будетъ ли въ „Современникѣ" мѣсто для статьи около *семи* печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки, выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т.-е. къ празднику. Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте". Надо сказать, что единственная статья, которой онъ могъ располагать, была именно „Римъ", въ чемъ удосто-

вѣряетъ насъ самъ авторъ, писавшій къ Прокоповичу 13 марта: „Въ „Москвитянинѣ“ не повѣсть моя, а небольшой отрывокъ... Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала“. Пообѣщавъ ее „Современнику“, Гоголь отдалъ статью въ „Москвитянинъ“, по причинамъ, которыя опять самъ же излагаетъ: „Погодину я долженъ былъ дать что-нибудь, потому что онъ много сдѣлалъ для меня. Плетневу я тоже долженъ, хотя до сихъ поръ еще не выполнилъ“. Статья „Римъ“ появилась въ 3 № „Москвитянина“ 1842, а вслѣдъ затѣмъ, 17 марта, Гоголь высылаетъ издателю „Современника“ старую, хотя и вновь передѣланную повѣсть: „Портретъ“, которая врядъ ли могла замѣнить для журнала подарокъ, сдѣланный „Москвитянину“, а въ извиненіе пишетъ, что какъ ни силился составить для „Современника“ „статью во многихъ отношеніяхъ современную“, но, написавъ три „безпутныхъ страницы“, истребилъ ее совсѣмъ. Можно смѣло предполагать, что даже „къ этимъ тремъ безпутнымъ страницамъ“ онъ никогда не приступалъ. Въ добавокъ, Гоголь старается еще убѣдить редакцію, что старая повѣсть болѣе идетъ такому журналу, какъ „Современникъ“, который долженъ быть весь обращенъ къ прошлому и почти не имѣть другой цѣли, кромѣ воспоминанія Пушкина и собранія друзей вокругъ его могилы (Записки о жизни Гоголя, т. I, ст. 295). Во всей этой, впрочемъ, весьма обыкновенной журнальной исторіи, важно для изслѣдователя только одно обстоятельство, именно слѣдующее: письмо, гдѣ Гоголь отказывается отъ печатанія „Мертвыхъ Душъ“ и обѣщаетъ статью, было имъ придержано и отослано уже спустя двѣ недѣли послѣ написанія (17 февраля). Гоголь видимо причислялъ письмо къ послѣднимъ крайнимъ мѣрамъ своимъ и ожидалъ еще извѣстій. Когда болѣе благопріятныя извѣстія достигли до Москвы, письмо потеряло свою самостоятельность и пошло въ видѣ дополненія къ другому, спокойному и уже частью веселому сообщенію (см. Зап. о Гог., т. I, стр. 291). Роль, на которую оно предназначалось, была снята съ него, характеръ послѣдняго, рѣшительнаго удара потерянъ: оно оставалось только свидѣтелемъ протекшихъ волненій писателя, которыя должны еще были возбуждать участіе и состраданіе его друзей!

Мы упомянули разъ имя Бѣлинскаго. Въ виду вліянія, которое имѣлъ этотъ замѣчательный дѣятель своего времени на значительный классъ читателей, Гоголь не могъ оставить его безъ вниманія и съ перваго же знакомства получилъ отъ него услугу, немаловажную по своимъ послѣдствіямъ. Обычный, формальный ходъ рукописи „Мертвыхъ Душъ“, какъ мы уже сказали, встрѣтилъ въ Москвѣ какого-то рода затрудненія. Гоголь еще не зналъ, на что рѣшиться, когда, пользуясь случайнымъ пребываніемъ Бѣлинскаго

въ Москвѣ, онъ назначилъ ему въ домѣ одного общаго знакомаго свиданіе, но, какъ слѣдовало ожидать, подъ условіемъ величайшаго секрета. Пренебречь ропотомъ друзей, завязавъ откровенныя сношенія съ критикомъ, онъ не могъ даже по убѣжденіямъ своимъ. Мы знаемъ положительно, что Гоголь, вмѣстѣ съ другими членами обыкновеннаго своего круга, былъ настроенъ не совсѣмъ доброжелательно къ Бѣлинскому, и особенно потому, что критикъ стоялъ за суровую, отвлеченную, идеальную истину и, при случаѣ, мало дорожилъ истиной исторической, а еще менѣе преданіемъ, связями и воспоминаніями кружковъ. Гоголь нѣсколько разъ выражалъ недовольство свое критикой Бѣлинскаго еще въ Римѣ. Съ другой стороны, несмотря на тогдашнюю бдительность литературныхъ партій и строгій присмотръ за людьми, Гоголь понималъ опасность оставаться безвыходно въ одномъ кругу, да и сочувствіе къ дѣятельности Гоголя, высказанное не разъ Бѣлинскимъ, сглаживало дорогу къ сближеніямъ: отсюда *секретныя* сношенія, первый примѣръ которыхъ подалъ, какъ извѣстно, Пушкинъ, посылавшій тайкомъ критику нашему свои книги и одобрительныя слова. Не обвиняя никого, можно объяснить подобныя явленія чрезвычайной молодостью литературы и общества; но какъ бы то ни было, при первомъ *таинственномъ* свиданіи Гоголя съ Бѣлинскимъ, Гоголь рѣшился на пересылку своей рукописи въ Петербургъ, и тогда же обсуждены были мѣры для сообщенія ей правильнаго и безостановочнаго хода. Бѣлинскій, возвращавшійся въ Петербургъ, принялъ на себя хлопоты по первоначальному устройству этого дѣла, и направленіе, которое онъ далъ ему тогда, можетъ быть, рѣшило и успѣхъ его. Съ нимъ, какъ мы слышали, пошла въ Петербургъ и самая рукопись автора... Впрочемъ, какъ мы сказали, миновать извѣстнаго нашего критика почти и не было возможности: онъ уже начиналъ дѣлаться у насъ страннымъ анонимомъ. Никто не произносилъ его имени, но литературныя пренія, гдѣ бы они ни завязывались, постоянно имѣли въ виду положенія, имъ высказанныя, не говоря уже о множествѣ статей, невольно и неудержимо направленныхъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ замѣчательный анонимъ, существованіе и вліяніе котораго они старались покрыть ложнымъ презрѣніемъ! Нѣсколько позднѣе, явленіе это еще развилось и обхватило большой кругъ. Въ разговорахъ любителей литературы, въ обществѣ образованныхъ людей, занимавшихся событіями отечественной жизни и ея направленіемъ, даже на профессорскихъ каѳедрахъ краснорѣчія, анонимъ присутствовалъ неизбѣжно. Его надобно было непремѣнно обойти, чтобъ идти далѣе или въ другую сторону. Точно такъ поступалъ и Гоголь: ни разу не произноситъ онъ имени Бѣлинскаго во всей

своей перепискѣ съ друзьями, но протягиваетъ ему руку за спиной ихъ. Послѣ отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ, Гоголь получилъ отъ него длинное, пространное письмо съ мыслями, касавшимися, вѣроятно, внутренняго значенія „Мертвыхъ Душъ“ и будущаго ихъ продолженія. Такъ можно, по крайней-мѣрѣ, заключить изъ слѣдующаго отрывка, писаннаго Гоголемъ къ Н. Я. Прокоповичу въ маѣ 1842: „Я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему, потому что минуты не имѣю времени и потому, что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ этомъ нужно потрактовать и поговорить лично, что́ мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній мой проѣздъ черезъ Петербургъ“. Дѣйствительно, въ домѣ Прокоповича въ Петербургѣ, устроено было опять совѣщаніе, не требовавшее уже такихъ предосторожностей, какъ московскій его предшественникъ, но все-таки носившее характеръ секрета, безъ котораго Гоголь не могъ его ни понять, ни представить себѣ. Черезъ два мѣсяца послѣ выѣзда своего изъ Петербурга за границу, именно изъ Гастейна (въ Тиролѣ), Гоголь дѣлаетъ еще слѣдующую приписку къ Прокоповичу, которая, если не ошибаемся, показываетъ присутствіе нѣкотораго чувства довѣренности и уваженія къ критику: „Да пожалуйста попроси Бѣлинскаго отпечатать для меня особенно листки критики „Мертвыхъ Душъ“, если она будетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, на бумагѣ, если можно, потонѣе, чтобы можно было прислать мнѣ ее прямо въ письмѣ, и присылай мнѣ по листамъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ выходить“. Конечно, тутъ есть частью выраженіе того любопытства, какое обнаруживалъ вообще Гоголь въ отношеніи сужденій и толковъ о себѣ, но тутъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ кажется, и кое-что болѣе. Такимъ образомъ, подъ покровомъ равнодушія и внѣшней холодности, способныхъ обмануть глаза пріятелей, онъ отдавалъ должное нравственной силѣ, непризнаваемой другими, и такимъ образомъ, скажемъ еще, люди самыхъ различныхъ положеній въ обществѣ, самыхъ разнородныхъ стремленій и характеровъ дѣйствовали одинаково въ его пользу или въ пользу его дѣла.

Наконецъ „Мертвыя Души“ вышли изъ печати. Алекс. Иван. Тургеневъ, получившій это извѣстіе изъ Россіи, распространилъ его въ Парижѣ, и легко понять, съ какимъ восторгомъ принято было оно всѣми, которые отчасти ознакомились съ содержаніемъ и направленіемъ романа. Съ этихъ поръ начинаются безпрерывные разъѣзды Гоголя по Европѣ.

Въ маѣ 1842, онъ покидаетъ Петербургъ, направляется къ югу, живетъ довольно долго съ больнымъ Н. М. Языковымъ въ Гастейнѣ, и осенью вмѣстѣ съ нимъ является въ Римъ, гдѣ остается

на зиму 1842—1843. Весь слѣдующій остатокъ 1843 проводитъ онъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ; осенью посѣщаетъ Дюссельдорфъ, гдѣ жилъ В. А. Жуковскій и наконецъ является (въ декабрѣ 1843) въ Ниццу: здѣсь уже, благодаря обществу А. О. Смирновой, гр. Віельгорскаго и другихъ близкихъ людей, Гоголь останавливается нѣсколько долѣе—вплоть до весны 1844. Затѣмъ онъ переселяется во Франкфуртъ, въ загородный домикъ Жуковскаго, основавшаго тамъ свое мѣстопребываніе, и, съ малыми отлучками въ Баденъ, Остенде, Парижъ, и на разныя воды, живетъ у него до лѣта 1845. Такимъ образомъ, Ницца и Франкфуртъ остаются пунктами самаго долгаго его пребыванія на одномъ мѣстѣ. Затѣмъ является снова годъ безостановочныхъ вояжей (отъ лѣта 1845 до весны 1846) и вмѣстѣ съ тѣмъ это годъ болѣзни, леченія, душевной тревоги, смѣняемой невыразимыми порывами мистическаго экстаза, посѣщающаго его все чаще и чаще. Онъ успокоивается нѣсколько въ Римѣ, но весной выѣзжаетъ оттуда въ Парижъ, направляясь къ морскимъ купаньямъ въ Остенде, измѣняетъ однакоже на дорогѣ свой маршрутъ и поворачиваетъ изъ Парижа на Дунай, а оттуда черезъ Швальбахъ (близъ Рейна), гдѣ ожидаетъ его В. А. Жуковскій, съ которымъ онъ такъ давно разстался,—достигаетъ цѣли путешествія. Изъ Швальбаха (30 іюля), между прочимъ, Гоголь отправляетъ въ Петербургъ къ П. А. Плетневу первую тетрадку „Выбранной переписки съ друзьями“, заготовленную еще въ Римѣ. Второй періодъ его развитія кончился; плоды римскаго созерцанія, опредѣляющій и идеализирующій взглядъ на русское общество, теорія безграничнаго самосовершенствованія, поражающая художническую производительность въ самомъ источникѣ, и наконецъ пониманіе себя, какъ орудія въ рукахъ предопредѣленія, и мучительныя догадки о видахъ и цѣляхъ его въ отношеніи къ себѣ — все это окончательно воспиталось и созрѣло среди этихъ четырехъ-лѣтнихъ безпрерывныхъ разъѣздовъ, перемѣшанныхъ съ остановками... Покажемъ здѣсь степени этого развитія, сколько позволяютъ предѣлы и цѣль нашей статьи, и воротимся снова къ воспоминаніямъ.

Во второй половинѣ 1842 и въ началѣ 1843, мысль Гоголя еще далеко не достигла послѣднихъ предѣловъ того пути, по которому устремилась. Онъ занимается изданіемъ своихъ „Сочиненій“, начатомъ въ Петербургѣ, и входитъ въ мельчайшія подробности касательно этого дѣла. Распредѣленіе статей, условія съ книгопродавцами, время выпуска, выгоды, какихъ можно ожидать отъ предпріятія, и наконецъ употребленіе будущихъ суммъ,—все взвѣшено и обсуждено имъ съ необычайною аккуратностію: онъ занятъ жизнію весьма серьёзно. Почта за почтою присылаетъ Гоголь из-

дателю своему перемѣны, дополненія, прибавки къ разнымъ статьямъ. Такъ прислано было окончаніе „Игроковъ“ и велѣно было включить фразу въ рѣчь Утѣшительнаго, послѣ словъ: На́, нѣмецъ, возьми, съѣшь свою семерку: „Руте, рѣшительное руте; просто картафоска“. „Эту фразу,—прибавляетъ Гоголь,—включи непремѣнно—она настоящая армейская и въ своемъ родѣ не безъ достоинства“. Вѣроятно онъ и услыхалъ ее гдѣ-нибудь тогда же. Такъ точно, усиливъ еще выразительность монолога Качкарева, начинающагося словами: „Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ“, Гоголь предписываетъ озаглавить комедію слѣдующимъ образомъ: „Женитьба, совершенно невѣроятное событіе, въ двухъ дѣйствіяхъ“. Затѣмъ присылаетъ онъ подробное описаніе нѣмой сцены, которая должна быть приложена къ концу „Ревизора“ и выполненіе которой онъ хочетъ сдѣлать обязательнымъ для актеровъ. Общій характеръ всѣхъ этихъ перемѣнъ и сила самой критической способности въ Гоголѣ весьма хорошо выражаются слѣдующимъ отрыкомъ изъ его письма къ Н. Я. Прокоповичу: „Гаштейнъ. Іюля 27—15 (1842): Я къ тебѣ еще не посылаю остальныхъ двухъ лоскутковъ, потому что многое нужно переправить, особливо въ *Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія новой пьесы*. Она написана сгоряча, скоро послѣ представленія „Ревизора“ и потому немножко нескромна въ отношеніи къ автору. Ее нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т.-е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой пьесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать, какъ написанную по случаю „Ревизора“. При корректурѣ втораго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ *Тарасѣ Бульбѣ* много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву *и*; гдѣ она неумѣстна, тамъ ее выбрось; въ двухъ-трехъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуйста поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо:—все будетъ хорошо. Да вотъ что самое главное. Въ нынѣшнемъ спискѣ замѣнено слово: „слышу“, произнесенное Тарасомъ предъ казнію Остапа, замѣнено словомъ: „чую“. Нужно оставить по прежнему, т.-е. „Батько, гдѣ ты? слышишь ли это?—Слышу“. Я упустилъ изъ виду, что къ этому слову уже привыкли читатели и потому будутъ недовольны перемѣною, хотя бы она была и лучше“. Такъ еще заботится Гоголь о себѣ, какъ о писателѣ, и презрѣнія ко всей своей прошлой литературной дѣятельности нѣтъ еще тутъ и признаковъ.

Совсѣмъ другое является съ половины 1843... Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что выпускъ второй части „Мертвыхъ Душъ“ откладывается тогда на неопредѣленное время. Намъ уже почти несомнѣнно извѣстно теперь, что эта вторая часть въ первоначальномъ очеркѣ была у него готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась въ Москвѣ въ самое время печатанія первой части романа). Вѣроятно и тогда она уже носила опредѣляющій и идеализирующій характеръ. Гоголь не скрывалъ какъ этого свойства новаго произведенія, такъ и относительной близости его появленія. Онъ писалъ въ 1842, что ѣдетъ въ Іерусалимъ, какъ только довершитъ свое произведеніе, и нѣсколько разъ повторяетъ эту мысль, намекая и на скорое исполненіе плана: „только по совершенномъ окончаніи труда моего, могу я предпринять этотъ путь... Окончаніе труда моего предъ путешествіемъ моимъ такъ необходимо мнѣ, какъ необходима душевная исповѣдь предъ святымъ причащеніемъ“ *). Но съ половины 1843 все измѣняется: путешествіе въ Іерусалимъ уже становится не признакомъ окончанія романа, а представляется какъ необходимое условіе самаго творчества, какъ поощреніе и возбужденіе его. Вмѣстѣ съ тѣмъ романъ уходитъ въ даль, въ глубь и тѣнь, а на первый планъ выступаетъ нравственное развитіе автора. Въ теченіе недолгаго срока, оно достигаетъ такой степени, по мнѣнію Гоголя, что сочиненіе уже не можетъ равняться съ нимъ и стоитъ неизмѣримо ниже мысли творца своего. Николай Васильевичъ начинаетъ молить Бога дать ему силы поднять произведеніе свое на высоту тѣхъ откровеній, какія уже получила душа его. Въ половинѣ 1843, друзья Гоголя извѣщаются письменно объ измѣнившихся его намѣреніяхъ касательно II-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и объ устраненіи всѣхъ надеждъ на скорое его появленіе. Н. Я. Прокоповичъ тоже получаетъ своего рода предостереженіе. Пользуясь невинной его замѣткой о нетерпѣніи публики видѣть продолженіе романа, Гоголь отправляетъ ему слѣдующее строгое и торжественное письмо, какъ всѣ его письма, заключавшія намеки на видоизмѣненія романа:

„Мюнхенъ. Мая 28 (1843). Твое письмо меня еще болѣе удивило, чѣмъ, вѣроятно, удивитъ мое тебя. Откуда и кто распускаетъ всякіе слухи обо мнѣ? Говорилъ ли я когда-либо тебѣ, что буду нынѣ лѣтомъ въ Петербургѣ? или что буду печатать II томъ въ этомъ году? и что̀ значатъ твои слова: *не хочу тебя обижать подозрѣніемъ въ лѣности до такой степени, что будто ты не приготовилъ 2 тома „М. Д.“ къ печати?* Точно „М. Д.“ блинъ,

*) См. письма Гоголя, Т. V, стр. 508, письмо къ Ш—й.

который можно вдругъ испечь. Загляни въ жизнеописаніе сколько-нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго. Чтó ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ-жъ ты видѣлъ, чтобъ произведшій эпопею, произвелъ, сверхъ того, пять, шесть другихъ. Стыдно тебѣ быть такимъ ребенкомъ и не знать этого. Отъ меня менѣе всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знаетъ. Во-первыхъ, уже потому, что я терпѣливѣе, склоненъ къ строгому обдумыванію и притомъ еще во многомъ терплю всякія помѣшательства отъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ. „Мертвыхъ Душъ“ не только не приготовленъ II томъ къ печати, *но даже и не написанъ*, и раньше двухъ лѣтъ, если только мои силы будутъ постоянно свѣжи въ это время, не можетъ выдти въ свѣтъ. А что публика желаетъ и требуетъ II-го тома—это не резонъ; публика можетъ быть умна и справедлива, когда имѣетъ уже въ рукахъ, чтó надобно разсудить и (надъ чѣмъ) поумничать; а въ желаніяхъ публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенно минутною потребностью. Да и почему знаетъ она, чтó такое будетъ во II томѣ? Можетъ быть, то, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и знать и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для второго тома“.

Такъ, послѣ зимы, въ Ниццѣ все обращается для Гоголя въ вопросъ, начиная съ его авторской дѣятельности. Содержаніе нашего отрывка, несмотря на презрительный и горделивый тонъ его, все еще держится предметовъ общественнаго и литературнаго свойства, но въ письмахъ къ московскимъ друзьямъ Гоголь весь отдается мистическому направленію и въ немъ почерпаетъ доводы для временнаго прекращенія и измѣненія своей дѣятельности, какъ писателя. Съ этой поры также начинаетъ выказываться та наклонность къ упрекамъ и выговорамъ, которая отличала потомъ всѣ его сношенія съ людьми близкими и дальними. Высшее нравственное состояніе, до котораго онъ достигъ, по его мнѣнію, дозволяло и узаконяло голый упрекъ: Николай Васильевичъ потерялъ даже и представленіе о его житейскомъ, оскорбляющемъ свойствѣ. Рядомъ съ этимъ, встрѣчается однакоже весьма трогательная и благородная черта характера въ Гоголѣ. Какъ только раздавался голосъ живого человѣка, отозвавшагося на его удары, какъ только достигалъ до него вопль затронутой имъ души, Гоголь вдругъ падалъ съ высоты всего предполагаемаго своего развитія, предавался глубочайшему раскаянію, старался загладить или измѣнить смыслъ неосторожнаго выраженія, и при этомъ все казалось ему хорошо—нѣжное, ласкающее слово, одобреніе, подымающее силы, мольба и лесть...

Такъ дѣйствуетъ онъ постоянно въ теченіи четырехъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія за границей со всѣми друзьями своими.

Къ той же послѣдней половинѣ 1843, относимъ мы первое уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“ изъ трехъ, какому она подверглась. Если нельзя съ достовѣрностію говорить о совершенномъ истребленіи рукописи II тома въ это время, то, кажется, можно допустить предположеніе о совершенной передѣлкѣ его, равняющейся уничтоженію. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ всѣхъ писемъ Гоголя и особенно изъ письма къ В. А. Жуковскому отъ 2 декабря 1843: романъ, за которымъ уже около трехъ лѣтъ работалъ авторъ, представляетъ въ эту эпоху, по собственному его признанію, одинъ первоначальный хаосъ: это трудъ, только-что зарождающійся. Вотъ слова самого Гоголя:

„Я продолжаю работать, т.-е. *набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе „М. Д.“* Трудъ, терпѣніе, даже приневоливаніе себя, награждаютъ меня много. Такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного въ наукѣ созданія, становишься въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія, и видишь, что, чѣмъ дальше уйдетъ и углубится во что-либо человѣкъ, кончитъ все тѣмъ же: одною полною и благодарною молитвою“.

Въ смыслѣ этихъ словъ ошибиться, кажется, нельзя: набрасываніе хаоса, изъ котораго должно произойти созданіе „М. Д.“ не можетъ относиться ни къ продолженію поэмы, ни къ отдѣлкѣ какой-либо части ея. Не о постепенности въ творчествѣ или обыкновенномъ ходѣ его говоритъ это мѣсто, а о новой творческой матеріи, изъ которой начинаютъ отдѣляться части созданія по органическимъ законамъ, сходнымъ съ законами мірозданія. Старая поэма была уничтожена; является другая, при обсужденіи которой открываются тайны высокаго творчества съ тайнами, глубоко схороненными въ нѣдрахъ русскаго общества. Обновленіе поэмы было полное...

Между тѣмъ наступилъ 1844 годъ, важнѣйшій во второмъ періодѣ Гоголевскаго настроенія. Одну половину его Гоголь пробылъ, какъ извѣстно, въ Ниццѣ, а другую во Франкфуртѣ, съ временными отлучками изъ обоихъ городовъ, незаслуживающими упоминовенія. Онъ начинаетъ этотъ годъ раздачей экземпляровъ: „Подражанія Христу“—друзьямъ, оставшимся въ Россіи, и кончаетъ признаніемъ, что за работой самосовершенствованія, уже никакія земныя утраты не въ силахъ огорчить его (Письма, томъ VI, стр. 136). „Сочиненія“ свои, съ такими хлопотами изданныя два

года тому назадъ, онъ неоднократно объявляетъ произведеніями глупой молодости, да и первая часть „М. Д.“ не избѣгаетъ почти того же отзыва (см. въ письмахъ Гоголя, т. VI, стр. 204). Наставленія, упреки, идеалы для образа жизни и объясненія ихъ посылаются друзьямъ въ разныхъ видахъ, перемѣшанные съ тѣмъ возвращеніемъ на собственныя слова и поправкой собственныхъ словъ, какія идутъ у него почти всегда рядомъ съ самымъ твердымъ, повидимому неизмѣннымъ и рѣшительнымъ приговоромъ. Онъ сосредоточивается весь на перепискѣ съ друзьями и на соображеніяхъ, касающихся романа. Тамъ и здѣсь у него одна задача: помочь ближнему, и въ его освобожденіи отъ пороковъ и несчастій времени найти собственное спасеніе; но онъ ищетъ общаго благодатнаго лекарства, способнаго цѣлить злые недуги за-разъ и награждать больного ничѣмъ не заслуженными радостями... Цѣль, такимъ образомъ поставленную, называетъ онъ своимъ житейскимъ подвигомъ, забываетъ для нея опытъ, науку и мало-по-малу начинаетъ выдѣлять самого себя и мысль свою изъ современнаго развитія, изъ насущныхъ требованій общества, изъ жизни. Онъ усиливается смотрѣть поверхъ головъ, занятыхъ обыденнымъ, безотлагательнымъ дѣломъ времени, открываетъ новые горизонты, перспективы, свѣтлыя сіянія въ тѣхъ сторонахъ, куда покамѣстъ нѣтъ никакихъ путей. Миражъ этотъ кажется ему важнѣе всего, что́ дѣлается около него. Торжественно принимаетъ онъ на себя роль моралиста, но какъ мало было въ немъ призванія къ этой роли, показала потомъ его книга: „Выбранная переписка“. Въ ней онъ оскорбляетъ общее чувство справедливости, проповѣдуя смиреніе тамъ, гдѣ не было ни малѣйшей кичливости, требуя любви, жертвъ и примиренія не у тѣхъ, которые провинились особенно постоянствомъ отпора, сухости и презрѣнія къ другимъ. Мысль общества начинаетъ уже скрываться отъ того человѣка, который первый ее открылъ и почувствовалъ въ себѣ, и это несчастное одиночество Гоголь принимаетъ за высокій успѣхъ, ростъ въ вышину, великое нравственное превосходство. Тогда сама собой является необходимость разрѣшенія вопросовъ и литературныхъ задачъ посредствомъ призраковъ и фантомовъ, что́ такъ поражаетъ въ оставшейся намъ второй части „Мертвыхъ Душъ“. Именно около этой эпохи задуманы лица въ родѣ Констанжогло, который долженъ былъ явиться типомъ совершеннѣйшаго помѣщика-землевладѣльца, типомъ, возникшимъ изъ соединенія греческой находчивости съ русскимъ здравомысліемъ и примиренія двухъ національностей, родныхъ по вѣрѣ и преданіямъ. Участіе призрака въ созданіи еще виднѣе на другомъ лицѣ—откупщикѣ Муразовѣ, который вмѣстѣ съ практическимъ смы-

сломъ, надѣлившимъ его монтекристовскими милліонами, обладаетъ высокимъ нравственнымъ чувствомъ, сообщившимъ ему даръ сверхъестественнаго убѣжденія. Крупная разжива со всѣми ея средствами, не очень стыдливыми по природѣ своей, награждена еще тутъ благодатію понимать таинственныя стремленія душъ, открывать въ нихъ вѣчные зародыши правды и вести ихъ съ помощью совѣтовъ и милліоновъ къ внутреннему міру, къ блаженству самодовольствія и спокойствія. Это примиреніе капитала и аскетизма поставлено, однако же, на твердомъ нравственномъ грунтѣ, и здѣсь-то нельзя удержаться отъ глубокаго чувства скорби и сожалѣнія. Основная мысль второй части „М. Д.", какъ и всѣ нравственныя стремленія автора, направлены къ добру, исполнены благихъ цѣлей, ненависти и отвращенія ко всякой духовной неурядицѣ. Вторая часть „М. Д." чуть ли не превосходитъ первую по откровенности негодованія на житейское зло, по силѣ упрека безобразнымъ явленіямъ нашего быта и въ этомъ смыслѣ, конечно, превосходитъ все написанное Гоголемъ прежде поэмы. Самый замыселъ повѣсти, даже въ нынѣшнемъ несовершенномъ своемъ видѣ, поражаетъ читателя обширностію размѣровъ, а нѣкоторыя событія романа, лучше другихъ отдѣланныя, съ необычайнымъ мастерствомъ захватываютъ наиболѣе чувствительныя стороны современнаго общества: довольно указать, въ подтвержденіе того и другого, на планъ окончанія второй части съ одной стороны, на начинавшуюся исторію Тентетникова съ другой. Да и въ самой „Перепискѣ" съ друзьями, нынѣ изданной, сколько попадается замѣтокъ, показывающихъ глубочайшее познаніе сердца человѣческаго, изощренное постояннымъ наблюденіемъ за собой и за другими, сколько свѣтлаго поясненія едва примѣтныхъ душевныхъ волненій, доступныхъ только чувству и глазу опытнаго, искушеннаго психолога, наконецъ, сколько отдѣльныхъ моральныхъ положеній неотразимой истины и несомнѣннаго достоинства. Въ виду всѣхъ этихъ разбросанныхъ сокровищъ, у которыхъ отъ близости съ фальшивыми цѣнностями отнята или по крайней мѣрѣ значительно ослаблена возможность приносить пользу, грусть и истинное сожалѣніе овладѣваютъ читателемъ и невольно слышится ему, что жизнь великаго и здравомыслящаго писателя, осужденнаго на безплодіе самимъ направленіемъ своимъ, должна неминуемо кончиться грозной и мучительной драмой.

Къ концу этого развитія, я опять встрѣтился съ Гоголемъ. Надо сказать, что со времени выѣзда моего изъ Рима, я уже болѣе не видалъ Гоголя вплоть до 1846 г. Два раза получилъ я отъ него по письму, въ Россіи, изъ которыхъ первое заключало обыкновенныя его коммиссіи, касавшіяся присылки книгъ и сообще-

нія толковъ о его произведеніяхъ, а второе (1843) содержало выговоръ за рѣзкія сужденія о людяхъ, не понимавшихъ или хулившихъ его литературную дѣятельность. Тѣмъ и ограничивались всѣ наши сношенія въ теченіи пяти-лѣтней разлуки. Проѣзжая черезъ Парижъ въ 1846 г., я случайно узналъ о прибытіи туда же Николая Васильевича, остановившагося, вмѣстѣ съ семействомъ гр. Толстого (впослѣдствіи оберъ-прокурора Синода), въ отелѣ улицы *De la Paix*. На другой же день я отправился къ нему на свиданіе, но засталъ его уже одѣтымъ и совсѣмъ готовымъ къ выходу по какому-то дѣлу. Мы успѣли перекинуться только нѣсколькими словами. Гоголь постарѣлъ, но пріобрѣлъ особеннаго рода красоту, которую нельзя иначе опредѣлить, какъ назвавъ красотой мыслящаго человѣка. Лицо его поблѣднѣло, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на немъ ясную печать истощенія и усталости, но общее выраженіе его показалось мнѣ какъ-то свѣтлѣе и спокойнѣе прежняго. Это было лицо философа. Оно оттѣнялось, по старому, длинными, густыми волосами до плечъ, въ рамѣ которыхъ глаза Гоголя не только-что не потеряли своего блеска, но, казалось мнѣ, еще болѣе исполнились огня и выраженія. Николай Васильевичъ быстро перебѣжалъ черезъ всѣ обычныя выраженія радости, неизбѣжныя при свиданіяхъ, и тотчасъ заговорилъ о своихъ петербургскихъ дѣлахъ. Извѣстно, что послѣ изданія своихъ „Сочиненій“ Гоголь жаловался на путаницу въ денежныхъ разсчетахъ, которой, однако же, совсѣмъ не было: Николай Васильевичъ забылъ только самъ нѣкоторыя изъ своихъ распоряженій. Тогда уже все было объяснено, но Николай Васильевичъ не желалъ казаться виноватымъ и говорилъ еще съ притворнымъ неудовольствіемъ о хлопотахъ, доставленныхъ ему всѣми этими разсчетами. Затѣмъ онъ объявилъ, что черезъ два-три дня ѣдетъ въ Остенде купаться, а покамѣстъ пригласилъ меня въ Тюльерійскій садъ, куда ему лежала дорога. Мы отправились. На пути онъ подробно разспрашивалъ, нѣтъ ли новыхъ сценическихъ талантовъ, новыхъ литературныхъ дарованій, какого рода и свойства они, и прибавлялъ, что новые таланты теперь одни и привлекаютъ его любопытство: „старые все уже выболтали, а все еще болтаютъ“. Онъ былъ очень серьёзенъ, говорилъ тихо, мѣрно, какъ будто весьма мало занятый своимъ разговоромъ. При разставаніи, онъ назначилъ мнѣ вечеръ, когда будетъ дома, исполняя мое желаніе видѣть его еще разъ до отъѣзда въ Остенде.

Вечеръ этотъ былъ, однако же, не совсѣмъ удаченъ. Я нашелъ Гоголя въ большомъ обществѣ, въ гостиной семейства, которому онъ сопутствовалъ. Николай Васильевичъ сидѣлъ на диванѣ и не

принималъ никакого участія въ разговорѣ, который вскорѣ завязался около него. Уже къ концу бесѣды, когда зашла рѣчь о разницѣ поученій, какія даются наблюденіемъ двухъ разныхъ народовъ, англійскаго и французскаго, и когда голоса раздѣлились въ пользу того или другого изъ этихъ народовъ, Гоголь прекратилъ споръ, вставъ съ дивана и проговоривъ длиннымъ, протяжнымъ тономъ: „я вамъ сообщу пріятную новость, полученную мною съ почты". Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ въ другую комнату и возвратился черезъ минуту назадъ съ писанной тетрадкой въ рукахъ. Усѣвшись снова на диванъ и придвинувъ къ себѣ лампу, онъ прочелъ торжественно, съ сильнымъ удареніемъ на слова и заставляя чувствовать вездѣ, гдѣ можно, букву *О*, новую „Рѣчь" одного изъ извѣстныхъ духовныхъ витій нашихъ. „Рѣчь" была дѣйствительно не дурна, хотя нисколько не отвѣчала на возникшее преніе и не разрѣшала его ни мало. По окончаніи чтенія, молчаніе сдѣлалось всеобщимъ; никто не могъ ни связать, ни даже отыскать нить прерваннаго разговора. Самъ Гоголь погрузился въ прежнее безстрастное наблюденіе; я вскорѣ всталъ и простился съ нимъ. На другой день онъ ѣхалъ въ Остенде.

Все это было весной, когда для туриста открываются дороги во всѣ концы Европы. Слѣдуя общему движенію, я направился въ Тироль, черезъ Франконію и южную Германію. По обыкновенію я останавливался во всѣхъ городахъ на моемъ пути и прибылъ такимъ образомъ въ Бамбергъ, гдѣ и расположился осмотрѣть подробнѣйшимъ образомъ окрестности и знаменитый соборъ его. Послѣдній, какъ извѣстно, принадлежитъ XII столѣтію, времени полнаго развитія, такъ называемаго, романскаго стиля, и стоитъ на горѣ, у подножія которой раскинулся городъ, связанный такъ неразлучно съ воспоминаніями молодости, по милости Гёца фонъ-Берлихингена. Романскіе соборы, признаюсь, дѣйствовали на меня еще болѣе готическихъ въ Европѣ: они разнообразнѣе послѣднихъ, символика ихъ гораздо затѣйливѣе и въ мистическихъ ихъ барельефахъ, перемѣшанныхъ съ забавными фигурами вседневной жизни, болѣе порыва, свѣжести и молодости. Пищи для любопытства и изученія въ каждомъ романскомъ соборѣ чрезвычайно много, и вотъ почему, на другой день моего пріѣзда въ Бамбергъ, я часа два или три пробылъ между массивными столбами его главной церкви. Усталый и измученный болѣе наблюденіемъ и соображеніями, чѣмъ самою ходьбою, я покинулъ соборъ и началъ уже спускаться внизъ съ горы, когда на другомъ концѣ спуска увидѣлъ человѣка, подымающагося въ гору и похожаго на Гоголя, какъ двѣ капли воды. Предполагая, что Николай Васильевичъ теперь уже въ Остенде и

стало быть позади меня, я съ изумленіемъ подумалъ объ этой игрѣ природы, которая изъ какого-нибудь почтеннаго бюргера города Бамберга дѣлаетъ совершенное подобіе автора „Вечеровъ на хуторѣ“, но не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ настоящій, дѣйствительный Гоголь стоялъ передо мною. Послѣ перваго моего восклицанія: „Да здѣсь слѣдовало бы жертвенникъ поставить, Николай Васильевичъ, въ воспоминаніе нашей встрѣчи“, онъ объяснилъ мнѣ, что все еще ѣдетъ въ Остенде, но только взялъ дорогу черезъ Австрію и Дунай *). Теперь дилижансъ его остановился въ Бамбергѣ, предоставивъ нѣмцамъ часъ времени для насыщенія ихъ желудковъ, а онъ отправился поглядѣть на соборъ. Я тотчасъ поторопился съ нимъ назадъ и когда, полный еще испытанныхъ впечатлѣній, сталъ ему показывать частности этой громадной и великолѣпной постройки, онъ сказалъ мнѣ: „Вы, можетъ быть, еще не знаете, что я самъ знатокъ въ архитектурѣ“. Обозрѣвъ внутренность, мы принялись за внѣшнія подробности, довольно долго глядѣли на колокольни и на огромнаго каменнаго человѣка (чуть ли не изображеніе строителя), который выглядывалъ съ балкона одной изъ нихъ; затѣмъ мы возвратились опять къ спуску. Гоголь принялъ серьёзный, торжественный видъ: онъ собирался послать изъ Швальбаха, куда ѣхалъ, первую тетрадку: „Выбранной переписки“ въ Петербургъ и, по обыкновенію, весь былъ проникнутъ важностью, значеніемъ, будущими громадными слѣдствіями новой публикаціи. Я тогда еще и не понималъ настоящаго смысла таинственныхъ, пророческихъ его намековъ, которые уяснились мнѣ только впослѣдствіи. „Намъ остается не много времени“, сказалъ онъ мнѣ, когда мы стали медленно спускаться съ горы, „и я вамъ скажу нужную для васъ вещь... Что́ вы дѣлаете теперь?“ Я отвѣчалъ, что нахожусь въ Европѣ подъ обаяніемъ простого чувства любопытства. Гоголь помолчалъ и потомъ началъ говорить отрывисто; фразы его звучатъ у меня въ ушахъ и въ памяти до-сихъ-поръ: „Эта черта хорошая... но все же это безпокойство... надо же и остановиться когда-нибудь... Если все вѣшать на одномъ гвоздѣ, такъ уже слѣдуетъ запастись, по-крайней-мѣрѣ, хорошимъ гвоздемъ... Знаете-ли что?... Пріѣзжайте на зиму въ Неаполь... Я тоже тамъ буду“. Не помню, что́ я отвѣчалъ ему, только Гоголь продолжалъ: „Вы услышите въ Неаполѣ вещи, которыхъ и не ожидаете... Я вамъ скажу то, что до васъ касается... да, лично до васъ... Че-

*) Поѣздка эта принадлежала къ числу тѣхъ прогулокъ, какія Гоголь предпринималъ иногда безъ всякой опредѣленной цѣли, а единственно по благотворному дѣйствію, которое производили на здоровье его дорога и путешествіе вообще, какъ ему казалось.

ловѣкъ не можетъ предвидѣть, гдѣ найдетъ его нужная помощь... Я вамъ говорю—пріѣзжайте въ Неаполь... я открою тогда секретъ, за который вы будете меня благодарить". Полагая, что настоящій смыслъ загадочныхъ словъ Гоголя можетъ быть объясненъ приближающимся срокомъ его вояжа въ Іерусалимъ, для котораго онъ ищетъ теперь товарища, я высказалъ ему свою догадку. „Нѣтъ,— отвѣчалъ Гоголь...—Конечно, это дѣло хорошее... мы могли бы вмѣстѣ сдѣлать путешествіе, но прежде можетъ случиться еще нѣчто такое, что́ васъ самихъ перевернетъ... тогда вы уже и рѣшите сами все... только пріѣзжайте въ Неаполь... Кто знаетъ, гдѣ застигнетъ человѣка новая жизнь..." Въ голосѣ его было такъ много глубокаго чувства, такъ много сильнаго внутренняго убѣжденія, что, не давая рѣшительнаго слова, я обѣщалъ однако же серьёзно подумать о его предложеніи. Гоголь пересталъ говорить объ этомъ предметѣ и остальную дорогу съ какой-то задумчивостью, исполненной еще страсти и сосредоточенной энергіи, если смѣю такъ выразиться, мѣрнымъ, отрывистымъ, но пламеннымъ словомъ сталъ дѣлать замѣчанія объ отношеніяхъ европейскаго современнаго быта къ быту Россіи. Не привожу всего, что́ онъ говорилъ тогда о лицахъ и вещахъ, да и не все сохранилось въ памяти моей. „Вотъ—сказалъ онъ разъ,—начали бояться у насъ европейской неурядицы—пролетаріата... думаютъ какъ изъ мужиковъ сдѣлать нѣмецкихъ фермеровъ... А къ чему это?... Можно ли раздѣлить мужика съ землею?... Какое же тутъ пролетаріатство? Вы вѣдь подумайте, что мужикъ нашъ плачетъ отъ радости, увидавъ землю свою; нѣкоторые ложатся на землю и цѣлуютъ ее какъ любовницу. Это что-нибудь да значитъ?... Объ этомъ-то и надо поразмыслить". Вообще онъ былъ убѣжденъ тогда, что русскій міръ составляетъ отдѣльную сферу, имѣющую свои законы, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ понятія. Какъ теперь смотрю на него, когда онъ высказывалъ эти мысли своимъ протяжнымъ медленно-текущимъ голосомъ, исполненнымъ силы и выраженія. Это былъ совсѣмъ другой Гоголь, чѣмъ тотъ, котораго я оставилъ недавно въ Парижѣ, и разнился онъ значительно съ Гоголемъ римской эпохи. Все въ немъ установилось, опредѣлилось и выработалось. Задумчиво шагалъ онъ по мостовой въ коротенькомъ пальто своемъ, съ глазами, устремленными постоянно въ землю и поглощенный такъ сильно мыслями, что, вѣроятно, не могъ дать отчета себѣ о физіономіи Бамберга черезъ пять минутъ послѣ выѣзда изъ него. Между тѣмъ мы подошли къ дилижансу: тамъ уже впрягали лошадей, и пассажиры начинали суетиться около мѣстъ своихъ. „А что, развѣ вы и въ самомъ дѣлѣ останетесь безъ обѣда?" спросилъ я. — „Да, кстати, хорошо, что

напомнили: нѣтъ ли здѣсь гдѣ кондитерской или пирожной?“ Пирожная была подъ рукою. Гоголь выбралъ аккуратно десятокъ сладкихъ пирожковъ, съ яблоками, черносливомъ и вареньемъ, велѣлъ ихъ завернуть въ бумагу и потащилъ съ собой этотъ обѣдъ, который, конечно, не былъ способенъ укрѣпить его силы. Мы еще немного постояли у дилижанса, когда раздалась труба кондуктора. Гоголь сѣлъ въ купе, помѣстившись какъ-то бокомъ къ своему сосѣду—нѣмцу пожилыхъ лѣтъ, сунулъ передъ собой куда-то пакетъ съ пирожками и сказалъ мнѣ: „Прощайте еще разъ... Помните мои слова... Подумайте о Неаполѣ“. Затѣмъ онъ поднялъ воротникъ шинели, которую накинулъ на себя при входѣ въ купе, принялъ выраженіе мертваго, каменнаго безстрастія и равнодушія, которыя должны были отбить всякую охоту къ разговору у сотоварища его путешествія, и въ этомъ положеніи статуи съ полузакрытымъ лицомъ, тупыми, ничего невыражающими глазами, еще кивнулъ мнѣ головой... Карета тронулась.

Такимъ образомъ расквитался я съ нимъ съ моей стороны за проводы изъ Альбано. Мы также разстались у дилижанса въ то время, но какая разница между тогдашнимъ, живымъ, бодрымъ Гоголемъ и нынѣшнимъ восторженнымъ и отчасти измученнымъ болѣзнію мысли, отразившейся и на красивомъ, впаломъ лицѣ его.

Въ 1847 году вышли наконецъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Въ томъ самомъ Неаполѣ, куда звалъ меня Николай Васильевичъ, застала его буря осужденій и упрековъ, которая понеслась на встрѣчу книги, сразила и опрокинула ея автора. Путешествіе въ Іерусалимъ было отложено. Съ высоты безграничныхъ надеждъ, Гоголь падалъ вдругъ въ темную, безотрадную пучину сомнѣній и новыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Извѣстно, что́ тогда произошло. Вторая часть „М. Д.“, созданная подъ вліяніемъ идей „Выбранной переписки“, подверглась новой передѣлкѣ. Гоголь противоставляетъ впервые истинно-христіанское смиреніе ударамъ, которые сыплются на него со всѣхъ сторонъ. Глубоко трогательная и поучительная драма, еще никѣмъ и не подозрѣваемая, получаетъ мѣсто и укореняется въ его душѣ. Разсказать все, что́ знаешь объ этомъ страшномъ періодѣ его жизни, и разсказать добросовѣстно, съ глубокимъ уваженіемъ къ великой драмѣ, которая завершила его, есть, по нашему мнѣнію, обязанность каждаго, кто зналъ Н. В. Гоголя и кому дороги самая неприкосновенность, значеніе и достоинство его памяти.

Библіотека для Чтенія
1857, № 2 и 11.

ФЕВРАЛЬ И МАРТЪ

ВЪ

ПАРИЖѢ

1848 г.

I.

Въ жизни цѣлыхъ обществъ, какъ и въ жизни частныхъ лицъ, воспоминаніе о тѣхъ событіяхъ, которыя измѣнили коренныя основы ихъ существованія, играетъ, разумѣется, весьма значительную роль. Съ воспоминаніемъ о такихъ событіяхъ рука объ руку идетъ, для лицъ и обществъ, цѣлый рядъ моральныхъ соображеній, нравственныхъ и политическихъ выводовъ, которые клонятся къ тому, чтобъ ограничить или ослабить печальное дѣйствіе историческаго факта, если онъ былъ неблагопріятенъ; распространить или усилить его вліяніе, если онъ былъ полезенъ и благотворенъ. Этой работѣ современной мысли, рождаемой воспоминаніемъ, не могутъ быть чужды и тѣ общества, которыя не подпали прямому дѣйствію какого-либо повсемѣстнаго, европейскаго событія. Собирая извѣстія о немъ изъ чужихъ рукъ, сличая ихъ съ указаніями очевидцевъ и занимаясь ими, общества, находящіяся въ положеніи зрителя, учатся законамъ и причинамъ, рождающимъ историческія явленія, опредѣленному, неизбѣжному ходу ихъ при извѣстныхъ условіяхъ и моральному смыслу, который непремѣнно отъ нихъ отдѣляется, каковы бы ни были ихъ свойства, сущность и содержаніе. Все это не можетъ быть вынущено изъ вида, если только общество чувствуетъ уже потребность мыслящей, разумной и предусмотрительной жизни.

Вѣроятно, многіе съ нами согласятся, что корень большей части явленій, замѣчаемыхъ въ современной Франціи, кроется въ февральскихъ дняхъ ея послѣдней революціи. Цѣпь, связующая нынѣшній строгій порядокъ дѣлъ, заведенный тамъ, съ неожиданностію и случайностью февральскаго переворота, не нуждается въ поясненіи и указаніи. Какъ ни кажутся различны и противуположны эти два факта, поставленные вмѣстѣ, но они образуютъ только крайнія точки одной и той же линіи, одного и того же историческаго промежутка. Совершенно случайное появленіе французской республики и совершенно неожиданное утвержденіе имперіи; полная анархія въ умахъ, ни къ чему не приготовленныхъ заранѣе, и полное подчиненіе умовъ одной идеѣ, обсужденной 50 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ столѣтія; какой-то дилеттантизмъ, баловство съ междуусобной войной, съ шумомъ улицы и площади — и нынѣшняя тишина по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ, отданнымъ, сверхъ частныхъ дѣлъ, преимущественно оффиціальнымъ торжествамъ—все это такъ тѣсно связано между собой, какъ бываютъ только связаны въ мірѣ причина со слѣдствіемъ. Но покуда слѣдствіе у насъ, что́ называется, передъ глазами, причина уже довольно далеко отошла назадъ въ прошедшее, нуждается уже въ перѣ публициста и откровенномъ сказаніи свидѣтеля, чтобъ не пропасть окончательно изъ вида и удержать свое мѣсто въ памяти новаго поколѣнія.

Соображенія эти навели меня на мысль привести въ порядокъ воспоминанія мои о февральскихъ дняхъ 1848 года, который засталъ меня въ Парижѣ неожиданно, и которыхъ я былъ случайнымъ и почти невольнымъ очевидцемъ. Трудъ этотъ значительно облегчается самымъ характеромъ парижскаго переворота 1848 года. Онъ родился преимущественно на улицѣ, тамъ выросъ, тамъ и кончился. Кого онъ засталъ или повстрѣчалъ на мостовой, тотъ и могъ видѣть его вполнѣ и ознакомиться съ нимъ со всѣхъ сторонъ. Другіе историческіе перевороты обыкновенно имѣютъ длинную генеалогію. Нить, которая приводитъ ихъ въ движеніе и управляетъ ими, скрывается отъ глазъ въ кабинетахъ главныхъ и, по большей части, невидимыхъ дѣятелей. Нельзя говорить о такихъ переворотахъ, не изслѣдовавъ предварительно идей и ученій, подъ вліяніемъ которыхъ они созрѣли. Переворотъ 1848 года былъ весь на лицо, весь на площади, безъ остатка. Онъ произведенъ единственно улицей: люди, партіи, идеи, словомъ, всѣ попытки дать ему опредѣленный политическій оттѣнокъ, навязаться ему въ отцы и руководители, пришли къ нему гораздо позднѣе. Настоящая исторія его должна начинаться очень скромно, почти какъ „дневникъ замѣчательныхъ происшествій“, какъ „перечень событій“, или какъ „вѣдомость о

необыкновенныхъ случаяхъ“ въ городѣ. Если разсказъ о трехъ февральскихъ дняхъ 1848 (22, 23 и 24) года, пережитыхъ Парижемъ, захочетъ быть вѣрнымъ, неподрумяненымъ отраженіемъ дѣйствительности, онъ долженъ держаться, преимущественно, такъ сказать, мостовой. Правда, и всякое происшествіе на улицѣ должно имѣть свой поводъ: февральскіе дни, само собой разумѣется, не лишены поэтому ближайшей, основной и очевидной причины. Вопросъ о народныхъ обѣдахъ, „банкетахъ“, устроенныхъ оппозиціей съ цѣлью добиться ничтожной реформы въ избирательной системѣ и свергнуть упорнаго министра иностранныхъ дѣлъ (Гизо), разросся, благодаря усиліямъ радикальной партіи такъ, что 12-му парижскому кварталу, затѣявшему послѣдній банкетъ этого рода, нельзя было отобѣдать публично, не возстановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и права ассоціаціи (права на политическія собранія). Очень понятно и очень извинительно, что король и его министры испугались возможности такого возстановленія, которое уничтожило бы за-разъ всѣ 18-ти лѣтніе труды правительства, подъятые на стѣсненіе права политическихъ совѣщаній, какъ начала враждебнаго и опаснаго для конституціонной монархіи во Франціи!.. Очень понятно также, но менѣе извинительно то, что конституціонная оппозиція, съ гг. Барро, Дювержье и др. во главѣ, подъ покровительствомъ которой расцвѣтали банкеты въ продолженіи всего лѣта 1848 года и на всѣхъ пунктахъ Франціи, которая даже сама и вызвала ихъ — отступила зимой передъ собственной своей мыслію. Она вошла въ сдѣлку съ министерствомъ и согласилась вопросъ о законности публичнаго „банкета“ въ 12-мъ кварталѣ подвергнуть приговору кассаціоннаго суда. Сговорились непремѣнно явиться на обѣдъ съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно встрѣтить тамъ полицейскаго коммиссара, воспрещающаго сборище, а затѣмъ непремѣнно разойтись, но предварительно составить протестъ противъ злоупотребленія полицейской власти, а потомъ передать его на судъ высшаго юридическаго мѣста. Нѣтъ никакой причины полагать, что дѣло не обошлось бы именно такъ, какъ указывала программа его, если бы исполненію ея не помѣшалъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дюшатель, или лучше Гизо, составлявшій душу министерства. Имъ стоило только промолчать, когда пышный во всѣхъ рѣчахъ и поступкахъ г. Одилонъ-Барро пригласилъ національную гвардію, отъ имени оппозиціи, на обѣдъ, для котораго ничего не готовилось заранѣе. Оба министра усмотрѣли въ этомъ посягновеніе на право верховной власти, которая одна могла созывать національную гвардію въ полномъ ея составѣ. Подъ этимъ предлогомъ они, собственной властію, прямо и начисто запретили обѣдъ 12-го квартала. Кто знаетъ? Можетъ быть

Гизо, ожесточенный борьбой, уже раскаявался тогда въ уступкѣ, прежде сдѣланной имъ своимъ парламентскимъ противникамъ. Какъ бы то ни было, но становилось ясно, какъ день, что народъ, возбуждаемый все лѣто къ требованію избирательной реформы, выйдетъ непремѣнно на площадь, такъ какъ другого истока для политической его мысли уже не представлялось болѣе. Онъ дѣйствительно и вышелъ съ крикомъ: *la réforme*; съ тѣмъ же единственнымъ крикомъ всей революціи, онъ и сошелъ съ площади, но уже унося съ собой королевство, конституцію, всѣ общественныя основы и всѣхъ людей 1830 года.

Начиная съ понедѣльника, 21 февраля н. ст., уже стали показываться въ городѣ симптомы приближающейся бури. По бульварамъ и смежнымъ улицамъ только было и толковъ, что о завтрашнемъ днѣ. Между разнородными толпами всякаго народа легко можно было отличить нѣсколько лицъ, которыя обыкновенно являются въ богатыя части города наканунѣ общественныхъ потрясеній. Какъ оторванныя, ходячія фразы 93 года, они, по свидѣтельству старожиловъ, пускаются впередъ революціонными партіями, съ цѣлью напомнить достаточнымъ людямъ изысканной странностью, придуманнымъ цинизмомъ своего костюма о другомъ, бѣднѣйшемъ населенія города, возвѣстить приближеніе революціи и подѣйствовать спасительнымъ страхомъ на воображеніе противниковъ. Одинъ изъ такихъ герольдовъ возстанія обратилъ общее вниманіе. Это былъ высокій, сухощавый работникъ въ истертыхъ плисовыхъ панталонахъ, въ полинялой курткѣ, съ головой, обвязанной *краснымъ* платкомъ à la Marrat, и съ прутомъ въ рукѣ, которымъ онъ флегматически махалъ въ обѣ стороны. Въ походкѣ и въ выраженіи его лица было весьма много наглости и вызова. Онъ казался переодѣтымъ работникомъ и шелъ прямо, не сворачивая съ дороги. Люди передъ нимъ сторонились и оглядывались на него. Когда вечеромъ узнали о совершенномъ запрещеніи „банкета“, произнесенномъ въ палатѣ депутатовъ гр. Дюшателемъ, толпы стали еще увеличиваться, и полицейскіе сержанты, уничтоженные два дня спустя торжествующимъ переворотомъ, напрасно переходили отъ группы къ группѣ, упрашивая публику не загромождать троттуаровъ: толпы сами собой возникали по всей длинной линіи бульваровъ. Особенно волновались *пассажи*. Вообще очень многолюдные зимой и осенью, они теперь буквально затоплены были народомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже образовались политическія *каѳедры*, но еще весьма робко: обыкновенно послѣ нѣсколькихъ громкихъ фразъ, публичный ораторъ поспѣшно скрывался, какъ будто испуганный собственными словами. Какъ-то болѣзненно шумѣлъ оперный пассажъ (passage de l'Opéra),

тогдашнее мѣсто сборища биржевыхъ спекулянтовъ, театральныхъ волокитъ, тайныхъ игроковъ—словомъ, всѣхъ тѣхъ, которымъ очистительная реформа была совсѣмъ не понутру. Рядомъ съ выраженіемъ страха и угрозъ безпокойнымъ головамъ, тамъ уже слышались слова дерзкой рѣшимости, занесенныя съ улицы. Въ кофейной Тортони, куда стекались *львы* Парижа послѣ обѣда, стоялъ необычайный гулъ отъ шумныхъ разговоровъ: она также волновалась, какъ и уличныя толпы, вращавшіяся около нея густыми массами. Предчувствіе чего-то необыкновеннаго зарождалось въ умѣ само собой; можно сказать безъ преувеличенія, что приближеніе возстанія носилось и слышалось въ воздухѣ. Какой-то молодой человѣкъ, проходя мимо меня по бульвару, сказалъ очень равнодушно и весело вслухъ своему товарищу: „Paris va tenter demain une journée“ (Парижъ завтра попробуетъ счастья). Этотъ техническій терминъ, изобрѣтенный для парижскихъ уличныхъ продѣлокъ, точно объяснилъ мнѣ вдругъ все настоящее значеніе минуты, точно подвелъ неожиданно итогъ всѣмъ мыслямъ и наблюденіямъ, сдѣланнымъ мною, да вѣроятно и многими другими, въ теченіи цѣлаго вечера. На другой день, во вторникъ, 22 февраля въ 10 часовъ утра, я прямо направился къ площади „Madeleine“, которая по всѣмъ разсчетамъ должна была служить сборнымъ пунктомъ народа, такъ какъ банкетъ 12-го округа, вліяніемъ конституціонной оппозиціи, перенесенъ былъ по близости ея въ Champs-Elysèes, въ кварталъ менѣе опасный и безпокойный, чѣмъ тотъ, гдѣ обѣду слѣдовало бы явиться. Оппозиція берегла правительство столько же, сколько и министерство. На площади уже было много народа, но совершенно безоружнаго и незнавшаго рѣшительно что́ ему дѣлать. Кругомъ не было видно ни одного солдата и ни одного полицейскаго. Вся толпа шумѣла, кричала и волновалась на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ магазинщики запирали лавки, а жильцы великолѣпныхъ домовъ, окружавшихъ площадь, отворяли окна любоваться на возстающую инсуррекцію, которая видимо колебалась, еще не имѣя основанія. Одно только привлекло мое вниманіе; впервые раздался тутъ крикъ: „vive la réforme“, „à bas Guizot“!—который сдѣлался потомъ лозунгомъ всей революціи, народомъ, отворившимъ ей, одну за другой, двери Палерояля, Тюльери и палаты депутатовъ. Между тѣмъ народъ безпрестанно притекалъ по бульварамъ къ площади, и когда я черезъ часъ снова возвратился на нее, масса головъ волновалась уже не на одной площади, а по всему протяженію „Королевской улицы“ и примыкающей къ ней площади „de la Concorde“. По прежнему народъ стоялъ одинъ: ни солдата, ни сержанта, ни какого-либо мундира на всемъ этомъ пространствѣ!

Боялся-ли Гизо неожиданной выставкой войска окрѣпить возстаніе преждевременно, или хотѣлъ видѣть сперва развитіе его, чтобъ потомъ съ разсчетомъ направлять удары, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи генералъ Каваньякъ,—не знаю, но это отсутствіе публичной силы, казалось, приводило въ замѣшательство самый народъ. Онъ истощался въ праздныхъ крикахъ и пѣсняхъ, и очень обрадовался, когда изъ за-угла церкви „Madeleine“ показался строй студентовъ и работниковъ попарно. Вся толпа испустила пронзительный вопль: она находила видимый центръ, около котораго могла теперь собраться. Немедленно всѣ пристали къ шествію и потянулись черезъ площадь „de la Concorde“ къ палатѣ депутатовъ, разнося по всему этому пространству пѣсню *la Marseillaise*, которую, между прочимъ, я тутъ впервые услыхалъ на площади. Это было какъ будто повѣщеніе Парижу о начинающемся бунтѣ. Вмѣстѣ со всѣми тронулись мы за шествіемъ. День стоялъ грустный; небо было туманно, въ воздухѣ носилась проѣдающая сырость, и отъ времени до времени перепадалъ мелкій холодный дождь, которымъ обыкновенно разрѣшаются здѣшнія зимы.

Что-то похожее на шутку или дѣтскую рѣзвость произошло около палаты депутатовъ. Небольшой отрядъ муниципальной и національной гвардіи, стоявшій за рѣшеткой ея, скрылся, увидавъ многочисленную толпу, приближавшуюся къ нему. По требованію передовыхъ, привратникъ тотчасъ отперъ дверь рѣшетки, и народъ побѣжалъ вверхъ по великолѣпной палатской лѣстницѣ, обыкновенно возбраненной для него и всегда строго охраняемой. Ему, повидимому, весело было нарушить правило и приказаніе—онъ бѣжалъ по лѣстницѣ, съ удовольствіемъ, какое можетъ испытывать ученикъ, захватившій каѳедру и ферулу своего учителя. Но въ палатѣ засѣданія еще не было; захватить пустую комнату было бы нелѣпостію. Оставшіеся внизу кричали собратамъ, чтобъ они остановились и сошли. На минуту удивленные этой неожиданной помѣхой, ряды, покрывшіе лѣстницу, остановились подумали немного и спустились назадъ. Въ это время три человѣка, принадлежавшіе видимо къ разряду того, что называется менёрами, предводителями — мужчина русоволосый, высокаго роста, пожилой человѣкъ, весьма почтеннаго вида, и третій—красавецъ съ черными усиками, кричали что́ есть мочи толпѣ: „aux affaires étrangères, aux Tuilleries“! Назначать пункты возстанія и притомъ самые опасные народу, ничѣмъ еще не вооруженному, было очень легко или, лучше, очень дерзко, но роль предводителей въ то время тѣмъ только и ограничивалась.

Надо сказать впрочемъ, что исключительное участіе одного уличнаго народа въ февральскихъ дняхъ 1848, можетъ быть, и

упрочило ихъ неожиданный успѣхъ. Народъ ничего не предлагалъ отъ себя. За него дѣйствовало и работало одно только слово: „la réforme“! Это слово вырвало, по выраженію генерала Бедо, оружіе изъ рукъ войска, и оно же вызвало ласковое вмѣшательство умѣренно-либеральныхъ гражданъ національной гвардіи, что окончательно упрочило побѣду и торжество возстанія. Дѣло одной какой-либо партіи, одного какого-либо оттѣнка никогда не могло бы произвести подобныхъ слѣдствій. Менёры, или предводители, явились гораздо позднѣе; они явились уже тогда, когда народъ, добиваясь реформы и одной только реформы, пробилъ въ государственномъ тѣлѣ такую брешь, что въ нее могла пройти такъ-называемая республиканская партія. Да и тутъ еще многіе изъ ея членовъ, при самомъ концѣ, еще сомнѣвались въ торжествѣ своемъ. Извѣстно, что Кремьё не вѣрилъ въ республику, даже тогда, какъ народъ пригналъ его въ ратушу управлять республикой; извѣстно, что въ спискахъ новаго правительства, выданныхъ радикальными журналами въ ночь съ 23 на 24, у журнала *National* стоялъ во главѣ еще Одиллонъ Барро: такъ невозможно казалось ему показать Франціи собственное свое имя. Когда дѣло достигло поразительной очевидности, всѣ радикальныя партіи сошлись, чтобъ назначить новыхъ правителей государства изъ собственной среды, и произвели ту амальгаму всѣхъ возможныхъ направленій, которая извѣстна подъ именемъ временнаго правленія, gouvernement provisoire. Послѣ этого тяжкаго труда каждая изъ партій возвратилась опять къ самой себѣ, и издатель демократическаго *National*, Арманъ Марастъ, сдѣлавшійся уже секретаремъ правительства, писалъ въ пятницу, 25-го февраля: „О! какъ великъ парижскій народъ, какъ великъ онъ, когда вздумаетъ *дѣлать исторію!*“ Это, однакожъ, не помѣшало ни ему, ни его товарищамъ передѣлывать эту исторію впослѣдствіи, и каждому по своему вкусу: такъ неясно изложена она была сначала.

Отъ палаты депутатовъ толпа повернула назадъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ это время пронесся на полныхъ рысяхъ, вдоль всей площади „de la Concorde“, отрядъ верховой муниципальной гвардіи. Народъ хотѣлъ еще задобрить этихъ непреклонныхъ блюстителей порядка, заведеннаго Л.-Филиппомъ, которые стойкостію своею возбудили всеобщую ненависть, и въ февральскіе дни одни только дѣйствительно и выдерживали нѣкоторое время борьбу съ народомъ. Извѣстно, что муниципальная гвардія, пѣшая и верховая (послѣднимъ былъ сохраненъ щегольской костюмъ наполеоновскихъ кирасиръ), пополнялась лучшими людьми изъ линейныхъ полковъ, состояла безъ исключенія изъ красавцевъ и содержалась

въ вѣдѣніи префекта полиціи весьма роскошно. Начальство употребляло ее на полицейскій вооруженный надзоръ, а по надобности и на подавленіе народныхъ сопротивленій. Въ обоихъ случаяхъ войско это сдѣлало для себя нѣчто въ родѣ *point d'honneur* изъ быстраго, неослабнаго исполненія полученныхъ приказаній. Итакъ, народъ кричалъ: „vive la garde municipale"! Офицеръ и солдаты отвѣчали салютомъ саблями на всемъ скаку, но, встрѣтивъ еще толпы на площади Madeleine, раскидали ихъ по сторонамъ и явились къ министерству иностранныхъ дѣлъ на помощь. Мы прибыли почти въ одно время съ ними и нашли точку около противоположнаго министерскому дому Café Caumartin, съ которой могли видѣть всю сцену, происходившую передъ дворцомъ Гизо. Къ этому пункту стекалось все болѣе и болѣе народа. Полицейскій коммиссаръ, явившійся для увѣщанія, былъ встрѣченъ каменьями. Въ ту же минуту изъ воротъ дома показался отрядъ пѣхотной муниципальной гвардіи съ ружьями и выстроился передъ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ верховая муниципальная гвардія устремилась въ разсыпную на группы, собравшіяся по троттуарамъ и по улицѣ, и погнала ихъ передъ собой, какъ пыль вдоль бульваровъ. Черезъ нѣсколько минутъ тѣ же самыя группы однакожъ снова формировались сзади ея, съ боковъ, разсыпались при ея приближеніи и возникали снова на другомъ мѣстѣ. Видно было, что народъ этотъ уже не въ первый разъ имѣлъ дѣло съ вооруженной силой и знаетъ какъ обходиться съ нею. Во всѣхъ движеніяхъ его замѣтна была необычайная изворотливость, полная опытности и сноровки; кавалерійскія атаки со стороны муниципаловъ также производились съ нѣкоторою осторожностію и разборомъ, какъ будто нападающіе еще берегли свои силы для послѣднихъ ударовъ. Между тѣмъ передъ стѣной министерскаго дома, обращенной къ бульварамъ, выстроилось *линейное* войско, армія, въ предупрежденіе уже начинавшихся попытокъ перебраться за нее. По ту сторону стѣны, изъ саду, торчали шишаки и ружья пѣхотныхъ муниципаловъ, готовыхъ на отпоръ: министерство крѣпко оберегалось и снаружи и внутри. Народъ, поминутно гонимый въ разныя стороны атаками верховой муниципальной гвардіи, кричалъ не умолкая: „vive la ligne, vive la ligne" (виватъ армія!), стараясь заинтересовать ее въ своемъ дѣлѣ и отстранить отъ всеобщей ненависти, на которую, казалось, вызывались войска полицейскія. Дѣйствительно, линейное войско, въ противоположность послѣднимъ, стояло подъ ружьемъ грустно и молчаливо, показывая уже однимъ видомъ малое расположеніе сдѣлать изъ министерскаго дѣла собственное свое дѣло. Вскорѣ кругъ дѣйствія для публичной силы сдѣлался уже слишкомъ узокъ отъ прибывающаго народа и былъ раз-

двинутъ вдоль по бульварамъ до самой улицы Монмартръ. Отъ министерства иностранныхъ дѣлъ до этого крайняго пункта потянулись разъѣзды кирасиръ, атаки муниципальной гвардіи по скопищамъ, арестаціи наиболѣе выставившихся инсургентовъ, и городъ началъ сильно пріобрѣтать военную физіономію, хотя до сихъ поръ въ Парижѣ не было сдѣлано еще ни одного ружейнаго выстрѣла.

Однообразная цѣпь атакъ и разъѣздовъ, которые могли продолжаться до ночи, начинала однакожъ возбуждать какое-то тяжелое, непріятное чувство въ душѣ. Я отправился о-бокъ въ королевскую библіотеку слушать чтеніе Рауль-Рошета о Египтѣ. Надобно сказать при томъ, что мнѣ, какъ и многимъ другимъ, все казалось тогда, что народъ, предоставленный, какъ было очевидно, только самому себѣ, будетъ неизбѣжно подавленъ и начатое имъ дѣло перенесется въ парламентъ и обратится по прежнему въ игру между оппозиціей и консерваторами. Неутомимый компиляторъ Рауль-Рошетъ уже сидѣлъ на своей каѳедрѣ въ залѣ дендерскаго зодіака и говорилъ о первыхъ египетскихъ династіяхъ и ихъ громадныхъ постройкахъ. „Они сдѣлали — сказалъ онъ между прочимъ — для своего отечества то же, что короли наши для Франціи, которымъ послѣдняя обязана политическимъ значеніемъ и географическими своими границами“. Это походило на отвѣтъ тому, что́ свершалось на улицѣ. Рауль-Рошетъ вмѣстѣ съ Шамполіономъ-Фижакомъ, какъ извѣстный приверженецъ системы Гизо, лишенъ былъ мѣста консерватора въ публичной библіотекѣ на третій день, кажется, послѣ революціи. Но уже въ часъ, проведенный мною на лекціи, много, много вещей случилось въ Парижѣ.

Появленіе войска дѣйствительно окрылило, воодушевило инсуррекцію, ка́къ того и ожидать слѣдовало. Едва образовался охранительный кордонъ вокругъ палаты депутатовъ, въ которой началось засѣданіе, какъ явились попытки образовать регулярное сопротивленіе по сосѣдству ея (въ Елисейскихъ поляхъ), въ улицахъ St. Honoré и Риволи. Широкое пространство первыхъ дозволяло только эволюціи и манёвры народу: онъ захватилъ нечаянно постъ муниципаловъ и сжегъ гауптвахту ихъ. Показавшіеся отряды пѣшей и верховой муниципальной гвардіи встрѣчены были каменьями, на которые они отвѣчали ударами штыковъ и сабель. Крики и шумъ сталкивающихся сторонъ могли доходить до самой палаты, которая, какъ ни въ чемъ не бывало, занималась разсужденіями о Бордоскомъ банкѣ. Въ улицѣ St. Honoré было иначе: тамъ уже возникали баррикады. Остановленъ былъ одинъ омнибусъ, одинъ дилижансъ, шедшій изъ Версали, свалено нѣсколько фуръ, но все это уничтожено было почти въ ту же минуту, какъ образовалось, и когда я пришелъ на

мѣсто—свѣжіе камни, только-что вынутые изъ мостовой, лежали въ одной сторонѣ, фуры и омнибусы отодвинуты были къ другой, а вдоль улицы разъѣзжали эскадроны драгунъ... Какъ необходимая подробность парижскаго возстанія, въ близлежащемъ домѣ, на самомъ мѣстѣ сшибки, открылся перевязочный пунктъ „ambulance“ для раненыхъ и ушибенныхъ обѣихъ сторонъ.

Революція привязывалась, однако же, какъ репейникъ, ко всему, что встрѣчала на пути своемъ. Выгнанная изъ первыхъ своихъ позицій, она ушла въ сердце Парижа, въ его простонародные кварталы, и тамъ уже отыскала себѣ благопріятную почву и пустила корень.

Я шелъ отъ Рауль-Рошета по Палероялю, сдѣлавшемуся внезапно мрачнымъ, пустымъ. Почти ни души въ его многолюдныхъ галереяхъ; вмѣсто публики расхаживали по немъ часовые изъ муниципаловъ, магазины были уже заперты, а у великолѣпныхъ его ресторановъ отворены были только половинки дверей: такъ чувствительна вообще торговля къ уличнымъ безпокойствамъ. При самомъ выходѣ поразилъ меня необычайный шумъ и гамъ. Здѣсь произошелъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые еще разъ показываютъ проворство народа въ дѣлѣ возстаній. Гонимый изъ улицы St. Honoré, гдѣ, какъ знаемъ, баррикады были уничтожены, онъ разсыпался, по обыкновенію, на группы, смѣшался съ мирными пѣшеходами, съ жителями домовъ, вышедшихъ на троттуары изъ любопытства, и, разумѣется, тѣмъ затруднилъ преслѣдованіе. Одна изъ такихъ группъ, улучивъ минуту, въ одно мгновеніе ока, почти подъ глазами муниципаловъ кинулась на оружейную лавку Лепажа и разграбила ее. Я видѣлъ, какъ мимо улицы Вивьень промчались работники и мальчишки (gamins), съ великолѣпными ружьями и пистолетами въ рукахъ по направленію къ предмѣстіямъ С.-Дени и С.-Мартена, гдѣ вскорѣ и сосредоточилась вся инсуррекція. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вдоль богатыхъ улицъ Ришелье и Вивьень разнесся крикъ: „on pille!“—„грабятъ“! Паническій страхъ овладѣлъ магазинщиками, которые еще до сихъ поръ держали лавки свои открытыми. Съ судорожною поспѣшностію стали они накладывать ставни на окна и запоры на двери. Два верховые отряда муниципальной гвардіи, въ предупрежденіе подобныхъ же попытокъ, промчались, что есть мочи, по обѣимъ улицамъ, и плохо было бы группамъ, если бы они встрѣтили ихъ тутъ. Я самъ едва успѣлъ въ улицѣ Вивьень прислониться къ дому, чтобъ пропустить мимо себя эту бѣшеную кавалерійскую атаку, которая, подымая стукъ и громъ по мостовой, имѣла какой-то особенный эффектъ. Въ это же время всѣ улицы и переулки, ведущіе къ Карусельской площади и къ Тюльери, запира-

лись войскомъ; сильный отрядъ оберегалъ министерство иностранныхъ дѣлъ, разъѣзды ходили по бульварамъ, но движеніе въ этой богатой части города уже кончилось. Оно ушло, какъ мы уже сказали, въ народные кварталы и возвратилось на другой день опять сюда, но уже съ побѣдой и празднуя торжество.

Такъ кончился первый день революціи. Наступившій вечеръ принесъ съ собой ожиданіе будущихъ событій, порядочный запасъ сомнѣнія и страха, которые вполнѣ были раздѣляемы и всѣми радикальными журналами. По вечернимъ газетамъ узнали мы, что Одиллонъ-Барро вручилъ президенту палаты обвиненіе министерства. На эту тэму появились на другой день всѣ „premier-Paris" республиканскихъ листковъ. *National* писалъ, что министерство подлежитъ суду отечества; *Courrier Français* восклицаетъ: Retirez-vous, hommes du sang et du malheur, и проч. *Journal des Débats* былъ, повидимому, спокоенъ, столько спокоенъ, что приложилъ ничтожную статейку о костюмахъ древней Британіи, кажется, а между тѣмъ это былъ послѣдній № монархическаго *Journal des Débats*. Вскользь извѣщая о случившихся происшествіяхъ, онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что возмущеніе будетъ скоро подавлено: таково было дѣйствительно мнѣніе Гизо, который, казалось, тѣмъ болѣе ожесточался, чѣмъ сильнѣе привязывалась къ его имени народная ненависть. Впрочемъ, и ошибка была позволительна; народъ еще былъ безоруженъ, а въ Парижѣ находилось, какъ говорили, до 40 тысячъ войска съ грознымъ комплектомъ артиллеріи, не считая крѣпостей знаменитой ограды „enceinte continue", которыхъ всего болѣе ужасались какъ республиканцы, такъ и вообще недовольные правительствомъ.

И вся эта сила пропала въ рукахъ Луи-Филиппа отъ одного вмѣшательства національной гвардіи, вдвойнѣ оскорбленной имъ: во-первыхъ, и прежде всего, недовѣріемъ его, а во-вторыхъ, его непостижимымъ упорствомъ въ отказѣ политическихъ правъ, измѣнявшихъ, можетъ быть, большинство въ парламентѣ, но нисколько не опасныхъ установленному порядку дѣлъ. Гизо и Дюшатель сдѣлали промахъ, который и могъ быть сдѣланъ только людьми, увѣрившими себя, что паденіе ихъ, какъ министровъ, равносильно паденію государства. Отуманенные восьмилѣтнимъ успѣхомъ всѣхъ своихъ мѣръ, государственные люди эти хотѣли подавить возстаніе своими собственными средствами, помимо національной гвардіи. Принципъ „централизаціи" много бы выигралъ отъ этого отстраненія гражданъ въ самую рѣшительную и опасную минуту спора, но для этого надобно было имѣть подъ рукой „смѣлаго и рѣшительнаго" генерала, какихъ тогда еще не существовало. Сборъ (rappel) національ-

ной гвардіи не раздавался до самой середы, но уже вооруженные граждане собирались сами собой. Еще во вторникъ видѣлъ я два отряда національной гвардіи, собравшіеся произвольно и подъ предводительствомъ своихъ полковниковъ явившіеся на Карусельскую площадь и въ Тюльери. Они въ одно время предлагали свою защиту коронѣ и выражали необходимость реформы для замиренія народа. Въ среду утромъ было еще хуже. Отряды національной гвардіи стекались къ своимъ центральнымъ пунктамъ—мэріямъ. Правда, въ это время сборъ уже билъ по городу, но совсѣмъ понапрасну: онъ походилъ на приглашеніе, когда гости уже сидѣли за столомъ. Раздосадованная самоуправствомъ Гизо, національная гвардія громко требовала смѣны министра и избирательной реформы. Одинъ крикъ раздавался почти изъ всѣхъ мэрій: „á bas Guizot, vive la réforme!“ Этотъ крикъ донесся до Тюльери и былъ причиною немедленнаго наденія Гизо, но этотъ же крикъ долетѣлъ до возстанія и подобно растительной пыли, переносимой вѣтромъ на тощее деревцо, оплодотворилъ его. Съ тѣхъ поръ и разцвѣло оно съ полной, ничѣмъ неудержимой силой.

Здѣсь кстати упомянуть объ одной изъ самыхъ странныхъ претензій республиканскихъ историковъ, объясняющихъ поведеніе національной гвардіи вліяніемъ многихъ старыхъ республиканцевъ, стоявшихъ въ рядахъ ея. Натяжка эта до такой степени противорѣчитъ фактамъ и общему ходу дѣла, что только и можетъ извиниться естественными усиліями всякой партіи все начать съ себя и все возвратить къ себѣ. Увлеченіе національной гвардіи было общее и мгновенное. Мы точно также скажемъ, что національная гвардія вскорѣ и раскаялась въ своемъ увлеченіи. Одушевленіе ея, при внезапномъ оборотѣ происшествій, тотчасъ смѣнилось неостижимой уступчивостію, страннымъ отступничествомъ отъ своего естественнаго покровителя, короля Л.-Филиппа, и малодушнымъ эгоизмомъ, забывшимъ даже истинныя свои выгоды.

Итакъ, утромъ въ среду направились мы къ кварталамъ С.-Мартенъ и С.-Дени, гдѣ уже было выстроено за ночь нѣсколько баррикадъ, начиная съ рынка „des Innocents“, по четыремъ улицамъ, ведущимъ отъ этого пункта къ бульварамъ, четыремъ главнымъ артеріямъ всѣхъ предшествующихъ революцій, именно улицамъ du Temple, St.-Martin, St.-Déni и Monmartre *). Баррикады, однакожъ, останавливались, не доходя бульваровъ, такъ какъ въ планѣ воен-

*) Новѣйшая перестройка Парижа отняла у этихъ улицъ ихъ прежнее значеніе, частію очистивъ, а частію перерѣзавъ ихъ съ разныхъ сторонъ широкими бульварами.

ныхъ начальниковъ замѣтно было твердое намѣреніе не допускать инсуррекцію до этой линіи, откуда она могла бы, какъ ручей, влившійся въ широкую рѣку, омыть весь Парижъ. Итакъ, возмущеніе пріютилось въ узкихъ внутреннихъ улицахъ самихъ кварталовъ, гдѣ оно уже рано утромъ выдерживало стычки съ муниципалами, и гдѣ теперь вокругъ него по бульварамъ собрана была вся охранительная сила правительства. Когда мы подошли къ тріумфальнымъ воротамъ С.-Дени, а потомъ къ воротамъ С.-Мартена, масса стоявшаго тутъ войска представляла зрѣлище грозное и великолѣпное. Прямо противъ бунтующихъ улицъ выстроены были эскадроны верховой муниципальной гвардіи, готовые на атаку по первому сигналу. За ними въ густыхъ колоннахъ расположена была пѣхота. Другая часть ея занимала середину самихъ бульваровъ, вмѣстѣ съ эскадронами драгунъ и кирасиръ. Далѣе, позади всѣхъ, къ воротамъ С.-Мартена красовалась превосходная конная артиллерія съ пороховыми ящиками и совсѣмъ готовая въ дѣло. Солнце по временамъ выглядывало изъ-за сѣрыхъ облаковъ и ярко ударяло въ кивера, каски, латы и штыки. Старый маршалъ Бюжо́, сдѣланный главнокомандующимъ всѣхъ войскъ въ Парижѣ на время бунта, разъѣзжалъ по всему пространству, занятому войскомъ, на превосходномъ сѣромъ конѣ, окруженный великолѣпнымъ штабомъ, и въ маршальской шляпѣ своей, обложенной широкимъ золотымъ галуномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отряды линейнаго пѣхотнаго войска безпрестанно ходили взадъ и впередъ по тротуарамъ, очищая ихъ отъ любопытныхъ и все болѣе и болѣе накоплявшихся пѣшеходовъ.

Задача состояла въ томъ, чтобъ поразить апоплексіей и бездѣйствіемъ всю эту вооруженную силу.

Около 12 часовъ произошло передвиженіе войскъ и большая часть сосредоточена у воротъ С.-Дени, которыя сдѣлались такимъ образомъ на нѣкоторое время главной квартирой парижскаго гарнизона. Тутъ постоянно находился и Бюжо. Мы долго не знали что́ дѣлать съ собой: направиться ли въ сердце инсуррекціи, чтобъ видѣть ея средства, или остаться на мѣстѣ, чтобъ наблюдать распоряженія маршала. Мы рѣшились на послѣднее. Болѣе двухъ часовъ Бюжо находился въ бездѣйствіи, получая безпрестанно донесенія и направляя только слабыя кавалерійскія атаки по бульварамъ, затопленнымъ народомъ, все болѣе и болѣе придвигавшимся къ войскамъ, причемъ слышно было, какъ маршалъ предписывалъ осторожность кавалеристамъ и кричалъ имъ въ слѣдъ: „aux pas, aux pas“ —шагомъ! Около двухъ часовъ пополудни однакожъ въ улицѣ „Rembuteau“, пересѣкающей улицу С.-Дени, сформировалась баррикада, и за ней стали собираться работники и люди, добывшіе себѣ ружья.

Въ ту же минуту эскадронъ верховой муниципальной гвардіи, стоявшій у воротъ, ринулся прямо въ улицу и былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ. Это была первая перестрѣлка междоусобной войны, раздавшаяся въ Парижѣ. Вслѣдъ затѣмъ Бюжо сформировалъ отрядъ изъ пѣхоты въ четыре баталіона и двинулъ его впередъ. Когда муниципальная гвардія возвратилась изъ атаки, онъ замѣстилъ ее кирасирами и скомандовалъ новую атаку. Между тѣмъ перестрѣлка вдали все болѣе и болѣе крѣпчала: тогда Бюжо сталъ приводить въ движеніе всѣ свои силы и, вѣроятно, очистилъ бы весь кварталъ отъ недовольныхъ, если бы не случилось происшествія, которое электрически потрясло всю массу войска, начальниковъ его и зрителей.

Изъ боковой улицы „de la Lune“ показался баталіонъ національной гвардіи. Еще издали привѣтствуемъ онъ былъ криками народа, но по мѣрѣ приближенія его къ бульварамъ крики усиливались и сообщались всей массѣ людей, бывшихъ тутъ, и наконецъ перешли въ неописанное выраженіе восторга, когда услыхали, что голова небольшой колонны испускаетъ крикъ: „à bas Guizot, vive la réforme!“ Дѣйствительно, всѣ эти вооруженные граждане, пожилые и молодые, иные въ очкахъ, другіе съ неописанными брыжжами, твердо приближались къ главной квартирѣ Бюжо, остановили готовящуюся кирасирскую атаку, поровнялись съ самимъ маршаломъ и прокричали ему въ лицо: „à bas Guizot“, причемъ офицеры ихъ дѣлали такой твердый, увѣрительный жестъ рукой, что онъ походилъ въ одно время и на приказаніе, и на угрозу; потомъ прошли подъ самыми пушками безмолвной артиллеріи и скрылись въ улицѣ С.-Мартенъ, гдѣ тоже воздвигались баррикады. Другой такой же баталіонъ, съ тѣми же самыми криками, повернулъ въ улицу С.-Дени, прямо къ сражающимся. Войска стояли какъ окаменѣлыя. Бюжо почтительно и безмолвно пропустилъ мимо себя оба отряда. Вскорѣ тотъ, который повернулъ въ улицу С.-Дени, возвратился назадъ, прекративъ битву на ней и влача за собой высвобожденныхъ баррикадистовъ, работниковъ, мальчишекъ, блузы и сюртуки. Всѣ эти люди промчались теперь въ неистовой пляскѣ, съ воплями: „à bas Guizot, vive la réforme,“—мимо войска и мимо Бюжо, какъ-бы насмѣхаясь надъ всѣми ихъ приготовленіями и усиліями. Точно то же самое произошло на многихъ другихъ пунктахъ, въ улицѣ С.-Мартенъ, въ Монмартрской, у подножія огромной баррикады, тамъ выстроенной, и около Лоретской церкви. Парижъ, казалось, былъ замиренъ въ одну минуту. Думали, что бездна уже наполнена однимъ человѣкомъ, брошеннымъ въ нее, и закроется. Вздохъ освобожденія и радости пронесся по всему Парижу. Почти

въ слѣдъ за ушедшимъ баталіономъ національной гвардіи прискакавшій адъютантъ вручилъ пакетъ Бюжо, который, не сходя съ лошади, распечаталъ его, пробѣжалъ глазами бумагу и потомъ прочелъ народу во всеуслышаніе: это было извѣщеніе о смѣнѣ Гизо и назначеніи президентомъ новаго министерства г. Моле, на котораго возложена и обязанность образовать его; но министерство это не состоялось, какъ мы вскорѣ увидимъ. Между тѣмъ, если существовали еще баррикады, то уже не было за ними сражающихся, и войско начало отступать, расточая украдкой отъ начальниковъ пожатія рукъ (poignets de main) народу, врывавшемуся въ ряды его. Только для приличія, а болѣе для сбереженія небольшой гауптвахты, гдѣ содержались захваченные плѣнники изъ зачинщиковъ и на которую народъ видимо имѣлъ свои планы, еще разъѣзжалъ вдоль бульвара эскадронъ кирасиръ, но вяло и неохотно. Народъ достигъ своей цѣли. По обыкновенію своему, выждавъ минуту, онъ однимъ ударомъ захватилъ постъ и выпустилъ на волю всѣхъ плѣнниковъ, изъ коихъ многіе, весьма чисто одѣтые, арестованы были на нашихъ глазахъ.

Когда мы очутились снова на бульварѣ, тамъ образовалось нѣчто въ родѣ гулянья и народнаго празднества, по случаю низверженія всѣми ненавидимаго министра и благополучнаго окончанія революціи.

Нельзя не вспомнить при этомъ объ англійскихъ журналахъ, которые, получивъ извѣстіе объ уступкѣ, сдѣланной Луи-Филиппомъ народному возстанію, предрекли если не его паденіе, то совершенное измѣненіе всей его системы правленія. Это доказываетъ между прочимъ зоркость англійскихъ журналистовъ. Съ другой стороны, національное чувство ихъ выразилось такимъ безграничнымъ восторгомъ передъ вѣстію о смѣнѣ Гизо, съ которымъ они были въ постоянной враждѣ, по поводу испанскихъ и аѳинскихъ дѣлъ, что при этомъ рѣшительно были позабыты консервативныя начала, отличающія вообще англійскую публику. Степенный *Times*, напримѣръ, пѣлъ почти революціонныя пѣсни: честь парижскому работнику, честь его безсмертному гамѐну и т. далѣе. Его тогдашній руководящій „article“ могъ служить комментаріемъ къ любому парижскому демократическому листку,—можно было подумать, что у нихъ одинаковыя убѣжденія.

Казалось, большая часть парижскаго гарнизона только и ждала откуда-нибудь дозволенія—разрѣшить себя отъ тягостной службы противъ народа. Съ минуты, въ которую она получила это дозволеніе изъ рукъ національной гвардіи, начинается то, что́ на военномъ діалектѣ именуютъ деморализаціей войска, а на демократиче-

скомъ—братствомъ арміи и народа. Какъ только мастеровые и республиканцы освобождены были отъ борьбы, они приступили тотчасъ же къ обезоруженію войска. Трудно повѣрить, что́ происходило тогда. Десятка два-три ребятишекъ останавливали цѣлые отряды, которые отдавали имъ охотно ружья, сабли и тесаки. Трактирные и кафейные слуги для потѣхи выходили на улицу и безпрекословно отбирали у солдатъ все ихъ вооруженіе. Не говоря уже объ очищеніи частныхъ оружейныхъ магазиновъ, и даже—по свидѣтельству нѣкоторыхъ—одного казеннаго депо, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такимъ образомъ взяты были даже пушки и свезены въ мэріи. Мало того: къ вечеру отдѣльныя группы мастеровыхъ явились въ дома и магазины самихъ національныхъ гвардейцевъ и потребовали ихъ ружей, грозя въ случаѣ отказа уничтоженіемъ ихъ богатыхъ лавокъ. Тѣ же самые люди, которые за нѣсколько часовъ шли на встрѣчу Бюжо и его арміи, отдавали теперь въ ужасѣ оружіе свое. Нѣкоторые, по-хитрѣе, принятывали его и объявляли приходившимъ, что оно уже выдано, но всѣ выставили на ставняхъ своихъ магазиновъ позорную надпись, писанную мѣломъ, которая красовалась на нихъ потомъ болѣе недѣли: „vive la réforme! Les armes sont données!“ Эта эпиграмма на себя уже возвѣщала въ нихъ людей, которые, переспавъ ночь, будутъ покровительствовать самому взятію Тюльери. Въ подобныя минуты событія идутъ весьма скоро. Къ концу этого замѣчательнаго дня народъ былъ вооруженъ такъ, какъ и не снилось ему въ началѣ его, и къ концу же того же дня начинаютъ возникать слабыя, еще сомнительныя надежды чистой республиканской партіи. И между тѣмъ какъ на богатыхъ и многолюдныхъ улицахъ города либеральные люди протягивали руку блузникамъ, празднуя миръ и поздравляя другъ друга съ побѣдой надъ *общимъ врагомъ*, настоящій народъ только-что принимался за дѣло.

Само собой разумѣется, что я не могу, да и не хочу включать въ описаніе это всѣхъ разнородныхъ эпизодовъ, случившихся въ продолженіи революціи, о которыхъ мы узнали гораздо позднѣе изъ разсказовъ очевидцевъ и изъ журнальныхъ извѣстій. Между ними были многіе весьма драматическаго интереса, каковъ, напримѣръ, эпизодъ взятія въ улицѣ Bourg l'Abbé поста муниципаловъ и ихъ спасенія въ ратушѣ, благодаря усиліямъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ человѣкъ. Мы отбираемъ только самыя крупныя черты революціи и только тѣ, которыхъ были сами свидѣтелями.

Масса народа отъ улицъ С.-Дени и С.-Мартенъ собралась снова у дома Гизо, но уже теперь съ сознаніемъ своей силы и своей побѣды. Между пѣхотными и кавалерійскими линейными полками, охранявшими его, находился еще отрядъ верховой муници-

пальной гвардіи. Толпы приняли это за оскорбленіе и требовали удаленія отряда, который представлялъ дѣйствительно единственную враждебную имъ силу. Масса народа дѣлалась все нетерпѣливѣе, крики становились все настойчивѣе и по временамъ уже мѣшались съ возгласами: „à mort Guizot“. Послѣ всего происшедшаго нельзя было и думать о сопротивленіи. Бюжо, тутъ же находившійся, только ждалъ появленія національной гвардіи, чтобъ передать ей постъ вмѣстѣ съ линейнымъ войскомъ, и тотчасъ же, какъ было возможно, свернулъ эскадронъ муниципальной гвардіи въ густую колонну и приказалъ выступить. Неописанный вопль радости разнесся по всему народу, когда ненавидимый отрядъ тронулся съ мѣста, сопровождаемый криками: à mort, à mort—и каменнымъ дождемъ, который, между прочимъ, задѣлъ и самого маршала. По отбытіи муниципаловъ линейное войско сформировало каре вокругъ дома, заперевъ его съ трехъ сторонъ и оставивъ для прохода толпѣ противоположный широкій тротуаръ. Народъ не убывалъ: онъ только составилъ прогулки вокругъ министерства и войска, съ извѣстными ребятишками впереди, съ надписями на длинныхъ шестахъ, по обыкновенію гласившими: vive la réforme, à bas Guizot, и съ Марсельскою пѣснью. Въ группахъ, между которыми круговращались процессіи эти, шли толки о новомъ министерствѣ. Можно судить о духѣ ихъ по насмѣшливому замѣчанію работника, переданному мнѣ однимъ свидѣтелемъ „bonnet blanc, blanc bonnet—говорилъ работникъ—et ainsi de suite. Между тѣмъ наступалъ вечеръ и—по чистой совѣсти сказать—какое-то непонятное предчувствіе говорило мнѣ, что развязка революціи произойдетъ тамъ, гдѣ начался прологъ ея. Я на́-скоро отобѣдалъ и явился снова къ этому мѣсту.

Огромный полонезъ, образовавшійся вокругъ министерства, освѣтился вскорѣ факелами, несомыми впереди тѣми же самыми мальчишками, которые украсили еще головы свои бумажными треугольными шляпами и позаботились теперь о другихъ шутовскихъ подробностяхъ костюма. Шествія эти начинали сильно пріобрѣтать обыкновенный характеръ всѣхъ парижскихъ движеній: смѣсь грозы и карнавальной веселости. Красный свѣтъ, изливаемый факелами и бранная пѣсня ночью странно вязались съ выходками и дурачествами молодежи. Доходя до цѣпи войскъ, замыкавшихъ улицу передъ домомъ Гизо, шествія эти, какъ струя, упершаяся въ неподвижную скалу, стекали по бокамъ его на тротуаръ, оставленный свободнымъ, шли далѣе и возвращались послѣ большого круга черезъ ближнія улицы снова къ министерству. Это походило на водоворотъ, и такъ продолжалось уже довольно долго, когда у народа явился новый капризъ или, если хотите, новое тактическое сообра-

женіе. Кварталы С.-Дени и С.-Мартенъ, при самомъ началѣ вечера, освѣтились мгновенно огнями, въ знакъ радости отъ побѣды, одержанной тутъ впервые народомъ. Огни домовъ постепенно тухли по направленію къ богатымъ, аристократическимъ бульварамъ. Начиная съ улицы Монмартръ, кромѣ обыкновеннаго освѣщенія, не видно было ни плошки. Разница была слишкомъ рѣзка и тотчасъ же обратила на себя вниманіе работничьяго населенія, республиканцевъ и гамэновъ. Составивъ огромныя отдѣльныя толпы, они начали останавливаться предъ каждымъ темнымъ или пустымъ домомъ, подымали ужасный шумъ, требуя шкаликовъ и плошекъ и грозя перебить всѣ окна въ случаѣ медленности или сопротивленія. Съ перваго раза даже составился изъ требованія особенный припѣвъ, нѣчто въ родѣ водевильнаго куплета, который и распѣвался всею массою мальчишекъ „des lampions, des lampions!—ou des pierres". Какой-то чудакъ положилъ даже на ноты первый тактъ его, вѣроятно изъ желанія сохранить его потомству. Можно вообразить ужасъ хозяевъ, которыхъ заставали врасплохъ; въ каждомъ домѣ подымалась суматоха; чисто одѣтые люди давали имъ спасительные совѣты съ улицы, крича: „зажигайте свѣчи, если нѣтъ плошекъ"; наконецъ отворялись окна, и первый человѣкъ со свѣчами встрѣчаемъ былъ громкими аплодисментами и насмѣшливыми замѣчаніями на счетъ его костюма и наружности. Все это было какъ-то забавно и грозно въ одно время. Черезъ часъ весь кварталъ зажегся многочисленными огнями и составилъ одну огромную и великолѣпную иллюминацію. Карнизы всѣхъ этажей, балконовъ и оконъ ихъ унизаны были свѣчами, что образовало по истинѣ фантастическую декорацію, въ которой всѣхъ болѣе отличался домъ, занимаемый Одиллонъ-Барро, на площади Маделéнь. Почтенный человѣкъ думалъ, что празднуетъ паденіе парламентскаго своего соперника! Окончивъ свое дѣло на бульварахъ, толпы перешли въ боковыя улицы для той же цѣли, но онѣ уже сдѣлались нетерпѣливѣе и страшнѣе. Въ улицѣ de la Paix грозное приказаніе сопровождалось ударами въ ворота и ставни. Одинъ иностранецъ, восхищавшійся праздничнымъ видомъ этой революціи, сказалъ своему сосѣду: „quelle aimable révolution!"—и получилъ въ отвѣтъ отъ парижанина, тоже любовавшагося освѣщеніемъ и щеголевато одѣтаго: „le lion est déchainé, et il s'amuse". Дѣйствительно, въ толпѣ уже раздавались крики, между многими другими: au château! au château!—во дворецъ! Масса начинала электризоваться по чувству взаимнаго воодушевленія, всегда возникающаго посреди большого собранія людей и, можетъ быть, рѣшилась бы на какое-либо отчаянное покушеніе, еслибы не остановилъ ее домъ министерства юстиціи на Вандомской

площади. Мысль заставить праздновать желчнаго и ненавистнаго министра Гюбера собственное паденіе видимо полюбилась ей, и такъ какъ въ министерствѣ не слишкомъ торопились исполнять приказаніе ея касательно иллюминаціи, то она начала ломать ворота, сорвала желѣзныя рѣшетки съ оконъ, притащила къ дому будку и зажгла ее. Это могло быть началомъ добраго пожара въ простомъ и переносномъ значеніи слова. Къ счастію, министерство вскорѣ освѣтилось, и толпа повернула назадъ. Я чувствовалъ въ глубинѣ души, что вечеръ долженъ кончиться какимъ-либо неожиданнымъ событіемъ. Не можетъ же весь этотъ народъ разойтись по домамъ—только отъ усталости, какъ послѣ праздничнаго фейерверка. Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что трудно понять, почему французскіе разсказчики этого дня приняли въ отношеніи его одну общую идиллическую систему (мы разумѣемъ разсказчиковъ изъ демократической партіи). Народъ, говорятъ они, невинно и беззаботно веселился, когда черная измѣна готовила ему смерть изъ-за угла. Эта фраза, данная въ руководство будущей исторіи—врядъ ли можетъ обмануть ее, какъ и всѣ другія фразы различныхъ партій, всѣ ихъ „mots d'ordre"—(внушенія) потомству и наличнымъ своимъ членамъ.

Въ десять часовъ вечера я стоялъ на углу улицы de la Paix и бульваровъ. Въ это время огромная масса народа показалась со стороны предмѣстій, распѣвая Марсельскую пѣсню, предшествуемая, по обыкновенію, факелами и разноцвѣтными фонарями. Изъ нея неслись голоса: „à l'Hôtel de Justice!" Ясно было, что толпа получила извѣстіе о сопротивленіи, оказанномъ народу въ министерствѣ юстиціи, и шла или хотѣла идти на помощь своимъ собратьямъ. Какой-то офицеръ національной гвардіи, вѣроятно изъ желанія спасти министерство, а можетъ быть и по другой какой-либо причинѣ, повернулъ голову колонны на войско, охранявшее домъ Гизо, и она уперлась въ него всей своей массой. Въ это время раздался Богъ знаетъ откуда ружейный выстрѣлъ. Офицеръ, командовавшій баталіономъ, обращеннымъ къ народу, получилъ приказаніе употребить оружіе только въ случаѣ нападенія. Принявъ одинъ ружейный выстрѣлъ за атаку, онъ скомандовалъ баталіону своему „feu",—пали! Батальонъ отвѣчалъ неровнымъ залпомъ, который затрещалъ и пронесся по бульварамъ. Толпа въ ужасѣ отхлынула назадъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ убитыми на мѣстѣ. Я былъ сдавленъ, унесенъ и очутился въ корридорѣ близъ-лежащаго домъ подъ № 13. Черезъ минуту мертвое молчаніе воцарилось на шумномъ бульварѣ. Какъ-то странно вдругъ улица опустѣла—только неслись еще по временамъ остатки многолюдной толпы, кричавшіе: Trahison! On nous assassine. Нѣкоторые изъ этихъ людей въ какомъ-то безпамятствѣ

ужаса уцѣпились за желѣзную рѣшетку воротъ нашего дома, запертую на-скоро привратникомъ, и, судорожно потрясая ее, взывали: „отоприте, отоприте—сейчасъ будетъ другой залпъ и кавалерійская атака“. Когда, по настоянію нашему, привратникъ отворилъ рѣшетку, нѣсколько работниковъ пронеслись, гонимые паническимъ страхомъ, мимо насъ, по корридору, вверхъ по лѣстницѣ, на чердаки. Вскорѣ показались раненые: работникъ съ оторваннымъ ухомъ, женщина съ прострѣленной щекой, искали доктора, унимали вопли и рыданія, но выдти никто не смѣлъ. И совершенно по-напрасну! Батальонъ, давшій залпъ по народу, самъ былъ пораженъ ужасомъ, тотчасъ какъ умолкъ звукъ выстрѣловъ, прокатившійся по мостовой. Онъ принялъ мѣры противъ неожиданнаго нападенія, поставилъ часовыхъ по угламъ и очень сталъ походить на бѣдный отрядъ, отрѣзанный въ непріятельскомъ станѣ отъ собственной арміи. Грустно и монотонно разносились, въ мертвой тишинѣ ночи, крики часовыхъ: „Sentinelle, prenez garde à vous“.—„Часовой, берегись!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ батальонъ выслалъ депутатовъ въ кофейную Тортони, гдѣ собрались теперь республиканцы, объяснить, что все дѣло произошло отъ плачевной ошибки; безполезная попытка примиренія. Нападенія, котораго они ожидали, не произошло, но черезъ полчаса изъ конторы журнала *le National* выслана была телѣжка подобрать нѣсколькихъ убитыхъ и составить изъ нихъ ночную процессію для бо́льшаго возбужденія народа. На телѣжку эту взвалили два-три трупа, въ томъ числѣ трупъ женщины, на козлы сѣлъ мальчишка съ факеломъ, другой мальчишка, тоже съ факеломъ, велъ лошадь подъ уздцы. Предъ этимъ ночнымъ кортежомъ молчаливо разступались солдаты, нѣсколько драгунъ верхами составили ему добровольно почетный конвой, и когда онъ показался въ народныхъ кварталахъ, то поднялъ на ноги послѣднихъ людей, которые еще ожидали развитія событій.

Я едва стоялъ отъ усталости и поспѣшилъ домой. У насъ былъ тоже раненый: слуга, которому пуля, прорвавъ сапогъ, сняла всю подошву ноги. Совершенно измученный ходьбой и впечатлѣніями этого необыкновеннаго дня, я однакожъ никакъ не могъ заснуть во всю ночь. Слѣдующій день былъ еще обильнѣе происшествіями.

Есть множество толкованій на знаменитый ружейный выстрѣлъ, вызвавшій баталіонный залпъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новую форму правленія. Одни приписывали его случаю, другіе страху солдатъ муниципальной гвардіи, которая еще скрывалась за стѣной, въ саду министерскаго дома, третьи,—и кажется съ наибольшей основательностію,—республиканской партіи, которая хотѣла возвратить

снова къ бою народъ, начинавшій, по ея мнѣнію, развлекаться празднествомъ. Послѣднее предположеніе сдѣлалось теперь несомнѣннымъ фактомъ, но и тогда уже общее мнѣніе приписывало одному изъ республиканцевъ, Лагранжу, этотъ разсчетистый выстрѣлъ. Лагранжъ получилъ у консерваторовъ эпитетъ поставщика труповъ и „entrepreneur des carnages revolutionnaires", хотя онъ впослѣдствіи торжественно называлъ „клеветой" обвиненіе и оправдывался въ немъ. Какъ бы то ни было, выстрѣлъ этотъ убилъ наповалъ конституціонную монархію.

Всю ночь съ среды на четвергъ слышенъ былъ въ Парижѣ стукъ топоровъ и заступовъ по мостовой, взрываемой на баррикады, и отдаленный гулъ голосовъ. Утромъ явился ко мнѣ старый мой привратникъ и умолялъ не выходить на улицу, предостерегая меня, что народъ заставляетъ строить баррикады всѣхъ встрѣчныхъ и проходящихъ. Я ко многому приготовился, но, признаюсь, зрѣлище, представленное мнѣ бульварами, когда я вышелъ на нихъ около 10 часовъ, поразило меня невольнымъ образомъ: на далекое пространство лежали теперь срубленныя великолѣпныя деревья ихъ, пощаженныя топоромъ 1830 года; эшелонами высились заставы, образованныя изъ деревьевъ, отхожихъ колонъ, каменьевъ, и будокъ; полосами была взрыта и обнажена земля, фонари разбиты и газовые проводники поломаны и свернуты въ веревку. Я даже засталъ ночныхъ работниковъ, доканчивающихъ свое дѣло разрушенія: при мнѣ повалена была террасса улицы „Basse des Remparts", и тутъ я имѣлъ случай видѣть превосходный типъ парижскаго мальчика, красавца собой, который яростно работалъ ломомъ своимъ, между тѣмъ, какъ вѣтеръ разносилъ по воздуху его длинные черные волосы. Войско уже было сведено отъ министерства Гизо, которое охранялось теперь однимъ небольшимъ отрядомъ національной гвардіи, и кромѣ работающихъ за террассой на бульварѣ не было ни души. Онъ походилъ на помпейскую улицу. Народныя атаки перенеслись отъ Hôtel des Capucines къ Палероялю и Тюльери, то-есть отъ отвѣтственнаго министра къ главѣ королевства.

Еще въ среду вечеромъ, Моле объявилъ королю, что отказывается отъ составленія новаго министерства, такъ какъ положеніе дѣлъ уже слишкомъ натянуто (trop tendue); въ 7-мь часовъ утра въ четвергъ, при извѣстіи о необычайномъ волненіи въ Парижѣ, король распускалъ палату и назначалъ министрами: Одиллона Барро (президентъ), Тьера и Ламорисьера. Назначеніе это сдѣлалось гласнымъ, по невѣроятной оплошности, только въ 10 или 11 часовъ утра. Въ полдень того же дня, четверга, король подписывалъ свое

отреченіе отъ престола въ пользу малолѣтнаго графа Парижскаго, передавалъ все дѣло на судъ народа и выѣзжалъ потаенно изъ дворца съ королевой, двумя внуками и одной принцессой. Въ два часа пополудни того же дня народъ разгонялъ палату депутатовъ, уничтожалъ всѣ надежды герцогини орлеанской быть правительницей государства и устранялъ отъ престола самого графа Парижскаго: она едва спаслась при этомъ съ обоими дѣтьми своими въ Домѣ Инвалидовъ, а принцы Немурскій и Монпансье, сопровождавшіе ее, прибѣгли для того же къ переодѣванью. Въ три часа образовалось въ ратушѣ изъ разныхъ элементовъ новое правительство, подъ именемъ: Gouvernement provisoire, и на другой день, въ пятницу, оно торжественно объявляло, что Франція отнынѣ *навсегда* усвояетъ себѣ республиканскую форму правленія. Послѣ извѣстнаго выстрѣла революція шла какъ огонь по сухому труту.

Около 10 часовъ утра, когда назначеніе Одиллона Барро и Тьера сдѣлалось извѣстнымъ, большая часть національной гвардіи и въ этотъ разъ хотѣла увѣрить себя и другихъ, что все дѣло опять кончено. Разсказывали тогда, будто самъ новый президентъ, почтенный Барро, надѣвъ зеленые очки и шляпу съ большими полями, ходилъ справляться на баррикадахъ, какое впечатлѣніе производитъ на умы его собственное недавнее возвышеніе. Результаты наблюденій, пріобрѣтенныхъ симъ новымъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, остались тайною между нимъ и баррикадистами, но ихъ угадать не трудно. Я самъ видѣлъ около полудня небольшую толпу людей, съ нѣсколькими національными гвардейцами во главѣ, которая везла на плохой лошадёнкѣ, по закраинамъ бульваровъ и по тротуарамъ (такъ какъ середина улицы была уже завалена всякой всячиной) стараго шефа оппозиціи къ его дому. Одночасный министръ, вѣроятно самъ себѣ устроившій эту бѣдную овацію и этотъ уединенный тріумфъ, ѣхалъ безъ шляпы, раскланивался на обѣ стороны своимъ приверженцамъ, которыхъ можно было сосчитать всѣхъ по пальцамъ, но вѣроятно онъ не успѣлъ еще добраться и до крыльца своихъ палатъ, когда долженъ былъ услыхать частую и жаркую перестрѣлку въ весьма близкомъ разстояніи отъ себя. Народъ въ это время бралъ приступомъ Палерояль и гауптвахту передъ нимъ, извѣстную подъ именемъ Château-d'eau, — единственное жаркое дѣло всей революціи и единственное серьёзное сопротивленіе, встрѣченное имъ въ теченіи всѣхъ трехъ февральскихъ дней.

Битва у Палерояля извѣстна по многочисленнымъ описаніямъ. Я пропускаю ее, потому что, не бывъ ея свидѣтелемъ, не могу прибавить ни одной черты къ тому, что́ всякому читавшему га-

зеты должно быть отчасти знакомо. Извѣстно, что человѣкъ 200 того линейнаго полка, который наканунѣ стоялъ у дома Гизо, и нѣсколько десятковъ солдатъ муниципальной гвардіи защищали старую каменную гауптвахту—фонтанъ, „Château d'eau." *), съ великимъ мужествомъ, возбраняя революціи спокойно поселиться въ Палероялѣ и не пуская ее далѣе по направленію къ Тюльери. Послѣ жаркой перестрѣлки, народъ овладѣлъ ею, подложивъ огонь. Сцены ужаса, которыя происходили тамъ во время приступа и послѣ него, вѣроятно преувеличены хвастовствомъ республиканской лѣтописи, но перечень ихъ, сообщенный вскорѣ листками и брошюрками, долженъ имѣть все-таки историческое основаніе. Тутъ былъ раненъ также и генералъ Ламорисьеръ, какъ извѣстно. Послѣ взятія приступомъ гауптвахты, толпа, ожесточенная борьбой, предала собственно дворецъ Палерояля грабежу: она переломала всѣ статуи, какія нашла тамъ, изорвала всѣ картины, еще не прибранныя владѣльцемъ, разбила всѣ окна, выкинула различную рухлядь на внутреннюю площадку и подѣлала изъ нея костры. Черезъ полчаса дворецъ былъ голъ, какъ ладонь. Галереи, съ которыхъ начинается рядъ магазиновъ и складъ частной собственности, остались неприкосновенными. Все движеніе останавливалось передъ ними, какъ передъ порогомъ, за который оно не имѣло силы или права перейти. Нельзя сказать, чтобъ имъ вовсе не угрожала опасность: къ вечеру открылся пожаръ въ дворцѣ, и конечно онъ могъ сдѣлать дѣло истребленія очень хорошо, но, къ счастію, его скоро потушили. Затѣмъ путь къ Тюльери былъ совершенно очищенъ. Войско, охранявшее его со стороны Карусельской площади и простиравшееся, какъ говорили, разумѣется съ неизбѣжнымъ преувеличеніемъ, до 40 т. ч., уже ретировалось по собственному изустному приказанію герцога Немурскаго на площадь „de la Concorde" черезъ набережную Сены, Тюльерійскій садъ и улицу Риволи. Когда народъ явился по Карусельской площади къ Тюльери, рѣшетка, замыкавшая его съ этой стороны, уже никѣмъ не охранялась и ворота стараго дворца были растворены настежъ.

Выстрѣлы все еще гремѣли въ отдаленіи, когда, направляясь съ нѣсколькими сопутниками къ теперешнему театру борьбы, мы остановили перваго попавшагося намъ человѣка вопросомъ: что дѣлается и за кѣмъ осталась побѣда? Человѣкъ этотъ былъ націо-

*) Какъ эта гауптвахта, такъ и всѣ узенькіе переулки между Лувромъ и Палеролемъ теперь снесены и обращены въ великолѣпную площадь, раздѣляющую оба дворца.

нальный гвардеецъ, среднихъ лѣтъ, въ полномъ военномъ своемъ костюмѣ, румяный и здоровый; онъ отвѣчалъ намъ съ невыразимымъ хвастовствомъ: „Народъ и національная гвардія взяли *приступомъ* Тюльери". Не вполнѣ довѣряя этой почтенной гасконадѣ, мы повернули къ Тюльерійскому саду. Зрѣлище, представившееся намъ тогда, по-истинѣ, описать весьма трудно: гдѣ набрать красокъ, чтобъ передать одну изъ самыхъ странныхъ и поразительныхъ картинъ, какія только могъ видѣть человѣкъ нашего времени; какъ уловить всѣ безчисленныя подробности тамъ, гдѣ каждая изъ нихъ необходима для полноты цѣлаго; наконецъ, какъ представить это цѣлое въ его двойномъ характерѣ—уличной потѣхи и грознаго историческаго факта?

Дворецъ уже былъ наполненъ народомъ и изо всѣхъ его оконъ, изо всѣхъ отверстій, не исключая чердаковъ, палили изъ ружей на воздухъ, въ знакъ радости. На балконѣ его въ ужасной разладицѣ трубили въ трубы, на террасѣ били въ барабаны, на среднемъ павильонѣ звонили въ набатъ. По всему саду двигались колонны работниковъ съ криками и пѣснями, въ разнороднѣйшихъ костюмахъ, добытыхъ въ гардеробной Тюльери: въ ливреяхъ орлеанскаго дома, фалды которыхъ влачились по землѣ у новыхъ ихъ обладателей, въ шитыхъ мундирахъ придворной свиты, надѣтыхъ поверхъ грязной рубашки, въ короткихъ бальныхъ панталонахъ, и проч. Рядомъ съ головами, перевязанными пестрыми платками, красовались головы, украшенныя маршальскими шляпами съ плюмажемъ; на голыхъ плечахъ мотались густые эполеты короля и принцевъ; нѣкоторые были подпоясаны ихъ шарфами и орденскими лентами. Знамена и надписи все еще гласили: à bas Guizot, vive la réforme, представляя ѣдкую иронію и странное противорѣчіе съ тѣмъ, что происходило. Черная и запыленная масса вращалась, при страшномъ шумѣ, во дворцѣ, Вѣтеръ, разносившій дымъ отъ безпрестанныхъ выстрѣловъ, колебалъ лохмотья разодранныхъ оконныхъ занавѣсовъ его, а въ самыхъ окнахъ появлялись и исчезали люди съ обнаженной грудью и въ лайковыхъ перчаткахъ, работники въ блузахъ и въ перевязяхъ офицеровъ, бѣдняки въ истертыхъ сюртукахъ и въ шляпахъ съ перьями и золотыми галунами. Я видѣлъ даже мальчишку съ митрой на головѣ, захваченной, вѣроятно, въ придворной часовнѣ. Къ картинѣ этой слѣдуетъ еще прибавить разнородное вооруженіе толпы: сабли офицеровъ, тесаки солдатъ, штуцера кирасиръ, ружья пѣхотинцевъ. Всего рѣзче бросались въ глаза кивера муниципаловъ, разносимые на штыкахъ поверхъ головъ и служившіе въ одно время знаменемъ и трофеемъ. Тутъ выразился уже прогрессъ времени: въ иную эпоху такъ точно разносились болѣе кровавые трофеи. Какъ

о весьма замѣчательной подробности, нами, да и большинствомъ зрителей, вѣроятно, непонятой, нужно упомянуть о мѣдномъ вызолоченномъ орлѣ временъ имперіи, прибитомъ неизвѣстной рукой къ рѣшеткѣ балкона прямо надъ входомъ во дворецъ: онъ какъ будто указывалъ, что остается еще дѣлать народу, и заранѣе превращалъ дворецъ въ достояніе наполеоновской фамиліи. Но разбирать явленія въ этой всеобщей разладицѣ было не легко, и какъ бы вы приступили къ оцѣнкѣ ихъ, когда ухо ваше было наполнено грохотомъ невообразимымъ, глазъ пораженъ тысячью цвѣтовъ, костюмовъ, физіономій, одни другихъ страннѣе и неожиданнѣе. Представьте балъ оперы въ послѣдній день карнавала, только вооруженный и опьяпѣлый отъ битвы, побѣды, торжества: вы еще не будете имѣть и приблизительнаго понятія о томъ, что свершалось въ это время въ Тюльери и саду его. Мы молча и безъ разсужденія смотрѣли на картину, стараясь только уловить какъ можно болѣе подробностей ея и утвердить ихъ въ памяти...

Другая сторона дворца, обращенная къ Карусельской площади, была не менѣе странна, шумна, живописна. На огромной Карусельской площади горѣли въ разныхъ мѣстахъ великолѣпные королевскіе экипажи, какъ громадные факелы или костры. Ребятишки для потѣхи запрягались въ горящія кареты и развозили ихъ по разнымъ направленіямъ: со стороны казалось, будто пожаръ прогуливается. Множество людей скакали вдоль и поперекъ съ невообразимымъ гамомъ и крикомъ на лошадяхъ муниципальной гвардіи и притомъ скакали безъ всякой цѣли, единственно изъ удовольствія упиться шумомъ, суматохой, движеніемъ. Дворъ, рѣшетка и оконечности тріумфальныхъ воротъ завалены были навозомъ и нечистотой отъ войска, стоявшаго тутъ безсмѣнно три дня. Они издавали теперь запахъ смрада и гніенія. Какъ муравьи, вращались на почетномъ дворикѣ странные люди въ тѣхъ же неимовѣрныхъ костюмахъ, о которыхъ мы уже говорили; тамъ же дымились двѣ, три кучи, и у самаго подножія дворца образовались уже груды отъ сорваннаго желѣза, разбитыхъ рамъ, вещей, выкинутыхъ изъ оконъ. Извѣстно, что въ поспѣшномъ бѣгствѣ король предоставилъ народу завтракъ, за которымъ сидѣлъ, но побѣдитель не удовольствовался этимъ. Онъ сошелъ въ кухню, развелъ огонь во всѣхъ печахъ и принялся за стряпню. Обильные запасы домовитаго короля исчезли въ нѣсколько часовъ. Если бы еще одно это и исчезло!... Мы безпрестанно видѣли людей, выходившихъ изъ дворца съ кусками ветчины, хлѣба, разныхъ живностей на штыкахъ и подъ мышками. Другіе спустились въ подвалы и уничтожали *династическія* вина. Оттуда неслись пѣсни, крики и завыванія. Долго послѣ совершеннаго очищенія

Тюльери, мѣщане города Парижа и жены ихъ прикладывали, съ улицы Риволи, лица свои къ разбитымъ рамамъ погребовъ и глядѣли въ темь и пустоту, стараясь представить себѣ оргію, бушевавшую въ нихъ за нѣсколько дней. Между тѣмъ изо всѣхъ этажей дворца сыпались клочья бумагъ, какъ будто постоянный дождь (сколько любопытныхъ документовъ могло быть истреблено такимъ образомъ), съ шумомъ падали ставни, срываемые съ крюковъ своихъ единственно изъ наслажденія порчи, и съ звономъ летѣли стекла на мостовую.

Газеты извѣщали потомъ о пожарѣ, начинавшемъ развиваться въ одной части Лувра, скоро однакожъ прекращенномъ, и о томъ, что въ придворномъ театрѣ Тюльери между кулисами и машинами найдены горючія и зажигательныя вещества.

Особенное вниманіе наше привлекла многочисленная толпа людей, собиравшаяся въ Тюльерійскомъ саду, куда мы опять перешли. По устройству, съ какимъ становился народъ въ колонны, видно было, что онъ имѣетъ планъ, какое-то намѣреніе. Удивленіе наше возросло при видѣ маленькой вороной лошадки, пригнанной въ садъ, на которую посадили верхомъ по-мужски немолодую, но еще красивую дѣвушку. Эта новая богиня разума, déesse de la raison, взяла въ руки трехцвѣтное знамя и закричала: „à mort Guizot!“ Толпа двинулась за ней къ палатѣ депутатовъ, а мы за толпой. Въ палатѣ происходило ея знаменитое послѣднее засѣданіе, довольно хорошо извѣстное изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ разсказовъ. Кругомъ парламента и на площади de la Concorde еще стояло войско, кавалерія, артиллерійскій паркъ и генералъ Бедо красовался на лошади. У самой рѣшетки находилась маленькая карета герцогини орлеанской, и рядомъ съ ней небольшая прекрасная вороная лошадка, изъ породы пони, щегольски осѣдланная, подъ краснымъ и золотымъ чепракомъ. На ней предполагали везти по Парижу графа Парижскаго, уже одѣтаго въ мундиръ солдата національной гвардіи, тотчасъ какъ палата признаетъ его законнымъ королемъ французовъ. И карета и лошадь окружены были волнами народа. „Богиня разума“, подъѣзжавшая къ нимъ, составила неожиданно странное противорѣчіе, какъ будто опроверженіе мысли о подобномъ торжествѣ: это уже походило на манифестацію, направленную противъ манифестаціи. Толпа, прибывшая съ ней и тотчасъ же побѣжавшая вверхъ по лѣстницѣ, придерживая свои ружья, объяснила цѣль своего прибытія въ самой палатѣ: она именно составила тотъ „парижскій народъ“ оффиціальныхъ демократическихъ источниковъ, который, оторвавъ герцогиню отъ дѣтей, выбросилъ ее безъ чувствъ изъ засѣданія, который, разогнавъ герцоговъ Монпансье и Немурскаго въ раз-

ныя стороны, огласилъ выстрѣлами залу палаты, разсѣялъ представителей и, назначивъ новыхъ правителей изъ среды радикальныхъ членовъ бывшаго собранія, потащилъ ихъ въ ратушу. Не прошло и полчаса послѣ нашествія его, какъ карета и лошадка пропали съ площади, а вмѣстѣ съ ними и „богиня разума". Войско и артиллерія начали производить отступленіе въ казармы, съ опрокинутыми ружьями, съ опущенными фитилями, при одобрительныхъ крикахъ народа. Черезъ часъ толпа, свершившая весь этотъ переворотъ, выходила изъ палаты съ восклицаніями: „vive le gouvernement provisoire!" Другія восклицанія радости отвѣчали ей съ площади. Новые правители, слѣдовавшіе за ней и сжатые массой безпрестанно прибывающаго народа, дѣлали неимовѣрныя усилія на пути, чтобъ не погибнуть подъ тяжестію всеобщаго восторга и любопытства. Измученный Ламартинъ попросилъ воды у казармы Дорсе на набережной, и когда подали ему стаканъ вина, произнесъ, выпивая его: „c'est le banquet". Между тѣмъ задніе ряды, опоздавшіе къ развязкѣ, спрашивали объ именахъ новыхъ владыкъ Франціи, и многіе записывали ихъ въ свои памятныя книжки, несмотря на противорѣчіе показаній. Говорили о Дюпонѣ, Ламартинѣ, Ледрю-Ролленѣ, Гарнье-Пажесъ, Кремье и проч. Я было и забылъ прибавить, что народъ, распорядившійся такимъ образомъ судьбами своего отечества, какъ теперь несомнѣнно извѣстно, былъ приведенъ агентами г. Армана Мараста.

Мы не вошли въ палату, потому что заранѣе положили осмотрѣть Тюльери въ его необычайномъ, неожиданномъ и негаданномъ превращеніи. Выборъ былъ сдѣланъ еще и въ томъ соображеніи, что короткій зимній день уже начиналъ склоняться къ ночи и слѣдовало заставать одно какое-либо явленіе этихъ драматическихъ дней, изъ невозможности присутствовать разомъ на всѣхъ явленіяхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, мы повернули къ Тюльери и уже потомъ узнали сущность и содержаніе трагедіи, происходившей въ палатѣ, гдѣ главной подробностію была агонія— отходъ умирающаго собранія, въ одно время крайне терпѣливаго и крайне заносчиваго, требующаго, чтобъ герцогиня орлеанская съ двумя своими братьями отошла въ задніе ряды, пока будетъ рѣшаться ея участь, и допускающаго уже постороннихъ людей садиться на скамьи депутатовъ и дѣлать возгласы. Рѣчь О. Барро, отвѣтъ Л. Ролленя, объявленіе Ламартина, что одна Франція теперь можетъ установить форму правленія, бумажка герцогини орлеанской, брошенная ею въ ряды депутатовъ со словами: „мать бѣднаго сироты сама требуетъ приговора Франціи для рѣшенія его участи", восклицаніе Ларошъ-Жаклена: „Vous n'êtes plus rien,

nous ne sommes plus rien...“ и затѣмъ появленіе вооруженной толпы и всеобщее бѣгство, послѣдовавшее тотчасъ же,—все это сдѣлалось потомъ извѣстнымъ Европѣ, точно также какъ и намъ, изъ разсказовъ и реляцій. Переходимъ къ тому, что́ мы видѣли собственными глазами, именно къ внутренней тюльерійской драмѣ.

Мы поднялись въ парадныя залы дворца по великолѣпной его лѣстницѣ, при громкой марсельской пѣсни, не умолкавшей на ней ни минуты. Сходящій и выходящій народъ образовалъ что-то въ родѣ двухъ противоположныхъ теченій. Одна изъ статуй, украшающихъ лѣстницу, накрыта была красной шапкой, эмблемой торжества демократіи. Дверь, прямо ведущая черезъ галлерею въ половину герцогини орлеанской, охранялась національной гвардіей — вѣдь герцогиня еще могла быть правительницей, и приличіе требовало сберечь ея комнаты отъ поруганія, но народъ врывался уже туда черезъ разбитыя окна стеклянной двери. Мы повернули на-право въ пріемныя залы короля и, при трескѣ ружейныхъ выстрѣловъ и невообразимомъ шумѣ, страшной давкѣ, прошли залу Діаны, маршальскую и концертную. Всѣ бюсты короля были изломаны, многія картины разорваны на-двое, портретъ Бюжо́ разстрѣлянъ и въ клочкахъ; лохмотья висѣли на окнахъ, и съ потолковъ мотались порубленныя цѣпи люстръ, выброшенныхъ на улицу. Особенная атмосфера, смѣсь духоты, пыли и пороха стояла въ этихъ штофныхъ, зеркальныхъ, портретныхъ комнатахъ, и носилась въ воздухѣ, какъ туманъ. Блестящій паркетъ ихъ скоро потемнѣлъ и сокрушился подъ ногами, обутыми въ сабо и въ сапоги съ гвоздями. Одна концертная зала, съ ея великолѣпнымъ куполомъ Делорма, была свѣжѣе другихъ, и нѣсколько минутъ мы остановились въ ней, какъ на оазисѣ, чтобъ перевести духъ. Народъ былъ въ какомъ-то нравственномъ опьяненіи: сквозь гулъ, образовавшійся изъ массы звуковъ, проникали, по временамъ, то карнавальная шутка, то фарсъ, то особенно ироническая замѣтка: иронія, можно сказать, слышалась въ каждомъ мимолетномъ словѣ, напирала отвсюду и составляла общее настроеніе умовъ. Все это, однакоже, болѣе чувствовалось и разумѣлось, чѣмъ слышалось или видѣлось — каждая отдѣльная черта сливалась съ другой, и одинъ только голосъ явственно разносился въ этомъ грохотѣ, состоявшемъ изъ безчисленнаго количества разнородныхъ звуковъ, голосъ картонныхъ надписей, высоко поднятыхъ на длинныхъ шестахъ, со словами: Mort aux voleurs!“ (смерть ворамъ!) Тщетная угроза, какъ оказалось впослѣдствіи. Если самая большая часть народа отдалась вполнѣ, съ какимъ-то самозабвеніемъ, удовольствію ликовать въ необычайномъ мѣстѣ, то была еще другая, которая думала о болѣе существенныхъ занятіяхъ.

Долго послѣ того продавались въ магазинахъ медали, альбомы, прессъ-папье изъ дворца, и сколько разъ отбирала полиція медальоны, портфели, сувениры, фермуары и другія драгоцѣнности принцевъ и принцессъ орлеанскихъ, препровождая новыхъ ихъ обладателей къ суду. Но если бы имѣли мы намѣреніе поодиночкѣ разбирать каждую черту въ тюльерійской драмѣ, то опять время положило бы преграду: начинались сумерки. Мы спѣшили далѣе. Въ тронной залѣ нѣсколько десятковъ работниковъ преусердно работали топорами за золотымъ кресломъ Л. Филиппа. Изъ тронной переступили мы въ частные покои королевы. Дворецъ тюльерійскій, какъ всѣ постройки французской эпохи „возрожденія“ (Renaissance), изящно малъ и уютенъ; позднѣйшія придѣлки растянули его въ длину и сдѣлали недостатокъ ширины уже весьма ощутительнымъ и почти порокомъ. Парадныя залы, занимающія все пространство между двумя фасадами, еще скрываютъ его, но жилые покои, раздѣленные по обѣимъ сторонамъ перегородкой, разрѣзывающей вдоль узкое внутреннее пространство дворца, скорѣе походятъ на галерею кабинетовъ, чѣмъ на комнаты. Обѣ половины сообщаются между собой маленькими проходцами, корридорцами, чуланчиками. За то всѣ выдумки комфорта пріютились въ этихъ небольшихъ покояхъ, какъ на почвѣ, заранѣе приготовленной для нихъ: едва переступишь порогъ, какъ отъ стѣнъ этихъ вѣетъ сосредоточенностію изящной семейной жизни. Вотъ почему также неожиданное вмѣшательство толпы и постороннихъ людей сдѣлались тутъ еще рѣзче, а по сжатости рамъ и сама картина получила нестерпимо яркія краски. Давка тутъ уже была неимовѣрная. Великолѣпные ковры, застилавшіе всѣ комнаты, сгорѣли въ нѣсколько часовъ подъ ногами толпы. У широкихъ каминовъ сидѣли молодые работники и ребятишки въ штофныхъ креслахъ, принимая серьёзныя мины и вычурныя позы тѣхъ маркизовъ и князей, которые могли тутъ сидѣть и о которыхъ они составили себѣ понятіе по театральнымъ представленіямъ. На постеляхъ королевы и принцессъ лежали люди въ блузахъ и сабо, пробуя упругость мебели; черныя руки стучали по ихъ фортепьянамъ; пороховые пальцы перевертывали великолѣпные ихъ альбомы, разныя коллекціи, смыслъ которыхъ былъ потерянъ, такъ какъ все въ этихъ комнатахъ, начиная съ картины и до послѣдней книжки, имѣло свою причину, свое значеніе, унесенныя съ собой прежними владѣльцами. Народъ не оставилъ безъ изслѣдованія и обыска ни одного чулана, ни одного закрома: все было выворочено имъ наружу и выставлено въ оскорбительномъ хаосѣ. Поражаемые на каждомъ шагу новыми явленіями, добрались мы такимъ образомъ до павильона Марсанъ, откуда уже широкая

дверь вела въ знаменитую луврскую картинную галерею. Къ счастію, она охранялась самими блузниками, вмѣстѣ съ воспитанниками политехнической школы, которые рѣшительно не только возбраняли доступъ въ нее, но всякое скопленіе народа въ этомъ мѣстѣ. Отсюда хотѣли-было мы спуститься по лѣстницѣ, въ нижній этажъ, въ половину самого Л.-Филиппа, но сумерки увеличивались, а притомъ сверху изъ гардероба летѣли на насъ камзолы, кафтаны и проч., и самыя комнаты были такъ переполнены народомъ, что ранѣе глубокой ночи мы бы туда никакъ не попали. Все это, вмѣстѣ взятое, понудило насъ остановиться и повернуть назадъ сперва въ наружную галерею, а затѣмъ опять въ парадныя залы и оттуда уже въ садъ. У всѣхъ его воротъ уже стояла стража изъ работниковъ, студентовъ, національныхъ гвардейцевъ и учтиво просила отдать вещи, какія могли были быть вами взяты во дворцѣ. Кто-то около меня показалъ клочокъ окопной занавѣсы, клочокъ отъ троннаго балдахина и кусокъ сургуча, который раздавалъ при насъ, въ половинѣ королевы, какой-то работникъ, стоя массивными сапогами своими на великолѣпномъ черепаховомъ столѣ съ золотыми нарѣзками (meuble Boule): мы были пропущены радушно и ласково. Кстати прибавить въ заключеніе, что странная надпись на воротахъ Тюльери: „Hôtel des invalides civils“, — выдуманная и помѣщенная на нихъ Л.-Бланомъ — уже и въ первую эпоху своего появленія возбуждала своей реторической шумихой насмѣшливую улыбку всѣхъ партій, не исключая и его собственной.

Такъ палъ король Луи-Филиппъ, низвергнутый революціей, въ которой ни разу не произнесено было: „vive la république!“

Во дворцѣ его, подъ предлогомъ охраненія отъ внезапнаго нападенія, поселилась затѣмъ толпа работниковъ и всѣхъ возможныхъ лицъ, которая потребовала себѣ содержанія отъ государства, и получила его. Нѣсколько недѣль жила она потомъ въ Тюльери, предаваясь всевозможнымъ оргіямъ, добрая часть которыхъ уплачивалась казной, и нисколько не располагая покинуть его. Нуженъ былъ отрядъ солдатъ національной гвардіи, чтобъ выжить этихъ странныхъ охранителей изъ ихъ убѣжища, и дѣло еще не обошлось безъ протестацій, волненій и упрековъ временному правительству въ посягновеніи на права народа.

Нѣсколько замѣчательныхъ публицистовъ, Эмиль-Жирарденъ, Монталиве и др. уже разсказали, что́ происходило въ эти роковыя минуты съ королемъ Л.-Филиппомъ, представлявшимъ себѣ революцію, какъ волненіе, направленное въ пользу г. Тьера и смѣны прежде бывшаго министерства. Онъ еще въ день взятія Тюльери сидѣлъ за завтракомъ съ семьей, изъ-за котораго всталъ уже для

того, чтобъ подписать воззваніе къ народу и отреченіе свое. Одинъ изъ отряда конныхъ національныхъ гвардейцевъ, проводившихъ короля изъ Парижа въ С.-Клу, извѣстный портной Гюманъ, передалъ намъ слѣдующія подробности о послѣднихъ часахъ короля въ окрестностяхъ Парижа.

На площади de la Concorde, стоялъ отрядъ верховой національной гвардіи и бѣдный фіакръ въ одну лошадь: придворныя кареты были прежде остановлены народомъ, лошади выпряжены и кучера разогнаны. Вышедъ на площадь, черезъ тайный проходъ изъ тюльерійскаго сада, король былъ на минуту разлученъ народомъ отъ жены и двухъ внуковъ, взятыхъ имъ съ собой. Онъ, казалось, хотѣлъ говорить съ толпой, но подоспѣвшая королева увлекла его къ фіакру. Взявъ дѣтей промежъ колѣнъ (съ ними была еще принцесса, усѣвшаяся на козлы), они поскакали, что́ есть мочи, въ С.-Клу, сопровождаемые отрядомъ и предшествуемые верховымъ гвардейцемъ, который, махая платкомъ, кричалъ народу: „le roi a abdiqué, le roi a abdiqué". У Инвалиднаго моста послышался выстрѣлъ, фіакръ остановился на минуту—король могъ быть взятъ, но конный отрядъ разрѣзалъ толпу, и всѣ проскакали далѣе. Гюманъ прибавлялъ еще подробность: и при выходѣ изъ тюльерійскаго сада, увидавъ готовый отрядъ національныхъ гвардейцевъ, Луи-Филиппъ сказалъ всѣмъ: „Messieurs, j'ai abdiqué", но такимъ тономъ, какъ-бы хотѣлъ прибавить: вы этого желали, увидите, что́ будетъ послѣ меня. По прибытіи въ С.-Клу весь отрядъ столпился около старой четы, и Луи-Филиппъ произнесъ: „Ai-je bien fait, messieurs?" Не понимая къ чему относится вопросъ: къ бѣгству ли, абдикаціи или политическому образу поведенія, отрядъ отвѣчалъ криками: „vive le roi!"—послѣдними криками этого рода, слышанными имъ на вѣку своемъ. Едва они замолкли, какъ одинъ гвардеецъ замѣтилъ падшему королю, что ничего подобнаго не случилось бы, если бы правленіе его было нѣсколько полиберальнѣе. Л.-Филиппъ молчалъ, стоя печально съ опущенной головой. Тогда королева, заливаясь слезами и положивъ руку на плечо мужа, произнесла: „увѣряю васъ, господа, что это одинъ изъ превосходнѣйшихъ людей на свѣтѣ! Il a toujours voulu le bien de son pays, mais les partis et l'étranger ont juré sa perte". Близъ-стоявшіе люди, тронутые этой сценой, цѣловали руки ея, и старая Амалія прибавила, оглядывая внимательно весь отрядъ: „я никогда не забуду васъ, господа, никогда не забуду послѣдней вашей услуги" Потомъ она увела мужа во дворецъ, оставивъ во всѣхъ отрадное впечатлѣніе, какъ всегда бываетъ при видѣ мужественной женщины, борющейся съ несчастіемъ. Около часа пробыла королевская фамилія

въ С.-Клу, выжидая, по всей вѣроятности, извѣстій изъ Парижа. Когда долетѣла до нея роковая вѣсть о происшествіяхъ въ палатѣ, отнявшая послѣднюю надежду на утвержденіе орлеанскаго дома во Франціи, начинается ея несчастное бѣгство въ Трепоръ. Для лучшаго успѣха, король разстается съ частію семейства, прибѣгаетъ къ переодѣванію и послѣ тяжелыхъ дней скитанія достигаетъ англійскаго корабля въ Трепорѣ. Бѣгство это возбудило неудовольствіе англійскихъ журналовъ, считавшихъ его безполезнымъ, добровольнымъ униженіемъ себя и увѣрявшихъ, что народъ и правительство французское дали бы королю средства спокойно оставить землю и берега родины. Можетъ быть, это и правда, но Л.-Филиппъ такъ много видѣлъ въ своей долгой жизни, что простительно, если онъ былъ гонимъ еще болѣе своими воспоминаніями, чѣмъ дѣйствительной опасностію.

По выходѣ изъ тюльерійскаго сада, мы направились къ Ратушѣ (Hôtel-de-Ville), гдѣ новое „временное правительство“, назначенное въ палатѣ, застало другое правительство, выбранное народомъ изъ республиканскихъ журналистовъ и знаменитыхъ публицистовъ этой партіи, Въ ошибкѣ своей съ нимъ, временное правительство отбросило нѣкоторыхъ, приняло въ свои нѣдра другихъ, какъ Флокона, Мараста, Л.-Блана, но, соблюдая на первыхъ порахъ іерархію, назначило ихъ только секретарями правительства. Другая, тяжелѣйшая работа предстояла ему. Волнами прикатывался безпрестанно народъ къ Ратушѣ и ежеминутно разрывалъ правителей, которымъ стоило потомъ всякій разъ неимовѣрныхъ усилій, чтобъ снова сосредоточиться и сойтись. Ледрю-Ролленъ, а особенно Ламартинъ, сдѣлавшійся вдругъ идоломъ и забавой толпы — говорили ежечасно, ежеминутно, задерживая такимъ образомъ массы народа на каждомъ шагу. Были густыя колонны работниковъ, которые врывались въ Ратушу и требовали одного, чтобъ Ламартинъ говорилъ... И онъ говорилъ, говорилъ... Старый Дюпонъ нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Правители уже сдавлены были въ послѣдней крайней комнатѣ Ратуши, когда подоспѣвшая ночь прекратила напоръ народа. Тутъ только могли они придти въ себя, поправить платья свои, обращенныя въ лохмотья, и потребовать ломоть хлѣба и кружку вина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при свѣтѣ костровъ, разложенныхъ на площади, гдѣ народъ расположился покуда бивакомъ, при шумѣ часовыхъ изъ самозванной стражи, объявившей себя оберегательницей Ратуши (gardiens républicains), должны они были подумать о Парижѣ, предоставленномъ самому себѣ, о всѣхъ общественныхъ узахъ, порванныхъ въ одинъ этотъ день, о неимовѣрныхъ требованіяхъ, которыя должны непремѣнно возникнуть зав-

тра, о безпорядкахъ, для которыхъ уже не было оплота, о грозной будущности, изъ которой надо было вырвать нѣсколько тайнъ, чтобъ спасти государство, и наконецъ о страшной отвѣтственности, лежавшей на нихъ въ эту минуту.

Итакъ, мы направились къ Ратушѣ по набережной Сены. Вдоль этого пространства огромной лентой развивался тотъ же самый грозный карнавалъ, какой мы уже видѣли во дворцѣ и въ саду. У парапетовъ набережной дымились догорающія гауптвахты и посты муниципальной гвардіи, а по мостовой неслись осѣдланныя лошади, потерявшія своихъ хозяевъ, и составлялись процессіи. Одна изъ нихъ была особенно оригинальна: на пушечномъ лафетѣ, лишенномъ орудія своего, катались вооруженные работники въ сообществѣ съ дамами, у которыхъ холодный вѣтеръ, дувшій во весь этотъ день, срывалъ поношенныя шляпки и потертыя ихъ мантильи. Въ одной изъ такихъ процессій я встрѣтилъ, къ великому моему изумленію, недавнюю мою знакомку, богиню разума, но уже мертвецки пьяною. На тротуарѣ набережной было тѣсно и отъ народа, и отъ многочисленныхъ революціонно-маскарадныхъ импровизацій. Всякій въ этотъ день хотѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ лицомъ хоть на минуту, захватывалъ на улицѣ клочокъ мѣста и выкидывалъ свою штуку, возлѣ которой всѣ старались пройти какъ можно осторожнѣе. Частичка державства, власти (souveraineté du peuple) была теперь въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Между тѣмъ изъ Ратуши шли люди, щеголевато одѣтые, съ ружьями за плечами, какъ послѣ конченнаго дѣла. Дѣйствительно, дойдя до площади, мы увидѣли шумный лагерь, освѣщенный бивуачными кострами, но теченіе народа къ Ратушѣ уже прекратилось. Проголодавшіеся и измученные, мы рѣшились вернуться назадъ, но еще хотѣли сперва захватить Палерояль, мѣсто недавней битвы, и тутъ ожидала насъ послѣдняя картина, завершившая достойнымъ образомъ весь этотъ день необычайныхъ картинъ.

Пройдя дворъ Лувра, гдѣ еще высилась конная статуя покойнаго герцога орлеанскаго, съ извѣстной фразою: l'Armée de France au duc d'Orléans, сброшенная черезъ день, мы очутились, миновавъ улицу du Coq, возлѣ улицы St. Honoré. Улица эта была заперта отсюда здоровой баррикадой. Мы перелѣзли черезъ баррикаду коекакъ и очутились передъ цѣлой цѣпью баррикадъ, которыя тянулись съ этого мѣста по направленію къ Палероялю и въ разныя стороны. Всѣ онѣ находились въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга и притомъ устроены были такъ солидно, что имѣли видъ правильныхъ инженерныхъ построекъ. Одна особенно обратила мое вниманіе. Расположенная на перекресткѣ, баррикада эта правильными

дугами заперла всѣ четыре конца его и образовала нѣчто похожее на основаніе башни, верхняя половина которой снята. Внутренность баррикадъ наполнена была страшной грязью и лужами черной стоячей воды, стекавшей изъ подземныхъ трубъ. Мы уже перелѣзли черезъ три баррикады, цѣпляясь кое-какъ за камни и упираясь въ стѣны домовъ, но картина дѣлалась все строже и строже по мѣрѣ приближенія нашего къ Палерояю. Въ слякоти и полумракѣ вращался зачерненный народъ, только-что кончившій разореніе дворца и недавно тушившій въ немъ пожаръ. Сцена безпрестанно освѣщалась факелами, за которыми показывались носилки съ трупами, прикрытыми бѣлымъ полотномъ. До пояса обнаженные люди извлекали убійственные, раздирающіе звуки изъ трубъ, факельщики кричали: „chapeaux bas devant les victimes“! и всякій такой кортежъ сопровождался цѣлой толпой ободранныхъ, загрязненныхъ спутниковъ, которые въ дикомъ энтузіазмѣ пѣли la Marseillaise. Мы повстрѣчали даму, извѣстную Г—вегъ. Она прыгала съ камня на камень и очень бодро выносила спектакль, какъ будто укрѣпляя нервы свои для извѣстной революціонной экспедиціи въ Баденъ, которую свершила потомъ съ супругомъ. Съ послѣдней баррикады мы увидѣли площадь Палерояля, покрытую обломками дворцовой мебели, головнями и людьми, подбиравшими убитыхъ и раненыхъ. Героическая гауптвахта еще горѣла весьма жарко, отбрасывая на противоположный дворецъ яркій свѣтъ. Далѣе насъ не пустили. Мы должны были свернуть въ улицу Валуа, и черезъ внутренній дворъ Палерояля выйти снова на улицу St. Honoré. Со стороны узкой rue Valois начинался пожаръ во дворцѣ: она затоплена была теперь ручьями грязной воды, въ которой валялись обломки мебелей и домашнихъ принадлежностей. Между тѣмъ мы подходили къ внутреннему двору Палерояля: оттуда неслось дикое пѣніе и намъ уже попадались люди, столько же возбужденные обаятельными впечатлѣніями тѣснаго боя, сколько и безплатнымъ виномъ королевскаго погреба. На самомъ дворѣ была тѣснота невообразимая. Въ трехъ мѣстахъ народъ развелъ костры изъ дворцовыхъ вещей, выброшенныхъ и вытащенныхъ сюда, и, охватившись руками, неистово танцовалъ вокругъ нихъ кармоньолу. Пѣсня, одна пѣсня (la Marseillaise), наполнявшая весь этотъ день — гремѣла и теперь передъ балкономъ дома, откуда, въ 1830 году, пѣлъ ее и самъ Л.-Филиппъ. Удивительную противоположность составляла великолѣпная стеклянная галерея съ ея богатыми магазинами (galerie d'Orléans) на противоположной сторонѣ дворца, погруженная въ мракъ, совершенно пустая и безжизненная. Она защищена была надписью: „on ne passe pas“ и двумя національными гвардейцами, которые

стояли на обоихъ концахъ ея со сложенными на-крестъ ружьями. Въ такомъ же мракѣ и безмолвіи лежалъ и весь притихшій остальной Палерояль за этой галереей. Кое-какъ перебрались мы на противуположный конецъ дворца между воспаленныхъ лицъ, дыханіе которыхъ могли слышать, между обнаженныхъ волосистыхъ грудей, жизненную теплоту которыхъ могли чувствовать. Въ первый разъ я былъ такъ крѣпко захваченъ со всѣхъ сторонъ бушующими волнами народа. При самомъ выходѣ, казалось, они захлеснутъ насъ, а къ увеличенію бѣды изъ дворца то-и-дѣло шли носилки, бѣлое покрывало которыхъ ясно обрисовывало формы трупа, и раздавались: „chapeaux bas devant les victimes!“ Мы могли свободно вздохнуть только тогда, когда очутились на улицѣ St. Honoré. Грозное клокочущее море оставалось позади. На улицѣ было свѣжо, просторно. Вправо по направленію къ Тюльери горѣло яркое зарево, но то были отдѣльные лагери вокругъ дворца, составленные народомъ, на подобіе такихъ же около Ратуши. День нашъ былъ конченъ; чудный день, въ которомъ ярость и шутка, необузданное бѣшенство и безграничный разгулъ подали другъ другу руки и въ которомъ однакожъ ни разу не раздалось призыва къ грабежу частной собственности, и ни одно частное лицо не было оскорблено.

Мы отобѣдали на-скоро у одного знакомаго—двери всѣхъ ресторановъ были крѣпко заперты въ этотъ день, и на кухняхъ ихъ, вѣроятно, не разводилось огня вовсе. Не легко было достать просто кусокъ хлѣба. Черезъ часъ, несмотря на изнеможеніе, мы были снова на улицѣ.

Весь Парижъ представлялъ одну массу огня. Проученные событіями вчерашняго дня — владѣльцы домовъ и хозяева квартиръ на аристократическихъ бульварахъ освѣтили свои окна уже безъ приглашенія. Урокъ былъ такъ силенъ, что они дня три сряду ставили свѣчи и шкалики по всѣмъ выступамъ домовъ, вездѣ гдѣ можно было поставить. О народныхъ кварталахъ говорить нечего: тамъ бѣднѣйшіе дома сверху до низу усѣяны были красными и трехцвѣтными фонариками.

Баррикады, между тѣмъ, лежали по всѣмъ улицамъ и вокругъ нихъ *гулялъ* народъ, поминутно разряжая ружья на воздухъ (мирные залпы эти слышны были потомъ всю ночь), шумя, веселясь и потѣшаясь, какъ надъ собой, такъ и надъ другими. Зажиточное народонаселеніе Парижа, видя, что дѣло уже на исходѣ, тоже высыпало на улицу и первой его заботой было пристроиться какъ можно скорѣе къ народу. Намъ встрѣчалось не одно лицо съ ложнымъ выраженіемъ торжества и довольства, какъ будто послѣ все-

ликаго личнаго подвига, и не одинъ разъ видѣли мы жаркія пожатія рукъ, обмѣниваемыя щеголеватыми господами и блузниками, причемъ съ одной стороны раздавались льстивыя похвалы народу и завѣренія въ необходимости и законности переворота, а съ другой—добродушное хвастовство своей удалью. Національная гвардія тотчасъ же смѣшалась съ работниками и вмѣстѣ съ ними принялась оберегать цѣлость баррикадъ: дѣйствительно, посягновеніе на баррикады было бы теперь знакомъ междуоусобной войны и сохранность этихъ крѣпостей лежала на сердцѣ тѣхъ, противъ кого они были сдѣланы, еще болѣе чѣмъ на сердцѣ тѣхъ, которые ихъ воздвигали. Всѣ вообще съ нетерпѣніемъ ожидали первыхъ извѣстій отъ новаго, временного правительства, первыхъ его распоряженій. Оффиціальные листки, вскорѣ показавшіеся на бульварахъ, расхватывались съ необычайной и понятной алчностью. Они читались цѣлыми группами, соборомъ, такъ сказать, подъ газовыми столбами, которые, будучи лишены фонарей, испускали теперь длинные, огненные языки, колеблемые вѣтромъ. Первые декреты „правительства“ уже показывали весь будущій, искусственно-примирительный характеръ его. Оно приказывало сберечь на время построенныя баррикады — это относилось къ народу, защищавшему ихъ; оно сохраняло Франціи трехцвѣтное знамя — это успокоивало либеральный классъ людей съ умѣренными требованіями; оно предоставляло будущему „собранію“ и всей націи выбрать и утвердить форму правленія — это на первый случай мирило съ переворотомъ разнородныя партіи, имѣвшія каждая свои собственныя надежды. Не былъ забытъ почти ни одинъ оттѣнокъ мнѣній, господствующихъ въ обществѣ, какъ бы ни казался онъ противоположенъ другимъ. Между „секретарями“ правительства, выбранными изъ демократическихъ публицистовъ, встрѣчалось одно поразительное, мало извѣстное имя: „Albert, ouvrier, secrétaire de gouvernement“. Этимъ именемъ правительство привѣтствовало возникающую идею о соціальной республикѣ. Такимъ образомъ, задача правительства— не исключать ни одного требованія и сдерживать ихъ всѣхъ взаимнымъ противодѣйствіемъ, обнаружилась съ перваго шага. Иной оно и не могло имѣть, потому что развитіе народа въ ту или другую сторону совершенно заслонилось у него другой, тоже важной потребностью отыскать ему нейтральную почву, на которой онъ могъ бы сойтись. Послѣ этихъ декретовъ стараніе перемѣшать всѣ партіи сдѣлалось лозунгомъ цѣлой Франціи. Результаты извѣстны. Старое общество, потрясенное въ основаніи, сжалось, такъ сказать, умалилось на время и съ помощью уступокъ и покорности подъконецъ вырвало побѣду у врага, который, надо признаться, не

зналъ что́ и дѣлать съ своей побѣдой. Она пришла къ нему столь же неожиданно, какъ власть въ руки тѣхъ, которые взялись за кормило правленія. Всѣ попытки народа сказать свое собственное слово, удержать за собой политическое вліяніе, предъявленныя имъ въ различные дни, слѣдовавшіе за февральскими, остались безуспѣшны. Потокъ событій уже обратился вспять и понесся съ такой силою назадъ, что далеко́ миновалъ то мѣсто, откуда вырвался на свѣтъ впервые. Это обыкновенное свойство явленій случайныхъ, не продуманныхъ и не подготовленныхъ предшествующимъ развитіемъ: они обнаруживаютъ еще бо́льшую торопливость и энергію при отступленіи своемъ, чѣмъ въ эпоху своего стремленія впередъ. Исторія возвращенія необдуманнаго переворота назадъ, домой, къ старымъ, но уже опустошеннымъ мѣстамъ, можетъ быть, еще поучительнѣе исторіи его мгновеннаго и неожиданнаго успѣха.

II.

Начнемъ съ той минуты, какъ парижская февральская революція избрала себѣ начальниковъ [1]). Первою мыслью временного правительства, ею созданнаго, какъ только сдѣлалось немного посвободнѣе въ Ратушѣ, была мысль о самомъ себѣ и объ утвержденіи своей власти, возникшей на баррикадахъ. Едва переступивъ порогъ общиннаго дворца, и еще въ самую ночь, слѣдовавшую за изгнаніемъ короля, взятіемъ Тюльери и палаты депутатовъ, оно предписываетъ формированіе 24 батальоновъ „подвижной національной гвардіи“, ряды которой должны состоять изъ отчаянной молодежи, такъ страшно бушевавшей на улицѣ не далѣе какъ вчера. Этимъ знаменитымъ декретомъ оно ослабляетъ внезапно баррикады, которыя должны еще нѣсколько времени оставаться на улицахъ, и вмѣстѣ льститъ воинственному духу французскаго юношества, за что́ черезъ два мѣсяца, именно въ іюнѣ, молодежь отблагодарила его побѣдой надъ огромнымъ бонапартисто-соціалистскимъ возстаніемъ. Отыскавъ выходъ для одного изъ революціонныхъ элементовъ, вре-

---

[1]) Окончательный составъ „временного правительства“ оказался слѣдующій: 1) президентъ совѣта—престарѣлый Дюпонъ (de l'Eure), 2) министръ иностранныхъ дѣлъ—Ламартинъ, 3) внутреннихъ дѣлъ—Ледрю-Ролленъ, 4) юстиціи—Кремьё, 5) финансовъ—банкиръ Гудшо, 6) морской—Араго, 7) публичныхъ работъ—Мари, 8) просвѣщенія—Карно, 9) коммерціи—Бетмонъ, 10) военный—Бедо и потомъ Сюберви; секретари правительства: 11) Арманъ Марастъ, 12) Флоконъ, 13) Луи-Бланъ и 14) Альберъ (раб.)); 15) мэръ города Парижа—Гарнье-Пажесъ; 16) начальникъ Алжиріи—Каваньякъ; 17) начальникъ національной гвардіи—Курте.

менное правительство, черезъ нѣсколько дней, находитъ уютное и спокойное помѣщеніе для другого и самаго могущественнаго революціоннаго двигателя, именно парижскихъ работниковъ. Послѣ работничьей манифестаціи, наскоро составленной членомъ правительства, Луи-Бланомъ, оно декретируетъ (28 февраля) образованіе „работничьей коммиссіи", Commission pour les travailleurs, и помѣщаетъ ее въ Люксамбургѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Луи-Блана, вскорѣ туда и переѣхавшаго. Вмѣстѣ съ нимъ переходитъ во дворецъ и Дюпонъ (de l'Eure), занявшій комнаты бывшаго канцлера, и республиканецъ Барбесъ, такъ близко видѣвшій эшафотъ и назначенный теперь въ должность коменданта дворца. *Пикантность,* если смѣю такъ выразиться, этого распоряженія составляла только малую часть его достоинства. Покуда „Работничья коммиссія", вскорѣ прозванная просто „Люксамбургскою", засѣдала съ представителями отъ всѣхъ цеховъ въ креслахъ бывшихъ пэровъ Франціи, разсуждая о способахъ низвести промышленную гармонію въ міръ конкурренціи и капитала, ходъ событій былъ уже очищенъ отъ страшной массы народа, мѣшавшей его теченію, чѣмъ впослѣдствіи Ламартинъ и похвастался передъ національнымъ собраніемъ. Кромѣ этихъ распоряженій, были еще приняты одновременно съ ними и другія мѣры для успокоенія силъ наиболѣе опасныхъ или наиболѣе докучныхъ правительству. Съ тѣмъ же *пикантнымъ* эффектомъ, который на первыхъ порахъ былъ преобладающею чертою въ характерѣ временного правленія, оно назначаетъ въ пособіе работникамъ милліонъ франковъ, слѣдовавшій королю Луи-Филиппу за мартъ мѣсяцъ, и устами Луи-Блана даетъ торжественное обѣщаніе снабжать работой людей, нуждающихся въ ней, слѣдствіемъ чего было обнародованіе 6-го марта декрета о „національныхъ мастерскихъ". Декретомъ этимъ Луи-Бланъ и Флоконъ, такъ сказать, отблагодарили работниковъ за то, что они водворили ихъ въ правительствѣ вечеромъ 25-го февраля. Чтó сдѣлалось съ декретомъ, и какъ онъ обратился противъ партіи, его задумавшей и неумѣвшей съ нимъ справиться, — увидимъ впослѣдствіи. Освободясь отъ перваго гнета революціонныхъ страстей, правительство приступило къ общимъ мѣрамъ вспомоществованія. Одинъ за другимъ появились декреты о возвращеніи владѣльцамъ изъ ломбарда (Mont de piété) безплатно всѣхъ закладовъ, не превышающихъ десяти франковъ, объ отсрочкѣ платежей по всѣмъ частнымъ обязательствамъ на пятнадцать дней,—срокъ, который впослѣдствіи былъ опять продолженъ на пятнадцать дней и проч. Самая популярная мѣра изъ числа этихъ милостивыхъ манифестовъ была, однакоже, принята нѣсколько позднѣе, именно 8-го марта, и состояла въ уничтоженіи

ненавистной французамъ долговой тюрьмы. Впрочемъ, самыя щедрыя награды достались не публикѣ, конечно, а отдѣльнымъ лицамъ. Съ марта мѣсяца началась у правительства громадная раздача вакантныхъ мѣстъ *благомыслящимъ* людямъ эпохи, нахлынувшимъ для этого въ переднюю Ратуши со всѣхъ концовъ Франціи. Въ числѣ новыхъ замѣщеній были, однакоже, и такія, которыя служили вознагражденіемъ за несправедливости прежняго управленія, и которыя повсюду были встрѣчены единодушнымъ одобреніемъ. Къ числу такихъ принадлежало распоряженіе о возвращеніи каѳедръ въ Collége de France отставленнымъ профессорамъ, Мишеле и Кине, и созданіе каѳедры тамъ же для гонимаго и презираемаго старо-оффиціальными людьми философа Конта [1]). Въ ряду милостивыхъ декретовъ особенно высились два,—именно одинъ объ уничтоженіи смертной казни за политическія преступленія, который былъ объявленъ въ субботу 25-го февраля Ламартиномъ, съ крыльца Ратуши, при кликахъ восторженнаго народа, и другой—о расширеніи кадровъ національной гвардіи, сословная замкнутость которой была теперь разорвана допущеніемъ въ ряды ея всѣхъ безъ исключенія [2]). Она тотчасъ же и явилась въ новомъ своемъ составѣ на смотръ, разночинецъ въ блузѣ и сюртукѣ объ руку съ мундиромъ, и всѣ подъ предводительствомъ эксъ-депутата, Гарнье-Пажеса, ставшаго мэромъ Парижа; онъ строилъ ихъ ряды, разъѣзжая верхомъ, въ сюртукѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и въ круглой шляпѣ, будто какой-нибудь американскій генералъ. Впрочемъ, новая мѣра нисколько не измѣнила общаго охранительнаго характера національной гвардіи на первыхъ порахъ. Впослѣдствіи, оппозиціонныя части этого гражданскаго войска отдѣлились отъ него, чтобы высвободиться и дѣйствовать самостоятельно съ оружіемъ въ рукахъ за свои собственные частные интересы; но теперь національная гвардія, увеличенная всѣмъ количествомъ мастеровыхъ пролетаріевъ и слугъ, нисколько не приняла особеннаго характера. Въ новомъ

---

[1]) Взамѣнъ и какъ будто для возстановленія равновѣсія, отрѣшены были отъ мѣстъ при университетѣ и библіотекѣ: Низаръ, Орфила, Шампольйонъ-Фижакъ и Рауль-Рошетъ, какъ отъявленные приверженцы Орлеанской фамиліи.

[2]) Множество другихъ распоряженій, менѣе значительныхъ, выбрасывало временное правительство изъ нѣдръ своихъ поминутно, что вмѣстѣ съ частными декретами по министерствамъ составило въ нѣсколько дней весьма обширную литературу. Въ этой массѣ предписаній можно отмѣтить декретъ объ освобожденіи изъ тюремъ всѣхъ политическихъ преступниковъ и нарушителей законовъ о печати, потомъ уничтоженіе присяги на всякія формы правительства, какъ обманчиваго установленія, несостоятельность котораго дознана во Франціи опытомъ, и наконецъ, распоряженіе молиться въ церквахъ за республику (Боже, спаси республику), ловко и осторожно измѣнено парижскимъ архіепископомъ въ „Боже, спаси Францію!“

своемъ составѣ она тотчасъ же обратилась къ старой своей работѣ, защитѣ существующаго порядка вещей, охраненію собственности и подавленію буйствъ, насколько возможно. Такова сила учрежденія вообще.

И надо сказать, въ содѣйствіи ея настояла уже крайняя необходимость. Временное правительство выдавало всѣ эти декреты не только передъ лицомъ волнующагося парижскаго народа, который легко воспламеняется, но и легко управляется льстивою фразой и знаками довѣрія къ его мудрости, но также и при заревѣ пожаровъ, составлявшихъ послѣднюю попытку темныхъ слоевъ народонаселенія, поднятыхъ со дна общества. Ужасъ овладѣлъ зажиточнымъ Парижемъ, когда онъ услыхалъ, что королевскій дворецъ Нельи обращенъ въ пепелъ, что дача Ротшильда въ Сюренѣ предана огню, въ то самое время какъ хозяинъ ея жертвовалъ 50.000 фр. на раненыхъ, что разрушеніе угрожаетъ и желѣзнымъ дорогамъ. Получено было извѣстіе о погибели великолѣпнаго Аньерскаго моста на Сенъ-Жерменской линіи, о сожженіи многихъ станцій, о мостѣ въ Руанѣ, подвергшемся той же участи, и наконецъ о томъ, что по „Сѣверной“ желѣзной дорогѣ пожаръ идетъ уже сплошною массой, начиная отъ Сенъ-Дени до Аміепа. Тогда-то новая національная гвардія вмѣстѣ съ волонтерами и, по преимуществу, студентами Политехнической Школы, бросилась на угрожаемые пункты въ разныя стороны, и съ помощью мѣстныхъ національныхъ гвардій, поднятыхъ ею на ноги, вездѣ потушила огонь и уняла грабежъ.

Новый префектъ полиціи эксъ-заговорщикъ Косидьеръ, самъ захватившій свое мѣсто, какъ нѣкоторые его товарищи—мѣста въ правительствѣ, успѣлъ даже образовать мгновенно легіонъ охранителей порядка, изъ работниковъ. Онъ назвалъ новыхъ своихъ полицейскихъ агентовъ, перешедшихъ въ эту должность прямо съ баррикадъ, *монтаньярами*, далъ имъ костюмъ солдатъ 1793, и этого было достаточно, чтобъ они могли, съ спокойною совѣстію, ходить патрулями по городу и предупреждать попытки къ грабежу и самовольной расправѣ. Парижъ почти одновременно увидалъ и переформированную національную гвардію, гдѣ подъ ружьемъ стояли, какъ мы уже сказали, рядомъ съ щеголеватыми господами, люди въ фуражкахъ, лохмотьяхъ и блузахъ, и охранительное войско Косидьера съ пыльными, мрачными лицами въ трехугольныхъ шляпахъ, съ краснымъ перомъ откинутымъ назадъ. Монтаньяры очень привольно размѣстились въ казармахъ, около префектуры, и не скупились на льстивыя увѣренія, что честь республики находится въ ихъ рукахъ, и что они призваны оберегать ее „предъ глазами

Европы", отъ позора и излишествъ. Очень забавно было подмѣчать благодарные и вмѣстѣ подозрительные взгляды, какими парижское мѣщанство провожало эти войска.

Между тѣмъ вся Франція, узнавъ въ субботу 25 февраля, что у нея, благодаря Бога, есть правительство, испустила, скажемъ безъ всякаго преувеличенія и риторической фразы, крикъ восторга. Еще баррикады лежали на улицахъ, немножко сдвинутыя въ сторону для возстановленія сообщеній, еще день-деньской раздавались выстрѣлы на воздухъ, пѣлись неистовыя пѣсни и тянулись оригинальныя процессіи къ Ратушѣ, какъ уже временное правительство получало изъявленія согласія признать его и новую республику, отъ всѣхъ властей, гражданскихъ и военныхъ, со всѣхъ концовъ страны, не исключая Алжиріи, изъ которой губернаторъ ея, герцогъ Омальскій, очень спокойно выѣхалъ, оставивъ только манифестъ, гдѣ благословлялъ свое отечество и на новомъ его пути. Всѣ потекли къ временному правительству съ судорожною, невообразимою поспѣшностію. Неожиданныя изъявленія покорности накоплялись въ рукахъ правительства массами, и тутъ встрѣчались между собой люди самыхъ противоположныхъ ученій: и приверженцы стараго правленія (Одиллонъ Барро, Тьеръ, Дюфоръ, Бильйо); и бывшая королевская магистратура (генералъ-прокуроръ Дюпенъ первый предлагаетъ свершать судъ отъ имени народа [1]); и духовенство (архіепископъ, благодаря народъ за уваженіе къ святынѣ, предписываетъ отправлять публичныя панихиды за убіенныхъ), и легитимисты (Ларошъ-Жакленъ, Беррье отказываются покамѣстъ торжественно отъ своихъ бывшихъ политическихъ идеаловъ, а сынъ Полиньяка записывается въ ряды національной гвардіи), и пр. и пр., Становится очевидно, что надежды каждой партіи берутъ своею исходною точкой республику и временное правительство. Съ другой стороны, закаленные соціалисты всѣхъ цвѣтовъ — Кабе съ цѣлою икаріей, Бюше съ католическимъ республиканизмомъ (онъ сдѣланъ потомъ помощникомъ парижскаго мэра), Распайль „Ami du peuple", и наконецъ аббатъ Шатель съ новою французскою церковью, имъ изобрѣтенною,—всѣ простираютъ руки къ правительству, призывая его открыть новую эру для человѣчества, каждый сообразно съ своими представленіями объ этомъ предметѣ. Мы уже не говоримъ объ адресахъ разноплеменныхъ выходцевъ и воззваніяхъ мистиковъ, визіонеровъ и пророковъ. Успѣхъ временного правительства ужа-

[1]) Дюпенъ, занимавшій мѣсто генералъ-прокурора, вскорѣ былъ замѣненъ Порталисомъ, который тотчасъ же открылъ судъ на зажигателей, и началъ слѣдствіе надъ министрами Луи-Филиппа, уже покинувшаго Францію. Слѣдствіе это не имѣло никакихъ результатовъ.

саетъ его самого, потому что отвѣтъ на всѣ требованія и ожиданія дѣлается невозможнымъ. Можетъ-быть, не менѣе (если не болѣе) приходятъ въ ужасъ и главные бойцы республики: они останавливаются на мысли образовать оплотъ этому неожиданному бурному потоку патріотизма и преданности, грозящему снести настоящихъ устроителей движенія съ ихъ мѣстъ и отстранить ихъ отъ прямого участія въ дѣлахъ государства.

Въ этомъ царствѣ всеобщаго единодушія, пожалуй, могла затеряться и основная демократическая идея переворота. Вотъ почему Ламене и Дюпре основываютъ журналъ *le Peuple constituant;* Распайль принимаетъ роль присяжнаго доносчика и обличителя лицемѣрныхъ друзей республики; Кабе совѣтуетъ своимъ икарійцамъ еще не покидать оружія, а старые эксъ-заговорщики Бланки и Барбесъ создаютъ первый чисто-политическій клубъ, подъ именемъ: Commission des défenseurs de la république, съ цѣлью наблюдать за выборами въ должностныя лица, предостерегать временное правительство отъ враговъ республики, и отъ ошибокъ, и направлять его предпочтенія и политическія стремленія въ хорошую сторону [1]). Была однакожъ еще тайная, невысказываемая причина для сомнѣній и безпокойствъ, скрываемая всѣми за оффиціальнымъ поводомъ къ нимъ. Въ самомъ правительствѣ оказались, съ первыхъ же дней, признаки какого-то колебанія, словно въ нѣдрахъ его заключались двѣ противоположныя политическія струи, мѣшавшія другъ другу выдти на свѣтъ вполнѣ. Республиканскіе національные декреты, выданные имъ единодушно, ничего не доказывали: они были вынуждены неуклоннымъ требованіемъ обстоятельствъ и гнетущею силой побѣдителя. Но зловѣщіе признаки неполной ясности и неполнаго соглашенія въ цѣляхъ оказывались въ частностяхъ. Такъ, еще вечеромъ 24-го февраля объявлено было изъ Ратуши, что установленіе самой формы правительства предоставляется будущему общему собранію народа: вопль негодованія, раздавшійся изъ рядовъ сражавшихся противъ іюльской монархіи, заставилъ отмѣнить распоряженіе и тотчасъ же объявить Францію республикой. Затѣмъ, подъ мелодраматическимъ навѣсомъ изъ пикъ, сабель и пистолетовъ, смахивавшемъ чрезвычайно на обычную обстановку республиканскихъ пьесъ въ „Cirque Olympique“, Ламартинъ отвергнулъ красное знамя, которое толпа народа предлагала ему сдѣлать символомъ республики,

---

[1]) Клубъ этотъ впослѣдствіи распался на составныя свои части: клубъ Бланки и клубъ Барбеса. За этими двумя послѣдовало множество другихъ, число которыхъ дошло, въ концѣ мѣсяца, до 80 на одинъ Парижъ; такъ велика была реакція противъ старыхъ законовъ, воспрещавшихъ ассоціаціи.

и утвердилъ эту честь за старымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Многіе весьма одобрили какъ эту рѣшимость, такъ и знаменитую фразу, сказанную тогда ораторомъ: „Красное знамя обошло только Марсово поле [1]), а трехцвѣтное весь свѣтъ“; но послѣ паденія конституціоннаго порядка это знамя уже ничего не выражало, кромѣ имперіи. Не успѣвъ отдать на судъ будущему общему собранію форму правленія, временное правительство декретомъ 1-го марта предоставило ему измѣненіе налоговъ [2]), а покамѣстъ удержало въ полной силѣ всѣ существующіе, равно какъ и всѣ контракты и обязательства. Мало того, оно порывалось даже удержать до рѣшенія того же собранія самый штемпель на журналы, сообщая преднамѣренно этому чисто-политическому налогу характеръ финансоваго, но принуждено было опять измѣнить свое рѣшеніе передъ опасностію новаго смятенія. Оно даже и отступило не откровенно, тихо и робко,—отмѣнило пошлину сперва только на время выборовъ въ будущее собраніе, для лучшаго обсужденія кандидатуръ, и уже потомъ, при содѣйствіи, какъ было слышно, болѣе рѣшительныхъ членовъ правительства уничтожило ее совсѣмъ. Совершенно то же происходило съ ненавистными для демократовъ и республиканцевъ законами противъ ассоціацій, сборищъ, обществъ. Въ виду повсемѣстно зарождавшихся клубовъ, ходили слухи о боязливыхъ преніяхъ въ Ратушѣ, касательно ихъ правъ на существованіе и результатовъ ихъ дѣятельности; но, видно, радикальная часть правительства опять одержала верхъ, потому что не только были отмѣнены сентябрьскіе законы, воспрещавшіе составленіе обществъ, но и вся старая процедура относительно преслѣдованія проступковъ печати. Присяжные должны были утверждать приговоръ свой не на простомъ большинствѣ голосовъ, какъ прежде, а единогласно, или по-крайней-мѣрѣ большинствомъ 8 голосовъ изъ 10. Какъ ни лестны были всѣ эти распоряженія для господствующей партіи и для народа, который все еще не покидалъ улицы, но они приходили всегда часомъ позднѣе, чѣмъ слѣдовало, а предшествовавшее имъ колебаніе отнимало добрую половину ихъ цѣнности. Ропотъ на медленность и нерѣшительность дѣйствій временного правительства уже начинался, когда пять документовъ, вышедшихъ одинъ за другимъ изъ Ратуши, окончательно обнаружили внутреннія распри диктаторовъ, скрытыя подъ оффиціальною маской единодушія, поставили нѣсколько жизненныхъ вопросовъ

---

[1]) При подавленіи въ Парижѣ возмущенія, на Марсовомъ полѣ, въ первую французскую революцію.

[2]) Распоряженіе, подобно многимъ другимъ, также отмѣненное силой обстоятельствъ, которыя заставили правительство увеличить, не дожидаясь собранія, всѣ прямые налоги, о чемъ будемъ говорить впослѣдствіи.

для Франціи и, возбудивъ всѣ умы, снова наполнили улицу жизнью и движеніемъ. Мы намѣрены разсказать исторію появленія этихъ пяти правительственныхъ актовъ, изъ которыхъ третій—циркуляръ Ледрю-Роллена, касавшійся устройства выборовъ для будущаго собранія, чуть не породилъ новой революціи. Не входя въ позднѣйшія объясненія, толкованія и оцѣнки, сдѣланныя на досугѣ самими авторами документовъ, превратившимися въ историковъ и адвокатовъ собственнаго дѣла, мы ограничимся однимъ изложеніемъ того, какъ понимаемы были массами народа новыя распоряженія въ самую минуту опубликованія ихъ, что́ онѣ видѣли въ нихъ и за ними, какъ относились къ нимъ и какую дали имъ обстановку своимъ участіемъ и вмѣшательствомъ. Можно надѣяться, что подобная передача дѣлъ, мыслей и ощущеній одного историческаго мгновенія будетъ нѣсколько поучительною для другихъ странъ и эпохъ, и можетъ представить нѣсколько полезныхъ выводовъ для людей, достигшихъ той степени развитія, при которомъ требуется разумное убѣжденіе и сознательный взглядъ на предметы политическаго свойства. Изъ всѣхъ пяти актовъ временного правительства, наименѣе возбудившій разнорѣчія, наименѣе оспариваемый партіями, былъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Ламартина, отъ 2-го марта, къ дипломатическимъ агентамъ правительства, заключавшій въ себѣ программу, которой должна была слѣдовать Франція въ своихъ международныхъ сношеніяхъ.

Въ знаменитомъ циркулярѣ своемъ, отъ 2-го марта, Ламартинъ объявляетъ, что республика не нуждается въ признаніи европейскихъ державъ, что она точно также не имѣетъ нужды въ войнѣ и въ кровавой пропагандѣ, что она требуетъ мира, но почтетъ себя счастливой, если будетъ принуждена взяться за оружіе и насильно покрыть себя славой. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ не признаетъ трактатовъ 1815 года, но для дипломатическихъ сношеній признаетъ государства, ими основанныя. Въ этомъ кругѣ Франція, желающая спокойствія для собственнаго развитія, будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока которая-нибудь изъ угнетенныхъ европейскихъ національностей не простретъ къ ней умоляющія руки (это былъ намекъ на Италію), и сама Франція не увидитъ, что часъ для исполненія рѣшеній Провидѣнія пробилъ... Итакъ, пусть народы не боятся Франціи, и сами въ нѣдрахъ своихъ свершаютъ нужныя имъ преобразованія. Ламартинъ заключаетъ манифестъ словами: „Si la France a la conscience de sa part de mission libérale et civilisatrice dans le siècle, il n'y a pas un de ces mots (то-есть девизъ республики: liberté, égalité, fraternité), qui signifie guerre. Si l'Europe est prudente et juste, il n'y a pas un de ces mots qui

ne signifie paix. (Если Франція пришла къ сознанію своего освобождающаго и цивилизующаго призванія въ мірѣ, то ни одно изъ этихъ словъ (свобода, равенство, братство) не означаетъ войны. Если Европа захочетъ быть благоразумною и справедливою, то каждое изъ этихъ словъ означаетъ для нея миръ).

Манифестъ этотъ, конечно, нѣсколько двусмысленъ, но, какъ поддѣлка новыхъ требованій подъ старое европейское право, не лишенъ своего рода ловкости. Радикальныя партіи всѣхъ цвѣтовъ поняли необходимость сдѣланной Ламартиномъ уступки, и единогласно положили считать его прокламацію образцовымъ произведеніемъ республиканской дипломатіи. *Journal des Débats*, упоминая о немъ, прибавилъ только: „въ этомъ документѣ г. Ламартинъ высказалъ, какъ и всегда, свои два основныя качества: grandeur et confusion (величіе пополамъ съ путаницей)“. Вслѣдъ за манифестомъ произошла общая смѣна посланниковъ и секретарей посольствъ. Лаконическимъ декретомъ, начинающимся словами: „ont été revoqués de leurs fonctions“, всѣ посланники и множество секретарей были уволены отъ службы, а замѣщеніе ихъ отложено до будущаго декрета.

Вторымъ документомъ, отъ 5-го марта, вышедшимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, объявлены общіе поголовные выборы въ національное собраніе. Основаніемъ ихъ принято только народонаселеніе Франціи. Каждая масса въ 40 тысячъ даетъ депутата, и всякій человѣкъ, достигшій 21 года, есть избиратель. Что касается до избираемаго, то отъ него требуется только возрастъ не менѣе 25-ти лѣтъ, небытіе подъ судомъ или подъ гнетомъ позорнаго (infamant) приговора. Всѣ условія имущества и состоянія устраняются: государство принимаетъ на себя обязанность давать по 25-ти франковъ въ день каждому депутату на все время засѣданій будущаго собранія. Въ крайнемъ случаѣ, отъ депутата не требуется даже и грамотности, на простомъ основаніи: человѣкъ съ здравымъ смысломъ найдетъ что́ сказать въ новой палатѣ, которая будетъ состоять изъ 900 членовъ. Войско также участвуетъ въ этихъ обширныхъ политическихъ правахъ. Каждый солдатъ составляетъ свой бюллетень депутатовъ изъ земляковъ, и билетъ его посылается въ тотъ департаментъ, которому онъ принадлежитъ по рожденію. Надо замѣтить, что избиратель обязывался вписать въ свой бюллетень полное количество депутатовъ, положенныхъ для всей его мѣстности. Такъ, напримѣръ, Парижу съ окрестностями предоставлено было посылать тридцать-четыре депутата въ собраніе, и всѣ тридцать-четыре имени должны были находиться на каждомъ избирательномъ листкѣ, — обстоятельство, довольно затрудни-

тельное для людей, такъ мало развитыхъ политически, каковы были крестьяне во Франціи. Вотъ почему инструкціей отъ 8 марта, которая сопровождала декретъ о выборахъ, Ледрю-Ролленъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, назначилъ для крестьянъ мѣстомъ складки ихъ билетовъ не деревенскія конторы (мэріи), а главный городъ округа, или департамента, куда они должны были приходить и гдѣ ожидали ихъ политическія партіи съ своею проповѣдью, борьбой и домогательствами въ пользу своихъ почетныхъ кандидатовъ. Право на депутатство давалось, разумѣется, большинствомъ голосовъ, но кандидату надобно было собрать ихъ по крайней мѣрѣ до 2.000 на своемъ имени. Къ удивленію радикальной партіи, время открытія выборовъ и созванія будущей палаты назначено самое близкое: 9-го апрѣля должны были состояться выборы, а 20-го того же мѣсяца должно было явиться на политическую сцену и національное собраніе. Такъ родилось знаменитое поголовное избирательное право, suffrage universel, возвѣщенное Франціи какъ начало новой эры народнаго благополучія, и принятое ею именно въ такомъ смыслѣ.

Не успѣлъ декретъ о выборахъ обойти Францію, какъ республиканцы Парижа, видя, что время, назначенное для составленія списковъ, на носу, а деревенское населеніе департаментовъ совсѣмъ не приготовлено къ созданію республиканскаго собранія, подняли шумъ: изъ поголовнаго права выборовъ могла родиться снова монархія. Не теряя времени, партія извѣстнаго редиктора *National*, Мараста, бросилась составлять „избирательный комитетъ“, который долженъ былъ разсылать совсѣмъ готовые списки депутатовъ въ свои провинціальныя конторы по департаментамъ, откуда они, въ тысячахъ экземплярахъ, пошли бы по округамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ. Разумѣется, всѣ другія партіи поспѣшили послѣдовать примѣру республиканцевъ *National*. Парижъ, во мгновеніе ока, покрылся „избирательными комитетами“ всѣхъ цвѣтовъ до конституціонно-либеральнаго включительно. Старый Вьенне изъ прежней парламентской оппозиціи открылъ, при содѣйствіи банкировъ, купцовъ, адвокатовъ и вообще образованнаго и богатаго мѣщанства, клубъ „свободныхъ выборовъ“ (club républicain pour la liberté des élections), въ которомъ уже заговорили о деспотизмѣ Ледрю-Ролленa, самовольно назначившаго складочнымъ мѣстомъ для крестьянскихъ бюллетеней главные города, гдѣ голоса этихъ избирателей необходимо должны подпасть вліянію революціоннаго меньшинства. Крайняя радикальная партія, видя, что ей не поспѣть за усиліями соперничествующихъ партій, поставила вопросъ иначе въ своемъ клубѣ „société centrale républicaine“, который только-что возникъ

изъ отдѣлившейся части Барбесовскаго клуба и пріобрѣлъ такую знаменитость впослѣдствіи. Клубъ этотъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, стараго заговорщика Бланки, рѣшилъ требовать у правительства отсрочки выборовъ. Съ этою цѣлью онъ направилъ къ нему депутаціи отъ цеховъ и ремеслъ. Правительство, которое черезъ недѣлю послѣ того принуждено было уступить и согласиться на всѣ ихъ требованія, еще колебалось и показывало видъ, что крѣпко стоитъ на своемъ рѣшеніи: оно только отложило выборы въ національную гвардію до 25-го марта, вмѣсто 18-го, какъ было прежде назначено.

Покамѣстъ все общество волновалось вопросомъ о выборахъ, явился новый циркуляръ того же Ледрю-Роллена къ агентамъ правительства въ провинціяхъ, отъ 12-го марта. Это былъ ударъ грома, раздавшійся по всей Франціи. Мы уже сказали, что циркуляръ этотъ составилъ главное событіе марта мѣсяца и чуть-чуть не породилъ новой революціи, спустя три недѣли послѣ февральской. Она не удалась только отъ того, что въ виду прямыхъ послѣдствій, истекающихъ изъ циркуляра, самъ составитель его, Ледрю-Ролленъ, испугался и отступилъ передъ послѣднимъ заключительнымъ словомъ собственной своей мысли.

Извѣстно, что правительство въ первыя минуты своего существованія послало въ департаменты молодыхъ людей съ порученіемъ повѣстить народу о новорожденной республикѣ и способствовать ея укорененію. Ледрю-Ролленъ давалъ имъ теперь еще новую обязанность. Въ виду выборовъ и изъ опасенія, чтобы голоса не приняли консервативнаго оттѣнка, онъ облекалъ коммиссаровъ правительства безграничнымъ полномочіемъ и предоставлялъ имъ въ провинціяхъ власть, какой тѣ давно уже не видали. Объявивъ, что главнѣйшею заботой каждаго такого агента должна быть теперь забота о составленіи республиканскихъ выборовъ, Ледрю-Ролленъ давалъ имъ съ этою цѣлью право уничтожать муниципалитеты (провинціальные совѣты), если они окажутся сомнительнаго характера, употреблять военную силу и смѣнять самихъ начальниковъ ея, смѣнять всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ, и наконецъ даже удалять отъ должностей (suspendre) лица безсмѣнной магистратуры, то-есть поколебать всю юстицію Франціи. Диктаторскій тонъ циркуляра былъ, можетъ-быть, еще страшнѣе для общества, чѣмъ даже содержаніе его. Тутъ не было ни тѣни осторожности или колебанія передъ поставленною цѣлью, а съ другой стороны нельзя было видѣть въ документѣ одну изъ новыхъ вспышекъ революціоннаго фейерверка. Отъ него пахнуло 93-мъ годомъ и временами терроризма. Что́ произошло въ Парижѣ, трудно и разсказать. Поднялся

общій вопль между достаточными классами населенія, нѣсколько похожій на „sauve qui peut“ проиграннаго сраженія. Уже и прежде капиталы стали скрываться по-маленьку изъ обращенія, а теперь началось явное бѣгство ихъ, при зловѣщемъ кликѣ, что свобода выборовъ уже не существуетъ, что наступили времена проконсуловъ и кровавой анархіи. Въ три дня, слѣдовавшіе за циркуляромъ, всѣ цѣнности на биржѣ упали неимовѣрно, пятипроцентные билеты на 74 фр. 50 сант. и 72 фр., акціи банка понизились на 300 фр. вдругъ (съ 1700 на 1400), акціи желѣзныхъ дорогъ тоже; золото поднялось до 50 фр. лажа на тысячу [1]). Не лучше было и съ серебромъ, составлявшимъ главный мѣновой знакъ Франціи. Въ среду, 15-го марта, французскій банкъ былъ буквально атакованъ. Всѣ остальныя коммерческія дѣла, основанныя на кредитѣ, мгновенно пріостановились, и обществу на минуту открылось въ перспективѣ банкротство правительства, разореніе фабрикантовъ и грозная масса людей труда, предоставленныхъ самимъ себѣ. Чтобы судить о состояніи умовъ и паническомъ страхѣ, овладѣвшемъ всѣми, стóитъ только прочесть рапортъ директора банка, г. Даргу. Онъ извѣщалъ правительство, что съ 26 февраля по 14-е марта уплачено банкомъ 70 милліоновъ монетой, изъ наличной суммы въ 140 милл., состоявшей въ его распоряженіи. Къ 14-му марта въ кассѣ оставалось только 70 милліоновъ. „Нынѣшнимъ утромъ, — продолжаетъ онъ, — обнаружилось движеніе паническаго страха въ публикѣ. Предъявители банковыхъ билетовъ явились къ дверямъ его цѣлыми массами; открыты были новыя конторы размѣна; болѣе 10 мил. выдано звонкою монетой; сегодня къ вечеру (15-го марта) въ Парижѣ останется только 59 милл. монеты“.

Какъ водится, биржевой и коммерческій кризисъ отразился на улицѣ. Первая мысль, на которой, разумѣется, остановился народъ, была та, что это результатъ обширнаго заговора мѣщанъ, старавшихся привести республику на край погибели финансовымъ путемъ. Съ 14-го числа начали составляться на улицахъ группы, въ которыхъ говорили о способахъ остановить эмиграцію изъ Парижа и заставить богатыхъ издерживать деньги, скрываемыя ими на пагубу коммерціи и работниковъ. Множество проектовъ для достиженія этой цѣли, имѣвшей по обыкновенію совершенно обратное дѣйствіе, прибито было на стѣнахъ домовъ [2]). Правительство приняло нѣко-

---

[1]) Одинъ журналъ, кажется *La Presse*, сосчиталъ, что Франція однимъ упадкомъ всѣхъ бумажныхъ цѣнностей и пониженіемъ производства вообще потеряла въ одинъ этотъ мѣсяцъ до $3^1/_2$ милліардовъ.

[2]) Одинъ изъ нихъ, вышедшій изъ клуба Бланки, совѣтовалъ правительству подвергнуть пятифранковыя монеты особенному штемпелю, который давалъ бы имъ

торыя мѣры съ своей стороны: оно дало обязательный ходъ банковымъ билетамъ, наравнѣ съ монетой, а для легчайшаго обращенія ихъ въ публикѣ предписало банку выпустить стофранковыя бумаги наравнѣ съ пятисотенными и высшихъ цѣнностей, которыми банкъ доселѣ ограничивался. Затѣмъ выдачу капиталовъ изъ казначейства по его облигаціямъ изъ сберегательныхъ кассъ по ихъ книжкамъ, и изъ банка,—указало производить только по прошествіи шести мѣсяцевъ со дня предъявленія требованія. Все это нѣсколько остановило приливъ народа къ кредитнымъ учрежденіямъ; но всего болѣе способствовала этому и вообще къ успокоенію владѣльческихъ классовъ общества рѣчь Ламартина, которою онъ отвѣчалъ на депутацію отъ клуба „свободныхъ выборовъ“ (pour la liberté des élections). При первомъ волненіи на улицѣ, клубъ этотъ поспѣшилъ къ нему, какъ къ старому своему собрату по конституціонной оппозиціи, и Ламартинъ осудилъ передъ нимъ циркуляръ товарища своего Ледрю-Роллена, въ выраженіяхъ, не оставлявшихъ никакого сомнѣнія: Le Gouvernement provisoire n'a chargé personne, сказалъ онъ, de parler en son nom à la nation et surtout de parler un langage supérieur aux lois“. (Временное правительство никому не давало права говорить отъ его имени съ народомъ, а главное— не давало права говорить языкомъ, который былъ бы выше закона). Мало того, утверждая, что самъ Ледрю-Ролленъ не имѣлъ намѣренія замѣстить господство народа своимъ собственнымъ господствомъ, и свободные выборы подкупомъ страха, Ламартинъ прибавилъ, не обращая вниманія на противорѣчіе въ своихъ словахъ: „Nous voulons fonder une république qui soit le modèle des gouvernements modernes et non l'imitation des fautes et des malheurs d'un autre temps! Nous en adoptons la gloire, nous en répudions les anarchies et les torts. (Мы хотимъ основать республику которая была бы образцомъ для современныхъ правительствъ, а не подражаніемъ ошибокъ и несчастій прошлаго времени. Мы усвояемъ себѣ его славу и отвергаемъ его безначаліе и проступки). Въ тотъ же вечеръ (среда, 15) вѣсть о многозначительныхъ словахъ Ламартина разнеслась по Парижу, и часу въ 11-мъ я самъ видѣлъ одного энтузіаста въ пассажѣ de l'Opéra, читавшаго рѣчь оратора при многочисленномъ стеченіи народа, со слезами на глазахъ дро-

---

право на обращеніе. „Это заставитъ, говорилъ проектъ, утайщиковъ денегъ явиться на монетный дворъ, съ своими капиталами за помѣткой и обнаружитъ передъ правительствомъ какъ самихъ сберегателей, такъ и количество сберегаемой ими звонкой монеты“. Составитель проекта и не предполагалъ, что звонкая монета можетъ найдти себѣ сбытъ и безъ штемпеля.

жащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ. На другой день (въ четвергъ) появилась и послѣдняя рѣшительная мѣра противъ неожиданно приключившейся бѣды. Правительство издало манифестъ, подписанный всѣми членами его, въ которомъ за первое основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій принимало уваженіе къ собственности, къ общественному мнѣнію, къ свободѣ выборовъ, удерживая за собой только право устранять отъ послѣднихъ все, чтó можетъ повредить существованію республики, признанной всѣми безъ исключенія. Министръ юстиціи Кремьё объявлялъ, что въ его министерствѣ никто не будетъ и не можетъ быть смѣненъ безъ его вѣдома. Такъ общество и правительство совокупно отбивались отъ призрака 93 года, неожиданно возставшаго передъ ними!

Развитіе этой драмы, однакоже, еще далеко не кончилось. Съ этой минуты ясно сдѣлалось для всѣхъ, что правительство раздѣлено на двѣ партіи: Ламартиновскую и Ледрю-Ролленовскую. Къ первой принадлежала вся та часть республиканской партіи, которая имѣла представителями Мараста и его журналъ *le National*, да отчасти и тотъ оттѣнокъ соціализма, во главѣ котораго стоялъ Луи-Бланъ; ко второй принадлежала часть крайнихъ демократовъ, которой органомъ былъ журналъ *la Réforme* и представителями монтаньяры префекта Коссидьера. Парижъ долженъ былъ стать на ту или на другую сторону.

Дѣло начала національная гвардія, или лучше, остатки прежней національной гвардіи, состоявшіе въ этомъ гражданскомъ войскѣ. Сильно возбужденные противъ Ледрю-Роллена, за циркуляръ его, они объявили себя на сторонѣ Ламартина, между тѣмъ какъ республиканскіе клубы и молодая подвижная гвардія вступились за Ледрю-Роллена, дѣйствія котораго казались имъ откровеннѣе въ смыслѣ революціонномъ. Въ понедѣльникъ 13 марта, во вторникъ 14 и въ среду 15, первая партія, заключавшая въ себѣ вообще людей прежняго порядка, писала протестаціи, оклеивала ими стѣны города, дѣлала манифестаціи (старый либеральный Кератри, напримѣръ, подалъ въ отставку изъ членовъ государственнаго совѣта, не желая быть, какъ говорилъ въ письмѣ, слугою никакой тиранніи; клубъ „Свободныхъ выборовъ“, какъ мы видѣли, ходилъ самъ къ Ламартину in corpore, для объясненія и проч.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтó уже было гораздо хуже, она положила выдти на улицу, въ четвергъ, 16 марта, и заявить свое неудовольствіе Ледрю-Роллену полнымъ политическимъ актомъ. Органомъ движенія сдѣлался журналъ *la Presse*, и фраза объ устраненіи изъ правительства враждебныхъ направленій принята за выраженіе мыслей и цѣлей новой манифестаціи.

Національная гвардія сдѣлала при этомъ непостижимую политическую ошибку. Начать съ того, что она выходила на площадь безъ призыва, въ числѣ тысячъ десяти, которое журналъ *la Presse* смѣло возвелъ до 25 тысячъ. Простѣе, а главное,—законнѣе было бы послать отъ себя депутацію къ правительству, съ выраженіемъ своихъ опасеній. Тогда не нужно было бы принимать и мѣръ противъ собственнаго увлеченія — приказывать чинамъ національной гвардіи являться въ ихъ штабы, въ мундирахъ, но безъ оружія. Несмотря на эту предосторожность, движеніе все-таки имѣло видъ бунта, и противорѣчило собственнымъ любимымъ ученіямъ этой партіи о порядкѣ. (Національная гвардія, скажемъ мимоходомъ, устропла свой собственный клубъ на Boulevard Monmartre, и положила основаніе новому органу своихъ интересовъ въ печати, журналу *l'Ordre*, жившему однако очень не долго). Затѣмъ она имѣла неосторожность примѣшать къ политической манифестаціи еще и домашнее свое дѣло. Декретомъ отъ 14 марта, Ледрю-Ролленъ уничтожилъ образцовыя роты національной гвардіи (compagnies d'élite), именно, гренадеровъ, съ ихъ мѣховыми шапками, волтижеровъ съ уланскими касками и съ богатымъ костюмомъ, отличавшимъ тѣхъ и другихъ отъ прочаго войска. Министръ указалъ размѣстить ихъ по разнымъ батальонамъ, гдѣ они обязывались, вмѣстѣ со всѣми, участвовать въ выборѣ офицеровъ и начальниковъ. Оскорбленныя роты избранниковъ подбили своихъ товарищей просить заодно у правительства и возстановленія прежнихъ кадровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что прежніе гренадеры и волтижеры не могутъ теперь съ толкомъ участвовать въ выборахъ, такъ какъ въ батальонахъ, куда ихъ запрятали, все было имъ незнакомо. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ выборовъ сплелся съ мелочнымъ и личнымъ дѣломъ, которымъ вдобавокъ оскорблялось самое живое народное чувство въ эту минуту—чувство равенства. Народъ не замедлилъ окрестить всю протестацію шуточнымъ прозвищемъ „протестаціи мѣховыхъ шапокъ", мало обращая вниманія на печатное объявленіе гренадеръ и волтижеровъ, въ которомъ они торжественно отказывались отъ всѣхъ наружныхъ знаковъ отличія. Шутовское прозвище, данное этому движенію, осталось за нимъ и въ исторіи: *Protestation des bonnets de poil.*

Народъ не ограничился, однако, одною шуткой. Въ четвергъ, 16-го марта, въ 12 часовъ по-полудни, я встрѣтилъ на бульварѣ Madeleine часть легіоновъ національной гвардіи, направлявшихся черезъ площадь къ Ратушѣ въ полномъ военномъ порядкѣ, что доказывало, между прочимъ, участіе штабовъ (мэрій) въ организаціи заговора. Они шли рука къ рукѣ, въ мундирахъ, безъ оружія,

молчаливо и важно. На набережной Сены, почти передъ самою площадью *Hôtel de Ville,* ихъ встрѣтилъ новый ихъ начальникъ, республиканскій генералъ Курте, прося и приказывая разойтись и объявляя ихъ демонстрацію бунтомъ. Произошла скандалёзная сцена; первые легіоны не послушались и продолжали шествіе, но на самой площади народъ встрѣтилъ ихъ свистомъ и каменьями, не допуская къ Ратушѣ. Между тѣмъ на набережной, послѣ безполезныхъ увѣщаній того же Курте, народъ принялъ дѣло на себя, загородилъ дорогу остальнымъ подходившимъ легіонамъ и сталъ дѣлать баррикады подъ носомъ бунтовщиковъ въ мундирахъ, какъ онъ называлъ гвардейцевъ: группа народа состояла, говорятъ только изъ 100 или 150 человѣкъ. Легіоны, въ числѣ которыхъ было множество людей, получившихъ приказаніе на сборъ изъ штабовъ и повиновавшихся ему, не зная хорошенько въ чемъ дѣло, разошлись со всѣми заготовленными депутаціями. Они не ожидали сопротивленія, а начинать попытку новой революціи совсѣмъ не было у нихъ въ виду. То же сдѣлали легіоны уже добравшіеся до площади и встрѣченные тамъ народомъ. Кое-какимъ депутаціямъ (отъ каждаго легіона было заготовлено по одной) удалось разрозненно и безъ всякой связи представиться правительству и выслушать довольно строгій выговоръ Мараста, чѣмъ онѣ и должны были удовольствоваться.

Однако одушевленіе Парижа въ наступившій вечеръ было неимовѣрное. Такъ какъ по всѣмъ разсчетамъ слѣдовало ожидать, что республиканская партія захочетъ отвѣтить на вызовъ консерваторовъ своею собственною манифестаціей, то я и направился въ клубъ Бланки́, который помѣщался въ зданіи знаменитой музыкальной консерваторіи Парижа. Сцена консерваторіи, освѣщенная пятью или шестью свѣчами, походила на темное подземелье и весьма мало напоминала блестящую залу европейскихъ концертовъ. Въ большой люстрѣ горѣло нѣсколько лампъ, ложи были заняты людьми въ блузахъ и женщинами изъ народа. Въ партеръ пускали или по билетамъ, или за плату одного франка при входѣ. Я помѣстился въ партерѣ. Бланки́ еще не было, предсѣдательствовалъ какой-то старичокъ. Одинъ господинъ, съ блѣднымъ лицомъ и черноволосый, стоялъ впереди и говорилъ съ невообразимымъ жаромъ: „Консерваторы, роялисты, мѣщане сдѣлали демонстрацію... надобно спасти ихъ. Sauvons les, messieurs, sauvons les! Сдѣлаемъ сильную народную демонстрацію, чтобъ отбить у нихъ всякую охоту мѣшаться не въ свое дѣло на будущее время. Sauvons les (и онъ страшно махалъ при этомъ руками) для ихъ почтенныхъ женъ, умирающихъ отъ страха“. Раздались яростныя рукоплесканія и хохотъ. Едва

они затихли, какъ неожиданно послышались въ разныхъ мѣстахъ залы свистки. Кто-то свиститъ на самой сценѣ. Президентъ встаетъ и говоритъ: „Разрѣшаю публикѣ самой произвести судъ и расправу надъ свисткомъ. Близстоящіе люди имѣютъ право изгнать свистуна". Голосъ: „Подлѣ васъ свистятъ"... Голоса на сценѣ: „Вотъ кто свиститъ". Президентъ, обращаясь къ группѣ народа и къ свистуну: „Если вы имѣете что́ возразить на мнѣніе оратора, я вамъ даю слово". Голоса: à la tribune, à la tribune! Свистокъ внезапно скрывается. Шумъ. Президентъ стучитъ что́ есть мочи молоткомъ по столу. Выходитъ другой черный человѣкъ (мнѣ сказали—г. Ипполитъ Боннелье, бывшій актеръ въ Одеонѣ), и съ страшною быстротой произноситъ: Citoyens! La conduite de M. Lamartine dans l'affaire de la circulaire est déplorable. (Граждане, поведеніе г. Ламартина въ дѣлѣ циркуляра самое плачевное). Голоса: „oh, oh"! „oui oui!" „non non!" Возлѣ меня одинъ раскраснѣвшійся слушатель, въ какомъ-то состояніи упоенія зрѣлищемъ, сперва кричитъ *oui*, а потомъ, переговоривъ съ сосѣдомъ, кричитъ *non*. Президентъ стучитъ, ораторъ послѣ оговорки въ пользу Ламартина продолжаетъ: „но намъ надобно утѣшить *добродѣтельнаго* Ледрю-Роллена, во всѣхъ огорченіяхъ, которыя онъ *вѣроятно* испыталъ на безкорыстной службѣ республикѣ". При этомъ подражаніи фразеологіи клубовъ 93 года, раздается *браво* со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ выходитъ другой господинъ и говоритъ: „какой бы пріемъ ни сдѣлала мнѣ публика, но честь заставляетъ меня сказать, что я не одобряю циркуляра г. Роллена". Ужасный шумъ; крики: „à bas", смѣняющіеся криками: „parlez"! Ораторъ становится подъ покровительство президента. Мой сосѣдъ кричитъ страшнымъ образомъ à bas, но когда президентъ удерживаетъ слово за ораторомъ, также страшно кричитъ: parlez, бросая вокругъ себя дикіе взгляды. Между тѣмъ ораторъ уже успѣлъ сконфузиться: „я истинный республиканецъ и въ нѣкоторой степени совершенно понимаю циркуляръ". (*Хохотъ*). Наконецъ является Бланки́, человѣкъ небольшого роста, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, широкимъ и костистымъ лицомъ, похожимъ на адамову голову. Свѣтъ шандаловъ придаетъ ему синеватый оттѣнокъ. Хриплымъ и отчасти визгливымъ голосомъ Бланки́ сообщаетъ собранію, что на другой день назначена къ правительству депутація отъ всѣхъ ремеслъ и отъ всѣхъ клубовъ, для заявленія ему готовности народа защищать его отъ всѣхъ попытокъ возмущенія, составляемыхъ враждебными партіями. Онъ присовокупляетъ къ этому, что вмѣстѣ съ заявленіемъ вѣрности положено просить правительство: 1) не впускать военныхъ силъ въ Парижъ; 2) отложить выборы національ-

ной гвардіи до 5 мая; 3) отложить выборы въ національное собраніе до 31 мая. Раздается сильный голосъ сверху, при послѣднемъ параграфѣ: „Vous voulez la perte du pays“! (Вы хотите погибели отечества). Всѣ расходятся въ неописанномъ волненіи...

Дѣло въ томъ, что во все время республики клубы не имѣли никакого значенія сами по себѣ. Они дали только средства предводителю партіи завести строгую дисциплину въ рядахъ толпы, и направлять ее по своему усмотрѣнію. Примѣръ этой военной организаціи клубовъ представила манифестація 17-го марта. Клубы Барбеса и Бланки́, переговоривъ съ клубомъ журнала *la Réforme* и съ префектомъ Коссидьеромъ, выставили въ этотъ день совершенно организованную армію работниковъ въ 50 тысячъ человѣкъ. Какъ только клубы принимались за публичное обсужденіе дѣлъ и нуждъ, выходила страшная и вмѣстѣ страстная чепуха. Малая привычка общества къ политической жизни обнаруживалась тотчасъ же. Засѣданія клубовъ пробавлялись повтореніемъ журнальныхъ статей, нелѣпымъ подражаніемъ клубамъ 93 года, а иногда и дракой, какъ это случилось однажды въ самомъ клубѣ Бланки́. Только общество икарійца Кабе отличалось приличіемъ и порядкомъ своихъ засѣданій, но это потому, что въ немъ почти всегда только одинъ человѣкъ и говорилъ,—самъ Кабе. Иностранные клубы соперничали съ туземными въ неурядицѣ и анархіи. Кстати разсказать, въ видѣ *pendant* къ сценѣ только-что описанной нами, засѣданіе нѣмецкаго „демократическаго общества“, на которомъ мнѣ случилось присутствовать. Общество это, подъ предсѣдательствомъ поэта Гервега, собралось для прочтенія и одобренія поздравительнаго адреса отъ нѣмецкаго народа къ французскому, составленнаго особенною коммиссіей изъ членовъ клуба. Засѣданіе началось, во-первыхъ, предлиннымъ кантомъ пѣсенниковъ, помѣщенныхъ на хорахъ, что́ съ перваго раза придало ему какъ-бы характеръ мессы. Потомъ, едва Гервегъ усѣлся въ кресла и разинулъ ротъ, какъ извѣстный Венедей, впослѣдствіи депутатъ во франкфуртскомъ парламентѣ, заготовившій свой собственный адресъ, сталъ свистѣть... Шумъ поднялся страшный: „Да дайте же прочесть сперва адресъ коммиссіи“. Адресъ прочли, восторженное „браво“. Венедей прочелъ свой адресъ, опять восторженное „браво“ [1]). Одинъ господинъ кричитъ президенту: „я убью тебя“. У Гервега колокольчикъ ло-

[1]) Разница между двумя адресами состояла въ томъ, что Гервегъ, уже замышлявшій вооруженную экспедицію въ Германію, призывалъ содѣйствіе Франціи *для возрожденія* своего отечества, а Венедей, приверженецъ единства великой Германіи, гнушался иноземною помощью и говорилъ съ французскимъ правительствомъ тономъ представителя могущественной націи.

мается въ рукахъ: онъ начинаетъ бѣситься и старается побѣдить шумъ. Не тутъ-то было. Встаетъ высокій господинъ и начинаетъ бранить собственную націю. „Мы, говоритъ, нѣмецкіе медвѣди, еще смѣемъ толковать о свободѣ отечества, когда не умѣемъ вести себя прилично въ собраніи и притомъ еще на чужой сторонѣ“. Снова восторженное „браво“. Выборъ адреса однакоже нисколько не подвигался. Гервегъ прибѣгаетъ къ простому способу добиться рѣшенія общества: онъ проситъ приверженцевъ адреса коммиссіи поднять руки,—огромное количество рукъ поднимается; проситъ сдѣлать то же самое сторонниковъ Венедея,—и почти одинаковое количество рукъ поднимается за Венедея. Наконецъ, Гервегъ останавливается на послѣдней, рѣшительной мѣрѣ: онъ приказываетъ именно людямъ одного адреса пойти въ лѣвую сторону, а людямъ другого въ правую. Такъ какъ человѣку нельзя раздвоиться физически, то можно было ожидать какого-нибудь результата: толпа поколебалась и почему-то шарахнулась на правую сторону. Адресъ коммиссіи восторжествовалъ. Послѣ этого чартистъ Джонсъ, нарочно пріѣхавшій изъ Англіи для этого засѣданія, произнесъ по-нѣмецки рѣчь со смысломъ и чувствомъ, въ которой между прочимъ говорилъ: „Теперь я вижу, какъ далеки еще вы, дѣти Германіи, до единодушія, которое одно въ состояніи упрочить вамъ свободу. Всякій разъ, какъ увидятъ иностранныя посольства разногласіе между вами, они будутъ писать въ свои земли: не бойтесь здѣшнихъ нѣмцевъ, они не страшны, они еще не соединились. Мы, чартисты, тѣмъ и сильны, что мыслимъ и дѣйствуемъ какъ одинъ человѣкъ, и насъ до трехъ милліоновъ“... Этотъ сухой, рыжій великанъ, съ иностраннымъ произношеніемъ, но совершенно развязный на трибунѣ, какъ и слѣдуетъ истому англичанину, произвелъ на нѣмцевъ сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, замѣтимъ, что единодушіе чартистовъ и почтенная цифра ихъ, выставленная Джонсомъ, не помѣшали Лондону разсѣять всю эту партію въ одинъ день, какъ только она показалась на улицѣ. Путаница сопровождала и всѣ послѣдующія засѣданія „демократическаго клуба“. Гервегъ, самъ смѣявшійся надъ малымъ политическимъ образованіемъ своихъ соотечественниковъ, разсказывалъ, что на одномъ изъ этихъ собраній, какой-то маленькій, приземистый работникъ, изъ коммунистовъ, въ порывѣ восторга отпустилъ слѣдующую фразу: „Wir wollen alles vernichten, was nicht auf der Erde ist. (Мы хотимъ все уничтожить, *чего только нѣтъ на землѣ*). Но нелѣпость нелѣпостью, а изъ нѣмецкаго демократическаго общества, такимъ образомъ составленнаго, вышло вторженіе французскихъ нѣмцевъ въ Баденъ съ оружіемъ въ рукахъ, а изъ безалаберныхъ засѣданій, подобныхъ видѣнному

нами въ музыкальной консерваторіи, родилось огромное народное движеніе, къ которому теперь и обращаемся.

На другой день, рано утромъ, Парижъ узналъ программу предстоявшаго ему зрѣлища. Такъ какъ демонстрація національной гвардіи была направлена въ пользу Ламартина и противъ Ледрю-Роллена, то новая демонстрація работниковъ и народныхъ классовъ общества должна была принять обратный характеръ, то-есть выразить осужденіе Ламартина и одобреніе Ледрю-Роллена. Вдобавокъ, первая демонстрація старалась отличиться важностью, спокойствіемъ и порядкомъ; опредѣлено было придать то же качество и новой. Первая шла въ рядахъ, положено было тоже идти въ рядахъ; первая была безъ оружія, положено выдти безъ оружія; только вмѣсто десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ первой, рѣшено было собрать тысячъ сто для второй. Начальники распустили нарочно слухъ, что на улицахъ Парижа появится двѣсти тысячъ, между тѣмъ какъ и стотысячное число—преувеличеніе; судя на глазъ, врядъ ли было и наполовину этого на площади. Мы думаемъ, что и эта цифра все еще достаточна для удовлетворенія клубнаго или народнаго самолюбія. Начальники обществъ и выборные отъ ремеслъ приготовлялись къ этой демонстраціи уже давно, съ первыхъ минутъ волненія, произведеннаго Ледрю-Ролленовскимъ циркуляромъ. Участію Коссидьера и его многочисленныхъ, хорошо выправленныхъ агентовъ обязано все это огромное шествіе тѣмъ строгимъ военнымъ порядкомъ, который въ немъ царствовалъ...

И вотъ, 17-го марта, въ полдень, Парижъ увидалъ новое, истинно необыкновенное зрѣлище. Около двѣнадцати часовъ массы народа, въ блузахъ и сюртукахъ, съ знаменами цеховъ, корпорацій и обществъ, потянулись правильными рядами, изъ Елисейскихъ полей, гдѣ былъ сборъ, къ Ратушѣ. Мнѣ посчастливилось видѣть одну отдѣльную группу изъ этой процессіи на площади Пале-Рояля, крайне любопытную, отъ которой впослѣдствіи многіе изъ вождей отказывались, называя разсказы о ней пустою выдумкой. Толпа эта, разбитая на отряды, несла заступы, колья, ломы, лопаты, всѣ инструменты для сооруженія баррикадъ, а посреди ея, тоже въ отрядахъ, нѣсколько стариковъ толкали передъ собой пустыя телѣжки, употребляемыя обыкновенно для перевозки камней и земли на насыпи; словомъ, то были олицетворенныя баррикады, являвшіяся къ правительству на смотръ! Цѣльная, сплошная масса тянулась, однакоже, въ это время по набережнымъ Сены, къ Ратушѣ, отворяя на пути всѣ лавки, которыя запирались при ея приближеніи, усовѣщивая хозяевъ и даже растолковывая имъ, что дѣло идетъ не о грабежѣ. Изъ рядовъ неслись крики: „vive les boutiques ouvertes!“

Устроители движенія имѣли предосторожность предписать участникамъ взаимную полицію другъ надъ другомъ. Въ часъ пополудни, площадь передъ Ратушей была загромождена народомъ, стройно стоявшимъ вокругъ нея, съ своими знаменами и значками, въ числѣ которыхъ находилось знамя при депутаціи ирландскихъ семинаристовъ, здѣсь воспитывающихся. Остальные стояли по набережной. Крики: „Vive Ledru-Rollin, vive la circulaire révolutionnaire“, не умолкали. Множество эпизодовъ въ этой массѣ дѣлали ее какимъ-то живымъ, дѣйствующимъ лицомъ, несмотря на ея неподвижность. Я видѣлъ, напримѣръ, женщину, появившуюся съ ребенкомъ, въ одномъ окнѣ Ратуши: восторгъ былъ неописанный, и всякій разъ, какъ ребенокъ, смотря на эту грозную толпу, билъ ручонками и начиналъ прыгать—шапки летѣли кверху, и тысячи людей трепетали отъ удовольствія. Въ два часа впустили депутацію къ правительству, и тутъ-то Жераръ и Кабе предъявили извѣстныя требованія отъ имени народа, о которыхъ мы уже упоминали. Луи-Бланъ взялся отвѣчать. Несмотря на двусмысленное его положеніе, какъ друга работниковъ и въ то же время друга Ламартина, онъ отвѣчалъ хорошо. „Не заставляйте насъ,—сказалъ онъ,—писать декреты подъ угрозой народа. Величіе правительства, величіе самого народа, котораго мы представители, можетъ быть этимъ унижено: мы готовы умереть, и не за себя—что мы безъ народа?—но именно за васъ, для спасенія вашего достоинства. Вспомните, что въ эту минуту глаза всей Франціи, всей Европы, устремлены на одну комнату въ Ратушѣ“. Ледрю-Ролленъ, который въ эту минуту могъ сдѣлаться диктаторомъ Франціи, отступилъ передъ страшною отвѣтственностью рѣшительнаго поступка и возвратился въ лоно своихъ товарищей. Несмотря на приманку этого колоссальнаго тріумфа, устроеннаго въ честь его, онъ твердо объявилъ, что отложить выборы въ національное собраніе правительство не можетъ, не узнавъ прежде мнѣнія всей Франціи. Кабе дѣйствовалъ чрезвычайно умѣренно: высказавъ свои требованія, онъ предложилъ спутникамъ своимъ тотчасъ же удалиться, для предоставленія полной свободы дѣйствій правительству. Раздались крики: „oui, oui“, „non, non“. Собріэ, одинъ изъ республиканскихъ публицистовъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи большую извѣстность, потребовалъ объясненій: обладаетъ ли правительство единодушіемъ, необходимымъ для успѣха дѣлъ? и назвалъ Ламартина. Вызовъ этотъ далъ возможность Ламартину произнести одну изъ торжественнѣйшихъ рѣчей своихъ, которая получила особенное значеніе отъ обстановки и отъ грозной минуты, какую переживалъ самъ ораторъ. Еще наканунѣ друзья предостерегали его отъ опасностей его положенія, и Ламартинъ отвѣчалъ на намёки увѣреніемъ,

что онъ готовъ сложить голову. Конечно, вопросъ тутъ шелъ не о чьей-либо головѣ, а о предотвращеніи ужасовъ междуусобной войны во Франціи съ пожертвованіями, какихъ потребуетъ задача. „Господа“, сказалъ онъ, „имя мое было упомянуто, и я прошу позволенія отвѣчать на вызовъ“... Потомъ, возобновляя вопросъ о свободѣ совѣщаній правительства, онъ выразился такъ: „Чтó можемъ мы противопоставить вамъ? Ничего, кромѣ вашего собственнаго смысла, кромѣ могущества общественнаго разума, который дѣйствуетъ въ эту минуту между вами невидимо и принуждаетъ васъ остановиться передъ нами! Какъ велика эта нравственная сила, это доказывается тѣмъ, что мы, благодаря ей, остаемся спокойны и независимы въ виду огромной массы народа, окружающаго дворецъ, защищаемый однимъ только понятіемъ о его неприкосновенности“. И потомъ, возражая депутаціи на три главныя требованія и переходя къ послѣднему (отсрочкѣ общихъ выборовъ), онъ сказалъ: „Еслибы вы вздумали заставить меня, подъ угрозой насилія, лишить голоса всю остальную націю, объявить ей, что она лишена права на представительство и на основаніе конституціоннаго порядка въ теченіи трехъ, шести, а можетъ, почемъ знать? и болѣе мѣсяцевъ, я вамъ скажу то, чтó говорилъ нѣсколько дней тому назадъ иному правительству: приговоръ этотъ вы можете вырвать у меня только съ моимъ сердцемъ!“ Многіе депутаты, растроганные рѣчью, кинулись къ нему обнимать его, а ораторъ, ободренный успѣхомъ, прибавилъ: „Берегитесь подобныхъ собраній народа, и не шутите съ ними. 18-е брюмера народа можетъ повести за собой 18-е брюмера деспотизма“. Рѣчь Ламартина порѣшила дѣло. Необходимость сохранить цѣлость и независимость правительства чувствовалась невольно, какъ мы видѣли, самими депутаціями отъ народа; послѣ рѣчи Ламартина не могло быть болѣе и помина о раздробленіи властей. Ледрю-Ролленъ такъ вошелъ въ роль самоотреченія, что въ одинъ голосъ со всѣми товарищами не соглашался, покамѣстъ, ни на одно изъ требованій клубовъ. Мало того: вечеромъ того же дня, когда одна отдѣльная группа рѣшилась еще попытать счастія и пришла къ нему, прямо въ министерство, съ предложеніемъ согласиться, по крайней мѣрѣ, на оставленіе войска за городомъ, онъ отвѣчалъ рѣшительно: „Нѣтъ, граждане, подобныя чувства несправедливости и недовѣрія не могутъ жить въ сердцахъ вашихъ. Мы всѣ благодаримъ васъ за ваше участіе къ намъ; мы благодаримъ всю національную гвардію за удивительную ея дѣятельность, которая упрочила порядокъ въ нашемъ городѣ; но мы не хотимъ злоупотреблять долѣе вашимъ усердіемъ и призовемъ на помощь вамъ братій вашихъ по арміи“.

Депутаціи клубовъ рѣшились наконецъ удалиться, но народъ, не вполнѣ довольный малымъ успѣхомъ требованій, предъявленныхъ отъ его имени, вызывалъ къ себѣ самое правительство. Массамъ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, лично заявить, что онѣ берутъ Ледрю-Роллена подъ свое покровительство и противопоставляютъ его любимцу мѣщанъ и лавочниковъ Ламартину. При кликахъ народа, на крыльцѣ и эстрадѣ Ратуши, показалось временное правительство въ полномъ своемъ составѣ. Понятно, что никто не могъ говорить съ толпой теперь, кромѣ Луи-Блана, посредника между двумя министрами, раздѣлявшими симпатіи парижскаго населенія. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ, были покрыты рукоплесканіями, но всѣ глаза, всѣ руки и всѣ клики направлены были къ Ледрю-Роллену. „Vive Ledru-Rollin!“ носилось въ воздухѣ оглушительно. Онъ молчалъ, и на полномъ, открытомъ, сангвиническомъ лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ твердой рѣшимости выдти изъ Ратуши, вмѣстѣ со всѣми товарищами. Политическій день кончился.

Давъ этотъ косвенный выговоръ Ламартину, вся масса тронулась, и тѣми же правильными рядами направилась къ Бастильской площади. Тамъ, въ глубокомъ молчаніи и съ открытыми головами, она прошла кругомъ іюльской колонны, свершая поминки по убитымъ 1830 года, а потомъ двинулась въ богатые и аристократическіе кварталы города, съ явною цѣлью распространить спасительный ужасъ на заговорщиковъ и недовольныхъ. Я опять встрѣтилъ голову этой чудовищной, нескончаемой колонны: она пѣла хоромъ „la Marseillaise“, „Chant du départ“ и другія республиканскія пѣсни. Никто не отдѣлялся отъ рядовъ; только пѣсни, по временамъ, прерывались криками, впрочемъ не нарушавшими ихъ мѣрнаго такта, которые требовали, чтобы встрѣченные пѣшеходы, зрители въ окнахъ и хозяева у лавокъ кричали „vive la république“ и снимали шляпы передъ царствующимъ народомъ. Масса эта остановилась на минуту у биржи и провозгласила: „à bas les agioteurs“, а затѣмъ, одна часть ея отдѣлилась и перешла въ Сенъ-Жерменскій кварталъ. Тамъ, проходя мимо всѣхъ этихъ дворцовъ, по обыкновенію, съ глухо-на-глухо запертыми воротами, они пѣли „ça ira“. Никто при этомъ, однакожъ, не былъ оскорбленъ ни въ личности, ни въ имуществѣ. Страсти видимо сдерживались цѣлью, которую задала себѣ толпа, именно уничтожить попытки какого-либо сопротивленія новому порядку дѣлъ одною грозой своего появленія. Если принять въ соображеніе, что подъ всѣми этими знаменами легко было различить самому бѣглому взгляду множество лицъ, на которыхъ гнѣвъ и ярость ожесточенной бѣдности оставили свои несомнѣнные признаки, и множество глазъ, горѣвшихъ свирѣпымъ огнемъ, то поймемъ, что

скромность толпы стоила ей значительныхъ усилій. Вечеромъ разрѣдѣвшіе обломки ея ходили группами по городу, заставляя иллюминовать дома и покрикивая иронически: „des lampions ou des pierres“. По первому такому приказанію городъ зажегся разноцвѣтными огнями съ верху до низу. Въ часъ ночи все было пусто на улицахъ, но дома продолжали горѣть, заливая улицы рѣками свѣта и образуя фантастическую декорацію. На другой день все вошло въ обычный порядокъ; буря промчалась, люди вздохнули свободнѣе, но во всѣхъ углахъ Парижа слышался одинъ и тотъ же вопросъ изумленія: неужели все это могло пройти такъ, городъ остался цѣлъ и никто не поплатился за спектакль? „*Journal des Débats*“, разсказывая вкратцѣ событія дня, буквально повторилъ этотъ вопросъ.

Въ сущности, онъ даромъ и не прошелъ. Во-первыхъ, правительство, несмотря на ту маску независимости, которую позволили ему сохранить до времени, не устояло подъ давленіемъ такого страшнаго гнета. Оно отложило выборы національной гвардіи до 5 апрѣля, а выборы въ національное собраніе до 23 того же мѣсяца, забывъ превосходные резоны, на основаніи которыхъ сопротивлялось этой мѣрѣ. Во-вторыхъ, сами устроители и начальники движенія поняли тотчасъ же, что играли съ огнемъ: въ клубахъ оказалось разногласіе на другой же день манифестаціи. Одни изъ нихъ заговорили, что она ни къ чему не повела, кромѣ безполезнаго раздраженія владѣющихъ классовъ, а можетъ-быть и всей земли; другіе, напротивъ, что она зашла далеко,—но все это было уже поздно. Какъ трепетали сами республиканцы за себя и за участь Франціи, при этой выставкѣ матеріальныхъ силъ, заключающихся въ пролетаріатѣ, доказали оба правительственные журнала: демократическая „*la Réforme*“ и чисто республиканскій „*le National*“. Въ самый день торжественнаго шествія пролетаріата по Парижу, оба они единогласно умоляли оскорбленныхъ гражданъ національной гвардіи не заводить, изъ пустого тщеславія, драки съ народомъ, и не дѣлать такимъ образомъ столицы Франціи позорищемъ братоубійственной войны. Этого не случилось, но національная гвардія, а съ нею и все земледѣльческое населеніе Франціи затаили на время обиду и ждали перваго случая отмстить за нее. Случай не замедлилъ представиться: 16-го слѣдующаго апрѣля, они вдвоемъ отвѣчали клубамъ и работникамъ точно такою же колоссальною манифестаціей, но уже при кликахъ: „долой коммунистовъ“. Мартовская драма имѣла злое потомство; она вызвала апрѣльскую драму, которая съ своей стороны разрѣшилась майскою, а эта, наконецъ, произвела іюльскую рѣзню—послѣдній актъ всей эфемерной французской республики...

Въ шумѣ, произведенномъ циркуляромъ Ледрю-Роллена, пропалъ другой циркуляръ министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Карно, отъ 6-го марта. Впрочемъ, надо замѣтить, что Ледрю-Ролленъ своимъ циркуляромъ 12-го марта затмилъ собственныя свои распоряженія, рѣшительныя не менѣе его знаменитаго послѣдняго наставленія коммиссарамъ правительства. Еще 8-го марта онъ предписывалъ имъ обратить особенное вниманіе на положеніе работниковъ каждаго департамента, и прибавлялъ такую вызывающую фразу: „республика *ими* основана и *для нихъ* существуетъ“ (c'est par eux et pour eux que s'est fondé la République). Карно взялъ на свое попеченіе крестьянъ. Слѣдуя основной мысли Ледрю-Роллена, онъ предписывалъ ректорамъ учебныхъ округовъ стараться прежде всего привлечь крестьянъ къ выборамъ, употребляя для этого вліяніе школьныхъ учителей, которые между ними живутъ и ими уважаются. Изъяснивъ далѣе, что Франція нуждается не столько въ ученыхъ и ораторахъ, сколько въ новыхъ людяхъ и въ ясномъ выраженіи нуждъ народныхъ, Карно восклицалъ: „пусть 36 тысячъ нашихъ школьныхъ учителей возстанутъ по моему призыву и сдѣлаются глашатаями новыхъ основаній народнаго образованія передъ сельскимъ населеніемъ нашимъ. Франція жаждетъ новыхъ людей“. И потомъ, какъ-бы поправляя самого себя, Карно продолжалъ: „да отчего бы школьнымъ учителямъ ограничиться одною этою проповѣдью, а не занять самимъ мѣста въ средѣ ожидаемыхъ новыхъ людей? Пусть придутъ они къ намъ во имя тѣхъ сельскихъ классовъ, въ нѣдрахъ которыхъ они родились и страданія которыхъ они раздѣляли вполнѣ. Таковъ, господинъ ректоръ, новый видъ общественной службы, которой я ожидаю отъ гг. школьныхъ учителей въ это революціонное время“. Документъ этотъ, какъ мы сказали, былъ заслоненъ циркуляромъ Роллена, но въ замѣнъ того онъ возбудилъ жаркую полемику по ту сторону Канала, въ Англіи, на родинѣ представительнаго правительства, и удостоился тамъ подробнаго изслѣдованія. Особенно задѣло англійскую журналистику вступленіе, гдѣ Карно излагаетъ свой взглядъ на значеніе представительной системы вообще. По его мнѣнію, хорошая республиканская палата есть не что иное какъ собраніе присяжныхъ, гдѣ большинство рѣшаетъ черезъ *да* или *нѣтъ* предложенія, выработанныя спеціальными, избранными людьми. Малообразованный и даже безграмотный человѣкъ, но съ здравымъ смысломъ, любовію къ народу и знаніемъ его нуждъ, какъ нельзя лучше помѣститъ при этомъ свое *да* или свое *нѣтъ*. Афоризмы Карно, возбудившіе интересъ въ Англіи, едва были выслушаны въ своемъ отечествѣ тѣмъ сельскимъ населеніемъ, къ которому обращались, да и благія послѣд-

ствія, какихъ могло еще ожидать республиканское правительство отъ распространенія ихъ въ народѣ, оно же само и постаралось уничтожить въ зародышѣ. Десять дней спустя послѣ появленія циркуляра Карно, товарищъ его, министръ финансовъ, Гарнье-Пажесъ опубликовалъ декретъ о прибавочномъ налогѣ въ 45 сантимовъ на каждый франкъ, падавшемъ преимущественно на крестьянъ-землевладѣльцевъ, чѣмъ возбудилъ между ними сильное подозрѣніе, что всѣ заискивающія слова, къ нимъ обращенныя, только маска, принятая съ цѣлью ловчѣе развязать ихъ кошельки и приличнѣе обременить собственность. Этотъ послѣдній, важный документъ временнаго правительства имѣлъ тоже свою исторію, которую мы и разскажемъ.

Банкиръ Гудшо, первый по времени министръ финансовъ новой республики, въ короткій срокъ своего управленія сдѣлалъ однакоже такую крупную ошибку, что пріобрѣлъ тѣмъ имя себѣ. Изъ пустого желанія показать, что ничего не перемѣнилось во Франціи съ 24-го февраля, кромѣ формы правленія, онъ бросилъ 50 милл. на уплату владѣльцамъ 5%-й ренты еще до срока. Разумѣется, настоящее положеніе дѣлъ скоро обнаружилось, а казначейство утратило 50 милл. фр. въ самую трудную для себя минуту.

Иначе поступилъ Гарнье-Пажесъ, назначенный вскорѣ министромъ финансовъ, и уступившій мѣсто мэра города Парижа Арману Марасту, предварительно отказавшемуся отъ управленія коронными имѣніями, которое ему было предложено. Гарнье-Пажесъ представилъ 9-го марта временному правительству свой знаменитый пространный докладъ, гдѣ изображалъ Францію на краю финансовой гибели. По его соображеніямъ, администрація Лудовика-Филиппа сдѣлала въ теченіи семи лѣтъ (то-есть въ министерство Гизо, съ которымъ Гарнье велъ непримиримую парламентскую войну) болѣе 912½ милл. долга, а въ послѣдніе дни своего существованія (то-есть въ 268 дней) издерживало каждый день по одному слишкомъ милліону сверхъ положеннаго. Суммы эти она покрывала самымъ опаснымъ для государства способомъ, именно захватывая деньги сберегательныхъ кассъ, которыя всегда могли быть потребованы вкладчиками, и занимая у казначейства въ счетъ будущихъ доходовъ. Такимъ образомъ возникъ, наканунѣ революціи, долгъ сберегательнымъ кассамъ въ 350 милл. и долгъ казначейства, выпускавшаго на себя облигаціи (bons de trésor), въ 325 милл. Для покрытія перваго долга, въ февралѣ 1848 года, состояло наличной суммы въ кассѣ только 65½ милл., а для покрытія второго не было ничего, такъ какъ суммы, опредѣленныя на это изъ коммиссіи погашенія (amortissement), были предварительно растрачены на

постройки желѣзныхъ дорогъ и публичныя работы, которыми такъ хвасталось правленіе Лудовика-Филиппа. Гарнье-Пажесъ еще не удовольствовался этою мрачною картиной: онъ объявлялъ, что къ концу 1848 года наступило бы для Франціи неизбѣжное банкротство, ибо расходы государства должны были, несмотря на всѣ сдѣланные имъ долги, превысить бюджетъ 73½ милліонами. Министръ заключалъ свой докладъ восклицаніемъ: „Да, граждане, провозгласимъ съ радостію и гордостію ту истину, что ко множеству правъ, которыя имѣетъ республика на любовь народа и на уваженіе свѣта, должно присоединиться еще новое: республика спасла Францію отъ банкротства!“ Это было сильно сказано, но уже и тогда люди, знавшіе, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится во Франціи наука группировать цифры, сомнѣвались въ непогрѣшительности всѣхъ выводовъ г. Пажеса. Дѣйствительно, вскорѣ объяснилось, что министръ забылъ упомянуть о свойствѣ тѣхъ вкладовъ сберегательной кассы, которые помѣщены туда общинами и ассоціаціями, живущими на проценты и никогда не трогающими своихъ капиталовъ; это мертвые капиталы, и они-то составляютъ едва ли не половину всего имущества кассъ; что́ же касается до второй подвижной половины ихъ суммъ, то касса пріобрѣла 5%-ю ренту, дающую имъ 8 милл. процентовъ, представляющую капиталъ тоже около 200 милл. Если съ этой стороны опасность кризиса была преувеличена министромъ, то съ другой—состояніе коммиссіи погашенія оцѣнено имъ не совсѣмъ вѣрно. Она не была совершенно пуста, какъ утверждалъ г. Пажесъ, а напротивъ числила у себя 80 милл., и притомъ, съ цѣлію покрыть эту статью, окончательно заключенъ былъ при Лудовикѣ-Филиппѣ заемъ въ 200 милл., на очень выгодныхъ условіяхъ, и очень хорошо поступавшій въ казну. Какъ бы то ни было, но впечатлѣніе, произведенное докладомъ Гарнье-Пажеса въ публикѣ, нисколько не было ослаблено возражателями, потому что и сами они признавали тяжесть общаго долга, лежащаго на Франціи, массу долговъ казначейства, ничѣмъ не прикрытыхъ, но случаю прерваннаго займа, и важнаго дефицита, который грозилъ республиканскому бюджету въ концѣ года [1]).

---

[1]) Сумма дефицита оказывалась изъ слѣдующаго росписанія бюджета на 1848 годъ:

Доходовъ. . .	1.370.978,010
Расходовъ . .	1.420.978,607
Недочетъ. . .	50.000,597 фр.

Присовокупляя къ этому 23.379,000 ф. отъ излишне-высокой оцѣнки рентъ, которыми владѣетъ государство, видимъ, что дефицитъ достигалъ предположенной цифры 73.379,597 фр.

Вслѣдъ за докладомъ своимъ, министръ объявлялъ пять декретовъ временнаго правительства, имѣвшихъ цѣлію поправленіе печальнаго положенія дѣлъ. Первымъ изъ нихъ, оно затрудняло обратное полученіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ, предписывая удовлетворять сполна монетой только владѣльцевъ единственнаго капитала въ сто и менѣе франковъ; прочіе вкладчики получали, слѣдуя опредѣленной лѣстницѣ, десятый процентъ монетой, а остальное 5%-ю рентой на государство и облигаціями казначейства (bons de trésor) тоже въ 5%; вторымъ назначались въ продажу коронные брилліанты, а все серебро дворцовъ присуждалось къ переливкѣ въ монету; третьимъ опредѣлено продать ту часть коронныхъ имѣній (les biens de l'ancienne liste civile), которую укажетъ министръ, съ такими облегченіями для покупщиковъ, что они обязываются къ немедленному взносу только 1/4 всей продажной суммы, а на остальныя 3/4 даютъ обязательства на себя. Документы эти, помѣченные штемпелемъ государства, могутъ быть пускаемы въ обращеніе, какъ монета, увеличивая собою количество мѣновыхъ знаковъ. Четвертымъ дозволялось продать нѣкоторую часть государственныхъ лѣсовъ, и наконецъ пятымъ заключить національный заемъ, примѣрно во 100 милл., подписчики котораго получатъ пяти-процентную ренту на государство.

Все это было легче написать, чѣмъ привести въ исполненіе. Декретамъ Гарнье-Пажеса не доставало нужнаго авторитета, сообщаемаго обыкновенно подобнымъ мѣрамъ законодательною палатой, и контроль, ихъ ожидавшій, былъ контроль клубовъ, а не учрежденій. Въ жизни обществъ случаются политическіе и финансовые кризисы, когда управлять невозможно. Финансовые декреты правительства явились на свѣтъ мертворожденными. Едва показались они въ *Монитерѣ*, какъ ихъ встрѣтило единодушное осужденіе съ двухъ противоположныхъ сторонъ: отъ консерваторовъ—за то, что они воскрешали, посредствомъ обязательствъ на покупщика и, вѣроятно, фиктивной продажи имѣній, старыя ассигнаціи, уже надѣлавшія столько бѣдъ первой республикѣ; отъ республиканской и соціалистской партіи—за то, что продажа лѣсовъ и коронныхъ земель въ частныя руки, раздробляя государственное достояніе, способствовала бы распространенію мелкой собственности, между тѣмъ какъ спасеніе Франціи зависѣло именно отъ уменьшенія этой собственности и сбереженія большихъ земельныхъ участковъ, для обработки ихъ ассоціаціями, подъ надзоромъ правительства. По обыкновенію, клубы и журналы выслали депутатовъ въ Ратушу съ своими протестаціями, и вліянія ихъ было достаточно, чтобы весь финансовый планъ г. Пажеса разлетѣлся въ прахъ. Вмѣсто продажи коронныхъ земель и

лѣсовъ, они просто отданы были, 29 марта, въ управленіе государственными имуществами, на общихъ основаніяхъ. Объ отчужденіи брилліантовъ, дворцоваго серебра и проч., почти не было и помина на другой день декрета. Черезъ недѣлю стало всѣмъ очевидно, что и предположенный заемъ также не можетъ состояться, по отсутствію кредита и укрывательству капиталовъ. Вмѣсто него учреждена была коммиссія патріотическихъ приношеній (des dons patriotiques). Ее помѣстили въ Елисейскомъ дворцѣ, Elysée Bourbon, нѣкогда собственности перваго Наполеона, и снабдили, въ видѣ предсѣдателей, популярными именами Беранже и Ламене. Дѣйствительно, къ ней тотчасъ же и потянулись эффектныя процессіи работниковъ, съ ихъ *экономіями,* которыя обыкновенно неслись на носилкахъ, въ ящикахъ, украшенныхъ лентами и вѣнками, и сопровождались толпами доброхотныхъ дателей; но въ теченіи трехъ мѣсяцевъ коммиссія не собрала и 500 тыс. франковъ приношеній, да и добрая часть самой этой цифры составилась изъ взносовъ банкировъ и вообще достаточныхъ людей, имѣвшихъ свои виды на республику.

Надо было отыскать другія мѣры для покрытія дефицита. Г.-Пажесъ имѣлъ несчастіе остановиться на одной, которая нанесла сильный ударъ дѣлу республики во Франціи. 16 марта, по его предложенію, четыре прямые налога поражены были добавочнымъ платежомъ въ 45 сант. Декретъ имѣлъ временное значеніе, и добавка эта требовалась на одинъ только 1848 годъ; но это именно и способствовало тому, чтобы въ крестьянахъ, естественныхъ плательщикахъ прямыхъ налоговъ, 1848 годъ считался годомъ бѣдствія, а республика, имъ порожденная, событіемъ ненавистнымъ. Клубы опять ходили къ правительству, правительство опять смягчило декретъ, объявивъ, что оно не намѣрено строго взыскивать налогъ и постарается освободить отъ него дѣйствительно неимущихъ людей. Это значило сохранить только непріятную сторону распоряженія и отказаться отъ выгодной... но все было напрасно... Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, когда декретъ сталъ приводиться въ исполненіе, многочисленныя, иногда кровавыя схватки крестьянъ со сборщиками податей показали, какъ думаетъ о немъ сельское населеніе и какъ мало надежды водворить любовь въ его сердцахъ къ республиканской формѣ правленія.

Но мелкіе собственники Франціи раздражены были не однимъ этимъ обстоятельствомъ. Они сошлись со всѣми владѣющими классами государства въ мнѣніи насчетъ одного отвлеченнаго экономическаго принципа — права на работу, droit au travail, твердо введеннаго Луи-Бланомъ, какъ извѣстно, въ программу правительства.

Принципъ этотъ, на первыхъ порахъ, явился въ довольно-неблаговидномъ образѣ работниковъ, прокармливаемыхъ государствомъ, безъ всякихъ результатовъ для него, кромѣ развѣ временной и еще весьма сомнительной поддержки общественнаго спокойствія. Мы уже знаемъ, что 6 марта, имѣя въ виду работниковъ, лишенныхъ средствъ труда, по сокращеніи всей производительности Франціи вообще, правительство декретировало устройство „національныхъ мастерскихъ". Послѣ событій 16 марта, министръ публичныхъ работъ, Мари, уже объявлялъ, что и пристроенные работники бѣгутъ отъ своихъ мѣстъ, и умолялъ народъ возвратиться къ занятіямъ и труду, первымъ основаніямъ благосостоянія государствъ. Но обычныя условія труда казались уже невыносимыми тѣмъ людямъ, которые могутъ повелѣвать Парижу и сами *дѣлать исторію*, по выраженію газеты *National*. Новыя мастерскія, однакоже, не такъ легко было устроить и направить, какъ уличную процессію: требовалось время, выборъ работы, обдуманный уставъ. По неволѣ приходилось или давать по одному франку въ день даромъ, или платить по два франка въ день за воображаемую расчистку Марсовыхъ полей и ничтожныя земляныя работы вокругъ города [1]). Можно сказать съ достовѣрностію, что истинно трудовые люди изъ простого класса смотрѣли на этихъ работниковъ, обыкновенно спавшихъ на своихъ телѣжкахъ, или собиравшихся въ праздныя кучки, съ такимъ же точно негодованіемъ и съ такою же затаенною злобой, какъ могли бы они смотрѣть на любого мѣщанина-собственника, плотно пообѣдавшаго и обезпеченнаго въ своемъ существованіи. Такимъ образомъ, мартъ мѣсяцъ накоплялъ все болѣе и болѣе горючихъ матеріаловъ. Замѣчательно, что никто и не сомнѣвался въ близости пожара. Нѣкоторая часть правительства еще возлагала надежды, въ дѣлѣ спасенія республики, на люксамбургскую коммиссію. Члены этой правительственной партіи ждали оттуда провозглашенія какихъ-либо новыхъ основаній общественнаго порядка, которыя можно было бы признать оффиціальною программой правительства въ его отношеніяхъ къ внутреннимъ силамъ, труду и хозяйству государства. Всякій разъ, какъ одолѣвали его требованія и вопли хозяевъ и работниковъ, по разнымъ частямъ бѣдствующаго мануфактурнаго и земле-

---

[1]) Бѣдныя работницы Парижа, классъ дѣйствительно безпомощный не въ одномъ Парижѣ и не въ одно революціонное время, получили свою долю вспомоществованія. Изъ нихъ составлено было собраніе, подъ предсѣдательствомъ мэра и подъ руководствомъ гражданокъ Ламартинъ и Малле, которое вело списки работницамъ безъ мѣстъ и безъ заказовъ, получавшимъ затѣмъ по 50 сантимовъ въ день. Мнѣ ни разу не случилось услыхать или прочесть упрекъ временному правительству отъ кого-либо за употребленіе этихъ денегъ.

дѣльческаго производства, правительство указывало имъ на люксамбургскую коммиссію, какъ на мѣсто, гдѣ выработываются для всѣхъ основанія лучшей будущности: нѣкоторое время оно успѣвало отводить этимъ способомъ глаза первыхъ и обманывать голодъ вторыхъ. Однакоже, при дальнѣйшемъ развитіи трудовъ коммиссіи, надежды все болѣе и болѣе ослабѣвали съ обѣихъ сторонъ. Мы не намѣрены излагать здѣсь исторію работъ въ люксамбургской коммиссіи, такъ какъ она составляла совершенно отдѣльный эпизодъ въ ходѣ революціи, и поэтому требуетъ отдѣльной статьи. Скажемъ только, что положенія, выставленныя ею, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ засѣданій, какъ аксіомы производительной жизни государства, или были вовсе неприложимы, или требовали многотрудныхъ, терпѣливыхъ усилій для приложенія къ дѣлу, или не подавали надежды на успѣхъ въ предстоявшей борьбѣ съ національнымъ собраніемъ, которое неизбѣжно стало бы охранять историческія преданія труда и производства. Впрочемъ, цеховой и ремесленный народъ и не думалъ дожидаться подробнаго изъясненія новой теоріи, а еще менѣе смотрѣть терпѣливо на упорную битву ея съ условіями экономическаго быта, на медленный переходъ въ убѣжденія, привычки и жизнь страны. Народъ бросался къ оружію всякій разъ, какъ только представлялся случай, провозглашая неизмѣнно одни и тѣ же отвлеченныя понятія о равенствѣ, братствѣ, общемъ трудѣ, общемъ довольствѣ и пр., къ которымъ пріучили его вожаки, бывшіе двигателями всѣхъ прежнихъ революцій въ государствѣ и въ которыхъ, по его мнѣнію, заключалась сила измѣнить мгновенно существующій порядокъ вещей, какъ бы по волшебному слову. Очутись побѣда на его сторонѣ, онъ остался бы опять съ одними отвлеченными понятіями, и снова тяжело и неохотно принялся бы за разработку ихъ, конца которой, вѣроятно, опять бы не дождался.

III.

Можно было подивиться, съ какою скоростію добропорядочный и чонорный Парижъ короля Луи-Филиппа превратился въ демократическій станъ бѣднаго городского населенія, гдѣ забота о чистотѣ и соблюденіи вообще уставовъ городского благочинія, конечно, не считалась особенно важнымъ дѣломъ. Казалось, революція была сдѣлана для того, чтобы показать сколько таилось въ Парижѣ нищеты, физическаго безобразія, позорныхъ промысловъ и болѣзней; все это вышло изъ темныхъ закоулковъ, гдѣ все это крѣпко держала дотолѣ полиція бывшаго министра внутреннихъ

дѣлъ, Дюшателя, и сѣло публично на улицахъ и тротуарахъ самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ частей города. Извѣстно, что по мѣрѣ паденія серьёзныхъ промысловъ, всегда возникаютъ мелкіе и нищенскіе, на манеръ итальянскихъ, которые въ другихъ странахъ обыкновенно дожидаются ярмарокъ. Теперь именно настала ихъ очередь. Тротуары бульваровъ, по всему своему протяженію, были загромождены показывателями обезьянъ, мальчиками страшно коверкавшимися на разостланныхъ коврикахъ, шарлатанами всѣхъ возможныхъ родовъ, и даже азартными игроками, которые выставили рулетки и фараоны, выманивая копѣйку у взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей на приманку выиграть пряникъ или каррикатуру на Луи-Филиппа, изображающую его бѣгство въ Англію. Все это кричало и вопило, окруженное, по бо́льшей части, любопытною, но бѣдною и не очень великодушною толпой. Каждая такая группа еще издали возвѣщала о себѣ трехцвѣтнымъ знаменемъ, которое осѣняло дѣйствовавшаго въ ней фокусника и служило ему вывѣской, прикрывая точно также и всѣхъ какъ истинныхъ, такъ и фальшивыхъ нищихъ, поселившихся на улицѣ. Между этимъ народомъ вращались, въ добавокъ, разнощики газетъ, умѣвшіе перекричать самыхъ рьяныхъ ораторовъ мостовой. Рѣзкіе возгласы ихъ: „*voyez la Presse! voyez le National!*“ а иногда и краткое изложеніе главной новости журнала проносилось подъ ухомъ внезапно и непріятно. По мѣрѣ того, однакожъ, какъ полнѣли тротуары, захватывая окраины улицы, сама улица тоже измѣнялась: на ней рѣдѣли экипажи и затихало движеніе имущихъ классовъ общества. Неизмѣнные дилижансы-омнибусы, свершающіе подобно планетамъ свой ежедневный круговой объѣздъ Парижа, разумѣется, разъѣзжали попрежнему, но уменьшеніе частныхъ экипажей сдѣлалось замѣтно тотчасъ же. Достаточные люди или выѣзжали изъ Парижа, или отпускали лошадей, съ цѣлью затеряться на время въ торжествующей, революціонной толпѣ.

Мы уже отчасти знаемъ физіономію парижскихъ клубовъ и какъ тамъ шли дѣла. Многочисленность и разрозненность клубовъ были спасеніемъ временнаго правительства: благодаря этому обстоятельству, ни одинъ изъ нихъ не овладѣлъ исключительно общественною мыслію, не пріобрѣлъ сокрушительной силы, которая при господствѣ воспоминаній 89 года въ этихъ собраніяхъ, незрѣлости ихъ убѣжденій и распущенности политической фантазіи, могли бы сдѣлаться источникомъ немаловажныхъ событій. Бѣда эта была отчасти замѣчена самими дѣятелями революцій и понудила ихъ составить центральный клубъ изъ представителей всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе серьёзно утвердившихся въ Парижѣ. Онъ назвался

club de la Révolution, выбралъ себѣ президентомъ Барбеса, помѣстился въ Пале-Роялѣ, и завелъ свой органъ въ печати: *La commune de Paris*. Это новое собраніе, по идеямъ, въ немъ господствовавшимъ, нисколько не возвышалось надъ прочею братіей своею, взятою въ разбивку; но оно сосредоточило матеріальную силу, въ нихъ находившуюся, и сдѣлало возможнымъ пятидневную битву рабочаго населенія съ войскомъ и со всѣми силами правительства въ іюнѣ мѣсяцѣ. До тѣхъ поръ плачевное состояніе раздраженной, но безплодной и хилой мысли, сказывалось и тутъ, какъ и вездѣ, анархіей засѣданій и чудовищностію вносимыхъ на разсужденіе проектовъ. Въ одномъ изъ обществъ (institution oratoire), напримѣръ, толковали о составленіи двухъ правительственныхъ палатъ—одной нижней, которая будетъ называться „камерой талантовъ", и заключать въ себѣ знаніе и способности, соотвѣтствуя прежней палатѣ депутатовъ, и одной верхней, имѣющей называться „камерой добродѣтели", исполнять назначеніе бывшей палаты пэровъ, и состоятъ изъ лицъ, получившихъ Монтіоновскую премію за подвиги и примѣрный образъ жизни.

Особенно посчастливилось идеѣ *выкупа* всѣхъ возможныхъ имуществъ и цѣнностей для обращенія въ собственность народа или его природнаго опекуна, правительства. Грубая простота идеи приходилась рѣшительно по всѣмъ головамъ и занимала ихъ безъ устали, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ каждой наслажденіе чувствовать себя на высотѣ современныхъ требованій. Выкупъ не сходилъ съ языка у ораторовъ, и освобождалъ отъ труда мыслить что-либо другое. Отовсюду неслись голоса—выкупить желѣзныя дороги и отдать правительству, выкупить акціи банка и отдать правительству, выкупить фабрики и мастерскія у разоряющихся хозяевъ и отдать правительству. Въ перемежку съ этою панацеей противъ всѣхъ общественныхъ золъ, и отчасти выдерживая съ ней соперничество, провозглашались рѣшительныя мѣры для отвращенія скудости въ деньгахъ и наполненія государственной кассы. Мѣры эти были свободныя варіаціи на тэмы соціализма, исполняемыя каждымъ по мѣрѣ силъ и способностей. Такъ нескончаемо тянулись предложенія въ клубахъ о наложеніи особенной пошлины на жильцовъ первыхъ этажей, о вычетахъ изъ жалованья, *платимаго народомъ* должностнымъ лицамъ, объ отобраніи у домовладѣльцевъ той платы за квартиры, которую получаютъ они впередъ и съ которой пользуются, слѣдовательно, незаконными процентами и проч. [1]) Нѣкоторыя изъ этихъ

---

[1]) Иногда первую инстанцію, по которой шелъ проектъ къ своему осуществленію или, лучше къ своему уничтоженію, составляли стѣны Парижа, то-есть пла-

рѣшительныхъ мѣръ приведены были даже въ исполненіе. Такъ, префектъ Ліона, Эмануэль Араго, издалъ декретъ, по которому никто не имѣлъ права вывезти изъ города болѣе 500 франковъ, и завелъ для этого осмотръ и обыскъ путешественниковъ на таможнѣ. Мѣра эта возбудила всеобщее негодованіе и дала случай возвыситься до героизма журналу *La Presse*, назвавшему распоряженіе это *крайнею тиранніей* и призывавшему всѣхъ гражданъ къ сопротивленію ей *до смерти*. Никто не былъ изъятъ изъ общей болѣзни, произведенной броженіемъ разныхъ инстинктовъ, которымъ хотѣлось попасть въ политическія и общественныя идеи. Степенный клубъ Барбеса, состоявшій изъ всѣхъ журнальныхъ и другихъ знаменитостей партій: Собріе, Коссидьера и проч., не уступалъ соперникамъ своимъ въ странности этихъ проявленій потемненнаго или блуждающаго сознанія. Онъ принялъ какой-то мистическій оттѣнокъ, заставившій его, между прочимъ, сопротивляться кандидатурѣ на депутатство бывшаго пэра Франціи и радикала д'Альтона Ше, за то, что убѣжденія соискателя, относительно предметовъ мистики, были сомнительнаго свойства. Когда въ люксамбургской коммиссіи поднятъ былъ вопросъ о равномѣрной платѣ всѣмъ работникамъ, несмотря на ихъ способности и производительность, Барбесъ явился горячимъ защитникомъ ея мысли. Этотъ высокій и статный человѣкъ, съ воинскою осанкой, длинными, полусѣдыми усами, твердымъ, честнымъ и рыцарскимъ выраженіемъ въ лицѣ защищалъ мысль коммиссіи на слѣдующихъ основаніяхъ, покрывавшихся громкими рукоплесканіями: „Если я, — говорилъ онъ, — по силамъ и средствамъ моимъ, могу поднять тяжесть въ четыре пуда, долженъ ли я получать болѣе задѣльной платы чѣмъ мой слабый товарищъ, который не можетъ справиться и съ двумя пудами? Очевидно, что задѣльная плата не должна имѣть мѣркой своею способность или производительность человѣка, да это противно и христіанскому ученію". Мы уже и не упоминаемъ о клубахъ, гдѣ и уравненіе труда въ одной общей платѣ было устранено, а толковалось объ уравне-

---

кардъ, на нихъ вывѣшенный. Со стѣны проектъ являлся въ клубъ, изъ клуба несся въ ратушу, а въ ратушѣ, смотря по вліянію лицъ и сущности дѣла, или превращался въ бездѣйственный декретъ, или клался подъ сукно. Такимъ путемъ шелъ, между прочимъ, плакардъ: „Un million des émigrés" (милліонъ эмигрантовъ), предлагавшій взыскать обратно съ роялистскихъ фамилій милліардъ, выданный имъ, съ согласія представителей, Людовикомъ XVIII за потерю имуществъ въ первую революцію; другой, подъ заглавіемъ: „La France riche dans 8 jours" (Франція, обогащенная въ одну недѣлю), предлагавшій, кромѣ пошлинъ и поборовъ, еще понудить владѣльцевъ монеты вымѣнивать ее на облигаціи казначейства, которыя должны составлять единственную монету государства, и множество другихъ подобныхъ.

нія образа жизни, всѣхъ вкусовъ и наклонностей разными *понудительными мѣрами*. Были и такіе, которые занимались воспитаніемъ народа по тѣмъ же бойкимъ, ничѣмъ не ограничивающимъ себя программамъ. Такъ, въ клубѣ „Юной Горы“ (de la jeune Montagne) положено было требовать замѣщенія статуй прежнихъ королей, еще находящихся кое-гдѣ въ Парижѣ, статуями мучениковъ 9-го термидора и проч.

Пренія всѣхъ этихъ собраній не замирали въ стѣнахъ, гдѣ они помѣщались; напротивъ, на другой же день, сущность ихъ излагалась въ особыхъ афишахъ (часто оффиціальнымъ языкомъ въ видѣ совсѣмъ изготовленнаго правительственнаго декрета) и украшала дома и заборы Парижа. Городъ былъ покрытъ разноцвѣтными публикаціями, какъ отъ клубовъ, такъ и отъ философовъ, экономистовъ, реформаторовъ и пророковъ, не нашедшими себѣ мѣста въ журналахъ и газетахъ. Правительство избрало для своихъ собственныхъ объявленій преимущественно бѣлый цвѣтъ бумаги, предоставляя всѣ остальные цвѣта преобразователямъ и законодателямъ изъ толпы. Каждое утро манифесты, теоріи, совѣты правительству, увѣщанія собственникамъ, иногда весьма пространныя, на желтой, синей, огненной бумагѣ, смѣнялись новыми, не прерываясь и не изсякая. Тутъ-то можно было ознакомиться съ засѣданіями самыхъ малоизвѣстныхъ кружковъ, съ сущностію журналовъ, обращавшихся только между ними съ проблесками мысли, вышедшей на свѣтъ изъ темныхъ угловъ Парижа, гдѣ долгое время она питалась ненавистью, наконецъ, ставшею для нея источникомъ всей политической мудрости. Впрочемъ, надо прибавить, къ чести времени и успѣховъ, совершённыхъ гражданственностью въ послѣднее столѣтіе, разныя яростныя декламаціи уже не возвращались къ языку прошлой революціи, а, напротивъ, старались пріобрѣсти видъ наружнаго достоинства, который далъ былъ имъ серьёзное выраженіе и дѣльную физіономію.

Чтобы дать понятіе объ этихъ изворотахъ необузданныхъ страстей, старающихся идти приличнымъ шагомъ современнаго образованія и невольно подчиняющихся новымъ, болѣе смягченнымъ правамъ, стóитъ только представить одну выписку. Клубъ „монтаньяровъ“ или „Сорбонны“, куда попала бóльшая часть плохихъ писателей, осужденныхъ за разныя выходки при Луи-Филиппѣ, аббатъ Константенъ, Легалуа, Эскиръ, — издавалъ еще очень бѣдный листокъ, подъ заглавіемъ: *Le tribun du peuple*. Въ одномъ изъ его нумеровъ, красовавшемся на стѣнахъ Парижа, можно было прочитать слѣдующую тираду: „Мы думаемъ, что одинъ человѣкъ, умирающій съ голода, обвиняетъ тѣмъ самымъ все общество. Вотъ почему, если бы для устраненія подобнаго несчастія нужно было уничтожить

все общество цѣликомъ, мы бы попросили только для себя самихъ перваго удара, но согласились бы на эту страшную и всеобъемлющую казнь". Нелѣность мысли — исцѣлять общество его уничтоженіемъ — споритъ здѣсь съ искусственною и приторною формой, въ которой она выражена. Другой примѣръ — какой-то г. Бушело, который говорилъ отъ имени малоизвѣстнаго клуба *des Jacobins*. Разсчитывая на воспоминаніе читателей о собраніи, носившемъ нѣкогда это зловѣщее имя, г. Бушело обѣщаетъ выкинуть за окно всю жиронду (партію Ламартина), все будущее собраніе, обѣщаетъ буквально травить (je les parquerai) собственниковъ, аристократовъ, умѣренныхъ, въ палатѣ, на площади, на улицѣ, но, прибавляетъ онъ великодушно: „я не стану требовать ихъ головъ". Дѣло дошло до того, что чѣмъ рѣзче выступало названіе прокламаціи, клуба, журнала (журналы, кромѣ прославленныхъ фирмъ прошлаго времени, назывались еще *le Pilori, la Guillotine*, и т. п.), тѣмъ вѣрнѣе можно было сказать, что они не намѣрены слѣдовать духу своего названія и всѣми силами постараются обнаружить свою измѣну ему. Даже и такіе вліятельные и значительно распространенные журналы, какъ *Ami du peuple* Распайля, сдѣлавшійся представителемъ клуба Сенъ-Марсо, принуждены были вести счеты съ духомъ времени; журналъ Распайля, не взирая на постоянную угрозу народной расправы для всѣхъ и каждаго, рѣшительно не имѣлъ въ себѣ ничего, что́ не могло бы заключаться въ любомъ демократическомъ листкѣ съ обыкновеннымъ, типическимъ, такъ сказать, направленіемъ эпохи. Вслѣдъ за *Ami du peuple*, явился и *Père Duchesne*, — воскресшая память грязнаго листка Гебера и его пріемовъ; но тутъ пріемы были обманчивы. Новый листокъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ республиканскихъ журналовъ и отличался литературною отдѣлкой своихъ статей; но кокетливо и красиво выточенныя фразы его пересыпались крупными ругательствами и поговорками простонародья. Признаюсь, въ этомъ видѣ онъ казался мнѣ еще возмутительнѣе своего первообраза. Разъ, на одной изъ частыхъ манифестацій, показали мнѣ и самого редактора. Это былъ очень приличный человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый изысканно и съ прекрасною бородой, расчесанною также тщательно, какъ и его бѣлокурые волосы. Судя по его наружности и пріемамъ, никакъ нельзя было допустить, чтобъ онъ былъ расположенъ отъ природы говорить или слушать тѣ ругательные эпитеты, которыми онъ пересыпалъ свои статьи.

Стѣны Парижа не оставили безъ отвѣта и очень популярнаго вопроса о *женщинѣ и ея призваніи*. На первыхъ порахъ, за него взялась нѣкая госпожа Нибойе (Niboyet), объявившая отъ

имени всего своего семейства изданіе журнала *La voix des femmes*. Къ сожалѣнію, листокъ ея отличался такимъ сентиментальнымъ и туманно-фантастическимъ оттѣнкомъ, что этотъ обычный покровъ незрѣлости идей и скудости мыслящихъ силъ поразилъ даже людей февральской революціи, когда нѣкотораго рода сентиментальность сдѣлалась правительственнымъ элементомъ и участвовала въ изданіи декретовъ. Г-жа Нибойе упрекала Ледрю-Ролленовскій декретъ о выборахъ въ томъ, что онъ забылъ о женщинахъ и ни однимъ словомъ не упомянулъ о правахъ ихъ на голосъ въ общемъ дѣлѣ Франціи. Поправляя ошибку или презрѣніе декрета, она совѣтовала женщинамъ принять участіе въ выборахъ косвенно, направляя голоса близкихъ имъ людей—мужей, братьевъ, отцовъ. При этомъ она умоляла женщинъ покинуть старые пріемы успѣха, какъ-то заискивающія слова, подкупающія ласки, а говорить твердо и дѣйствовать рѣшительно. „Eclairez vous assez, учила она, pour fixer leur choix, et l'inspiration vous guidera bien. Point de tièdes accents, de complaisantes paroles, le moment est solennel: les indépendants du ciel regardent les indépendants de la terre, ils nous voient à travers les étoiles qui ne s'eteignent ni ne palissent jamais etc". Впрочемъ, вопросъ о женщинѣ сдѣлался уже политическимъ вопросомъ, благодаря тѣмъ многочисленнымъ труженицамъ, которыя раздѣляли участь рабочихъ людей и не имѣли развлеченій. Правительство отвѣчало на него, по обыкновенію, издалека. Оно воздвигло въ Collège de France новую каѳедру, о бокъ съ каѳедрой замѣчательнаго мыслителя Франціи, Конта, для профессора Легуве и его курса *Моральной исторіи женщинъ* (*Cours d'histoire morale des femmes.*) Ревнители идеи имѣли удовольствіе слышать, какъ съ высоты новой каѳедры профессоръ разсматривалъ тѣ прогрессивные и образующіе элементы, которые у всѣхъ народовъ, въ различныя эпохи ихъ жизни, вносила женщина. Дѣло этимъ и кончилось, если не считать временныхъ пособій, о которыхъ мы уже говорили. Совершенную противоположность съ публикаціями г-жи Нибойе представлялъ другой плакардъ, красовавшійся на стѣнахъ Парижа чуть-чуть не рядомъ съ ними. Многіе считали его за пасквиль и злую насмѣшку партій, враждебныхъ республикѣ, но доказательства этому искали въ странности его содержанія, что́ вовсе не было доказательствомъ. Плакардъ коротко, лаконически, возвѣщалъ формированіе легіона изъ независимыхъ женщинъ отъ пятнадцати до тридцати лѣтъ. Онъ говорилъ просто: имѣетъ быть составленъ (il se formera) батальонъ женщинъ подъ названіемъ: „la legion Vésuvienne", не упоминая ни о цѣли, ни объ уставѣ новаго учрежденія, которое въ шумѣ общаго негодованія, имъ возбужденнаго, кажется, и не

явилось вовсе на свѣтъ, хотя были очевидцы, утверждавшіе, что „легіонъ Везувіянокъ“ дѣйствительно существовалъ и даже ходилъ, обычнымъ маперомъ, въ Ратушу для заявленія своего существованія.

Но не одни журналы, клубы и составители прокламацій совѣщались между собой: совѣщались также всѣ виды сословій, всѣ подраздѣленія ремеслъ, всѣ мельчайшія отрасли парижской промышленности, толкуя о радикальномъ измѣненіи своего положенія. Въ этихъ засѣданіяхъ слуги перемѣнили свое названіе „les domestiques“ на другое: „gens de maisons“; сидѣльцы въ магазинахъ положили добиваться права оставлять свои магазины въ 8 часовъ, для того чтобы имѣть время, наравнѣ съ прочими гражданами, предаваться удовольствію публичныхъ баловъ, спектаклей и завѣтнаго билліарда; прислужники въ кофейныхъ возмущались противъ обыкновенія платить хозяевамъ за разбитыя рюмки; рѣзчики на стали говорили о возстановленіи гербовъ, необходимо нужныхъ для процвѣтанія ихъ ремесла. Всѣхъ лучше поступили кучера, потребовавъ у хозяевъ прибавки жалованья въ одинъ франкъ. Они покинули свои мѣста, и однажды цѣлый день въ Парижѣ не было ни одного дилижанса и ни одной почтовой кареты; они получили требуемое. Менѣе счастливы были мостовщики улицъ. Зная, какъ попорчены парижскія мостовыя баррикадами и какъ нужно правительству скорѣйшее возстановленіе сообщеній, они запросили 8 франковъ поденной платы, вмѣсто 4-хъ, которыми прежде довольствовались: претензія, показавшаяся мало патріотическою всѣмъ партіямъ. Одинаковый съ ними отказъ испытали и тюремные пристава (huissiers), занимавшіеся препровожденіемъ должниковъ въ Клиши: они ходили въ Ратушу съ требованіемъ вознагражденія за ихъ упраздненныя должности. Но всѣхъ счастливѣе были такъ-называемые „защитники Тюльери“. Послѣ взятія дворца нѣсколько сотъ работниковъ расположились, какъ извѣстно, въ его просторныхъ комнатахъ и постеляхъ и двѣнадцать дней жили тамъ на счетъ казны, называя себя охранителями дворца противъ нечаянныхъ нападеній роялистскихъ партій. Подъ-конецъ въ Тюльери осталась немногочисленная толпа, которой особенно полюбилась пріятная монастырская жизнь его, и когда правительство рѣшилось принять на себя заботу *охраненія* дворца, толпа эта уже не хотѣла покинуть теплое мѣстечко. Отрядъ національной гвардіи, посланный для занятія Тюльери, встрѣтилъ съ ея стороны сопротивленіе, и могъ исполнить свое порученіе, только заключивъ съ нею формальную капитуляцію, по которой правительство обязалось не шарить въ карманахъ у старыхъ защитниковъ дворца при выходѣ изъ него, и объявить имъ благодарность за добрую службу республикѣ. Были и совершенно безкорыстныя депутаціи въ Ратушу:

отъ рыночныхъ торговокъ, трубочистовъ, савояровъ, бродячихъ торговцевъ, сносившихъ туда свои поздравленія и пожеланія благополучій. Процессіи эти не ограничивались дневнымъ свѣтомъ, онѣ возобновлялись ночью, при сіяніи факеловъ, и превращались въ шумныя прогулки по городу, устрашавшія обывателей. Въ Ратушѣ безсмѣнно сидѣлъ или какой-нибудь членъ правительства, или мэръ Парижа, Арманъ Марастъ, съ своими помощниками, Бюше и Адамомъ; эти дежурные члены правительства принимали толпы, говорили имъ рѣчи и отпускали ихъ: въ городѣ ихъ называли отвѣтными машинами, machines à reponse. Всего шумливѣе обнаруживалась страсть къ сажанію такъ-называемыхъ *деревьевъ свободы*, овладѣвшая нѣкоторою частью работниковъ и украсившая почти всѣ площади и углы города молодыми голыми тополями, признанными за эмблему народа, по созвучію словъ peuple, peuplier. Дѣло это производилось съ нѣкоторою церемоніей. Обыкновенно толпа добывала себѣ священника и заставляла его благословлять дерево, потомъ выпускала заранѣе приготовленнаго оратора изъ членовъ правительства или клубныхъ знаменитостей, который произносилъ рѣчь, а затѣмъ, при наступленіи вечера, приказывала иллюминовать всѣ окружные дома. Остальную часть праздника принимали на себя уличные мальчишки: они начинали стрѣлять изъ ружей и пускать петарды, иногда въ окна домовъ и въ ноги пѣшеходовъ. Журналъ *la Presse,* отличавшійся безпощадною войной съ правительствомъ, упрекалъ его за допущеніе подобныхъ безпорядковъ, но получилъ въ отвѣтъ отъ полуоффиціальнаго его органа, *le National*, замѣчаніе, которое чрезвычайно хорошо рисуетъ положеніе тогдашняго общества. „Да“, говорилъ *National*, „власть правительства безсильна, но при этомъ потрудитесь еще разобрать, ка́къ и передъ кѣмъ она безсильна. Правительство, дѣйствительно, лишено средствъ остановить всякую притѣснительную выходку перваго встрѣчнаго, которому вздумается освѣтить тотъ или другой кварталъ Парижа; но взамѣнъ правительство такъ могущественно, что передъ нимъ не смѣетъ шевельнуться вся консервативная партія цѣликомъ, еще недавно управлявшая государствомъ и обладающая доброю частью всего богатства націи“.

Усилія правительства подчинить и собственную свою республиканскую партію какому-либо порядку привели его къ необходимости подумать о томъ, чтобы выкинуть изъ Парижа его многочисленное иностранное населеніе изъ рабочихъ и выходцевъ, которое участвовало въ революціи наравнѣ съ туземными патріотами. Ко всѣмъ безчисленнымъ депутаціямъ, осаждавшимъ Ратушу, присоединились еще депутаціи отъ разныхъ народностей, ирландцевъ, нѣм-

цевъ, итальянцевъ, поляковъ. Онѣ приходили къ Ратушѣ при трескѣ барабановъ, съ развернутыми знаменами, домогаясь каждая по-своему помощи для освобожденія своего отечества. За нихъ крѣпко стояли клубы и все демократическое общество, на томъ основаніи, что революція въ Парижѣ можетъ быть упрочена только братскими революціями во всѣхъ другихъ странахъ, что каждая попытка возстанія въ Европѣ есть побѣда для Франціи, которую она одерживаетъ не трогаясь съ мѣста. Надежды воинственной пропаганды, этой любимой мечты французской демократіи, разростались по мѣрѣ извѣстій о волненіяхъ, произведенныхъ у близкихъ и дальнихъ ея сосѣдей февральскими событіями. Въ рѣдкомъ домѣ Парижа не говорилось о коренномъ измѣненіи всей карты Европы, и при этомъ не было такого страннаго, несбыточнаго предположенія, которое бы не казалось очень простымъ и легко осуществимымъ, даже для лицъ, извѣстныхъ своею осмотрительностію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Безграничная вѣра въ себя и въ будущее носилась въ воздухѣ и царствовала въ головахъ до такой степени, что самыя невообразимыя политическія комбинаціи, обращавшія въ ничто произведенія цѣлыхъ столѣтій, считались уже дѣломъ рѣшеннымъ, и о нихъ говорилось какъ объ историческихъ явленіяхъ, вошедшихъ въ общее европейское право. Я слышалъ однажды мнѣніе очень образованнаго человѣка, космологически пояснявшаго и оправдывавшаго свое и общее слѣпое довѣріе къ политическимъ чудесамъ. „Нѣтъ сомнѣнія,— говорилъ онъ,—что солнечная система наша вступила въ такія пространства неба, которыя должны измѣнить своимъ вліяніемъ всѣ физическія и нравственныя основы человѣческаго существованія на планетѣ, какъ это уже и начинается. Вотъ почему величайшее благоразуміе состоитъ теперь въ томъ, чтобъ ожидать самыхъ несбыточныхъ явленій и безгранично вѣрить въ возможность ихъ“. Правительство, однакожъ, еще не думало этого. Оно принимало довольно холодно и уклончиво депутаціи отъ народовъ, особенно польскую партію, оправдываясь передъ общественнымъ мнѣніемъ необходимостью сберечь дипломатическія сношенія съ дружественными государствами и повременить рѣшеніемъ до полнаго развитія всѣхъ силъ республики. Втайнѣ оно раздавало оружіе нѣмцамъ и волонтерамъ, собиравшимся въ Бельгію, на Рейнъ и въ Польшу, и поддерживало ихъ политическую экзальтацію денежными и другими пособіями. Оно имѣло двойную цѣль, гналось за двумя зайцами. Очищая Парижъ отъ иностранцевъ, оно сбывало съ рукъ одинъ изъ анархическихъ элементовъ и задавало сосѣдямъ немаловажную работу дома, которая должна была отвратить ихъ вниманіе отъ дѣлъ Франціи. Благодаря этому, чердаки домовъ, занимавшіеся иностраннымъ проле-

таріатомъ Парижа, огласились воинственными криками, которымъ вторила и улица. Въ квартирахъ вождей образовались склады огнестрѣльнаго и холоднаго оружія; теоретически—публицисты, стихотворцы, превратились мгновенно въ полководцевъ. По цѣлымъ ночамъ совѣщались они о маршахъ, эволюціяхъ и планахъ сраженій, а днемъ раздавали штуцера и револьверы толпамъ соотечественниковъ, приходившихъ записываться въ ряды будущаго войска. Письменные столы ихъ кабинетовъ были завалены, вмѣстѣ съ книгами и журналами, военною аммуниціей; въ спальняхъ продавались ружья и штыки; дамы шили, не разгибаясь, знамена, значки и трофеи. Въ успѣхѣ задуманныхъ предпріятій никто не сомнѣвался. Такъ выкинуты были всѣ нѣмецкіе рабочіе въ Баденъ-Баденъ, гдѣ послѣ первыхъ выстрѣловъ эта вооруженная революція, шедшая на завоеваніе Германіи, разбѣжалась и была потоплена въ крови; такъ, еще наиболѣе воинственная часть французскаго и польскаго пролетаріата была привезена по желѣзной дорогѣ, на границу Бельгіи, въ Кіевренъ, и тутъ предательская машина высадила весь отрядъ въ дебакардерѣ, наполненномъ бельгійскими войсками, которые и арестовали его цѣликомъ; другой отрядъ былъ встрѣченъ ими около Лилля, и разсѣянъ. Наиболѣе безпокойныя, неугомонныя личности, имѣвшія осторожность не записаться въ волонтеры и продолжавшія ловко возбуждать народныя страсти Франціи и особенно духъ завоеванія и покровительства, ей свойственный, были возведены правительствомъ въ званіе тайныхъ агентовъ республики, снабжены деньгами и инструкціями, и высланы за границу. Такимъ образомъ отчасти обезсиленъ былъ и этотъ элементъ народнаго броженія въ Парижѣ.

Покуда, однакожъ, шумѣлъ въ городѣ тотъ неумолкаемый демократическій праздникъ, который старались мы характеризовать, тамъ и сямъ уже показывались зловѣщіе признаки близкаго его окончанія. Одно за другимъ получались изъ провинціи не совсѣмъ благопріятныя извѣстія, и многія изъ нихъ уже носили характеръ общественнаго разложенія. Въ Руанѣ, послѣ довольно-безчеловѣчнаго изгнанія англійскихъ работниковъ съ фабрикъ, ремесленники ходили по окрестнымъ долинамъ, уничтожая, насколько могли, большія фабричныя заведенія и не показывая особеннаго уваженія къ собственности вообще. Это было предтечей апрѣльскаго возстанія въ самомъ Руанѣ, такъ безпощадно-энергически подавленнаго генераломъ Орденеромъ. Въ Ліонѣ каждый день порядокъ и имущество гражданъ становились предметомъ спора между рабочимъ населеніемъ его и коммиссаромъ правительства, Эмманюэлемъ Араго, боровшимся съ нимъ, безъ особеннаго, впрочемъ, успѣха. Въ Бордо новый агентъ правительства былъ просто выгнанъ, и городъ удержалъ стараго,

менѣе революціоннаго, и такая же сортировка коммиссаровъ Ледрю-Роллена произошла въ Труа, Безансонѣ, Аміенѣ, Валансѣ. Зараза самовольныхъ расправъ сообщилась и войску: нѣкоторые полки выпроводили своихъ офицеровъ, освободили арестантовъ и разбѣжались изъ казармъ, послѣ первой жалобы не тотчасъ же удовлетворенной. Ненависть къ Парижу и диктаторскому тону его населенія, для котораго сберегаются всѣ ласки и милости правительства, уже начинала подавать голосъ съ разныхъ пунктовъ страны, воскрешая старое историческое явленіе на Западѣ — вражду поля, деревни, крестьянина къ городу и его притязаніямъ, которую очень хорошо поддерживали и разработывали легитимистскія газеты *(l'Union, Gazette de France)* съ одной стороны, а съ другой — органъ орлеанистовъ, пріобрѣтшій вскорѣ большую извѣстность: *Assemblée Nationale.* Въ самомъ Парижѣ случилось происшествіе, обнаружившее, какъ мало всѣ произведенныя въ немъ очищенія могутъ еще служить ему порукой, что онъ не проснется когда-нибудь утромъ съ новою, невѣдомою революціей на рукахъ. Злымъ геніемъ города явился опять старый Бланки́, этотъ, какъ его называли, Паганини заговоровъ, составлявшій ихъ по влеченію природы и ради удовольствія. Оскорбленный въ чувствѣ своего артистическаго самолюбія малою удачей попытки 16-го марта, Бланки́ приготовилъ втихомолку новое возстаніе рабочихъ, въ видѣ возмездія за недавно-проигранное сраженіе. Цѣль заговора осталась неизвѣстною; да кромѣ обычныхъ революціонныхъ отвлеченностей, заговоръ и не могъ имѣть никакого лозунга, потому что составлялъ не болѣе какъ отвѣтную игру (partie de revanche) въ политическихъ шахматахъ; но послѣдствія его могли быть неисчислимы. Вѣроятно, тайной полиціи министра внутреннихъ дѣлъ никогда бы не посчастливилось открыть заговоръ, еслибы въ Ратушѣ не составилась вторая тайная полиція, которую устроилъ мэръ города Арманъ Марастъ, собственно про себя и съ намѣреніемъ слѣдить за дѣйствіями самого министра. Ею именно и усмотрѣнъ былъ заговоръ, и найдено чрезвычайно оригинальное средство отвратить бѣду. Прежній депутатъ оппозиціи въ палатѣ, г. Ташеро, предпринялъ изданіе болѣе или менѣе позорныхъ документовъ, обнаруживавшихъ способъ управленія Франціей въ министерство Гизо, мелкія, продажническія уловки и тайныя пружины администраціи вообще. Главными источниками скандалёзнаго обозрѣнія Ташеро сдѣлались архивы, открытые редактору съ этою цѣлью временнымъ правительствомъ. Разумѣется, это *обозрѣніе, провѣряющее зады (Revue retrospective),* читалось съ жадностію. Почти наканунѣ осуществленія новаго предпріятія Бланки́, въ *Обозрѣніи* появился оффиціальный документъ, касав-

шійся заговора и событій 12-го мая 1839 года, за которые Бланкй, бывшій главнымъ руководителемъ ихъ, содержался тогда въ тюрьмѣ и готовился снести голову на эшафотъ. Ко всеобщему ужасу и негодованію, содержаніе документа, заключавшаго въ себѣ подлинныя записки Бланкй, обнаружило, что этотъ новый Катилина выдалъ тогда всѣхъ своихъ товарищей, подробно разсказалъ о пружинахъ и вѣтвяхъ заговора, замѣшивая въ дѣло, съ откровенностію и чистосердечіемъ, какихъ въ немъ никогда не предполагали, много лицъ, остававшихся еще неизвѣстными правительству Луи-Филиппа. Въ добавокъ, тонъ показаній Бланкй отличался еще какою-то кокетливостію, словно онъ хвастался передъ своими судьями умѣніемъ создавать тайныя общества и управлять людьми, словно добивался чести породить высокое мнѣніе о своихъ политическихъ способностяхъ въ правительствѣ. Иронія и глубокое презрѣніе къ нравственнымъ правиламъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, не исключая и Барбеса, довершали впечатлѣніе, которое производилъ этотъ документъ. Ударъ былъ вѣрно разсчитанъ. Новый заговоръ Бланкй разлетѣлся въ прахъ отъ одной этой публикаціи *Обозрѣнія* г. Ташеро, и самый клубъ Бланкй, гдѣ онъ царствовалъ безгранично, былъ на минуту потрясенъ въ основаніи. Великій агитаторъ, пораженный на нѣкоторое время совершеннымъ бездѣйствіемъ, принужденъ былъ всѣ усилія своего изворотливаго ума, хорошо знавшаго почву и людей, съ которыми имѣлъ сношенія, употребить на то, чтобы снова собрать вокругъ себя и укрѣпить за собою потрясенную партію, въ чемъ и успѣлъ.

Мы уже часто упоминали о журналахъ, но обязаны прибавить, что революція породила мало замѣчательныхъ органовъ журналистики. Журналъ Прудона, *le Représentant du Peuple*, отличавшійся оригинальностью взглядовъ и энергіей рѣчи, весь былъ обращенъ на безпощадное осужденіе людей, принциповъ и самаго хода революціи. Новая *Presse* Жирардена, возвысившая число своихъ подписчиковъ, съ первыхъ же дней переворота, до огромной цифры, преслѣдовала временное правительство съ либеральной точки зрѣнія, требуя отъ него въ одно время крѣпкой устойчивости и безграничной смѣлости, притворяясь революціоннѣе самой революціи и защищая дисциплину не хуже любого алжирскаго генерала. Репутація геніальнаго спекулянта, какою уже пользовался Жирарденъ, еще возросла, особенно оттого, что никто не могъ разобрать, въ чемъ состоитъ его настоящая игра. Позднѣе оказалось, что онъ игралъ въ пользу бонапартизма. Его дерзкая, обличительная рѣчь и постоянная диффамація правительства и его партіи, все это имѣло видъ гражданскаго мужества, все это служило какъ-бы упре-

комъ собратьямъ по журналистикѣ, робко соглашавшимся (*Journal des Débats*) предоставить устройство республики, если только оно возможно, самимъ республиканцамъ; но въ сущности и этотъ видъ мужества былъ не что иное, какъ дальновидный биржевой разсчетъ. Когда разъ газета позволила себѣ сдѣлать сравненіе Ламартина съ Гизо и Ледрю-Роллена съ Дюшателемъ, не находя большой разницы между ними, то одна фанатическая толпа, выведенная изъ терпѣнія или направленная коноводами, бросилась въ улицу Монмартръ разбивать типографскіе станки газеты, при кликахъ: „à mort Girardin". Редакторъ показалъ себя и въ эту минуту игрокомъ не ниже обстоятельствъ. Онъ велѣлъ отворить ворота типографскаго дома, вытребовалъ къ себѣ депутацію изъ толпы и тотчасъ завелъ съ ней жаркую полемику, но въ это время уже прибылъ отрядъ національной гвардіи, а за нимъ поспѣшили явиться на мѣсто происшествія начальникъ ея, генералъ Курте, и самъ оскорбленный Ледрю-Ролленъ. Ламартинъ готовъ былъ броситься туда же. На другой день всѣ журналы, безъ исключенія, осуждали выходку толпы: такъ важно казалось всѣмъ сохранить полную свободу книгопечатанія. Жирарденъ на это и разсчитывалъ, однако послѣ этого случая тонъ журнала, на нѣкоторое время, значительно смягчился. Съ *Прессой* соперничествовала только, какъ своими 27-ю тысячами подписчиковъ, такъ и ожесточенными нападками на временное правительство, газета *l'Assemblée Nationale*, органъ клуба „свободныхъ выборовъ", хотя поводы къ враждѣ были тутъ совершенно иные. Она считала правительство просто-на-просто похитителемъ власти, относилась къ нему какъ къ самозванцу и слѣдила за каждымъ его движеніемъ какъ за новымъ преступленіемъ противъ законности, представляемой въ ея глазахъ только будущимъ „національнымъ собраніемъ" Франціи. Всякое распоряженіе администраціи она оспаривала во всѣхъ отношеніяхъ. Разоблаченіе тайныхъ пружинъ клубовъ и партій, ихъ скандалёзная хроника, составляли также часть ея программы. Затѣмъ оставалось только или яростное ничтожество, или ничтожество резонирующее. Къ первому отдѣлу, кромѣ уже названныхъ нами прежде изданій и множества другихъ, не заслуживающихъ названія, принадлежалъ и журналъ: *la Garde Nationale*, Капо-де-Фельида, отличавшагося способностію къ безцеремонному ругательству съ противниками еще въ 30-хъ годахъ. Ко второму отдѣлу, вмѣстѣ съ *Commune de Paris*, Барбеса и Собріе, вмѣстѣ съ *Réforme* Флокона и его партіи, вмѣстѣ съ *La vraie République* — органомъ люксамбургской коммиссіи, принадлежалъ еще и *le Peuple constituant*, Ламене, уже едва-едва сохранявшій свой ультра-радикальный оттѣнокъ. Журналъ этотъ постоян-

по отзывался чѣмъ-то въ родѣ укорительной проповѣди; онъ сильно негодовалъ на соціализмъ, которымъ закрашивались его товарищи по радикальной пропагандѣ, неумолкаемо гремѣлъ противъ заносчивости и безумства новыхъ теорій, влекущихъ Францію на край погибели, когда передъ ней лежитъ одинъ вѣрный путь—именно путь обработки политическихъ *догматовъ* и затѣмъ безусловной покорности имъ. Гораздо яснѣе видѣлъ свое призваніе и неуклоннѣе слѣдовалъ ему, несмотря на всю мечтательность заданной цѣли, настоящій соціалистскій журналъ *La Démocratie pacifique*. Почти все время революціи онъ находился въ состояніи какого-то вдохновенія, отвѣчая на каждый частный вопросъ новою теоріей. Онъ хлопоталъ о водвореніи на землѣ блаженнаго царства кредитныхъ бумагъ, освобождающихъ частныя лица и государства отъ гнета долговъ, денегъ и всяческихъ затрудненій. Рѣшеніе всѣхъ задачъ (было ли то накопленіе мертвыхъ векселей въ банкѣ, была ли то продажа общественныхъ земельныхъ участковъ, или покупка желѣзныхъ дорогъ правительствомъ) вызывало у редакторовъ особаго рода творчество, ту дѣятельность богатаго воображенія, которою они постоянно отличались въ изложеніи своихъ плановъ общей мобилизаціи, универсальнаго превращенія всѣхъ достояній въ бумажныя цѣнности, отвѣчающія сами за себя. Когда ультра-радикальные журналы принимали серьёзную мину экономистовъ, они или рабски слѣдовали фантазіямъ Луи-Блана, или безсовѣстно обкрадывали *Démocratie pacifique*, поочередно съ журналомъ Прудона. Былъ однако еще одинъ радикальный журналъ, замѣчательный по діалектическому искусству рѣчи и блестящей литературной формѣ, который издавался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это были знаменитые „бюллетени“ Ледрю-Роллена, которые выходили изъ-подъ пера Жоржъ-Санда, и, вывѣшенные на стѣнахъ домовъ и по угламъ переулковъ Парижа, подымали столько противоположныхъ страстей въ его народонаселеніи. Мы помнимъ эти художественные радикальные бюллетени, гдѣ знаменитый романистъ Франціи, добровольно превратившійся въ тайнаго секретаря министра, говорилъ съ народомъ великолѣпнымъ языкомъ страсти. Особенно два бюллетеня сдѣлались всѣмъ памятны по своему лирическому одушевленію. Въ первомъ Жоржъ-Сандъ призывала работниковъ разсказать міру свои неслыханныя страданія, а во второмъ умоляла оскорбленныхъ и униженныхъ женщинъ не удерживать своихъ стоновъ, ни подавлять въ себѣ чувства обиды изъ великодушія и смиренія, а напротивъ, рыдать громко, упрекать людей во всеуслышаніе, для того чтобъ отвѣчать равнодушному обществу еще разъ услугой—указаніемъ на

тайную язву его,—хотя услуги этого рода уже накопились въ значительномъ количествѣ, не принося особенной пользы. Пламенная рѣчь министерскихъ диѳирамбовъ разносилась по Парижу наравнѣ съ декретами и важными политическими извѣстіями. Знаменитый бюллетень Жоржъ-Санда о выборахъ, появившійся 16 марта, наканунѣ манифестаціи работниковъ, былъ уже настоящимъ политическимъ событіемъ. Онъ пророчески возвѣщалъ Франціи, что если выборы въ національное собраніе не будутъ соотвѣтствовать ожиданіямъ народа, то народъ возьмется опять за оружіе и уничтожитъ ихъ. Бюллетень старался заблаговременно утвердить право на этотъ поступокъ за народомъ. Ужасъ, произведенный бюллетенемъ въ умахъ тѣхъ, которые только съ появленіемъ національнаго собранія ожидали правительственнаго порядка, общественнаго спокойствія, разразился яростною полемикой; но никто не замѣтилъ тогда, что грозный бюллетень, явившійся наканунѣ дня, который могъ сдѣлаться роковымъ для Франціи, ослаблялъ приготовленное движеніе, способствовалъ къ отнятію доброй части энергіи у напора анархическихъ силъ, отчасти успокоенныхъ лестною перспективой, какую открывалъ имъ министръ въ будущемъ. Люди, слушавшіе наканунѣ торжественное признаніе ихъ всемогущества, держали слабѣе оружіе въ рукахъ и менѣе были расположены употребить его въ дѣло. „Тогда не останется (говорилъ бюллетень, подразумѣвая неудачные выборы) другого спасенія народу, строителю баррикадъ, кромѣ того, чтобы еще разъ возвысить свой голосъ и устранить рѣшеніе ложнаго народнаго представительства... Парижъ, по праву, смотритъ на себя, какъ на довѣренное лицо отъ народонаселенія всей французской земли. Парижъ — аванпостъ той арміи, которая сражается за республиканскую идею... Если анархія, издали подводящая свои мины, если общественныя вліянія успѣютъ ввести въ заблужденіе, или обмануть ожиданія разрозненныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга массъ народа, то народъ Парижа объявляетъ себя отвѣтчикомъ за всѣхъ, оберегателемъ интересовъ всей націи“. Такъ, въ смутныя эпохи государственной жизни, партіи иногда служатъ въ одно и то же время двумъ, совершенно противоположнымъ цѣлямъ, которыя глазъ современниковъ не всегда различаетъ.

Что касается до соціалистическихъ ученій разныхъ другихъ толковъ, дробившихся до безконечности, то бо́льшая часть ихъ пристроилась къ Люксамбургской коммиссіи, какъ-бы обрадовавшись твердой почвѣ, которую, благодаря ей, почувствовали они внезапно подъ собою. Сама *Démocratie* потеряла одного изъ сотрудниковъ своихъ, Туссенеля, покинувшаго *фурьеризмъ* за слишкомъ почетное мѣсто, которое назначено капиталу въ его системѣ, а Ви-

даль, авторъ книги: *О распредѣленіи богатствъ*, уже засѣдалъ въ Люксамбургѣ, рядомъ съ Альберомъ. За Люксамбурскую коммиссію схоронились также и работничьи журналы, слывшіе коммунистическими при Луи-Филиппѣ. Основатель католическо-демократическаго журнала *L'Atelier*, Бюше, и одинъ изъ главныхъ его редакторовъ, рѣщикъ по дереву, работникъ Корбонъ, уже засѣдали въ парижской мэріи въ качествѣ секретарей, и прославляли въ своемъ журналѣ благодѣянія порядка и достоинства правильнаго труда. Другой журналъ, издаваемый работниками, *la Fraternité*, съ умѣреннымъ соціалистическимъ оттѣнкомъ, пріобрѣлъ покровительство мэра, Армана Мараста, и нѣкоторые изъ его редакторовъ попали въ списокъ кандидатовъ на депутатство, составленный партіей *National*. Такъ, въ виду всѣхъ, ужъ образовалась рабочая аристократія, отдѣляясь отъ своихъ собратьевъ во имя правъ личности, высшаго развитія и благопріятныхъ условій. Самъ мэръ города, Арманъ Марастъ, глава умѣренныхъ республиканцевъ и владѣлецъ журнала *le National*, считаетъ соціализмъ бѣдствіемъ Франціи, а Люксамбургскую коммиссію полезнымъ зломъ, рожденнымъ для того, чтобъ уничтожить всѣ прочія вмѣстѣ съ собою, и не скрываетъ своего мнѣнія. При всеобщемъ молчаніи изящной и ученой литературы, которую застала врасплохъ февральская революція и которая во все ея теченіе такъ и не выходила изъ своего изумленія,—политическая печать царствовала безгранично. Беллетристика давала знать о своемъ существованіи только продолженіемъ романа: *Paturôt à la recherche d'une position sociale*— этимъ вялымъ возобновленіемъ Жилблаза въ современной формѣ, съ злымъ намѣреніемъ, но безъ силы и одушевленія въ исполненіи; натянутыми и немного искусственными шуточками огорченнаго *Шаривари*, который напрасно слылъ республиканскимъ шутникомъ при Луи-Филиппѣ; да еще адресами къ избирателямъ отъ знаменитыхъ литераторовъ Франціи: Дюма, Сю, Виктора Гюго и проч. Адресы эти заключали въ себѣ политическую исповѣдь авторовъ, объясняли ихъ отношенія къ прежнему правительству, которымъ многіе изъ нихъ были облагодѣтельствованы, и, несмотря на разницу стиля, достигавшаго у иныхъ комическаго и вмѣстѣ чудовищнаго выраженія, приходили всѣ къ одному общему смыслу: они всю жизнь свою призывали въ *душѣ* царство народа, предчувствовали февральскую катастрофу и способствовали ея появленію, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей.

Молчалъ и театръ. Театръ былъ теперь не на сценѣ, а на улицѣ. Разумѣется, прежде всего дирекціи театровъ бросились на постановку пьесъ, запрещенныхъ цензурою Дюшателя. На афишахъ

тотчасъ же появились объявленія о похороненныхъ и воскреснувшихъ драмахъ и водевиляхъ: *Les filles cloitrées* въ Одеонѣ, *Le pacte de Famine* въ Амбигю и проч., и всѣ эти жертвы административной тиранніи, какъ ихъ называли, дѣйствительно обнаружили безполезность приговора, ихъ поразившаго. Нелѣпость и безсмыслица ихъ были такъ велики, что рѣшительно уничтожали дѣйствіе чудовищныхъ и скандалёзныхъ подробностей, которыми эти пьесы изобиловали. Пошлость играла тутъ роль спасительницы нравственнаго и человѣческаго достоинства. Изъ этихъ *запрещенныхъ* пьесъ, еще довольно забавна была, при крайней пустотѣ своей, пьеса Пале-Рояля: *Le camarade de lit*, представлявшая солдата первой революціи, который пошелъ отыскивать по свѣту стараго своего друга и товарища по казармѣ, Бернадота. Допущенный къ нему, онъ мало-по-малу разговорился съ нимъ, за бутылкой вина, о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о богатырскихъ походахъ, о томъ, какъ начинали они карьеру, и довелъ своего растроганнаго друга до того, что тотъ начинаетъ припоминать пѣсенки своей молодости, и наконецъ уходитъ спать, крича на весь народъ: „vive la république, une et indivisible!“ Несмотря, однакоже, на всѣ эти забавныя и незабавныя нелѣпости, партеры театровъ постоянно были пусты, и ни одно произведеніе, мало-мальски замѣчательное, не явилось, въ теченіи всей революціи, побороться съ общимъ безденежьемъ и общимъ равнодушіемъ къ театру, и поддержать разорявшіяся дирекціи, которыя тщетно взывали къ правительству о помощи. Одна Рашель спасала еще общниковъ классическаго *французскаго* театра Théâtre Français. Она придумала декламировать на сценѣ *la Marseillaise*, и для того явилась передъ публикой въ образѣ древней статуи, съ бѣлою туникой, но съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, олицетворяя собой такимъ образомъ Францію. Пѣвучимъ речитативомъ и вполголоса, при мертвой тишинѣ партера, произносила она стихи знаменитой пѣсни, сообщая каждой строфѣ особенную интонацію, переходя отъ глубокаго чувства грусти по родинѣ къ сосредоточенному негодованію на враговъ и наконецъ къ отчаянной рѣшимости сопротивленія. За всѣми этими оттѣнками пѣсни слѣдило и выраженіе необычайно-подвижнаго лица актрисы, а когда, въ минуту призыва къ оружію, она падала на колѣни, страстно прижимая къ груди трехцвѣтное знамя, глаза ея горѣли лихорадкой энтузіазма. Благодаря этой декламаціи, продолжавшейся не много болѣе одной четверти часа, зала Французскаго Театра наполнялась народомъ сверху до низу и оглушалась неистовыми рукоплесканіями. Легко было понять, что люди различныхъ партій и направленій, видѣли во Франціи,

олицетворяемой актрисой, каждый свою собственную Францію, по своему вкусу и понятію, а въ знамени, къ которому она приникала, различали множество такихъ девизовъ, какихъ на немъ вовсе не было нашито.

Посреди этой общей несостоятельности и ничтожества театровъ выдавался въ это время Фредерикъ Леметръ, извѣстный актеръ театра Porte St. Martin. Онъ также возобновилъ двѣ запрещенныя пьесы: *L'Auberge des Ardets*, *Robert Macaire*, которыя не уступали ни одной изъ своихъ подругъ въ отсутствіи человѣческаго смысла. Спектакль, составленный изъ этихъ драмъ, продолжался, напоминая римскія времена или ближайшую эпоху мистерій, два дня, то-есть два вечера сряду. О содержаніи пьесъ распространяться нечего: авторъ ихъ, имя котораго я позабылъ, очень добродушно воображалъ, что создаетъ страшную мелодраму; но актеръ, Фредерикъ Леметръ, понялъ дѣло иначе и превратилъ мелодраму въ площадной фарсъ, для потѣхи публики, создавъ при этомъ изъ главнаго дѣйствующаго лица чудовищнаго героя Робера Макера, поразительный типъ современной испорченности. Первая пьеса: *L'Auberge*, вся наполнена страшнымъ преступленіемъ, которое свершаетъ Роберъ (кажется, убійствомъ своего благодѣтеля); вторая—дальнѣйшими успѣхами Робера на пути возмутительныхъ измѣнъ, злодѣйствъ и обмановъ всякаго рода. Чего только тутъ не было!... Но вотъ что замѣчательно. Роберъ казался страшенъ не столько подвигами своими, превосходившими мѣру возможнаго нравственнаго безобразія, сколько самъ собою, психическою задачей, которую представлялъ изъ себя. Этотъ человѣкъ ни на минуту не лишается веселаго расположенія духа; онъ обладаетъ неистощимымъ юморомъ и прикрываетъ крайнее развращеніе мысли и сердца лоскомъ блестящаго остроумія, располагающаго въ его пользу людей, которые всюду ищутъ потѣхи для себя. Притомъ же Роберъ, созданный актеромъ Фредерикомъ Леметромъ, не только сочинившимъ всю свою роль, но еще и дополнявшимъ ее блестящею импровизаціей въ минуту исполненія, является и вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Онъ свободнѣе всего своего вѣка. Нѣтъ ни одного, такъ-называемаго, предразсудка, которому бы онъ вѣрилъ; нѣтъ ни одного чувства, ни одного правила, ни одного общественнаго или нравственнаго догмата, которые бы онъ признавалъ. Онъ подсмѣивается надъ всѣми условіями человѣческой жизни, даже такими, которыя принадлежатъ всему животному царству, какъ, напримѣръ, влеченіе матери къ своему дѣтищу, и окидываетъ презрительнымъ взглядомъ міръ, который лежитъ передъ нимъ, опутанный сѣтями

разныхъ моральныхъ чувствованій и предразсудковъ. Поддѣлываясь подъ ладъ этого бѣднаго человѣчества, надъ которымъ еще тяготѣетъ такая ноша обязанностей и добродѣтелей, уже сброшенная имъ самимъ, Роберъ постоянно говоритъ о святости долга, о будущемъ торжествѣ правды на землѣ, о величіи самопожертвованія на пользу общую и проч., и становится особенно краснорѣчивъ именно въ тѣ минуты, когда онъ предаетъ друга, обкрадываетъ сына, наноситъ побои отцу и позорно клевещетъ на жену. Какъ искусный артистъ, хвастающій своимъ умѣньемъ владѣть знакомымъ инструментомъ, Роберъ любитъ перебирать лѣстницу ощущеній и помысловъ людскихъ, для того, чтобы каждая нота издала подъ его рукой рѣзкій, нестерпимо-фальшивый звукъ, который можно было бы покрыть хохотомъ, сарказмомъ и злою ироніей. Прибавьте къ этому, что Роберъ — даровитый человѣкъ, чувствующій себѣ цѣну и способный занять какое угодно мѣсто въ обществѣ. Несмотря на свои преступленія, онъ является постоянно нищимъ и въ лохмотьяхъ; онъ *поэтъ порока*, и потому всегда переступаетъ мѣру, необходимую для выгодныхъ преступленій; но съ сумой за плечами и протягивая руку за подаяніемъ, онъ держитъ себя какъ англійскій лордъ и говоритъ гордо какъ вельможа. Измѣнившееся положеніе тоже не имѣетъ вліянія на Робера. Сдѣлавшись главой огромнаго мошенническаго общества на акціяхъ, ворочая милліонами и щеголяя въ изящномъ фракѣ, Роберъ нисколько не возбраняетъ себѣ удовольствія отрѣзать у посѣтителя цѣпочку на часахъ. Нищенство и богатство стали для Робера такими же малообязывающими понятіями, какъ совѣсть или честь; все это уже ниже его, хотя, разумѣется, онъ предпочитаетъ богатство бѣдности, по матеріальнымъ результатамъ, для которыхъ не щадитъ ни себя, ни ближняго. Замѣчательно, что Фредерикъ Леметръ, исполняя свою роль, нѣсколько разъ превращался самъ, не подозрѣвая того, въ дѣйствительнаго Роберъ Макера. Оно и понятно: нельзя такъ близко породниться съ типомъ, не имѣя въ себѣ самомъ какихъ-нибудь отдаленныхъ на него намёковъ. Такъ, рѣчь, которую Роберъ, въ качествѣ главы торговаго общества, держитъ къ акціонерамъ, Фредерикъ Леметръ началъ тѣми обычными словами, какія влагались въ уста эксъ-короля его министрами при открытіи парламентовъ: c'est toujours avec un nouveau plaisir и проч., и пересыпалъ ее намёками на прошлое, мало приличными и еще менѣе великодушными. Еще хуже было, когда, слѣдуя роли, Фредерикъ Леметръ вышелъ на большую дорогу грабить проѣзжающихъ въ костюмѣ, имѣвшемъ разительное сходство съ одеждой важнаго лица, только

что покинувшаго Францію: въ партерѣ пронесся какой-то смутный, почти болѣзненный вопль, безъ всякихъ рукоплесканій. Признаюсь, этотъ вопль, неожиданно раздавшійся, посреди постояннаго, непрерывнаго хохота, имѣлъ для меня огромный смыслъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что какъ бы ни ослаблена была общественная совѣсть софизмами и потворствами всякаго рода, были же все-таки посягательства, которыя возмущали ее. Совсѣмъ тѣмъ роль Робера, повторяемъ, была художественнымъ произведеніемъ Фредерика Леметра; и если типъ, имъ созданный, не присоединился къ знаменитымъ типамъ театральной лѣтописи: Донъ-Жуанамъ, Фальстафамъ, и проч., то единственною помѣхой этому было то обстоятельство, что онъ не отлился въ незыблемую форму письменнаго памятника. Рожденный на мгновеніе сценическою импровизаціей одного очень даровитаго человѣка, онъ вмѣстѣ съ нимъ и пропалъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе только въ бывшихъ зрителяхъ своихъ, все болѣе и болѣе рѣдѣющихъ. Теперь уже много потерялъ въ своемъ значеніи и серьёзный вопросъ, имъ возбужденный, о нравственномъ состояніи того общества, которое дало матеріалы для созданія подобнаго типа и которое встрѣчало его, судя по общему хохоту и одобренію, какъ очень знакомое лицо. Толпа не можетъ рукоплескать чистой клеветѣ, въ какой бы формѣ она ни являлась: всякій фарсъ, всякое преувеличеніе, ради комическихъ и художественныхъ цѣлей, должны сохранять связь съ жизнью, по крайней мѣрѣ для того, чтобы возбуждать смѣхъ. Самый смѣхъ есть тутъ не что иное какъ результатъ сличенія комической гиперболы съ дѣйствительностію, сличенія, которое каждый зритель дѣлаетъ про себя. Что типъ Робера не былъ произвольнымъ созданіемъ одной фантазіи Фредерика Леметра, это доказывалось между прочимъ и страстями, которыя волновали партеръ во время представленія. Множество лицъ выражало непритворное благоговѣніе къ того рода величію, которое сообщилъ знаменитый актеръ своему дѣтищу, и множество глазъ устремлены были на него съ выраженіемъ чего-то въ родѣ почтительной зависти, испытываемой обыкновенно учениками передъ великимъ образцомъ. То и другое сказывалось еще въ разныхъ восклицаніяхъ, раздававшихся неожиданно изъ партера, посреди представленія, и въ уединенныхъ рукоплесканіяхъ какого-нибудь пораженнаго зрителя. Партеръ видимо находился подъ обаяніемъ идеи, олицетворяемой типомъ. Когда, въ послѣднемъ актѣ, Роберъ Макеръ, преслѣдуемый полиціей, садится въ лодочку воздушнаго шара, пускаемаго какимъ-то антрепренеромъ, и подобно Фаусту, уносится съ нимъ въ небо, или Богъ вѣсть куда, избавившись такимъ образомъ отъ отвѣтственности за всѣ

свои продѣлки на землѣ, — оглушительный восторгъ партера показывалъ довольно ясно, въ какомъ состояніи умственной анархіи находятся всѣ эти головы, и служилъ хорошимъ комментаріемъ для многаго, что́ дѣлалось на улицахъ Парижа, что́ говорилось въ клубахъ, и что́ думалось большинствомъ толпы про себя.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ

КОВАЛЕВСКІЙ

(† 21 сент. 1868 г.).

Съ именемъ Егора Петровича Ковалевскаго связывается представленіе оригинальнаго и благороднаго русскаго типа, весьма способнаго служить выраженіемъ того времени, которое его породило и воспитало. Эпоха, нами переживаемая, видитъ изрѣдка подобные типы, образовавшіеся въ средѣ иного поколѣнія и другихъ условій жизни: родъ блеска, свойственнаго этимъ типамъ, имѣетъ уже для позднѣйшаго времени нѣчто чуждое въ себѣ, необычное и изумляющее. Будущему біографу Е. П. Ковалевскаго предстоитъ трудъ разъяснить вполнѣ его литературную, политическую и общественную дѣятельность, которыя пріобрѣли покойному такую почетную извѣстность въ Россіи и за границей. Задача наша скромнѣе. Для большинства нашей публики, для тѣхъ, кто не имѣлъ съ покойнымъ прямыхъ и непосредственныхъ сношеній — существуетъ, такъ сказать, одно предчувствіе важнаго нравственнаго значенія его жизни. Предчувствіе это само собой рождалось для публики изъ знакомства съ его многочисленными литературными произведеніями, поддерживаясь неослабно слухами о направленіи его служебной и общественной дѣятельности. Единственная цѣль настоящаго краткаго очерка его жизни состоитъ въ томъ, чтобъ, по возможности, способствовать къ обращенію этого вѣрнаго, но смутнаго чувства публики въ болѣе удовлетворительное представленіе самыхъ свойствъ и отличій нравственной физіономіи покойнаго.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій родился въ 1811 году, въ Харь-

ковской губерніи и, стало-быть, принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое на нашихъ глазахъ сходитъ мало-по-малу съ арены свѣта и утрачиваетъ свое вліяніе на ходъ дѣлъ и общественнаго развитія въ Россіи, очищая дорогу другимъ, болѣе молодымъ дѣятелямъ, съ иными воззрѣніями и началами. Характеристика этого поколѣнія, явившагося на свѣтъ немного ранѣе или немного позднѣе 1812—1818 г., къ которому принадлежатъ, между прочимъ, очень громкія имена современной нашей науки, литературы и администраціи, могла бы быть, во многихъ отношеніяхъ, поучительна; но мы принуждены здѣсь ограничиться немногими указаніями. И, во-первыхъ, поколѣніе это было уже настоящимъ университетскимъ поколѣніемъ на Руси, такъ какъ время начатія службы и дѣятельности для самыхъ раннихъ его членовъ приходится къ 30 годамъ, когда безъ университетскаго диплома почти уже невозможно было добиться маломальски сноснаго общественнаго положенія, и когда всѣ имъ запасались, какъ единственнымъ доказательствомъ своей образованности и своихъ способностей. Исключеніе составляло военное поприще, имѣвшее свои особенныя права, которыя выводили людей наравнѣ съ университетской молодежью, но оно еще не успѣло выработать изъ себя дѣльцовъ для всѣхъ вѣдомствъ и занятій. А затѣмъ поколѣніе это уже обнаружило, при самомъ появленіи своемъ на поприщѣ службы и дѣятельности, три довольно ясныхъ и рѣзко отличающихся другъ отъ друга направленія, которыя и раздѣлили его на очень замѣтные и характерные круги. Самое видное мѣсто изъ нихъ занялъ тотъ, который числилъ у себя значительную массу молодыхъ умовъ, нашедшихъ въ служебной дѣятельности удовлетвореніе всѣмъ нравственнымъ потребностямъ своимъ и отвѣтъ на всѣ запросы человѣческаго существованія. Отдѣлъ этотъ вскорѣ составилъ ту блестящую корпорацію людей съ формами европейской образованности, которые владѣли секретомъ скораго и неукоснительнаго разрѣшенія самыхъ затруднительныхъ вопросовъ жизни, какъ для себя, такъ и для другихъ. Въ противоположность съ этимъ кругомъ образовался другой, искавшій полной независимости для своей мысли и внѣшней дѣятельности, отдавшійся литературѣ, наукѣ, философіи и почти непризнававшій ничего, что совершалось внѣ этихъ сферъ. Ему суждено было впослѣдствіи нести горькіе упреки въ идеализмѣ и политическомъ безсиліи, хотя именно къ этому кругу принадлежало у насъ большинство свѣтлыхъ умовъ, оставившихъ крупные слѣды въ умственномъ воспитаніи общества. Наконецъ, третій и самый малочисленный отдѣлъ состоялъ изъ людей, посвятившихъ себя государственному поприщу и вносившихъ съ собой, какъ дополненіе службы, горячее пониманіе интересовъ, исканій и

самодѣятельной работы общества. Здѣсь именно и находился покойный Ковалевскій всю свою жизнь.

Ковалевскій получилъ высшее образованіе на своей родинѣ, въ харьковскомъ университетѣ, откуда по окончаніи курса въ 1828 году и вышелъ съ званіемъ „дѣйствительнаго студента". Замѣчательно, что на слѣдующій же годъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду, онъ бросилъ Петербургъ, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто въ департаментѣ горныхъ дѣлъ, и уѣхалъ въ Сибирь, по приглашенію брата своего, извѣстнаго Евграфа Петровича Ковалевскаго — впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, а тогда главнаго начальника алтайскихъ горныхъ заводовъ. Евграфъ Петровичъ былъ 20-ью годами старше своего брата Егора. Изъ формулярнаго списка послѣдняго мы видимъ, что онъ занималъ должность правителя дѣлъ въ канцеляріи начальника алтайскихъ заводовъ, перешелъ на службу по уральскимъ заводамъ, сдѣлался смотрителемъ золотыхъ промысловъ въ Екатеринбургскомъ округѣ, гдѣ еще прежде занимался открытіемъ золотоносныхъ пріисковъ для казны, и, наконецъ, въ 1836 году, при поставленіи всего горнаго вѣдомства на военную ногу, переименованъ изъ горнаго чина въ капитаны. На слѣдующій годъ онъ прибылъ въ Петербургъ, сопровождая партію казеннаго золота, и тутъ произошла та перемѣна въ его судьбѣ, которая опредѣлила всю дальнѣйшую его карьеру. Черногорскій владыка, извѣстный просвѣтитель своей страны — Петръ Негошъ — просилъ русское правительство о присылкѣ опытнаго инженера для изслѣдованія природныхъ богатствъ Черногоріи. Министерство иностранныхъ дѣлъ обратило глаза на молодого Ковалевскаго, уже дѣлавшагося замѣтнымъ, какъ изслѣдованіями своими, которыя онъ печаталъ въ „Горномъ Журналѣ", такъ и привычками неутомимой дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ. Командировка эта требовала и большой политической осторожности. Черногорія находилась тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Австріи, которая вторглась даже въ ея предѣлы. Положеніе было опасное какъ для Черногоріи, такъ и для европейскаго мира вообще. Ковалевскій, по собственной личной иниціативѣ, далъ маленькой геройской землѣ совѣты, которые много способствовали къ тому, чтобъ возстановить порядокъ на границахъ обоихъ сосѣдей. Съ тѣхъ поръ Ковалевскій предъизбранъ былъ на дипломатическія порученія, преимущественно въ славянскія и восточныя земли, порученія, всегда связанныя съ учеными, этнографическими и экономическими вопросами. Такъ, онъ отправленъ былъ 17-го марта 1839 г. въ Бухарію, но, кажется, на этотъ разъ не имѣлъ возможности достичь своей цѣли и только примкнулъ къ извѣстной хивинской экспедиціи гр. Перовскаго, причемъ,

какъ видно изъ высочайше объявленнаго ему, наравнѣ съ другими, благоволенія, участвовалъ въ лишеніяхъ и опасностяхъ упорной защиты Акбулакскаго укрѣпленія. Мы находимъ значительный перерывъ въ его жизни дипломатическаго агента, начиная съ 1840 года, когда онъ возвратился изъ экспедиціи въ Хиву и до 1846 года, когда онъ сопровождалъ на уральскіе золотые пріиски египетскихъ инженеровъ, посланныхъ Мегметомъ-Али для изученія металлургическаго дѣла. Черезъ два года (1847) онъ самъ отправился къ знаменитому египетскому пашѣ для „установки разработки открытыхъ тамъ (въ Египтѣ) золотоносныхъ розсыпей“—какъ было сказано въ предписаніи, но онъ значительно расширилъ программу своихъ занятій. Онъ воспользовался этой миссіей для того, чтобъ совершить свое извѣстное путешествіе внутрь страны для опредѣленія верховьевъ Нила и побывать въ Абиссиніи у покойнаго и сверженнаго императора Ѳеодора. Едва успѣлъ онъ возвратиться изъ этой командировки, какъ назначенъ былъ (1849) сопровождать нашу миссію въ Китай и водворить ее въ Пекинѣ, на основаніи старыхъ обычаевъ, требовавшихъ, чтобъ духовное наше посольство сопровождалось особымъ оффиціальнымъ приставомъ. Въ іюлѣ 1850 года онъ вернулся въ Кяхту, но черезъ полгода, какъ самъ говоритъ въ своемъ описаніи этого вояжа, опять потянулся „длиннымъ караваномъ въ Китай, — только въ другую часть его, по другому пути“. Новый путь этотъ, давно требуемый нашимъ купечествомъ, лежалъ черезъ Монголію, и движеніе *длиннаго каравана* помогло Ковалевскому заключить извѣстный кульджинскій торговый трактатъ съ пекинскимъ правительствомъ, открывшій для русскихъ негоціантовъ Западный Китай и два пункта для ихъ конторъ или факторій (Кульджа и Чугучакъ). Трактатъ послужилъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ мѣръ относительно новаго опредѣленія нашихъ границъ съ Китаемъ. Въ 1851 году Ковалевскій возвратился въ Петербургъ. Самая высшая, напряженная служебная дѣятельность Ковалевскаго совпадаетъ съ грознымъ временемъ нашей европейско-турецкой войны. Въ 1853 году онъ былъ посланъ въ Черногорію еще разъ, при обстоятельствахъ, далеко непохожихъ на тѣ, которыя онъ встрѣчалъ въ первое посѣщеніе этой страны; но духъ ея народа, должно быть, не измѣнился съ тѣхъ поръ, ибо покойный Государь остался весьма доволенъ результатами его поѣздки и пожаловалъ Ковалевскому богатую табакерку съ своимъ вензелемъ, подобно тому, какъ при возвращеніи его изъ Китая назначилъ ему пожизненную пенсію въ 600 р., увеличенную нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ до 2,000 р. Черезъ 4 мѣсяца по прибытіи въ Петербургъ изъ Черногоріи, Ковалевскій снова покинулъ

его (ноябрь 1853 г.) и отправился на Дунай, къ арміи кн. Горчакова. Извѣстно, что съ частію этой же арміи онъ прибылъ въ Севастополь, послѣ того какъ политическія событія ограничили и упразднили его дѣятельность въ Румынскихъ княжествахъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ оставался въ Севастополѣ, слѣдя, со скорбной душой, за всѣми эпизодами знаменитой его осады и защиты, вплоть до инкерманскаго дѣла. Конецъ 1855 года застаетъ его уже въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ ему поручено было исправлять должность директора азіатскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Его карьера ученаго путешественника, туриста и, какъ онъ самъ выразился, „странствователя по сушѣ и морямъ", кончилась съ этимъ годомъ навсегда.

Это былъ второй переломъ въ его жизни. Получивъ осѣдлость въ Петербургѣ, онъ уже является передъ обществомъ какъ администраторъ, какъ важное должностное лицо, имѣющее большой кругъ вліянія. Предоставляемъ сказать біографіи, какъ крѣпко взялся онъ, исполняя высшія предначертанія, за знамя Россіи на новомъ постѣ своемъ и какъ высоко опять поднялъ его въ глазахъ славянскихъ и азіатскихъ племенъ, приведенныхъ въ недоумѣніе послѣдними неудачами нашими и парижскимъ трактатомъ 1856 г.; мы займемся здѣсь преимущественно одной только чертой, до того не общей въ нашей жизни, что она выдвинула Ковалевскаго впередъ и обратила на него глаза и вниманіе всей нашей публики. Для Е. П. Ковалевскаго не было такого честнаго стремленія на Руси, такого добросовѣстнаго труда и такого свѣтлаго начинанія, которыхъ бы онъ не понялъ или не зналъ, къ которымъ остался бы холоденъ и равнодушенъ!

Какъ сберегъ онъ и развилъ въ себѣ эту общность съ духовными, умственными интересами русскаго міра, съ замѣчательнѣйшими сторонами его развитія, будучи постоянно оторванъ отъ него своими путешествіями и занятіями, теряя его иногда изъ вида по цѣлымъ годамъ? Правда, что характеръ порученій, имъ исполняемыхъ, и точка зрѣнія, на которую онъ становился при этомъ, могли отчасти воспитать въ немъ эту нравственную черту. Онъ старался имѣть дѣло преимущественно съ народными массами — вездѣ, гдѣ ни былъ, и въ изученіи ихъ свойствъ и природы почерпнулъ много важныхъ уроковъ. Слѣды такого искренняго, любовнаго изученія народностей видимы въ печатныхъ его отчетахъ о своихъ странствованіяхъ, но они еще сильнѣе сказывались въ его бесѣдахъ. Сколько разъ онъ горячо утверждалъ, что ему приходилось не однажды встрѣчать, въ самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ

племенахъ, безсознательное проявленіе ума и даже геніальности, что онъ приводимъ былъ иногда въ недоумѣніе понятіями, замѣчаніями, смысломъ людей, варварскіе обычаи которыхъ, повидимому, не оставляли возможности для какого-либо развитія, и сколько разъ также восторженно упоминалъ онъ о смѣлой изобрѣтательности, проявлявшейся тамъ, гдѣ почти не было никакихъ орудій для выполненія мало-мальски сложнаго замысла. Все это, конечно, могло дать предчувствіе внутренней силы каждаго строя жизни, даже самаго младенческаго или безчеловѣчно-порабощеннаго; но отъ этого еще было далеко до глубокаго знанія перекрещивающихся умственныхъ теченій и исканій русскаго міра. А между тѣмъ, слѣдя за малѣйшими волненіями, пробѣгавшими по славянскому и восточному міру, который теперь испытывалъ его вліяніе, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускалъ изъ вида ни одного нравственнаго явленія на пространствѣ нашей имперіи, которое, по существу своему, вышло изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Ему знакомы были не только настоящіе источники любого дѣла, но и особенныя обстоятельства, его окружающія. Необычайная чуткость воспріимчивой натуры Ковалевскаго побуждала его иногда относиться весьма страстно къ предметамъ и начинаніямъ, стоявшимъ далеко въ сторонѣ отъ его признанной, оффиціальной дѣятельности, заслуживая ему отъ товарищей по рангу и положенію репутацію слишкомъ оригинальнаго и не совсѣмъ понятнаго человѣка. Все это уже нельзя отнести только къ побужденіямъ или привычкамъ его живого и любознательнаго ума: тутъ была еще другая двигающая сила, которая поставила его, такъ-сказать, въ обладаніе тайнами русской мысли и развитія; силу эту открыть не трудно.

Она состояла въ томъ, что Е. П. Ковалевскій ни на одну минуту въ жизни, ни при какихъ условіяхъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ лично для него—не считалъ возможнымъ отдѣлиться отъ русскаго общества, къ которому принадлежалъ. Онъ даже не могъ себѣ представить такого высокаго положенія для частнаго лица, которое уполномочивало бы смотрѣть на русскій міръ сверху внизъ, питаться презрѣніемъ къ его попыткамъ опредѣлить себя и жить самому особенной, самохвальной жизнію, въ спокойной вѣрѣ въ собственное свое превосходство. Наоборотъ, интересы развитія русскаго міра всегда были его собственными, и когда случалось имъ страдать почему-либо, отъ своихъ или чужихъ ошибокъ, онъ страдалъ вмѣстѣ съ ними. При такихъ отношеніяхъ къ обществу — пониманіе задачъ и тэмъ, въ немъ зарождавшихся, становилось легко, да онѣ и сами искали вездѣ сочувственнаго вниманія людей, онѣ открыто лежали передъ всякимъ, кто настроенъ былъ призна-

вать ихъ за серьёзное дѣло. А поводъ признавать за ними это качество являлся у Ковалевскаго еще и съ другой стороны, кромѣ личнаго предрасположенія. На первомъ планѣ всей его политической дѣятельности стояло страстное, болѣзненное радѣніе о поднятіи внѣшняго величія и вліянія Россіи, насколько это могло отъ него зависѣть—мы имѣли бы право сказать, употребляя старый терминъ—*печаль* о нихъ, разрѣшавшаяся иногда для него, при какихъ-либо неудачахъ или промахахъ, въ настоящую и простую печаль сердца. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему совершенно ясно было, что достиженіе этой великой задачи находится въ непосредственной зависимости отъ внутренняго преуспѣянія, отъ бо́льшаго или ме́ньшаго простора, которымъ будетъ пользоваться русская *интеллигенція* для обнаруженія всѣхъ, присущихъ ей, здоровыхъ и творческихъ силъ. Моральная связь съ обществомъ поддерживалась, такимъ образомъ, соображеніями патріотическаго характера и укрѣплялась еще его званіемъ русскаго писателя. Нельзя быть замѣчательнымъ писателемъ безъ симпатіи къ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ своей публики, безъ отгадки ея стремленій и чаяній, а Ковалевскій, вдобавокъ, можетъ еще называться литераторомъ въ полномъ смыслѣ слова. Авторская дѣятельность представлялась ему не какъ легкое развлеченіе, не какъ пріятное наполненіе досуговъ, оставляемыхъ другими, болѣе важными, занятіями, особенно не какъ новая „пикантная“ подробность въ спискѣ отличій, уже пріобрѣтенныхъ на иномъ пути и другими способами: онъ смотрѣлъ на нее, какъ на важное призваніе въ жизни, стоющее того, чтобъ, при случаѣ, отдать ему всѣ свои силы безъ раздѣла и способное возбуждать къ себѣ неудержимыя, страстныя привязанности. Онъ это испыталъ на дѣлѣ. Ковалевскій пережилъ самъ обычныя волненія писательской профессіи и прошелъ черезъ тяжелый искусъ начинающаго и еще неопредѣлившагося таланта. На студенческой скамьѣ онъ лелѣялъ планы обширныхъ поэтическихъ созданій *), затѣмъ пробовалъ писать повѣсти, романы, а однажды даже ировинился драмой, впрочемъ никогда неигранной и вскорѣ уничтоженной; наконецъ, онъ увлекался на первыхъ порахъ корифеями тогдашней беллетристики и состоялъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, А. Бестужева-Марлинскаго, которому даже и подражалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первой своей книги: „Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Съ рисунками и картинами. 1843 г. Спб.“.

---

*) Одну изъ такихъ попытокъ онъ довелъ до конца и даже напечаталъ. Библіографамъ извѣстна его трагедія „Мароа Посадница, или Славянскія жены“, историческая трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 1832 г. Спб.“.

Всѣ настоящія свойства своего таланта, ясность мысли и простоту изложенія, онъ обнаружилъ уже на второмъ шагѣ своей литературной карьеры, въ извѣстной книгѣ „Странствователь по сушѣ и морямъ, двѣ книжки, 1843 г. Спб.“, которая съ-разу доставила ему почетное имя въ литературѣ. За ней шли послѣ каждаго изъ его вояжей, сравнительно краткія, но во многихъ отношеніяхъ образцовыя описанія ихъ: „Путешествіе во внутреннюю Африку. 1849 г. 2 части, съ картою и 16-ю рисунками“; „Путешествіе въ Китай“ 1853 года, двѣ части. Нѣсколько разсказовъ, отрывковъ и воспоминаній, помѣщенныхъ въ нашихъ журналахъ, довершаютъ эту дѣятельность, вѣнцомъ которой въ самое послѣднее время служила монографія: „Графъ Блудовъ и его время“, по достоинству оцѣненная публикой и обнаружившая въ авторѣ не одну массу свѣдѣній объ эпохѣ Александра I, но и необыкновенное мастерство кисти въ изображеніи портретовъ и высоту историческаго созерцанія, которое могло быть удѣломъ только весьма здраваго и весьма честнаго политическаго ума. Понятно послѣ этого, что насущная работа русской мысли и жизни была ему вполнѣ знакома со всѣми ея задачами и условіями, такъ-какъ онъ самъ былъ одинъ изъ трудовыхъ людей, которыхъ она собирала вокругъ себя...

Заговоривъ о политическомъ и общественномъ характерѣ Ковалевскаго, мы уже не можемъ пропустить его отношеній къ европейской цивилизаціи и славянскому міру, которыя теперь должны были обнаружиться съ наибольшей ясностію.

Полное умственное и нравственное развитіе Егора Петровича (1840—1850) совпадаетъ съ разгаромъ великаго спора между такъ-называемыми славянофилами и западниками, который происходилъ въ нашей литературѣ, и по своему образовательному значенію былъ нисколько не ниже знаменитаго спора карамзинской школы съ церковно-славянскимъ направленіемъ Шишкова и его послѣдователей, вводя, подобно ему, всѣ тогда наличныя, мыслящія силы общества въ кругъ завязавшейся полемики. Споръ этотъ заключалъ въ себѣ и политическій вопросъ, скромно таившійся подъ покровомъ его историческихъ и литературныхъ тэмъ; а такъ-какъ это былъ единственный политическій вопросъ, который, благодаря своей общности и родству съ отвлеченными эстетическими и философскими началами, могъ быть обсуждаемъ въ то время, то борьба между великими литературными партіями нашими тайно заключала еще въ себѣ и цѣлыя воззрѣнія (professions de foi) на коренныя основы разумнаго народнаго существованія. Извѣстно, что впослѣдствіи множество недоразумѣній между противниками было сглажено и множество точекъ соприкосновенія найдено ими же самими, безъ

позорныхъ уступокъ со стороны началъ и убѣжденій. Ковалевскій лично не принималъ участія въ знаменитомъ спорѣ; нѣтъ ни одной печатной строчки, которая показала бы его отношенія къ обоимъ враждебнымъ лагерямъ, дѣлившимъ на два стана всю тогдашнюю публику; тѣмъ не менѣе, онъ переживалъ весь вопросъ, какъ и многіе другіе общественные вопросы, всей своей мыслію и сознаніемъ, о чемъ мы можемъ судить по образу его поведенія, когда дѣло представилось ему въ очень реальной формѣ борьбы славянъ съ равнодушіемъ и презрѣніемъ Европы. Европейская цивилизація не была для Ковалевскаго пустымъ словомъ или обманчивымъ прикрытіемъ изжитой и кончающейся жизни, что въ ней уже видѣли крайніе почитатели самобытныхъ народныхъ культуръ; наоборотъ, онъ принадлежалъ къ восторженнымъ цѣнителямъ умственнаго и нравственнаго добра, собраннаго вѣками на западѣ Европы, и думалъ, что наслѣдства этого станетъ еще на множество человѣческихъ поколѣній. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ поставленъ въ возможность убѣдиться личнымъ опытомъ, что Европѣ недостаетъ органа для пониманія нѣкоторыхъ, чуждыхъ ей, историческихъ традицій, что она неспособна уразумѣть бытъ и вѣрованія, которыя сложились безъ ея помощи и участія. Ковалевскій не только видѣлъ, но ощупывалъ такъ-сказать, раны и увѣчья, нанесенныя разсчетами европейскаго міра тѣмъ бѣднымъ племенамъ, которыя и доселѣ выбиваются изъ силъ для сохраненія какого-либо признака самобытнаго строя жизни и политической независимости. Русскій споръ являлся ему, такимъ образомъ, не въ формѣ болѣе или менѣе *усладительныхъ* теорій (и славяне наши, и западники имѣли таковыя), а въ формѣ исторической драмы, гдѣ одна сторона, съ покойной совѣстью, производила, во имя распространенія своей цивилизаціи, дѣло уничтоженія народныхъ созерцаній, ею непризнаваемыхъ, а другая также спокойно выбирала погибель, какъ средство спастись отъ развитія, по которому не могла идти, вслѣдствіе нравственной невозможности. Когда Ковалевскій, по обыкновенію, принялъ сторону угнетенныхъ, онъ не думалъ отдѣляться отъ европейской цивилизаціи или враждовать съ нею; онъ полагалъ, наоборотъ, что стоитъ твердо на ея почвѣ, помогая всѣмъ благонамѣреннымъ, добросовѣстнымъ ея исповѣдникамъ—вразумить народныя стихіи мало изслѣдованныхъ племенъ, понять ихъ доблестныя стороны, заслуживающія оцѣнку, вникнуть въ ихъ права на поддержаніе и сохраненіе родовыхъ историческихъ именъ, которыя они носятъ съ незапамятнаго времени. Все это принадлежало къ области идей западной цивилизаціи, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ болѣе европеецъ, чѣмъ тѣ за-

взятые европейцы, которыхъ ему случалось умолять — въ былое время—о справедливости къ людямъ, виновнымъ въ желаніи оставаться людьми своего народа. Имя Ковалевскаго пріобрѣло значительную популярность между славянскимъ населеніемъ Европы, такую популярность, что когда онъ призванъ былъ высочайшей волей на постъ директора азіатскаго департамента, весь славянскій міръ, можно сказать, былъ радостно взволнованъ этой вѣстью и принялъ ее, какъ доброе предзнаменованіе для собственнаго своего дѣла. Онъ и не ошибся въ томъ.

По указаніямъ той же руки, которая вывела и Россію на путь обновленія, Ковалевскій успѣлъ посѣять сѣмена уваженія къ русскому имени въ славянскихъ странахъ, не совсѣмъ заглохшія, можетъ быть, и теперь, какъ ни велики и ни удачны были послѣдующія усилія враговъ нашего вліянія на юго-востокѣ Европы къ ихъ уничтоженію. Да и не одно это сдѣлано было Е. П. Ковалевскимъ на новомъ постѣ. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ оффиціальныхъ данныхъ для указанія объема его служебной дѣятельности и принуждены ограничиться немногими фактами, которые открываются въ скудныхъ намекахъ его формуляра или остались въ воспоминаніяхъ его сослуживцевъ. Такъ мы узнали, что основанія айгунскаго трактата съ Китаемъ, опредѣлившія нынѣшнія границы наши съ этой имперіей, подготовлены были имъ заранѣе съ такимъ предвидѣніемъ всѣхъ возраженій и знаніемъ дѣла, что они значительно облегчили и упрочили его заключеніе. Заслуга Ковалевскаго по этимъ важнымъ переговорамъ награждена была въ 1860 году пожалованіемъ 3,000 десятинъ земли въ Самарской губ. Не можемъ не упомянуть также о слухахъ, болѣе чѣмъ правдоподобныхъ, которые связываютъ его имя съ первымъ планомъ исправленія нашей степной азіатской границы. Достовѣрно извѣстно, что замѣчательная экспедиція въ Кашгаръ снаряжена была нашимъ Географическимъ Обществомъ по мысли и плану Ковалевскаго.

Въ теченіи 8-ми лѣтъ Ковалевскій состоялъ въ званіи помощника предсѣдателя этого Общества. Кашгарская экспедиція и собственный богатый запасъ свѣдѣній Ковалевскаго о нашихъ границахъ съ Туркестаномъ приготовили то положеніе, которое мы теперь занимаемъ въ Средней Азіи, и указала роль Россіи въ тѣхъ странахъ.

Въ 1861 году Ковалевскій былъ уволенъ отъ должности директора азіатскаго департамента и назначенъ сенаторомъ, съ оставленіемъ въ званіи члена совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ голосъ его имѣлъ важное значеніе до послѣднихъ дней.

Со всѣмъ тѣмъ политическая карьера его теперь кончилась.

За два года передъ тѣмъ возникло Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ—литературный фондъ. Общество это сдѣлалось любимымъ дѣтищемъ Ковалевскаго съ самаго его основанія. Онъ былъ его душой, представителемъ передъ властію и публикой, совѣтникомъ во всѣхъ фазисахъ его сравнительно недавняго, но уже не безъинтереснаго существованія. Теплое участіе Ковалевскаго въ дѣлахъ Общества было опять выраженіемъ того высокаго значенія, которое онъ признавалъ за людьми науки и искусства въ государствѣ. Создавая, вмѣстѣ съ сочленами своими и вкладчиками фонда, матеріальную точку опоры для нуждающихся литераторовъ—онъ имѣлъ еще въ виду выразить, какъ не разъ говорилъ намъ, глубокую свою признательность за лучшія минуты въ жизни, доставленныя ему русской ученой и художественной литературой, и за тѣ чистыя наслажденія, могъ бы онъ прибавить, которыя онъ самъ испытывалъ, въ качествѣ одного изъ ея дѣятелей.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о личномъ характерѣ Егора Петровича. Это далеко не самая легкая часть нашего очерка, потому что вообще у русскихъ тружениковъ внутренняя ихъ жизнь всегда бережется тщательно отъ всѣхъ глазъ, и открыть ее—дѣло не легкое. Мы и не беремся за подобное разысканіе, а только помѣтимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе выдающихся сторонъ этого характера, которыя обращали на себя невольно вниманіе всякаго, нѣсколько мыслящаго человѣка.

Пылкое сердце, настойчивость и упорство въ принятомъ рѣшеніи составляли несомнѣнную принадлежность характера покойнаго. Они, какъ легко можно убѣдиться изъ всего сказаннаго нами, доставили ему значительное общественное положеніе, но они же и были главными причинами испытанныхъ имъ огорченій и неудачъ въ свѣтѣ и на службѣ. Онъ самъ зналъ и силу, и слабость этихъ свойствъ своей природы и всемѣрно старался ограничить въ себѣ тѣ проявленія ихъ, которыя плохо уживались съ общественными кругами, гдѣ ему приходилось дѣйствовать. Зоркій, быстро соображающій умъ скоро показалъ ему, что въ извѣстныхъ сферахъ слишкомъ яркое выраженіе самой справедливой мысли или слишкомъ энергическое пожеланіе самаго несомнѣннаго добра — способны задержать на-долго ихъ осуществленіе — и потому работа надъ самимъ собой началась у него съ давнихъ поръ. Онъ употреблялъ особенныя усилія для того, чтобъ, по возможности, тушить въ себѣ внутренній огонь, недававшій ему покоя всю жизнь. Плодомъ такого тяжелаго перевоспитанія себя, по нуждамъ времени и обстоя-

тельствъ, была его строгая, отчасти суровая и, повидимому, холодная физіономія, которая все-таки плохо скрывала неугасимый пылъ его души: онъ пробивался наружу въ звукахъ его голоса, въ выраженіи его слова и взглядѣ. Какъ дѣйствовала вся эта борьба на слабый физическій организмъ его — понять не трудно, да она еще, вдобавокъ, не приносила и не могла принесть настоящихъ, желанныхъ результатовъ. Въ сущности, Е. П. Ковалевскій ничего не могъ побѣдить въ себѣ, представляя этой стороной своей жизни нѣкоторое сходство съ аскетами вообще, тѣмъ болѣе страдающими отъ искушеній, чѣмъ сильнѣе отражаютъ ихъ. Какъ только являлся случай, обстоятельство, противорѣчіе, затрогивавшіе непосредственно моральныя основанія его убѣжденій и вѣрованій — страстное одушевленіе овладѣвало всѣмъ его существомъ и уносило туда, гдѣ онъ не ожидалъ очутиться. Болѣющій и разстроенный, онъ возвращался послѣ того опять къ своему тихому, сдержанному и сосредоточенному виду, но впечатлѣніе, произведенное неудержимымъ его порывомъ, часто переживало самый предметъ, который его вызывалъ и рѣдко было благопріятно Ковалевскому. Возмездія, какія затѣмъ придумывались оскорбленными самолюбіями и интересами, уже не удивляли его: онъ ихъ встрѣчалъ спокойно и равнодушно, какъ вещь естественную по себѣ и почти необходимую.

Но усталость отъ этой жизни скрытныхъ волненій, утаенныхъ чувствъ, подавленнаго негодованія и проч. отражалась примѣтнымъ образомъ на его существѣ и особенно въ послѣдніе годы получила видъ и форму чего-то похожаго на органическую, неизлечимую болѣзнь. Къ этой жизненной усталости присоединился еще и другой душевный недугъ, если можно назвать недугомъ высшую степень добросовѣстности и строгихъ отношеній къ самому себѣ. Этотъ человѣкъ, пользовавшійся почетнымъ званіемъ и всеобщимъ уваженіемъ, украшенный высшими русскими орденами и орденами австрійскими, турецкими, персидскими, черногорскими и проч., считалъ всю пройденную имъ жизнь недодѣланной, необрѣтшей своего настоящаго завершенія. Рѣдко кто болѣе и честнѣе его работалъ въ жизни, и рѣдко кто строже и взыскательнѣе относился къ этой работѣ. Онъ доказалъ собой еще разъ ту истину, что въ благородныхъ характерахъ практическое направленіе дѣятельности можетъ существовать рядомъ съ высокими идеалами жизни, съ безукоризненнымъ патріотическимъ честолюбіемъ, превышающимъ многое, чѣмъ другіе люди охотно и вполнѣ удовлетворяются. Несмотря на литературную и служебную свою репутацію, онъ страдалъ мыслію, что не все сказалъ, что́ имѣлъ сказать, и не все сдѣлалъ, что́ могъ бы сдѣлать — имѣя тотъ запасъ средствъ, которымъ надѣлила его природа. Родъ

печальнаго взгляда назадъ, на свою судьбу, на внѣшнія помѣхи и на свое безсиліе передъ ними—вмѣстѣ съ неугасимымъ пыломъ сердца, которое требовало безпрестанной повѣрки—все это заставляло его искать какого-либо механическаго, по волнующаго занятія для усталой своей мысли, съ цѣлью отвлечь ее отъ обыкновенныхъ предметовъ ея томительной работы. Такое занятіе и развлеченіе находилъ онъ въ игрѣ, которой, по временамъ, и предавался со страстью. Но и это средство оказывалось недѣйствительнымъ: мысли оно не успокоивало, а физическій организмъ, потрясенный уже всѣми прежними его трудами и болѣзнями, нажитыми въ дальнихъ вояжахъ—подрывало окончательно. Только въ средѣ сочувственныхъ ему людей, да въ минуты нравственнаго спокойствія, наступавшія для него всякій разъ, какъ подымали передъ нимъ вопросы литературы, науки, русской исторіи и общественныхъ интересовъ—Ковалевскій преображался. Тогда свѣтлое одушевленіе разливалось по его лицу и давало ему чрезвычайно-красивое выраженіе ласки и привѣта; душевная простота, доброжелательство, чувство мѣры и справедливости ко всѣмъ сказывались въ каждомъ словѣ его оригинальной рѣчи, постоянно оттѣняемой признаками глубокой, жизненной опытности и тихими проблесками симпатичнаго юмора, который былъ ему свойственъ. Съ этимъ мягкимъ, добрымъ и мыслящимъ выраженіемъ въ лицѣ онъ слегъ и въ гробъ, словно намѣренно хотѣлъ онъ показаться на смертномъ одрѣ въ своемъ лучшемъ и благороднѣйшемъ видѣ.

PS.—Какъ ни опасно нынѣ противорѣчить газетѣ „Вѣсть“, благодаря ея манерѣ смотрѣть на своихъ возражателей, какъ на ослушниковъ рескрипта 13-го мая и отъявленныхъ демагоговъ, мы принуждены, однакожъ, нарушить молчаніе въ виду тѣхъ необъяснимыхъ нападковъ на политическій и нравственный характеръ Е. П. Ковалевскаго, которыя она себѣ позволила (середа, 14-го декабря). Въ длинной передовой статьѣ, газета объявляетъ почтеннаго нашего оріенталиста и біографа, недавно выдавшаго въ свѣтъ свое добросовѣстное и зрѣло-обдуманное изслѣдованіе эпохи императора Александра I и первыхъ годовъ служебной дѣятельности графа Блудова—опаснымъ человѣкомъ, имѣющимъ въ виду, при составленіи своего историческаго этюда, оскорбить *права крупнаго землевладѣнія*, выказать свое нерасположеніе къ богатымъ и знатнымъ родамъ имперіи, подготовить сліяніе мелкаго дворянства съ массой народа и даже отчасти содѣйствовать розни сословій, противопоставляя ихъ одинъ другому, что́ предвидится и строго наказывается нашимъ уголовнымъ законодательствомъ. Ко всѣмъ этимъ заключе-

ніямъ газета „Вѣсть“ пришла на основаніи двадцати строчекъ, встрѣченныхъ ею въ историческомъ трудѣ г. Ковалевскаго, и которымъ она даетъ значеніе грознаго политическаго событія, но которыхъ не приводитъ вполнѣ, скромно довольствуясь однимъ извращеніемъ ихъ смысла. Что же это за роковыя 20 строчекъ, заставившихъ автора статьи позабыть всякую мѣру и осторожность въ сужденіи, и почти лишившихъ его сознанія того, что онъ дѣлаетъ? Читатель съ трудомъ повѣритъ, что раздраженіе газеты „Вѣсть“ вызвано замѣткой Е. П. Ковалевскаго о принадлежности фамиліи графа Блудова къ тѣмъ скромнымъ дворянамъ и землевладѣльцамъ, которые въ старые годы составляли твердый оплотъ государства противъ олигархическихъ стремленій боярской думы, а въ новое, удаленные отъ двора, соблазновъ честолюбія и тщеславія, жили близко къ народу, знали его нужды и ревностно помогали Государю въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, подчиняясь безропотно всѣмъ жертвамъ и лишеніямъ, хотя послѣднія были для нихъ чувствительнѣе, чѣмъ для богатыхъ и знатныхъ родовъ, населяющихъ наши столицы. Таковы анархическія строки Е. П. Ковалевскаго, имѣющія за себя одно оправданіе—именно, что взглядъ ихъ автора раздѣляется, какъ можно судить по многимъ заявленіямъ, и самимъ правительствомъ.

Ничто, однакоже, не спасло нашего почтеннаго историка отъ павѣтовъ газеты „Вѣсть“, усмотрѣвшей въ замѣткѣ его посягательство на принципъ крупнаго землевладѣнія, на честь, значеніе и призваніе тѣхъ лицъ, которыя въ немъ почерпаютъ исключительно свои политическія и нравственныя убѣжденія. Позабывая о характеристикѣ императора Александра I, сдѣланной историкомъ съ такимъ чувствомъ уваженія и съ такимъ приличіемъ, о портретахъ многихъ лицъ, принадлежавшихъ, конечно, къ знати того времени и нашедшихъ подъ перомъ его образы, исполненные достоинства; позабывая также объ общемъ духѣ книги „Графъ Блудовъ и его время“, отличающейся всего болѣе сдержанностію, спокойнымъ изложеніемъ и стараніемъ отнестись правомѣрно даже къ явленіямъ, которыя не возбуждаютъ сочувствія—статья газеты „Вѣсть“, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, относитъ идеи и побужденія новаго произведенія г. Ковалевскаго къ тому порядку идей и побужденій, которыя заставили въ какомъ-то X—скомъ земскомъ собраніи мелкопомѣстныхъ дворянъ соединиться съ крестьянами, чтобы сообща обрушиться на своего предсѣдателя. Далѣе, кажется, нельзя идти, хотя нѣсколько злобныхъ намековъ на самого покойнаго графа Д. Н. Блудова, обвиняемаго „Вѣстію“ въ равнодушномъ отношеніи, подъ конецъ его жизни, какъ къ аристократической идеѣ, такъ и къ провинці-

альному дворянству, показываютъ, что газета еще далеко не нашла своихъ предѣловъ...

Но что́ же это значитъ въ сущности? Въ сущности это значитъ, что никакой серьёзный трудъ, никакая совѣстливая, многолѣтняя дѣятельность на виду всего общества и никакая вполнѣ безупречная жизнь не могутъ спасти отъ позора доброе имя человѣка, если вздумается партіи, еще величающей себя хранительницей добронадежныхъ началъ, употребить это имя на то, чтобъ изумить смѣлостію и рѣшительностію своего обращенія съ нимъ недоумѣвающую публику, или на то, чтобъ, унижая и оскорбляя его, отвѣчать своимъ врагамъ, ублажать и ласкать своихъ благожелателей и соумышленниковъ.

«Спб. Вѣд.», 1868 г.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

3 vols.

20.00

88-B11296

GETTY RESEARCH INSTITUTE
3 3125 01640 0869

Boch